

Библиотека приключений

ДЕТЕКТИВЫ
ДЕТЕКТИВЫ
**ЯН
ФЛЕМИНГ**

ДЕТЕКТИВНЫЕ
РОМАНЫ

ДЕТЕКТИВЫ
ДЕТЕКТИВЫ

НИМЭУФ НЯ

4

ЯН ФЛЕМИНГ

ТОМ 4

Баку
Концерт «Олимп»
1993

Ответственный за выпуск
Р. Ю. ДАМИРЛИ

Концерн «ОЛИМП» выпускает серии:

«Библиотека приключений» — «БП»
«Волшебная полочка сказок» — «ВПС»
«Super present» — «SP»
«Галактика фантастов» — «ГФ»

*Мы будем счастливы, если книги этих СЕРИЙ
украсят полки вашей библиотеки.*

Ф 4703010100—070 без объявл.
93

ISBN 5-87860-101-X

© Художественное оформление
Концерн «Олимп», 1993

НА ТАЙНОЙ СЛУЖБЕ ЕЕ ВЕЛИЧЕСТВА

МОРСКОЙ ПЕЙЗАЖ С ФИГУРАМИ

Стоял такой теплый сентябрь, что, казалось, лету не будет конца. Руайаль-Лез-О, прогулочная аллея длиною в пять миль, обрамленная подстриженными газонами и украшенная трехцветными клумбами шалфея, бурачка и лобелии, которые располагались на определенном расстоянии друг от друга, была вся расцвечена яркими флажками, и веселые разноцветные тенты стройными рядами спускались вниз к линии прибоя, словно рекламнокоммерческие батальоны, построенные для парада на самом большом из северных пляжей Франции. Звуки музыки — один из тех мелодичных вальсов, исполняемых на аккордеоне, — неслись из громкоговорителей, установленных вокруг закрытого бассейна олимпийских стандартов, и время от времени, перекрывая музыкальные трели, мужской голос объявлял по местному радио о том, что свою маму разыскивает Филипп Бертран, семи лет, что Иоланда Лефевр ожидает своих друзей под часами у входа или что некой мадам Дюфор звонят по телефону. От пляжа, вернее, от трех площадок для игр под названиями «Радости жизни», «Гелио» и «Лазурная», доносились детские голоса, которые то усиливались, то затихали в зависимости от накала страстей, а еще дальше, на затвердевшем песке, оставленном отступившим теперь от берега морем, инструктор по физическому воспитанию подавал команды свистком группе подростков, заканчивавших курс своих ежедневных занятий.

Все это составляло один из тех прекрасных и простеньких морских пейзажей, которыми так славится побережье Бретани и Пикардии, — это они служили объектами вдохновения Будена. Тиссо, Моне, художников, запечатлевших

их, — с тех пор как лет сто назад или поболее того появилось само понятие «пляж» и вошли в моду морские купания.

Джеймсу Бонду, сидевшему в одном из пляжных бетонных закутков, подставив лицо лучам заходящего солнца, во всем этом мерещилось нечто печальное и неуловимо прошедшее. На память приходили яркие картинки детства — ощущение бархатного прикосновения теплого мелкого песка, колющий наждак мокрых песчинок, попавших между пальцами ног, когда пришло время натянуть носки и обуться, кучка редкостных морских ракушек и всякая всячина, выброшенная морем на берег, подобранная им и разложенная на подоконнике в спальне («Нет-нет, милый мой, нам придется все это оставить, ты перепачкаешь весь чемодан!»), крошечные крабики, разбегающиеся в разные стороны от прикосновения беспокойных детских ручонки, нащупывающих морские водоросли в каменистых заводях, и опять море, море, в котором можно плескаться без конца, покачиваясь на танцующих волнах, которые в те времена, казалось, всегда были освещены солнцем, и, наконец, неизбежная, вызывающая раздражение фраза: «Пора выходить из воды». Все это было, было с ним в детстве и теперь проносилось в мыслях, заставляя взглянуть на окружающие предметы по-иному. Как быстро пролетели беззаботные дни, когда он мог играть в песочек! Как далеко он ушел от того веснушчатого мальчишки, обожавшего шоколадные хлопья кондитерской компании «Кадбери» и пенящийся лимонад! Бонд нервно закурил сигарету, расправил согбенные плечи и решительно задвинул непрошенные сентиментальные воспоминания в самый дальний уголок памяти. Он давно стал взрослым, он — человек, обремененный годами неприятного и опасного опыта, он — тайный агент. Он сидит здесь, в этом бетонном укрытии, не для того, чтобы предаваться сентиментальным воспоминаниям о каких-то там малышах-замарашках, копошащихся на пляже, где тут и там валяются крышки от бутылок и палочки от леденцов, а кромка прибоя, лоснящегося от кремов для загара, обезображена еще и стоками реки Руайаль. Он здесь потому, что так нужно, он работает, ведет наблюдение. Он следит за одной особой.

Солнце опускалось все ниже. Уже можно было ощутить прохладное дыхание сентября, которое днем не чувствовалось из-за жары. Группы купающихся спешно покидали пляж, когортами снимались они со своих бивуаков и заливали ступени лестницы, ведущей наверх, к прогулочной аллее, по которой они попадали в город, где кафе уже зажигали свои огни. У плавательного бассейна в громкоговорителе

надоедливо звучала одна и та же фраза, произносимая на французском: «Внимание! Внимание! Через десять минут бассейн закрывается. После 18.00 бассейн не работает». На фоне заходящего солнца две спасательные лодки типа «Бомбар», идущие под флагами, на которых изображен синий крест на желтом поле, быстро уходили в северном направлении — к своей дальней стоянке в верховьях реки, в Старом порту. Последняя из разноцветных, похожих на жирафа «песчаных яхт», подгоняемая ветром, катилась к отдаленной кромке прибоя — к месту стоянки среди песчаных дюн, и три служителя со стоянки машин спешили на своих велосипедах среди редющих рядов автомобилей в сторону полицейского участка в центре города. За считанные минуты огромное песчаное пространство — вода, все еще отступавшая, была уже на расстоянии мили — превратится в царство чаек, которые слетятся сюда стаями, привлеченные остатками пищи, что бросили, уходя, любители пикников. Затем оранжевый шар солнца опустится в море, и пляж на некоторое время станет совсем пустым — лишь под покровом темноты скользнут к морю влюбленные парочки, чтобы безбоязненно предаться любви в укромных уголках между кабинками для переодевания и волнорезом.

На протоптанной в песке тропке, ниже того места, где сидел Джеймс Бонд, две загорелые девушки в чересчур откровенных бикини сложили принадлежности для игры «Джокери», которой они так азартно, вызывающе занимались до этого, и устремились наперегонки к ступенькам, ведущим к укрытию, где находился Бонд. Они порисовались перед ним, выставляя напоказ свои тела, остановились, поболтали немного, чтобы увидеть, как он будет реагировать, и когда устали ждать, то, взявшись за руки, не спеша направились к городу, оставив Бонда в размышлениях о том, почему именно у французских девушек, и ни у каких других, такие выпуклые пупки. Не оттого ли это, что французские хирурги в момент появления девочек-младенцев на свет стремятся внести свою лепту в их будущую сексуальную привлекательность?

И вот уже вдоль пляжа стали ходить спасатели и подавать в свои свистки сигнал-отбой, предупреждая, что они заканчивают работу; музыка, доносившаяся со стороны бассейна, оборвалась на ползвуче, и огромное песчаное пространство вдруг вымерло.

Впрочем, не совсем так! В сотне ярдов в сторону, на купальном халате в черно-белую полоску, лицом вниз, распластав руки, лежала девушка; она устроилась здесь с час назад,

утрамбовав песок, соорудила себе нечто вроде частных владений и затихла на этой площадке совершенно неподвижно как раз между Джеймсом Бондом и заходящим солнцем, которое теперь окрашивало покинутый всеми бассейн и мелкие ручейки в кроваво-красный цвет, делая их похожими, если приглядеться, на ветвистые каракули. Бонд продолжал наблюдать за девушкой — теперь уже в полной тишине и безлюдье — с несколько бóльшим напряжением. Он ждал, когда она сделает что-нибудь, ждал, когда что-нибудь — он не знал что — случится. Вернее было бы сказать, что он караулил ее, — инстинкт подсказывал ему, что девушке угрожает что-то. Или это просто чувство опасности, которая витает в воздухе? Точно сказать он не мог. Уверен был лишь в том, что не должен оставлять ее одну, особенно теперь, когда все ушли.

Джеймс Бонд ошибался. Ушли еще не все. Позади него, у «Кафе-де-ля-пляж», на другой стороне прогулочной аллеи, у отдельного столика подле самого тротуара, сидели двое мужчин в плащах и темных кепках. Перед ними стояли наполовину пустые чашечки с кофе, друг с другом они не разговаривали. Они сидели и следили за размытым силуэтом — голова и плечи, — маячившим на фоне перегородки из матового стекла, которая отгораживала место, где расположился Бонд. Они также вели наблюдение, хотя и не столь пристальное, за белым пятном на песке, там, где в отдалении лежала девушка. Неподвижность этих двух типов и неуместность их гардероба, выбранного не по сезону, произвели бы неприятное впечатление на любого, кто, в свою очередь, стал бы наблюдать за ними со стороны. Но за ними никто не следил, за исключением официанта, который решил, что с этими парнями лучше не связываться, и теперь не чаял, как от них избавиться.

Как только нижний край оранжевого солнца коснулся моря, девушка встрепелась, как по сигналу. Она медленно поднялась на ноги, провела обеими руками по волосам, откидывая их со лба, и целеустремленно, равномерно пошла навстречу солнцу и отдаленной пенящейся кромке воды, находившейся за милю от нее. К тому моменту, когда она могла приблизиться к отступившему морю, спустились бы уже лиловые сумерки; естественно было предположить, что это последний день ее отдыха и, вероятно, последнее купание.

Но Джеймс Бонд думал иначе. Он покинул свое укрытие, сбежал вниз по лестнице к песку и быстро зашагал вслед за ней. Двое в плащах, там, сзади Бонда, за прогулочной

аллеей, казалось, тоже думали иначе. Один из них поспешно бросил на стол несколько монет, оба поднялись и, шагая в ногу, пересекли аллею, направляясь к пляжу, с некоторой поспешной военной четкостью они двинулись параллельно следам, оставленным Бондом.

Теперь необычное расположение фигур на обширном пространстве песка, покрытого полосами кровавого цвета, явно казалось жутковатым. Лучше бы сейчас оказаться подальше от этого места! Что-то скверное и непонятное угадывалось в кавалькаде. Девушка в белом, молодой мужчина с обнаженной головой, двое коренастых, печатающих шаг преследователей — в этом было что-то от страшных историй, рассказываемых на ночь. В кафе официант собрал монеты и посмотрел вслед удаляющимся фигурам, все еще четко очерченным на диске почти скрывавшегося за горизонтом оранжевого солнца. Было похоже, что пахнет угольщиной — или того хуже. Лучше держать язык за зубами, но все-таки запомнить, как все происходило. А вдруг его имя появится в газетах!

Джеймс Бонд быстро догонял девушку. Теперь ему было ясно, что он поравняется с ней у самой кромки воды. Он начал соображать, что скажет ей, как все объяснит. Не мог же он выпалить: «У меня есть предчувствие, что вы собираетесь покончить жизнь самоубийством, вот почему я бросился за вами, хотел остановить». Или: «Я разгуливал по пляжу, и мне показалось, что мы знакомы. Не пойти ли нам куда-нибудь после купания?» — нет, это уж очень наивно. Наконец он решил, что просто скажет: «О, Трейси!» — а потом, когда она обернется: «Я волновался за вас». Это, по крайней мере, прозвучит безобидно и будет соответствовать действительности.

Море отливало сталью на фоне лимонного горизонта. Слабый западный ветер с берега, уносящий нагретый воздух в море, усиливался и увеличивал рябь, которая белыми бурунчиками уходила далеко вперед. Стаи серебристых чаек лениво поднимались в воздух при приближении девушки и тут же снова садились, и воздух был полон их криков и бесконечных ударов небольших волн. Мягкие синие сумерки добавляли меланхоличности безлюдному песчаннику и морю, таким далеким теперь от уютных ярких огней и праздничной суеты Королевы Опалового Берега, как блестяще окрестили аллею Руайаль-Лез-О. Бонду очень хотелось вернуть девушку к этим ярким огням. Он следил за стройной золотистой фигурой в белом купальнике и размышлял о том, когда же она сможет слышать его голос за шумом чаек

и моря. Она чуть замедлила шаг по мере приближения к кромке воды, голова ее с ниспадающими на плечи роскошными светлыми волосами была слегка опущена, возможно в задумчивости или от усталости.

Бонд ускорил движение и оказался шагах в десяти от нее.

— Добрый вечер, Трейси.

Девушка не вздрогнула и не оглянулась. Она словно споткнулась и остановилась, а потом, когда небольшая волна запенилась и замерла у ее ног, медленно повернулась навстречу Бонду. Ее глаза, затуманенные слезами, смотрели мимо него. Потом она взглянула ему в лицо и вяло спросила:

— В чем дело? Чего вы хотите?

— Я волновался за вас. Что вы здесь делаете? Что случилось?

Девушка опять посмотрела на него. Она вскинула сжатую в кулачок руку ко рту. Она что-то сказала, но Бонд не мог разобрать что. А потом за спиной Бонда раздался мягкий вкрадчивый голос:

— Не двигаться, если жизнь дорога.

Бонд резко обернулся, пригнувшись, рука уже потянулась к оружию, спрятанному под пиджаком. Два дула автоматических пистолетов, как два неподвижных серебристых глаза, насмешливо уставились на него.

Бонд медленно выпрямился. Он опустил руки по швам и с тихим свистом выпустил сквозь зубы задержанное дыхание. Два каменных, как у истуканов, лица профессионалов сказали ему даже больше, чем два серебристых глаза пистолетов. На этих лицах нельзя было прочесть ни напряжения, ни волнения. Слабые полуулыбки выражали спокойствие и удовлетворение. В глазах не было и тени настороженности — скорее равнодушие. Бонд смотрел в такие глаза множество раз. Здесь не было ничего нового. Эти люди — убийцы, профессиональные убийцы.

Бонд не имел ни малейшего представления, кем могли быть эти люди, на кого они работали и что все это значило. В теории выходило, что его тревога — лишь предчувствие еще большей беды; он сознательно расслабил мышцы и выбросил все вопросы из головы. Он стоял и ждал.

— Руки за голову. — Вкрадчивый настойчивый голос выдавал уроженца юга, человека с берегов Средиземного моря. Голос соответствовал внешности мужчин — грубая пористая кожа, желто-коричневые лица. Возможно, они родом из Марселя или итальянцы. Мафия? Лица эти могли принадлежать добропорядочным тайным агентам или зако-

ренелым преступникам. Мозг Бонда заработал словно компьютер фирмы «Ай-Би-Эм», отыскивающий нужную информацию. На территорию какого противника он вторгся? Может быть, это Блофелд? Не превратился ли он из охотника в добычу?

Когда шансов нет, когда не находишь выхода, надо обязательно успокоиться, показать свое превосходство или, по крайней мере, безразличие. Бонд улыбнулся прямо в лицо говорившего с ним мужчины:

— Вот бы мать твоя обрадовалась, узнав, как сыночек проводит сегодняшний вечерок. Ведь ты католик? Ну что ж, я сделаю так, как ты просишь. — Мужчина сверкнул глазами. Попал! Бонд заложил руки за голову.

Один из них отошел в сторону, так чтобы расширить сектор обстрела, а его сообщник вынул из мягкой кожаной кобуры на брючном ремне Бонда его «Вальтер ППК» и со знанием дела обыскал Бонда сверху донизу — сначала по бокам, потом руки от плеч до запястьев и ноги от паха вниз изнутри. Затем «второй номер» отошел назад, положил «Вальтер» в карман и достал свое оружие.

Бонд бросил взгляд через плечо. Девушка не произнесла ни слова, не выразила ни удивления, ни тревоги. Теперь она стояла спиной к ним, глядя в море, явно расслабившись, как будто происходящее совершенно ее не касалось. Что же это происходит? Уж не использовали ли ее в качестве приманки? Но для кого? И что теперь делать? Неужели его убьют здесь и тело выбросит на берег прибором? Пожалуй, иного не дано. Даже если какая-либо сделка возможна, не могут же они вчетвером просто пройти назад по песку всю эту милю, вернуться в город и пожелать друг другу счастливого пути на ступенях, ведущих к аллее. Нет, это конец. Впрочем, так ли? С севера сквозь темно-синие сумерки послышался захлебывающийся от скорости дребезжащий звук лодочного двигателя, и Бонд увидел сначала бурун у носа судна, а потом и нечеткие еще очертания одной из спасательных лодок типа «Бомбар», надувной резиновой плоскодонки с единственным двигателем «Джонсон» на корме. Их таки заметили! Может быть, заметила береговая охрана? О, вот оно, спасение! Ну уж он покажет этим головорезам, дайте только добраться до полицейского участка в Старом порту! Как же, однако, объяснить историю с девушкой?

Бонд взглянул на мужчин. И сразу же почувствовал что-то неладное. Они закатали брюки до колен и спокойно ждали, держа ботинки в одной руке, а оружие в другой. На чудесное избавление рассчитывать не приходилось. Это

продолжение той же серии. Ну и ладно. Не обращая внимания на тех двоих, Бонд наклонился, закатал брюки так же, как они, и, пока возился с носками и ботинками, зажал в руке один из ножей, спрятанных в каблуке, потом, повернувшись вполоборота в сторону лодки, которая уже достигла мели, переложил его в правый карман брюк.

Не было произнесено ни слова. Девушка первой забралась в лодку, за ней Бонд, затем последовали те двое, они же помогли завести мотор на корме. Рулевой, ничем не отличавшийся от простого французского рыбака, промышляющего в глубоких водах, развернул тупой нос «Бомбары», дал полный вперед, и они поплыли в северном направлении по ударяющим в корму волнам: золотистые волосы девушки развевались за ее спиной и нежно касались щеки Джеймса Бонда.

— Трейси, вы можете простудиться. Вот, накиньте мой пиджак. Она протянула руку, помогая ему накинуть пиджак ей на плечи. В этот момент руки их соприкоснулись, она пожала его ладонь. Что за черт? Бонд придвинулся ближе и почувствовал ее ответное движение. Он бросил взгляд на тех двоих. Они сидели, сгорбившись на ветру, держа руки в карманах, настороженные, но как бы безразличные. Быстро таяла позади, пока не превратилась в золотистое свечение на горизонте, цепочка огней — это был Руайаль. Правой рукой Бонд нащупал в кармане нож, наличие которого несколько успокаивало, и осторожно провел большим пальцем по лезвию, острому как бритва.

Пока он раздумывал о том, как и когда сможет использовать это оружие, подсознательно проигрывал в памяти все, что случилось с ним за прошедшие сутки, стараясь понять, что бы все это могло значить.

2

ТУРИЗМ ПО БОЛЬШОМУ СЧЕТУ

Почти ровно сутки назад Джеймс Бонд осторожно вел свою машину, старенький «Континентл Бентли» — шасси типа «Р» с мощным шестицилиндровым двигателем и задними ведущими, коэффициент полезного действия 13:40, — на котором он ездил уже три года; он вел машину по скоростной, но однообразной трассе № 1, соединяющей Аббевилль с Монтрё, по пути, которым туристы из Англии возвращаются домой — самолетом компании «Силвер сити Эруэйз» из Ле-Туке или паромом из Болоньи или Кале.

Он ехал быстро, но с безопасной скоростью, делая 80—90 миль в час, бросив педаль газа и поставив автомат, который встроен во все машины класса «ралли», и мысли его были целиком заняты составлением письма о добровольной отставке, об уходе из Секретной службы.

Письмо, адресованное «лично М.», выглядело уже примерно так: «Сэр, имею честь просить Вас принять мою немедленную отставку из Секретной службы.

Причиной подачи данного прошения, которое я вручаю Вам с большим сожалением, является следующее:

(1) Мои обязанности в Службе до прошлого года были связаны с деятельностью отдела 00, и Вы, сэр, были настолько любезны, что время от времени выражали свое удовлетворение моей работой, от которой и я получал большое удовольствие. Однако, к моему большому огорчению (Бонду очень понравилось это слово — «огорчение»), после успешного завершения операции «Гром» от Вас лично я получил инструкции сосредоточить свои усилия, без указания даты исполнения (еще одна великолепная фраза!), на поисках Эрнста Ставро Блофелда и его задержании вместе с любыми другими членами организации СПЕКТР — Специального исполнительного комитета по контрразведке, терроризму, ответным действиям и принуждению, если эта организация была создана вновь после ее разгрома при завершении операции «Гром».

(2) Я неохотно принял, как вы, наверное, помните, это новое назначение. Мне казалось, и я тогда же об этом заявил, что подобная чисто следовательская работа может быть с равным успехом выполнена при помощи обычных полицейских методов другими отделами Службы — местными резидентами, союзническими зарубежными секретными службами и Интерполом. Мои возражения были отклонены, и почти год я вынужден был заниматься в разных точках земного шара обычной детективной работой, которая заключалась в проверке любых незначительных слухов, любых возможных версий и ни к чему не привела. Я не обнаружил никаких следов этого человека или возрожденного СПЕКТРа, если он вообще существует.

(3) Мои многочисленные просьбы освободить меня от этой утомительной и бесплодной работы, даже когда я обращался к Вам лично, были либо проигнорированы, либо, иногда, даже не выслушаны, мои частые уведомления, выдержанные в критическом духе (тоже неплохое выражение), о том, что Блофелд мертв, расценивались, мягко говоря, недостаточно вежливо. (Ловко! Может, даже слишком ловко!)

(4) Упомянутые выше благоприятные обстоятельства достигли своего апогея, когда я выполнял секретное задание (см. Дело R'S PX 437/007) в Палермо, охотясь за неким невероятно вероломным зайчиком. Животное это приняло облик некоего Блоэнфелдера, весьма респектабельного немца, занимающегося виноградарством — в частности прививками мозельского и сицилийского сортов, дабы увеличить содержание сахара в последнем, который, между прочим, да будет Вам известно (здесь, пожалуй, без соответствующей редакции не обойтись!), может прокисать. Расследование деятельности указанного субъекта обратило на меня внимание мафии, и миссия моя на Сицилии закончилась, мягко выражаясь, бесславно.

(5) Сэр, обращая Ваше внимание на вышеизложенное и в особенности на факт продолжительного использования моих возможностей не по назначению — пусть возможности эти скромны, хотя прежде они позволяли выполнять трудные, а для меня и более интересные задания, связанные с деятельностью отдела 00, я нижайше прошу принять мою отставку.

Примите уверения в моем почтении,
007».

Конечно, размышлял Бонд, пока плавно вписывал длинные корпус своей машины в крутой поворот, ему придется переписать большую часть письма. Некоторые места слишком напыщенны, в двух-трех предложениях надо будет избавиться от сарказма и несколько смягчить тон. Но это было главное из того, что он продиктует своей секретарше, когда послезавтра вернется в офис. А если она разревется, ну и черт с ней! Он так хотел. Ей-богу, хотел. Он был сыт по горло погоней за тенью Блофелда, и уже в зубах у него навяз этот СПЕКТР. Организация была разгромлена, и даже человек такого ума, как Блофелд, если, конечно, предположить невозможное и считать, что он жив, никогда не сможет возродить дело, поставив опять на колеса машину такого класса.

Произошло это как раз на том участке дороги длиною в десять миль, что проходит через лес. Усиленно сигналив, так что могли лопнуть барабанные перепонки, мимо него промчалась низкая двухместная белого цвета «Ланция фламминия загато спайдер» с опущенным верхом. «Ланция», резко подрезав его, проскочила у самого капота и исчезла на бешеной скорости; призывный звук ее двойной выхлопной трубы эхом откликнулся среди деревьев. За рулем сидела девушка в ярко-малиновом шарфике на голове,

шарфик развевался на ветру, стелился изящной красноватой змейкой.

Если и было что-то в жизни Бонда, что могло вывести его из равновесия, не считая «забав» с применением оружия, так это ситуация, когда тебя на большой скорости обгоняет хорошенькая девчушка, а по опыту он знал, что девчушки, носящиеся с такой скоростью, всегда чертовски милы — мимо не пройдешь. Стремительный ураган, только что унесшийся прочь, отключил мозг, сразу вышиб все мысли, заставил перейти на ручное управление. Растянув губы в улыбке, он до конца прижал к полу педаль газа, заложил крутой вираж и помчался вслед за ней.

На спидометре 100, 110, 115, а он все еще не поравнялся с ней. Бонд нажал красную кнопку на приборной доске. Раздался тонкий пронзительный звук двигателя, больно резанувший слух, и «Бентли» рванулся вперед. 120, 125! Теперь он нагонял ее. 50 ярдов, 40, 30! Он уже видел в зеркале заднего обзора ее глаза. Но хорошая дорога кончалась. Одно из тех предупреждений, которыми французы обозначают опасный участок, промелькнуло справа от него. Впереди, за подъемом, виднелся шпиль церкви, группа домов какой-то деревушки, расположившейся у подножия крутого холма, мелькнул еще один знак, предостерегающий о целой серии поворотов. Обе машины сбавили скорость — 90, 80, 70. Бонд видел, как вспыхивали задние габаритные огни ее машины, как правая рука переключала рычаг передач; сам он почти одновременно делал то же самое. Затем оба они оказались на резком вираже на булыжной мостовой, и ему пришлось притормозить; с завистью следил он за тем, как дионовский ведущий мост ее машины мгновенно адаптировал задние колеса к езде по неровной дороге, в то время как его примитивная механика позволяла чувствовать каждый ухаб и вырывала руль из рук. И вот уже деревья остались позади, идущая впереди машина, вильнув хвостом, вышла из поворота и понеслась по прямой дороге, как будто за ней черти гнались, — он отстал ярдов на 50.

Гонка продолжалась в том же духе: то Бонд догонял ее по прямой, то отставал ровно на столько же, когда они проезжали через деревни и знаменитая конструкция «Ланции» помогала ей держать дорогу; машину, надо признать, она вела великолепно и бесстрашно. Наконец показался большой дорожный знак с рекламой компании «Мишelin»: до Монтрё — 5 миль, Руайаль-Лез-О — 10, Ле-Туке-Пари-пляж — 15. Он гадал, куда же она направляется, и уже думал о том, не следует ли ему выкинуть из головы Руайаль

и тот вечер, который он собирался провести в тамошнем известном казино, не лучше ли последовать за ней, куда бы она ни свернула, и выяснить, кем же является этот дьявол во плоти.

Однако принять какое-либо решение он так и не успел. Монтрё — город опасный, с кривыми улочками, вымощенными булыжником, интенсивным потоком местных подвижных средств. При въезде в город Бонд был на расстоянии все тех же 50 ярдов от ее машины, но на его большом автомобиле было слишком рискованно лавировать так, как она, и к тому времени, как город остался позади и Бонд выехал на развилку над трассой Этабль — Париж, она уже исчезла. Вот и левый поворот на Руайаль. Вроде бы можно различить на повороте облачко пыли, или ему показалось? Бонд повернул — что-то подсказывало ему, что он увидит ее опять. Наклонившись вперед, он вновь нажал на красную кнопку — надрывный звук двигателя замер, в машине стало почти тихо, теперь он ехал ровно, расслабившись. Не загнал ли он двигатель? Несмотря на предупреждение представителя компании «Роллс-ройс», выдержанное в торжественных выражениях, он установил в машине — вернее, это сделал его любимый механик на автобазе штаб-квартиры Службы — нагнетатель Арно, который был связан с магнитным сцеплением. На «Роллс-ройсе» сказали, что подшипники коленчатого вала не выдержат перегрузок, и, когда он сообразил в уже совершенном проступке, они с сожалением, но весьма решительно лишили его гарантийных прав, отказавшись от своего незаконнорожденного дитя. Сейчас впервые он попробовал ехать со скоростью 125 миль в час, и стрелка тахометра колебалась в красной зоне на отметке 4500, что было очень рискованно. Но температура и масло были в норме, и никаких вроде посторонних шумов, предупреждающих о поломке. Черт возьми, разве он не получил удовольствие, прокатившись с ветерком!

Джеймс Бонд не спеша ехал через живописный пригород Руайаля, мимо молодых буков и пахучих сосен, предвкушая приятный вечер и предаваясь воспоминаниям о других своих визитах сюда, особенно ему запомнились сражения за зеленым сукном с Ле Шифром — как давно это было. Он много пережил с тех пор, не раз смотрел смерти в глаза, любил разных женщин, но именно поездки в это местечко были всегда полны драматизма и остроты, именно сюда, в Руайаль, влекло его каждый год, сюда — в казино и к крошечному церковному дворику с небольшим гранитным

крестом, на котором было начертано — просто и без затей — «Уэспер Линд. Спи спокойно».

Ну а что теперь припасено для него в этом местечке в такой прекрасный сентябрьский вечер? Большой выигрыш? Крупный проигрыш? Какая-нибудь красотка? Может быть — та самая симпатичная девчушка?

Но сперва — игра. Был последний уик-энд перед закрытием сезона. Именно сегодня, в эту субботу, в казино «Руайаль» состоится прощальный вечер. Это всегда событие, туристы приедут даже из Бельгии и Голландии, не говоря о состоятельных постоянных клиентах из Парижа и Лилля. Кроме того, Объединение по обслуживанию туристов морского курорта Руайаль по традиции приглашает всех своих подрядчиков и поставщиков — бесплатное шампанское рекой и разнообразный обильный буфет: необходимо вознаградить жителей города за напряженный труд во время туристского сезона. Это грандиозная попойка, которая никогда не заканчивается раньше утра следующего дня. Столы будут ломиться от яств, а игра пойдет по-крупному.

У Бонда были кое-какие наличные деньги — 1 миллион франков, старых франков конечно, то есть что-то около 700 фунтов стерлингов. Он всегда считал свои деньги в старых франках. Так он лучше ощущал весомость имеющегося капитала. С другой стороны, все расходы по службе он подсчитывал в новых франках, потому что тогда они не казались такими большими, хотя вряд ли это его мнение разделял главный бухгалтер в штаб-квартире. Миллион франков! Сегодня вечером он — миллионер. Остаться бы им до завтрашнего утра!

Вот он уже въезжает на Променад-дез-Англе, а вот и внушительный фасад отеля «Спленид», выдержанный в имперском стиле. И здесь — какая удача — на дорожке, изгибающейся дугой, прямо у лестницы стояла маленькая белая «Ланция», и как раз в этот момент носильщик в полосатом жилете и зеленом фартуке нес ко входу в гостиницу два чемодана фирмы «Виттон».

Вот так так!

Джеймс Бонд втиснул свой автомобиль среди других роскошных — на миллион фунтов с лишним — машин на стоянке, сказал тому же носильщику, который теперь вытаскивал из «Ланции» мелкую, но шикарную кладь, чтобы захватил наверх и его вещи, а сам направился к столу регистрации. Увидев Бонда, администратор поспешно оттолкнул клерка и приветствовал постоянного клиента широкой улыбкой, обнаружившей все его золотые коронки; адми-

нистратор уже сообразил, что, оперативно доложив о прибытии Бонда, можно удостоиться похвалы начальника полиции, служебное рвение которого, в свою очередь, отметят, как только он сделает соответствующее сообщение по телетайпу в Париж, во Второе управление и Службу безопасности.

— Кстати, мсье Морис — спросил Бонд, — а кто эта дама, которая только что приехала вон в той белой «Ланции»? Она у вас остановилась?

— Да, конечно, командер. — Бонд увидел еще одну приветливую улыбку, добавившую два новых золотых зуба ко всем прочим. — Эту даму здесь хорошо знают. Ее отец — крупный промышленник с юга. Это графиня Тереза ди Вичензо. Мсье, должно быть, читал о ней в газетах. Графиня — настоящая светская дама, она, как бы это выразиться, — улыбка его стала выражать тайну, понятную только мужчинам, — леди, скажем так, вкушающая все радости жизни.

— Ах так! Благодарю вас. Как прошел сезон?

Малозначительный вежливый разговор продолжался все время, пока администратор лично провожал Бонда до лифта, он поднялся вместе с ним, довел до отведенного номера, выдержанного в серо-белых тонах эпохи Директории, с кроватью под покрывалом темно-розового цвета, которую Бонд так хорошо помнил. Напоследок они еще раз обменялись любезностями, и администратор оставил Бонда одного.

Бонд был слегка раздосадован. Пожалуй, ее титул слишком высок для него, и вообще ему не нравились женщины из разряда, скажем, кинозвезд, потому что они, как ни крути, были все-таки достоянием массовой публики. Ему же по душе женщины, ничем не выдающиеся, женщины, которых он находил сам и которые принадлежали только ему. Возможно, в этом был такой-то внутренний снобизм. А может быть, что того хуже, он считал так потому, что знаменитости всегда менее доступны.

Внесли два его потрепанных чемодана, и он не спеша распаковал их, затем заказал в номер бутылку белого вина «Тейттингер», которое обычно пил, когда бывал в Руайале. Когда принесли бутылку в серебряном ведерке со льдом, он сразу выпил четверть ее содержимого, а потом отправился в ванную и принял холодный душ, вымыв голову «Эликсиром Пино», наилучшим из всех шампуней, — долой дорожную пыль. Затем он надел летние темно-синие брюки из тонкой шерсти, белую легкую рубашку из хлопчатобумаж-

ной ткани, носки и черные повседневные туфли без шнурков (к шнуркам он питал отвращение), сел у окна, посмотрел на аллею, ведущую к морю, и задумался, где бы ему сегодня поужинать.

Джеймс Бонд не был гурманом. В Англии он питался жареной камбалой, вареными яйцами и холодным ростбифом с картофельным салатом. Но когда оказывался за рубежом, как правило в одиночестве, каждая трапеза становилась приятным событием, которого он с нетерпением ждал, которое призвано было снять напряжение после гонки на автомобиле, когда приходилось то самому идти на риск, то избегать опасности, проскакивая иногда на волосок от гибели, и при этом еще постоянно занимать свои мысли тем, а выдержит ли такие перегрузки его машиненка. На этот раз, однако, совершив длительный вояж от итальянской границы, которую он пересек в местечке Вентимилья, и потратив на дорогу три дня, не ущемляя собственного комфорта (с какой, в самом деле, стати нестись ему сломя голову в штаб-квартиру!), он был уже пресыщен всеми этими приманками для новичков-туристов, любящих поесть. Роскошные рестораны, старые трактиры, живописные забегаловки — с него достаточно. Он знает цену их кухне и винным погребокам. Он отведал все, на что способны шеф-повары, откушал их фирменные блюда, как правило, подаваемые под чересчур густым соусом из сливок и вина, плюс несколько грибков, дабы скрыть отнюдь не отменное качество мяса или рыбы. У Бонда был особый ритуал смакования — вкушения вина и еды, — хотя при этом ему и приходилось поглощать в огромном количестве бизодол, способствующий надлежащей работе пищеварительного тракта.

Местное французское чревоугодие отразилось на нем самым неблагоприятным образом прошлым вечером. Желая избежать остановки в Орлане, он выбрал тихое местечко к югу от этого негостеприимного города, где нашел небольшую гостиницу, стилизованную под бретонский постоялый двор и располагавшуюся на южном берегу Лауры. Несмотря на то что гостиница утопала в цветах, выставленных на подоконниках, и вся была выложена бутафорскими бревнами, не обращая внимания на фарфорового котика, охотившегося за фарфоровой птичкой на остроконечной крыше, Бонд остановился здесь просто потому, что трактир находился прямо на берегу Лауры, возможно, самой любимой им реки в мире. Он стоически старался не замечать висящих по стенам кованых медных сковородок, разных латунных кухонных принадлежностей и другой древней атрибутики,

заполнявшей весь вестибюль; он оставил вещи в номере и с удовольствием отправился на прогулку вдоль берега плавно текущей реки, над которой носились ласточки. Вид столовой, где он оказался вместе с горсткой туристов, вызывал тревогу. Над электрическими поленьями и с блеском начищенным каминным прибором висел щит с гербом из пластика, на котором было начертано нечто ужасное: «Ледяная сладкая Франция». На всех тарелках кошмарного местного производства красовалась рифмованная фраза, смысл которой было нелегко уловить: «Не где-то там и вообще, а именно здесь и в вине». Угрюмый (так как подошел уже конец сезона) официант подал ему крошечный кусочек домашнего паштета (и тут же был отослан за другим кусочком) и пулярку под кремом, которая, должно быть, была древней всего другого антиквариата в этом месте. Бонд проглотил эту безвкусную еду без всякого аппетита, запил ее бутылкой все растворяющего «Пуйи-Фьюиссе» и на следующее утро долго возмущался, увидев счет за ужин, который обошелся ему больше пяти фунтов стерлингов.

Дабы избавиться от неприятных воспоминаний, связанных с расстройством желудка, Бонд и сидел теперь у окна, потягивая свой «Тейттингер» и взвешивая все за и против относительно местных ресторанов, размышляя над тем, какие блюда стоит рискнуть попробовать. Наконец он остановил свой выбор на ресторане, лучше которого, по его мнению, не было во всей Франции, — это скромное заведение располагалось в неказистом месте, прямо напротив железнодорожного вокзала в Этапле. Бонд позвонил своему старому знакомому мсье Беко и заказал столик. Через два часа он уже возвращался назад в казино, переваривая вареную рыбу тюрбо под соусом со взбитыми сливками и половинную порцию прекрасно зажаренной куропатки — лучше этого он ничего не едал.

Воодушевленный и подогретый полубутылкой «Мутон Ротшильда» разлива 1953 года и стаканчиком «Кальвадоса» десятилетней выдержки, пропущенного вместе с тремя чашечками кофе, он бодро поднимался по людной лестнице казино и был совершенно уверен, что предстоит ночь, которую он запомнит надолго.

ПОЗОРНЫЙ ГАМБИТ

(Наконец лодка обогнула буй, сигнал которого звучал вполне меланхолично и, тарахтя, стала медленно подниматься вверх по речке Руайаль, идя против течения. На правом берегу показались веселые огоньки эспланады со специально оборудованными причалами — рай для яхтсменов, любителей пересекать Ла-Манш. У Бонда мелькнула мысль дожидаться того момента, когда они поднимутся чуть выше по реке, а потом полоснуть ножом по бортам и днищу резиновой лодки да пуститься вплавь. Но в ушах его уже стоял грохот выстрелов, свист пуль и всплески от них вокруг его головы, он будет все это слышать до тех, вероятно, пор, пока ярко не взорвется свет, и с последней вспышкой сознания он поймет, что наконец-то получил одну из пуль. А как же девушка, хорошо ли она плавает, сможет ли достичь берега при таком сильном течении? Бонд сильно замерз. Он теснее прижался к ней и вернулся к воспоминаниям о прошлом вечере, пытаясь найти в них ключ к разгадке.)

Пройдя по длинному вестибюлю мимо витрин «Ван Клифа», «Ланвина», «Гермеса» и тому подобных фирменных магазинчиков, сделав короткую остановку у длинной стойки с рядами картотечных ящичков, уплатив за входной билет, дающий право на игру, благополучно миновав цепкий оценивающий взгляд специально нанятого физиономиста, стоявшего у входа в зал, получив у тех же дверей поклон от разодетого привратника, Джеймс Бонд оказался в чреве великолепной, благоухающей игорной машины.

На секунду он задержался у кассы, ноздри его трепетали, впитывая запахи толпы, этого назлектризованного и элегантного собрания; помедлив еще немного, он не спеша пересек зал и подошел к крайнему столу, за которым играли в железку, — рядом был вход в роскошно отделанный бар; здесь он обратил на себя внимание мсье Поля, главного распорядителя этой в высшей степени стоящей игры. Мсье Поль кивнул служителю — Бонда проводили к месту под номером семь, зарезервированному для него. Служитель быстро прошелся щеткой по зеленому сукну с внешней стороны линии, отделяющей зону игрока, находящегося за столом, — это та самая знаменитая черта, которая послужила причиной раздора в Трэнби Крофт, когда в дело оказался замешан король Эдуард VII, — протер пепельницу и выдвинул кресло для Бонда. Бонд сел. Футляр с картами находился

на другом конце стола, у места под номером три. Бодрый, спокойный, Бонд всматривался в лица других игроков, пока еще один служитель разменивал его стотысячный жетон на десять кроваво-красных фишек стоимостью десять тысяч каждая. Бонд сложил их перед собой в аккуратную стопку и стал наблюдать за игрой, минимальная ставка в которой, как он заметил на табличке, укрепленной между висящими над столом лампами с зелеными абажурами, равнялась ста новым франкам, или десяти тысячам старых. Он принял, однако, во внимание, что каждый банкующий открывал игру, ставя на кон пятьсот новых франков — солидная сумма — порядка сорока фунтов для начала.

Состав игроков представлял из себя обычную интернациональную смесь — три текстильных магната из Лилля в смокингах с большими плечами; парочка полных дам в бриллиантах — вероятно, они прибыли из Бельгии; крошечная англичанка, чем-то похожая на Агату Кристи, она играла аккуратно и не без успеха, наверное, владелица какой-нибудь виллы; два американца средних лет в темных костюмах, они вели себя оживленно и были слегка выпивши, должно быть, приехали из Парижа; и — Бонд. Зеваки и случайные понтеры окружали стол двумя рядами. Девушки не было!

Игра протекала спокойно. Футляр с картами медленно перемещался по столу, каждый банкующий по очереди проигрывал на третий раз — есть нечто фатальное в этой цифре: это своего рода звуковой барьер при игре в железку, стоит его только преодолеть — и дальше все пойдет как по маслу. Каждый раз, когда наступала очередь Бонда, ему хотелось смириться с тем, что удалось выиграть и передать банк, не начиная третью игру. И каждый раз в течение почти часа он упрямо повторял себе, что комбинация карт вот-вот изменится, а если так — почему бы именно в его банк не случиться такому? Ведь карты не имеют памяти и в какой-то момент должны разложиться надлежащим образом. И каждый раз, так же, как и другие игроки, он брал третью карту. Футляр опустел. Бонд, оставив фишки на столе, пошел посмотреть на игру остальных, он постоял у рулетки, взглянул, как играют в «30—40», поинтересовался тем, что творится там, где в разгаре баккара, — он надеялся увидеть ту девушку. Когда она обходила его автомобиль на своей «Ланции» в тот вечер, он успел заметить лишь ее светлые волосы и правильные, довольно решительные черты лица. Однако уверен был, что сразу же узнает ее — интуитивно — при помощи той ниточки животного магнетизма, которая связала их во время гонки по дороге. Но ее нигде не было.

Бонд вернулся к столу. Крупье складывал шесть колод в продолговатый блок, который вскоре должен был занять свое место в ожидающем карты футляре. Так как Бонд находился рядом, крупье предложил ему нейтральную красную карту с чистой рубашкой, которой нужно было прорезать блок. Бонд зажал карту между пальцами и с нарочитой медлительностью прорезал ею сложенные вместе колоды, как ему показалось, чуть ли не посередине. Крупье улыбнулся при виде его движений и этой медлительности, с ловкостью фокусника перетасовал карты таким образом, что красная сигнальная карта, возвещающая об окончании игры, должна была бы появиться в прорези футляра тогда, когда в нем оставалось ну никак не больше семи карт; затем он поместил длинный блок колод в футляр, прижал их металлическим держателем и объявил громко и четко: «Мсье (слово «мадам» по традиции не произносится, так как со времен королевы Виктории повелось считать, что дамы в азартные игры не играют), игра сделана. Банкует номер шестой». Главный распорядитель, восседавший на возвышении позади крупье, принял это заявление к сведению, служители пригласили отошедших от стола игроков вернуться на свои места, и игра продолжалась.

Джеймс Бонд уверенно выиграл у магната из Лилля, сидевшего справа от него, он добавил в банк несколько мелких фишек, удвоив его до двух тысяч новых франков — двух тысяч старых.

Бонд выиграл первую партию, а также следующую. Ну — теперь одолеть третьего игрока и пуститься во все тяжкие. Он выиграл девяткой, как будто иначе и быть не могло! В банке (как полагал Бонд) лежало восемьсот тысяч франков! И снова он выиграл, но на этот раз не так легко: против пятерки партнера у него оказалась шестерка. Тут он решил проявить осторожность и отложить определенную сумму. Он попросил, чтобы шестьсот тысяч из миллиона шестисот в банке «поставили на прикол», вывели из игры, теперь он мог проиграть только оставшийся миллион. Но он снова выиграл. На сей раз он «поставил на прикол» целый миллион. А в банке вновь остался прежний миллион — ему в любом случае перепал солидный куш в миллион шестисот тысяч франков. Теперь, однако, у него появились трудности с крупными ставками. Сидящие за столом стали осторожничать с этим смуглым англичанином, который играл так спокойно, их насторожила его уверенная усмешка, появившаяся на жестко очерченных губах. Кто он? Откуда явился? Чем занимается? Сидящие за столом строили до-

гадки, возбужденно перешептывались. Он прошел уже шесть кругов. Может, он, наконец, решит сохранить то, что попало в его карман, и передаст банк дальше? Или будет продолжать метать? Ведь карта изменчива! Но Джеймс Бонд уже все для себя решил. Карты не помнят поражений. Так, значит, они не помнят и побед. Он прошел еще три круга, каждый раз «ставя на прикол» по миллиону, и вдруг та самая крошечная старушка-англичанка, которая пропустила несколько игр, предоставляя право проигрывать другим, на десятом круге вступила в игру; Бонд улыбнулся ей через стол, зная, что она выиграет. Так и произошло, она нанесла ему позорное поражение: против ее единицы у Бонда оказался «буш» — три короля, что в сумме равнялось нулю.

Вокруг стола пронесся вздох облегчения. Колдовство кончилось! Послышался завистливый шепот, когда крупье через весь стол подвинул к Бонду своей плоской лопаточкой перламутровые фишки, возвышавшиеся стопкой высотой почти в фут, — четыре миллиона шестьсот тысяч франков, добрых три тысячи фунтов стерлингов. Бонд бросил одну фишку в сто новых франков крупье и услышал в ответ традиционное «Мерси, мсье! Это для обслуживающего персонала». И игра пошла своим чередом.

Джейм Бонд закурил сигарету и почти перестал следить за тем, как футляр с картами передвигается от него по столу. Он выиграл кучу денег, черт побери! Целую кучу денег! Теперь следует проявить осторожность. Надо поприжать денежки. Впрочем, чрезмерная осторожность может повредить, совсем зажиматься не стоит. Вечер выдался на славу. Стрелки часов едва перевалили за полночь, и ему еще не хотелось уходить. Будь что будет! Он опять станет банковать, когда подойдет его очередь, но не сделает ни одной ставки против кого-либо другого. Карта пошла опасная. Его последняя партия показала это. Теперь банк держат партнеры и, рискнув пойти ва-банк, можно легко прогореть.

Бонд был прав. Как только футляр с картами дошел до пятого номера, попал к одному из лильских магнатов, сидевшему через одного от Бонда, игроку шумному, с плохими манерами, не вынимавшему изо рта сигару, вставленную в янтарный, отделанный золотом мундштук, который просто терзал карты сильно наманикюренными толстыми пальцами и швырял их на стол, как немец, играющий в таро, он легко выиграл у третьего партнера и пошел дальше, не останавливаясь. Бонд, следуя своему плану, не стал обращать на это внимания — и вот уже к шестому кругу в банке стояло двадцать тысяч новых франков — двадцать миллионов старых,

все сидящие за столом вновь стали осторожничать. Никто не спешил расставаться с деньгами.

Крупье и распорядитель игры громко объявили:

— В банке двадцать тысяч. Делайте ставки, господа. Банк ждет! В банке двадцать тысяч!

Тут-то она и появилась! Возникла ниоткуда и встала рядом с крупье. Бонд успел заметить лишь руки, тронутые заггаром, прекрасное, с золотистым оттенком лицо, сверкающие голубые глаза и шокирующие розовые губы. Она была одета в простое белое платье, густые пшеничные волосы струились по плечам. Как гром среди ясного неба прозвучало:

— Ва-банк!

Все уставились на нее, замерев на какое-то мгновение. Затем раздался голос крупье: «Ставки сделаны», — и это животное из Лилля (теперь Бонд относился к нему только так) стало выдирать карты из футляра: крупье на лопаточке передал их в сторону девушки.

Она нагнулась к столу, было видно, как чуть-чуть разошлась на груди V-образная складка.

— Карту.

У Бонда упало сердце. На руках у нее, конечно же, не больше пятерки. Чудовище перевернуло свои карты. Семерка. Затем этот монстр выгреб одну карту для девушки и небрежно швырнул ее через стол. Идиотская дама!

Крупье осторожно перевернул две ее другие карты кончиком своей лопаточки. Четверка! Она проиграла!

Бонд внутренне застонал и бросил взгляд через стол, чтобы увидеть ее реакцию.

Представившаяся ему картина внушала опасение. Настойчивым шепотом девушка пыталась в чем-то убедить распорядителя игры. Он раскачивал головой, по щекам его катились капельки пота. В тишине, которая воцарилась вокруг стола, в той паузе, когда те, кто почувствовал скандал, готовый вот-вот разразиться, уже потирали руки, Бонд услышал, как распорядитель твердо произнес:

— Это невозможно. Весьма сожалею, мадам. Урегулируйте этот вопрос в кассе.

Среди зевак и играющих скользкой змейкой пополз самый ужасающий в любом казино шепоток: «Нечестная игра! Бесчестье! Какой позор! Позор!»

— «Боже мой, — подумал Бонд. — Она влипла! У нее нет денег! И по той или иной причине, но кредит ей в кассе не предоставят».

Лилльский монстр наслаждался создавшейся ситуацией.

Он прекрасно знал, что в любом случае казино выплатит все, что ему причитается. Откинувшись в кресле, он попыхивал сигарой, изображая из себя несправедливо обиженного.

Бонд понимал, что позор этот будет следовать теперь за девушкой постоянно. Профсоюз казино Франции спуска не дает никому. Да иначе и нельзя. Завтра же повсюду разошлют телеграммы: «Мадам графиню Терезу ди Вичензо, паспорт номер такой-то, занести в черные списки». Для нее будут закрыты все казино Франции, Италии, вероятно, также Германии, Египта и, с сегодняшнего дня, Англии. Это все равно что прослыть ненадежным клиентом страховой компании «Ллойда» или фирмы «Дан энд Брэдстрит», страхующей горожан на все случаи жизни. В Америке представители игорного бизнеса, по всей видимости, просто бы отдали приказ о ее ликвидации. Но и в Европе судьба ее незавидна. В кругах, где она предположительно вращается, все станут относиться к ней с предубеждением, как к особе, нечистой на руку. Это ведь не просто бесчестье. В хорошем обществе ее перестанут принимать, сделав изгоем.

Нисколько не заботясь о последствиях такого социального ostracism, думая только о чудесной девушке, которая на трассе Аббевиль — Монтрё показала ему настоящее водительское искусство, Бонд слегка наклонился вперед. Он подвинул в центр стола две драгоценные перламутровые фишки. Слегка усталым, немного интригующим голосом он произнес:

— Прошу прощения. Мадам забыла, что мы с ней договорились сегодня вечером играть в паре. — И, не глядя на девушку, он уверенно обратился к распорядителю: — Извините. Задумался. Продолжим игру.

Напряжение вокруг стола спало. Впрочем, оно теперь связывалось с другим объектом, на девушку обращали меньше внимания. Правда ли то, что сказал этот англичанин? Должно быть, да! Ни одна девушка не стоит двадцати миллионов франков. Но раньше, насколько можно судить, они друг с другом не общались. Да и находились-то на противоположных концах стола. И делали вид, что не знают друг друга. А что же сама девушка? Она не проявила никаких эмоций. Лишь один раз прямо взглянула ему в лицо. Затем медленно отошла от стола, направляясь к бару. Определенно здесь было что-то странное, сразу в этом и не разобраться. Но игра возобновилась. Распорядитель украдкой провел платком по лицу. Крупье поднял голову, которая до этого, казалось, склонилась перед некоей эмоциональной гильотиной. И все вернулось на круги своя.

— Игра продолжается. В банке сорок тысяч!

Джеймс Бонд посмотрел перед собой на все еще внушительную стопку фишек, лежавших меж его скрещенных расслабленных пальцев. Неплохо было бы вернуть эти двадцать миллионов. На это могут уйти часы — пока еще в банке соберется подобная сумма и появится шанс. В конце концов, он уже играет на деньги, принадлежавшие казино! Его чистую прибыль составили деньги случайные, даже в случае проигрыша у него все равно останется небольшая сумма, ее хватит, чтобы расплатиться за ночлег в Руайале. И еще его страшно раздражал этот монстр из Лилля. Было очень заманчиво проиграть этот старый сюжет — сначала, как в сказке, спасти девушку, потом уничтожить чудовище. Да и пришла, наверное, пора, когда карта перестает идти в одни руки. Ведь сказано было уже — у карт нет памяти!

Пойти ва-банк Джеймс Бонд не мог, столько денег у него уже не оставалось, но полбанка он осилит, сыграет то, что называется «со столом», иначе говоря, другие игроки могут сделать ставки, отвечая за оставшуюся половину. Бонд, забыв о консервативной стратегии, которой он еще полчаса назад дал зарок следовать, слегка наклонился вперед и, произнеся «со столом», передвинул двадцать тысяч новых франков за линию перед собой.

Вслед за его двадцатью тысячами на столе появилось еще столько же. Неужели же этот американец с зеленоватыми пальцами? Бонд с удовлетворением отметил, что и крошечная англичанка — Агата Кристи, поддержала его десятью тысячами. Хороший знак! Он взглянул на банкира — на человека из Лилля. Сигара в его мундштуке догорела, а губы в тех местах, что сжимали мундштук, побелели. По лицу его обильно катились капли пота. Он колебался — не прикрыть ли банк, сорвав и без того жирный куш, или все-таки рискнуть еще раз. Беспокойные свинячьи глазки бежали по столу, выискивая те четыре миллиона — все ли они здесь? — что должны были поставить против него.

Крупье, устав ждать, решил поторопить его, он твердо сказал:

— Ваше слово, мсье.

Человек из Лилля решил. Он шлепнул ладонью по футляру с картами, вытер руку о сукно стола и выдал одну карту. Затем — одну себе, другую Бонду, четвертую опять себе. Бонд не стал тянуться за картами, он не хотел вторгаться на территорию игрока под номером шесть. Подождя, пока крупье подвинет карты к нему, Бонд приподнял их со стола, осторожно развернул веером, чтобы подсчитать оч-

ки, вновь сложил и мягко опустил обратно на стол. У него была пятерка! Самая негодная карта, теперь надо было гадать — прикупать или нет. Шансы добрать до девятки или сделать перебор были равными. Бонд спокойно сказал «нет» и посмотрел на розовые рубашки двух таинственных карт, которые лежали перед банкующим. Тот перевернул их и с ожесточением бросил на стол — два валета. «Буш»! Ноль! Теперь только четыре карты могли побить Бонда и одна единственная — пятерка — сравняться с ним. Сердце Бонда затрепетало. Монстр полез к футляру, выдернул карту и бросил ее на стол. Девятка. Бубновая! Бубновая девятка! Лучше не бывает!

Дальнейшее было чистой формальностью — Бонд перевернул карты, открыл свою несчастную пятерку. Над столом раздался стон.

— Надо было прикупать, — сказал кто-то. Но сделай он это — вытащил бы ту же девятку и оказался бы с четырьмя очками, что еще хуже. Впрочем, все зависело от следующей карты, розовый язычок которой, скрывая свой секрет, дразнил из прорези футляра. Бонд справился с искушением взглянуть на нее. Натянуто улыбнувшись всем сидящим за столом, как бы извиняясь перед партнерами, оказавшимися вместе с ним в проигрыше, он смахнул оставшиеся фишки в карман пиджака, дал на чай служителю, который весь вечер следил за чистотой его пепельницы, и, отойдя от стола, направился к бару. За его спиной крупье торжественно объявил:

— В банке восемьдесят тысяч франков! Делайте ваши ставки, господа. В банке восемьдесят тысяч новых франков.

— «Пошли вы все к черту», — подумал Бонд. Полчаса назад у него было небольшое состояние. А теперь из-за своего романтического донкихотства, граничащего с безумием, он потерял все. Правда, пожав плечами, решил Бонд, разве не он хотел провести вечер так, чтобы тот запомнился надолго. Словом, первая часть приключений позади. А что же принесет вторая?

Девушка с отсутствующим видом одиноко сидела за столиком, перед ней стояла полупустая бутылка «Боллингера». Она едва взглянула на Бонда, когда он опустился на стул рядом с ней и сказал:

— Кажется, наш синдикат опять потерпел крах. Я попробовал отыграться. Сыграл «со столом». А нужно было оставить эту скотину в покое. Я не стал прикупать к пятерке, а он вытащил «буш», а затем — девятку.

— Надо было прикупать, — вяло ответила она, — я всег-

да так делаю.— И тут же поправи́лась: — Но тогда бы у вас оказалась четверка. А какая шла следующая карта?

— Я не стал смотреть. Пошел искать вас.

Она посмотрела на него искоса — оценивающе.

— Почему вы решили выручить меня, когда я оказалась в этой постыдной ситуации?

Бонд пожал плечами.

— Красивая девушка в беде. Кроме того, сегодня вечером мы познакомились с вами на трассе Аббевиль — Монтрё. Вы божественно водите машину.— Он улыбнулся.— Не думаю, однако, что вам удалось меня обогнать, если бы не задумался. Немного отвлекся, держал все время под девяносто и совсем не следил за тем, что происходит сзади. Просто замечтался.

Гамбит удался. Ее лицо и голос приняли осмысленное выражение.

— Ну уж нет. Я все равно бы вас обошла. В деревушках я постоянно отрывалась от вас. И кроме того,— в ее голосе прозвучала горечь,— я всегда смогу обогнать вас. Ведь вы боитесь рисковать жизнью.

«Только этого не хватало,— подумал Бонд.— Еще одна со сложенными крылышками. Женщина, разочарованная в жизни. Женщина в депрессии». Он выдержал паузу, дождался, пока принесут заказанную им полубутылку «Крюга». Наполненный официантом наполовину бокал Бонд долил доверху. Поднял его и протянул в ее сторону.

— Меня зовут Бонд, Джеймс Бонд. Пожалуйста, не умирайте. Во всяком случае, сегодня ночью.— Одним глотком он осушил бокал до дна и снова наполнил его.

Она внимательно посмотрела на него, словно принимая какое-то решение. Потом тоже выпила.

— Мое имя Трейси,— сказала она.— Это уменьшительное от того имени, что вам сообщил администратор гостиницы. Была такая святая — Тереза. А я вовсе не святая. Администратор в душе романтик. Он поведал мне о том, что вы интересуетесь мною. Ну что же, пойдёмте? Говорить вроде не о чем. А награду вы заслужили.

Она резко поднялась. Смутившись, вскочил и Бонд.

— Нет. Пожалуй, я пойду одна. Приходите чуть позже. Я живу в 45-м номере. Там, если захотите, вас ждет сцена любви, едва ли не самая дорогостоящая в вашей жизни. Она обошлась вам в сорок миллионов франков. Будем надеяться, деньги выброшены не зря.

ВСЕ КОШКИ СЕРЫЕ

Она ждала, лежа в огромной постели, натянув простыню до подбородка. Светлые волосы разметались по подушке, как золотистые крылья, над которыми горел всего один ночничок, единственный источник света в комнате: ее голубые глаза ярко блестели, они горели такой страстью, что, будь здесь другая женщина или будь они в другом месте, Бонд объяснил бы это вполне определенным образом. Но перед ним была девушка, попавшая в стрессовую ситуацию, о причине которой Бонд мог только догадываться. Он закрыл за собой дверь, подошел к постели и сел на краешек кровати — решительно положил руку на ее левую грудь, выступавшую под простыней.

— Послушай, Трейси, — начал он, собираясь задать ей несколько вопросов, чтобы выяснить хотя бы что-то об этой необыкновенной девушке, которая творила безумные вещи — азартно играла за карточным столом, не имея ни гроша в кармане, или носилась на машине так, как если бы спешила на собственные похороны, и при этом вовсе не скрывала, что жить ей порядком надоело.

Но девушка, вскинув руку, мягко коснулась ею его губ, Бонд уловил запах «Оды» фирмы «Гуэрлейн».

— Я же предупредила: никаких разговоров. Раздевайся. Иди сюда. Ты ведь красивый и сильный. Я хочу запомнить, как все это может быть. Делай со мной что хочешь. И скажи мне, что тебе нравится, что бы ты хотел от меня. Не бойся сделать мне больно. Обращайся со мной, как с самой последней шлюхой. Забудь обо всем другом. И никаких вопросов. Я — вся твоя.

Через час Бонд тихо, стараясь не разбудить ее, выбрался из постели, оделся при свете уличных фонарей, мерцание которых едва проникало через шторы на окнах, и вернулся в свою комнату.

Он принял душ, нырнул в постель между прохладных накрахмаленных французских простыней и выбросил из головы все мысли о девушке. Прежде чем сон одолел его, он все-таки вспомнил ее слова, произнесенные, когда все кончилось: «Я на седьмом небе, Джеймс. Пожалуйста, приходи еще, когда проснешься. Я хочу повторить это еще раз». Потом она повернулась к нему спиной, не отвечая на его последние ласки, и почти сразу уснула — он, однако, успел услышать, что перед тем она успела всплакнуть.

Какого черта? Ночью все кошки серые.

Так это или не так?

Бонд спал.

В восемь часов утра он разбудил ее, и опять все было так же великолепно, как ночью. Но на этот раз ему казалось, что она прижимается к нему совсем нежно, целует не только страстно, но и с большим желанием. Однако затем, когда им следовало бы обсудить планы на день — где позавтракать, когда искупаться, — она сначала отвечала уклончиво, а потом, когда он стал настаивать, совсем по-детски нагрубила ему.

— Пошел-ка ты к черту! Слышишь? Получил, что хотел, а теперь убирайся!

— Разве ты не хотела того же?

— Нет. Черт меня побери — и любовник-то ты никудышный. Я сказала — убирайся!

Бонд понял, что она на грани истерики или, по крайней мере, на грани отчаяния. Он не спеша оделся, ожидая, что она вот-вот заплачет и тело ее, полностью прикрытое простыней, начнет содрогаться от рыданий. Но слез не было. Вот это уже совсем плохо! Как-никак девушка дошла до последней черты, до самой последней точки. Бонд почувствовал, что его охватывает волна нежности к ней, ему ужасно хотелось защитить ее, избавить от всех невзгод, сделать счастливой. Взявшись за дверную ручку, он мягко произнес:

— Трейси, позволь мне помочь тебе. Ты попала в беду. Но это не конец света. У меня тоже хватает проблем. У кого их нет?

Стандартная фраза прозвучала в тишине освещенной солнцем комнаты подобно треску жарких поленьев на металлической решетке камина.

— Пошел к черту!

Открывая дверь и закрывая ее за собой, Бонд раздумывал, стоит ли хлопнуть как следует, дабы вывести девушку из этого состояния, или же тихо и беззвучно покинуть помещение. Дверь он прикрыл осторожно. Грубость здесь не поможет. Она уже испытала на себе чью-то грубость — где-то, как-то и больше чем достаточно. Он пошел прочь по коридору, впервые в своей жизни ощущая, что оказался, пожалуй, не на высоте.

(«Бомбар» поднималась вверх по реке. Они уже миновали гавань, по мере того как русло реки сужалось, течение усиливалось. Двое головорезов на корме по-прежнему не спускали с Бонда глаз. На носу лодки продолжала непо-

движно сидеть девушка, подставив лицо ветру, похожая на фигуру, венчающую гордый профиль плывущего под парусами корабля. Единственное, что согревало Бонда, — прикосновение ее спины и рукоятки ножа. И тем не менее, как это ни странно, он гораздо острее ощущал сейчас ее близость, это было нечто большее, чем порыв страсти, бросивший их в объятия друг друга прошедшей ночью. Почему-то он считал ее такой же пленницей, каким был сам. Как это? Почему? Далеко впереди, то тут, то там, засверкали огни Старого порта, который некогда стоял у самого моря, а теперь из-за причуд течений в проливе, обнаживших подступы к реке, оказался далеко от берега. Не пройдет и нескольких лет, как здесь построят новый порт, ближе к устью реки, сюда станут заходить океанские траулеры, на которых в Руайаль будут доставлять палтуса, омаров, крабов и креветок. По эту сторону огней попадались редкие мрачноватые, выдвинутые навстречу течению пирсы для частных яхт. А за ними располагались виллы с такими поэтическими французскими названиями, как «Розали», «Ты и я», «Лазурное гнездышко» или «Молодое поколение». Джеймс Бонд осторожно потрогал нож и почувствовал аромат духов «Ода», который донесся до него, перекрывая отвратительную вонь ила и гниющих водорослей. Он никогда раньше не стучал зубами от холода. А сейчас не мог сдержать эту дрожь, однако с челюстью своей все-таки справился и вновь предался размышлениям.)

Обычно завтрак был важным моментом в распорядке дня Бонда, но в это утро он почти не замечал, что ел; поспешно закончил трапезу и уселся у окна, поглядывая на аллею для прогулок, зажигая одну сигарету за другой и непрестанно думая о девушке. Он почти ничего о ней не знал, даже национальности. Имя ее звучало на средиземноморский манер, однако наверняка она не была ни итальянкой, ни испанкой. Ее английский безупречен, а одежда и все поведение выдавали привычку к роскоши — школу она закончила, вероятно, где-нибудь в Швейцарии. Не курила, пила, кажется, весьма умеренно, и — никаких признаков наркомании. Более того, ни на тумбочке около кровати, ни в ванной комнате он не обнаружил даже таблеток снотворного. Скорее всего ей лет 25, но в постели она вела себя как опытная и страстная женщина, которая, как говорят американцы, кое-что успела поведать. Она ни разу не засмеялась понастоящему, лишь едва улыбалась. Казалось, она пребывала в глубокой меланхолии, страдала какой-то душевной апатией, которая, по собственному признанию, делала никчемной ее жизнь. И все-таки он не заметил ни одного из признаков,

указывающих на то, что перед ним истеричная неврастеничка, — за прической своей она следила, косметикой пользовалась, вовсе не чувствовалось рядом с ней той атмосферы беспорядка и хаоса, которую создают вокруг себя женщины, страдающие этим недугом. Даже наоборот — кажется, у нее железная воля, завидное самообладание, она прекрасно знает, чего хочет, к чему стремится. А к чему же? Как помнится — все намерения ее безумны, по всей видимости — хочет покончить жизнь самоубийством, и прошедшая ночь — это как последнее желание.

Он посмотрел вниз на маленький белый автомобиль, который стоял теперь на стоянке недалеко от его машины. Ему надо постараться все время быть рядом с ней, проявить к ней участие, по крайней мере, пока он не убедится, что его кошмарные подозрения не имеют под собой почвы. Приняв это решение, Бонд сразу же позвонил вниз консьержу и попросил предоставить в его распоряжение «Симку аронд» с автоматическим реверсом. Да-да, пусть ее немедленно пригонят на стоянку. Он сейчас же передаст консьержу, которого просит завершить все формальности, свои международные водительские права и зеленую страховую карточку.

Бонд побрился, оделся, отнес документы и вернулся в номер. Он оставался там довольно долго, наблюдая за входом в отель и маленьким белым авто. Потом наконец-то появилась она, в купальном халате в черно-белую полоску, и Бонд бросился по коридору к лифту. Ехать за ней было нетрудно — вдоль прогулочной аллеи, машину она оставила на одной из стоянок; преследование это легко далось и крошечному неприметному «Ситроену-2CV», который был у Бонда на хвосте.

И именно тогда возникла эта цепочка тех, за кем следили, и тех, кто сам следил, а теперь вот дело близится к концу, пока, правда, неясному, — лодочка «Бомбар» плыла под звездами вверх по речушке Руайаль.

Как же разобраться во всем, что произошло? Согласилась ли она сознательно стать приманкой или ее заставили? Его что, похитили? Если да, то его одного или их обоих? С целью шантажа или как? Это мсть мужа или другого любовника? И должно ли здесь совершиться убийство?

Бонд все еще пытался найти ответы на эти вопросы, когда рулевой, развернув лодку поперек течения, направил ее в широкую излучину, в сторону полуразрушенного оголенного пирса, уступом отходящего от грязного берега. Он подвел лодку к самой стене пирса, кто-то включил мощный фонарь, выхвативший их из темноты, вниз упал, стукнув о лод-

ку, канат, и суденышко подтащили к основанию грязной деревянной лестницы. Один из головорезов выбрался первым, за ним — девушка, белый край ее купальника соблазнительно выглядывал из-под пиджака Бонда, затем вышли Бонд и второй из этих типов. Лодка сразу же дала задний ход и поплыла дальше. Скорее всего, подумал Бонд, к месту обычной своей стоянки в Старом порту.

На пирсе находились еще двое мужчин, такого же примерно телосложения, как и остальные. Никто из них не произнес ни слова, пока, окружив кольцом девушку и Бонда, они вели их по пыльной дорожке, которая шла от пирса через песчаные дюны. В сотне ярдов от реки, укрытый во впадине между высокими дюнами, мерцал огонек. Когда Бонд подошел ближе, он увидел, что свет исходил из одного из тех огромных — рифленого алюминия — фургонов, которые, сочлененные гармошкой с кабиной водителя, с грохотом несутся по всем магистралям Франции, проползают через города и деревни, изрыгая клубы дизельного дыма и жутко шипя при торможении всеми гидравлическими узлами. Этот трейлер блестел и сверкал. Похоже, он был новехонький, а может, за ним просто хорошо смотрели. Когда они приблизились, человек с фонарем подал какой-то сигнал, и тотчас в овале распахнутой настежь двери фургона появилось продолговатое пятно желтого света. Бонд нащупал нож. Есть ли у него хоть один шанс? Шансов не было. Перед тем как подняться по ступеням внутрь фургона, он взглянул на номерной знак. Номер был коммерческий — «Марсель-Рона, мсье Драко. Электроприборы. 397694». Ну и что! Еще одна загадка!

Внутри, слава богу, было тепло. Между рядами сложенных штабелями картонных коробок, на которых стояли названия известных фирм, выпускающих телевизоры, был проход. Камуфляж? Тут же валялись сложенные стульчики, видно было, что здесь только что играли в карты. Вероятно, они находились в помещении охраны. Дальше, по обе стороны, шли дверцы кабин. Трейси ждала у одной из дверей. Она протянула ему пиджак и, без эмоций произнеся «спасибо», исчезла в проеме; Бонд, однако, успел увидеть внутри совершенно роскошное убранство. Он не спеша надел пиджак. Человек с пистолетом, следовавший за ним, нетерпеливо сказал: «Пошевеливайся!» Бонд подумал было броситься на него. Но сзади стояли, наблюдая за ними, еще трое. Бонд ограничился тем, что произнес: «Вот сволочь!» — и двинулся вперед к алюминиевой двери, за которой, наверное, скрывалось третье, и последнее, помещение, еще один отсек

в этом странном трейлере. За этой дверью его ждали ответы на все вопросы. По всей видимости, там только один человек — главарь. Другого шанса может и не быть. Правой рукой Бонд уже сжимал рукоятку ножа в кармане брюк. Он внезапно выбросил вперед левую руку и, проскочив в дверь, одним неуловимым движением захлопнул ее за собой, пригнулся, готовый метнуть нож.

Он почувствовал, как навалился на дверь охранник, но Бонд держал ее спиной, не давая открыть. Мужчина, сидевший за письменным столом в десяти футах от него, — неплохая мишень для точного броска, — выкрикнул что-то, какой-то приказ, какую-то бодрую команду на языке, который Бонду никогда не доводилось слышать. Давление на дверь ослабло. Мужчина улыбнулся широкой и обаятельной улыбкой, которая как бы расколола его похожее на грецкий орех лицо пополам. Он поднялся из-за стола и медленно поднял руки.

— Сдаюсь. Теперь уж я и вовсе удобная мишень. Но прошу, пощадите. Дайте, по крайней мере, сделать глоток виски с содовой, и покрепче, а потом поговорим. Потом я опять позволю вам выбрать, как вести себя дальше. Согласны?

Бонд выпрямился. И тоже улыбнулся. Он не мог сдерживать улыбки. У этого человека было такое открытое лицо, веселое, озорное, обаятельное, и он, судя по всему, с юмором относился к той ситуации, в которой неожиданно оказался. У Бонда отпало всякое желание убивать его, поднять сейчас на него руку было все равно что поднять руку на Трейси.

Рядом с мужчиной на стене висел календарь. Бонд решил хоть как-то снять напряжение, выпустить пар.

— Сентябрь, 16-е число, — выпалил он и метнул нож из-под правой руки. Нож сверкнул в воздухе и, задрожав, вонзился в середину календаря, он пролетел в каком-нибудь ярде от мужчины. Тот повернулся и с любопытством взглянул на календарь. Потом громко рассмеялся:

— На самом деле — 15-е число. Но и этого достаточно. Надо будет как-нибудь организовать вашу схватку с моими людьми. И может быть, даже я поставлю на вас. Это послужит им хорошим уроком.

Он вышел из-за стола, невысокий, средних лет, с загоревшим, испещренным морщинками лицом. На нем был один из тех темно-синих костюмов, какие из-за их удобства любил носить и Бонд. Сквозь ткань проступали мощные грудные мышцы и бицепсы. Бонд заметил, под мышками пиджак был скроен просторно, с запасом. Специально для ношения

оружия? Мужчина протянул руку. Рука была теплой, твердой и сухой.

— Меня зовут Марк-Анж Драко. Слышали что-нибудь обо мне?

— Нет.

— Ага! А вот я о вас слышал, командер Джеймс Бонд. Кавалер ордена св. Михаила и св. Георгия 3-й степени, так, кажется? Сотрудник — и не рядовой сотрудник — Секретной службы Ее Величества. Временно освобожден от исполнения привычных обязанностей; находясь за границей, выполняет особое поручение. — Озорное лицо выражало нескрываемое удовлетворение. — Не так ли?

Джеймс Бонд, чтобы скрыть смущение, подошел к календарю, удостоверился, что действительно поразил число 15, выдернул нож и опустил его в карман брюк. Затем он повернулся и спросил:

— А почему, собственно, вы так считаете?

Мужчина ответил не сразу.

— Проходите, — произнес он, — проходите и садитесь. Мне надо о многом с вами поговорить. Но сначала — прошу — виски с содовой. Хорошо?

Он указал на удобное кресло, стоявшее напротив его стола, выложил большую серебряную коробку, в которой были сигареты разных сортов, подошел к выполненному в металле бюро для хранения документов, стоявшему у стены, и открыл его. Папок там никаких не было. Это был небольшой, но забитый до отказа бар. Ловко, по-хозяйски, он взял бутылку «Пинчболл Хейга», еще одну — бурбон «Харпер», два стакана, по пинте каждый, — кажется, фирмы «Уотерфорд», ведро со льдом, сифон с содовой и графин с холодной водой. Одно за другим он поставил все это на стол между собой и Бондом. Потом, пока Бонд делал себе крепкий бурбон с водой и большим количеством льда, он отошел от бюро и опустился в кресло напротив Бонда, потянулся к бутылке «Хейга».

— Информацию о вас, — сказал он, глядя Бонду прямо в глаза, — я получил от своего хорошего приятеля во Втором управлении в Париже. Я ему плачу за подобные сведения, когда это мне необходимо. Все это я узнал сегодня рано утром. Сам я — в стане ваших противников. Впрочем, не совсем так. На поле боя мы с вами не встречались. — Он замолчал. Поднял стакан и сказал очень серьезно: — Я хочу установить с вами доверительные отношения. И сделать это собираюсь одним-единственным способом. Я еще раз вручаю вам в руки свою жизнь.

Он выпил. Бонд тоже. В бюро, в его морозилке, раздался глухой звук заработавшего мотора, и Бонд вдруг почувствовал, что именно сейчас наступит столь важный момент истины. Он понятия не имел, о какой истине идет речь. Он и думать не хотел, что истина эта может оказаться ложной. У него, однако, было предчувствие, что каким-то образом — возможно, потому что он проникся уважением и расположением к этому человеку, — истина эта потребует от него отдачи всех сил.

Мотор холодильника выключился.

Глаза на лице, похожем на грецкий орех, в упор смотрели на Бонда.

— Я — глава Корсиканского союза.

5

ГЛАВА КОРСИКАНСКОГО СОЮЗА

Корсиканский союз! Наконец-то кое-что начинает проясняться. Бонд смотрел прямо перед собой — в карие глаза, которые проницательно наблюдали за его реакцией, и мысленно перелистывал досье с невинным названием «Корсиканский союз»: тайное общество, которое возникло еще раньше, чем Сицилианский союз, мафия, да, эта организация, пожалуй, пострашней мафии. Ему было известно, что Корсиканский союз контролирует почти всю сеть организованной преступности во Франции и ее колониях — рэккет, контрабанда, проституция и подавление соперничающих гангстерских группировок. Всего лишь несколько месяцев назад был застрелен в Ницце некто Росси. За год до этого ликвидировали после нескольких неудачных покушений Жана Гуидичелли. Говорили, что оба они претендовали на трон главы Корсиканского союза. И вот перед ним тот, кто занимает этот трон, такой энергичный, веселый человек, так мирно беседующий с ним сейчас. Ах да — еще то таинственное дело о сокровищах Роммеля, которые фельд-маршал якобы спрятал на дне морском у берегов Бастии. В 1948 году один ныряльщик по имени Флех, чех по национальности, служивший в свое время в немецком абвере, напал на след сокровищ; представители Корсиканского союза мягко посоветовали ему не соваться в это дело, а потом бедняга исчез — и никаких концов. Совсем недавно на обочине дороги неподалеку от Бастии было обнаружено изрепеченное пулями тело молодого французского ныряльщика Андре Маттеи — накануне он имел неосторожность

хвастаться в местном баре, что знает, где спрятаны сокровища, заявлял, что приехал сюда, дабы выудить их со дна моря. Знает ли Марк-Анж тайну этих сокровищ? Не он ли отдавал приказ прикончить тех двух ныряльщиков? Небольшая деревушка Калензана в Баланье славилась тем, что из нее вышло больше гангстеров, чем из любого другого поселения на Корсике: соответственно, жители этого местечка считались одними из самых зажиточных. Местный мэр занимал свою должность в течение 56 лет — дольше всех других мэров Франции. Марк-Анж наверняка был выходцем из тех мест, он был посвящен в тайны того знаменитого мэра, знал, например, и о том крупном американском гангстере, который только что вернулся в деревню, скромно удалившись от дел после весьма успешной карьеры в Штатах.

Было бы забавно невзначай упомянуть некоторые из этих имен, пусть они залпом прозвучат в тихой комнатухе — забавно рассказать Марк-Анжу, что ему известно и о старом заброшенном пирсе около деревушки Галерия, который именуют портом Корвани, и о древнем серебряном руднике Аргентелла в горах за деревней — лабиринты подземелий рудника служили перевалочной базой, здесь скрещивались пути самых крупных партий героина. Да, неплохо бы припугнуть того, кто так бесцеремонно обошелся с ним, пусть тоже переживет несколько неприятных мгновений. Впрочем, куда торопиться, он прибережет эту информацию на крайний случай, а пока надо больше слушать! Пока достаточно того, что он знает, как выглядит передвижная штаб-квартира Марка-Анжа Драко. Он знает, что во Втором управлении у Драко есть свой человек, сообщающий всю важную информацию. А вот зачем «послали» за ним и девушкой, еще предстоит выяснить. Ну а то, что для их захвата «одолжили» спасательную лодку «Бомбар», — дело простое, заплатили, кому надо, а береговую охрану угостили как следует, дали «кувшинчик вина», чтобы не возникали. В береговой охране все сплошь корсиканцы. Во всяком случае, на первый взгляд — ну просто как на подбор. Для такой мощной организации, как Корсиканский союз, подобная операция — дело плевое, они работают здесь так же беспрепятственно, как мафия на территории почти всей Италии. Ну что же, попробуем раскрыть еще несколько тайн! Джеймс Бонд потягивал виски и почтительно следил за выражением лица своего визави. Перед ним находился один из самых великих профессионалов!

(Как это похоже на Корсику, подумал Бонд, главарь бандитов носит имя ангела! Он вспомнил, что двух других

известных корсиканских гангстеров звали Грасье и Туссен — они «все святые».) Марк-Анж прервал молчание. Он говорил на хорошем, но иногда довольно неуклюжем английском, было такое впечатление, что когда-то он учил этот язык, но ему не часто приходилось им пользоваться.

— Мой дорогой командер, — сказал он, — пусть все, о чем мы будем говорить, останется «херкос о донтон». Вам известно это выражение? Нет? — Его лицо расплылось в улыбке. — В таком случае, позвольте мне заметить, что в вашем образовании имеются пробелы. Это на древнегреческом. Дословно — «держат язык за зубами». Древнегреческий синоним вашего «совершенно секретно». Так что, договорились?

Бонд пожал плечами.

— Если вы посвятите меня в тайны, которые связаны с моей профессией, боюсь, придется сообщить о них куда следует.

— Это я прекрасно понимаю. Но говорить с вами собираюсь о деле сугубо личном. Речь пойдет о моей дочери, Терезе.

Вот это да! Вот так все повернулось — лихо закручено. Бонд, однако, и бровью не повел.

— Ну что ж, согласен, — сказал он и улыбнулся. — Пусть будет этот самый «херкос о донтон».

— Благодарю вас. Вы человек слова. Да в вашей работе иначе и нельзя, впрочем, у вас и так на лице все написано. Так вот. — Он закурил «Капораль» и откинулся в кресле. Весь разговор он вел, уставившись в одну точку на алюминиевой стене над головой Бонда, и только иногда, когда хотел подчеркнуть что-то особо, смотрел Бонду прямо в глаза. — Я был женат один раз, на англичанке, на английской гувернантке. Это была весьма романтическая особа. Она пришла на Корсику в поисках настоящих бандитов, — он улыбнулся, — ну совсем как те англичанки, что отваживаются отправиться в пустыни на поиски шейхов. Позже она мне призналась, что, даже не отдавая себе отчета в этом, подсознательно, мечтала быть изнасилованной. Итак, — на этот раз он не улыбнулся, — она нашла меня в горах и была изнасилована мною. В то время я скрывался от полиции, кстати, мне приходилось делать это большую часть своей жизни, и девушка была большой обузой. Но почему-то она не желала расставаться со мной. В ней было что-то диковатое, она обожала нестандартные ситуации, бог знает почему ей нравилось месяцами скрываться в пещерах, добывая пропитание ночными грабежами. Она даже научилась све-

жевать муфлонов и готовить из их мяса еду, муфлоны — это наши горные овцы, она ела мясо этих животных, а оно твердое, как подметка, и на вкус почти такое же. Вот в эти безумные месяцы я и влюбился в нее, увез тайком с острова в Марсель и там женился на ней. — Он замолчал и посмотрел на Бонда. — В результате, мой дорогой командер, появилась Тереза, мое единственное дитя.

Так, подумал Бонд. Вот чем объясняется взрывной характер девушки; диковатая дама — вот что так сбивало его с толку. Что за любопытное сочетание, смесь крови и темпераментов! Корсиканская англичанка. Не удивительно, что он не смог определить, какой она национальности.

— Моя жена умерла десять лет назад. — Марк-Анж остановил Бонда, собиравшегося выразить свое сочувствие, жестом. — Дочь воспитывалась в Швейцарии. Я был уже богат в то время, меня избрали главой Корсиканского союза, я стал купаться в деньгах, добывая их теми путями, мой дорогой командер, о которых вы можете догадываться, но не должны спрашивать. Дочь была для меня — как вы там выражаетесь? — красивое такое выражение, она была «светом очей моих», и я исполнял все ее желания. Но она росла дикаркой, неприрученной пташкой, дома настоящего у нее никогда не было, я постоянно находился в разъездах, и присматривать за ней было некому. Через свои школьные швейцарские связи она попала впоследствии в некий круг избранных, международную элиту, о светской жизни которой можно прочитать в газетах, — здесь крутились и южно-американские миллионеры, и индусские князьки, англичане и американцы, живущие почему-то в Париже, плеейбой из Канна и Гштада. Она без конца попадала в какие-то скандальные истории, и когда я пытался увещевать ее, урезал бюджет, начинала вести себя еще безрассуднее, наверное, чтобы насолить мне. — Он выдержал паузу и взглянул на Бонда. Прежде такое радостное, лицо его теперь выражало страдание. — И в то же время за всей этой бравадой скрывалось то, что она унаследовала от матери, что заставляло ее ненавидеть, презирать себя все больше и больше, и, в этом я теперь уверен, в ней поселился червь сомнения и саморазрушения, маскирующийся под личиной безрассудства и беззаботности, и этот червь, как мне кажется, не оставляет ее в покое, гложет душу. — Он посмотрел на Бонда. — Вы же знаете, мой друг, что такое случается и с мужчинами, и с женщинами. Они сжигают себя в стремлении взять от жизни все, но вдруг оглядываются на прожитые годы и понимают, что все — тлен. Они все уже перепробовали, все

радости жизни пронеслись как один большой кутеж, и не осталось ничего. Она сделала, как я теперь понимаю, отчаянную попытку снова встать, так сказать, на ноги. Уехала, не сказав ни слова, и вышла замуж, возможно, в надежде обрести покой. Но муж, ничтожный итальяшка по имени Винченцо, граф Жулио ди Виченцо, сначала начисто обобрал ее, а потом бросил с маленькой дочерью на руках. Я заплатил за развод и купил для дочери небольшой замок в Дордонье, поселил ее там, и на какое-то время, занятая уходом за ребенком и прекрасным садом, расположенным рядом с замком, она, казалось, обрела покой. И вдруг, друг мой, полгода назад, ребенок умирает — умирает от одной из самых ужасных детских болезней — спинномозгового менингита.

В комнатке, похожей на цинковый гроб, воцарилась тишина. Бонд думал о девушке, находившейся в нескольких ярдах от него, в другом конце коридора. Все правильно. Он был близок к истине. Он уже видел проявления этой трагедии в том самом упорном отчаянии Трейси. Она действительно потеряла надежду увидеть свет в конце туннеля.

Марк-Анж не спеша поднялся со стула, обошел стол и налил еще виски себе и Бонду.

— Простите меня,— произнес он,— я плохой хозяин. Но, рассказав эту историю, которую всегда держал в себе, другому человеку, я словно камень с души снял.— Он положил руку на плечо Бонда.— Вы меня понимаете?

— Да, понимаю. Но она прекрасная девушка. У нее еще вся жизнь впереди. Почему бы вам не попробовать психологический анализ? Почему бы не прибегнуть к помощи церкви? Она католичка?

— Нет, жена не допустила бы этого. Она пресвитерианка. Но подождите, я не закончил.— Он вернулся к креслу и тяжело опустился в него.— После трагедии она исчезла. Взяла все драгоценности и укатила в этом своем крошечном авто; время от времени я кое-что слышал о ней, знал, что продает свои побрякушки и мечется по всей Европе в компании старых друзей. Естественно, я следил за ней, оберегал, когда мог, но она избегала встреч со мной, не хотела разговаривать. Потом от одного из своих агентов я узнал, что она забронировала номер здесь, в отеле «Сплендид», и я тут же примчался из Парижа,— он повел рукой в сторону,— вот на этом средстве передвижения, потому что как чувствовал что-то, ждал самого худшего. Дело в том, что именно здесь мы проводили лето, когда она была маленькой, здесь ей всегда нравилось. Она прекрасно плавает, а в море была буквально влюблена. И когда я услышал, что она соби-

рается сюда, вдруг с ужасом вспомнил, как однажды, когда она чересчур расшалилась, ее оставили дома на всю вторую половину дня, заперев в комнате и лишив купанья. Именно в тот вечер она совершенно спокойно заявила своей матери: «Ты сделала меня такой несчастной, потому что не пустила на море. Когда-нибудь, если я действительно буду несчастной, то уплыву в море, далеко-далеко, по лунной или солнечной дорожке, и буду плыть долго-долго, пока не утою. Вот так!» Жена пересказала мне эту историю, мы оба посмеялись над ней, над детской вспышкой отчаяния. И вот я внезапно опять вспомнил об этом случае и мне показалось, что она могла сохранить в себе эту детскую фантазию и теперь, решив свести счеты с жизнью, вытащила на свет тот каприз, запряженный глубоко в сознании, и попытается привести свой план в исполнение. Вот почему, мой друг, я установил за ней надежное наблюдение, за ней следили с самого прибытия. Мне сообщили о вашем благородном поступке в казино, за что, — он посмотрел на Бонда, — я вам очень признателен, меня информировали также о других ваших совместных действиях. — Драко остановил Бонда движением руки, когда тот, почувствовав себя неловко, заерзал на стуле. — Вам нечего стыдиться, и не надо извиняться за то, что случилось прошлой ночью. Мужчина остается мужчиной — и кто знает... хотя об этом позднее. То, что вы сделали, то, как вы вообще вели себя, могло стать началом своеобразного курса лечения.

Бонд вспомнил, как на борту «Бомбары» она невольно прижалась к нему, когда его толкнуло к ней. Это движение было почти незаметным, но сколько в нем тепла, сколько признательности, гораздо больше, чем во всей страсти их ночной физической близости. Сейчас вдруг у него впервые возникла смутная догадка, он словно стал понимать, почему оказался здесь, где лежат истоки тайны, он внутренне весь содрогнулся, будто бы кто-то осквернил его могилу.

— Так вот, — продолжал Марк-Анж, — сегодня в шесть часов утра я дал поручение моему другу из Второго управления, он навел соответствующие справки. В восемь утра был уже у себя в конторе, посетил центральную картотеку, и к девяти часам у меня была уже вся исчерпывающая информация — ее сообщили по радию. В этом трейлере у меня имеется мощная передвижная радиостанция. — Он улыбнулся. — Это еще один из моих секретов, который я раскрываю перед вами. То, что мне сообщили, делает вам честь и как офицеру Секретной службы, и, что еще важнее, как мужчине — мужчине в моем понимании этого слова. В об-

щем, я стал размышлять. Я думал все сегодняшнее утро. И в конце концов отдал приказ, чтобы вас обоих доставили ко мне, сюда.— Правой рукой он обвел комнату широким жестом.— Мне нет нужды сообщать вам детали моих инструкций. Вы видели моих людей в действии. Вам причинили неудобства. Я приношу свои извинения. Вероятно, вы подумали, что вам угрожает опасность. Простите ради бога. Надеюсь, что мои ребята вели себя корректно и тактично.

Бонд улыбнулся.

— Мне очень приятно познакомиться с вами. И если, дабы представиться вам, нужно было попасть сначала под дула двух пистолетов, ну что ж — такая встреча тем более незабываема. Вся операция, конечно, была проведена аккуратно и оперативно.

Лицо Марка-Анжа помрачнело.

— Вот вы уже и язвите. Но поверьте мне, друг мой, решительные меры были просто необходимы. Я это точно знаю.— Он открыл верхний ящик своего стола, достал листок писчей бумаги и передал его Бонду.— Вот, прочтите, тогда, наверное, согласитесь со мной. Письмо передали консьержу в отеле «Сплэндид» — сегодня в 16.30 его должны были отправить мне в Марсель именно в тот момент, когда Тереза вышла из гостиницы, а вы последовали за ней. Вы ведь что-то заподозрили? Вы тоже испугались за нее? Прочтите это, пожалуйста.

Бонд взял письмо.

— Да,— произнес он,— я волновался за нее. Она заслуживает того, чтобы волноваться за нее.

Он начал читать. В письме было всего несколько строк, написанных четким решительным почерком:

«Дорогой папа!

Извини, но с меня хватит. Очень жаль, что только сегодня я встретила человека, который мог бы помочь мне изменить свое решение. Он англичанин, зовут его Джеймс Бонд. Найди его, пожалуйста, и верни мой долг — 20 000 новых франков. И поблагодари его за меня.

Никто ни в чем не виноват, все только я сама.

Прощай и прости меня.

Треysi».

Бонд не взглянул на человека, который получил это письмо. Он положил его на стол и пододвинул в сторону Драко. Сделал большой глоток из стакана с виски и потянулся за бутылкой.

— Да, все понятно,— сказал он.

— Ей нравится называть себя Трейси. Она думает, что Тереза звучит слишком напыщенно.

— Да-да.

— Коммандер Бонд,— в голосе Драко прозвучали настойчивость, властность и мольба одновременно,— друг мой, теперь вам все известно, перед вами все факты. Помогите мне. Помогите мне спасти мою дочь. Вы теперь мой единственный шанс — подарите ей надежду. Внушить ей желание жить. Можно ли рассчитывать на вашу помощь?

Бонд смотрел на стол прямо перед собой. Он не осмеливался поднять глаза, боялся увидеть выражение лица этого человека. Итак, его опасения подтвердились, он так и думал, что будет вовлечен во все эти семейные проблемы! Он проклинал себя. Сама мысль обо всем этом приводила его в смятение. Добрый самаритянин из него не получится. И во все не собирается он врачевать раненых птишек. Все, что ей нужно, яростно шипел он про себя, это консультация психиатра. Ну хорошо, ну увлеклась она им немного, а он увлекся ею. И вот теперь его собираются попросить, он был в этом уверен, подобрать ее на дороге и тащить на себе, возможно, до конца дней своих, сознавая при этом, что фактически он стал жертвой молчаливого шантажа, потому что, если он вдруг бросит Трейси, это наверняка убьет ее.

— Не знаю, чем я могу помочь,— сказал он мрачно.— Чего вы хотите? — Он взял со стола стаканы и заглянул в него. Потом выпил, чтобы набраться храбрости и взглянуть в глаза Марку-Анжу.

Влажные карие глаза Драко светились напряжением. Морщинки вокруг рта превратились в глубокие складки.

— Я хочу, чтобы вы стали ухаживать за моей дочерью и женились на ней,— сказал Марк-Анж, не спуская с Бонда глаз,— в день свадьбы я передам вам, вам лично, приданое в один миллион фунтов стерлингов золотом.

— Ваша просьба совершенно невыполнима,— взорвался Джеймс Бонд.— Девушка больна. Прежде всего ей нужен психиатр. А не я. И не хочу я жениться на ком бы то ни было. Не нужен мне и миллион фунтов стерлингов. Денег мне хватает. Работой я обеспечен. (Так ли это? А как насчет прошения об отставке? Бонд заглушил внутренний голос.) Как вы этого не понимаете? — Вдруг он почувствовал, что боль, искажившая лицо этого человека, непереносима.— Она прекрасная девушка. Я сделаю для нее все, что смогу. Но только тогда, когда она поправится. Именно тогда мы обязательно встретимся с ней — я очень хочу этого. Но если она обо мне такого хорошего мнения и вы — тоже, пусть

сначала изъявит желание выздороветь по собственной воле. Это единственный путь. Любой врач скажет вам то же самое. Она должна лечь в клинику, самую лучшую, может быть — в Швейцарии, и покончить со своим прошлым. Она вновь должна захотеть жить. И только тогда, только тогда будет смысл в нашей встрече. — Ему необходимо было во что бы то ни стало убедить Марка-Анжа. — Вам ведь и так все понятно, правда, Марк-Анж? Мне чуждо чувство жалости. Признаю это. И у меня терпения не хватит быть чьей-либо нянькой, сиделкой при мужчине или женщине. Ваш план ее лечения может дать обратный результат — повергнуть ее в еще большее отчаяние. Вы должны понять, что я не могу взять на себя такую ответственность, как бы ни нравилась мне ваша дочь. — И Бонд закончил, запнувшись: — А она мне нравится.

— Я понимаю вас, мой друг, — сказал покорно Марк-Анж. — И я не стану утомлять вас, приводя другие аргументы. Попытаюсь действовать так, как вы предлагаете. Но будьте добры, окажите мне еще одну услугу. Сейчас девять часов вечера. Пойдите поужинать с ней куда-нибудь. Говорите с ней о чем угодно, но дайте ей понять, что она нужна вам, что вы питаете к ней нежные чувства. Ее машина здесь и платья тоже. Я приказал доставить все это сюда. Если только вы сможете убедить ее, что вам хотелось бы встретиться с нею вновь, полагаю, что смогу сделать все остальное. Выполните ли вы мою просьбу?

«Господи, ну что за вечер», — подумал Бонд. И улыбнулся, вложив в улыбку всю теплоту, на какую был только способен.

— Конечно же, я с удовольствием выполню вашу просьбу. Но у меня билет на первый самолет, который отправляется завтра утром из Ле-Туке. Возьмете ли вы на себя заботу о ней после моего отъезда?

— Безусловно, мой друг. — Марк-Анж прикрыл рукой глаза. — Прошу прощения. Но после стольких мрачных лет у меня опять появилась надежда. — Он распрямился и внезапно наклонился вперед, решительно положив руки на стол. — Не стану благодарить вас. Не в моих это правилах. Но скажите мне, дорогой друг, есть ли в этом мире что-нибудь, что я могу сделать для вас, прямо сейчас, не откладывая? У меня большие возможности, власть, источники информации. Все это в вашем распоряжении. Что же я могу для вас сделать?

И тут Бонда осенило. Он расцвел в улыбке:

— Мне нужны кое-какие сведения. Есть такой чело-

век — по имени Блофелд, Эрнст Ставро Блофелд. Должно быть, вы слышали о нем. Мне бы хотелось знать, жив ли он и где скрывается.

Выражение лица Марка-Анжа мгновенно изменилось. Теперь перед Бондом сидел настоящий бандит с холодными, жестокими, мстительными глазами цвета коричневого опала.

— Ага,— произнес он задумчиво.— Тот самый Блофелд. Да, он безусловно жив. Совсем недавно он переманил к себе троих моих людей, подкупил их. Он и раньше так делал. Трое членов его прежней организации СПЕКТР были из Корсиканского союза. Ну что ж, посмотрим, что нам известно.

На письменном столе стоял один-единственный черный телефонный аппарат. Драко снял трубку, и сразу же Бонд услышал приглушенный голос оператора: «Жду ваших указаний». Марк-Анж положил трубку.

— Я вызвал нашу местную штаб-квартиру в Аяччо. Они ответят через пять минут. Но времени в обрез. Полиция может засечь радиосигнал, хотя я и меняю частоту каждую неделю. К тому же помогает корсиканский диалект — разобратся в нем не просто.

Загудел зуммер. Когда Марк-Анж снял трубку, Бонд услышал свист и треск, которые ему были так знакомы. Марк-Анж говорил властным резким голосом: «Вызывает сам. Нужна информация о Блофелде. Эрнсте Ставро». Ответ был еле слышен. «Это точно? Но где конкретно?» В трубке опять что-то затрещало. «Хорошо. Это все».

Марк-Анж опустил трубку. Развел руками, как бы извиняясь.

— Известно лишь, что он в Швейцарии. Точного адреса нет. Этого хватит? Наверняка ваши люди смогут там его разыскать, если, конечно, поможет швейцарская служба безопасности. Хотя, когда дело касается частного лица, особенно если он богат, каши с ними не сварить, личный покой оберегают свято.

У Бонда радостно забилося сердце. Попался-таки, негодяй!

— Блестяще, Марк-Анж,— восторженно воскликнул он.— Теперь дело за малым. В Швейцарии нам непременно помогут.

Увидев реакцию Бонда, Марк-Анж расплылся в улыбке:

— Но если что-нибудь пойдет не так с этим делом или с каким-нибудь другим, обещайте немедленно связаться со мной. Хорошо? — Достав из ящика стола визитку, он пере-

дал ее Бонду. — Это крыша, вполне легальный официальный адрес. Звоните или телеграфируйте, но просьбу или информацию излагайте так, чтобы речь шла об электротоварах. Например, в полученной партии радиоприемников некоторые имеют дефекты. Встречу с представителем фирмы необходимо провести там-то и тогда-то. Понятно? Вы же знаете эти трюки, к тому же, — он хитро усмехнулся, — если не ошибаюсь, вы связаны с какой-то международной экспортной компанией. Кажется, «Юниверсал экспорт», не так ли?

Бонд улыбнулся. Откуда этот чертушка знает такие вещи? Может, следует предупредить отдел безопасности? Нет. Этот человек стал другом. А кроме того — «херкос о дон-тон», держи язык за зубами!

— Теперь я могу позвать Терезу? — спросил Марк-Анж тихо. — Она ничего не знает о нашем разговоре. Ну, скажем, мы беседовали о краже драгоценностей на юге Франции. Предположим, что вы представляете интересы одной страховой компании. У нас с вами частная сделка. Сможете изобразить это? Ну вот и прекрасно. — Он поднялся, подошел к Бонду и положил руку ему на плечо. — И спасибо вам. Спасибо за все. — И он вышел из комнаты.

«Ну и ну! — подумал Бонд, — теперь у меня дел хватит».

6

БОНД С БОНД-СТРИТ?

Два месяца спустя Бонд не спеша ехал из своего дома в Челси, направляясь в штаб-квартиру.

Было половина десятого утра — еще один хороший денек, на которые так щедр этот год, но в Гайд-Парке уже носился в воздухе запах сжигаемых листьев, напоминавший о том, что зима не за горами. Бонда, впрочем, занимала другая мысль — он устал ждать, когда, наконец, пост «Зет» выудит у швейцарской службы безопасности точный адрес Блофелда. Однако их «друзья» в Цюрихе как были бестолковыми, а вернее — упрямыми, так и оставались ими: нигде во всей Швейцарии нет никаких следов жителя или туриста по фамилии Блофелд; ничто не говорит и о том, что на швейцарской территории существует возродившаяся организация СПЕКТР. Да, они отдают себе отчет в том, что Блофелд все еще находится в розыске, за ним охотятся правительства союзников по НАТО. Они разослали повсюду соответствующие предписания о немедленном задержании этого

человека, в течение последнего года они неустанно следят за тем, чтобы он числился в списках разыскиваемых, имеющих на каждом пограничном пункте. Они весьма сожалеют, но, если Секретная разведывательная служба не предоставит в их распоряжение дополнительную информацию относительно этого человека, вынуждены будут прийти к выводу — Секретную службу ввели в заблуждение. Пост «Зет» сделал запрос о тайных банковских списках, попросил проверить анонимные «номерные» вклады, скрывающие имена владельцев очень крупных состояний, источники которых вызывают подозрение. Запрос этот — вежливо и деликатно — удовлетворен не был. Блофелд, разумеется, закоренелый преступник, но швейцарская служба безопасности обязана указать на то, что подобные сведения можно получить лишь законным путем, иначе говоря — только тогда, когда преступник, о котором идет речь, совершил преступление на территории Конфедерации и подлежит наказанию в соответствии с Федеральным уголовным кодексом. Действительно, этот Блофелд пытался шантажировать правительства Великобритании и Соединенных Штатов, требуя выкуп за незаконно захваченное им атомное оружие. Но по швейцарским законам подобные действия преступлением не считаются и уж никак не подходят под статью 47в законодательных актов, регулирующих банковские операции. Вот так обстоят дела! Священный Франк и все финансовые средства, обеспечивающие его, откуда бы они ни поступали, должны оставаться неприкосновенными. И — вежливо по-немецки: «Приносим свои искренние извинения».

Бонд уже прикидывал, не связаться ли ему с Марком-Анжем. До сих пор в своих донесениях он лишь намекал на связь с Корсиканским союзом, во всяком случае, информацию он получил именно от этой организации. Но дальнейшие совместные действия в его планы пока не входили, это означало бы по меньшей мере новый разговор с Марком-Анжем о Трейси. А в этот уголок своей жизни, своего сердца он не хотел пускать никого. Последний вечер они провели тихо и спокойно, почти как старые друзья, давнишние любовники. Бонд сказал, что по заданию «Юниверсал экспорт» он отправляется за границу, будет отсутствовать некоторое время. Когда вернется в Европу, они, безусловно, встретятся. Она согласилась с таким планом. И сама решила поехать куда-нибудь отдохнуть. Слишком устала. Переутомилась, была на грани нервного срыва. Она будет ждать его. Может быть, им отправиться на Рождество покататься на лыжах? Бонд с энтузиазмом поддержал такое предложение.

В ту ночь, после великолепного ужина в ресторанчике, так любимом Бондом, они снова были вместе, были счастливы — ни безрассудства, ни слез, — они растворялись друг в друге. Бонд радовался — выздоровление уже началось. Ему очень хотелось помочь ей. Но он знал, что их отношения и ее удовлетворительное состояние покоятся на лезвии ножа, одно неосторожное движение — и все пойдет прахом.

Именно в этот момент его размышления были прерваны отрывистыми сигналами «синкрафона», небольшого устройства, умещавшегося в кармане брюк. Пospешно выехав из парка, Бонд остановил машину у ближайшей телефонной будки неподалеку от Марбл-Арч. «Синкрафон» ввели в употребление совсем недавно, его обязаны были иметь при себе все офицеры, прикомандированные к штаб-квартире. Это был легкий пластиковый радиоприемник размером с карманные часы. Когда сотрудник находился в Лондоне, в радиусе десяти миль от штаб-квартиры, его можно было вызвать по такому приемнику. В подобных обстоятельствах в обязанность ему вменялось связаться с офисом при первой же возможности. Это означало, что его разыскивали.

Бонд позвонил на коммутатор по единственному внешнему номеру, которым ему разрешалось пользоваться, он произнес: «Говорит 007» — и сразу же услышал голос своей секретарши.

Она пришла к ним совсем недавно. Лелия Понсонбай наконец-то уволилась, выйдя замуж за нудного, но состоятельного представителя фирмы «Болтик эксчендж», теперь она ограничивалась тем, что время от времени присылала на свою бывшую работу навевающие скуку рождественские поздравления или открытки по случаю дня рождения кого-нибудь из коллег по отделу 00. Но новенькая секретарша, Мэри Гуднайт, бывшая сотрудница женской вспомогательной службы военно-морских сил, голубоглазая, с волосами цвета вороньего крыла, грудь — талия — бедра — 37—22—35 в дюймах, была само совершенство, и в отделе уже делали ставки, держали пари, пытаясь угадать, кто же первым добьется ее благосклонности. Бонд считался одним из фаворитов, соперничая лишь с бывшим офицером десантно-диверсионной части королевской морской пехоты, числившимся под номером 006, но после появления в его жизни Трейси Бонд сам себя считал выбывшим из соревнования, хотя по-прежнему довольно откровенно флиртовал с ней.

— Доброе утро, — сказал он, услышав ее голос. — Доброе утро, Гуднайт. Чем могу быть полезен? Что будем делать — ссориться или мириться?

Она хихикнула, хотя по должности ей этого не полагалось делать.

— Оснований для паники вроде нет, хотя сверху вам спустили весьма срочное указание. Надлежит немедленно отправиться в Геральдическую палату и встретиться там с неким Гриффеном Ором.

— «Ором» в каком смысле?

— Просто Ором. Ах да, он, кстати, занимает должность «сопровождающего» при герольде, звучит внушительно. Хотя я в этом ничего не понимаю. Кажется, они напали на след «Бедлама».

«Бедлам» было кодовым названием операции по розыску Блоффелда.

— Неужели? — сказал Бонд, понимая всю важность полученной информации. — В таком случае — лечу. Всего хорошего, Гуднайт. — Вешая трубку, он успел расслышать, как она опять хихикнула.

Что там еще стряслось? Бонд сел в машину, которая, к счастью, не привлекла внимания полиции или регулировщиков движения, и помчался на другой конец Лондона. Странно, очень странно. Какое отношение может иметь ко всему этому Геральдическая палата, о деятельности которой он имел весьма поверхностное представление, знал лишь, что там устанавливают родословные отдельных семейств, придумывают гербы для новопожарованных пэров и организуют различные торжественные церемонии.

Геральдическая палата находилась на улице Королевы. Виктории при выезде из Сити. Бонд остановил машину у симпатичного домика в стиле эпохи королевы Анны, этакая тихая заводь из красного кирпича с белыми оконными рамами и уютным, выложенным булыжником внутренним двориком. Подковообразная каменная лестница вела ко входу, производившему надлежащее впечатление; при входе в тот день был вывешен флаг с геральдическим животным — полузверем, полуптицей, — нарисованным золотом на бледно-голубом фоне. «Грифон, — решил про себя Бонд, — грифон из чистого золота». Он прошел в огромный, мрачного вида зал, темные стены которого были увешаны выцветшими от времени портретами горделивых джентльменов, утопавших в рюшах и кружевах, а с карнизов окон свисали стяги Британского Содружества наций. Привратник в униформе вишневого цвета, украшенной латунными пуговицами, приятным тихим голосом спросил Бонда, чем может быть ему полезен. Бонд ответил, что хотел бы видеть Гриффона Ора, с ним назначена здесь встреча.

— Конечно, конечно, сэр,— таинственно прошептал привратник,— Гриффон Ор находится при исполнении обязанностей. Именно поэтому на этой неделе его герб красуется снаружи. Сюда, пожалуйста, сэр.

Бонд последовал за привратником по длинному коридору, сплошь завешанному тускло мерцавшими гербами в деревянных рамках, он поднялся наверх по сырой, покрытой паутиной лестнице, повернул за угол и оказался перед массивной дверью, над которой золотом было оттиснуто «Гриффон Ор, сопровождающий», над надписью восседал вышеназванный золотой грифон. Привратник постучал, открыл дверь и, назвав фамилию Бонда, оставил его у входа в захламленный кабинет, который был буквально завален книгами, бумагами и внушительного вида пергаменами,— над всем этим беспорядком возвышалась лысая розовая макушка, окаймленная седыми кудрями. В комнате пахло, как в склепе. Бонд прошел по узкой ковровой дорожке между грудями хлама и, остановившись у одиноко стоявшего кресла, оказался напротив человека, полускрытого от него кипой книг. Он кашлянул. Человек поднял глаза, прикрытые пенсне, и на лице его, очень походившем на физиономию мистера Пиквика, появилась отсутствующая улыбка. Он встал и слегка поклонился.

— Бонд,— произнес он голосом, похожим на скрип старого сундука,— командер Джеймс Бонд. Так-так, Бонд, Бонд, Бонд. Кажется, вы у меня где-то тут.— Он поводил пальцем по открытой странице огромного фолианта. Затем опустился в кресло, Бонд последовал его примеру.— Да, да, да. Действительно, весьма интересно. Очень интересно. Но, боюсь, мне придется разочаровать вас, уважаемый сэр. Титул этот более не существует. Мы, кстати, говорим о титуле баронета. Одним из самых желанных. Однако нет никакого сомнения в том, что есть возможность установить родство по побочной линии. Так-так.— Пенсне его прямо-таки буравило страницы.— Есть добрый десяток разных Бондов. Наиболее интересная ветвь обрывается на сэре Томасе Бонде, в своем роде выдающемся джентльмене. Он проживал в Пэкхеме. Потомства, увы, не оставил,— пенсне ободряюще подмигнуло,— не было законных наследников, скажем так. Конечно, в те времена, гм-м, нравы строгостью не отличались. Словом, если найти ниточку к Пэкхему...

— Я не имею никакого отношения к Пэкхему. Я...

Гриффон Ор поднял руку, останавливая его.

— А позвольте спросить,— сказал он строго,— откуда родом ваши родители? Это, уважаемый, первое звено в це-

почке. Отсюда мы и начнем разматывать клубочек — архивы Сомерсет-Хауса, записи в церковных книгах, старые надгробия. Нет сомнения, что с такой замечательной старинной английской фамилией, как ваша, мы в конце концов до чего-нибудь доберемся.

— Мой отец — шотландец, а мать из Швейцарии. Но дело в том...

— Понимаю, понимаю. Вы хотели бы знать, во сколько обойдется подобное исследование. Об этом, дорогой друг, поговорим позднее. А теперь скажите-ка мне, из каких мест в Шотландии родом ваш отец? Это важно. Шотландские архивы, безусловно, не столь исчерпывающи, на юге работать гораздо легче. В те времена, должен признаться, наши кузены, проживавшие по другую сторону границы, были немногим лучше дикарей. — Гриффон Ор вежливо склонил голову. По губам его скользнула мимолетная и, как показалось Бонду, притворная улыбка. — Конечно, это были симпатичные дикари, очень отважные и все такое. Но, увы, хроник соответствующих почти не вели. Мечом владели лучше, чем пером, если можно так выразиться. Но, быть может, ваши дед и бабка и их предки были выходцами с юга?

— Мой отец родом с Северного нагорья, это неподалеку от Гленкоу. Но позвольте заметить...

Гриффона Ора, однако, нельзя было сбить с толку. Он придвинул к себе еще один толстенный том и стал водить пальцем по строчкам, напечатанным микроскопическим шрифтом.

— Угу, угу, угу. Да, да. Начало не очень обнадеживающее. В «Основах геральдики» Бёрка приводится более десятка семейств вашей фамилии. Но какая жалость, ни одно из них не проживало в Шотландии. Это, правда, не означает, что шотландская ветвь отсутствует. Может быть, у вас имеются другие родственники, и вдруг они еще живы. Довольно часто при расследовании подобного рода находится неожиданно какой-нибудь дальний кузен...

Гриффон Ор сунул руку в карман шелкового жилета малинового цвета, жилет был застегнут наглухо почти до самого галстука, завязанного аккуратным узлом; он вынул маленькую серебряную табакерку, протянул ее Бонду, потом сам взял две большие щепотки и сильно втянул носом. Он дважды чихнул, как взорвался, прикрывшись изысканным носовым платком с вензелями.

Бонд воспользовался паузой. Он наклонился вперед и сказал четко и громко:

— Я пришел сюда не для того, чтобы говорить о себе, меня интересует Блофелд.

— Что вы сказали? — Гриффон Ор посмотрел на него с нескрываемым изумлением. — Вас не интересует собственная родословная? — Он предостерегающе поднял вверх палец. — Понимаете ли вы, мой дорогой друг, что в случае успеха вы сможете претендовать на то, чтобы считаться прямым потомком, — здесь он почувствовал себя неуверенно, — или по меньшей мере особой, состоящей в родстве с одной из древнейших фамилий баронетов, получивших этот титул, — он вновь обратился к первому фолианту и нырнул в него, — в 1658 году! Разве может вас оставлять равнодушным то обстоятельство, что один из ваших предполагаемых предков имел отношение к названию едва ли не самой знаменитой улицы мира — я имею в виду, конечно, Бонд-стрит? И говорю я о сэре Томасе Бонде, баронете из Пэкхема в графстве Суррей, ведь он, уверен, что для вас это давно не секрет, занимал должность ревизора при дворе Генриетты-Марии, королевы-матери. Улица появилась в 1686 году. Общеизвестно, что название ее ассоциируется с именами известных англичан. Первый герцог Сент-Олбенс, сын Нелл Гвинн, жил на этой улице, равно как и Лоренс Стерн. Знаменитый Босуэльский обед проходил именно там, и присутствовали на нем Джонсон, Рейнольдс, Голдсмит и Гаррик. Настоятель Свифт и Кеннинг проживали там в разное время, и небезынтересно отметить, что, когда лорд Нельсон обрелся в доме № 141, леди Гамильтон находилась в доме № 145. И это, уважаемый сэръ, центральная торговая улица Лондона, и это — имя, которое вы носите! Ну как, в вас все еще не проснулось желание предъявить свои права на такой благородный титул? Нет? — Он в изумлении приподнял свои густые брови. — Перипетии и хитросплетения самой истории, дорогой командер Бонд. — Он потянулся еще за одним томом, который уже лежал открытым на его письменном столе, было очевидно, что он приготовил его специально, дабы доставить Бонду удовольствие. — Вот герб, например, он, без сомнения, должен вас заинтересовать, да что там, всей вашей семье, вашим детям без него никак не обойтись. Послушайте только: «Орнамент из трех дисков черного цвета, нашитых углом на серебре». — Он развернул книгу так, чтобы Бонд мог видеть рисунок. — Диски в форме золотистых шаров, ну это, я думаю, вы и так знаете. Три шара.

— Конечно, весьма ценное дополнение, — сухо прокомментировал Бонд, но ирония, заключенная во фразе, не дошла до Гриффона Ора, — боюсь, однако, что во всем этом я

ничего не смыслу. И нет у меня ни родственников, ни детей. А теперь о человеке по имени...

— Но как же можно оставить без внимания такие замечательные слова, что начертаны на гербе,— перебил его взволнованно Гриффон Ор,— «Мне мира мало». И вы отказываетесь от своих претензий на все это?

— Девиз, безусловно, великолепен, и отказываться от него было бы грешно,— сказал Бонд нетерпеливо и нарочито взглянул на часы.— Однако теперь, кажется, пора уже перейти к делу. Мне еще нужно успеть в свое министерство.

Гриффон Ор, «сопровождающий» из Геральдической палаты, выглядел искренне обиженным.

— А вот еще одна ветвь, восходящая по меньшей мере к Норману Ле Бонду, первое упоминание о котором датируется 1180 годом! Прекрасное древнее английское имя, хотя, может быть, в истоках своих — не высокого происхождения. В «Словаре английских фамилий» приводится вполне конкретное определение — «землепашец, крестьянин, простолудин». — Не мелькнул ли в бесцветных глазах Гриффона злобный огонек? — Но если вас несколько не интересует собственная родословная, истоки семейства вашего,— добавил Ор, сдаваясь,— тогда, достопочтимый сэръ, чем же могу быть вам полезен?

Наконец-то! Джеймс Бонд вздохнул с облегчением.

— Я пришел сюда,— принялся терпеливо объяснять он,— чтобы навести справки о некоем Блофелде, Эрнсте Ставро Блофелде. Кажется, ваша организация располагает некоторой информацией об этом человеке.

В глазах Гриффона Ора вдруг мелькнуло подозрение.

— Но вы представились командером Джеймсом Бондом. А теперь называете имя Блофелда. Как это понимать?

— Я из министерства обороны,— сказал Бонд холодно,— где-то в этом помещении мне должны сообщить сведения о человеке по фамилии Блофелд. К кому мне обратиться?

Гриффон Ор пошарил рукой в ореоле своих кудрей.

— Блофелд, да? Так-так,— он посмотрел на Бонда отсутствующим взглядом.— Простите, командер Бонд, но я потратил впустую массу своего времени, времени Геральдической палаты. Для меня остается загадкой, почему вы сразу не назвали это имя. Позвольте, позвольте — Блофелд, Блофелд. Кажется, припоминаю, имя это упоминалось на днях на одном из заседаний нашего капитула. Кто же занимался этим делом? Ах да.— Он потянулся к телефону, со всех сторон окруженному книгами и бумагами: — Соедините меня с Сейблом Базилиском.

Пока Бонда вновь вели по заплесневелым коридорам, сердце его замирало от самых разных предчувствий. Сейбл Базилиск — ну и имена же у них здесь, все как на подбор. Каким замшелым чудачком окажется этот тип?

Он оказался еще перед одной массивной дверью, на которой золотом была оттиснута еще одна фамилия, на этот раз над ней красовалось какое-то жуткое чудовище черного цвета с отвратительным клювом. Однако, против всех ожиданий, Бонд оказался в светлой, опрятной, со вкусом обставленной комнате, по стенам которой были развешаны очаровательные гравюры, все книги находились в образцовом порядке. В воздухе витал едва уловимый запах турецкого табака. Из-за стола поднялся молодой человек — Бонд выглядел несколько старше — и шагнул навстречу гостю. Худощавый, с красивыми тонкими чертами, с лицом, на котором была написана преданность науке и которое не выглядело серьезным лишь потому, что у уголков рта залегли скептические складки, а спокойный взгляд таил иронию.

— Коммандер Бонд? — Пожатие руки было кратким и крепким. — Я вас ждал. Значит, вам не удалось избежать когтей дорогого Гриффона? Он у нас энтузиаст, в дело свое просто влюблен. Впрочем, мы все здесь такие. И все-таки с ним не сравниться. Человек хороший, но чересчур увлекающийся. Вы понимаете, что я имею в виду?

«Место это, — подумал Бонд про себя, — напоминает, пожалуй, учебное заведение. Здесь царит такая же атмосфера, как в профессорской какого-нибудь университета. Без сомнения, Гриффон Ор держит Сейбла Базилиска за молодого дилетанта и считает его самонадеянным юнцом». Вслух же он произнес:

— Кажется, ему очень хотелось установить, какое отношение я имею к Бонд-стрит. Потребовалось немало времени, чтобы убедить его в том, что я готов довольствоваться именем и положением Бонда самого заурядного; он, кстати, сам, не церемонясь, так мне, во всяком случае, показалось, расшифровал мою фамилию вовсе не затейливо — «простолюдин», деревенщина.

Сейбл Базилиск рассмеялся. Он сел за стол, подвинул к себе папку и указал Бонду на стул рядом с собой.

— Ну что ж, приступим к делу. Во-первых, — он посмотрел Бонду прямо в глаза, — как понимаю, вернее, догадываюсь, дело это каким-то образом касается разведывательной службы. Не беспокойтесь, болтать ни с кем об этом

не собираюсь, сам служил в разведке — в английской Рейнской армии. Во-вторых, в этом здании сосредоточено не меньше секретов, чем в любом правительственном заведении — только секреты эти, поверьте, не из приятных. Среди прочего мы занимаемся тем, что подыскиваем титулы людям, возведенным в дворянское достоинство в соответствии с наградным реестром. Иногда нас просят установить право на титул, если оно было утрачено или если весь род вымер. Документы, с которыми мы работаем, полны снобизма и тщеславия. Так, рассказывают, что, когда я здесь еще не работал, появился неизвестно откуда один джентльмен, наживший миллионы в какой-то отрасли легкой промышленности и возведенный в звание пэра «за оказание услуг в области политики и государственной службы», иначе говоря — за благотворительную деятельность и соответствующие взносы в партийную кассу; претендовал он на титул лорда Бентли Благородного — Благородной называлась одна деревушка в графстве Эссекс. Нам пришлось дать разъяснение, что слово «благородный» применимо лишь в отношении высшей знати; не церемонясь, мы отвечали, что бесхозна пока также деревушка под названием Обыкновенная — вот и пусть величается лордом Бентли Обыкновенным. — Он улыбнулся. — Понимаете теперь, что я имею в виду? Если бы нечто подобное произошло, человек этот стал бы посмешищем всей Англии. Или вот вам другой пример — нам приходится иногда подыскивать наследников на востребованные состояния. Такой-то и такой-то, скажем, считает себя законным герцогом Бланкским и непременно желает получить соответствующее наследство. По случайности фамилия его также содержит корень «бланк», а предки переместились в свое время в Америку, или в Австралию, или еще куда-то там. Одним словом, в кабинетах наших снобизм и тщеславие легко соединяются с алчностью и корыстолюбием. Конечно, — добавил он, окончательно раскрывая карты, — это лишь десятая, невидимая часть огромного айсберга той работы, которой мы занимаемся. Все остальное — вполне официальные правительственные и посольские дела: порядок соблюдения старшинства на церемониях, дипломатический протокол, правила вручения ордена Подвязки и тому подобное. Мы занимаемся всем этим почти полтысячи лет, так что, полагаю, вполне вписались в общую систему.

— Безусловно, — без обиняков согласился Бонд. — И конечно, что касается вопросов безопасности, мы можем быть, я в этом уверен, откровенны друг с другом. Так вот — о Блоффелде. По правде говоря, большего мошенника не сы-

скать, пожалуй, в целом мире. Вам известно что-нибудь об операции «Гром», проведенной около года назад? В прессу просочилось немного, но можете мне поверить — этот Блофелд стоял у истоков всего дела. Но как же вы вышли на него? Мне интересны любые мелочи. Пожалуйста, любая информация о нем чрезвычайно важна.

Сейбл Базилиск взял из папки лежавшее сверху письмо.

— Да,— сказал он задумчиво,— когда вчера меня несколько раз попросили срочно связаться с министерством иностранных дел и министерством обороны, я сразу подумал об этом типе. Раньше мне как-то и в голову не приходило, что это тот самый случай, когда соображения конфиденциальности, которыми мы руководствуемся, отступают на второй план, иначе бы давно предпринял соответствующие действия. Так вот, в июне, десятого числа, мы получили из конторы уважаемых цюрихских адвокатов конфиденциальное письмо, датированное девятым июня. Вот оно:

«Многоуважаемые господа!

Среди наших клиентов имеется весьма состоятельный человек по имени Эрнст Ставро Блофелд. Этот джентльмен именует себя также мсье графом Бальтазаром де Блевиль, полагая, что является законным наследником рода, который, насколько понимаем, прекратил свое существование. Его убеждение основано на рассказах, которые он слышал от своих родителей в детстве: семья его вынуждена была покинуть Францию во времена революции, обосновалась она в Германии под вымышленной фамилией Блофелд, сделать это пришлось для того, чтобы ускользнуть от революционных властей и спасти свое состояние, на которое в Аугсбурге наложили арест; впоследствии, в 50-е годы прошлого столетия, Блофелды переселились в Польшу.

Наш клиент очень хотел бы, чтобы все эти факты были достоверно установлены, дабы он законным путем получил право носить титул графа де Блевиль, что будет скреплено соответствующим удостоверяющим актом за печатью министерства юстиции в Париже.

Пока же наш клиент предполагает хотя бы временно продолжать использовать титул графа де Блевиль, равно как и фамильный герб, который, как он сообщил нам, выглядит следующим образом: на серебряном поле четыре легких мушкета и вертикальная полоса красного цвета, а также девиз де Блевилей, по-английски звучащий так: «За домашний очаг».

— Хороший девиз! — вставил Бонд.

Сейбл Базилиск улыбнулся и продолжал:

«Мы понимаем, что вы, многоуважаемые господа, представляете единственную в мире организацию, которая в состоянии взяться за подобную исследовательскую работу, и нам было поручено обратиться к вам при условии соблюдения всех правил предосторожности и строжайшей секретности, о чем, как нам кажется, мы имеем право просить, принимая во внимание все нюансы данного дела, относящиеся к надлежащему положению в обществе.

Финансовое положение нашего клиента безупречно, и необходимые расходы не являются предметом обсуждения. В качестве аванса, как только вы согласитесь взять на себя решение данного вопроса, мы предлагаем вознаграждение в одну тысячу фунтов стерлингов, сумма эта будет переведена на тот банковский счет, который вы соизволите указать.

Выражаем надежду получить ваш ответ в ближайшее время.

Остаемся, многоуважаемые господа...» и т. д. и т. п.
«Гебрюдер Гумполд — Мусбрюггер, адвокаты, 16 Bis, Банхофштрассе, Цюрих».

Сейбл Базилиск взглянул на Бонда. В глазах его он прочел сильное волнение. Сейбл Базилиск просиял.

— Мы проявили к этому письму, наверное, еще больший интерес, чем вы. Видите ли, раз уж я взялся посвятить вас во все наши тайны, — жалование мы получаем довольно скромное. И поэтому у всех нас есть свои частные источники, помимо тех официальных гонораров, которые перепадает за оказание особых услуг, подобных этой. Гонорары редко превышают сумму в 50 гиней, а меж тем требуется вести довольно сложные расследования, бегать по коридорам государственных учреждений в Сомерсет-Хаусе, копаться в метрических записях, тревожить надгробия — всем этим приходится заниматься, когда идешь по следу чьих-либо предков. Поэтому подобное предположение для нашей Геральдической палаты — сущий клад, и так как я был «на дежурстве» в тот день, когда пришло письмо, работа попала в мои руки.

— И как же вы поступили? — спросил нетерпеливо Бонд. — Вы ответили на письмо?

— О да, но, кажется, довольно невнятно. Конечно же, я сразу написал, что готов выполнить исследование и обещаю сохранить все в тайне, — он улыбнулся, — а вы сейчас вынуждаете меня нарушить этот обет и преступить закон о служебной тайне. Не так ли? Ведь я подчиняюсь вам под давлением обстоятельств?

— Безусловно так,— с воодушевлением воскликнул Бонд.

Сейбл Базилиск сделал аккуратную пометку на лежащем сверху в папке документе и продолжал:

— Конечно, прежде всего я должен был запросить у этого человека свидетельство о рождении. Выдержав определенную паузу, мне сообщили, что оно потеряно и что мне ни в коем случае не следует об этом беспокоиться. Граф на самом деле родился в Гдыне 28 мая 1908 года, отец его — поляк, а мать — гречанка, вот здесь у меня их имена. А нельзя ли, спросили меня, вести поиски с другого конца, нельзя ли начать с де Блевилей? Ответом я не спешил, хотя к тому времени уже нашел в нашей библиотеке материалы, которые подтверждали, что род де Блевилей действительно существовал, первые упоминания о нем относятся к XVII веку. Обреталось семейство в местечке Блонвиль-сюр-мер, департамент Кальвадос, и герб и девиз в точности соответствовали тем данным, которые приводил Блофелд.— Сейбл Базилиск сделал паузу.— Об этом, уверен, ему было прекрасно известно. Бессмысленно изобретать несуществующий род де Блевилей и пытаться подобной чепухой забивать нам голову. Я поведал цюрихским адвокатам о своем открытии и вместо летнего отдыха отправился на север Франции, дабы разнюхать еще что-нибудь,— я, можно сказать, специализируюсь на геральдике, связанной с историей тамошних мест, история эта имеет прямое отношение к событиям, происходившим в Англии. Пока суд да дело, я написал, однако, как и подобает в таких случаях, нашему послу в Варшаве, я попросил его связаться с консулом в Гдыне, дабы через него нанять адвоката и навести элементарные справки в бюро записей актов гражданского состояния и в различных церквах, где Блофелда могли крестить. Ответ, который я получил в начале сентября, нисколько меня не удивил. Страницы, на которых должны были быть записи о рождении Блофелда, кто-то аккуратно вырезал. Говорить об этом я никому не стал, то есть я не сообщил о полученной информации адвокатам в Швейцарии, ибо они убедительно просили меня не наводить справок в Польше. Не теряя времени, я тем не менее с помощью одного адвоката провел такое же расследование в Аугсбурге. Блофелды там действительно значились, их имелось преогромное количество — это довольно распространенная немецкая фамилия,— но не было и намека на какую-либо их связь с де Блевилями из Кальвадоса. Словом, я оказался в тупике, но удивить меня уже было трудно, и я написал нейтральный отчет швейцар-

ским адвокатам, сообщив, что продолжаю свои исследования. Вот как обстояли дела, — Сейбл Базилиск захопнул папку, — когда вчера стал беспрестанно трезвонить телефон, и все потому, что кто-то в отделе северных территорий министерства иностранных дел, вероятно, увидел копию моего запроса в Варшаву, и имя Блофелда навело на размышления, а уж затем возникли вы, вынырнув из пещеры моего друга Гриффона и всем своим видом выражая крайнее нетерпение. Собственно, это все.

Бонд задумчиво почесал затылок.

— Но мяч-то все еще в игре?

— О да, на этот счет нет никаких сомнений.

— Вы в состоянии продолжать игру? Если я правильно понял, нынешнего адреса Блофелда у вас нет? — Сейбл Базилиск отрицательно покачал головой. — Стало быть, можно найти какой-нибудь разумный предлог и направить к Блофелду вашего доверенного? — Бонд расцвел. — Меня, например, направить меня как представителя Палаты, которому необходимо поговорить с клиентом, — ну, придумать что-то такое, чего не выяснишь в письмах, что-нибудь, что требует личной встречи с Блофелдом.

— Да-да, что-то в этом роде, кажется, имеется. — На лице Сейбла Базилиски появилось озабоченное выражение. — Понимаете, в некоторых семьях из поколения в поколение обязательно повторяется во внешности одна и та же отличительная черта. Скажем, у Габсбургов это характерные губы. Среди потомков Бурбонов — склонность к заболеванию гемофилией. У всех из рода Медичи — орлиный нос. У членов одной королевской семьи имеется чуть заметный рудиментарный хвост. Наследственные магараджи Майсура рождаются с шестью пальцами на руках. Я могу продолжать до бесконечности, но это самые известные случаи. Так вот, когда я ползал по склепу в часовне местечка Блонвилль, осматривая старые могильные плиты на захоронениях Блевилей, фонарик высветил на всех этих каменных лицах одну любопытную деталь, которая, отложившись в закоулках моей памяти, всплыла вновь только сейчас, после вашего вопроса. Ни у кого из де Блевилей, насколько я могу судить, не было, во всяком случае в течение последних полутора столетий, мочек ушей.

— Вот как, — произнес Бонд, перебирая в памяти детали опознавательного портрета Блофелда и полную распечатку его физиогномических данных, хранящихся в архиве. — Стало быть, чтобы получить титул на законных основаниях, он должен лишиться мочек обоих ушей. В против-

ном случае все его претензии могут показаться весьма сомнительными, не так ли?

— Совершенно верно.

— Ну так у него есть мочки,— сказал Бонд с раздражением.— И здоровенные мочки, надо отметить. Что же будем делать?

— Начнем с того, что это лишь подтверждает другую известную мне уже информацию и говорит о том, что он не из рода де Блевилей. Но в конце концов,— Сейбл Базилиск лукаво улыбнулся,— ему незачем знать, какую именно отличительную черту его внешности мы высматриваем во время интервью.

— Вы считаете, что такое интервью можно организовать?

— А почему бы и нет. Но,— в голосе Сейбла Базилиска зазвучали просительные нотки,— вы, надеюсь, не будете возражать, если я попрошу разрешение у герольдмейстера ордена Подвязки? Он мой начальник, скажем так, после герцога Норфолкского, являющегося граф-маршалом, то есть председателем Геральдической палаты: дело в том, что я не могу припомнить ни одного случая, когда бы нам пришлось вступать в определенные отношения с разведкой. Ну в самом деле,— Сейбл Базилиск погрозил пальцем,— разве не должны мы, не обязаны быть чертовски педантичными. Ведь вы понимаете, о чем я говорю?

— Разумеется. И я уверен, возражений не последует. Но даже если Блофелд согласится встретиться со мной, каким образом, черт возьми, смогу я сыграть свою роль? Вся эта тарабарщина для меня просто китайская грамота.— Он улыбнулся.— Как смогу отличить геральдическое красное поле от орнамента из красных дисков, а уж что за титул баронет — мне и вовсе никак не объяснить. Что же мне сказать Блофелду? Кем предтавиться?

Сейбл Базилиск проявил завидный энтузиазм.

— Это мы утрясем,— беспечно сказал он.— С моей помощью вы узнаете всю подноготную де Блевилей. И без труда вызубрите несколько популярных книжек о геральдике. Совсем не трудно будет произвести должное впечатление. В этом деле вообще мало кто смыслит.

— Быть может, вы и правы. Но Блофелд хитрый зверь. Он потребует массу сведений, удостоверяющих личность того, с кем собирается встретиться, ведь наверняка не подпускает к себе никого, разве что своего адвоката да банкира. В каком же качестве я должен предстать перед ним?

— Вы считаете Блофелда большим хитрецом только потому, что сталкивались с ним в ситуации, когда именно эта черта его характера проявлялась наиболее ярко,— сказал Сейбл Базилиск со знанием дела.— Мне приходилось встречать сотни ловкачей — финансовых воротил, промышленников, политиков — знаменитостей, с которыми было страшно разговаривать, когда они входили в эту комнату. Но как только проявляется снобизм, как только речь заходит о желании купить, так сказать, положение в обществе, будь это титул, который тщательно подбирают по мерке, или просто герб, выставляемый для красоты над камином где-нибудь в богом забытом Сербитоне, все эти люди начинают вдруг уменьшаться в размере, становиться карликами перед вами,— иллюстрируя сказанное, он опустил над столом руку,— со временем они превращаются в совершенных пигмеев. А с женщинами и того хуже. Мечта о том, чтобы проснуться однажды настоящей «леди», чтобы считаться таковой в узком кругу своих знакомых, настолько губительна, что они бесстыдно до неприличия готовы обнажить перед вами свою душу. Как это ни странно,— Сейбл Базилиск наморщил свой высокий бледный лоб, пытаясь найти подходящее сравнение,— но все эти добропорядочные граждане, эти Смиты и Брауны, Джонсы и,— он улыбнулся собеседнику,— Бонды считают процедуру возведения в дворянское достоинство чем-то вроде обряда омовения, отпущения грехов, которых изрядно набралось за прожитые годы, это своего рода очищение их скудного умишка, избавление от присущего им комплекса неполноценности. Пусть Блофелд вас не беспокоит. Он уже попался на крючок. Возможно, он и гангстер, каких поискать. Судя по тому, что мне известно об этом деле, он, конечно, мошенник из мошенников. Вполне допускаю, что он жесток и безжалостен, когда находится в знакомой ему среде и знает, как себя вести. Но козь скоро он возьмется доказать, что является графом де Блевиль, можно быть уверенным в следующем. Он хочет сменить имя. Это вполне понятно. Он жаждет стать другим — стать почтенным человеком. Это тоже очевидно. Но более всего он желает стать графом.— Говоря это, Сейбл Базилиск ударил ладонью по столу, придавая сказанному особое значение.— Вот, господин Бонд, то, что чрезвычайно важно. Он богатый и преуспевающий в своем деле человек, неважно при этом, чем он занимается. Его больше не прельщают материальные ценности — ни богатство, ни власть. По моим подсчетам, ему сейчас 54 года. И он страстно мечтает сменить обличье. Смею вас уверить, господин Бонд, он вас примет,

если нам удастся разыграть все как по нотам, то есть поставить его в положение пациента, консультирующегося у врача относительно,— аристократическое лицо Сейбла Базилика приняло выражение нескрываемого отвращения,— венерической болезни, которую он сумел подцепить неизвестно где.— Весь вид Сейбла Базилика, когда он произносил эти слова, не оставлял сомнений в его абсолютной уверенности в неотразимости приведенных доводов. Он опустил в кресло и впервые закурил. Бонд почувствовал запах турецкого табака.— И только так,— голосом, не терпящим возражений, произнес Базилик.— Этот человек знает, что запятнан, знает, что отвергнут обществом. И по заслугам. Теперь он задумал подковать свою лошадь заново, купить себе другое имя. Если вас интересует мое мнение, считаю, что мы должны помочь ему улучшить плохую породу, пусть он несется во весь опор, не зная, что лошадь с изъяном,— так быстрее сломает себе шею.

8

ПРИЧУДЛИВАЯ «КРЫША»

«И кем это, черт побери, вы собираетесь представить?»

М., как Бонд и предполагал, почти слово в слово повторил этот вопрос, когда в тот же вечер закончил читать докладную записку, на которую Бонд потратил всю вторую половину дня, диктуя ее Мэри Гуднайт. М. находился в тени, на него не падал желтый свет настольной лампы с зеленым абажуром, стоявшей на столе, но Бонд догадывался, что на изборожденном морщинами лице старого морского волка мелькали, сменяя друг друга, выражения скептицизма, раздражения и нетерпения. Об этом свидетельствовало и выражение «черт побери!». М. редко позволял себе крепкие словечки, но уж если он их употреблял, то это свидетельствовало о чьей-то предельной глупости. Очевидно, М. считал план Бонда далеким от совершенства, и теперь, находясь вне стен Геральдической палаты, вдалеке от ее преданных своему делу сотрудников, замкнутых в крошечном мире специальных вопросов, связанных с их профессией, Бонд не был уверен в том, что М. так уж и не прав.

— Я буду представлять, сэр, интересы Геральдической палаты. Этот самый Базилик рекомендовал мне прикрыться каким-нибудь громким титулом, надо придумать что-нибудь такое напыщенное, что могло бы произвести соответ-

ствующее впечатление на человека, помешанного на титулах. А Блофелд — это совершенно очевидно — просто одержим навязчивой идеей стать обладателем титула, иначе он не дал бы о себе знать, ему бы и в голову не пришло связаться даже с таким вполне надежным и — э-э — богом забытым заведением, каким является Геральдическая палата. В докладной я изложил все аргументы этого парня — мне они показались весьма убедительными. Снобизм — настоящая ахиллесова пята многих людей. Совершенно ясно, что Блофелд у нас на крючке. И я уверен, что именно на такую наживку его надо ловить.

— А я думаю, что все это ерунда, — вспыхнула М. (Не так давно — за особые заслуги — М. стал кавалером ордена св. Михаила и св. Георгия 2-й степени, и мисс Манипенни, его привлекательная секретарша, в минуту откровения открыла Бонду тайну — оказывается, М. не ответил ни на одно из поздравительных писем и посланий. Спустя некоторое время он вообще отказался их читать и приказал мисс Манипенни больше ему их не показывать, а выбрасывать в корзину для мусора.) — Ну хорошо, что вы там еще придумали со всеми этими дурацкими титулами? К чему все это?

Если бы Бонд умел краснеть, он обязательно стал бы пунцовым.

— Гм-м, — начал он, — видите ли, сэр, есть на примете один человек — сэр Хилари Брей, приятель Сейбла Базилика. Приблизительно моего возраста и даже похож на меня. Предки его выходцы из Нормандии. Родословное древо — корнями в столетиях. Вильгельм Завоеватель и все такое. И герб имеется — эдакая помесь игры-головоломки и Пикадилли-серкус в ночное время, словом, Сейбл Базилик говорит, что он может с ним договориться. Брей воевал, послужной список в порядке, по-моему, он вполне надежен. Живет у черта на куличках, в одной из горных долин Хайленда, любит пташками и лазает по горам босиком. Вокруг ни души. Вряд ли в Швейцарии кто-нибудь слышал о нем. — В голосе Бонда зазвучали упрямые нотки, сдаваться он не собирался. — Итак, сэр, идея заключается в том, чтобы я стал Бреем. «Крыша», конечно, причудливая, но, мне кажется, под ней не промокнешь. Есть смысл рискнуть.

— Сэр Хилари Брей, ну и ну. — М. попытался скрыть издевку в голосе. — А дальше что? Станете бегать по Альпам со всеми этими геральдическими причиндалами?

Бонд убеждал терпеливо, настойчиво, энергично.

— Для начала в нашем паспортном столе меня снабдят надежными документами. Затем я выучу назубок родословную семьи Брея. Потом вызубрю основы геральдики. И наконец, если Блофелд заглотит наживку, я отправлюсь в Швейцарию, захватив с собой геральдические фолианты, и предложу свою помощь в выращивании генеалогического дерева де Блевилей.

— А что потом?

— А потом я постараюсь выманить его из Швейцарии, дабы он оказался по другую сторону границы, где мы сможем организовать его похищение точно так же, как в свое время израильтяне утащили Эйхмана. Детального плана у меня пока нет, сэр. Хотелось сначала получить ваше согласие. К тому же Сейбл Базилиск должен найти подходящую и весьма соблазнительную наживку и забросить ее этим адвокатам из Цюриха.

— А почему бы не попробовать оказать давление на адвокатов из Цюриха, выманить у них адрес Блофелда? Десантно-диверсионную операцию можно было бы разработать на более позднем этапе.

— Разве вы не знаете швейцарцев, сэр. Только богу известно, сколько платит им Блофелд. Суммы должны быть внушительными, он же миллионер. В конечном счете, адрес нам, вероятно, сообщат, но и Блофелду намекнут, что им интересуются, сделают это для того, чтобы получить гоно-рар прежде, чем он унесет ноги. Ведь деньги — религия швейцарцев.

— Не нужно читать мне лекцию о нравах обитателей Швейцарии, благодарю покорно, 007. По крайней мере, в поездах у них чисто, а битников нет и в помине (М. почему-то всегда приводил именно эти два довода!), но в том, что вы говорите, есть, пожалуй, доля правды. Ладно. — Жестом человека, утомленного разговором, М. подвинул к Бонду папку, лежавшую на столе. — Здесь сразу не разберешься. План следует доработать. — М. скептически покачал головой. — Сэр Хиларди Брей! Скажите начальнику штаба, что получили мое благословение. Хотя даю его неохотно. Скажите, что он может помочь вам всем необходимым. Держите меня в курсе дела. — М. потянулся к «вертушке» — правительственному телефону. В голосе его звучало недовольство. — Кажется, мне придется доложить премьер-министру, что мы кое-что разузнали об этом малом. В детали мы его посвящать не станем. Это все, 007.

— Благодарю вас, сэр. Всего хорошего. — Направляясь к двери, Бонд успел услышать, как М. произнес в зеленую

трубку: «Говорит М. Соедините меня, пожалуйста, с премьер-министром, да-да, с ним лично».

Зауспокойную службу можно было уже заказывать.

Бонд вышел и тихо прикрыл за собой дверь.

Итак, пока декабрь готовился прийти на смену ноябрю,— Джеймс Бонд без особого желания опять принялся за учебу, он часами просиживал за письменным столом, зубрил геральдику вместо свехсекретных отчетов, выискивал отрывочные сведения об англичанах и французах, живших в средние века, с головой уходил в старинные мифы и предания, перенимал опыт Сейбла Базилискиа и время от времени узнавал действительно интересные вещи, ну, например,— владельцы «Гамиджез», большого универсального магазина в Лондоне, родом были из местечка Гамаши, что в Нормандии, а Уолт Дисней оказался дальним родственником рода д'Исины из той же части Франции. Но то были жемчужные зерна в куче архаизмов, и когда однажды Мэри Гуднайт в ответ на какую-то его остроту обратилась к нему «сэр Хилари», он чуть не убил ее.

Тем временем в высшей степени учтивая переписка между Сейблом Базилиском и конторой «Гебрюдер Мусбрюгер» шла своим чередом, но с большими трудностями. Адвокаты, а вернее, Блофелд, стоящий за ними, не только выражали бесконечное неудовольствие, но при этом задавали весьма профессиональные вопросы, на каждый из которых приходилось подробно отвечать, прибегая к различным ухищрениям геральдической науки. Приходили и конкретные запросы о сэре Хилари Брее, этом новоявленном специалисте по геральдике. Попросили его фотографии — надлежащим образом сработанные, они были предоставлены. Пришлось также направить в Швейцарию подробнейшую, начиная со школьных лет, биографию Брея, которую действительный сэр Хилари прислал из Шотландии, сопроводив ее весьма забавной записочкой.

Чтобы проверить, все ли идет гладко, Сейбл Базилиск запросил дополнительные средства, и с обнадеживающей оперативностью, без проволочек, была получена еще одна тысяча фунтов. Когда 15 декабря пришел чек, Сейбл Базилиск, весьма собой довольный, позвонил Бонду. «Теперь не уйдет,— сказал он.— Блофелд у нас на крючке». И действительно, на следующий день пришло письмо из Цюриха, в котором сообщалось, что клиент дал согласие встретиться с сэром Хилари. Не будет ли сэр Хилари любезен прибыть

в центральный аэропорт Цюриха 105-м рейсом, который выполняет компания «Свиссэр», самолет совершит посадку в Цюрихе 21 декабря в 13. 00. По подсказке Бонда Сейбл Базиликс сообщил в ответном послании, что указанная дата не устраивает сэра Хилари, так как у него уже назначена встреча с Верховным комиссаром Канады — вопрос идет об уточнении некоторых фрагментов герба компании «Хадсон-бей». 22-е число, однако, сэру Хилари вполне подойдет. Цюрих откликнулся телеграммой, в которой выражалось полное согласие с таким расписанием. Бонду стало ясно, что рыбка заглотила не только наживку, но и грузило, и всю удочку.

Последние несколько дней прошли в суматохе совещаний в штаб-квартире под председательством начальника штаба. Было решено, что Бонд отправится на встречу с Блофелдом абсолютно «чистым». У него не будет при себе никакого оружия, никаких тайных приспособлений, и Служба не будет его никаким образом подстраховывать. Связь он станет держать только с Сейблом Базилиском, передавая информацию, которую сможет добыть, с помощью эзопова языка геральдики (Сейбла Базилискиа отдел М15 просветил после первой же его встречи с Бондом); Базилиску, который смутно догадывался, что Бонд работает в министерстве обороны, сделают «выход» в это учреждение, в Секретную службу информация будет поступать через данный канал. Расчет строился на том, что Бонд сможет находиться в обществе Блофелда по крайней мере в течение нескольких дней. Военная хитрость заключалась именно в этом. Важно было разузнать о Блофелде как можно больше — что делает, с кем работает — и только потом строить планы дальнейших действий, связанных с его насильственным похищением из Швейцарии. Может быть, они обойдутся без применения силовых приемов. Вдруг Бонду удастся склонить Блофелда к поездке в Германию — Сейбл Базиликс подготовит соответствующее письмо, в котором сообщит, что в центральном архиве города Аугсбурга имеются документы, относящиеся к некоему семейству Блофелдов, необходимо, чтобы клиент лично ознакомился с ними. Будут приняты все необходимые меры предосторожности: пост «Зет» не станут информировать о миссии Бонда в Швейцарии, и операцию под кодовым названием «Бедлам», которой занимались сотрудники штаб-квартиры, закроют — об этом будет сообщено в оперативной сводке дня. Операция получит другое кодовое наименование, о чем будут знать лишь несколько высших чинов. Итак — начинается операция «Корона».

Наконец, обсудили и вопрос о безопасности самого Бонда. В штаб-квартире знали, с кем имеют дело, никто не ставил под сомнение профессионализм Блофелда и его крайнюю жестокость. Как только Блофелд каким-то образом раскроет Бонда, он, конечно, не остановится перед его уничтожением. События могут развиваться и по иному, не менее опасному и вполне вероятному сценарию: Блофелд прозондирует «глубину» геральдических познаний Бонда; как только будет доказано, что он действительно является или не является графом де Блевиль, с сэром Хилари Бреем, «материалом» отработанным, может вдруг произойти несчастный случай. Бонду придется взглянуть в лицо всем этим опасностям и быть особенно осмотрительным в варианте «несчастного случая». У него и у Сейбла Базилиски из «группы поддержки» должны быть в запасе такие трюки, которые заставляли бы Блофелда ценить жизнь сэра Хиларди до поры до времени. В заключение начальник штаба заявил, что вся эта операция напоминает ему хитросплетения какой-то геральдической виньетки, и поэтому он предлагает дать ей кодовое наименование «Виньетка», что звучит лучше, чем «Корона». При этом, однако, он пожелал Бонду всяческой удачи и походя заметил, что, пожалуй, отдаст распоряжение техническому отделу немедленно начать разработку партии снежков со взрывным механизмом специально для защиты Бонда.

На этой ободряющей ноте совещание закончилось, и вечером 21 декабря Бонд вернулся к себе в офис, чтобы еще раз вместе с Мэри Гуднайт просмотреть всю документацию.

Он пристроился сбоку стола, глядя на Риджентс-Парк, укрытый снегом и выглядевший печальным в сгустившихся за окном сумерках, а она сидела напротив него и читала опись.

— Труд Бёрка под названием «Баронеты, утраченные титулы и вымершие роды». Собственность Геральдической палаты со штампом «Из библиотеки не выносить». Копия материалов «Официальные посещения Геральдической палаты» с таким же штампом. «Справочник по генеалогии». Автор Г. У. Маршалл — с библиотечным формуляром на имя Сейбла Базилиски. «Основы геральдики» Бёрка, со штампом «Собственность Лондонской библиотеки», отправлена франкированным письмом 10 декабря. Паспорт на имя сэра Хилари Брея со свежими отметками о многократном пересечении границ Германии, Франции и Бенилюкса, довольно потертый, даже потрепанный. Одна большая папка с перепиской, корреспонденция из Аугсбурга и Цюриха,—

на бланках Геральдической палаты и фирменных бланках адресатов. Вот и все,— закончила она.— Вы не забыли о метках не белье и прочих причиндалах?

— Нет,— ответил Бонд, думая о своем.— Вроде все предусмотрел. Помимо прочего, приобрел два новых костюма с отворотами на брюках и двумя разрезами на пиджаках, украшенных четырьмя пуговицами. Еще золотые часы с цепочкой и семейной печаткой Бреев. Словом — настоящий баронетик.— Бонд повернулся и посмотрел через стол на Мэри Гуднайт.— Как ты относишься к этой авантюре, Мэри? Думаешь, пройдет?

— Должно пройти,— уверенно ответила она,— столько трудов вложено. Только,— здесь она замаялась,— не нравится мне, что ты идешь брать этого человека без оружия.— Она показала на кучу литературы, разложенной на полу.— И эти дурацкие книги по геральдике! Абсолютно на тебя не похоже. Будь там поосторожнее, обещаешь?

— Конечно,— произнес Бонд весьма убедительно,— об этом не беспокойся. А теперь будь пайнойкой и вызови такси ко входу «Юниверсал экспорт». Да не забудь весь этот геральдический мусор, хорошо? Я спущусь через минуту. Дома буду весь вечер,— он кисло улыбнулся,— уложу свои шелковые рубашки с вензелями и виньетками.— Он поднялся.— До свидания, Мэри, а вернее, спокойной ночи, Гуднайт. И веди себя скромно в мое отсутствие.

— Сам будь поскромнее,— ответила Мэри. Она наклонилась, взяла с пола книги и бумаги, не глядя на Бонда, подошла к двери и закрыла ее за собой, толкнув ногой. Спустя мгновение дверь вновь открылась.— Извини, Джеймс,— сказала Гуднайт, глаза которой подозрительно блеснули.— Ни пуха ни пера и счастливого Рождества.— Она тихо прикрыла дверь.

Бонд посмотрел на совершенно невыразительную бежевую дверь канцелярии.

Какая же милая девушка эта Мэри! Но как же Трейси? Он должен быть с ней в Швейцарии. Пора бы уже дать ей знать о себе. Он соскучился, он часто думал о ней. За все это время получил лишь три нейтральные по содержанию, но бодрые открытки из «Клиник де Л'Оба» в Давосе. Бонд навел справки и убедился, что клиником руководил профессор Август Коммер, президент Швейцарского общества психиатрических и психологических исследований. Сэр Джеймс Молони, невропатолог, обслуживающий сотрудников Службы, сообщил Бонду по телефону, что Коммер считается в своей области одним из ведущих специалистов. Бонд написал

Трейси несколько теплых и ласковых писем, позаботившись о том, чтобы на конверте стояли американские штампы. Он писал, что скоро вернется и свяжется с ней. Так ли? А что потом? На минуту Бонд испытал недозволенное чувство жалости к самому себе — все время ему приходится взваливать на свои плечи чужие заботы. Он решительно загасил сигарету и, громко хлопнув дверью, вышел из кабинета, спустился в лифте к скромному боковому входу с вывеской «Юниверсал экспорт».

Такси уже ждало его. Было семь часов. По дороге он обдумал план на вечер. Прежде всего аккуратно все упакует в один чемодан, самый простой — без всяких штучек, потом выпьет двойную порцию водки с тоником, не забыв пропустить и глоток «Ангостуры», ароматной горькой настойки; съесть яичницу с зеленью и приправами, рецепт которой заимствовал у Мэри, выпьет еще две водки с тоником, а затем, когда почувствует легкое опьянение, ляжет спать, приняв полтаблетки снотворного.

Воодушевленный перспективой подобного самонаркоза, приятного во всех отношениях, Бонд выбросил все другие мысли из головы.

9

ИРМА — ДА НЕ ТА

На следующий день в Лондонском аэропорту Джеймс Бонд — в котелке, с зачехленным зонтиком, с аккуратно сложенным номером «Таймс» и все такое прочее — чувствовал себя в общем нелепо. Он окончательно уверовал в это, когда в соответствии с титулом с ним стали обращаться по особому и препроводили в зал ожидания первого класса. У регистрационной стойки, как только к нему обратились по имени — сэр Хилари, — он оглянулся назад, чтобы посмотреть, с кем девушка разговаривает. Пора действительно взять себя в руки и начать-таки вести себя как настоящий сэр Хилари Брей.

Выпив двойной бренди и «Джинджерейл», Бонд стоял особняком от других привилегированных пассажиров, находившихся в этом роскошном зале, и изо всех сил пытался выглядеть баронетом. Потом он вспомнил настоящего сэра Хилари Брея, который, возможно, в это время голыми руками потрошил благородного оленя в какой-нибудь горной долине. Вот ведь в нем — ну ничего от баронета! Пожалуй, следует немедленно избавиться от показного снобизма,

который, вместе с совершенно противоположной чертой характера, так присущ многим англичанам! Надо прекратить строить из себя аристократа! Необходимо просто быть самим собой, и если произведет впечатление эдакого грубоватого и неотесанного баронета, рубахи-парня, по крайней мере, окажется похожим на человека благородных кровей, реально существующего где-то в горах Шотландии. Бонд выбросил номер «Таймс», который приобрел как еще один символ принадлежности к элите, купил «Дейли экспресс» и попросил еще бренди и «Джинджерейл».

Потом, когда «Каравелла» компании «Свиссэр» уже была в воздухе, ничто не мешало Бонду — шум реактивных двигателей едва доносился до пассажиров первого класса — мысленно вообразить себе встречу, о которой столь лаконично сообщили цюрихские адвокаты. Сэра Хилари встретит в аэропорту кто-нибудь из секретарей графа де Блевия. Графа он сможет увидеть сразу по приезде или на следующий день. На какое-то мгновение Бонд немного растерялся. Как ему следует обратиться к Блофелду при встрече? Назвать его графом — по-английски, или мсье графом — по-французски? Нет, пожалуй, лучше обойтись без титулов — быть может, вставить при удобном случае несколько покровительственное «уважаемый». Интересно, как Блофелд выглядит? Сильно ли пришлось ему изменить свою внешность? Наверное, он в этом преуспел, иначе бы лиса не обманула гончих. Волнение Бонда все возрастало по мере того, как он поглощал превосходный обед, принесенный стюардессой, о которой тоже надо было говорить в превосходной степени, да рассматривал в иллюминаторе припорошенную снегом шахматную доску территории Франции, проплывавшую далеко внизу. Снег лежал лишь местами, деревья стояли голые — они летели над холмистыми Вогезами; над Рейном снег был уже повсюду, в самой реке плавали льдины; короткая остановка в Базеле, и, наконец, под ними черный крест аэропорта в Цюрихе; зажглось табло «Пристегните ремни» на трех языках, и вот они уже снижаются, легкий толчок при приземлении, реверс обратной тяги — рев двигателей, и они выруливают на бетонированную площадку перед внушительным — в европейском стиле — зданием, украшенным яркими национальными флагами. Внутри здания у стойки компании «Свиссэр» рядом со служителем стояла женщина. Как только Бонд появился в дверях, она направилась к нему.

— Сэр Хилари Брей?

— Да.

— Я фрейлейн Ирма Бунт. Личный секретарь графа. Рада вас приветствовать. Надеюсь, полет прошел нормально?

Она была похожа на хорошо загоревшую тюремную надзирательницу. У нее было квадратное грубое лицо с жесткими глазами желтого цвета. Улыбалась она одними губами, сложив их бантиком, ни тени юмора или радушия; в левом углу рта кожа лопнула от солнечного ожога, время от времени она облизывала ожог кончиком бледного языка. Пряди каштановых с проседью волос были собраны сзади в тугой пучок, который выглядывал из-под лыжной шапочки с пластмассовым желтым козырьком, завязанной бантиком под подбородком. Ее крепко сбитое короткое тело облегали не вязавшиеся с фигурой брюки, поверх которых была надета серая ветровка, украшенная на левой груди большой красной буквой «G» с короной наверху. «Ирма — да не та, дама не из приятных», — подумал Бонд.

— Да, полет был очень приятным, — произнес он вслух.

— Багажные бирки у вас при себе? Следуйте за мной. И конечно — паспорт. Сюда, пожалуйста.

Бонд прошел за ней через паспортный контроль и далее, в таможенный зал. Там было всего несколько человек. Бонд заметил, как она мимоходом кивнула головой. Человек с портфелем под мышкой, прохаживавшийся неподалеку, сразу исчез. Бонд тщательно разглядывал багажную бирку. Поверх кусочка картона он увидел, как этот тип юркнул в одну из телефонных будок, расположенных в ряд в главном зале, уже вне пределов таможенной зоны.

— Вы говорите по-немецки? — Язык ее мгновенно облизал лопнувшую кожу в углу рта.

— К сожалению, нет.

— А по-французски?

— Немного. Для работы хватает.

— Ну конечно. Ведь это вам важно.

Чемодан Бонда уже сняли с тележки и поставили к барьеру. В руке женщины мелькнул какой-то пропуск, она показала его таможеннику. Сделала это молниеносно, но Бонду удалось заметить, помимо фотографии, надпись: «Полиция». Вот так! У Блоффелда все схвачено.

Таможенник почтительно произнес по-немецки: «Пожалуйста, сэр» — и поставил на чемодане Бонда метку мелком желтого цвета, цвета дня. Чемодан подхватил носильщик и пошел с ним к выходу. Когда они вышли на улицу, со стоянки ловко вырулил и подкатил прямо к ним черный «Мерседес-300 SE» без номерных знаков. Рядом с шофером сидел тот самый человек, который звонил из телефонной

будки. Чемодан Бонда положили в багажник, и машина рванулась в сторону Цюриха. Когда они промчались несколько сот ярдов по основной дороге, Бонд услышал, как тип, сидевший рядом с шофером и тайком наблюдавший за шоссе через панорамное зеркало заднего обзора, произнес: «Все в порядке», и машина свернула направо на боковую дорожку, у которой стоял указатель: «Проезд закрыт! Только обслуживающий персонал и лица, имеющие специальные пропуска».

Бонда весьма позабавила эта наивная предосторожность. Было ясно, что проверка его еще не закончилась.

Машина подъехала к ангарам слева от главного здания, медленно проехала между ними и остановилась около ярко-оранжевого вертолета типа «Жаворонок», приспособленного компанией «Сюд авиасьон» для горноспасательных работ. Но этот вертолет имел на своем фюзеляже красную букву «G» с короной. Итак, вероятнее всего, он полетит, а не поедет!

— Вам приходилось когда-нибудь летать в таких машинах, нет? Это так приятно. С борта открывается прекрасный вид на Альпы,— по глазам фрейлейн Бунт было видно, что ее саму это несколько не интересует. Они взобрались в вертолет по алюминиевой лестнице.— Осторожно, нагните, пожалуйста, голову! — Шофер передал чемодан Бонда.

Вертолет был шестиместный, внутри обит роскошной красной кожей. Пилот, сидевший на небольшом возвышении перед ними под фонарем из плексигласа, поднял большой палец. Рабочие наземной службы вытащили колодки, и огромные лопасти начали вращаться. Они вращались все быстрее и быстрее, обслуживающий персонал отошел в сторону, пряча лица от поднятого ветром снега. Машину слегка тряхнуло, и она стала стремительно набирать высоту; радио диспетчерской перестало потрескивать.

Ирма Бунт сидела через проход от Бонда. В хвосте вертолета сидел еще один человек, прикрывшийся газетой «Цюрих цайтунг». Бонд наклонился вперед и прокричал, стараясь перекрыть шум двигателя:

— Куда мы направляемся?

Бунт сделала вид, что не слышит. Бонд прокричал свой вопрос еще раз.

— В Альпы. Высоко в Альпы,— прозвучало в ответ. Она указала на иллюминатор.— Очень красиво. Вам ведь нравятся горы, не так ли?

— Обожаю горы,— заорал Бонд.— Прямо как в Шотландии.

Он откинулся в кресле, закурил сигарету и посмотрел в окно. Кажется, они направляются в сторону Цюриха. Курсом восток — юго-восток, примерно так. Идут на высоте 2000 футов. Сейчас проходят над Уолленси. Приняв явно скучающий вид, Бонд вытащил из портфеля «Дейли экспресс» и погрузился в чтение спортивных новостей. Он просмотрел всю газету до последней строчки, не пропустил ничего, лишь время от времени бросая усталый взгляд в окно. Большая гряда слева по борту — это Ретийские Альпы. А теперь они летят над железнодорожным узлом Ландкварт. Идут вдоль долины Пратигау. Пойдут ли дальше вперед от Клостера или возьмут правее? Взяли правее. Все правильно! Они в Давосской долине! Через несколько минут он пролетит над Treyse! Еще один скучающий взгляд в окно. Да, там внизу лежала под покровом вечерних сумерек и дымки Давосская долина, а здесь, где летел он, все еще сверкало солнце. По крайней мере снега у Treyse, кажется, хватает. Бонд вспомнил великолепный спуск к Парсенну. Какая трасса! Вот были денечки! Они опять легли на старый курс, вертолет шел над высокими горными пиками. Силвретта была справа, слева — Лангвард, а впереди гряда Бернина, резко спускающаяся, словно широченный трамплин для прыжков, в сторону Италии. А вот это море огней справа по борту, должно быть, Санкт-Мориц. Что же дальше? Бонд с головой ушел в газету. Небольшой поворот влево. Еще огни внизу — наверное, Понтресина? Начало потрескивать радио, зажглось табло «Пристегните ремни». Бонд посчитал, что теперь самое время поинтересоваться, где же они находятся. Он выглянул в иллюминатор. Внизу почти всюду было темно, лишь впереди все еще золотились под лучами заходящего солнца огромные горные вершины. Они направлялись прямо к одной из них, к маленькому плато около самого пика. На плато было несколько строений, от которых в темноту долины спускались золотистые тросики. Вагончик фуникулера, поблескивая на солнце, медленно спускался вниз. Вот он исчез во мраке. Вертолет все еще штурмовал склон горы, возвышавшейся перед ними. Теперь он летел всего на какую-нибудь сотню футов выше склона, ведущего к плато и строениям. Рука пилота лежала на ручке управления. Машина слегка наклонилась и замедлила движение. Лопасты медленно вращались, затем ускорили ход, вертолет на мгновение завис в воздухе и пошел к земле. В момент, когда шасси коснулись снега, пассажиры ощутили мягкий толчок, гул двигателя замер — они прибыли к месту назначения.

Где же они приземлились? Бонд прекрасно ориентировался. Это гряда Лангвард, они где-то над Понтресиной в Энгадине, высота порядка 10 000 футов. Когда дверца вертолета распахнулась, Бонд уже застегнул плащ и приготовился глотнуть холодный, обжигающий легкие воздух.

Ирма Бунт сложила губки бантиком и объявила: «Мы прибыли», что и так было ясно.

Примерзшую дверь широко открыли, кусочки льда полетели вниз. Последние лучи заходящего солнца осветили кабину. Они упали на защитный желтый козырек на лбу Ирмы Бунт и сделали ее похожей на китайяку. Глаза сверкали фальшивым неестественным блеском, как стеклянные глаза-пуговицы детской игрушки.

— Смотрите, не ударьтесь головой. — Она нагнулась — у Бонда появилось острое желание дать ей ногой под зад, такой обтянутый и квадратный, — и сошла вниз по трапу.

Джеймс Бонд последовал за ней, задержав дыхание, чтобы не сразу глотнуть леденящий разреженный воздух. Внизу стояло несколько человек, похожих на горнолыжных инструкторов. Они с любопытством оглядывали Бонда, но не произнесли ни единого слова приветствия. Бонд зашагал по плотно утопанному снегу вслед за женщиной, сзади кто-то нес его чемодан. Он услышал звук включенного мотора, и с правой стороны в лицо ему ударило снегом. Железный кузнечик подпрыгнул в воздух и, затарахтев, скрылся в темноте.

Они находились ярдах в пятидесяти от того места, где приземлился вертолет, и направлялись к группе зданий. Бонд пошел медленнее, пытаясь сориентироваться на местности. Прямо перед ним было длинное низкое строение, залитое светом. Справа — это еще ярдов пятьдесят в сторону — виднелись очертания типичной современной коробки станции фуникулера, массивная плоская крыша спускалась почти до самой земли. Пока Бонд изучал это здание, свет в нем погас. Возможно, последний фуникулер спустился в долину и дорогу закрыли на ночь. Еще правее располагался большой коттедж с огромной верандой, кое-где освещенной, — домик, каких полно в Швейцарии, рассчитанный на большое количество туристов, яркий образчик высокогорной архитектуры. Ниже по склону плато, чуть левее, можно было различить огни четвертого здания, в темноте видна была лишь его плоская крыша.

Теперь Бонд находился в нескольких шагах от дома, в который, скорее всего, его хотели препроводить. Женщина открыла дверь — прямоугольник желтого света гостеприимно засиял в темноте. Бонд увидел ярко освещенную вы-

веску с красной буквой «С» и короной. На вывеске было написано: «Клуб «Глория». 3605 метров. Частная собственность. Только для членов клуба». И ниже помельче: «Альпийский приют и ресторан „Пик Глория“ и обычное изображение указательного пальца — идите направо в сторону здания рядом с началом канатной дороги.

Вот так! «Пик Глория!» Бонд шагнул в освещенный желтым светом прямоугольник. Дверь, как только женщина отпустила ее, закрылась с пневматическим шипением.

Внутри было очень тепло, почти жарко. Они оказались в небольшом гостиничном холле, навстречу им поднялся моложавый блондин с короткой стрижкой и проницательными глазами.

— Сэр Хилари располагается во втором номере, — произнес он, слегка наклонившись в их сторону.

— Я провожу, — бросила Бунт на ходу. — Идите за мной, пожалуйста, — более вежливо обратилась она к Бонду.

Бунт открыла дверь в коридор и ступила на мягкую ковровую дорожку красного цвета. На стене слева было лишь несколько окон, между ними развешаны различные фотографии гор и горнолыжников. Справа шли двери с табличками «Бар», «Ресторан», «Туалет». Потом, скорее всего, двери номеров. Бонда ввели в номер 2. Это была очень уютная комнатка, стены которой были обиты мебельным ситцем, все очень похоже на американские мотели, только с отдельной ванной комнатой. Большое окно было задернуто шторами, но Бонд не сомневался, что из него открывался красивейший вид на долину и группу горных хребтов Силвретта, возвышающуюся над Санкт-Морицем. Бонд бросил атташе-кейс на двухспальную кровать и с удовольствием снял с себя котелок и отставил в сторону зонт. Вошел человек, который нес его чемодан, и, поставив его на специальную подставку, тут же вышел, даже не взглянув на Бонда, плотно прикрыв за собой дверь. Женщина продолжала стоять на том же месте.

— Вам здесь нравится? — Ее желтые глаза остались холодны, несмотря на его горячее «о, да!», произнесенное с энтузиазмом. — Очень хорошо. Теперь я должна объяснить вам кое-что, довести до вашего сведения некоторые правила этого клуба, если не возражаете.

Бонд закурил.

— Я слушаю вас. — Лицо его приняло выражение вежливой заинтересованности. — Но для начала хотелось бы знать, где мы находимся?

— В Альпах. Высоко в Альпах, — ответила она довольно

неопределенно. — Это место в Альпах, пик Глория, — собственность графа. В сотрудничестве с местными властями он построил канатную дорогу. Вы ведь видели ее? Дорогу открыли только в этом году. Она пользуется большой популярностью и приносит немалый доход. Здесь несколько трасс, прекрасные спуски. «Глорию» уже хорошо знают. Проложена и трасса для бобслея, она гораздо длиннее, чем «Креста» в Санкт-Морице. Слышали, наверное? Вы катаетесь? Или, может быть, занимаетесь бобслеем?

Желтые глаза внимательно следили за ним. Бонд решил, что надо отрицательно ответить на все вопросы. Так подсказала ему интуиция.

— Да что вы, — сказал он, словно извиняясь, — никак руки не доходили. Вот все книги мои не отпускают, закопался в них совсем. — Он виновато улыбнулся. — Что ж тут поделаешь.

— Очень жаль, — произнесла она по-немецки и по-английски, но в глазах ее отразилось удовлетворение. — Граф получает большой доход от всех этих сооружений. Это очень важно, это помогает финансировать дело всей его жизни, его Институт.

Бонд слегка поднял брови, выражая вежливое удивление.

— Институт физиологических исследований. Научная работа. Граф — ведущий специалист в области изучения аллергических заболеваний, понимаете? Ну там сенная лихорадка, аллергия на отдельные продукты питания — моллюсков например, понятно?

— Что вы говорите? Сам я, к счастью, этим заболеваниями не подвержен.

— Ах так? Лаборатории располагаются в отдельном здании. Там же живет граф. В здании, где мы находимся, живут пациенты. Он просит вас не беспокоить их лишними вопросами. Лечение требует деликатного обращения. Вы меня понимаете?

— Да, конечно. А когда я смогу увидеть графа? Видите ли, фрейлейн Бунт, я очень занятой человек. В Лондоне меня ждут дела. Бонд говорил, стараясь произвести впечатление. — Новые африканские государства. Много работы над их символикой — флаги, денежные знаки, почтовые марки, медали. В Геральдической палате не хватает сотрудников. Я надеюсь, граф понимает, что его личные проблемы, конечно, столь интересные и важные, отходят тем не менее на второй план перед делами правительственного уровня.

Бонд достиг своей цели. Теперь она была вся внимание, выражала готовность войти в его положение.

— Конечно, конечно, уважаемый сэр Хилари. Граф просит извинить его, он не может встретиться с вами сегодня вечером, но будет рад видеть вас завтра в 11 утра. Вас это устраивает?

— Безусловно, безусловно. За это время я приведу в порядок свои документы и книги. Может быть, — он сделал жест в сторону небольшого письменного стола у окна, — попросить еще один стол, чтобы разложить все эти бумаги? Видите ли, — Бонд улыбнулся и развел руками, — нам, книжным червям, требуется много места.

— Конечно, сэр Хилари. Стол доставят без промедления. — Она подошла к двери и нажала кнопку звонка. Посмотрев вниз, она произнесла несколько смущенно: — Вы, наверное, заметили, что с этой стороны двери нет дверной ручки? (Бонд, конечно, заметил это, но виду не показав.) Когда вы захотите выйти из комнаты, звоните. Хорошо? Это из-за пациентов. Необходимо, чтобы их ничто не беспокоило. Трудно помешать им посещать друг друга, чтобы посплетничать. Это для их же блага — надеюсь, вы понимаете? Ко сну здесь отходят в 10 часов. Но есть ночные дежурства, если вам что-нибудь потребуется. И двери, конечно, не заперты. Вы можете войти в свою комнату в любое время. Так. В 6 вечера мы собираемся на коктейль в баре. Это своего рода пауза, перерыв на отдых. — Губы связались бантиком, но лишь на мгновение. — Мои девочки с нетерпением ждут встречи с вами.

Дверь открылась. Появился один из тех типов, что выглядел как инструктор горнолыжного спорта, смуглый, с бычьей шеей, с карими глазами жителя Средиземноморья. Один из корсиканцев — один из перебежчиков от Марка-Анжа? На плохом французском, скороговоркой, женщина сказала, что нужен еще один стол. Надо принести его, пока они будут обедать.

— Слушаюсь, — произнес мужчина. — Она придержала дверь, он вышел и пошел по коридору направо. Стало быть, охрана располагается в конце коридора? Это надо запомнить.

— Это пока все, сэр Хилари? Почта уходит в полдень. У нас есть радиотелефонная связь, вы можете, если хотите, ею воспользоваться. Не передать ли что-нибудь графу?

— Пожалуйста, скажите, что я с большим нетерпением жду встречи с ним завтра. Итак — до шести вечера, — Бонду вдруг очень захотелось остаться одному, наедине со своими мыслями. Рукой он указал на свой чемодан. — Мне нужно еще разобраться.

— Конечно, конечно, сэр Хилари. Извините, что я вас задерживаю.— И на этой любезной ноте Ирма Бунт прикрыла дверь, которая сразу же защелкнулась за ней.

Бонд стоял, не двигаясь, посередине комнаты. Он тихонько присвистнул. Да, веселенькая история, черт побери, ну и ну! У него было острое желание ударить как следует ногой по этой изысканной мебели. Но он заметил, что на потолке один из четырех плафонов в форме призм был пустой, там виднелось нечто похожее на глазное яблоко. Пост внутреннего наблюдения? Если да, то на какой площади он работает? Не больше широкого круга, охватывающего середину комнаты? А микрофоны? Может, весь потолок — это один большой микрофон. Обыкновенная военная хитрость, он постоянно должен помнить, что за ним следят.

Джеймс Бонд начал раскладывать вещи, думая о своем, мысли обгоняли друг друга. Затем он принял душ и должным образом подготовился к встрече с «ее девочками».

10

РОСКОШНЫЕ ДЕВЧУШКИ

Бар был обит кожей, он казался ненастоящим, чересчур вылизанным, в нем пахло как в салоне новенькой машины. Бар был сделан с претензией на тирольский сруб: большой камин, сложенный из камня, — в нем пылали огромные поленья, под потолком висела стилизованная люстра в виде колеса от телеги, лампочки на ней были похожи на оплавленные свечи. Здесь было много разных предметов из металла: настенные бра, пепельницы, настольные лампы, а сама стойка бара была легкомысленно украшена разными флажками и бутылочками из-под ликера. Приятная сладкоголосая музыка лилась из невидимых динамиков. «Здесь и не напьешься-то как следует», — подумал Бонд про себя.

Когда он закрыл за собой обитую кожей, украшенную бронзовыми кнопочками дверь, воцарилась минутная тишина, затем раздался все усиливающийся шум голосов, ото всюду на Блонда устремились чьи-то взгляды, его оценивали со всех сторон. Бонд сразу понял, что оказался в кругу самых симпатичных девушек, каких ему когда-либо приходилось встречать, и вокруг этих созвездий ковыляла Ирма Бунт, выглядевшая по крайней мере странно в своем самодельном домотканом костюме, предназначенном «на выход после лыж», надо сказать, что в костюме преобладали оранжевый и черный цвета.

— Сэр Хилари,— представила она его. При этом цепко схватила за руку.— Чудесно, просто чудесно, не правда ли? Проходите, пожалуйста, познакомьтесь с моими девочками.

В баре было ужасно жарко, и Бонд почувствовал, как на лбу его выступила испарина, пока его водили от стола к столу и он пожимал все эти прохладные, сухие, вялые руки. В ушах его звенели имена — Руби, Виолетта, Перл, Анна, Элизабет, Берил, но видел он только множество прекрасных загорелых лиц и целый ряд восхитительных, обтянутых свитерами бюстов. Это напоминало ему посещение там, у себя дома, заведений под привычными названиями «Девушки-колокольчики» или «Молодая поросль». Он пробрался на место, оставленное специально для него, и сел между Ирмой Бунт и голубоглазой красавицей блондинкой с роскошной грудью. Бонд был просто сражен и взял себя в руки лишь тогда, когда бармен вопросительно взглянул на него.

— Виски с содовой, пожалуйста,— произнес он, и ему показалось, что голос его доносится откуда-то издалека.

Он не торопясь закурил сигарету, а в это время за четырьмя стоящими полукругом столами, которые днем, по всей видимости, убирали,— и это помещение превращалось в отличную смотровую площадку, откуда открывался ослепительный ландшафт,— велась какая-то странная, неестественная беседа, все как будто играли. Десять девушек и Ирма. Все девушки-англичанки. Никаких фамилий. И ни одного мужчины. Всем девушкам двадцать с небольшим. Все девушки, на первый взгляд, при деле. Все похожи на стюардесс. Возбуждены присутствием мужчины — мужчины приятной наружности, к тому же баронета с ног до головы, если только баронеты не бестелесны. Довольный собственной шуткой, Бонд повернулся к блондинке.

— Извините, ради бога, но я не расслышал ваше имя.

— Меня зовут Руби,— сказала она дружелюбно, но несколько манерно.— Наверное, это тяжелое испытание — оказаться единственным мужчиной, я имею в виду единственным среди нас всех, девушек.

— Ну, скорее это приятная неожиданность. Очень приятная. Вас так много, что запомнить, как кого зовут, просто невозможно.— Он понизил голос до заговорщицкого шепота.— Будьте добры, введите меня еще раз в курс дела, давайте, так сказать, пройдемся по всей команде.

Бонду подали виски с содовой, он нашел коктейль достаточно крепким, чем остался доволен. Сделал большой, но в меру глоток. При этом обратил внимание на то, что

девушки пили кока-колу и фруктовые соки, коктейли все только слабые — типа «Орэндж блоссомс» или «Дайкири». Руби как раз пила «Дайкири». Было очевидно, что в спиртном его ограничивать никто не собирается, но следовало соблюдать осторожность и проявлять умеренность, подобающую настоящему джентльмену.

Руби, по всей видимости, была очень рада завязать знакомство.

— Итак, — сказала она, — я начну справа от вас. Это мисс Бунт, что-то вроде матроны. Вы с ней уже встречались. Затем, в фиолетовом шотландском свитере, конечно же, — Виолетта. Далее, за следующим столом, та, что в зеленой с золотом блузке от Пуччи, — Анна, я рядом с ней, просто в зеленом, — Перл. Она здесь, кажется, моя самая лучшая подруга.

Так она перечислила всех, переходя от одной красотики к другой. До Бонда долетали обрывки их разговора. «Фриц говорит, что я еще недостаточно уверенно чувствую себя на склоне, лыжи просто убегают от меня». — «Представь, и у меня то же самое, — радостное хихиканье, — попка вся в синяках». — «Граф уверяет, что я иду на поправку. Ну разве не ужасно, что придется уезжать отсюда?» — «Интересно, что сейчас делает Полли? Ее уже месяц как нет». — «Мне кажется, что для загара лучше всего натираться «Сколом». Все эти мази и кремы — словно жир на сковородке». И так далее — обычная болтовня, которую можно услышать в кругу веселых, здоровых девушек, учившихся кататься на горных лыжах, — лишь имя графа произносится благоговейным шепотом, да на Ирму Бунт и Бонда поглядывают украдкой, чтобы убедиться, что ведут себя надлежащим образом, не слишком шумно.

Пока Руби продолжала свою немногословную перекличку, Бонд старался связать имена с лицами и постараться понять, почему собралась здесь вместе эта очаровательная, но очень странная группа девушек, согласившихся на добровольное заточение на вершине действительно очень высокой горы в Альпах. Казалось, что все девушки вели себя одинаково просто и говорили одним и тем же языком, употребляя одинаковые выражения, они были похожи на тех девушек, что посиживают в английских пивных, такие скромные на вид, попивают себе «Бейбишам», газированный грушевый сидр, неумело затягиваются сигаретой и время от времени бросают своему приятелю французское «пардон». И это хорошие, порядочные девушки, они из тех, кто спокойно скажут пристающим: «Только не надо портить вечер» или:

«У всех мужчин лишь одно на уме», а то и вовсе раздраженно: «А ну-ка убери руки». И какое разное у всех произношение, диалектные особенности, словно специально собранные со всей Англии,— полнозвучные гласные Ланкашира, ритмическая интонация, типичная для Уэльса, шотландская картавость, носовые звуки облагороженного кокни.

«Считайте, что меня почти удалось одурачить»,— подумал Бонд, когда Руби подошла к концу длинного списка.

— А это Берил, вся в жемчугах и в таком же жемчужном джемпере. Ну, теперь, надеюсь, вы разобрались, кто есть кто?

Бонд посмотрел в круглые голубые глаза, в которых явно забегали озорные чертики.

— Честно говоря, нет. И я чувствую себя, как тот известный комик, которого в одном из фильмов хитростью заманили в женскую школу. Ну знаете, что-то вроде женского монастыря.

Она хихикнула. Бонд еще не знал, что хихикает она постоянно. Она была чересчур «утонченной», чтобы раскрыть свои прелестные губки и расхохотаться. Ему также предстояло узнать, что она не умела чихать, как все нормальные люди, вместо этого она издавала слабый писк, зажимая рот кружевным платочком. Бонд не ведал пока, что она довольствуется очень малым количеством пищи, которую едва разжевывает, прежде чем проглотить, причем делает это совсем незаметно. (Ведь она «так хорошо воспитана».)

— Ой-ой, но мы совсем не из того женского монастыря. Те девочки такие гадкие. Как вам в голову такое пришло!

— Так просто ляпнул,— беззаботно ответил Бонд.— А не выпить ли нам еще по одной?

— Спасибо, мне не надо.

Бонд повернулся к фрейлейн Бунт:

— А вы, мисс Бунт?

— Благодарю вас, сэр Хилари. Яблочный сок, с вашего позволения.

Виолетта, четвертая за их столом, сказала вполне серьезно, что не станет больше пить кока-колу.

— Меня газики от нее мучают,— пояснила она.

— Виолетта,— чувство приличия никогда не изменяло Руби, теперь оно было оскорблено,— ну как ты можешь!

— Но ведь это так,— упрямо повторил Виолетта.— Они меня точно мучают. И еще я от нее икаю. А что плохого в том, что я об этом говорю?

«Добрый старый Манчестер», — подумал Бонд. Он поднялся и пошел к стойке бара, раздумывая, как ему осилить этот и другие вечера. Он заказал напитки, и тут его осенило! Надо, чтобы лед тронулся! Всеми правдами и неправдами он станет душой этого общества! Он попросил пустой бокал и сказал, чтобы края его смочили водою. Затем он взял бумажную салфетку и вернулся к столу. Сел.

— Вот что, — сказал он, когда все взоры обратились на него, — если бы нам пришлось платить за напитки, как бы мы решили, кому это делать? Сейчас покажу — я научился этому в армии. — Он поставил бокал на середину стола, развернул бумажную салфетку и накрыл ею бокал так, что она прилипла к мокрым краям. Затем достал из кармана несколько мелких монет, выбрал одну, достоинством в 5 сантимов, и бросил ее на середину натянутой поверхности салфетки.

— Начнем, пожалуй, — произнес он, вспомнив, что в последний раз играл в эту игру в одном из самых грязных притонов Сингапура. — Кто еще курит? Нам нужно еще три человека с зажженными сигаретами. — За их столом курила только Виолетта. Ирма хлопнула в ладоши и скомандовала:

— Элизабет, Берил, идите сюда. Девочки, идите все сюда. Сэр Хилари придумал какую-то смешную игру.

Девушки столпились вокруг, весело щебеча, радуясь развлечению:

— Что он задумал?

— Ой, что-то будет?

— А как мы будем играть?

— Так вот, — сказал Бонд, чувствуя себя массовиком-затейником с какого-нибудь теплохода, совершающего круиз, — сейчас мы выясним, кому платить. Все по очереди сделаем по затяжке, стряхнем пепел, вот так, и коснемся горящим концом сигареты салфетки так, чтобы прожечь дырочку, видите? — Бумага слегка вспыхнула. — Теперь вы, Виолетта, потом Элизабет, за ней Берил. Дело в том, что бумага как бы превращается в паутинку, держащую монетку посередине. Платит тот, кто прожжет дырочку, после чего монетка упадет. Все ясно? Тогда начинайте, Виолетта.

Девушки завопили от восторга.

— Какая интересная игра!

— Берил, берегись!

Прехорошенькие мордашки склонились к Бонду. Роскошные волосы касались его лица. Три девушки молниеносно прожгли сигаретой бумагу, не разорвав паутинки, а Бонд, считавшийся знатоком этой игры, решил показать себя ры-

царем и нарочно проиграл. Со звоном монетка упала в стакан, раздались смех и аплодисменты.

— Вот видите, девочки, — сказала Ирма Бунт, как будто именно она придумала эту игру, — платит сэр Хилари, не так ли? Мы чудесно провели время. А теперь, — она посмотрела на свои ручные мужские часы, — заканчиваем коктейль. До ужина осталось пять минут.

Послышались возгласы: «Ну еще один раз, пожалуйста, давайте еще сыграем, мисс Бунт». Но Бонд вежливо поднялся, держа стакан с виски в руке.

— Мы еще поиграем завтра. Но я надеюсь, что вы не начнете из-за этого курить. Нисколько не сомневаюсь, что игру эту изобрели владельцы табачных компаний!

Все засмеялись. Девушки продолжали стоять вокруг Бонда, с восхищением глядя на него. Какой же он славный! А они-то думали, что придет такой чопорный тип, застегнутый на все пуговицы. Бонд заслуженно гордился собой. Лед тронулся! Он сразу всех их привлек на свою сторону. Теперь они друзья-приятели. С этого момента он может разговаривать с ними, не боясь испугать. Чувствуя, что гамбит удался, он последовал за брюками в обтяжку — Ирма Бунт повела всех в столовую, которая находилась в соседней комнате.

Было половина восьмого. Бонд вдруг почувствовал себя таким уставшим: он был измучен мыслью о предстоящем скучном времяпрепровождении, его утомила эта самая, пожалуй, трудная роль в его жизни, он умаялся решать головоломки, которые придумывал Блофелд на пике Глория. Что еще замыслил этот ублюдок? Он сел справа от Ирмы Бунт, точно так же, как и в баре, Руби сидела по правую руку, а Виолетта, скромно державшаяся в тени, напротив него. Бонд с мрачным видом развернул салфетку. На эту неприступную крепость, гнездо хищной птицы, денег Блофелд явно не пожалел. Их три стола в дальнем углу у большого овального окна занимали лишь незначительную площадь огромной залы с низким потолком, роскошно обставленной с претензией на стиль немецкого барокко, украшенной канделябрами, свисающими с животов летящих херувимов, массивными гипсовыми позолоченными гирляндами, освещенной присутствием потемневших портретов неизвестных вельмож. Должно быть, Блофелд чувствовал себя здесь как дома, бежать никуда не собирался. Сколько же он вложил сюда? Никак не меньше миллиона фунтов стерлингов, даже принимая в расчет крупную ссуду от швейцарских банков на строительство канатной дороги. Арендовать горную вер-

шину, построить дорогу на деньги, взятые взajem, с участием инженеров и местных властей — это, о чем Бонд был прекрасно осведомлен, один из самых выгодных способов вложения капитала и отмывания денег, нажитых несправедливым путем. Если тебе повезет, если вместе с местными властями удастся дать взятку или запугать окрестных фермеров, дабы согласились они допустить чужаков на свои пастбища, разрешили сделать вырубки в местах прохождения трассы и расположения опор канатной дороги, все остальное — дело рекламной техники и правильно рассчитанной кампании, ставящей своей целью привлечение местного населения к делу, поставленному с размахом. Добавьте к этому идею элитарного клуба, рассчитанную на снобизм клиентов, идею создания совершенно роскошного заведения, каким представилось Бонду это место днем, примите во внимание ту же букву «G» с короной и некий таинственный Институт, руководимый каким-то графом, и вы помчитесь сюда сломя голову. Горнолыжный спорт, Бонд где-то вычитал эту информацию, считался теперь самым популярным в мире. Парадоксально, но ведь популярность других видов спорта определяется лишь числом зрителей. Среди горнолыжников же одни участники, и денег на снаряжение они тратят поболее других. Костюмы, ботинки, лыжи, крепления, а теперь еще и все, что связано «с выходом после лыж», каждый день, без остановки, начиная с четырех часов дня и до захода солнца, — все это стало продуктом огромной индустрии. Если удавалось захватить высокую гору — Блоффелду это каким-то образом удалось, — вы были в полном порядке. Затраты оправдывались с лихвой — снег, конечно, вещь непостоянная, но в Энгадине, на такой высоте, проблем с ним не было: три-четыре года работы — и можно снимать сливки! Блоффелду, конечно, здорово подфартило.

Пора было однако, заняться делом. Покоряясь судьбе, Бонд обратился к фрейлейн Бунт:

— Фрейлейн Бунт, объясните мне, пожалуйста, разницу между пиком, горной вершиной и просто высокой горой.

В желтых глазах заблестел огонек, выражающий готовность дать необходимые научные пояснения.

— Очень интересный вопрос, уважаемый сэръ Хилари. Раньше я об этом как-то не задумывалась. Минуточку, минуточку. — Она уставилась в пространство. — Пик — это лишь принятое в данном кантоне Швейцарии название любой горной вершины. Горная вершина, в свою очередь, — это лишь часть собственно горы. Это своего рода холм на горе, или высокогорное пастбище, с горой ее не сравнить.

Впрочем, не совсем так. Вот это,— она обвела вокруг рукой,— все горные вершины, и одновременно они же — высокие горы. Аналогичная ситуация в Австрии, само собой — в Тироле. А в Германии, например в Баварии, я, кстати, оттуда родом, все это называют просто высокими горами.— Нет, сэр Хилари,— подобие улыбки, губки бантиком — появилось и сразу же исчезло,— боюсь, мне этого не объяснить. А почему вы спрашиваете?

— В моей профессии,— сказал Бонд без всяких затей,— очень важно точное значение слова. Вот только что, перед тем как мы встретились за коктейлем, мне захотелось проверить по справочникам вашу фамилию — Бунт. То, что я обнаружил, весьма интересно. «Бунт» по-немецки, кажется, означает «веселый», «счастливый», а может быть, и не так. В Англии фамилия, конечно, претерпела изменения и превратилась в Баунти, может быть, даже в Бронте, так как основатель известной литературной семьи на самом деле несколько изменил свою не столь аристократически звучащую фамилию Бранти. Вот ведь как забавно получается.— Бонд знал, что ничего забавного тут не было, он просто-напросто фокусничал, но считал, что хуже от этого не будет, надо же размять свои геральдические мускулы.— Может быть, вы вспомните, были ли ваши предки каким-нибудь образом связаны с Англией? Существует титул герцога Бронте, который взял себе Нельсон. Было бы интересно проследить данную линию.

Он попал в точку! Герцогиня! Ирма Бунт схватила наживку, она пустилась в пространные воспоминания о своих предках, с гордостью упомянула о дальнем родственнике, графе фон Бунте. Бонд вежливо слушал, подводя ее своими вопросами к не столь древнему прошлому. Она назвала имена своих родителей, он запомнил их. Теперь Бонд знал достаточно, чтобы в нужный момент разузнать, кем же на самом деле была Ирма Бунт. Какой же прекрасной ловушкой был снобизм! Как же прав Сейбл Базилиск! В каждом из нас сидит сноб, и, только обратившись к нему, Бонд смог вывести кое-что о родителях этой женщины.

С большим трудом удалось Бонду охладить пыл размышлявшей женщины; наконец-то официант, давно ожидавший, когда же клиент кончит разговаривать, подал огромное меню, написанное фиолетовыми чернилами. Чего там только не было: от икры до двойного мокко с ирландским виски. Было также много фирменных блюд — цыпленок «Глория», омар а-ля-Глория, говяжье филе «Глория» и так далее. Бонд, несмотря на предубеждение ко всяким фирменным

блюдам, решил все-таки попробовать цыпленка. Он был несказанно удивлен тем, с каким энтузиазмом Руби приветствовала его выбор.

— О, вы не ошиблись, сэр Хилари! Я просто обожаю цыплят. Я по ним с ума схожу. Пожалуйста, мисс Бунт, можно мне тоже заказать цыпленка?

В ее голосе было столько неожиданной горячности, что Бонд невольно взглянул на Ирму Бунт. Что означал снисходительный блеск в ее глазах, когда она давала свое согласие? Это было нечто большее, чем простое одобрение хорошего аппетита одной из ее подопечных. Она восприняла это заявление с явным удовлетворением, да нет, она просто торжествовала. Странно! Тот же блеск возник в ее глазах, когда Виолетта выпросила к филе больше картошки, чем полагалось на гарнир.

— Я просто обожаю картошку,— объяснила она Бонду. Глаза ее сияли.— А вы разве ее не любите?

— Картошка полезна,— согласился Бонд.— Но только когда при этом занимаешься спортом.

— Нет, картошка просто прелесть,— восторгалась Виолетта. Ну скажите, что это так, мисс Бунт?

— Да, конечно, моя дорогая, с картошкой все в порядке. И тебе она полезна. А я, Фриц, позволю себе лишь салат и творог.— Она изобразила подобие жеманной улыбки.— Увы,— заметила она Бонду,— я должна следить за фигурой. Эти юные создания постоянно занимаются спортом, а мне приходится сидеть в конторе и возиться с бумажками, не так ли?

За соседним столом Бонд услышал, как девушка с шотландским акцентом попросила, чтобы ей приготовили стейк из аберлинского барашка, и непременно с кровью.

— Хорошенького барашка, и с кровью,— настаивала она, чувствовалось, что у нее прямо-таки слюнки текут.

Что бы это могло значить, недоумевал Бонд, что за сборище прекрасных людоедок? Или сегодня у них разгрузочный день после строжайшей диеты? Он терялся в догадках, это было выше его понимания. Ну что ж, будет копать дальше.

— Теперь,— обратился он к Руби,— вы понимаете, что я имею в виду, когда отыскиваю фамильные корни. Фрейлейн Бунт, быть может, вправе претендовать на один из английских титулов. Ну а как, например, ваша фамилия? Посмотрим, что я могу определить по ней.

Фрейлейн Бунт резко перебила его:

— Никаких фамилий, сэр Хилари. Таков закон этого до-

ма. Мы называем девочек только по именам. Это часть лечебного цикла, проводимого графом. Это связано, если хотите, с перевоплощением, так пациенты быстрее идут на поправку. Вам понятно?

— Нет, боюсь, это выше моего понимания, — весело ответил Бонд.

— Завтра граф обязательно объяснит вам кое-что. У него на этот счет свои теории и свой метод. Мир просто ахнет в один прекрасный день.

— Не сомневаюсь в этом, — вежливо сказал Бонд. — Ну а теперь, — он хотел сменить тему и поболтать о чем-нибудь незначительном, дабы отвлечься, поразмышлять о более важных для него вещах, — расскажите-ка мне о том, как вы катаетесь на лыжах. Каких достигли успехов? Сам я, боюсь, в этом ничего не понимаю. Может быть, научусь чему-нибудь, посмотрев на ваши занятия.

Разговор этот он завел весьма кстати, Руби и Виолетта подхватили новую тему, поддерживал беседу и Бонд, до тех пор пока не подали еду, которая оказалась восхитительной. Цыпленок «Глория», похоже, еще пять минут назад бегал по двору, подали его под горчично-сметанным соусом. Девушки замолчали, склонившись над тарелками, сосредоточенно уничтожая их содержимое, делали они это достаточно деликатно, но вполне целенаправленно. За другими столами все разговоры тоже прекратились. Бонд заговорил об убранстве залы, в которой они находились, и это дало ему возможность хорошенько разглядеть официантов. В поле его зрения попало 12 человек. Нетрудно было определить, что трое из них корсиканцы, трое — немцы, трое с Балкан — турки, болгары или югославы, и еще трое — явные славяне. На кухне, должно быть, готовили трое французов. Что это — старая структура СПЕКТРа? Хорошо зарекомендовавшие себя ячейки коммунистов, так называемые тройки, состоящие из представителей наиболее всемогущих гангстерских группировок или тайных служб, осуществляющих свою деятельность в Европе? Эти трое славян, они что, раньше работали на СМЕРШ? Хилыми их, безусловно, не назовешь и ведут себя как настоящие профессионалы. Среди них был и тот человек, которого он заметил в аэропорту, и тот, кто встретил их в вестибюле гостиницы, а вот с этим говорили по поводу дополнительного стола. Он слышал, как девушки называли их Фрицем, Жозефом, Иваном, Ахмедом. Некоторые из них днем выглядели как инструкторы-горнолыжники. Да, компания подобралась подходящая, в этом Бонд теперь не сомневался.

После обеда Бонд ушел, сославшись на то, что хотел бы поработать. Он отправился к себе в комнату, разложил на столике книги и бумаги, не забыв оккупировать и новый стол, который успели поставить. Он склонился над документами, в усердии его сомнений не было — Бонд прокручивал в голове весь сегодняшний день.

В 10 часов он услышал, как девушки в коридоре желали друг другу спокойной ночи, везде защелкали дверные замки. Бонд разделся, повернул термостат, висевший на стене, довел температуру 85° до 60° по Фаренгейту, выключил свет лег на спину и некоторое время лежал так, уставившись в темноту. Затем он притворно вздохнул, так чтобы микрофоны это зафиксировали, повернулся на бок и заснул.

Позже, гораздо позже, его разбудило тихое бормотание, которое, казалось, доносилось откуда-то из-под пола, но очень издалека. Он квалифицировал этот шум как тихий шепоток, который не прекращался ни на минуту. Но слов было не разобрать, и в конце концов решив, что звуки издают трубы центрального отопления, Бонд повернулся на другой бок и опять заснул.

11

СМЕРТЬ НА ЗАВТРАК

Джеймса Бонда разбудил чей-то пронзительный крик. Это был ужасный, душераздирающий крик мужчины. Он начался на очень высокой ноте, потом мгновенно стал глуше, как если бы кричавший человек прыгнул с обрыва. Крик раздался где-то справа, в той стороне, где была канатная дорога. Даже в комнате Бонда крик этот, приглушенный двойными рамами окон, был слышен столь отчетливо, что вселял ужас. Снаружи, наверное, он вообще звучал непереносимо.

Бонд вскочил и отдернул штору, не зная еще, какую сцену паники, снующих повсюду людей он увидит. Но единственным человеком, оказавшимся в поле его зрения, был один из инструкторов горнолыжного спорта; он медленно, даже несколько флегматично поднимался по вытоптанной в снегу дорожке, которая шла от станции канатной дороги к клубу. Просторная деревянная веранда, которая нависала над склоном горы, была пуста, но столы уже накрыли к завтраку, и мягкие яркие шезлонги для любителей позагорать успели расставить аккуратными рядами. Солнце ослепительно сияло на безоблачном небе. Бонд взглянул на часы — 8 утра. Встают здесь спозаранку! И так спешат уми-

рать! У него не было сомнений в том, что он слышал предсмертный крик. Бонд отошел от окна и нажал кнопку звонка.

Появился человек, один из той тройки, которую Бонд посчитал русской.

— Как вас зовут? — спросил Бонд, стараясь показать себя одновременно старшим по званию и джентльменом.

— Питер, сэр.

«Петр, — так и подмывало сказать Бонда, — а как там поживают мои старые друзья из СМЕРШа?» Но он сдержал себя.

— А что это был за крик?

— Прошу прощения, — человек с глазами серого гранита насторожился.

— Только что кричал какой-то человек. Там, на канатной станции. Что это было?

— Кажется, произошел несчастный случай, сэр. Что вы хотите на завтрак? — Он вытащил из-под мышки огромный лист и неловко протянул меню Бонду.

— Что за несчастный случай?

— Кажется, упал вниз один из инструкторов.

Каким образом мог этот человек знать все это, если с того момента, как раздался крик, прошло всего несколько минут?

— Он сильно пострадал?

— Возможно, сэр. — Глаза, безусловно тренированные, привыкшие наблюдать, бесстрастно смотрели на Бонда. — Так что вы хотите на завтрак? — Он слегка подтолкнул меню в сторону Бонда.

— Я надеюсь, что с беднягой ничего серьезного не случилось, — сказал Бонд, сделав достаточно озабоченный вид. Он взял меню и сделал заказ. — Дайте мне знать, если услышите, что там произошло.

— Если дело серьезное, об этом, безусловно, сообщат. Благодарю вас, сэр. — И он удалился.

Именно этот ужасный крик заставил Бонда подумать о том, что, помимо всего прочего, он должен находиться в хорошей спортивной форме. Бонд вдруг понял, что, кроме умственной работы, связанной с принятием головомомных решений, помимо естественной необходимости в аналитическом мышлении, наступит момент, когда в расчет будет приниматься только физическая сила. Не очень охотно в течение 15 минут он делал зарядку: наклоны, отжимы, упражнения для грудной клетки — в общем, все то, что необходимо горнолыжнику. Он подумал, что настанет момент, когда

ему придется убираться отсюда подобра-поздорову. Придется просто уносить ноги!

Он принял душ и побрился. Завтрак ему принес Питер.

— Есть какие-нибудь новости об этом несчастном инструкторе?

— Я больше ничего не слышал, сэр. Этим занимаются те, кто работает на улице. Я же нахожусь все время в помещении клуба.

Бонд решил спустить все на тормозах.

— Скорее всего он поскользнулся и сломал ногу. Бедняга! Благодарю вас, Питер.

— Благодарю вас, сэр.— Не промелькнула ли в гранитных глазах ухмылка?

Джеймс Бонд поставил поднос на письменный стол и с трудом открыл окно. Он убрал небольшой валик, который лежал между рамами,— специальное средство от сквозняков, сдул накопившуюся там пыль идохлых мух. Холодный, безвкусный воздух, характерный для больших высот, хлынул в комнату. Бонд подошел к термостату и поставил его на отметку 90, чтобы создать противоток. Он нагнулся к столу, голова его при этом находилась ниже уровня подоконника, и сел завтракать; это был обычный завтрак, подаваемый в европейских гостиницах. Пока ел, прислушивался к голосам девушек, которые собирались около террасы. Говорили они громко, перебивая друг друга. Бонд мог слышать каждое слово.

— Лично я считаю, что Сара не должна была доносить на него.

— Но он пришел, когда стемнело, и начал к ней приставать.

— Ты хочешь сказать, что он действительно пытался изнасиловать ее?

— Так она, по крайней мере, заявляет. На ее месте я бы поступила точно так же. Какая же он скотина!

— Ты хочешь сказать, какая же он был скотина. Кстати, кто из них?

— Один из югославов. Бертил.

— А, знаю. Он действительно был жуткий тип. И зубы просто отвратительные.

— О мертвых так не говорят.

— Откуда ты знаешь, что он мертв? В конце концов, что с ним произошло?

— Он работал еще с одним в начале трассы бобслея. Они заливали стартовую площадку. Ты же знаешь, ходят там каждое утро со шлангами. Следят за тем, чтобы желоб со-

ответствовал всем стандартам, чтобы сани скользили как следует.

— Фриц сказал мне, что он поскользнулся, потерял равновесие — или что-то в этом роде. И все. Он просто полетел вниз, как сани.

— Элизабет! Как ты можешь так спокойно говорить об этом!

— А что? Так все и было. Ты же сама спросила.

— Но неужели он не мог спастись?

— Не будь идиоткой. Это же сплошной лед, целая миля льда. А сани летят со скоростью до 60 миль в час. У него не было никаких шансов.

— А разве он не мог вылететь из желоба на одном из поворотов?

— Фриц говорил, что он промчался до самого конца. Врезался в хронометражную будку. Но Фриц утверждает, что он был уже мертв после первых ста ярдов.

— А, вот и Франц. Франц, мне, пожалуйста, яичницу и кофе. И скажи им, чтобы только не пережарили ее, терпеть не могу, когда перебарщивают!

— Хорошо, мисс. А для вас, мисс? — Официант принял заказы, и Бонд услышал, как под его башмаками за скрипели деревянные доски.

Та девушка, что произносила нравоучительные фразы, опять заговорила нравоучительно:

— Мне абсолютно ясно, что он был наказан за то, что приставал к Саре. За дурные поступки надо платить.

— Не смейся, пожалуйста. Господь никогда не накажет так сурово. — Беседа потекла по новому руслу, девушки утонули в наивных рассуждениях о морали и Священном писании.

Бонд закурил сигарету, откинулся на стуле и задумчиво посмотрел в небо. Нет, девушки правы.

Господь не стал бы прибегать к такому наказанию. А Блофелд стал бы. Состоялось ли одно из собраний, устраиваемых Блофелдом, на котором в присутствии всей команды сообщается о преступлении и приговоре? Был ли Бертил насильно сброшен вниз по желобу? Или, может быть, на его напарника пал жребий, ему приказали поставить согрешившему подножку или слегка подтолкнуть его, что еще нужно? Скорее всего так и было. По характеру крика можно судить, что все случилось внезапно, человек осознал весь ужас ситуации, в которой оказался, лишь в момент падения, он вцепился в лед ногтями, сучил ногами, а потом, набирая скорость, полетел вниз по голубой отполированной до блеска

поверхности желоба и понял, что неминуемое случилось, от судьбы не уйдешь. Что за смерти! Бонд однажды спускался с самой вершины «Кресты», просто чтобы доказать себе, что способен на такое. В шлеме, с маской на лице, защищающей от ледяного потока воздуха, в одежде, подбитой кожей, в дутой куртке, он тем не менее испытал 60 секунд животного страха. Даже теперь он помнил, как дрожал всем телом, когда с трудом выбирался из хлипких саней в конце трассы для бобслея. И всего-то преодолел какие-то 3/4 мили. Тот же человек, или то, что осталось от него, кровавое месиво, пролетел больше мили. Летел ли он головой вперед или ногами? Начал ли он кувыркаться? Пытался ли он, пока сознание не покинуло его, затормозить у края одного из поворотов, специально — по науке — огороженного насыпью, пытался ли сделать это при помощи носка ботинка без шипов или?.. Да нет. Уже пролетев несколько ярдов, он должен был двигаться с такой скоростью, что утратил способность рационально мыслить. Боже мой, что за смерти! Типичная, в духе Блофелда, смерть, типичный для СПЕКТРА способ мести за самое тяжкое преступление — неповиновение. Это единственный способ поддерживать в своих рядах строгую дисциплину. Итак, сделал вывод Бонд, убрав поднос и садясь за книги, СПЕКТР опять на марше! Куда же он направляется теперь?

Без десяти одиннадцать Ирма Бунт зашла за ним. Они обменялись приветствиями, Бонд набрал кучу книг и бумаг и последовал за ней. Они обогнули здание клуба и пошли по узкой, хорошо утоптанной дорожке мимо указателя, на котором было написано: «Частная собственность. Вход воспрещен».

Все здание, силуэт которого Бонд видел накануне поздно вечером, предстало перед ним. Ничем не примечательное, но на совесть сработанное строение, одноэтажное, сложенное из блоков местного гранита, с плоской бетонной крышей, на дальнем конце которой возвышалась небольшая, вполне профессионально выглядевшая радиомачта. Как теперь понял Бонд, через эту радиомачту вчера вечером пилот вертолета получал информацию по условиям посадки, и это же оборудование было ушами и голосом Блофелда. Здание располагалось на самом краю плато, ниже последней вершины пика Глория, но вне досягаемости снежных лавин. Еще дальше склон горы резко обрывался и исчезал за отвесной скалой. Там, внизу, виднелась граница еще одного лесного массива

и долины Бернина, ведущей в сторону Понтресины; можно было различить блеск железнодорожных рельсов, по которым, как крошечная гусеница, полз длинный товарняк, шедший из Ратишбана через перевал горного массива Бернина скорее всего в Италию.

Пневматические двери здания открылись с привычным шипением; центральный коридор был почти точной копией коридора в здании клуба, но двери здесь располагались по обе стороны, и не было никаких картин. Стояла мертвая тишина, и невозможно было догадаться, что скрывается за дверями. Бонд спросил об этом.

— Лаборатории,— ответила Ирма Бунт несколько неопределенно.— Все это лаборатории. И конечно, учебные классы. Кроме того, личные апартаменты графа. Он живет там, где работает, сэр Хилари.

— И правильно делает.

Они подошли до конца коридора. Ирма постучала в дверь.

— Войдите!

Джеймс Бонд весь трепетал, переступая порог, слыша, как закрывается за ним дверь. Он знал, что его встретит не прежний Блофелд, не модель прошлого сезона — добрых 20 стоунов веса, это чуть ли не полтора центнера, высокого роста, с бледным лицом, с коротко стриженными темными волосами, темными глазами и резко выделяющимися на их фоне белками, ну точно как у Муссолини, отвратительные тонкие губы, длинные руки с вытянутыми пальцами, длинные ноги,— но теперь он поразился, до какой степени сумел изменить свою внешность этот человек. Однако мсье граф де Блевиль, который поднялся с шезлонга, стоявшего на маленькой — на одного человека — веранде, и ступил из-под солнечных лучей в полумрак кабинета, протягивая руки в гостеприимном приветствии, даже отдаленно не был похож хотя бы на родственника человека, фотографию которого Бонд видел в картотеке.

Сердце у Бонда упало. Ну хорошо, человек этот роста тоже не маленького, и руки и голые ноги его достаточно длинные. Так-то оно так. Но на этом сходство и кончалось. У графа были длинные, хорошо ухоженные, почти щеголеватого вида волосы с благородной серебристой сединой. Его уши, которые должны были быть прижаты к голове, слегка оттопыривались, а там, где должны были находиться толстые мочки, не было ничего. Тело, в котором было далеко за сто килограммов, сейчас почти обнаженное, если не считать черных шерстяных плавок, весило не более 80 кило-

граммов, и ни одной складки обвисшей кожи, которая обычно бывает у резко похудевших пожилых людей. Полные губы были растянуты в дружеской, довольно приятной, может быть, несколько жестковатой улыбке. Лоб выше носа был испещрен морщинами, а сам нос, который согласно картошке должен был быть коротким и толстым, выглядел почти орлиным, не считая изъеденной его части за правой ноздрей, по всей видимости, результат перенесенного третичного сифилиса — вот бедолага. Глаза? Ну, они могли бы кое-что прояснить, но сейчас в их темно-зеленой глубине нельзя было прочесть ничего, кроме какой-то явной угрозы. У графа были окрашенные в темно-зеленый цвет контактные линзы, которые он носил, скорее всего, из-за действительно опасного на этой высоте солнца.

Бонд свалил все свои книги на кстати свободный стол и пожал теплую сухую руку.

— Дорогой сэръ Хилари, очень рад вас видеть. — Говорили, что голос у Блофелда был густым и ровным. Этот звучал легковесно и даже сладкозвучно.

«Господи, — со злостью сказал Бонд про себя, — ну кто же еще это может быть, как не Блофелд!» Вслух он произнес:

— Извините, что я не смог прибыть 21-го. Очень много работы.

— О да. Мне сказала об этом фрейлейн Бунт. Эти новые африканские государства. Они действительно должны доставить немало хлопот. Ну что ж, может быть, присядем вот здесь, — рукой он указал на свой письменный стол, — или выйдем на воздух? Видите ли, — он показал на свое загорелое тело, — я существо солнцелюбивое, я поклоняюсь солнцу. Я настолько этому привержен, что вынужден был заказать специально изготовленные контактные линзы. Сами понимаете, ультрафиолетовые лучи на этой высоте... — Он не закончил предложение.

— Я никогда не видел раньше таких линз. В конце концов, книги можно оставить здесь и обращаться к ним по мере надобности. Я помню все, что касается этого дела. И, — Бонд мягко улыбнулся, — неплохо было бы вернуться в наш туманный мир хоть с каким-нибудь солнечным загаром.

Еще в Лиллиуайте Бонд запасся одеждой, которая, как он предполагал, пригодится, будет к месту. Он не стал брать модный эластичный комбинезон — писк горнолыжной моды, зато выбрал более удобные, хоть и старомодные, лыжные брюки из мягкой ткани. Поверх обычной белой хлопчатобумажной рубашки он мог надеть выдавшую виды чер-

ную ветровку, в которой обычно играл в гольф. И кроме того, предусмотрительно прихватил с собою длинные уродливые полушерстяные кальсоны и нижние рубашки. Его лыжные ботинки выглядели совершенно новехонькими, что бросалось в глаза, крепления он подобрал на славу, перегрузить их не боялся.

— В таком случае,— сказал Бонд,— и я лучше сниму свитер.— После этого он последовал за графом на веранду.

Граф снова лег на алюминиевый, обтянутый материей шезлонг. Бонд пододвинул себе маленький стульчик, обтянутый тем же материалом. Он поставил его так, чтобы сидеть лицом к солнцу и в то же время иметь возможность видеть графа.

— Итак,— произнес граф де Блевиль,— что же привело вас ко мне, что заставило искать личной встречи? — Он озаирил Бонда своей дежурной улыбкой. Темно-зеленые стекляшки глаз были непроницаемы.— Поймите меня правильно, я вовсе не хочу сказать, что визит ваш совсем некстати, но все-таки в чем дело, сэр Хилари?

Бонд заранее подготовил ответ на этот очевидный вопрос, собственно, даже два ответа. Первый вариант предусматривал тот случай, когда уши графа оказались бы нормальными, то есть с мочками. Запасной вариант — когда мочек нет. Теперь Бонд, сообразно ситуации, со знанием дела приступил к реализации запасного варианта.

— Уважаемый граф,— форма обращения была, по-видимому, продиктована сединами графа и его обходительными манерами,— в работе Геральдической палаты встречаются эпизоды, когда нельзя обойтись только научно-исследовательской документальной деятельностью. В вашем случае мы столкнулись, о чем сообщали, с одним деликатным моментом. Я имею, конечно, в виду пробел между исчезновением рода де Блевилей во времена Французской революции и появлением семейства или семей Блофелдов в окрестностях Аугсбурга. В связи с вышеизложенным,— Бонд сделал выразительную паузу,— я хотел бы несколько позже сделать вам предложение, которое, уверен, не останется без внимания. И вот к чему я клоню. Вы уже вложили довольно значительные средства в нашу работу, но было бы неверно предполагать, что исследования будут продолжаться даже без всякой надежды на успех. Все дело в том, что надежда такая имеется, однако обстоятельства эти особого свойства, именно они потребовали личной встречи с вами.

— Ах так? Могу ли я узнать, что это за обстоятельства?

Джеймс Бонд повторил все то, что рассказывал ему в свое время Сейбл Базилиск,— он поведал о губах Габсбургов, о королевских хвостах и прочих курьезах. Затем он подался вперед, чтобы подчеркнуть важность того, что собирался сказать.

— И такая же отличительная физическая черта имеется у рода де Блевилей. Вам ничего не известно об этом?

— Никогда не слышал. Нет-нет. И что же это такое?

— У меня хорошие новости для вас, граф.— Бонд широко улыбнулся.— На всех скульптурных изображениях и портретах де Блевилей, которые нам удалось обнаружить, представители рода имеют одну и ту же отличительную черту, передаваемую по наследству. Оказывается, ни у кого из этого семейства не было мочек ушей.

Граф тут же ощупал свои уши. Это что, игра?

— Понимаю,— произнес он медленно.— Теперь понимаю. Он задумался.— И вам необходимо было в этом убедиться? Моего слова или фотографии было бы недостаточно?

Бонд изобразил, что чувствует себя неловко.

— Прошу прощения, граф. Но таково указание герольдмейстера ордена Подвязки. Я всего лишь младший научный сотрудник, работающий по договору и помогающий одному из «сопровождающих». Он, в свою очередь, в подобного рода делах получает указания от вышестоящих особ. Согласитесь, Палата не может позволить себе произвольные действия, мы строго следуем правилам, особенно когда речь идет о древнейших благородных семействах, а это как раз такой случай.

Темные омуты глаз были нацелены прямо на Бонда как два пистолетных дула.

— В таком случае, теперь, когда вы сами увидели то, за чем приехали, никто не станет ставить под сомнение мой титул?

Настал самый ответственный момент.

— То, что я увидел, граф, без сомнения, позволяет мне рекомендовать продолжать работу. И я бы сказал, что наши шансы на успех значительно выросли. Я привез с собой материалы для первого, чернового варианта вашего генеалогического древа и через несколько дней смогу представить вам свои наброски. Но, увы, как я уже сказал, все еще есть много пробелов, и мне весьма важно сообщить Сейблу Базилиску обо всех этапах миграции вашей семьи из Аугсбурга в Гдыню. Вы оказали бы мне огромную услугу, если позволили задать непосредственно вам несколько вопросов

о ваших родственниках по мужской линии. Даже незначительные детали из биографии вашего отца и деда очень бы помогли. И потом, конечно, чрезвычайно важно, чтобы вы нашли время и посетили вместе со мной Аугсбург, вдруг те или иные письменные документы, написанные рукой членов семьи Блофелдов и хранящиеся в архивах, их имена и любые другие детали вызовут в вашей памяти какие-либо ассоциации. Все остальное тогда возьмет на себя Геральдическая палата. Я могу уделить этой работе не более недели. Но, если нужно, я в вашем распоряжении.

Граф встал. Бонд последовал его примеру. Он как ни в чем не бывало подошел к перилам и полюбовался открывавшимся с веранды видом. Заглотит ли Блофелд эту грубую приманку? Бонд страшно хотел этого. Во время беседы он пришел к одному совершенно правильному выводу. Ни в поведении, ни во внешности графа не было ничего такого, чего нельзя было достичь актерской игрой или очень хорошей хирургической операцией, произведенной на лице и теле настоящего Блофелда. Только с глазами ничего поделать было нельзя. А глаза оказались закрыты линзами.

— Вы полагаете, что в результате кропотливой работы, даже если останутся некоторые вопросы, связанные с белыми пятнами в родословной, я смогу получить выписку из акта, удостоверяющего мое благородное происхождение, что вполне удовлетворит министерство юстиции в Париже?

— Не сомневаюсь,— солгал Бонд.— Конечно, при содействующей поддержке Геральдической палаты.

Дежурная улыбка на этот раз стала несколько приветливой.

— Это доставило бы мне огромное удовольствие, сэр Хилари. Ведь я действительно граф де Блевиль. Я чувствую это сердцем, я слышу зов крови.— Голос его звучал неподдельно взволнованно.— И я намерен добиться того, чтобы мой титул был официально признан. Я очень рад, что вы сможете немного погостить у нас, я в полном вашем распоряжении, готов содействовать всем вашим научным изысканиям.

— Очень хорошо, граф,— сказал Бонд вежливо, но с оттенком некоторой усталости и покорности судьбе.— Я приступаю к работе немедленно.

ДВЕ ПОЧТИ РОКОВЫЕ ОШИБКИ

Бонд покинул здание в сопровождении человека в белом халате и марлевой повязке на лице, такие обычно носят работники лабораторий. Бонд не делал попыток заговорить. Он теперь основательно внедрил себя во вражеский стан, но нужно соблюдать все меры предосторожности, ступать буквально на цыпочках.

Он вернулся к себе в комнату и достал один из огромных листов бумаги в клетку, которыми его снабдили. Он сел за стол и уверенно написал наверху листа посередине строки — «Гильом де Блевиль, 1207—1243». Теперь предстояло выписать из тех книг и записей, что были у него, всех де Блевилей с их женами и детьми аж за полтысячи лет. Это займет внушительное количество страниц. И все записи должны быть сделаны безукоризненно точно. Конечно, он может растянуть эту кропотливую работу на три дня и разнообразить ее более интеллектуальной деятельностью — болтовней с Блофелдом о современной истории рода. К счастью, существовало несколько английских Блофелдов, которых он мог припасти на закуску. И были еще какие-то Блюфилды и Блюмфилды. Можно сделать лирические отступления и в этом направлении. А в промежутке между такими идиотскими занятиями он будет упорно пытаться разгадать тайну — чем же, черт побери, занимается новый Блофелд и обновленный СПЕКТР!

Было ясно, что они уже шарили в его вещах. Перед тем как пойти на встречу с Блофелдом, Бонд зашел в ванную комнату, укрывшись от бдительного всевидящего ока, сверкавшего в потолке, и выдернул с полдюжины волосков из головы. И пока выбирал книги, которые решил взять с собой, разбросал их незаметно среди других бумаг, не забыл положить волосок и в свой паспорт. Все волоски исчезли. Кто-то просматривал его бумаги. Бонд поднялся и подошел к комоду — якобы за носовым платком. Ну конечно же, тот порядок, в котором разложил вещи, был полностью нарушен. Не подав и вида, словно ничего не случилось, он вернулся к работе, слава богу, что прибыл сюда совершенно «чистым». Но страховаться придется со всех сторон. Ему вовсе не улыбалась мысль о путешествии «по-бобслейски» — по желобу, и только в один конец.

Бонд дошел уже до 1350 года, когда шум, доносившийся с веранды, привлек его внимание. В конце концов, он славно потрудился, дойдя почти до конца огромной страни-

цы. Пожалуй, можно выйти прогуляться, осмотреться вокруг. Он хотел сориентироваться на местности, показать, что он еще тут и никуда не делся, словом, вести себя совершенно естественно, как все вновь прибывшие. Он оставил приоткрытой дверь из комнаты в коридор. Вышел и направился в вестибюль, где служитель в темно-вишневом пиджаке старательно заносил в журнал регистрации тех, кто прибыл в гостиницу утром. На приветствие Бонда он ответил весьма благожелательно. Слева от выхода была комната для лыж и мастерская. Бонд забрел туда. Один из тех типов с Балкан стоял за верстаком, прикручивая к лыже новое крепление. Он взглянул на Бонда и продолжал работать, пока гость с нескрываемым любопытством разглядывал ряды лыж, выстроившихся вдоль стены. Да, кое-что изменилось с тех пор, как он занимался горными лыжами. Крепления стали совсем другими, они, казалось, были сделаны с целью намертво прикрепить пятку ботинка к лыже. Появились новые приспособления для безопасного отстегивания лыж. Многие лыжи были обиты металлом, а лыжные палки выглядели прямо-таки острогами из стекловолокна, что показалось Бонду чрезвычайно опасным в случае неудачного падения. Бонд обошел вокруг верстака, изображая интерес к тому, что делал мужчина. На самом деле он увидел то, мимо чего никак не мог пройти, сваленные в кучу кусочки тонких пластмассовых полос, которые прикреплялись к ботинку, дабы тот плотно прилегал к креплению и снег не мог скапливаться под подошвой на блестящей поверхности лыж. Бонд склонился над верстаком, опершись на правый локоть, и похвально отозвался о четких, рассчитанных движениях работающего. Мужчина хмыкнул и, чтобы избежать дальнейших разговоров, сделал вид, что поглощен работой. Левую руку Бонд подsunул под локоть, на который оперся, ухватил одну из полосок и незаметно спрятал ее в рукав. Он сделал еще одно ничего не значащее замечание, на которое не последовало ответа, и вышел из мастерской.

Когда входная дверь с шипением закрылась за ним, человек, работавший в мастерской, подошел к кучке пластмассовых полос и, боясь ошибиться, дважды пересчитал их. Потом он направился к мужчине в темно-вишневом костюме и сказал ему что-то по-немецки. Тот кивнул, снял трубку и набрал 0. Рабочий из мастерской не спеша вернулся к себе.

Пока Бонд шел по дорожке, ведущей к станции канатной дороги, он переложил пластмассовую полосу из рукава в карман брюк — собой он был вполне доволен. Теперь у него

в руках был хоть какой-то полезный инструмент — обычное приспособление, каким пользуются взломщики, чтобы открывать автоматические дверные замки.

Он шел от здания клуба, к которому тек тоненький ручеек нарядно одетых горнолыжников. Бонд же присоединился к большой группе, только что вышедшей из фуникулера, — это была типичная толпа, которая обычно собирается на вершине, — лыжники, не сразу решающиеся ехать вниз, те, кто выбирает склоны полегче — для новичков, небольшие компании со своими наставниками и инструкторами, которые подняли их сюда из долины. На террасе открытого ресторана уже толпились непривилегированные лыжники, те, у кого не было ни денег, ни связей, чтобы стать членами клуба. Бонд прошел под террасой по хорошо утопанному снегу и остановился среди лыжников на краю первого спуска трассы «Глория». На большой доске объявлений, украшенной буквой „G“ и короной, наверху было написано по-немецки: «Трасса „Глория“». И затем ниже — «Красный работает. Желтый работает. Черный закрыт», что означало: два спуска функционируют, третий использовать запрещается, вероятно из-за лавинной опасности. Ниже висела раскрашенная металлическая карта — наглядное пособие по всем трем маршрутам. Бонд внимательно изучил карту, отметив, что разумнее всего запомнить «красный» спуск, который, вероятно, был самым легким и оживленным. На карте были изображены красные, желтые и черные флажки-метки, и Бонд мог видеть сверху настоящие флажки, расставленные по трассе, они как бы окаймляли крошечные фигурки лыжников, летящих вниз, и исчезали, завернув влево, вокруг склона горы, под канатную дорогу. «Красный» маршрут шел вроде бы зигзагом — под канаткой и между несколькими высокими опорами, пока не упирался в верхнюю границу леса. Потом — все время между деревьями, до последнего легкого спуска и бугра у самого основания канатной дороги, за которыми проходила основная ветка железной дороги, и еще дальше — дорога Понтресина — Самаден. Бонд старался все это запечатлеть в памяти. Затем он понаблюдал за несколькими стартами. Старты были разными: были подобные стреле стремительные спуски — так обычно стартуют горнолыжные звезды, они стремительно летят по склону в низкой стойке, беспечно держа лыжные палки под мышками; были и середняки — любители, которые притормаживали на трассе раза три-четыре, и конечно — «чайники», насмерть перепуганные новички, которые, оттопырив зад, словно плугом прокладывали себе дорогу вниз,

мешая другим; лыжи у них разъезжались, путались, время от времени они решались скатиться прямо по диагонали гладкого склона — разгонялись и, как правило, тут же мягко падали, как только оказывались не на накатанной поверхности, а в пушистом снегу, который лежал по краям широкого скоростного спуска.

Все выглядело точно так, как Бонд видел уже раньше — сотни раз, — когда еще подростком учился кататься на горных лыжах в старой школе Ханнеса Шнейдера в местечке Сент-Антон, пригороде Арлберга. Он был способным учеником и вскоре завоевал первый приз, но стиль катания в те времена был очень простым, даже примитивным, если сравнить с тем, что Бонд наблюдал сейчас, когда тот или иной первоклассный лыжник с ходу резко набирал скорость и стремглав летел вниз прямо с вершины. Нынешние обитые металлом лыжи скользили лучше, были устойчивее, чем прежние деревянные со стальной окантовкой. Нагрузка на плечи была меньше, и стиль Веделна — плавное покачивание бедрами — стал настоящим открытием. Но так ли уж он эффективен на глубоком, только что выпавшем снегу, это ведь не хорошо утрамбованная трасса скоростного спуска. На этот счет у Бонда были сомнения, но все равно он завидовал асам. Их стиль выглядел более грациозным, низкая стойка, которой учили в Арлберге, казалась неуклюжей. Бонд представил, как бы чувствовал себя на этой прекрасной трассе. Он, конечно, не осмелился бы сразу спускаться по первому маршруту. И по крайней мере дважды притормозил бы — вон там и там. И колени задрожали бы у него после пяти минут езды. И колени, и лодыжки, и запястья рук долго не выдержали бы. Надо, надо и дальше делать физические упражнения! Слегка разволнованный Бонд покинул вершину и, следуя указателю, направился к трассе бобслея «Глория-экспресс». Желоб находился по другую сторону от станции канатной дороги. Там стоял небольшой деревянный барак, оттуда стартовали сани; телефонные провода тянулись от него к станции, а ниже остановки фуникулера находился маленький «гараж», где стояли сани для группового бобслея и сани-одиночки. Цепь, на которой висела дощечка «Ежедневно с 9.00 до 11.00», была растянута поперек широкого отверстия желоба — начала трассы, похоже оно было на глубокое ущелье из голубого льда; желоб поворачивал влево и потом исчезал совсем — его продолжения не было видно. И здесь находилась металлическая карта, на которой был изображен зигзагообразный путь, по которому мчались сани; конец трассы — внизу, в долине. В отличие от

традиций этого вида спорта, которым следуют в Англии, здесь все рискованные повороты и другие отрезки трассы, характеризующиеся повышенной опасностью, имели свои названия, например «Прыжок мертвеца», «Перед вами чудо-юдо», «Сумасшедший зигзаг», «Ад крошечный», «Вытряси всю душу» и финишная прямая «Райская аллея». Бонд вспомнил сегодняшнее утро и вновь услышал тот душераздирающий крик. Да, эта смерть — ни дать ни взять — почерк прежнего Блофелда!

— Сэр Хилари! Сэр Хилари!

Неожиданно выведенный из задумчивости, Бонд обернулся. Фрейлейн Ирма Бунт, руки в боки, стояла на дорожке, ведущей к клубу.

— Время обедать! Обед!

— Иду, — отозвался Бонд и стал подниматься по склону ей навстречу. Преодолев эту сотню ярдов, он заметил, что дыхание его стало прерывистым, а в ногах появилась тяжесть. Проклятая высота! Ему действительно следует начать тренироваться!

Он подошел к фрейлейн Бунт. Выражение лица у нее было сердитое. Он извинился, сказав, что не заметил, как пролетело время. Она не ответила. Желтые глаза рассматривали его с явной неприязнью, она повернулась и пошла по дорожке впереди него.

Бонд быстро проиграл ситуацию в уме. Что случилось? Не совершил ли он ошибки? Пожалуй, так и есть. Лучше перестраховаться! Когда они вошли в гостиницу и оказались в вестибюле, Бонд как бы мимоходом заметил:

— Да, фрейлейн Бунт, между прочим, я побывал в мастерской.

Она остановилась. Бонд заметил, что портье еще ниже склонил голову над книгой регистрации посетителей.

— В самом деле?

Бонд вытащил пластмассовую полосу из кармана.

— Там я нашел, что искал. — Он растянул губы в улыбке, выражающей невинное удовлетворение. — Я, как идиот, забыл привезти с собой линейку. А на верстаке лежали вот эти штуки. Как раз то, что нужно. Ну я и позаимствовал одну. Надеюсь, в этом нет ничего страшного. Конечно, я верну ее перед отъездом. Вы же понимаете, когда составляешь генеалогическое древо, — Бонд изобразил в воздухе несколько прямых линий, идущих сверху вниз, — каждая ветвь должна быть на определенном уровне. Вы не станете ругать меня? — Он обворожительно улыбнулся. — Я собирался сознаться, как только увижу вас.

Ирма Бунт прикрыла глаза.

— Ничего страшного. Но в будущем, если вам что-нибудь потребуется, — позвоните, хорошо? Граф сказал, чтобы вас обеспечили всем необходимым. А теперь, — жестом она пригласила его следовать дальше, — пройдите на террасу. Вас проводят к столу. Я присоединюсь к вам через минуту.

Бонд вошел в ресторан. Все столики, стоявшие в тени, были заняты теми, кому солнце уже стало не в радость. Бонд пересек зал и через балконную дверь вышел на открытый воздух. Проскользнув между столиками с гостями, к нему быстро подошел человек по имени Фриц, который играл здесь роль метрдотеля. Его холодные глаза смотрели на Бонда так же враждебно. Он протянул меню.

— Сюда, пожалуйста.

Бонд пошел следом за ним к столику около перил. Руби и Виолетта были уже на месте. Бонд вновь почувствовал себя легко, как будто сбросил с плеч огромную тяжесть, — кажется, проскочил. Ей-богу, следует проявлять максимум осторожности. Повезло — и пластмассовая полоса осталась у него! Достаточно ли невинно он выглядел, достаточно ли глуповато? Он сел за стол и заказал двойную порцию водки с мартини, со льдом, с лимонной корочкой, он слегка коснулся ногой ноги Руби.

Она не вздрогнула, не отодвинулась. Она улыбнулась. Улыбнулась и Виолетта. Они обе заговорили одновременно. День вдруг вновь стал прекрасным.

Появилась фрейлейн Бунт и заняла свое место. Она опять вела себя очень мило.

— Рада была услышать, сэр Хилари, что вы пробудете у нас еще целую неделю. Как прошла ваша беседа с графом? Он очень интересный человек, не правда ли?

— Весьма интересный. К сожалению, говорили мы недолго и только по интересующим меня вопросам. А о его научно-исследовательской деятельности я так и не спросил, хотя хотел. Надеюсь, он не в обиде на меня за это?

Выражение лица Ирмы Бунт заметно изменилось.

— Уверена, что нет. Граф редко говорит о своей работе. В этих очень специальных областях науки, как вы понимаете, зависть людская играет не последнюю роль, к тому же, как это ни печально, так и норовят украсть чье-то открытие или идею. — Губки бантиком. — Я, конечно, не имею в виду вас, уважаемый сэр Хилари, я говорю об ученых менее щепетильных, чем граф, у химических компаний везде свои шпионы. Потому-то мы и живем так замкнуто в своем орлином гнезде высоко в горах. Здесь нас никто не беспокоит. Помо-

гает нам и полиция, там, в долине, старается оградить от незваных гостей. Они очень уважительно относятся к работе графа.

— К изучению аллергических заболеваний?

— Именно так.— Возле нее возник метрдотель. Прищелкнув каблуками, он вручил всем меню. Бонду подали его коктейль. Он сделал большой глоток и заказал яйца а-ля Глория и салат из овощей. Для Руби опять цыпленок; холодного мяса и «много-много картошки» попросила Виолетта. Ирма Бунт заказала свой обычный творог и салат.

— Разве вы не едите ничего больше, кроме цыплят с картошкой? Вероятно, девочки, это как-то связано с вашим аллергическим заболеванием?

— Пожалуй, да, в какой-то степени,— стала объяснять Руби.— Я просто полюбила...

— А ну-ка, Руби,— резко оборвала Ирма Бунт,— никаких разговоров о методе лечения, ты что, забылась? Никаких разговоров даже с нашим дорогим другом сэром Хилари.— Она обвела рукой переполненный зал.— Интересное общество, как вы считаете, сэр Хилари? Каждый здесь личность, мы успешно конкурируем с Гштадом и Санкт-Морицем, здесь собираются знаменитости со всего мира. Вот там сидит ваш герцог Мальборо с такой веселой компанией юных созданий. А рядом господин Уитни и леди Дафни Стрейт. Шикарная дама, не правда ли? Они прекрасно катаются. А вот та красивая женщина с длинными волосами, та, что сидит за большим столом,— это Урсула Андерс, кинозвезда. Какой у нее великолепный загар! А вон сэр Джордж Дунбар, у него всегда такие очаровательные спутницы.— Опять губки бантиком.— В самом деле, не хватает лишь Ага-хана и, может быть, еще вашего герцога Кентского, тогда был бы полный набор, ну просто все сливки общества.

Совсем неплохо для первого сезона?

Бонд согласился. Подали обед. Бонду принесли аккуратно нарезанные сваренные вкрутую яйца со сливками и сырым соусом, а также горчичной приправой (эта приправа была основным компонентом в фирменных блюдах ресторана «Глория») и луковый суп с тертым сыром, который подали в горшочке. Бонд отметил, что готовят здесь великолепно.

— Спасибо, что оценили нашу кухню,— сказала Ирма Бунт.— Мы наняли трех французов, специалистов своего дела. Мужчины вообще очень хорошо готовят, не так ли?

Бонд скорее почувствовал, чем увидел, что к их столику приближается мужчина. Он направился прямо к Бонду.

Выправка у него была военная, возраст — приблизительно такой, как у Бонда, лицо его выражало некоторое смущение. Он вежливо поклонился дамам.

— Простите великодушно, — но я увидел ваше имя в книге гостей. Хилари Брей, правильно?

У Бонда внутри все оборвалось. В подобном переплете можно оказаться всегда, и он готов был, хотя и неуклюже, парировать вопрос. Но сейчас ситуация усугублялась — эта чертова тетка сидела рядом, все слышала и все видела.

— Да, это я, — ответил Бонд, сделав над собой усилие.

— Сэр Хилари Брей? — приятное лицо незнакомца выразило еще большее замешательство.

Бонд встал и повернулся спиной к столу, к Ирме Бунт.

— Да, все правильно. — Он вытащил платок и высморкался, чтобы избежать следующего вопроса, который мог оказаться роковым.

— Во время войны вы не служили в полку ловат-скаутов?

— Ах, — сказал Бонд озабоченно и понизил голос, — вы имеете в виду моего кузена. Того, что жил в местечке Бен Трилличен. Бедняга — он скончался полгода назад. Я унаследовал титул.

— О, господи! — Теперь лицо мужчины выражало не замешательство, а неподдельное горе. — Страшная новость. Мой лучший друг со времен войны. Странно, в «Таймс» некролога не было. Я постоянно просматриваю раздел «Рождения, бракосочетания, смерти». Что же с ним случилось?

Бонд почувствовал, что весь взмок.

— Свалился с одной из этих проклятых гор, по которым лазал, сломал шею.

— Боже мой! Какое горе. Он всегда обожал лазать по горам в одиночку. Я должен немедленно сообщить об этом Дженни. — Он протянул руку. — Извините, что так бесцеремонно прервал вашу беседу. Хотя было бы действительно странно встретить здесь старину Хилари. Всего доброго и извините еще раз, ради бога. — Он пошел, лавируя между столиками. Боковым зрением Бонд видел, как он присоединился к группе мужчин, выглядевших очень по-английски, и их жен, что тоже не вызывало сомнения, и стал что-то оживленно им рассказывать.

Бонд сел, потянулся за своим стаканом, осушил его и принялся за яйца вкрутую. Бунт не сводила с него глаз. Он почувствовал, как пот течет по его лицу. Вытащил носовой платок и вытер капельки.

— Ну и жаррища здесь, на солнце долго не посидишь. Это какой-то приятель моего кузена. Его звали так же, как и меня. Родственник, боковая ветвь. Недавно скончался, бедняга.— Он печально вздохнул.— Адам мне об этом приятеле никогда не говорил. Приятный человек.— Бонд смело взглянул через стол.— Вы знаете кого-нибудь из этой компании, фрейлейн Бунт?

— Нет,— ответила фрейлейн Бунт, не глядя в сторону англичан.— Я не могу знать всех, кто сюда приезжает.— Желтые глаза все еще с подозрением смотрели на него.— Любопытное совпадение. Вы что же, так похожи на своего кузена?

— Как две капли воды,— сказал Бонд и поспешно добавил: — Я его точная копия. Нас часто путали.— Он вновь взглянул на англичан. Слава богу, они собирались уходить. Должно быть, остановились в Понтресине или в Санкт-Морице, где были гостиницы для военных. Выглядели они довольно скромно, было видно, что не богачи. Обычная компания любителей горных лыж из Англии. С таким же успехом могли бы совершать лыжные вылазки где-нибудь у себя дома, ходили бы гуськом по лыжне. Подали кофе, Бонд сменил тему разговора и стал весело болтать с Руби, чья нога опять касалась его, о том, каких успехов в горнолыжном спорте достигла она этим утром.

«Да ладно,— подумал он,— не может быть, чтобы Бунт слышала все, здесь стоит такой шум — болтают все без умолку и стучат ложками. Но он был на волосок от разоблачения, именно на волосок. Два прокола подряд.

Пожалуй, хватит ходить на цыпочках в расположении противника.

Так дело не пойдет! Куда же это годится!»

13

ПРИНЦЕССА РУБИ?

«Уважаемый Сейбл Базилиск, на место прибыл благополучно,— на вертолете, если уж говорить все как есть. Я здесь — на пике Глория, на высоте 10 000 футов над уровнем моря, где-то в Энгадине. Весьма комфортабельное местечко. Отличный обслуживающий персонал, состоящий целиком из лиц мужского пола разных национальностей и высочайшей квалификации секретарши графа по имени фрейлейн Ирма Бунт, которая сообщила, что она родом из Мюнхена.

Сегодня утром имел плодотворную беседу с графом, в результате чего он выразил пожелание, чтобы я задержался здесь на неделю для завершения первого проекта его генеалогического древа. Надеюсь, что в течение этого времени вы сможете без меня обойтись. Я предупредил графа о том, что у нас много работы со странами Британского Содружества. Несмотря на то, что он сильно занят какими-то исследованиями — похоже, на общественных началах — аллергических заболеваний и причин, их вызывающих (у него здесь 10 пациентов — все англичанки), граф согласился встречаться со мной ежедневно, надеюсь, что вместе нам удастся проследить пути миграции рода де Блевилей из Франции и последующего переезда семейства Блофелдов из Аугсбурга в Гдыню. Я предложил завершить наши исследования коротким визитом в Аугсбург, дабы выполнить ту работу, о которой мы говорили, но он еще не сообщил мне о своем решении.

Пожалуйста, передай моей кухне Дженни Брей, что к ней может приехать один из друзей ее покойного мужа, который, очевидно, служил с ним в полку ловат-скаутов. Он нашел меня сегодня во время обеда, приняв за другого Хилари. Ничего себе совпадение!

Условия для работы превосходные. Здесь мы в полном уединении, надежно изолированы от этого сумасшедшего мира горнолыжников. Очень разумно, что после десяти вечера девушки расходятся по своим комнатам, такое строгое расписание избавляет их от соблазна бесцельно слоняться и сплетничать. Как мне кажется, они все очень милые создания, хотя и не блещут умом; такое впечатление, что их собирали по всему Соединенному Королевству.

А теперь самое интересное. Уши графа не имеют мочек! Неплохая новость, не правда ли?! Выглядит он очень представительно — статная осанка, благородный профиль, седина и очаровательная улыбка. Его стройная фигура также указывает на знатное происхождение. К сожалению, из-за слабого зрения и сильного солнца на этой высоте, он вынужден носить темно-зеленые контактные линзы. Орлиный нос немного портит деформированная ноздря, что, как мне кажется, можно было бы легко исправить, сделав косметическую операцию. Он говорит на безукоризненном английском, голос звонкий, веселый.

Уверен, что работу мы закончим успешно. А теперь к делу. Очень бы хотелось, чтобы ты связался с издателями Готского альманаха, может быть, они помогут нам ликвидировать некоторые проблемы в родословной. Вдруг

отыщут какие-нибудь следы. Будут новости — телеграфируй. Имея такие бесспорные доказательства — мочки ушей, — насколько не сомневаюсь в том, что мы на верном пути.

Пока все.

Искренне...

Хилари Брей.

Р. С. Пожалуйста, не говори ничего моей матери, а то будет беспокоиться за мою безопасность среди этих вечных снегов! Этим утром, однако, здесь произошел ужасный случай. Кто-то из obsługi, кажется какой-то югослав, поскользнулся рядом с желобом для бобслея и пролетел по нему до самого низа! Жуткое дело. Вероятно, завтра его будут хоронить в Понтресине. Не послать ли нам что-нибудь вроде венка? Х. Б.»

Бонд перечитал письмо несколько раз. Да, оно может дать массу зацепок руководству операции «Корона». В частности, намек на то, что им следует узнать имя погибшего в бюро записи актов гражданского состояния в Понтресине. Край конверта Бонд незаметно пометил — впрочем, он был уверен, что письмо вскроют, снимут с него копию и лишь потом отправят по адресу. Конечно, его могут и просто уничтожить. Хотя маленькая хитрость — упоминание о Готском альманахе — может удался. Этот геральдический источник до сих пор не упоминался. Он несомненно возбudit интерес Блофелда.

Бонд позвонил в колокольчик и отдал письмо для отправки. Затем вернулся к своей работе, которая поначалу состояла в том, что он должен был пойти в ванную комнату, захватив с собой пластмассовую полосу и ножницы, и отрезать от полосы два дюймовых кусочка. Этого хватит для него и, как он надеялся, для Руби — они найдут этой пластмассе применение. Затем с помощью фаланги большого пальца в качестве приблизительной мерки он разметил оставшиеся восемнадцать дюймов на отрезки по дюйму каждый, чтобы было видно — он пользовался полосой как линейкой. Только закончив все это, Бонд вернулся к письменному столу и стал вырисовывать следующие сто лет рода де Блевилей.

К пяти часам так сильно стемнело, что Бонд встал из-за стола и потянулся, собираясь пойти включить свет. Прежде чем закрыть окно, он еще раз выглянул на улицу. На веранде никого не было, поролоновые подушки со складных стульев были уже убраны. Со стороны канатки все еще раздавался скрип шестеренок и роликов подъемника, скрип этот был частью звукового фона всего рабочего дня. Вчера

подъемник остановили около пяти вечера, и сейчас кресла должны были вот-вот замереть там, где их застала темнота, теперь они могли немного отдохнуть от дневного нескончаемого кругового движения. Бонд закрыл двойную раму, пересек комнату, подошел к термостату и установил его на делении 70°. Он только собрался протянуть руку к выключателю, как услышал очень тихий стук в дверь.

Бонд понизил голос:

— Войдите!

Дверь открылась — это была Руби. Дверь она быстро закрыла за собой. Руби приложила пальчик к губам и жестом показала на ванную комнату. Бонд, весьма заинтригованный, последовал за ней и прикрыл дверь. Затем включил свет. Лицо Руби пылало.

— Пожалуйста, простите меня, сэр Хилари, — умоляющим голосом прошептала она. — Но мне очень нужно было с вами поговорить, хотя бы минуточку.

— Пожалуйста, Руби. Но почему в ванной?

— А разве вы не знаете? Ах да, наверное, не знаете. Вообще-то это секрет, но вам я, конечно, скажу. Вы же меня не выдадите?

— Конечно нет.

— Видите ли, во всех комнатах установлены микрофоны. Я, правда, не знаю — где. Мы иногда собираемся вместе, ну чтобы немного поболтать. Так вот — мисс Бунт всегда все известно. Мы думаем даже, что у них есть что-то вроде телевидения. — Она хихикнула. — Мы раздеваемся всегда в ванной комнате. Иначе возникает какое-то неприятное ощущение. Как будто за нами все время наблюдают. Вероятно, это как-то связано с курсом лечения.

— Наверное, вы правы.

— Дело в том, сэр Хилари, что я чрезвычайно заинтересовалась тем, о чем вы говорили сегодня во время обеда, ну что мисс Бунт, может быть, герцогиня. Неужели такое действительно возможно?

— Конечно, — произнес Бонд беззаботным голосом.

— Я так расстроилась, что не могла сказать вам свою фамилию. Видите ли, видите ли, — зрачки ее расширились от возбуждения. — Моя фамилия Виндзор!

— Вот это да, — сказал Бонд. — Как интересно!

— Я знала, что вы так скажете. Знаете, в моей семье всегда шли разговоры о том, что мы отдаленно связаны с королевской семьей!

— Вполне понятно, — задумчиво произнес Бонд, выглядел он при этом человеком весьма рассудительным. —

Мне бы хотелось поработать с вами. А как звали родителей? С них, пожалуй, и начнем!

— Джордж Альберт Виндзор и Мэри Потто. А это вам о чем-нибудь говорит?

— Ну конечно, чрезвычайно важно имя Альберт, — Бонд почувствовал себя беспородной собачонкой. — Видите ли, у королевы Виктории был супруг. И звали его Альберт.

— Не может быть! — Руби прикрыла ладошкой рот.

— Но, конечно, над этим придется еще поработать. Откуда вы родом? Где родились в Англии?

— Я из Ланкашира. Мокамбе-бей, там ловят креветок. Но и домашней птицы полным полно.

— Так это потому вы так сильно любите цыплят?

— О, нет, — ее несколько озадачило высказанное Бондом предположение. — В том-то как раз и дело, у меня была аллергия на кур. Я просто на дух их не переносила. Все эти перья, постоянно что-то клюют, возятся в грязи, дурно пахнут. Я ненавидела их. От курятины у меня мгновенно появлялась сыпь. Просто ужас. И конечно, мои родители выходили из себя, ведь они у меня занимаются разведением домашней птицы в больших количествах. А я, как считалось, должна была помогать им чистить кормушки. Ну вы знаете все эти места, где занимаются массовым производством птицы. И вот однажды в газете я увидела объявление — это такая специальная газета для птицеводов. В объявлении говорилось о том, что лица, страдающие аллергией на домашнюю птицу, — там было какое-то длинное латинское название, — могут пройти курс ре... ре... ну, в общем, лечения в одном из швейцарских институтов, занимающихся исследованиями в этой области. Притом — на всем готовом, и в придачу десять фунтов в неделю на карманные расходы. Похоже, конечно, на одно из тех мест, где людей используют в качестве подопытных кроликов, пытаюсь, скажем, найти способ, как избавиться от насморка.

— Понимаю, понимаю, — ободряюще сказал Бонд.

— Словом, я обратилась по указанному адресу, и мне оплатили проезд до Лондона, где я встретила мисс Бунт, которая устроила нечто вроде экзамена. — Она хихикнула. — Одному богу известно, как я проскочила его. До этого я дважды не могла получить аттестат зрелости. Но она сказала, что Институту как раз такие и нужны. И вот уже два месяца, как я здесь. Тут не так уж плохо. Только много всяких строгостей. Зато граф полностью вылечил меня. Теперь цыплят я просто обожаю. — В ее глазах вдруг появилось

умиление.— Наверное, это самые прекрасные, самые восхитительные птицы в мире.

— Да, это божественно прекрасные создания,— сказал совершенно заинтригованный Бонд.— А теперь о вашей фамилии. Я приступлю к работе немедленно. Но где же нам поговорить? По-моему, за вами здесь постоянно следят. Как же нам остаться наедине? Единственное место — это моя или ваша комнаты.

— Вы имеете в виду н о ч ь ю? — Большие голубые глаза расширились от испуга, возбуждения и девичьего вохищения.

— Да. Это единственный выход.— Бонд храбро шагнул к ней и крепко поцеловал в губы. Затем неуклюже обнял.— Знаете, вы мне страшно нравитесь.

— О, сэр Хилари!

Но она не оттолкнула его. Просто стояла, как большая красивая кукла, пассивная, что-то там соображающая и желающая во что бы то ни стало стать принцессой.

— Но как вы отсюда выберетесь? Здесь все строго. И охрана без конца ходит по коридору. Правда,— по глазам было видно, как она что-то прикидывала в уме,— моя дверь рядом с вашей. Я живу в третьем номере. Если бы мы нашли способ, как выбраться отсюда.

Бонд достал из кармана одну из пластмассовых полосочек, которые он нарезал, и показал ей.

— Я знал, что вы находитесь где-то рядом. Инстинктивно чувствовал. (Вот скотина!) В армии я кое-чему научился. Такие двери вполне можно открыть, стоит только вставить эту полоску в дверной проем перед замком и нажать. Зашелка отойдет. Вот, возьмите, у меня есть еще. Но только спрячьте ее. И обещайте никому об этом не говорить.

— О, вы малый не промах! Конечно, обещаю. А как вы все-таки думаете, есть ли хоть какая-нибудь надежда, я имею в виду Виндзоров? — Теперь она обвила его шею руками, ведь она обнимала волшебника, и большие голубые глаза призывно уставились на него.

— Определенно сказать ничего не могу,— сказал Бонд твердо, стараясь вернуть себе хотя бы часть былой репутации.— Но сейчас же посмотрю в книгах. До вечернего коктейля не так много времени. Но обещаю, что посмотрю.— Он запечатлел еще один долгий поцелуй и, как отметил про себя, чрезвычайно сладостный поцелуй, на который она чувственно прореагировала, чем слегка успокоила его совесть.— Пока это все, крошка,— его правая рука сосколь-

знула вниз по ее спине, он бодренько хлопнул ее по попке.— Сначала надо тебя вывести отсюда.

В его спальне было темно. Они постояли у двери, прислушиваясь, как дети, играющие в прятки. В здании стояла полная тишина. Он приоткрыл дверь, еще раз шлепнул ее по попке, и она была такова.

Бонд немного подождал. Затем включил свет. Его келья ожила. Он подошел к столу и взял в руки «Словарь английских фамилий». Виндзор, Виндзор, Виндзор. Ага! Вот они! В то время как он вчитывался в колонки, набранные мелким шрифтом, его мозг, разведчика-профессионала, вдруг посетила одна важная мысль. Прекрасно. Итак, сексуальные извращения, просто секс в чистом виде представляют для агентов чуть ли не основную опасность. Равно как и стремление к обогащению. Ну а как же быть с положением в обществе? А как рассматривать самый худший из пороков — снобизм?

Пробило шесть. У Бонда появилась ноющая головная боль, результат изнурительного чтения справочников, напечатанных мелким шрифтом, не говоря уже о кислородном голодании, естественном на такой высоте. Нужно пропустить стаканчик, а лучше три. Он быстро принял душ, привел себя в порядок, позвонил охраннику и отправился в бар. Собрались еще не все, Виолетта сидела в одиночестве за стойкой, и Бонд присоединился к ней. Ему показалось, что она обрадовалась, увидев его. Виолетта пила «Дайкири». Бонд заказал ей еще одну порцию, а себе взял двойной бурбон со льдом. Отпил большой глоток и поставил тяжелый широкий стакан на стойку.

— Вот это то, что нужно. В самый раз. Пока вы там вальсировали на склонах, грелись на солнышке, я трудился как раб день-деньской.

— Кто же это вальсировал! — Ирландский акцент только усилил ее законное возмущение.— Пришлось отсидеть целых две лекции, все утро пропало — такая скучища. А после обеда я должна была ликвидировать хвосты по домашнему чтению. И так прилично отстала.

— А что входит в домашнее чтение?

— Да всякая ерунда по сельскохозяйственной тематике.— Она подозрительно взглянула на него своими темными глазами.— Мы, знаете, ли, не должны никому рассказывать о том, как нас лечат.

— Ну хорошо,— беспечно сказал Бонд,— давайте поговорим о чем-нибудь еще. Откуда вы родом?

— Ирландия. Юг. Недалеко от Шеннона.

Бонд выстрелил наугад.— А — картофельные края.

— Правильно. Как я там всех ненавидела. Ничего, кроме картошки, не едят. Ни о чем, кроме как о видах на урожай картошки, не говорят. А сейчас мне очень бы хотелось вернуться обратно. Смешно, не правда ли?

— Дома, наверное, обрадуются.

— Еще бы! А приятель мой как будет рад! Он занимается оптовой торговлей! Я сказала, что никогда не выйду замуж за человека, который имеет что-нибудь общее с этой черной, грязной, жуткой работой с картошкой. Посмотрел бы он на меня теперь.

— А что такое?

— Здесь я стала настоящим специалистом по картофелю. Изучала самые последние научные методы, знаю, как добиться рекордного урожая, ну там химикалии и прочее.— Она испуганно прикрыла рот рукой и быстро огляделась. Бросила взгляд на бармена. Испугалась, что кто-то услышит эту совершенно невинную болтовню. Она улыбнулась с видом гостеприимной хозяйки.— А теперь расскажите мне, над чем вы сейчас работаете, сэр Хилари.

— Да так, кое-что по геральдике, по просьбе графа. Ну вроде того, о чем мы говорили за обедом, наверное, вам это показалось ужасно скучным.

— Ну нет. Я бы так не сказала. Мне было страшно интересно все, о чем вы говорили с мисс Бунт. Видите ли,— она понизила голос и произнесла следующую фразу в поднятый стакан,— моя фамилия О'Нил. А они были почти королями Ирландии. Как вы думаете...— Она кого-то заметила за спиной Бонда и тут же произнесла как ни в чем не бывало: — Я никак не могу правильно развернуть плечи. Когда пытаюсь это сделать, просто не могу устоять на ногах.

— Боюсь, что в горных лыжах я ничего не смыслю,— громко сказал Бонд.

В зеркале, висящем над баром, появилось отражение Ирмы Бунт.

— А, сэр Хилари.— Она пристально посмотрела на него.— Но вот и вы уже немного загорели. Идемте! Посидим немного. Бедняжка Руби вон совсем одна.

Они смиренно проследовали за ней. Бонда забавляло то, с каким удовольствием девушки потихонечку нарушали правила распорядка. Типичный образец сопротивления правилам строгой дисциплины и властному руководству этой отвратительной матроны. Но ему следует проявлять осторожность, хотя подобные беседы весьма полезны. Непло-

хо бы привлечь девчонок на свою сторону. Он должен разузнать все их имена и адреса, хотя бы потому, что граф этого никак не хочет и всячески препятствует. Он должен все вынюхать, именно вынюхать. И Руби к этому подключить, пусть поработает на него. Бонд сел рядом с ней, как бы незначай коснулся ее плеча.

Прошли еще один круг коктейлей. Бонд расслабился — бурбон делал свое дело. Головная боль, обручем охватывавшая всю голову, локализовалась в области правого виска.

— А не сыграть ли нам снова в эту игру? — задорно произнес он.

Послышался хор одобрительных голосов. Из бара принесли стакан и бумажные салфетки. Подошли другие девушки. Бонд пустил по кругу сигареты. Девушки глубоко затягивались, время от времени давясь дымом. Атмосфера всеобщего ликования, веселья, казалось, подействовала даже на Ирму Бунт. Восторг рос по мере того, как ажурный узор на салфетке все разрастался. «Осторожно!» — «Тише, Элизабет!» — «Ай-ай! Получилось!» — «Вон в том уголке есть еще место».

Бонд сидел рядом с Бунт. Он откинулся в кресле и предложил девушкам продолжать игру самостоятельно. Затем повернулся к фрейлейн.

— Между прочим, мне тут пришло в голову, что неплохо бы спуститься по канатке в долину, когда будет свободное время. Как я понял из разговоров, Санкт-Мориц расположен на другом краю долины, никогда там не бывал, очень бы хотелось туда съездить.

— Увы, уважаемый сэр Хилари, это против правил нашего учреждения. Наши гости, как и обслуживающий персонал, не имеют доступа к канатной дороге. Она предназначена только для туристов. А мы здесь варимся в собственном соку. Мы — как бы это сказать — мы как бы отделились от мира. Живем почти в монастыре. Да так и лучше, правда? Так нам никто не мешает заниматься своими исследованиями.

— О, как я вас понимаю, — выразительно произнес Бонд. — Но ведь я вряд ли могу считать себя здесь пациентом. Нельзя ли в моем случае сделать исключение?

— Я думаю, что это было бы ошибкой, сэр Хилари. И я уверена, что вам понадобится все ваше время для того, чтобы выполнить свои обязательства перед графом. Нет, — это уже прозвучало как приказ, — тысячу извинений, но, боюсь, то, о чем вы просите, даже обсуждению не подлежит. — Она

взглянула на часы и хлопнула в ладоши. — А теперь, девушки, время ужина. Пошли! Пошли!

Первая попытка преследовала цель прощупать противника, посмотреть на его реакцию. Следуя за Ирмой Бунт в столовую, Бонд еле сдерживал себя — его так и подмывало врезать ей с правой ноги, вклепать как следует по плотной выпирающей заднице.

14

СЛАДКИЕ СНЫ — СЛАДКИЕ КОШМАРЫ!

Было одиннадцать часов, в доме стояла могильная тишина. Бонд, не забывая о глазке, через который за ним следили с потолка, проделал все необходимые манипуляции с походом в ванную комнату, потом лег в кровать и погасил свет. Переждав минут десять, он тихо выбрался из постели и натянул брюки и рубашку. Работая на ощупь, Бонд просунул кончик пластмассовой полосы в щель дверного проема, нащупал замок и мягко нажал ручку. Конец полоски захватил закругление замка и втянул его внутрь. Теперь Бонду оставалось лишь осторожно толкнуть дверь — и путь свободен. Он прислушался, словно зверь, замерев на мгновение. Затем выглянул в коридор, там никого не было. Бонд выскользнул из двери, мягко прикрыл ее, сделал несколько шагов по направлению к третьему номеру и осторожно повернул ручку. В комнате было темно, но в кровати кто-то ворочался. Теперь нужно сделать так, чтобы, закрывая дверь, он не щелкнул замком! Бонд вытащил кусочек пластмассы и прижал им язычок замка, чтобы удерживать его в прорези. Затем, дюйм за дюймом, стал прикрывать дверь, одновременно вытаскивая полоску. Замок беззвучно вернулся на свое место.

— Это вы? — раздался голос из кровати.

— Да, дорогая. — Бонд выскользнул из своих одеяний и, предполагая, что география этой комнаты схожа с его, осторожно прошел к кровати и сел на край.

Из темноты протянулась рука и дотронулась до него.

— О, да вы совсем раздеты!

Бонд поймал руку и погладил ее.

— Так же, как и вы, — прошептал он. — Так и должно быть.

Он осторожно забрался в постель и положил голову на подушку рядом с ней. С чувством удовлетворения он отметил, что она подвинулась, освобождая для него место. Он поцеловал ее, сначала нежно, потом страстно. Ее тело затре-

петало в его руках. Губы были покорны его губам, и, когда он начал ласкать ее, она обняла его, крепко прижавшись.

— Я простужусь.

Бонд подыграл этой милой лжи, он вытащил из-под себя простыню и накрыл их обоих. Теплота и нежность этого прекрасного тела теперь целиком принадлежали ему, Бонд прижался к ней еще теснее. Его левая рука скользнула вниз по гладкому животу. Бархатная кожа трепетно откликнулась. Она тихо застонала и задержала его руку.

— Вы меня хоть немножечко любите?

Ох уж этот ужасный вопрос!

— По-моему, прекраснее тебя нет в целом свете, — прошептал Бонд. — Как жаль, что мы встретились только теперь!

Этих избитых, неискренних слов оказалось достаточно. Она отвела руку, сопротивление было сломлено.

Ее волосы пахли свежескошенной летней травой, рот — зубной пастой, а тело — детской присыпкой фирмы «Лееннен». За окном шумел ночной ветер, и звуки, которые он издавал, обтекая здание, еще больше подчеркивали нежность, теплоту и даже определенное дружеское расположение партнеров друг к другу, хотя на самом деле это был всего лишь естественный физический акт. Они доставляли друг другу подлинное удовольствие, и в конце, когда все, что должно было произойти, произошло и они тихо лежали, не разжимая объятий, Бонд отдавал себе отчет в том, что и он и она точно знают, что не сделали ничего плохого, никак не обидели друг друга.

— Руби! — прошептал Бонд спустя некоторое время, глядя ее волосы.

— Ум-м-м.

— Я о твоей фамилии. О Виндзорах. Боюсь, что надежды почти нет.

— Да я никогда и не надеялась. Уж эти мне семейные легенды!

— Правда, справочников у меня здесь недостаточно. Когда вернусь домой, попробую что-нибудь раскопать. Обещаю это тебе. Начать надо с вашей семьи и пойти дальше, поискать в церковных и муниципальных записях и тому подобное. Я все изучу самым тщательным образом и напишу тебе о результатах. Это большая работа — горы пергаментов со шрифтом, о который можно сломать глаза. Каждая страничка начинается с цветных букв, и очень темные прописи. И хотя труд может оказаться напрасным, все равно приятно повозиться с ними.

- Пергаменты — это как старые документы в музеях?
- Правильно.
- Да, интересно.

В комнате наступила тишина. Дыхание ее стало ровным. Бонд подумал: «Как все странно! Здесь, на вершине горы, которую от ближайшей деревушки отделяет головоломный спуск, в этой комнатенке царят мир, тишина, тепло, счастье — многие составляющие любви. Как будто они занимаются любовью на воздушном шаре. А интересно, кто был тот прохиндей, который в XIX веке заключил пари в одном из лондонских клубов, что действительно проделает это с женщиной на воздушном шаре?»

Бонд начал засыпать. Не сопротивляясь, он стал проваливаться в сладкое небытие. Здесь было так хорошо. Ему не составит большого труда вернуться в свою комнату на рассвете. Он осторожно высвободил руку из-под головы спящей девушки и лениво посмотрел на левое запястье. Большие светящиеся цифры показывали полночь.

Едва Бонд успел повернуться и прижаться к мягкому боку девушки, как откуда-то из-под подушки, из-под пола, из глубины здания послышался низкий, настойчиво и мелодично звучащий электрический звонок. Девушка пошевелилась.

- Вот черт! — сонно произнесла она.
- Что это?
- Это входит в курс лечения. Наверное, уже полночь?
- Да.
- Не обращай внимания. Это касается только меня.

Спи.

Бонд поцеловал ее между лопаток и ничего не сказал.

Звонок отключился. Вместо него послышалось жужжащее завывание, очень похожее на шум быстро вращающегося вентилятора — на этом фоне раздался равномерный, напоминающий стук метронома звук: «тик-так, тик-так». Комбинация из этих двух звуков успокаивала самым прекрасным образом. Она привлекала ваше внимание, но лишь на какое-то мгновение. А потом стало казаться, что слышишь ночные звуки детства: медленное тиканье часов с кукушкой, шум моря и ветра на улице. Затем послышался голос. Голос графа, который, как предположил Бонд, передавался при помощи какого-то механического устройства — то ли радио, то ли магнитофона. Голос звучал низко, распевно, это был ласковый шепот, ласковый, но в то же время властный. Можно было разобрать каждое слово.

— Вы засыпаете.— Ударение делалось на слове «засыпаете».— Вы устали, все тело словно налилось свинцом.— И опять ударение на последнем слове.— Руки тяжелые, как свинец. Дыхание абсолютно ровное. Вы дышите ровно, как ребенок. Глаза закрыты. Веки отяжелели. Вы устали, вы так устали. Тело тяжелое, оно налито свинцом. Вам тепло и удобно. Вы погружаетесь, погружаетесь, погружаетесь в сон. Кровать мягкая и удобная, как гнездышко. Вам хорошо, вы хотите заснуть, как цыпленочек в гнездышке. Цыпленочек, цыпленочек, маленький пушистый комочек.— Затем послышался нежный писк, шорох крыльев и сонное кудахтанье наседки, согревающей свой выводок. Это продолжалось, вероятно, в течение минуты. Потом снова послышался голос: — Крошечные создания укладываются спать. Так уютно в гнездышке. Им хорошо, как и вам. И они так же хотят спать. Какие они хорошенькие. Вы их любите — сильно, сильно, сильно. Вы любите всех цыплят. Вам бы очень хотелось повозиться с ними. Вам бы хотелось, чтобы они выросли красивыми и сильными. Вы бы не хотели причинить им никакого вреда. Скоро вы вернетесь к вашим любимым цыпляткам. Скоро вы снова сможете ухаживать за ними. Скоро вы будете в состоянии помочь всем цыплятам в Англии. Вы будете в состоянии улучшить породу кур во всей Англии. Это сделает вас очень, очень счастливой. Вы принесете столько добра, что это сделает вас очень, очень счастливой. Но об этом никому нельзя говорить. Вы никому не расскажете о том, как это сделать. Это будет ваш маленький секрет, только ваша тайна. Они попытаются вызнать ваши секреты. Но вы ничего не скажете, потому что они хотят выведать все ваши секреты! Если это произойдет, вы не сможете сделать этих прекрасных цыплят счастливыми, здоровыми и сильными. Благодаря вам тысячи, миллионы цыплят могут стать более счастливыми. Поэтому вы никому ничего не скажете, вы сохраните тайну. Вы ничего не скажете, ничего. Запомните, что я сказал. Обязательно запомните, что я сказал.— Бормотание стало затихать, все тише, тише. Нежное попискивание и кудахтанье сменило растворившийся в пространстве голос. Затем все стихло. И остались только шуршащие звуки вентилятора и стук метронома.

Руби спала глубоким сном. Бонд нашел ее запястье и нащупал пульс. Он точно совпадал с ритмом метронома. Затем его стук и шепот вентилятора стали ослабевать, и вот уже наступила мертвая тишина, нарушаемая еле слышимыми порывами ночного ветра на улице.

Бонд глубоко вздохнул. Теперь он знал все! Ему вдруг

захотелось вернуться в свою комнату и все обдумать. Он выскользнул из-под простыни, добрался до своих вещей и оделся. Проблем с дверным замком не было. В коридоре стояла тишина и не было ни души. Он проскользнул во второй номер и легко закрыл дверь. Затем прошел в ванную комнату, запер дверь, включил свет и присел на унитаз, оперев голову на руки.

Глубокий гипноз! Несомненно, что в этом все дело. Тайное оружие! Повторяющаяся нараспев волевая установка, вводимая в мозг, когда сознание почти отключается. И теперь в подсознании Руби эта мысль по ночам будет работать сама по себе и после многих недель повторения и закрепления превратится во встроенный механизм подчинения тайному голосу. И необходимость подчиняться голосу будет сродни чувству голода, от которого никуда не деться.

Но, черт побери, что же это все означает? В голову деревенской простушки вбивали вполне невинную, на первый взгляд, вполне добропорядочную мысль, мозг ее при этом не обременяли лишней информацией. Ее вылечили от аллергии. Она вернется домой и сможет помогать семье разводить домашнюю птицу. И более того, она будет делать это с энтузиазмом и радением. Неужели горбатого исправили? Неужели старый каторжник таким банальным путем превратился в благодетеля? Бонд просто не мог в это поверить. Для чего же тогда все эти так тщательно спланированные меры безопасности? Для чего весь этот многонациональный обслуживающий персонал, от которого определенно смердило СПЕКТРОм? С чем связано убийство в ледяном желобе? Несчастный случай? Сразу же после того, как тот тип попытался изнасиловать девочку Сару? Вряд ли это простое совпадение! Где-то за благополучным фасадом этого до безумия невинного медицинского исследовательского учреждения должно скрываться злое начало. Но где? Как он сможет это выяснить?

В изнеможении Бонд поднялся, выключил свет в ванной и тихо пробрался в постель. В течение получаса мысли его безрезультатно бродили в утомленном работой мозге, затем, наконец, к великому своему облегчению, он заснул.

Когда в девять утра он проснулся и распахнул окно, небо было затянуто тяжелой серой непроницаемой пеленой, что означало приближение сильного снегопада. Во всех населенных пунктах — в Берхаусе, в Шнифинкене и Шнифотеле — местные пташки, вьюрки и красноклювые альпийские во-

роны, которые жили в этих горах и питались чем бог пошлет, собирая объедки, которые оставались после пикников, жались поближе к жилью; все предвещало снежную бурю. Поднялся сильный ветер, который дул угрожающе резкими порывами. Со стороны подвесной дороги не было слышно никаких звуков. Легким алюминиевым гондолам тоже несладко в такую погоду, особенно вон там, на крутом склоне, который тянулся на протяжении четверти мили и спускался к плато по совершенно открытому пространству.

Бонд закрыл окно и позвонил, чтобы ему принесли завтрак. Когда завтрак прибыл, на подносе он увидел записку от фрейлейн Бунт:

«Граф хотел бы встретиться с вами в 11 часов. И. Б.»

Бонд позавтракал и вернулся к третьей странице истории рода де Блевилей. Ему пришлось перелопатить массу материала, чтобы показать товар лицом, но все это пустяки. Перспектива того, что ему удастся успешно продолжить мистификацию с поисками следов семейства Блофелда, не очень волновала его воображение. Он храбро начнет с самой Гдыни и пойдет в обратную сторону, пытаясь заставить эту старую каналью разговориться о его молодости, родителях. Старую каналью? Конечно, черт побери. Независимо от того, кем он стал после операции «Гром», в мире не могло быть двух Эрнстов Ставро Блофелдов!

Они встретились в кабинете графа.

— Доброе утро, сэр Хилари. Надеюсь, вы хорошо выспались? У нас начинаются снегопады.— Граф сделал жест в сторону окна.— Для работы лучше не придумаешь. Ничто не отвлекает.

Бонд понимающе улыбнулся, как ученый ученому.

— Я действительно считаю, что девушки могут отвлечь от работы. Но они так очаровательны. А что с ними? Вид у них вполне здоровый.

Граф был начеку.

— Они страдают аллергией, сэр Хилари. Аллергией, которая лишает их трудоспособности. Они не могут найти себе применения в сельском хозяйстве. Все они из сельской местности, и болезнь лишает их возможности трудиться, а я могу излечить от подобных заболеваний, и я рад, что результаты весьма обнадеживающие. Мы вместе достигли значительного прогресса.— Рядом с ним зазвонил телефон.— Простите,— граф поднял трубку и выслушал кого-то.— Да, соедините,— сказал он по-немецки и сделал паузу. Бонд с вежливым видом изучал принесенные с собой бумаги.— Говорит де Блевиль,— перешел Блофелд на рус-

ский.— Да... Да... Хорошо! — Он положил трубку.— Еще раз прошу прощения. Звонил один из моих научных сотрудников. Он закупал кое-какие материалы для лаборатории, подвесная дорога закрыта, но специально для него ее включают. Рисковый парень. Я ему не завидую. Бедняга может сильно заболеть.— Зеленые контактные линзы, однако, скрывали любое выражение даже так явно проявленного сочувствия, а застывшая улыбка вовсе ничего не говорила.— А теперь, уважаемый сэр Хилари, давайте вернемся к нашей работе.

Бонд разложил огромные листы, которые он принес, на столе и начал гордо водить пальцем по записям. В замечаниях и вопросах графа проскальзывало восхищение и удовлетворение.

— Но это же великолепно, нет, это просто грандиозно, мой дорогой друг. Вы говорите, что есть упоминание о наличии в гербе сломанного копья и меча? А когда они были включены в герб?

Бонд отбарабанил массу чепухи о завоеваниях норманнов. А сломанный меч, вероятно, стал частью герба сразу после какой-нибудь битвы. Для выяснения этого потребуются дополнительная работа в Лондоне. Наконец Бонд свернул листы и обратился к заметкам в своей записной книжке.

— А теперь мы должны начать работу с другого конца, граф.— Бонд произнес это голосом, не терпящим возражений.— Вы родились в Гдыне 28 мая 1908 года. Правильно?

— Правильно.

— Как звали ваших родителей?

— Эрнст Джордж Блофелд и Мария Ставро Микелопулос.

— Они тоже родились в Гдыне?

— Да.

— Теперь — их родители.

— Эрнст Стефан Блофелд и Елизавета Любомирская.

— Гм-м. Эрнст, стало быть, имя, передающееся из поколения в поколение.

— Похоже, что так. Моего прадеда тоже звали Эрнст.

— Это очень важно. Видите ли, граф, у Блофелдов из Аугсбурга по крайней мере двое звались Эрнстами.

Руки графа расслабленно лежали на зеленом пресс-папье, стоявшем на столе. При словах Бонда они импульсивно сошлись вместе, пальцы сжались так, что побелели суставы.

«Вот-вот, а это тебе отнюдь небезынтересно», — подумал Бонд.

— А это важно?

— Очень. У христиан имена переходят из поколения в поколение. Мы рассматриваем это как наиболее значительный факт, дающий ключ к разгадке. А можете ли вы вспомнить что-нибудь из более отдаленного прошлого? Пока все идет прекрасно. Мы с вами уже прошли три поколения. Даты уточним позже, а пока, как мне кажется, уже добрались где-то до середины прошлого века. Проскочить бы еще лет пятьдесят, и мы попадем в Аугсбург.

— Нет, — в голосе послышался почти крик отчаяния. — Мой пра-пра-прадед... я ничего о нем не знаю. — Руки на пресс-папье напряглись. — Может быть, э-э, если все упирается только в деньги, можно было бы найти кой-кого, ну, свидетелей. — Он всплеснул руками. — Мой дорогой сэр Хилари. Мы же с вами светские люди. И прекрасно понимаем друг друга. Неужели все эти выписки из архивов, церковных книг так уж обязательно должны быть подлинными?

Понял тебя, старая лиса! Однако Бонд учтиво, сделав вид заинтригованной невинности, произнес:

— Я не совсем понимаю, что вы имеете в виду, граф.

Теперь руки графа перестали бегать по столу, настал момент истины. Блофелд признал в Бонде одного из себе подобных.

— Вы трудолюбивый человек, сэр Хилари. Живете скромно, в отдаленном уголке Шотландии. Вероятно, можно было бы облегчить вашу жизнь. Вероятно, существуют какие-нибудь материальные блага, которые вам хотелось бы иметь. Например, автомобиль, яхта, пенсия. Скажите только слово. Назовите цифру. — Темно-зеленые линзы буравили скромно опущенные dolu глаза Бонда, стараясь заглянуть в них. — Считайте, что мы успешно сотрудничаем. Поездки туда-сюда: в Польшу, Германию, Францию. Конечно, все расходы я беру на себя. Скажем, пятьсот фунтов в неделю. Технические вопросы, документы и тому подобное. Это я могу устроить. Необходимо только ваше согласие, скажите «да». Слово Геральдической палаты для министерства юстиции в Париже является словом божьим. Не так ли?

Все шло слишком хорошо, чтобы казаться правдой! Но как это обогреть?

— То, что вы предлагаете, граф, не лишено, гм-м, некоторого интереса. — Голос Бонда звучал неуверенно. — Конечно, если документы выглядят вполне убедительно, надежно, так сказать, очень надежно, тогда, вполне резонно, у меня нет оснований сомневаться в их подлинности. — В глазах Бонда появилось угодливое выражение. Это был

взгляд собаки, которой хотелось бы, чтобы ее приласкали, чтобы сказали, что все будет хорошо, что бояться нечего. — Вы понимаете, что я имею в виду?

Граф начал говорить уверенно и искренне:

— Вам абсолютно нечего...

В этот момент в коридоре послышался какой-то шум и гвалт. Дверь резко распахнулась. В комнату бросили какого-то человека, которого тащили за ноги. Корчась от боли, он упал на пол.

Двое охранников замерли рядом. Они посмотрели сначала на графа, а затем в сторону, на Бонда, очень удивившись, увидев его здесь.

— Что происходит? — резко спросил граф на немецком.

Бонд знал ответ и моментально понял, что он погиб. Под снегом и кровью, которыми было покрыто лицо человека, лежавшего на полу, Бонд различил знакомые черты.

Русые волосы, нос, сломанный во время соревнований по боксу на первенстве королевских военно-морских сил, это лицо одного из его коллег по Секретной службе. Сомнений не оставалось. Это был номер 2 с поста «Зет» в Цюрихе!

15

СТАНОВИТСЯ ЖАРКО

Да, так и есть — это был Шон Кэмпбелл! Боже всемогущий, что же с ним сделали! На пост «Зет» специально ничего не сообщили о миссии Бонда. Должно быть, Кэмпбелл сам вышел на след, наверное, через русского, который «покупал припасы». Произошла та самая неразбериха, которая происходит, когда пытаются сильно что-то засекретить.

Старший охранник говорил на быстром ломаном немецком со славянским акцентом.

— Его обнаружили в открытом лыжном отделении гондолы. Был сильно обморожен, но оказал отчаянное сопротивление. Пришлось с ним повозиться. Нет никакого сомнения, что он следил за капитаном Борисом. — Он спохватился. — Я имею в виду вашего гостя из долины, герр граф. Утверждает, что он английский турист из Цюриха. Говорит, что не было при себе денег, не мог оплатить проезд на фуникулере. А ему так хотелось побывать здесь. Мы его обыскали, нашли пятьсот швейцарских франков. Документов никаких. — Охранник пожал плечами. — Говорит, что фамилия его Кэмпбелл.

Услышав свое имя, человек на полу зашевелился. Он

приподнял голову и обвел комнату диким взглядом. Лицо его и голова были основательно разделаны, били, вероятно, рукояткой пистолета или дубинкой. Способность контролировать себя он потерял. Когда его взгляд остановился на знакомом лице Бонда, он застыл в изумлении, а потом, словно вцепившись в спасательный круг, хрипло произнес:

— Слава богу, Джеймс. Скажи им, кто я! Скажи им, что я работаю в «Юниверсал экспорт». В Цюрихе. Ты же знаешь! Ради бога, Джеймс! Скажи им, что со мной все в порядке. — И его голова упала на ковер.

Граф медленно повернулся к Бонду. Непроницаемые зеленые глаза отразили слабый свет, идущий из окна, и вспыхнули белыми искрами. Напряженная улыбка на вытянутом лице выглядела нелепо и ужасно.

— Вы знаете этого человека, сэр Хилари?

Бонд с сожалением покачал головой. Он знал, что этим жестом подписывает смертный приговор Кэмпбеллу.

— Никогда в жизни его не видел. Бедняга. Мне кажется, что он слегка рехнулся. Наверное, сотрясение мозга. Надо, вероятно, отправить его вниз, в больницу? Он очень плохо выглядит.

— А «Юниверсал экспорт»? — Голос звучал очень вкрадчиво. — Мне кажется, что я и раньше где-то слышал это название.

— Ну а я нет, — сказал Бонд безразличным голосом. — Никогда не слышал. — Он достал из кармана пачку сигарет и закурил. Руки у него не дрожали.

Граф обернулся к охранникам.

— На проверку — в спецкабинет, — мягко произнес он. Затем кивком головы отпустил их.

Охранники нагнулись и подхватили Кэмпбелла под руки. Упавшая на грудь голова приподнялась, и Бонд увидел последний ужасный, молящий о помощи взгляд Кэмпбелла. Затем человека, который был коллегой Бонда, выволокли из комнаты, за его беспомощно болтавшимися ногами мягко закрылась дверь.

Его потащили на допрос — в пыточную! Это означает только одно — когда к нему применят современные методы дознания, он сразу расколется. Вопрос лишь во времени — немного он все-таки может продержаться. Сколько же часов остается в распоряжении Бонда?

— Я попросил, чтобы его отвели в палату для больных. За ним присмотрят. — Граф посмотрел на Бонда. — Боюсь, что это неприятное вторжение нарушило ход моих мыслей, сэр Хилари. Может быть, на сегодня хватит?

— Конечно, конечно. А что касается вашего предложения о том, что нам следует сотрудничать более тесно, работать рука об руку, то меня оно очень заинтересовало. Позвольте заверить вас, граф,— Бонд заговорщицки улыбнулся,— что мы могли бы решить все вопросы к обоюдному удовлетворению.

— Даже так? Ну что ж, прекрасно,— граф сцепил руки на затылке, какое-то время разглядывал потолок, а затем вновь в задумчивости повернулся к Бонду.— Я надеюсь,— как бы невзначай сказал он,— что вы никоим образом не связаны с английской Секретной службой, сэр Хилари?

Бонд громко рассмеялся. Смех был рефлекторный, своего рода защитная реакция, попытка разрядить обстановку.

— Спаси и помилуй! А разве у нас в Англии таковая имеется? Разве подобные заведения не прекратили свое существование в конце войны? — Бонд хмыкнул, получилось как-то смешно и глупо.— Не могу себя представить сыщиком с наклеенными усами. Нет, это дело не по мне. А усов и вовсе не выношу.

По тому, что застывшая улыбка не сошла с лица графа, можно было предположить, что он не разделяет оптимизма Бонда.

— В таком случае,— произнес Блофелд холодно,— забудьте, что я сказал, извините за бестактный вопрос, сэр Хилари. Появление этого человека сделало меня слишком подозрительным. Я ценю свое уединение на этой вершине, сэр Хилари. Научными исследованиями можно заниматься только при условии полного покоя.

— Не могу с вами не согласиться,— поспешно произнес Бонд. Он поднялся и собрал бумаги со стола.— И мне пора заняться своими исследованиями. Как раз подошел к XIV веку. Думаю, что завтра я смогу показать вам, граф, кое-что интересное.

Граф вежливо приподнялся, и Бонд, покинув его кабинет, вышел в коридор.

Он остановился, прислушиваясь к каждому звуку. Было тихо, но одна из дверей посередине коридора казалась чуть приоткрытой. Бонд увидел полоску кроваво-красного света. «Кажется, влип,— подумал он.— Ну да двум смертям не бывать, назвался груздем...» Он толкнул дверь и заглянул внутрь. Перед ним открылось узкое лабораторное помещение с низким потолком; во всю длину стены вдоль закрытых, наглухо окон стояли покрытые пленкой столы. Темно-красный, как в фотолаборатории, свет испускали неоновые светильники, расположенные над карнизом. Столы были устав-

лены ретортами и пробирками. У стены на полках рядами стояли многочисленные пробирки и пузырьки, наполненные мутной жидкостью. Три человека в белых халатах с марлевыми повязками на нижней части лица в хирургических шапочках на голове были поглощены какой-то работой. Эта сцена показалась Бонду картиной ада в театральной постановке. Он прикрыл дверь и, пройдя по коридору, выскочил на улицу в круговерт метели. Он натянул воротник свитера на голову и пошел по тропинке к благословенному теплу клуба. Там он быстро прошел в свою комнату, запер дверь, вошел в ванную и сел на свой привычный трон для размышлений, он стал судорожно соображать, что же делать дальше.

Мог ли он спасти Кэмпбелла? Конечно, попытаться он мог, сделать отчаянный шаг. «О, да. Я знаю этого парня. Вполне приличный человек. Мы когда-то с ним работали на одной экспортной фирме — «Юниверсал». В Лондоне. Старина, ты ужасно выглядишь. Что, черт возьми, произошло?» Но правильно, что он так не сказал. Как «крыша», и «крыша» надежная, «Юниверсал» не подходила. Там уже пахло жареным, слишком долго эта фирма была на слуху. Пожалуй, к настоящему моменту в нее внедрились все секретные службы мира. Слышал об этом и Блофелд. Любая попытка Бонда спасти Кэмпбелла просто показала бы, что они связаны между собой. Другого выхода, как отдать его на растерзание волкам, не было. Если бы к Кэмпбеллу хоть на миг вернулось самообладание! До того, как его начнут обрабатывать. Он бы понял, что Бонд оказался здесь не случайно, что он до последнего должен отрицать свое знакомство с ним и принадлежность к Секретной службе. На сколько хватит у него сил, сколько он продержится и не выдаст Бонда? В лучшем случае — несколько часов. Но сколько часов? Это был жизненно важный вопрос. Это и то, как долго продлится буря. Пока он продолжается, Бонду отсюда не удрать. Если бы метель прекратилась, какой-то шанс мог появиться — ничтожный, но все-таки шанс, лучше, чем все другое, — когда бы Кэмпбелл ни заговорил, если он только заговорит, результат мог быть только один — смерть, и, вероятно, смерть мучительная.

Бонд провел смотр имеющегося в его распоряжении оружия. Оно состояло из его рук и ног, бритвы «Жиллетт» и его наручных часов. Очень тяжелых часов фирмы «Ролекс оyster перпечуэл», с расстегивающимся браслетом. Если правильно ими распорядиться, можно превратить их в подобие кастета. Бонд поднялся, вынул лезвие из стакана и

опустил бритву в карман брюк. Он зажал ножку бритвенного станка между первым и вторым пальцами левой руки так, чтобы держатель лезвия лег как раз вдоль суставов. Так, с этим ясно. Что он еще может прихватить с собой, какие-нибудь вещественные доказательства? Да, он должен постараться узнать имена других девушек и по возможности их адреса. Хорошо бы успеть опросить всех. Он отдавал себе отчет в том, что сделать это было крайне важно! Для этой цели ему придется использовать Руби. С головой, полной планов получения этой информации от нее, Бонд покинул ванную, сел за письменный стол и приступил к новой странице жизнеописания рода де Блевилей. Он должен был продемонстрировать свое желание продолжать работу хотя бы контролирующему его глазку объектива, смотревшему с потолка.

Было около половины первого, когда Бонд услышал, как ручка его двери мягко повернулась. Внутрь проскользнула Руби. Приложила палец к губам и скрылась в ванной. Бонд небрежно бросил перо, встал, потянулся, походил по комнате, потом тоже зашел в ванную.

Руби смотрела на него голубыми, широко открытыми, испуганными глазами.

— Что вы еще натворили? — скороговоркой прошептала она.

— Ничего, — невинно произнес Бонд. — А в чем дело?

— Нам всем запретили разговаривать с вами в отсутствие мисс Бунт. — Ее кулачок отчаянно взметнулся вверх, она закусилась руку. — Может быть, они узнали про нас?

— Это невозможно, — сказал Бонд, излучая уверенность. — Догадываюсь, в чем тут дело. — Он напустил уже столько тумана, что еще одна ложь во спасение теперь не имела значения. — Сегодня утром граф сказал мне, что я смущаю девушек, что я «отвлекаю их внимание», мешаю вашему лечению. Он попросил меня как можно больше времени проводить наедине с собой, честное слово (как часто эти слова помогают солгать!), я уверен, все дело в этом, и очень жаль. Я действительно очень хорошо отношусь ко всем девушкам — ты, конечно, особый случай, с тобой все по-другому, — но я очень хотел бы помочь вам всем.

— Что вы имеете в виду? Что значит помочь вам?

— Я говорю о ваших фамилиях. Я разговаривал с Виолеттой вчера вечером. Ей, например, это вовсе не безразлично. И другие были бы рады получить такую ценную информацию, это бы всех изрядно позабавило. Каждый хочет знать о своих корнях. Ведь это своего рода хиромантия. —

Хотел бы он знать, как отнеслись к подобному сравнению в Геральдической палате! Он пожал плечами.— Во всяком случае, я решил убраться отсюда подобра-поздорову. Теперь не могу, когда меня пасут и командуют мною. За кого, черт побери, они меня принимают? Так вот, если бы ты смогла назвать фамилии девушек, всех, кого знаешь, я бы каждой составил родословную и прислал вам по почте, когда вернетесь в Англию. Между прочим, сколько вы еще пробудете здесь?

— Нам точно не говорят, но ходят слухи, что еще около недели. К этому времени должна прибыть еще одна группа девушек, другой заезд. Когда мы ленимся или отстаем по домашнему чтению, мисс Бунт говорит, что надеется, что в следующей группе таких глупышек не будет. Старая ведьма! Но, сэр Хилари,— в ее голубых глазах появилась озабоченность,— каким образом вы собираетесь отсюда выбраться? Вы же знаете, что мы здесь практически на положении заключенных.

Вопрос не застал Бонда врасплох.

— Придумаю что-нибудь. Нельзя же держать меня здесь п р о т и в моей воли. Ну так как насчет фамилий, Руби? Разве девушкам это не доставит удовольствия?

— О, они будут просто счастливы. Конечно, я их всех знаю. Мы нашли массу способов, как посвящать друг друга в свои маленькие тайны. Но как же вы все это запомните? У вас есть, на чем записать?

Бонд оторвал полоску туалетной бумаги и достал карандаш.

— Валяй!

Она засмеялась.

— Ну, меня вы знаете и Виолетту тоже. Еще Элизабет Макиннон. Она из Абердина. Берил Морган из графства Херефордшир. Перл Тэмпион, Девоншир,— между прочим, все они просто ненавидели любой домашний скот. А теперь живут на бифштексах! Ну можно ли в это поверить? Должна сказать — граф удивительный человек.

— Да, в этом сомневаться не приходится.

— Потом еще Энн Чартер из Кентербери и Кэрис Вентнор. Она работала в местечке Большая Конюшня, уж где это, и не знаю — не понимаю, как там оказалась, ведь стоило ей пройти мимо любой лошади, как она вся покрывалась сыпью! А теперь только и мечтает, чтобы попасть в клуб, где разводят пони, она все про них знает, берет на заметку каждое сообщение, не пройдет мимо ни одного лошадиного эксперта...

Список продолжался до тех пор, пока Бонд не переписал всех десятиерых.

— А кто такая Полли, которая уехала в ноябре?

— Полли Таскер. Она родом из восточной части Англии. Не помню, откуда, но могу найти ее адрес, когда вернусь домой. Сэр Хилари, — она обвила его шею руками, — ведь мы еще встретимся, правда?

Бонд крепко обнял ее и поцеловал.

— Конечно, Руби. Ты всегда можешь найти меня в Геральдической палате, которая находится на улице Королевы Виктории. Просто пошли мне открытку, когда вернешься. Но, ради бога, перестань величать меня «сэром». Мы же хорошие друзья. Запомнила?

— О, да, сэр-р Хилари, — пылко сказала она. — Но будьте осторожны. Я имею в виду, когда станете выбиратья отсюда. А может быть, не стоит рисковать, может быть, я могу что-нибудь для вас сделать?

— Ничего не надо, дорогая. Просто никому не говори об этом. Пусть это будет нашей маленькой тайной, хорошо?

— Конечно, дорогой. — Она посмотрела на часы. — О, боже! Я должна бежать. До обеда только десять минут. Продемонстрируй-ка свой трюк с дверью. В коридоре никого быть не должно. У охраны обед с двенадцати до часа.

Бонд проделал трюк с дверью, стараясь не попасть в поле зрения глазка на потолке, и она выскользнула, прошептав слова прощания.

Бонд осторожно прикрыл дверь. У него вырвался глубокий вздох. Он подошел к окну и выглянул на улицу сквозь занесенные снегом стекла. Картина снаружи напоминала подземное царство; мелкая снежная пыль под порывами ветра, налетавшего на здание, передвигалась по веранде маленькими смерчами. Нужно бога молить, чтобы к ночи все это кончилось. Какое снаряжение может еще ему понадобится? Очки и перчатки надо непременно раздобыть во время обеда. Бонд снова зашел в ванную и втер в глаза немного мыла. Чертовски щипало, но после этой операции его серо-голубые глаза сильно покраснели, выглядело это вполне правдоподобно. Довольный, Бонд позвонил в охрану и с задумчивым видом отправился в ресторан.

Когда он прошел сквозь вращающиеся двери, наступила тишина, за которой последовала вежливая, осторожная болтовня. Он пересек комнату, сопровождаемый внимательными взглядами и приглушенными ответами на его приветствия. Бонд занял свое обычное место между Руби и фрейлейн Бунт. Не обратив внимания на ее холодное приветствие,

щелкнул пальцами, подзывая официанта, и заказал свою обычную двойную порцию водки с сухим martinini. Он повернулся к фрейлейн Бунт и улыбнулся в ее желтые настороженные глаза.

— Могу я попросить вас об одолжении?

— Конечно, сэр Хилари, в чем дело?

Бонд показал на свои все еще слезящиеся глаза.

— У меня неприятности, совсем в духе графа. Думаю, что-то вроде конъюнктивита. Здесь слишком все ослепительно. Сегодня, конечно, получше, но снег все-таки сильный отражатель. Да еще масса работы с этими бумагами. Не смогли бы вы достать мне защитные очки? Только на пару дней. Пока глаза не привыкнут к свету. Обычно у меня не бывает таких неприятностей.

— Да, это можно организовать. Я прослежу, чтобы их доставили в вашу комнату. — Она подозвала старшего официанта и отдала команду на немецком языке.

— Будет исполнено, уважаемая фрейлейн, — глядя на Бонда с нескрываемой неприязнью, ответил тот также по-немецки и щелкнул при этом каблуками.

— И еще одно, если позволите, — вежливо сказал Бонд. — Небольшую фляжку со шнапсом. — Он повернулся к фрейлейн Бунт: — Я обнаружил, что плохо сплю на этой высоте. Может быть, поможет рюмочка на ночь. Я всегда так делаю дома, правда, обычно пью виски. Но здесь я бы предпочел шнапс. Находясь в «Глории», поступай, как глорийцы, следуй их уставу. Ха, ха!

Фрейлейн Бунт посмотрела на него ледяным взглядом.

— Примите заказ, — резко сказала она официанту. Последний принял заказ Бонда — домашний паштет, а также яйца «Глория» да плюс целый поднос с сыром (Бонд решил закусить на славу — про запас!), — щелкнул каблуками и ушел.

Не он ли один из тех, кто работал сегодня в пыточной? Бонд тихо скрипнул зубами. Ей-богу, если нынче ночью придется стукнуть кого-нибудь из этих охранников, он себя сдерживать не станет, черт побери. Бить будет изо всех сил. Бонд почувствовал на себе инквизиторский взгляд фрейлейн Бунт. Он расслабился и завел любезный разговор о снежном буране. Как долго он будет продолжаться? А как ведет себя барометр?

Осторожно, но очень вовремя Виолетта сказала, что, по мнению инструкторов, во второй половине дня должно проясниться. Барометр поднимается. Она испуганно посмотрела на фрейлейн Бунт, чтобы убедиться, не слишком ли лю-

безно разговаривает она с этим отверженным. Ничего не поняв, низко нагнулась к своим огромным жареным картофелинам, запеченным с яйцами.

Бонду принесли его стакан. Он выпил принесенное двумя большими глотками и заказал еще. Почувствовал, что сейчас сделает такое, что кое-кого удивит и разозлит.

— А как себя чувствует тот бедолага,— задиристо обратился он к фрейлейн Бунт,— который сегодня утром поднялся сюда по подвесной дороге? У него был ужасный вид. Надеюсь, что он уже поднялся и может передвигаться.

— Ему становится лучше.

— Ой, а кто это? — с любопытством спросила Руби.

— Нарушитель.— Глаза фрейлейн Бунт расширились, и в них появилось предостережение. Это не предмет для разговора.

— А почему нет? — невинно спросил Бонд.— В конце концов, здесь не так много развлечений. И все из ряда вон выходящее позволяет немного расслабиться.

Она ничего не ответила. Бонд вежливо приподнял брови и принял подобное унижение с хорошей миной. Он поинтересовался, не пришли ли газеты. Или, быть может, кто-нибудь слышал по радио последние новости. Кстати, передают ли их здесь, ну, скажем, как на корабле? И вообще, поддерживается ли какая-нибудь связь с внешним миром?

— Нет.

Бонд прекратил борьбу и принялся за обед. Руби потерлась ногой о ногу Бонда, проявляя симпатию ко всеми забытому горемыке. Бонд предостерегающе дотронулся до ее ноги и отодвинулся. Девушки, сидящие за другими столами, начали расходиться. Бонд съел немного сыра, пригубил кофе, подождал, пока поднимется фрейлейн Бунт и скажет свое обычное: «Девочки, пошли». Бонд привстал и снова сел. Теперь он был один в ресторане, не считая официантов, убирающих со столов. Именно это ему и было нужно. Он встал и прошествовал к двери. В вестибюле на вешалке он увидел верхнюю одежду девушек, висевшую ровными рядами, здесь же — лыжные перчатки. В коридоре было пусто. Бонд смахнул самую большую пару кожаных рукавиц, висевших на шнурках, и затолкал их под свитер. Затем прогулочным шагом прошел в вестибюль. Там никого не было. Дверь комнаты, в которой хранились лыжи, была открыта. Над верстаком склонился тот самый угрюмый тип. Бонд вошел внутрь и повел одностороннюю — ему и не думали отвечать — беседу относительно погоды. Затем под прикрытием этой невязанной тарабарщины — что за погода и все такое прочее, а

ведь нынешние модели лыж, обитые металлом, гораздо опаснее прежних, деревянных, — он внимательно осмотрел, руки при этом все время невинно держал в карманах, пронумерованные ячейки, в которых вдоль стены стояли лыжи. В основном это были женские лыжи. Ничего хорошего! Для его ботинок крепления будут малы. Но рядом, в ячейках без номеров, стояли лыжи инструкторов. Глаза Бонда сузились, он прикидывал кое-что в уме, оценивал снаряжение. Да, вот эта пара — металлическая окантовка, на закругленных черных носках — красная буква «V», пожалуй, подойдут. Жесткие крепления, лыжи класса «Мастер», специально для скоростного спуска. Бонд вспомнил, что он где-то читал о том, что серийные модели имеют тенденцию «плавать» на больших скоростях. Лыжи, на которых он остановил свой выбор, имели специальные крепления «Аттенхофер флекс», которые застегивались спереди и сбоку. Два перекрещенных кожаных ремешка с пряжкой на пятке охватывали лодыжку, что в случае падения, а он был уверен — падать придется, служило гарантией того, что лыжу он не потеряет.

Бонд быстро прикинул, долго ли придется подгонять крепления под его ботинки, и, выйдя в коридор, направился в свою комнату.

16

ТОЛЬКО ПОД ГОРУ

Теперь оставалось только ждать. Когда же они закончат с Кэмпбеллом? Старые, грубые методы редко оказываются эффективными, когда речь идет о профессионале; профессионала не сравнишь с человеком, который поминутно теряет сознание и становится мягким как воск — лепи из него что хочешь. Профессионал, если он силен духом, может тянуть «игру» часами, кое-что признавая, придумывая длинные путанные истории, упорно настаивая на своем, держась одного сценария. Все эти истории необходимо проверить. У Блофелда, конечно, найдется свой человек в Цюрихе, он может связаться с ним по радио, попросить уточнить ту или иную информацию, адреса, но на все это нужно время. Затем, если будет доказано, что Кэмпбелл лгал, им придется все начинать сначала. Что касается Бонда и установления его личности, все зависит от того, как Кэмпбелл истолкует появление Бонда в клубе «Глория». Он должен догадаться, что раз Бонд категорически отказался признать его, значит, так надо, значит, идет важная секретная операция.

Хватит ли у него ума не выдать Бонда, хватит ли выдержки, когда они начнут применять электрические и механические приспособления, без них они точно не обойдутся. Он мог бы сказать, например, что, когда его привели и он увидел Бонда, принял его, находясь в полубессознательном состоянии, за своего брата Джеймса Кэмпбелла. Ну что-нибудь в этом роде. Если только у него хватит ума! Если только хватит выдержки! Была ли у Кэмпбелла ампула с ядом, может, в одной из пуговиц на лыжной куртке или брюках? Впрочем, Бонд сразу же отбросил эту мысль. Он чуть было не пожелал Кэмпбеллу быстро свести счеты с жизнью — яд бы пригодился.

Словом, Бонд прекрасно понимал, что в его распоряжении лишь несколько часов, потом они придут за ним. Но только после того, как все улягутся. Если сделать это до того, среди девушек возникнет слишком много разговоров. Нет, они придут за ним ночью, а на следующий день будет пущен слух, что он с первым же фуникулером отправился в долину. Его к тому времени надежно замуруют в снегу или, что более вероятно, спрячут высоко в расселине расположенного неподалеку ледника пика Лангвард, с тем чтобы он оказался у его основания лет эдак через пятьдесят, когда явится вдруг из вечной мерзлоты абсолютно как новенький — со следами многочисленных ранений, но без каких-либо опознавательных знаков, безымянная жертва «вечных снегов»!

Да, он должен предвидеть и это. Бонд поднялся из-за письменного стола, за которым сидел, продолжая автоматически кропать древо де Блевилей, живших в XV веке, и открыл окно. Снег прекратился, и кое-где в разрывах облаков появилось ясное небо. На склоне сейчас лежит прекрасный пушистый снег, наверное, в фут глубиной — по всей трассе. Теперь — полная боевая готовность.

Существуют сотни рецептов чернил, применяемых для тайнописи, но сейчас Бонду был доступен лишь один-единственный и самый древний — собственная моча. Он пошел в ванную комнату (что может подумать бдительный глаз о его пищеварительном тракте?), захватив с собой ручку с чистым металлическим пером и паспорт. Там он сел и начал переписывать с полоски туалетной бумаги, которая лежала у него в кармане, на чистую страницу в паспорте имена и ориентировочное местонахождение всех девушек — по графствам. На странице не оставалось никакого следа, но если подержать его над пламенем, то проступят коричневые буквы. Он сунул паспорт в задний карман брюк. Затем достал из-под

свитера перчатки, примерил их, вроде подходят, жмут, конечно, немного; он снял крышку с туалетного бачка и положил перчатки вдоль рычага запорного крана.

Что еще? На старте будет дьявольски холодно, но потом он весь взмокнет от пота. Ему придется обходиться той лыжной экипировкой, которая оказалась под рукой — перчатки, очки, лежавшие у него на столе, и плоская фляжка шнапса, которую он положил на случай падения не в задний, а в боковой карман. Надо чем-нибудь прикрыть лицо: Бонд подумал о том, что для этой цели можно использовать одну из теплых нижних рубашек, сделав в ней прорези для глаз. Но такая маска наверняка сдвинется и может ослепить его. У него было несколько шелковых носовых платков в горошек, он решил, что обвяжет одним из них свое лицо ниже очков: если станет затруднять дыхание, его легко сдернуть. Итак, вот и весь расклад! Ни прибавишь, ни убавишь, больше никакой подстраховки. В остальном придется положиться на providение. Бонд выкинул все из головы и вернулся из ванной к столу. Сел и склонился над бумагами, стараясь не прислушиваться к тому, как шустро тикает его «Ролекс» на руке, пытаясь восстановить по памяти приблизительную географию трассы «Глория», которую он проходил по металлическим картам-указателям. Второй раз на них уже не помотришь — слишком поздно. Надо держаться и продолжать играть роль беззубого тигра.

Ужин был такой же дурацкий, как и обед. Бонд был занят тем, чтобы как можно больше выпить виски и плотно поесть. Он вел учтивый разговор и делал вид, что не замечает холода по отношению к нему. Потом он легонько прижал под столом ножку Руби, извинился и, сославшись на работу, с достоинством удалился.

К обеду он переодевался и теперь рад-радешенек был, что его лыжная экипировка лежала нетронутой, в куче, точно так, как он ее оставил. Как ни в чем не бывало он приступил к своим обязанностям — заточил карандаши, разложил книги, склонился над линованной бумагой: «Симон де Блевиль, 1510—1570, Альфонс де Блевиль, 1546—1580, женился в 1571 году на Мариетте д'Эскур, отпрыски — Жан, Франсуаза, Пьер». Слава богу, ему недолго осталось заниматься этим вздором!

9.15, 9.30, 9.45, 10! Бонд чувствовал, как росло в нем возбуждение, поднималось, словно шерсть у кошки. Он почувствовал, что руки сделались влажными. Вытер их о брючины.

Он встал и потянулся. Пошел в ванную и надлежащим образом пошумел, вытащил перчатки и положил их на пол ванной, прямо в дверях. После этого, раздевшись донага, вернулся в комнату, лег в постель и выключил свет. Он регулировал дыхание и минут через 10 стал тихонько похрапывать. Еще через 10 минут он выскользнул из постели и, соблюдая все предосторожности, облачился в свой лыжный костюм. Он взял перчатки, надел очки, так чтобы они держались у него на голове выше лба, обвязал лицо темно-красным платком, спрятав нос, сунул шнапс в карман, паспорт в брюки и — не последнее дело — зажал бритву «Жиллетт» между пальцами левой руки, «Ролекс» надел на правую, браслет часов застегнулся на ладони вокруг пальцев; циферблат соответственно оказался на костяшках пальцев. Бонд остановился и еще раз проверил свое снаряжение. Лыжные перчатки, шнурок от которых был протянут под свитером вдоль рукавов, свисали у запястий. Они будут немного мешать, пока он не окажется снаружи. Но ничего не поделаешь. Все остальное в порядке. Он готов. Он наклонился к двери, поковырялся в замке кусочком пластмассы и, моля бога, чтобы телевизионный надсмотрщик не работал, а то они смогут заметить полоску света из коридора, прислушавшись, выскользнул из комнаты.

Слева от него находился освещенный вестибюль. Бонд, прокравшись вдоль коридора, обогнул косяк двери. Так и есть! Охранник был на месте, он сидел, склонившись над чем-то похожим на расписание. Шея была открыта. Бонд опустил «Жиллетт» в карман и сложил пальцы левой руки, так, как это делали десантники, когда готовились нанести сильный удар. Он сделал еще два шага и со всего размаха ударил по шее сзади. Человек уткнулся лицом в стол, но тут же вскочил, повернувшись вполоборота в сторону Бонда. Бонд выбросил вперед правую руку, и циферблат «Ролекса» пришелся прямо в челюсть. Тело медленно сползло со стула на ковер, мужчина лежал неподвижно, ноги небрежно раскинуты, как во сне. Потом веки глаз дрогнули, и он уставился вверх широко открытыми глазами. Сердце не билось. Бонд выпрямился. Это был тот самый тип, которого Бонд видел в то первое памятное утро своего пребывания здесь, это он шел от трассы бобслея, когда с Бертилом произошел несчастный случай. И поделом! Справедливость восторжествовала!

На столе зажужжал, как попавшая в ловушку оса, телефон. Бонд бросил на него взгляд и снял трубку, говорили по-немецки, он ответил через платок, закрывавший его рот:

- Да?
- Все в порядке?
- Да.
- Смотри в оба. За англичанином придем через десять минут. Все понятно?
- Понятно.
- Глаз с него не спускай, ясно?
- Все ясно.

На другом конце положили трубку. Лицо у Бонда покрылось капельками пота. Слава богу, что он снял трубку! И так, они придут за ним через десять минут! На столе лежала связка ключей. Бонд схватил ее и побежал к входной двери. После трех неудачных попыток он подобрал нужный ключ. Толкнул дверь. Теперь ее держало только пневматическое устройство. Бонд бросился к двери мастерской. Не заперта! Он вошел и при свете, шедшем из вестибюля, нашел свои лыжи. Палки стояли рядом. Осторожно он вытащил снаряжение из деревянного гнезда и быстро пошел к двери главного входа, открыл ее, мягко положил на снег лыжи и палки, повернулся к двери, запер ее снаружи и закинул ключи далеко в снег.

Почти полная луна ярко сияла ослепительным светом, и снежинки искрились и были похожи на покрывало из бриллиантовой пыли. Теперь надо затратить несколько минут, чтобы как следует приладить крепления. Бонд ткнул ботинок в паз держателя и опустился на колено, нащупывая стальной тросик сзади каблука. Спокойно, неторопливо он установил винт регулировки на передней накладке и еще раз проверил, все ли в порядке. Кажется, теперь нормально. Он защелкнул замок и почувствовал, как тот зажал ботинок в держателе. Так, осталось пропустить ремень безопасности по верху ботинка, он удержит лыжу, если замок расстегнется, что может случиться при падении. Пальцы Бонда стали замерзать. Конец ремешка никак не попадал в пряжку! Потеряна целая минута! Наконец-то. Теперь нужно проделать то же самое с другой лыжей. И вот Бонд выпрямился, натянул перчатки на уже ноющие пальцы, взял остроконечные палки и, оттолкнувшись, покатился вниз по едва заметному краю хорошо укатанного накануне склона. Пока все идет как надо. Он опустил очки на глаза, и тут же снежный ландшафт стал серебристо-зеленым, как-будто он плыл под освещенной солнцем водой. Лыжи поскрипывали на пушистом снегу. Бонд старался набрать скорость, спускаясь по довольно пологому склону, он разгонялся не просто скольжением, а маховым шагом, как это делали в свое время норвежские

горнолыжники. Но из этого ничего не получалось! Каблуки ботинок как будто гвоздями были прибиты к лыжам. Он сильно, как только мог, отталкивался палками. Боже, какой же след он должен был оставлять за собой — широкий, как трамвайная линия! Как только они сумеют открыть входную дверь, сразу бросится за ним в погоню. Их лучший инструктор, конечно, легко его догонит, если не набрать скорость на старте. Дорога каждая минута, каждая секунда. Мимо промелькнули черные контуры станции канатной дороги и приюта. Там начиналась трасса «Глория», металлические указатели около нее были укрыты снежными шапками! Бонд не стал останавливаться. Он промчался мимо и начал спуск.

На первом же вертикальном склоне перехватило дыхание, по спине побежали мурашки. Бонд ушел в хорошо знакомую ему низкую стойку, руки опустил к ботинкам и просто полетел вниз. Лыжи шли на опасном расстоянии в шесть дюймов друг от друга. Знаменитый Каннонен, которого он как-то видел на трассе, всегда тесно прижимал один ботинок к другому, как будто ехал на одной лыже. Но сейчас было не до красот, не до стилей, он просто должен был держаться на ногах — вот и все! Скорость, с которой Бонд спускался, становилась угрожающей. Но глубокая подушка холодного, легкого, пушистого снега придавала ему уверенности, он шел на параллельных лыжах. При такой скорости достаточно минимально развернуть плечо — перенести вес на левую ногу, — и вот он уже изменил направление, правая сторона его лыж режет склон, поднимая вверх фонтан снежинок. И все заливает лунный свет. Об опасности он уже не помнил, скорость опьяняла, техника владения лыжами, укрощение снежного склона вызывали радость. Бонд выпрямился и почти нырнул в следующий поворот, на этот раз оставив слева от себя широкий зигзаг, он покорял никем еще не освоенный после снегопада склон. Теперь он мог позволить себе остальную часть пути спускаться в основном правым плечом вперед при разворотах. Он направил лыжи вниз и почувствовал истинный восторг, когда пронесся, подобно черной пуле, по огромному откосу, шедшему под углом в 45°. Так, еще раз, правое плечо пошло. Впереди слабо трепыхались три флажка: черный, красный и желтый, их цвета при лунном свете были, однако, трудноразличимы. Здесь бы надо остановиться и сориентироваться перед новым участком горы. Перед широким поворотом склон поднимался немного вверх. Бонд одолел подъем на скорости, почувствовал, как лыжи, не касаясь земли, перелетели через гребень, уперся левой палкой в снег, создав дополнительный

рычаг, и перекинул лыжи, правое плечо и бедро вперед, влево. Он приземлился, подняв фонтан снежных брызг, и встал как вкопанный. Он был доволен собой! Этот прием, который делают на скорости, со стороны выглядит очень эффектно и выполнить его не так-то легко. Жаль, что его не видит сейчас старый инструктор, господин Фукс, вот бы порадовался!

Теперь он оказался на другом участке трассы. Высоко над головой поблескивали серебристые нити канатной дороги; уходя вниз, они сливались в одну полоску, которая тянулась к далекой темной кромке деревьев, где в лунном свете поблескивали ажурные опоры. Бонд вспомнил, что сейчас последует серия зигзагообразных поворотов, которые откroются почти под самой канатной дорогой. Если бы склон был хорошо виден, пройти этот участок не составляло труда, но свежавывапший снег сделал почти каждый метр дистанции одинаково соблазнительным. Бонд приподнял очки в надежде увидеть какой-нибудь флажок. Вон один вроде виднеется слева. Ему надо будет вписаться в несколько крутых поворотов, и он выскочит на новый склон.

Едва он успел опустить на глаза очки и взяться за палки, как одновременно произошли два события. Во-первых, откуда-то с высоты горы прозвучал глухой выстрел и прямо над ним ушла вверх, разбрасывая световые отблески, ракета. Она вонзилась в небо, раздался резкий треск, потом возникла яркая магниевая вспышка, и огненный шар начал свой извилистый медленный спуск, словно был подвешен на парашюте; темные тени в низинах стали исчезать, все заливал страшный мертвенный свет. Еще несколько глаз вспыхнули в небе, теперь на склоне стала видна каждая щель.

И в то же время тросы над головой Бонда запели! Они послали вслед за ним фуникулер!

Бонд выругался во влажные складки шелкового платка, закрывавшие рот, и продолжил спуск, теперь они отправят следом и лыжников — вооруженных лыжников!

Второй участок он преодолел не так лихо, добравшись до второго флажка, сделал поворот и поехал по крутому склону в другом направлении, петляя зигзагами под тросами канатной дороги. С какой скоростью двигаются эти проклятые гондолы? 10, 15, 20 миль в час? Это самая последняя модификация. Должно быть — самые скоростные. Помнится, он читал где-то, что фуникулер между Арозой и Висхорном достигал скорости 25 миль в час. Уже когда он делал первый зигзаг, пение тросов над его головой сменилось иным звучанием, а потом опять превратилось в сплошной жалобный вой. Это означало, что гондола миновала первую опору!

У Бонда заныли колени, это ахиллесова пята всех горнолыжников. Он уменьшил амплитуду лавирования, пошел змейкой, ощущая теперь под собой каждый бугорок. Вроде там, слева, еще один флажок? Огненные шары ракет, казалось, опускались ему прямо на голову. Так. Пока жить можно. Еще пара зигзагов, и он выскочит на чистый склон!

Справа от него что-то упало на землю с сильным грохотом, подняв фонтан снега! Потом то же — слева! Из фуникулера бросали гранаты! Его взяли в вилку! Что же, следующая — прямо в цель? Почти одновременно с тем, как эта мысль пронеслась в его голове, прямо перед ним раздался страшный взрыв, который сначала отбросил Бонда в сторону, а потом закрутил колесом вместе с палками и лыжами. Бонд еле поднялся на ноги, с трудом переводя дыхание и сплевывая снег. Одно из креплений расстегнулось. Дрожащими пальцами он нащупал замок и снова защелкнул его. Еще один взрыв, но уже ярдах в двадцати от него. Ему нужно убраться с линии огня, прочь от этой проклятой дороги. Флажок с левой стороны, лихорадочно вспомнил он. Теперь надо ехать поперек. Он приблизительно определил новое направление движения, перескочил кромку очередного склона и ринулся вниз.

17

КРОВЬ НА СНЕГУ

Этот склон был полон неожиданностей. Ракеты опустились почти до земли, и вновь вокруг залегли уродливые черные тени, любая из которых могла оказаться опасной ложбиной. Бонду приходилось притормаживать у каждой из них, и каждый раз резкая остановка, помнится, такой прием именовали «кристи», напоминала ему о слабости ног и лодыжек. Однако он добрался до флажка, ни разу не упав; остановился, тяжело дыша. Оглянулся назад. Гондола остановилась. У них была телефонная связь со станциями, находящимися на вершине и у подножья горы, но почему кабинка остановилась? Как бы в ответ, из гондолы взметнулось, направляясь к нему, голубое пламя. Но свиста пуль Бонд не слышал. Гондола раскачивалась на канате слишком сильно. Внезапно откуда-то из района первых флажков, высоко над ним, на склоне горы, также послышалась частая стрельба, огонь вели сразу с двух точек, и снег вокруг него так и запрыгал, заплясал. Стало быть, инструкторов вдогонку тоже послали. Его падение обошлось в несколько дорогих

минут. На сколько же он их опережает? Конечно, меньше чем на 10 минут. Пуля ударилась в одну из лыж и эхом отозвалась в горах. Бонд набрал полные легкие воздуха и скользнул вниз, продолжая держаться левее, подальше от фуникулера, к следующему флажку, вон той далекой точке по краю тени, которую отбрасывала своим гребнем, похожим на рог, вершина пика Глория, врезавшаяся в усыпанное звездами небо с наводящей ужас величественностью.

Было похоже, что этот спуск будет проходить в опасной близости от подножия вершины. Мысли путались, никак не мог вспомнить, что там дальше на маршруте? Кажется, ничего хорошего. Так и есть! Последний флажок! И он черного цвета. Он попал на «черный» склон, тот самый, который был закрыт из-за лавинной опасности! Боже правый! Все-таки влип. Уйти на «красный» склон времени уже не было. И в любом случае «красный» маршрут в основном проходил поблизости от фуникулера. Ему придется попытать счастья на этом трудном склоне. Но о чем говорить, когда только что выпал такой обильный снег, а тут еще все эти взрывы, которые могут вызвать лавину! Когда есть опасность схода лавины, инструкторы даже разговаривать запрещают! Ладно, к черту все это! Бонд промчался по широкому неразмеченному спуску, достиг следующего флажка, заметил еще один, там, далеко внизу, в направлении к кромке леса. Здесь слишком круто, чтобы ехать прямо! Придется идти зигзагами.

И в этот момент те мерзавцы выпустили еще три осветительные ракеты, которые взорвались среди звезд и очень симпатично рассыпались цветными блестками. Конечно! Блестящая идея! Это чтобы потом объяснить там, в долине, где могло оказаться слишком много любопытствующих, почему всю ночь высоко в горах звучали таинственные взрывы. У них, оказывается, был праздник, они что-то там отмечали. Да, умеют же развлекаться эти богачи! Тут Бонда осенило. Еще бы! Ведь сегодня канун Рождества! Господь бог посылает вам мир и покой, славные джентльмены, пусть ничто вас не тревожит! Лыжи Бонда позванивали, как рождественские колокольчики, в такт их перезвону он зигзагами, словно заяц, мчался вниз по великолепному заснеженному склону. Белое рождественское покрывало. Он отпраздновал Рождество на славу!

И вдруг сверху до него донесся тот самый ужасный из всех звуков, который можно услышать в Альпах, — душераздирающий треск смещающегося снега и льда. Эта труба архангела, звучащая в день страшного суда! Лавина! Земля

под лыжами заходила ходуном, его настигал все усиливающийся грохот, будто вдогонку ему несло несколько железнодорожных экспрессов, с ревом проскакивающих на своем пути добрую сотню туннелей. Боже милостивый! Ну, теперь действительно конец! Чему там учили в свое время? Направить лыжи прямо вниз по склону! Попытаться уйти от лавины! Бонд направил лыжи прямо в сторону границы леса, весь согнулся, присел и рванулся вперед, лыжи взвизгнули, унося его в белое пространство.

Только вперед, держись, сукин сын! Руки перед собой! Ветер, который бил в лицо, превращался в настоящую стену перед ним, почти сбивал с ног. А сзади, по пятам, со страшным ревом двигалась лавина. Еще выше среди скал что-то затрещало, защелкало, закрипело. В движение пришла вся эта чертова гора! Если ему и удастся убежать от этого стремительно несущегося вниз снежного кома и добраться до первых деревьев, что толку. Только в самом лесу он будет в безопасности. Снежная лавина, конечно, сметет, как спички, все ели на расстоянии первой сотни ярдов. Бонд принял решение и взял чуть левее. Просека, прорубленная для «черного» маршрута, должна быть наверняка где-нибудь здесь, ниже последнего флажка, к которому он устремился. Если ее там нет, он конченный человек!

Вот крутой спуск стал подходить к концу. Навстречу ему неслись деревья. Есть ли между ними хоть какой-то, черт возьми, просвет? Да! Но намного левее. Бонд изменил направление движения и сбавил скорость, не переставая напряженно прислушиваться к тому, как менялась амплитуда громовых раскатов позади него и над ним. Уже совсем рядом. Земля задрожала сильнее, конечно, лавина найдет дорогу и среди деревьев, она догонит его даже здесь! Есть! Есть флажок! Бонд, правое плечо вперед — «кристи», резко пошел влево и тут же услышал, как с треском стали падать деревья, звук был такой, как будто одновременно взорвали сотни гигантских хлопушек — рождественских хлопушек! Бонд бросился прямо вдоль широкой просеки между деревьями. Но он слышал, что лавина нагоняет. Треск ломаемых деревьев приближался. Первая пена белого прилива уже плескалась за спиной! Что делают, когда настигает снежная лавина? Было только одно правило. Присядь и крепко держись руками за лодыжки. Тогда, если завалит снегом, будет надежда попробовать отстегнуть лыжи и, может быть, прорыть ход на поверхность! — если конечно, в этой могиле под снегом знать, где поверхность! Если не удастся колом скалиться вниз, тогда превратитесь в сплетение лыж и палок,

которые будут торчать во все стороны, в этом случае двигаться вообще не сможете. Слава богу, в конце просеки показалось открытое пространство — последние слегка пологие склоны перед финишем. Но громкий треск позади него всё усиливался! Какой высоты может быть эта снежная стена? 50 футов? 100? Бонд достиг конца просеки и резко повернул — «кристи»! Последняя надежда — достичь широкого пояса деревьев внизу и молить бога, чтобы лавина не скосила их всех. Оставаться на пути ревущего монстра, мчащегося за ним, было самоубийством!

Еще один «кристи» — и при развороте правая лыжа зацепилась за корень или низкий кустик; он почувствовал, что летит кубарем неизвестно куда. Он упал, сильно ударившись, захватило дух, лежал, распластавшись. Ну, теперь конец! Нет сил даже дотянуться до лодыжек! Сильнейший порыв ветра ударил в него, и Бонд оказался засыпанным снегом. Земля содрогнулась, уши забил оглушительный рев. Он пронесся над ним и сменился удаляющимся тяжелым грохотом. Бонд смахнул снег с глаз, шатаясь, встал на ноги: лыжи соскочили, очки слетели. На расстоянии одного удара по крикетному шару, просто рядом, стена снега высотой, наверное, футов двадцать величественно спускалась из леса, растялаясь по пологим склонам. Ее более высокая передняя часть двигалась, разбрасывая вокруг огромные снежные глыбы, уже ярдах в 100 впереди и останавливаться вроде не собиралась. Но там, где стоял Бонд, теперь было тихо и спокойно, если не считать пулеметных очередей потрескивавших в лесу упавших деревьев; приняв на себя удар, они спасли его. Но треск все усиливался. Времени терять было нельзя! Бонд снял промокшую перчатку и сунул руку в карман брюк. Сейчас самое время промочить горло! Он запрокинул голову, выпил содержимое небольшой фляжки до дна и отбросил ее в сторону. «Счастливого Рождества!» — пожелал он сам себе и зашелкнул замки креплений.

Он поднялся, голова слегка кружилась, но алкоголь уже приятно согревал изнутри. Бонд двинулся правее, решив преодолеть последнюю милую пологого склона, он уходил подальше от все еще мчащейся с шумом снежной реки. Проклятье! В конце склона была натянута металлическая сетка! Придется опять выходить на прежнюю трассу, жаться ближе к фуникулеру. Вроде бы там все спокойно. Гондолы не было видно, но пение тросов не прекращалось. Неужели кабинка, направляющаяся вниз, пустилась в обратный путь к пику Глория, неужели там посчитали, что он погиб под снежной лавиной? На станции канатки внизу горел свет,

перед зданием виднелся какой-то внушительных размеров черный лимузин — и больше никаких признаков жизни. Ну что ж, другого пути все равно не было, надо возвращаться на трассу. Бонд легко скользнул вниз, расслабившись, давая телу отдохнуть, восстан вливая дыхание.

Резкий звук выстрела крупнокалиберного пистолета и фонтанчик снега, поднятый ударившей рядом с ним пулей, вернул его к действительности, заставив собраться. Он резко вильнул в сторону и бросил взгляд направо, откуда был сделан выстрел. Еще одна вспышка. За ним гнался лыжник. Один из инструкторов! Конечно! Он, должно быть, поехал по «красному» маршруту. Значит, другой преследовал его по «черному» склону? Дай ему бог! Бонд стиснул зубы от злости и прибавил скорость: пригнувшись, он мчался вниз зигзагами, мешая преследовавшему его человеку как следует прицелиться. Выстрелы продолжали раздаваться. Пожалуй, они выскочат на трассу почти одновременно!

Бонд во все глаза смотрел на стремительно приближавшуюся линию финиша.

В металлической сетке открылся широкий проход, перед станцией канатной дороги была расположена большая стоянка для автомобилей, затем шла низкая насыпь, которая защищала основную железнодорожную ветку Ратишбан, шедшую к Понтресине и дальше, к перевалу Бернина. По другую сторону железнодорожных путей насыпь спускалась к дороге из Понтресины в Самаден, а до ветки на Санкт-Мориц было, по-видимому, еще мили две.

Очередной выстрел поднял снег перед ним. Шестой по счету. В любом случае у стрелка должны были кончиться патроны. Хотя что в том толку. Сил для схватки у Бонда больше не оставалось.

На железнодорожном полотне показался огромный светящийся шар, и, прежде чем он исчез за станцией канатной дороги, Бонд понял, что это шел экспресс, он даже расслышал звук работающего дизеля. Боже! Экспресс как раз поравняется со станцией канатной дороги, когда Бонд будет пересекать железнодорожное полотно! Хватит ли у него сил добежать до низкой насыпи, преодолеть ее, перескочить через путь прямо перед поездом? Это последняя надежда! Бонд энергично заработал палками, чтобы увеличить скорость. Из замеченного им раньше черного лимузина выскочил человек и присел, целясь в него. Бонд стал опять петлять из стороны в сторону, а этот тип сосредоточенно вел огонь. Но Бонд уже оказался рядом; проскакивая мимо, он со всей силой всадил в него острый, как у рапиры, конец

лыжной палки и почувствовал, как она прошла через одежду. Мужчина вскрикнул и упал. Инструктор, находившийся всего в нескольких метрах сзади, что-то прокричал. Большой желтый глаз поезда высветил рельсы, и боковым зрением Бонд увидел огромный красного цвета снегоочиститель, находившийся под головным прожектором, снег от него летел в разные стороны двумя белыми крыльями. Пора! Бонд стремительно пересек стоянку, направляясь прямо к насыпи, и, как только достиг ее, с ходу воткнул палки в землю, чтобы приподняться на них и оторвать лыжи от земли; его с силой подбросило вверх. Внизу промелькнули стальные рельсы, в ушах раздался скрежет тормозов, звонкие удары металла, воздух пронзил рев сирены — все это в каких-то метрах от него. Он упал на покрытую льдом дорожку, попытался встать, снова упал и благополучно уткнулся в огромный сугроб, возвышавшийся на противоположной стороне дорожки. Когда завершал свой полет, услышал позади себя страшный крик, звук разносимого в щепки дерева, визг тормозов поезда.

В тот же миг белая пена из-под снегоочистителя, долетавшая до Бонда, стала розовой!

Бонд стер снег с лица и, взглянув на руку, почувствовал тошноту. Боже мой! Тот, кто пытался догнать его, опоздал с прыжком или промахнулся и попал в смертоносные объятия снегоочистителя! Мясорубка! Бонд набрал горсть снега с откоса и вытер им лицо и волосы. Набрал еще снега и очистил свитер. Вдруг до него дошло, что люди в ярко освещенных вагонах над ним открывают окна. Некоторые уже спустились на железнодорожное полотно. Бонд собрался с силами и попробовал катиться по грязному льду дороги. Вдогонку ему раздавались крики — яростные крики швейцарцев. Бонд продолжал идти, вдавливая лыжи в снег, лежащий на обочине. Впереди него, в узком черном проеме дороги, перед его мысленным взором, закружились огромные красные лопасти, засасывая его в свой стальной водоворот. Близкий к беспамятству, Бонд все ближе и ближе подходил к этому манящему кровавому водовороту.

Бонд с трудом держался на ногах, лицо его было серым, двигался он словно по инерции, а еще предстояло пройти около двух миль, спустившись из оставшегося позади коварного Ланглауфа к гладким склонам Самадена. Один из проезжавших мимо автомобилей, гремя цепями на колесах, вынудил его отступить к снежному сугробу. Он на мгновение

прислонился к мягкой поверхности, дыхание его было похоже на вырывавшиеся из груди рыдания. Он снова заставил себя двигаться вперед. Он уже далеко ушел, это у него неплохо получается! Лишь несколько сотен ярдов отделяло его от огней прекрасного, беспорядочно раскинувшегося крошечного рая, там люди, там приют! Стройная колокольня деревянной церкви была залита светом, другое большое светлое пятно образовывала группа искрящихся приветливыми огоньками домов. В неподвижном морозном воздухе раздавалась мелодия вальса. Каток! Бал на катке в честь Рождества. Это было как раз то, что надо! Толпа! Веселье! Суматоха! Затеряться так, чтобы ускользнуть от двойной погони, которую к этому времени должны были организовать за ним и СПЕКТР; и швейцарская полиция, полицейские и гангстеры рука об руку!

Лыжи Бонда уперлись о конский навоз, наверняка здесь проехали сани с гуляющими. Он пошатнулся, как пьяный, и едва не упал в сугроб около дороги, но выпрямился, еле слышно выругавшись. Вперед! Возьми себя в руки! Подтянись! Уж совсем прилично выглядеть не обязательно. В конце концов — канун Рождества. А вон и ближайшие дома. Слышны звуки аккордеона; легкая музыка, вызывающая ностальгию, доносилась из гостиницы с красивой железной вывеской над дверью. Вот показался извилистый подъем — дорога на Санкт-Мориц. Бонд стал с трудом преодолевать подъем, осторожно ставя палки. Он провел рукой по своим спутанным волосам и сдернул мокрый от пота носовой платок на шею, подсунув его концы под воротник рубашки. Волны музыки накатывались на него, пространство катка струилось светом. Бонд заставил себя выпрямиться. Здесь скопилось много машин, лыжи были воткнуты в сугробы, стояли тобогганы и санки, висели гирлянды серпантина, перед входом — огромное объявление на трех языках: «Большой рождественский бал! Маскарад! Всего 2 франка! Приведите с собой всех друзей! Ура!»

Бонд воткнул палки, наклонился, чтобы расстегнуть крепления. И упал на бок. Если бы только он мог просто полежать так, уснуть на твердом утоптанном снегу, который казался ему лебяжьим пухом! Он тихо застонал и с трудом встал. Крепления здорово замерзли, покрылись толстым слоем льда, так же, как и ботинки. Он взял палку и попытался сколоть лед с металла. Наконец застежки расстегнулись и ремни слетели. Куда положить это чертово снаряжение, спрятать яркие красные метки? Он поволок их по протоптанной тропинке к входу, освещенному разноцветными огнями,

сунул лыжи и палки под какой-то большой автомобиль и пошел, пошатываясь дальше. Человек у столика, где продавали билеты, был, кажется, пьян. Он поднял на него мутные глаза.

— Два франка,— произнес он на трех языках, немецком, английском и французском. Вся фраза слилась в одно слово-гибрид. Бонд ухватился за стол, положил монеты и взял билет. Человек уставился на Бонда.— Маскарад, бал, все в костюмах.— Он полез в коробку, стоявшую рядом с ним, и бросил на стол черно-белую маску-домино.— Один франк.— Он криво улыбнулся.— И теперь вы —самый что ни на есть гангстер, тайный агент. Договорились?

— Конечно,— Бонд заплатил франк и надел маску. Он с трудом отпустил стол и стал пробираться к входу. Вокруг большого квадратного катка поднимались ряды деревянных скамеек. Слава богу, можно сесть! В нижнем ряду рядом с проходом было свободное место. Бонд, споткнувшись о деревянные ступени, плюхнулся на скамью. Он попробовал сесть как следует.

— Прошу прощения,— произнес он затем, и голова его упала на руки.

Девушка, сидевшая рядом с ним в группе ковбоев, клоунов и пиратов, одернула свою украшенную блестками юбку и что-то прошептала на ухо соседу. Бонду было все равно. Не вышвырнут же они его в такую ночь. Из громкоговорителей доносились рыдания скрипок, исполняли «Вальс на катке». Откуда-то сверху раздался голос церемониймейстера: «Последний танец, дамы и господа. А потом все на лед, все в круг, все участвуют в финальной части нашего праздника. До полуночи осталось десять минут! Последний танец, дамы и господа! Последний танец!» Раздались аплодисменты. Люди весело смеялись.

«Боже милостивый! Только этого не хватало! — успел подумать Бонд.— Неужели нельзя оставить меня в покое?» — И он заснул.

Прошло, как показалось Бонду, несколько часов, когда он почувствовал, как кто-то трясет его за плечо.

— На лед, сэр. Пожалуйста. Все на лед для заключительного танца. Осталась одна минута.

Рядом с ним стоял мужчина в фиолетовой с красным униформе, он нетерпеливо поглядывал вниз.

— Уйдите,— сказал Бонд тупо.

И тут какой-то внутренний голос подсказал ему, что следует избегать скандалов, не обращать на себя внимания. Он еле-еле поднялся на ноги и сделал несколько шагов

к катку, с трудом удерживаясь на ногах. Голова у него была опущена, как у раненого быка, и он поводил ею слева направо, вот он заметил разрыв в хороводе, кружившемся вокруг катка, и осторожно проскользнул туда. Кто-то протянул ему руку, и он благодарно ухватился за нее. С другой стороны к нему тоже пытались прицепиться. А потом произошло нечто неожиданное. Прямо с противоположного конца катка рванулась навстречу ему женщина в короткой черной юбочке и ярко-розовой, отороченной мехом куртке, она стрелой пересекла каток и резко остановилась перед Бондом. Бонд почувствовал, как льдинки ударили по ногам. Он поднял глаза. Лицо показалось знакомым — эти сверкающие голубые глаза, горделивое выражение лица, сейчас несколько скрытое золотистым загаром, и ослепительная волнующая улыбка. Кто же это, черт побери?

Девушка протиснулась и встала рядом с ним, схватила его правую руку, потом обе руки.

— Джеймс, — взволнованно прошептала она. — О, Джеймс это я! Трейси! Что с тобой? Откуда ты взялся?

— Трейси, — сказал Бонд тупо. — Трейси, держи меня покрепче. Мне плохо. Потом все расскажу.

Заиграла старая рождественская мелодия, и все, продолжая держаться за руки, стали покачиваться из стороны в сторону в такт музыке.

18

НА РАЗВИЛКЕ НАЛЕВО — И В ПРЕИСПОДНЮЮ

Бонд не понимал, что его удерживает на ногах, но наконец-то все кончилось, похлопав в ладоши, хоровод разбился на пары и группы.

Трейси взяла его под руку. Бонд собрался с последними силами.

— Смешаемся с толпой, Трейси, — хрипло произнес он. — Надо исчезнуть отсюда. За мной погоня. — Вдруг в нем вспыхнула надежда. — Твоя машина здесь?

— Да, дорогой. Все будет хорошо. Просто держись за меня. Тебя ждут на выходе?

— Может быть. Остерегайся большого черного «Мерседеса». Оттуда могут стрелять. Лучше держись от меня подальше. Я справлюсь сам. Где твоя машина?

— У дороги, с правой стороны. Но не глупи. Послушайка, у меня есть идея. Ты наденешь эту куртку. — Она растегнула молнию и сняла парку. — Чуть маловата, но ничего. Так, просовывай руку в рукав.

— Но ты же замерзнешь.

— Делай, как тебе говорят. На мне свитер и полно всего под ним. Так, теперь другую руку. Вот и хорошо. — Она застегнула молнию. — Джеймс, дорогой, ты выглядишь великолепно.

От меха куртки пахло духами «Ода» от Гуэрлейна. Запах напомнил ему их встречу в Руайале. Какая женщина! Мысль о ней, о том, что у него есть союзник, что он больше не один, что он далеко от этой проклятой горы, вернула Бонда к жизни. Он держал ее за руку и пробирався вслед за ней через толпу, которая теперь устремилась к выходу. Здесь могут быть неприятности! Спустился или нет тот фуникулер вниз, но у Блофелда было достаточно времени, чтобы отправить сюда еще один, набитый до отказа людьми СПЕКТРА. Бонда видели из поезда, все знают, что он направился в сторону Самадена. Они уже успели оцепить железнодорожную станцию. И конечно, понимают, что он попытается затеряться в толпе. Может быть, его запомнил тот пьяница при входе. А как только тронется с места машина, под которой он спрятал лыжи, по красным меткам на снаряжении наверняка выйдут на его след. Бонд выпустил руку Трейси и опять надел свой «Ролекс» так, что циферблат оказался на костяшках пальцев. Благодаря Трейси он немного восстановил силы, он еще сможет доставить им массу хлопот!

Она взглянула на него.

— Что ты делаешь?

Он опять взял ее за руку.

— Ничего.

Они подходили к выходу. Бонд внимательно смотрел через щелки маски. Так и есть! Двое головорезов стояли рядом с билетером и прощупывали взглядом каждого проходящего. На противоположной стороне дороги — черный «Мерседес», из выхлопной трубы струится дым. Просто так не прорваться. Значит, надо что-то придумать. Бонд обнял Трейси и прошептал ей на ухо:

— Целуй меня все время, пока мы будем идти мимо столика билетера. Они там, но, я думаю, мы сможем их провести.

Она положила руку ему на плечо и прижалась к нему.

— Как ты догадался, я только об этом и мечтаю. — Она впилась губами в его губы, и в толпе смеющихся, поющих людей они выскользнули на улицу.

Оглянулись, все еще не отрываясь друг от друга, и пошли по дороге. Вот она, милая белая крошка, их машина!

И в этот момент «Мерседес» настойчиво засигналил. По-

ходка Бонда, а может, его старомодные лыжные брюки были замечены — человек в «Мерседесе» узнал его!

— Быстрее, дорогая, — сказал Бонд нетерпеливо.

Девушка бросилась в машину, вставила ключ зажигания, Бонд вскочил с другой стороны — поехали! Он оглянулся. Через заднее стекло увидел двух мужчин, стоящих на дороге. Они не станут стрелять, пока вокруг так много свидетелей. Ага, побежали к «Мерседесу». Слава богу, «Мерседес» стоял передом к горе, по направлению к Санкт-Морицу. А Трейси в этот момент уже преодолела крутой поворот, и они помчались по основной дороге, проходящей через деревушку, по которой всего лишь полчаса назад, пошатываясь, шел Бонд.

Пока они развернутся и бросятся в погоню, пройдет не меньше пяти минут. Трейси вела машину с бешеной скоростью, но на дороге было интенсивное движение — сани с бубенцами, полные закутанных в меха туристов, возвращались назад в Понтресину, попадались и случайные автомобили с громыхающими на колесах цепями. Она все время шла на тормозах, непрерывно сигналила, тот самый сигнал с переливами, который Бонд помнил так хорошо, хотя он и звучал диссонансом.

— Ты ангел-спаситель, Трейси, — сказал Бонд. — Но полегче на поворотах. Не хотелось бы оказаться в кювете.

Она взглянула на него и рассмеялась от всего сердца.

— Кажется, тебе полегчало. Но совсем не вижу выражения твоего лица. Сними эту дурацкую маску и мою куртку. Через минуту в машине станет жарко — запаришься. К тому же хочу видеть тебя таким, каким помню. А ты мной доволен?

Жизнь вновь возвращалась к Бонду. В этом крошечном автомобиле просто сказочно, особенно с Трейси, она восхитительна. Он уже почти не вспоминал о том ужасном спуске с горы, обо всем, что пришлось пережить. Опять появилась надежда, пришла на смену ужасу и отчаянию. Он почувствовал, как тело расслабилось.

— Я скажу, что доволен тобой, — сказал он, — когда доберемся до Цюриха. Можно на тебя рассчитывать? Лучшего времяпрепровождения в рождественскую ночь и не пожелаешь. — Он открыл окно и выбросил маску, снял куртку и накинул ей на плечи. Появился большой указатель — дорога спускалась в долину. — Здесь налево, Трейси, — сказал он. — На Филизюр, а потом на Куар.

Она повернула, по мнению Бонда, слишком круто. Вновь сделала вираж, из которого, он был готов поклясться, они

могли не выйти. Но даже на грязном льду дороги она вполне владела ситуацией, сумела вывернуть руль, удержать его и беспечно поехала дальше.

— Ради бога, Трейси,— сказал он,— и как это только тебе удастся? Ведь даже цепей на колеса не надела.

Она засмеялась, довольная тем, что в его голосе прозвучали страх и восторг.

— Шины, специально изготовленные для ралли «Данлоп». Партию делали на заказ — только для гонщиков, но мне удалось перехватить несколько штук. Не волнуйся. Расслабься и получи удовольствие.

В ее голосе появились какие-то совсем новые нотки, она — счастлива, и это чувствовалось по голосу; ничего подобного тогда в Руайале нельзя было и предположить. Бонд повернулся и впервые внимательно посмотрел на Трейси. Да, это была совсем другая женщина, пышущая здоровьем, озаренная каким-то внутренним светом. Распущенные светлые волосы задорно переливались, а полуткрытые красивые губы, казалось, все время были готовы растянуться в улыбке.

— Доволен?

— Выглядишь ты просто великолепно. Но, ради бога, скажи мне, как ты оказалась в Самадене? Это просто чудо какое-то. Ты спасла мне жизнь.

— Ладно-ладно. Лучше ты мне скажи, в чем дело. Никогда не видела, чтобы человек до такой степени не стоял на ногах. Я глазам своим не поверила. Я подумала, что ты пьян в стельку.— Она бросила на него взгляд.— Выглядишь все еще неважно. Включу-ка я вентилятор,— она склонилась к приборной доске,— он взбодрит тебя.— Она выдержала паузу.— Со мной все очень просто. В один прекрасный день из Марселя мне позвонил папа, просто так, поинтересоваться, как я там. Он спросил, видела ли я тебя, и, по-моему, был страшно недоволен, когда я сказала, что мы не виделись. Практически он приказал мне поехать и разыскать тебя.— Она взглянула на него.— Знаешь, он очень привязался к тебе. Как бы то ни было, он разыскал адрес человека, которого ты ищешь. Он сказал, что уверен, что и ты тоже уже знаешь этот адрес. Он сказал, что, зная тебя, не сомневается — искать надо где-то здесь неподалеку. Он говорил о клубе «Глория». Он велел мне сказать тебе, если мы встретимся, чтобы ты вел себя поосторожнее, не зарывался.— Она засмеялась.— И он оказался прав! Словом, я уехала из Давоса, где меня действительно поставили на ноги, как ты и говорил, и только позавчера оказалась в Самадене. Канатная дорога вчера не работала, и я собиралась добраться туда

сегодня, собиралась поискать тебя там. Вот как все просто. А теперь ты рассказывай.

Они продолжали ехать на вполне приличной скорости, дорога, петляя, шла в долину по наклонной. Бонд повернулся и посмотрел в заднее окно. Еле слышно выругался. Примерно на расстоянии мили от них он увидел спаренные фары, они шли следом.

— Я знаю,— сказала Трейси.— Вижу их в зеркало. Кажется, они начинают настигать. Должно быть, у них очень хороший водитель, отлично знающий дорогу. Может, и цепи на колесах. Но все-таки я соблюдаю дистанцию. Ладно, продолжай. Так что случилось?

Бонд вкратце изложил ей суть дела. Там, в горах, под вымышленным именем живет очень крупный гангстер. В Англии его разыскивает полиция. У Бонда были кое-какие связи с полицией, с министерством обороны. (Она фыркнула: «Только не пытайся дурачить меня. Я знаю, что ты из Секретной службы. Отец мне сказал». Бонд как отрезал: «Отец говорит чепуху». Она понимающе засмеялась.) В общем, продолжал Бонд, его отправили, чтобы убедиться, тот ли это человек, которого разыскивали. Бонд убедился в этом. Но попал под подозрение, и ему пришлось уносить ноги. Он подробно рассказал ей об ужасной лунной ночи в горах, о лавине, рассказал о человеке, который попал под поезд и погиб, о том, как он добрался до Самадена в полном изнеможении, как пытался скрыться в толпе на катке.

— А потом,— закончил он, запинаясь,— вдруг появилась ты, как прекрасный ангел на коньках, и вот мы здесь. Она задумалась на минуту.

— А теперь, Джеймс, дорогуша,— сказала она спокойно,— скажи-ка мне, сколько из них ты укокошил. И говори только правду.

— А в чем дело?

— Мне просто очень хочется знать.

— Ты обещаешь, что это останется между нами?

— Конечно,— загадочно произнесла она.— С этого момента вообще все только между нами.

— Ну, хорошо. В этом так называемом клубе был главный инструктор. С ним пришлось покончить, в противном случае меня уже не было бы в живых. Еще один, я полагаю, погиб под снежной лавиной. Потом, уже у подножия горы, один из них стрелял в меня, пришлось проколоть его лыжной палкой, в целях самообороны. Не знаю, серьезно ли его ранил. Потом еще этот, что попал под поезд. Он сделал в меня шесть выстрелов. В любом случае — сам виноват. Ну,

скажем так, три с половиной из них так или иначе погибли.

— А сколько осталось?

— К чему ты клонишь?

— Просто хочу знать. Ты можешь мне доверять.

— Ну, я думаю, всего их там около 15. Таким образом, остается 11 с половиной плюс их босс.

— И трое в машине, что преследуют нас? Они нас убьют, если поймают?

— Боюсь, что да. У меня нет никакого оружия. Извини, Трейси, но, боюсь, что и у тебя нет шансов, ты — свидетель и в какой-то степени моя соучастница. Эти люди полагают, что я могу испортить им всю обедню.

— А так оно и есть?

— Да, теперь им от меня никуда не деться.

— Ну что ж, у меня есть для тебя неприятные новости. Они нас догоняют, а в баке осталось лишь два галлона бензина. В Филизюре должны остановиться. Все колонки будут закрыты, значит, надо кого-то будить. Не думаю, что сможем управиться за десять минут, тут они нас и поймают. Придется тебе придумать что-нибудь эдакое.

Впереди показалось ущелье и зигзагообразный поворот над мостом. Они как раз выходили из крутого виража. Фары чужого автомобиля ярко светили им вослед. Между двумя машинами было всего полмили, но расстояние по прямой, через ущелье, составляло, вероятно, только 300 ярдов. Бонд не удивился, когда увидел знакомые голубые вспышки: стреляли с переднего сиденья машины. Осколки гранита нависшей над дорогой скалы посыпались на капот их машины. Они вошли во второй вираж и оказались вне поля зрения преследователей.

Перед ними был участок дороги, где после оползня велись восстановительные работы. Висел огромный предупреждающий плакат: «Внимание! Строительные работы! Тихий ход!» Поврежденная дорога находилась с правой стороны горы. Слева было поставлено хрупкое ограждение, а за ним — обрыв в сотню футов глубиной, внизу узкое ущелье и река с плавающими на ней льдинами. На середине этого участка стояла огромная красная стрела, выполненная из дерева и указывающая прямо на узкий проход через временный мост.

— Стой! — вдруг заорал Бонд.

Трейси остановилась, передние колеса уже находились на мосту. Бонд распахнул дверцу.

— Езжай! Жди меня за следующим поворотом. Это наш единственный шанс.

Молодчина! Она уехала, не сказав ни слова. Бонд пробежал несколько ярдов назад к красной стреле. Она стояла на двух распорках. Бонд сместил стрелу, повернул ее так, чтобы она указывала налево, в сторону хлипкого ограждения, которое закрывало несколько ярдов дороги, ведущей к рухнувшему мосту. Бонд повалил ограждение, выдернул колышки, державшие его. Яркие фары вынырнули из-за угла. Он перебежал объездную дорогу и спрятался в тени горы, вжался в нее, стал ждать, затаив дыхание.

«Мерседес» ехал быстрее, чем следовало по таким ухабам, цепи на колесах громыхали под крыльями. Он двинулся прямо к черному провалу, куда теперь указывала стрела. Перед Бондом промелькнули бледные напряженные лица, и затем он услышал отчаянный визг тормозов — водитель увидел перед собой пропасть. «Мерседесу» почти удалось остановиться, но передние колеса уже выскочили за край обрыва, машина повисла на брюхе, покачалась на нем и потом медленно, очень медленно опрокинулась; раздался первый устрашающей силы удар, когда она рухнула на старые опоры моста. Затем последовало два новых удара подряд. Бонд побежал вперед, мимо упавшей стрелы, и заглянул вниз. Машина еще летела вверх колесами. Она опять задела скалу, брызнул фонтан искр. Затем, кувыркаясь, с почему-то все еще горящими фарами, машина упала на дно ущелья. Она ударилась о каменный берег реки, фары погасли, перевернулась на бок, лунный свет отразился в металле, и погрузилась в подернутую льдом реку. Эхо с грохотом прокатилось по ущелью, затем последовал дробный стук камнепада. И — тишина под полной луною.

Бонд выдохнул с тихим свистом, пропустив воздух через сжатые зубы. Потом, чисто механически, он все привел в порядок, поставил остатки ограды, поднял стрелу и опять повернул ее вправо. Затем вытер вспотевшие руки о брючины и дошел нетвердым шагом по дороге, повернул за поворот.

Крошечный белый автомобиль стоял у обочины с выключенными фарами. Бонд открыл дверцу и тяжело опустился на сиденье. Трейси не произнесла ни слова, машина тронулась с места. Показались огни Филизюра, там внизу, в долине, огни были теплые и желтые. Она дотронулась до его руки, крепко сжала пальцы.

— Пожалуй, на сегодня уже хватит. Поспи. Я доведу тебя до Цюриха. Пожалуйста, не спорь, делай, что я говорю.

Бонд ничего не сказал. Он слабо ответил на ее пожатие, склонил голову и мгновенно заснул. Можно было считать до десяти — нокаут.

ЛЮБОВЬ НА ЗАВТРАК

В это раннее серое утро Цюрихский аэропорт выглядел уныло и был почти безлюден, но, к счастью, на летном поле стояла «Каравелла» компании «Свиссэр» — вылет задержали из-за тумана в Лондоне, куда должен был лететь самолет. Бонд оставил Трейси в ресторане и, с сожалением расставшись с запахом кофе и яичницы, пошел покупать билет. Сонный клерк поставил ему штамп в паспорте. (Бонд был почти уверен, что его задержат, но этого не произошло). После этого Бонд направился к телефонной будке и закрыл за собой дверь. Он нашел в телефонной книге компанию «Юниверсал экспорт» и, как и ожидал, прочитал внизу: «Главный представитель Александр Мюир. Частная квартира» — и номер. Через стеклянную дверь он взглянул на часы в зале вылета. 6 утра. Ну что ж, придется побеспокоить господина Мюира.

Он набрал номер.

— Да, Мюир слушает, — ответил через несколько минут сонный голос.

— Извините, 410, говорит 007, — сказал Бонд. — Я звоню из аэропорта. Дело не терпит отлагательства, хотя я понимаю, что аппарат могут прослушивать. У вас есть под рукой бумага и карандаш?

На другом конце провода как будто проснулись.

— Одну минуту, 007. Да; есть. Слушаю.

— Прежде всего, у меня плохие новости. Ваш номер 2 накрылся. Почти наверняка. Не могу говорить об этом по телефону, я вылетаю в Лондон примерно через час — «Свиссэр», рейс 110, — все подробности надлежащим образом сразу по прибытии. Сможете передать это по телетайпу? Хорошо. Дальше. Я полагаю, что в ближайшие день-два группа из десяти девушек, англичанок, прибудет сюда на вертолете из Энгадина. Вертолет «Жаворонок» — компании «Сюд авиасьон». Из Лондона я передам по телетайпу их имена сегодня. Держу пари, что они полетят в Англию, может быть, разными рейсами и, вероятно, не только в Лондон, проверьте другие аэропорты — Престуик в Шотландии и Гатуик к югу от Лондона, если только отсюда есть туда рейсы. Как бы то ни было, я думаю, их рассредоточат. Дальше. Полагаю, что Лондон обязательно должен знать номера их рейсов и расчетное время прибытия. Это большая работа, но через несколько часов я получу для вас разрешение использовать людей из Берна и Женевы. Понятно? Хорошо.

Теперь — я совершенно уверен, что вы засвечены. Помните операцию «Бедлам», которую недавно отменили? Так вот, это он, и у него есть радио, и он наверняка догадывается, что я попытаюсь связаться с вами сегодня утром. Посмотрите в окно, думаю, что за домом уже следят. Не сомневаюсь, что в Цюрихе у него есть свои люди.

— Господи, ну и дела! — Голос на другом конце провода звенел от напряжения. — Не вешайте трубку. — Наступила пауза. Бонд представил себе, как Мюир, которого он лично не знал, ему был известен только номер, подходит к окну, осторожно отодвигает в сторону штору. Мюир снова взял трубку. — Похоже, что так оно и есть. На противоположной стороне стоит черный «Порше». В нем два человека. Сейчас попрошу своих друзей в службе безопасности шугануть их.

— Будьте осторожны, не наделайте глупостей, — сказал Бонд. — По-моему, человек, о котором я говорю, поддерживает с местной полицией очень хорошие отношения. В любом случае передайте все по телексу лично М., хорошо? Шифровкой конечно. И скажите ему, если останусь цел, должен видеть его сегодня вместе с 501 (это главный консультант Службы по науке) и, если возможно, с кем-нибудь из таких же ученых мужей в министерстве сельского хозяйства и рыболовства. Звучит бессмысленно, но все так. Это, конечно, испортит им встречу Рождества, но ничего не могу поделать, обойдутся без пирогов и хлопушек. Сумеете все это передать? Ну вот и молодчага. Вопросы есть?

— Вы уверены, что мне не следует приезжать в аэропорт, хотя бы услышать от вас о номере 2? Он выслеживал одного из «красных». Тот малый скупал кое-какие странные товары у местного представителя фирмы «Бадиш анилин». Номеру 2 это казалось подозрительным. О чем шла речь, не успел мне сказать. Сначала хотел установить, для кого весь этот товар.

— Нет, на болтовню времени нет. Встречаться со мною не надо, это лишнее. К тому же за мною идут по пятам, а когда через некоторое время найдут на дне некоего ущелья черный «Мерседес», и вовсе взбесятся. Я вешаю трубку. Извините, что испортил вам Рождество. Пока.

Бонд повесил трубку и поднялся в ресторан. Трейси не спускала глаз с двери. Лицо ее посветлело, когда она увидела его. Он сел рядом с ней и взял ее за руку. Типичная сцена прощания в аэропорту. Он заказал большую порцию яичницы и кофе.

— Все в порядке, Трейси. Я уладил свои дела. Теперь о тебе. Эта машина, на которой мы приехали, она может быть источником неприятностей. Найдутся люди, которые видели, как ты удираешь от «Мерседеса». Такие всегда найдутся, даже в канун Рождества. А у этого крупняка, что засел на вершине горы, всюду свои люди, и здесь тоже. Давай-ка заканчивай завтрак и перебирайся через границу. Какая отсюда ближе всего?

— Наверное, лучше отправиться через Шафхаузен или Констанцу, но,— в голосе послышалась мольба,— Джеймс, должны ли мы расставаться? Я так долго ждала тебя. И я совсем поправилась, ты ведь хотел этого? За что ты наказываешь меня? — Слезы, которых бы он не дождался, когда они были в Руайале, заблестели у нее в глазах. Она сердито смахнула их тыльной стороной ладони.

Вдруг Бонда осенило. Черт побери! Другой такой женщины ему не найти! У нее есть все, что он всегда искал в женщине. Она прекрасна — и в постели, и вообще. В ней есть дух авантюризма, она смела, находчива. Она постоянно волнует. Кажется, она любит его. Она не станет вмешиваться в его жизнь. Она одинока, рядом нет толпы друзей, родственников, ее ничто не связывает. Кроме того, он ей нужен. Она станет о нем заботиться. Он сыт по горло всеми этими случайными связями, в чем время от времени приходится раскаиваться. И он ничего не имел бы против детей. И она прекрасно чувствует себя в любом обществе, а его это и вовсе не заботит. Словом, они подходят друг другу. Так почему бы не соединить свои судьбы?

Бонд вдруг услышал, как он произнес слова, которых никогда раньше не произносил, он даже не думал, что может их произнести.

— Трейси, я люблю тебя. Выходи за меня замуж!

Она побледнела. Она посмотрела на него. У нее дрожали губы.

— Ты действительно предлагаешь мне это?

— Да, именно это. И говоря от всего сердца.

Она отняла руку и закрыла лицо. Когда открыла его — улыбалась.

— Прости меня, Джеймс. Я так давно об этом мечтала. А случилось все так неожиданно. Конечно, я выйду за тебя замуж. Я буду умницей, обещаю — никаких семейных сцен. Просто поцелуй меня один раз, и я пойду. — Ее взгляд стал сосредоточенным, она словно старалась запечатлеть в памяти каждую его черточку. Потом она наклонилась к нему, и они поцеловались. Она быстро поднялась. — Я думаю, мне

придется к этому привыкнуть. Я поеду в Мюнхен. Гостиница «Вир Ярезитен», мне она очень нравится. Там и буду ждать тебя. Там меня знают. Там меня разместят безо всякого багажа. Все вещи остались в Самадене. Мне понадобится только зубная щетка, два дня отлежусь в постели, только потом буду в состоянии выйти за покупками. Позвонишь мне? Поболтаем немного, а? Когда мы сможем пожениться? Я должна сказать отцу. Он ужасно обрадуется.

— Давай поженимся в Мюнхене. В консульстве. У меня что-то вроде дипломатической неприкосновенности. Бумаги нам выправят быстро. А потом обвенчаемся в английской церкви, или лучше в шотландской. Я родом из Шотландии. Я позвоню тебе сегодня вечером и завтра. Я приеду к тебе, как только смогу. Только сначала надо закончить это дело.

— Обещай, что будешь беречь себя.

Бонд улыбнулся:

— Раньше и не подумал бы. Но теперь, если станут стрелять, постараюсь смыться.

— Вот и хорошо.— Она опять внимательно посмотрела на него.— Пора бы уж снять этот красный платок. Ты хоть знаешь, что от него почти ничего не осталось? Дай-ка мне, я приведу его в порядок.

Бонд снял с шеи красный шелковый платок. Он почернел от пота и был похож на тряпку. Она права. Два конца платка изодраны в клочья. Должно быть, он брал их в зубы и жевал, когда спускаться с горы становилось нелегко. Хотя он этого совсем не помнил. Он отдал ей платок.

Она взяла его и, не оглядываясь, вышла из ресторана и спустилась по лестнице к выходу.

Бонд сел. Ему принесли завтрак, и он стал механически есть. Что он наделал! Что, черт побери, он наделал! Чувствовал лишь одно — необыкновенную теплоту, легкость и волнение. Джеймс и Трейси Бонд! Коммандер и миссис Бонд! Звучит очень странно и замечательно!

По радио объявили: «Внимание. Пассажиров, следующих в Лондон рейсом № 110 компании «Свиссэр», просят пройти на посадку, выход № 2».

Бонд загасил сигарету, оглядел место их свидания, чтобы запечатлеть его в памяти, и пошел к двери, оставив здесь, вместе с недоеденным в аэропорту завтраком, все эпизоды своей прошлой жизни.

В самолете Бонд спал, ему приснился ужасный сон. Он увидел себя в холле какого-то очень большого особняка, вероятно посольства. Широкая лестница, освещенная ярко блестящей люстрой, вела наверх, где у дверей гостиной, откуда раздавались голоса множества гостей, стоял дворецкий. Бонд держал под руку одетую в атлас Трейси. Она была усыпана бриллиантами, ее золотистые волосы величественно собраны в одно из тех причудливых сооружений, которые можно увидеть в рекламных проспектах модных парикмахерских салонов. Вершину этого сооружения украшала ослепительная сверкающая бриллиантовая тиара. На Бонде был фрак (откуда, к черту, он у него взялся?), стоячий воротничок рубашки врезался в подбородок. На груди — медали, а на шее, ниже белого галстука, на ленте малинового и голубого цветов висел знак кавалера ордена св. Михаила и св. Георгия 3-й степени. Трейси что-то щебетала, веселая, возбужденная, — впереди такой великолепный вечер. Бонда же эта перспектива не радовала, внутренне он чертыхался. Лучше бы сейчас очутиться в каком-нибудь златном месте и сыграть по-крупному в бридж. Они поднялись наверх, и он сообщил свое имя дворецкому.

— Коммандер Джеймс Бонд и миссис Бонд! — провозгласил тот громоподобным голосом. У Бонда возникло ощущение, что элегантная толпа, находившаяся в белой, отделанной золотом гостиной, внезапно онемела.

Он проследовал за Трейси через парадные двойные двери. Трейси затарaxтела на французском, обмениваясь ничего не значащими светскими поцелуйчиками с присутствующими дамами. Самый сочный поцелуй, почти в губы, достался хозяйке дома. Трейси потащила Бонда вперед. «А это Джеймс. Не правда ли, он очарователен, а какая красивая медаль на шее? Все равно как на старой рекламе сигарет „Де Рецке!“»

— Пристегните, пожалуйста, ремни. И погасите сигареты.

Бонд проснулся весь в поту. Боже милостивый! Что он натворил! Но нет! Все будет не так. Определенно не так. Он не бросит свою тяжелую, полную приключений работу, просто дома теперь его будет ждать Трейси. А не мала ли станет его квартира в Челси? Может быть, снять и верхний этаж? А что делать с Мэй — его шотландским сокровищем?

Будет сложно. Придется как-нибудь уговорить ее остаться.

«Каравелла» коснулась взлетной полосы. Послышался рев моторов, и затем они покатались под моросящим дождем по дорожке аэродрома. Внезапно Бонд вспомнил, что у него нет багажа, что он может идти прямо на паспортный контроль, а потом сразу домой, где снимет с себя это нелепое лыжное одеяние, все пропахшее потом. Интересно, пришлют ли за ним машину? Машина была. С мисс Мэри Гуднайт, сидящей рядом с водителем.

— Боже мой, Мэри, забавно же мы справляем Рождество! Разве это входит в рамки твоих служебных обязанностей? Давай-ка перебирайся ко мне на заднее сиденье и расскажи, почему не занялась сливовым пудингом, почему не пошла в церковь, в чем дело?

Она пересела на заднее сиденье, Бонд последовал за ней.

— По-моему, ты совсем не разбираешься в том, что готовят на Рождество,— сказала она.— Сливовые пудинги делаются по крайней мере за два месяца до этого, им дают отстояться, вызреть. А в церковь до одиннадцати часов не ходят.— Она взглянула на него.— Вообще-то я приехала посмотреть, как ты выглядишь. Кажется, опять попал в переделку. Здорово же тебя потрепало. Расческа хоть есть? И не брит. Ну прямо — пират. Фи,— она сморщила нос,— когда ты последний раз принимал ванну? Удивляюсь, как тебя выпустили из аэропорта. Нужно было поместить в карантин.

Бонд рассмеялся:

— Зимний спорт поглощает много энергии. Все эти снежки, катание на санках. А вообще-то вчера вечером я был на предрождественском маскараде. Задержался там до петухов.

— В этих огромных уродливых ботинках! Не верю.

— Да ну тебя, в самом деле. Это было на катке. Я серьезно, Мэри. В чем дело? И почему такой прием по высшему разряду?

— М. распорядился. Тебе сначала нужно отметить в штаб-квартире, а затем он приглашает на обед — к себе на «ют». Затем после обеда к нему придут те люди, с которыми ты хотел побеседовать. Все весьма срочно. Поэтому я и подумала, что мне лучше быть рядом. А так как ты испортил Рождество многим людям, мне пришлось, как и другим, отказать от празднования. А вообще, если хочешь знать, я уже отпраздновала Рождество со своей тетей. И ненавижу я индейку и сливовый пудинг. Во всяком случае, я просто не хотела пропустить такое развлечение и, когда час назад

дежурный офицер нашел меня и сказал, что объявлен общий сбор, попросила по дороге в аэропорт захватить и меня.

— Очень мило с твоей стороны,— серьезно сказал Бонд.— Нам придется, не откладывая в долгий ящик, подготовить отчет — на основе разрозненных фактов. Потом надо задействовать лабораторию. Там кто-нибудь есть?

— Конечно. Должны быть. Знаешь, М. настоял, чтобы в каждом отделе, невзирая на Рождество или еще что, дежурило необходимое число сотрудников. А если серьезно, Джеймс, действительно пришлось нелегко? Выглядишь просто ужасно.

— Да, досталось. Когда начну диктовать, поймешь.— Машина остановилась у входа в квартиру Бонда.— Теперь будь так добра, расшевели Мэй, пока я буду приводить себя в порядок и сброшу с себя эту чертову одежду. Заставь ее сварить мне много черного кофе и добавить в кофейник пару стаканчиков самого лучшего виски. Попроси у Мэй все, что захочешь. У нее может даже быть сливовый пудинг. Сейчас 9.30. Будь паинькой, позвони дежурному офицеру и скажи, что я выполняю приказание М. и к 10.30 буду в его распоряжении. И попроси его предупредить лабораторию, чтобы через полчаса были наготове.— Бонд вытащил из заднего кармана свой паспорт.— Вот это передай водителю, скажи, чтобы он пулей доставил паспорт лично дежурному офицеру. Передай дежурному,— Бонд загнул уголок одной страницы,— чтобы он проинформировал лабораторию о том, что чернила, э-э, как бы это сказать, домашнего изготовления. Их нужно нагреть. Они поймут. Ясно? Молодчина. Теперь пойдем, постараемся расшевелить Мэй.— Бонд поднялся по ступенькам и позвонил. Два коротких и один длинный звонок.

Когда почти в 10.30 — на несколько минут он все-таки задержался — Бонд подошел к своему столу, чувствуя себя теперь почти человеком, он обнаружил там папку с красной звездой в верхнем правом углу что означало «Совершенно секретно». В папке лежал его паспорт и дюжина фотокопий увеличенной страницы под номером 21. Список с фамилиями девушек выглядел блекло, но читать было можно. Кроме того, в папке лежала записка с пометкой «Лично». Бонд развернул ее и рассмеялся. Все коротко и ясно: «В чернилах избыток мочевины, что, как правило, свидетельствует о наличии избыточного количества алкоголя в крови. Минздрав предупреждает!» Подписи не было. Рождественское

настроение прокралось даже в этот уголок одного из самых секретных отделов, оно прокралось в здание штаб-квартиры. Бонд смял бумажку, а затем, подумав о том, что Мэри Гуднайт способна к ясновидению, для верности поднес ее к зажигалке.

Она вошла и села, держа в руках блокнот для стенографии.

— Это только черновик, — сказал Бонд, — но его нужно сделать быстро. Не обращай внимания на ошибки. М. поймет. Если к обеду я должен попасть в Виндзор, то у нас только полтора часа. Как, справишься? Хорошо, тогда диктую. «Совершенно секретно. Лично М. В соответствии с инструкциями 22 декабря в 13.30 я прилетел в центральный аэропорт Цюриха рейсом „Свиссэр“ для установления первых контактов в связи с операцией „Корона“...»

Бонд встал боком к секретарше и, продолжая диктовать, смотрел на оголенные деревья Риджентс-Парка, вспоминая по минутам все, что произошло с ним за последние три дня. Резкий и безвкусный запах воздуха и снега, темно-зеленые озера глаз Блофелда, ребро ладони своей левой руки, все еще опухшей, хруст открытой для удара шеи охранника. И затем все остальное вплоть до Трейси, которую, не говоря о своем романе с ней, он также упомянул в отчете: она сейчас на пути в Мюнхен, гостиница «Вир Ярезитен». Он отчитался. Из-за закрытой двери слышался приглушенный стук пишущей машинки Мэри. Сегодня вечером он позвонит Трейси, как только придет домой. Он даже уже слышал ее смеющийся голос на другом конце провода. Он забыл о страшном сне, привидевшемся ему на самолете. Теперь оставалось лишь с замиранием сердца ждать счастливых грядущих дней. Бонд растерялся — столько предстояло сделать: как получить отгулы, как достать необходимые бумаги, где в Шотландии обвенчаться? Но он взял себя в руки, захватил фотокопию списка с именами девушек и отправился в центр связи, чтобы передать информацию по телетайпу на пост «Зет».

М. хотел бы жить у моря — рядом с Плимутом или, может быть, Бристолем. Там, где он мог бы встречаться с сотрудниками в любое время, когда ему заблагорассудится, а по ночам слушать шум моря. Но так как он был вынужден постоянно находиться в пределах обычной телефонной связи с Лондоном, пришлось выбирать из всех зол меньшее, он все-таки поселился рядом с водой и среди деревьев — в небольшом старом доме на краю Видзорского леса. Земля эта принадлежала королевской семье, и Бонд всегда подозревал,

что этот фактор был определяющим в решении М. арендовать здание — ну знаете, «с соизволения и по именному указу...». Глава Секретной службы получал 5 тысяч фунтов в год. За ним был закреплен древний «Роллс-ройс» с водителем. От флота (как вице-адмирал в отставке) он, вероятно, получал еще тысячи полторы. После выплаты налогов на жилье оставалось около четырех тысяч. Чтобы сносно существовать в Лондоне, нужно было потратить по крайней мере половину этой суммы. Содержание в сельской местности такого прекрасного дома в стиле английский ампира было для него возможно только в том случае, если арендная плата и местные налоги не превышали 500 фунтов.

Вот такие мысли бродили в голове Бонда, когда он дернул за язык медного колокола, снятого с корабля военноморских сил, носившего название «Упорный», — боевого крейсера, который был последним местом службы М. Хаммонд, старшина первой статьи, также служивший на флоте вместе с М. и последовавший за ним в отставку, встретил Бонда как старого друга и проводил в кабинет М.

У М. была одна из привычек закоренелых холостяков. Он рисовал акварели. Он рисовал только дикие орхидеи, растущие в Англии, в скрупулезной, никем не инспирированной манере натуралистов XIX века. Сейчас М. сидел с мольбертом у окна; вернее его широкая спина сгорбилась над рисовальной доской, на которой, прямо перед ним, в стаканчике, используемом для чистки зубов, теперь до краев наполненном водой, стоял весьма невзрачный маленький цветок. Когда вошел Бонд и закрыл за собой дверь, М. еще раз, напоследок, внимательно, оценивающе посмотрел на цветок. Потом поднялся навстречу гостю с явной неохотой. Но тут же подарил Бонду одну из своих редких улыбок.

— Добрый день, Джеймс, — сказал он. (М. неукоснительно придерживался флотской традиции отмечать наступление полудня.) — Счастливого Рождества и всех благ. Можно взять вон тот стул.

Сам М. обошел письменный стол и расположился в кресле. Он был почти готов приступить к своим обязанностям. Бонд автоматически сел на свое традиционное место — через стол, напротив шефа.

М. начал набивать трубку.

— Как, черт побери, зовут того толстого американского детектива, который вечно бездельничает, занимается орхидеями, этими неприличного вида гибридами венесуэльского происхождения, и еще бог знает чем? Весь в поту он выходит из оранжерей с орхидеями, съедает гигантское блюдо

какого-то иностранного дерьма и запросто распутывает убийства. Ну, как же его зовут?

— Ниро Вульф, сэр. Истории о нем написаны одним парнем по имени Рекс Стаут. Истории, надо сказать, забавные.

— Читать можно, — снизошел М. — Но меня в этой писанине в первую очередь интересует все, что связано с орхидеями. Как, черт возьми, могут нравиться эти отвратительные цветы? Ведь они все равно как звери. А расцветка — розовая, розовато-лиловая, и эти пятнистые желтые язычки. Отталкивающее зрелище. А вот это, — М. показал на худосочный цветочек в стакане, — это настоящая прелесть. «Осенние женские локоны» — *Spirantes spiraes*. Правда, это не совсем то, что мне нравится. Цветы в Англии стоят лишь до октября, сейчас уже все попрятались. Этот же заставили вырасти, и дал его мне человек, которого я хорошо знаю. Он помогает одному господину по имени Саммер Хейс, а тот известен как король орхидей в нашем приходе. Мой друг экспериментирует с грибковыми культурами, которые, как ни странно, паразитируют на орхидеях, а те, в свою очередь, пожирают их, так как служат для орхидей основным продуктом питания. По-научному это называется «микориза». — М. улыбнулся еще раз, а это случалось не часто. — И даже записывать ничего не нужно. Просто выдрать еще одну страницу из книги об этом парне Ниро Вульфе. Однако, — М. поменял тему разговора, — вряд ли вас это очень волнует. Ну что ж, — он откинулся в кресле, — что там еще приключилось? — Серые глаза внимательно следили за Бондом. — Похоже, спать вам не давали. Говорят, на горнолыжных курортах сейчас самое веселое время.

Бонд улыбнулся. Он залез во внутренний карман и вытащил скрепленные листки бумаги.

— Вот это обеспечило мне массу разнообразных развлечений, сэр. Может быть, сначала вы взглянете на мою докладную. Правда, это только черновик. Времени было мало. Но я могу сделать соответствующие разъяснения в случае необходимости.

М. взял бумаги, поправил очки и начал читать.

Мелкий дождь скребся в окна. В камине, прогорев, упало большое полено. Тишина убаюкивала. Бонд разглядывал стены, на которых была развешена коллекция гравюр с морскими сюжетами, которой М. очень дорожил. Везде были изображены бушующие волны, стреляющие орудия, наполненные ветром паруса, изорванные в клочья боевые знамена — ярость древних сражений, память о старых врагах —

французах, голландцах, испанцах, даже американцах. Все в прошлом. Теперь все они друзья. Так что же — врагов не осталось? Ну а кто тогда стоит за спиной Блофелда в этом загадочном заговоре, к которому негодяй несомненно причастен. Русские? Китайцы? Или это «собственное дело», самодеятельность, как в случае с операцией «Гром»? И в чем состоит заговор? Что это за работенка, защищая которую, шесть или семь человек Блофелда погибли меньше чем за неделю. Увидит ли М. во всем этом смысл? Смогут ли это сделать эксперты, которые появятся во второй половине дня? Бонд посмотрел на левое запястье и вспомнил, что у него больше нет часов. Ему, конечно, оплатят новые. Он купит их на второй день после Рождества, как только откроются магазины, все в этот день что-нибудь дарят друг другу. Опять «Ролекс»? Наверное. Немного тяжеловат, но это неплохо. И в темноте хорошо различаешь большие светящиеся цифры. Где-то в холле пробили часы — 1.30. Как раз двенадцать часов назад он устроил ловушку, в которую угодили те трое на «Мерседесе». Он только защищался, а, впрочем, Рождество отпраздновал на славу!

М. бросил бумаги на стол. Его трубка погасла, и он стал медленно ее раскуривать. Используя спичку аккуратно бросил через плечо в камин. М. положил руки на стол ладонями вниз.

— Вам здорово повезло, Джеймс, что выбрались отсюда, — сказал он. Голос его звучал почти нежно. — Не знал, что вы умеете стоять на горных лыжах.

— Я просто старался не упасть, сэр. Но еще раз попробовать не хотел бы.

— Конечно нет, но тем не менее вы никак не можете понять, что затеял Блофелд?

— Так точно, сэр. Никак не возьму в голову.

— И я не понимаю. Хоть убей, ничего не понимаю. Может быть, ученые нам сегодня помогут. Но одно очевидно: СПЕКТР опять действует. Между прочим, ваша наколка там, в Понтресине, оказалась верной. На фирме работал болгарин. Не могу вспомнить его имя, но Интерпол сдал его нам. Он специалист-взрывник, пластиковые мины. Работал на КГБ в Турции. Если правда, что «У-2», который пилотировал этот парень Пауэрс, был взорван миной замедленного действия, а не сбит ракетой, то, возможно, следы приведут к этому человеку. Он был в списке подозреваемых. Затем стал работать самостоятельно, организовал собственное дело. Вероятно, в это время его подобрал СПЕКТР. Мы сомневались в том, что вы опознали действительно Блофел-

да. Очень помогла наводка в Понтресине. Вы абсолютно уверены, что это он? Конечно, с лицом своим и телесами, кажется, проделал большую работу. Надо бы воспроизвести его сегодня вечером на нашем фотороботе. Посмотрим на него, а затем послушаем точку зрения наших коллег медиков.

— Полагаю, что это он, сэр. То, что это он, я почувствовал в последний день. Точнее, вчера. А кажется, что это было так давно.

— Вам повезло, что столкнулись с этой женщиной. Кто она? Ваша старая любовь? — Уголки губ М. загнулись вниз.

— Вы почти угадали, сэр. Я упоминал о ней в той докладной, когда впервые писал, что Блофелд находится в Швейцарии. Она дочь того человека — Драко, он глава Корсиканского союза. Ее мать была английской гувернанткой.

— Гм-м. Интересная комбинация. Ну, достаточно. Время обедать. Я попросил Хаммонда, чтобы нас не беспокоили. — М. поднялся и позвонил в колокольчик, стоявший на камине. — Боюсь, что нам придется пройти через всю эту процедуру с индейкой и сливовым пудингом. Миссис Хаммонд колдовала над своими горшками и сковородками несколько недель. Черт бы побрал эту сентиментальную чепуху.

В дверях появился Хаммонд. Бонд проследовал за М. в небольшую столовую, расположенную за залой, стены которой гордо сверкали образцами еще одного любимого занятия М., — он собирал морские абордажные сабли всех времен и народов. Они сели.

— Ну, начинайте, старшина первой статьи Хаммонд. Что там у вас, — произнес М. с напускной суровостью. И вдруг взорвался на полном серьезе: — А эти чертовы штуки что здесь делают? — И он показал на середину стола.

— Крекеры, сэр, — бесстрастно произнес Хаммонд. — Миссис Хаммонд подумала, что раз у вас гости...

— Выкинуть немедленно. Подарите их школьникам. До сих пор я во всем соглашался с миссис Хаммонд, но, черт меня побери, я не дам превратить свою столовую в ясли.

Хаммонд улыбнулся:

— Слушаюсь, сэр. — Он собрал аппетитные крекеры и исчез.

Бонду не терпелось выпить. Он пропустил рюмочку очень старой «Марсалы» и осушил почти полную бутылку очень плохого алжирского вина.

М. выпил свои две рюмки так, как будто бы это было «Шато Лафитт».

— Старое, доброе зелье — прекрасно идет. Основной напиток моряков средиземноморского флота. К нему не сразу привыкаешь, продирает насквозь. Помню, служил у меня на корабле некто Маклаклан, старший артиллерийский офицер. Так вот он поспорил, что сможет выпить шесть бутылок этого пойла. Совсем очумел. Уже после трех он растянулся на полу каюты. Пейте, Джеймс! Пейте!

Наконец, подали пудинг, который по традиции облили спиртным и подожгли. Миссис Хаммонд запекла в нем несколько дешевых серебряных безделушек, и М. чуть не сломал зуб о миниатюрную подкову. Бонду досталась холостяцкая пуговица. Он подумал о Трейси. Лучше бы ему попалось кольцо!

21

СОТРУДНИК МИНИСТЕРСТВА СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА И РЫБОЛОВСТВА

Они пили кофе в кабинете М. и курили тонкие черные сигары. М. позволял себе выкурить только две штуки в день. О свою сигару Бонд обжег язык. М. продолжал рассказывать разные морские истории, которые Бонд мог слушать весь день. Это были рассказы-легенды о морских сражениях, страшных бурях, странных происшествиях, об опасностях, которых чудом удалось избежать, о военных трибуналах, эксцентричных выходках офицеров, о курьезных сигналах, которые подают друг другу проходящие мимо корабли, — так адмирал Соммервилль, командир линкора «Королева Елизавета», обогнав посреди Атлантики пассажирский лайнер «Королева Елизавета», поднял на мачте сигнал: «Пardon — тороплюсь!» Вероятно, все эти истории больше подходили для детских приключенческих книг, но в рассказах ни слова выдумки — все сушая правда: великий флот, которого уже не было, славное поколение офицеров и матросов, которых мы больше никогда не увидим.

Пробило три часа. На гравии перед домом скрипнули колеса автомобиля. В комнату стали заползать сумерки. М. поднялся и включил свет. Бонд поставил к столу еще два кресла.

— Это 501, — сказал М. — Вы с ним встречались. Он возглавляет научно-исследовательский отдел. С ним должен

быть человек из министерства сельского хозяйства, его зовут Франклин. 501 говорит, что он специалист высшей категории, собаку съел в своем деле, я имею в виду борьбу с сельскохозяйственными вредителями. Не знаю, почему министерство решило послать именно его, но министр сказал мне, что у них какие-то неприятности, конкретно ничего не сообщил. Они думают, что вы попали в самую точку, вышли на большое дело. Мы позволили им ознакомиться с вашей докладной, посмотрим, что это даст. Не возражаете?

— Конечно нет, сэр.

Дверь отворилась, и в комнату вошли двое.

Номер 501 из Секретной службы по фамилии, как вспомнил Бонд, Лезерс оказался сутулым, хотя и крепко сбитым, ширококостным мужчиной. Толстые стекла очков придавали ему вид мнимого ученого. На лице у него была приятная полуулыбка, с М. он говорил исключительно почтительно, но не заискивая, игнорируя слепую субординацию. Он был соответственно случаю одет в ворсистый твидовый костюм. Шерстяной вязаный галстук повязан ниже верхней пуговицы воротника. Другой человек был небольшого роста, с оживленными, стреляющими по сторонам изумленными глазами. Как подобает официальному представителю министерства, ответственному сотруднику, получавшему инструкцию лично от министра, и еще потому, что не имел никакого понятия о каких-либо секретных службах, он решил вырядиться в темно-синий полосатый костюм и рубашку со стоячим белым воротничком. Его черные ботинки эффектно блестели. Равно как и кожа его толстого портфеля. Приветствовал он всех сдержанно, нейтрально. Не совсем был уверен, где же он находится и что все это значит. Он собирался действовать весьма осмотрительно при определении своей позиции в этом деле, решил тщательно взвешивать каждое произносимое им слово, чтобы, не дай бог, не сказать лишнего, отдувайся потом в министерстве. «Вот из таких людей,— заметил про себя Бонд,— и состоит правительство».

Когда стороны обменялись соответствующими приветствиями и извинениями — ну как же, на дворе Рождество, а они вынуждены заниматься делами,— все расселись по креслам.

— Господин Франклин,— сказал М., — простите, что я начинаю с этого, но хотел бы предупредить — все, что вы увидите и услышите в этой комнате, попадает под действие закона о государственных секретах. Конечно, и в вашем министерстве секретов хватает, это понятно. Тем более уверен, что со всей серьезностью отнесетесь к секретной инфор-

мации, которой располагает министерство обороны. Могу ли я просить вас не вести разговоры о том, что здесь услышите, ни с кем, кроме вашего министра?

Господин Франклин слегка кивнул в знак молчаливого согласия.

— Министр предупредил меня. По роду своей деятельности в министерстве мне приходится работать с совершенно секретными материалами. Вы можете не сомневаться в том, что соответствующий допуск у меня имеется. А теперь, — он обвел присутствующих взглядом, не скрывая своего любопытства, — скажите, в чем, собственно, дело. Я практически ничего не знаю, кроме того, что кто-то сидит на вершине одного из альпийских пиков, усиленно печется об улучшении пород нашего скота и развитии сельского хозяйства. Весьма благородно с его стороны. Тогда почему мы относимся к этому человеку так, как будто бы он украл наши атомные секреты?

— Вообще-то однажды он уже это сделал, — сухо заметил М. — А сейчас я хотел бы, чтобы для пользы дела и вы, и господин Лезерс ознакомились с докладной запиской, составленной моим сотрудником, который присутствует здесь. В докладной встречаются кодовые названия и другие непонятные вам ссылки, не обращайтесь на них внимания. Вся эта история понятна и без них. — И М. передал 501 докладную Бонда. — Большинство приведенных здесь фактов для вас тоже будет новостью. Начинайте читать постранично и передавайте прочитанное господину Франклину.

В комнате воцарилось длительное молчание. Бонд разглядывал ногти и слушал шум дождя за окнами, тихое потрескивание поленьев в камине. М., сгорбившись, сидел в кресле, дремал. Бонд закурил сигарету. От щелчка ронсоновской зажигалки М. лениво открыл глаза и затем снова закрыл их. 501 передал последнюю страницу и выпрямился. Франклин закончил чтение, собрал страницы вместе и аккуратно положил их перед собой. Он посмотрел на Бонда и улыбнулся:

— Вам повезло, что выбрались.

Бонд ответил улыбкой, но ничего не сказал.

М. повернулся к 501.

— Ну, что скажете?

501 снял толстые очки и протер их платком далеко не первой свежести.

— Я не вполне понимаю, сэр, чего мы, собственно, хотим, чего добиваемся? Если бы мы не знали, что из себя представляет этот Блофелд, все выглядело бы вполне бла-

гопристойно, более того — заслуживало всяческого поощрения. То, чем он занимается, технически выглядит следующим образом. Он заполучил десять или, скорее, одиннадцать девушек, считая ту, что уже уехала, являющих собой подходящий объект для воздействия глубоким гипнозом. Все они простолюдинки из сельской местности. Существенно, что одна из них, по имени Руби, дважды проваливалась на школьных экзаменах. Очевидно также, что все они страдают, и нет никаких причин в это не верить, определенными и довольно-таки обычными формами аллергии. Мы не знаем, как они заболели аллергией, не знаем исходных точек болезни, но это и не так важно. Вероятно, это заболевания психосоматического характера — неблагоприятная реакция на птиц, скажем, вещь весьма распространенная, равно как и аналогичная реакция на домашний скот. Меньшее распространение получили те формы аллергии, которые характеризуются положительной реакцией на злаки, растения. Блофелд, по-видимому, пытается лечить подобные формы аллергии при помощи гипноза. И он не просто лечит, он вырабатывает у пациента определенное влечение к источнику аллергии, вызывавшему ранее только отвращение. Например, в случае с Руби, как видно из докладной, ее убедили «полюбить» цыплят, постараться «улучшить их породу» и т. п. Механические средства лечения практически очень просты. Стук метронома, работающего в одном ритме с пульсом, и отдаленные жужжащие звуки — все это обычные приемы гипноза, к ним чаще всего прибегают поздним вечером, когда человека клонит ко сну, а тех, кто уже заснул, пробуждают резким ударом колокола. Распевная манера, властный шепот — это обычные при работе гипнотизера манипуляции голосов. У нас нет данных о том, какие лекции посещали эти девушки и что они читали, но можно предположить, что все это дополнительные факторы влияния на их сознание в направлении, необходимом Блофелду. В медицинской практике масса примеров действенности гипноза. Есть хорошо описанные случаи успешного лечения подобным образом таких трудно поддающихся исцелению заболеваний, как бородавки, некоторые разновидности астмы, недержание мочи, заикание, даже алкоголизм, наркомания и гомосексуальные наклонности. Хотя Британская медицинская ассоциация официально не одобряет деятельность практикующих гипнотизёров, вы бы удивились, сэр, узнав, как много врачей в качестве последнего средства, в частности при лечении алкоголизма, прибегают к услугам квалифицированных гипнотизеров. Но это так, между про-

чим. Все, что я могу добавить к нашему разговору, сводится к следующему: идеи Блофелда не новы, методы, применяемые им, полностью эффективны.

М. кивнул.

— Благодарю вас, господин Лезерс, а теперь, не смогли бы вы, покинув строго научные позиции, рискнуть высказать самые невероятные предположения, дерзкие догадки, которые могут оказаться полезными в свете обсуждаемой нами проблемы. — На лице М. промелькнула улыбка. — Заверяю, цитировать вас мы не станем.

501 нервно провел рукой по волосам.

— Хорошо, сэр. Может быть, это чушь, но пока читал докладную, меня неотвязно преследовали некоторые мысли. Это заведение обошлось Блофелду в копейчку. И не столь важно то, какие цели — благородные или подлые — он преследует, насколько мы можем судить, благородством он никогда не отличался, важно узнать, кто же за все это платит? Что побудило его заняться исследованиями именно в данной области и найти для этого источники финансирования? Сэр, как ни странно это звучит, — ведь, извините за сравнение, стоит ли искать воров, забравшихся в квартиру, под собственной кроватью, — но нельзя забывать, что признанными лидерами в этой области еще со времен Павлова и его слюнявых собачек были русские. Осмелюсь напомнить, сэр, что во время первого полета человека в космос, когда на орбите оказался русский, я подготовил докладную записку о физиологических параметрах космонавта Юрия Гагарина. Я тогда же обратил внимание на то, как прост, доступен этот человек, и отметил, в частности, его исключительно уравновешенное поведение во время грандиозной, почти истеричной встречи в Лондоне. Сдержанность, уравновешенность никогда не покидали его, а если помните, по просьбе руководства наших ведомств, занимающихся ядерными исследованиями, мы держали его под негласным наблюдением в течение всего визита и во время последующих поездок Гагарина за границу. Это открытое улыбчивое лицо, сэр, эти ясно смотрящие на мир невинные глаза, чрезвычайная физиологическая простота этого человека, все, вместе взятое, как я отметил в докладной, делали его идеальным объектом для гипноза. И я рискнул сделать предположение о том, что чрезвычайно сложные манипуляции, которые он должен был проделывать в космической капсуле, Гагарин выполнял в состоянии глубокого гипноза. Хорошо, хорошо, сэр, — 501 взмахнул рукой, — да, мои выводы были признаны фантастическими. Но раз вы спросили, сэр, я решился

повторить их. Словом, я выдвигаю версию, согласно которой та неизвестная держава или, вернее, сила, которая стоит за Блофелдом во всей этой истории, по всей видимости — русские. — Он повернулся к Бонду. — Имелись ли какие-либо признаки того, что русские вдохновляют работу и руководят этим славным заведением «Глория»? Попадался ли вам там кто-нибудь из русских?

— Ну да, там был этот капитан Борис. Я его никогда не видел, но он определенно русский. Больше, пожалуй, ничего, если не считать тех трех молодцов, работающих на СПЕКТР, которые, по-моему, весьма похожи на бывших сотрудников СМЕРШа. Но они — всего лишь часть обслуживающего персонала, американцы называют таких «механиками».

501 пожал плечами.

— Боюсь, что это все, чем я могу быть полезен, сэр, — сказал он, обращаясь к М. — Но если исходить из того, что здесь что-то нечисто, то, даю голову на отсечение, этот капитан Борис — либо тот, кто заказывает музыку, либо тот, кто наблюдает за ходом работ. А Блофелд — как бы независимый владелец названного заведения. Это соответствует схеме и характеру прежнего СПЕКТРа, они — наемники, независимая банда, работающая на любого, кто готов им платить.

— Вероятно, вы в чем-то правы, господин Лезерс, — задумчиво произнес М. — Но, черт побери, зачем все это? — Он повернулся к Франклину. — А что вы скажете, господин Франклин, что вы обо всем этом думаете?

Человек из министерства сельского хозяйства и рыболовства закурил маленькую трубку с отполированной пальцами поверхность. Держа ее между зубами, он нагнулся к своему портфелю и достал какие-то бумаги. Из них он извлек контурную карту Англии и Северной Ирландии и разгладил ее на столе. Карта была усеяна скоплениями условных обозначений в одних местах и зияющими пустотами в других.

— На этой карте, — сказал он, — указаны все сельскохозяйственные и животноводческие ресурсы Англии и Северной Ирландии. Без пастбищ и лесов. Итак, ознакомившись с докладной, сначала я пришел в полное замешательство. Как сказал господин Лезерс, эти эксперименты кажутся абсолютно безобидными. Более того, если использовать его выражение, они заслуживают всяческих похвал. Но, — Франклин улыбнулся, — вы, джентльмены, чувствуя подвох, постоянно озабочены тем, что происходит на темной стороне Луны. И, соответственно, я перестроил ход своих мыслей.

В результате появилось и укоренилось во мне ужасное подозрение. Вероятно, эти черные мысли пришли мне на ум в результате того, что я как бы взглянул на мир по-новому, через призму ваших взглядов и представлений.— При этом он неодобрительно посмотрел на М.— Кроме того, в моем распоряжении имеется одно свидетельство, которое может стать решающим. Извините, но в докладной не хватает одной страницы, а именно — списка девушек и их адресов. Такой список существует?

Бонд достал фотокопию из внутреннего кармана пиджака.

— Прошу прощения, но я не хотел рассеивать ваше внимание, перегружать информацией.— Он подтолкнул листок через стол господину Франклину.

Франклин сразу же нырнул в него.

— Так и есть,— сказал он минуту спустя, голос его при этом подозрительно дрожал,— нашел.— Он тяжело откинулся в кресле.— Теперь я все понял.— Казалось, однако, что он никак не может поверить в то, что вычитал в списке.

Три человека, сидящие рядом, следили за ним с напряжением, веря ему, так как видели выражение его лица. И они ждали, что он скажет.

Франклин вытащил из нагрудного кармана красный карандаш и склонился над картой. Заглядывая время от времени в список, он отметил красными кружочками не связанные между собой, как казалось, географические точки Англии и Северной Ирландии, но Бонд заметил, что округлил он как раз те районы, где условные обозначения просто налезали один на другой, произошло наложение данных.

— Абердин — овцеводство,— начал он свой комментарий, продолжая заполнять карту кружками,— Девон — красный комолый скот, Ланкашир — домашняя птица, Кент — фрукты, Шеннон — картофель. Таким образом он нанес на карту десять кружков. Затем его карандаш завис над Восточной Англией, и он поставил большой крест. Он поднял голову, бросил карандаш.— Индюшатина,— сказал он.

Тишина повисла в комнате.

— Так что, что вы этим хотите сказать? — с раздражением воскликнул М.

Человек из министерства сельского хозяйства и рыболовства не считал, что им может помыкать какой-то, пусть даже высокий, чин из другого министерства. Он нагнулся и снова покопался в своем портфеле. Вытащил еще несколько бумаг. Выбрал из них одну. Это была вырезка из газеты.

— Не думаю,— сказал он,— чтобы у вас, джентльмены, было время читать в газетах о новостях сельского хозяйства, Вот, однако, статья из «Дейли телеграф», появившаяся в начале декабря. Я не буду читать все. Это заметка их корреспондента по сельхозотделу. Хороший парень, Томас. Заголовок: «Индюшки внушают озабоченность. Чума среди птиц». Вот послушайте: «Поставки индеек на рождественский рынок могут быть прерваны в связи с недавней вспышкой эпидемии, в результате которой пришлось забить большое количество птиц...» и далее: «По имеющимся данным, забито 218 000 птиц... в прошлом году общие поставки на рынок под Рождество составили 3,7—4 миллиона штук, теперь все зависит от дальнейшего развития событий».— Господин Франклин отложил вырезку.— Эта новость была только вершиной айсберга,— сказал он печально.— Нам удалось скрыть от прессы подробности. Но здесь я могу говорить открыто, не так ли, джентльмены? В течение месяца с небольшим нам пришлось забить три миллиона индеек. Но мало того. Эта птичья чума распространяется по всей Восточной Англии, первые сигналы есть уже и из Гемпшира, другого центра разведения индеек. За обедом, не сомневаюсь в этом, вы ели сегодня птицу-иностранку. Мы дали санкцию на импорт двухмиллионной партии из Америки, чтобы избежать дефицита.

— По мне,— сказал М. желчно,— вообще бы их не было, готов ни разу в жизни не съесть больше ни одной. Однако вполне разделяю вашу озабоченность. Но вернемся к интересующему нас вопросу. Куда же заведут нас индюшки?

Франклин веселости М. не разделял.

— Есть одна зацепка,— сказал он.— Раньше других болезнью оказались поражены особи, побывавшие на Национальной ярмарке домашней птицы, что проходила в начале этого месяца в Олимпии. Но прежде чем мы пришли к этому заключению, прежде чем нащупали ниточку, все выставочные павильоны уже вычистили и выскребли для очередной ярмарки, и никакого вируса на той территории мы найти не смогли. Я говорю вируса, потому что эта птичья чума таковым и является, это высокотоксичный вирус со 100-процентным смертельным исходом. А теперь позвольте спросить, что вам, джентльмены, известно,— он достал из портфеля брошюру белого цвета, изданную в Соединенных Штатах,— о биологической войне?

— Косвенно мы занимались этим вопросом во время войны,— сказал Лезерс.— Но в конечном итоге ни одна из сторон не решилась прибегнуть к подобным средствам. Где-

то в 1944-м у американцев был план уничтожения всего урожая риса в Японии с помощью распылителей. Но президент Рузвельт, насколько помню, наложил вето на эту затею.

— Правильно,— сказал Франклин.— Абсолютно правильно. Но эта идея все еще не умерла. И все еще блуждает по коридорам моего министерства. Так случилось, что наша страна одна из самых развитых в области сельского хозяйства. Мы были вынуждены развивать эту отрасль, чтобы не погибнуть от голода во время войны. Таким образом, теоретически мы являемся идеальной мишенью для подобного биологического нападения.— Он медленно опустил руки на стол, подчеркивая значимость того, что собирался сказать.— Не думаю, джентльмены, что нужны еще какие-либо пояснения. Если такое нападение произойдет и нам придется подсчитывать забитую птицу и животных или погибший урожай, мы станем банкротами в течение нескольких месяцев. Образно говоря, нас поставят на колени, мы будем вымаливать хлеб насущный!

— Никогда об этом не думал,— задумчиво сказал М.— Но похоже на правду.

— Вот здесь,— продолжал Франклин, держа в руках брошюру,— здесь изложена позиция, занимаемая по данному вопросу нашими друзьями в Америке. Здесь также рассматриваются в свете последних научных открытий вопросы химической и радиологической войны, но нас они пока не интересуют, а вот американцы придумали уже даже соответствующие аббревиатуры — ХВ, БВ, РВ. Этот документ сената США от 29 августа 1960 года подготовлен Подкомитетом по разоружению Комитета внешних сношений. Мое министерство согласно с общими выводами, изложенными здесь в отношении БВ — биологической войны. При этом, однако, очевидно — и мы не можем не принимать такой фактор во внимание,— что Америка страна огромная, а мы государство островное, располагающее сравнительно небольшой территорией. Бактериологическая война нанесет нам в тысячу раз больший урон, чем Штатам. Могу я прочесть вам несколько выдержек из этой брошюры?

М. терпеть не мог вникать в проблемы других министерств. С точки зрения разведки, в конечном итоге они все равно стекутся к нему, окажутся у него на столе. Вот почему Бонд не стал скрывать своего удивления, когда увидел, что М. проявил к сказанному вежливый интерес.

— Пожалуйста, пожалуйста, господин Франклин,— произнес он.

Франклин начал читать ровным, поучительным тоном, часто останавливаясь для объяснения отдельных моментов или пропуская не имеющие отношения к делу абзацы.

— Этот раздел, — сказал он, — озаглавлен «Биологическая война, оружие и защита». Вот что тут написано: «Биологической войной часто называют ведение боевых действий с помощью бактериологического, бактериального или вирусного оружия; термин этот используется чаще других, так как подразумевает широкий охват всех применяемых компонентов — микроорганизмов, насекомых и других вредителей, а также токсичных продуктов растительной и животной жизни. На вооружении имеются пять групп отравляющих веществ, которые могут быть использованы для ведения боевых действий в условиях биологической войны, включая некоторые химические компоненты, применяемые для сдерживания роста растений или их уничтожения:

Микроорганизмы (бактерии, вирусы, риккетсия, грибки, протозоа).

Токсины (микробные, животные, растительные).

Переносчики болезни (членистоногие насекомые и клещи, а также птицы и животные).

Паразиты и вредители (животные и растительные).

Химические компоненты антиурожайности (замедлители роста, гербициды, дефолианты).

Средства ведения биологической войны, равно как и войны химической, различаются по своим свойствам; в зависимости от избираемого для ведения боевых действий вещества достигается та или иная степень поражения противника: это может быть, скажем, временная недееспособность с незначительными побочными эффектами или серьезные заболевания с многочисленными смертельными исходами. Помимо чисто научной классификации, вещества, используемые как средства ведения биологической войны и войны химической, отличаются друг от друга и другими характеристиками. Инкубационный период при применении биологического оружия равен дням, иногда неделям». (Франклин оторвался от бумаг: «Вы понимаете, что я имел в виду, когда говорил об Олимпии?») «Это вещества замедленного действия, в то время как химическое оружие поражает в течение нескольких секунд может оно действовать и в течение нескольких часов. Химические

вещества легче обнаружить, нежели биологические, и в случае обнаружения последних часто не остается времени для принятия каких-либо мер». (Франклин снова обвел всех взглядом.) «Теоретически биологическое оружие более опасно, чем химическое, хотя оно и не столь эффективно на открытом пространстве, в зависимости от времени дня, степени освещенности оно может утрачивать некоторые свои свойства». — Франклин сделал паузу. Его палец скользнул вниз по странице. — Затем здесь говорится о биологических средствах ведения боевых действий против противника: сибирская язва, тиф, оспа, ботулизм и тому подобное. Да, — палец его остановился, — вот пожалуйста: «Биологические вещества, которые могут быть использованы для поражения домашнего скота:

Бактерии: сибирская язва, три вида бруцеллы и сапа в комбинации.

Вирусы: ящур, чума рогатого скота, лихорадка, везикулярный стоматит, пузырчатая экзема, холера свиней, африканская чума свиней, чума птиц, болезнь Ньюкасла и лошадиный энцефаломиелит». — Франклин, словно извиняясь, поднял глаза от текста. — Прошу прощения за всю эту труднопроизносимую терминологию, но осталось еще немножко. Далее здесь говорится о биологических отравляющих веществах, применяемых для уничтожения урожая; эти вещества, как здесь написано, используются в качестве экономического оружия. Полагаю, что Блофелд в эту схему вписывается идеально. Затем приводится целый список: болеет картофель — засыхает ботва, могут быть поражены стебли зерновых культур, колосья овса, листья сахарной свеклы, гниют горчичные культуры, тот же картофель; или вызывают нашествия насекомых, таких, например, как колорадский жук или нечто под названием гигантская африканская сухопутная улитка. Все это пока нам, наверное, не страшно. Пишут тут и о «химических веществах, применяемых для уничтожения урожая». Но об этом, я думаю, нам тоже не нужно волноваться, так как эти вещества распыляются с самолетов, средства сильные, чертовски опасны. Так, теперь еще кое-что по данному вопросу. — Палец Франклина остановился на следующей странице. — «Природа биологического оружия такова, что дает возможность использования его для скрытых или тайных операций. То, что эти вещества находятся в сильно концентрированной форме, их нельзя обнаружить по запаху, то, что они не сразу воздействуют на жертвы, позволяет спокойно размещать их в достаточном количестве в вентиляционных системах зда-

ний, в воде, на складах продовольствия, а также в других местах; они мгновенно распространяются в крупных населенных пунктах». — Франклин сделал паузу. — А это уже имеет к нам прямое отношение. Помните, я говорил о животноводческих ярмарках, выставках и тому подобном? После такой выставки вирус разносится экспонатами по всей стране. — Он опять обратился к брошюре. — Вот послушайте дальше: «Важным фактором является то, что зона поражения в случае применения биологического оружия значительно превышает по площади зону применения химического оружия. Проведенными исследованиями установлено, что биологическим оружием можно поражать территории в тысячи квадратных миль». — Франклин постучал пальцем по столу. — Нет, каково, а, джентльмены? Мы ведем разговоры о новых отравляющих веществах, о нервно-паралитических газах, которые во время войны изобрели немцы. Мы принимаем меры и контрмеры против радиации и атомной бомбы. А здесь говорится о «тысячах квадратных миль». И об этом заявляет Комитет сената США. Ну, сколько там тысяч квадратных миль на территории Соединенного Королевства и Северной Ирландии, джентльмены? — Он обвел присутствующих внимательным, печальным, без тени юмора взглядом, он прямо взглянул в лицо этим трем высшим офицерам Секретной службы. — А я скажу вам. Этот маленький атолл, на котором мы живем, занимает территорию чуть больше ста тысяч квадратных миль, включая всю Ирландию. — Его потухшие глаза немного оживились. — Теперь я прочту вам последний параграф, и затем, вероятно, — в глазах вновь появилась смешинка, — вы поймете, почему я так разгорячился, хотя, казалось, на дворе такой чудесный праздник единения всех людей. Послушайте, что говорится в разделе «Меры защиты». Итак: «Защита от биологического оружия затруднена; трудности связаны прежде всего со своевременным обнаружением отравляющих веществ, именно в этом уникальность этого вида оружия». (Франклин перевел дыхание и улыбнулся: «Стиль изложения явно хромает, могли бы и подредактировать немного».) «Эти биологические вещества нельзя увидеть, распознать по запаху или определить какими-либо другими физическими методами. До сих пор не разработано никакого способа их быстрого распознавания и идентификации». — Франклин бросил брошюру на стол. Он вдруг улыбнулся широкой счастливой улыбкой. Протянул руку за своей крошечной отполированной трубочкой и стал ее набивать. — Вот и все, джентльмены. Мои доводы исчерпаны.

Господин Франклин торжествовал, это был его день — Рождество, которое он никогда не забудет.

— Благодарю вас, господин Франклин,— сказал М.,— но правильно ли я вас понял? По-вашему, выходит, что этот Блофельд производит биологическое оружие и уже начал его использовать против нашей страны?

— Да,— не дрогнув, ответил Франклин.— Я берусь это утверждать.

— А с чего вы взяли? По мне, так все наоборот, вернее, благая его деятельность таковой и являлась бы, не зная мы этого человека с совершенно другой стороны. Во всяком случае, непонятно, почему вы так категоричны?

Франклин протянул руку и указал на красный крестик, который он поставил над Восточной Англией.

— Это моя первая догадка. Девушка по имени Полли Таскер, которая уехала из «Глории» около месяца тому назад. Она родом откуда-то из этих мест. По условным обозначениям видно, что здесь расположено множество ферм, на которых разводят индеек. Ведь у нее аллергия на индюшатины. Домой она вернулась вдохновленная, перед ней поставили задачу улучшить породу этих птиц. И ровно через неделю после ее приезда происходит самая страшная в истории Англии вспышка птичьей чумы, поразившей индюшек.

Лезерс неожиданно хлопнул себя по бедру.

— Так и есть, Франклин, вы попали в самую точку. Но продолжайте же!

— Далее,— Франклин повернулся к Бонду.— Когда этот офицер заглянул в лабораторию, то он увидел полки, уставленные пробирками с мутной жидкостью. А что, если в пробирках вирусы? Птичья чума, сибирская язва? Бог знает что там могло быть. В докладной сказано, что лаборатория была освещена темно-красным светом. Тогда все сходится. Вирусные культуры не выносят яркого света. А что, если перед отъездом той девушке вручили баллончик с аэрозолем нужного вещества, что, если ей сказали, что в нем находится некий эликсир для индюшек, тонизирующее средство — индюшки от него жиреют и здороваются. Вспомните, разве не к месту тогда весь этот вздор об «улучшении породы», все, о чем шла речь во время сеанса гипноза? А предположим, что девушку попросили поехать в Олимпию на выставку. Вероятно, ее даже попросили устроиться там на работу, чтобы ухаживать за птицей, чтобы просто время от времени разбрызгивать аэрозоль то здесь, то там среди призовых птиц. Баллончик не больше тех, в которых продается пена для бритья. Этого вполне хватит. Ей сказали, чтобы она все

хранила в тайне, так как состав в баллончике запатентован. Вероятно, даже пообещали ей пакет акций компании, если тонизирующее средство даст хорошие результаты. А Блофелд заверил ее, что иначе и быть не может. И все так легко. Нужно всего лишь пройти вокруг клеток — может быть, ей даже дали специальный футлярчик для баллончика,— нагнуться к ограде и пс-ст! И работа выполнена. Легче легкого. Ну что ж, пойдем дальше, задание ей приказали выполнить незадолго до закрытия выставки, так, чтобы до поры до времени все было шито-крыто. А после выставки птичкорекордсменки рассылаются обратно по своим хозяйствам — по всей Англии. Чего же больше! И,— он выдержал паузу,— так оно все и было! Три миллиона дохлых или полудохлых птиц, вся страна — большая свалка дохлятины, да еще валютой надо оплатить незапланированные поставки из-за границы.

В разговор вмешался Лезерс, он был весь красный от возбуждения.

— А все остальные девушки! Они же все из районов опасности! — Он накрыл карту рукой.— Именно эти зоны насыщены соответствующими хозяйствами. Здесь все время проводятся местные выставки — скот, птица. Даже картофель — для него, скажем, подойдет колорадский жук. Свиньям — лихорадка. Боже мой! — В голосе Лезерса появились уважительные нотки.— И как чертовски просто! Всех и хлопот — обеспечить хранение вирусов при правильной температуре. Девушек на этот счет проинструктируют. И к тому же они будут считать себя святыми. Великолепно. Нельзя не отдать Блофелду должного.

М. сидел насупившись, он явно злился на себя оттого, что никак не мог прийти к однозначному решению.

— А вы что обо всем этом думаете? — прорывал он, обращаясь к Бонду.

— Боюсь, что все сходится, сэр. По всей цепочке. Мы знаем Блофелда. На него это вполне похоже. Как раз по его натуре. И не важно, кто ему платит. Он и сам может заплатить. Ведь на таких вещах обогащаются, состояния себе делают. Сыграть на бирже на понижение курса фунта стерлингов или каких-то ценных бумаг. Если Франклин прав, а документы сената США это как раз подтверждают, то можно предположить, что наша валюта, образно говоря, провалится в тартарары вместе со всей страной!

— Ну что ж, джентльмены,— сказал М., поднимаясь,— давайте действовать. Господин Франклин, я прошу проинформировать вашего министра обо всем услышанном. Пусть

сам решает, что и как сказать премьер-министру или членам кабинета. Я приму кое-какие предупредительные меры, в первую очередь через сэра Рональда Вэлланса из Департамента уголовного розыска. Мы должны найти эту девушку Полди, а других взять сразу по их прибытии в Англию. Обходиться с ними будут хорошо. Они не виноваты. Затем нам придется подумать о том, что делать с господином Блоффелдом. — Он повернулся к Бонду. — Вы не могли бы задержаться?

Все попрощались, и М. звонком вызвал Хаммонда, чтобы проводить гостей. Затем он снова позвонил.

— Чаю, пожалуйста, Хаммонд. — Он обернулся к Бонду. — Или лучше виски с содовой?

— Виски, пожалуйста, сэр, — сказал Бонд с чувством безграничного облегчения.

— Дешевый напиток, — прокомментировал М. Он подошел к окну — темно, идет дождь.

Бонд пододвинул к себе карту Франклина и принялся изучать ее. У него мелькнула мысль о том, что в связи с этим делом он узнал массу полезного: он познакомился с людьми редких профессий, проник в их тайны, он вызнал секреты Геральдической палаты и министерства сельского хозяйства и рыболовства. Странно, как разрослось это огромное ветвистое дерево, родившееся из маленького зернышка, посеянного в сентябре, — не сыграй тогда Трейси ва-банк, окажись у нее деньги, чтобы расплатиться в казино, все могло быть по-другому. А как же насчет его письма об отставке? Сейчас оно выглядело бы довольно глупо. Он завяз по уши, это дело захватило его, такого раньше не случалось. Ему опять нравилась его древняя профессия. А теперь, кажется, предстоит окончательно разобраться с Блоффелдом. И он должен будет это сделать, повести всех за собой, организовать. Бонд абсолютно точно знал, что он собирается выложить М., как только подадут чай и виски. Только он мог «провести чистку», нанести решительный удар. Это ему было на роду написано.

Вошел Хаммонд с подносом и сразу же вышел. М. подошел к своему столу, ворчливо предложил Бонду налить себе виски. Сам же взял огромную чашку, скорее похожую на детский ночной горшок, наполненную черным чаем без сахара и молока, и поставил ее перед собой.

— Это очень грязное дело, Джеймс, — помедлив, задумчиво произнес он. — Но боюсь, что все сказанное имеет смысл. Лучше перестраховаться в этой связи. — Он протянул руку к красному телефону, стоявшему рядом с черным, и поднял трубку. Прямая связь с членами кабинета — во

всей Англии не нашлось бы и пятидесяти человек, которые имели доступ к этой телефонной линии.— Соедините меня с сэром Рональдом Вэллансом. Наверное, по домашнему телефону.— Он отпил большой глоток из своей чашки и поставил ее на блюдце.— Это вы, Вэлланс? Беспокоит М. Простите, что нарушил ваш послеобеденный сон.— На другом конце провода послышалось какое-то дружелюбное рычание. М. улыбнулся.— Читаете докладную о проституции среди несовершеннолетних? Ну как не стыдно. Да еще в Рождество. Вы не могли бы заблокировать наш разговор? — М. нажал на большую черную кнопку сбоку от рычага.— Теперь вроде все в порядке. Дело у меня весьма срочное. Помните Блофелда и операцию «Гром»? Да, он опять занялся своими фокусами. Слишком долго объяснять. Утром у вас будет мой доклад по этому вопросу. В дело посвящено также министерство сельского хозяйства и рыболовства. Да, только их и не хватало. Вам понадобится человек по имени Франклин. Один из самых крупных их специалистов в области контроля за болезнями растений и животных. В курсе только он и его министр. Не смогли бы ваши люди поговорить с ним? Запись беседы переправьте мне. Я займусь международной стороной вопроса. Бал правит ваш друг 007. Да, тот самый парень. Он сообщит вам любые дополнительные детали, которые могут понадобиться, когда подключите зарубежные каналы. И вот еще какое дело. Хотя сейчас и Рождество и все такое прочее, но не смогли бы ваши парни постараться немедленно заполучить некую девушку? Ее зовут Полли Таскер. Возраст 25 лет. Живет в Восточной Англии. Да, я знаю, что это чертовски большой район, но она, вероятно, из небогатой семьи, достаток средний, родители занимаются разведением индюшек. Уверен, что фамилия их фигурирует в простой телефонной книге. Не могу дать вам никаких описаний, но она недавно провела несколько недель в Швейцарии. Обратной приехала в последнюю неделю ноября. Только не смейте меня! Конечно, вам это удастся. А когда найдете, то задержите ее за ввоз в страну птичьей чумы! Да, правильно.— М. повторил последнюю фразу.— Да, да, чума, та самая, что убила всех наших индеек.— «И слава богу»,— промурлыкал М., прикрыв трубку рукой.— Нет-нет, я ничего не сказал. С девушкой обращайтесь хорошо. Она не знала, что делает. И скажите ее родителям, что все будет в порядке. Если вам нужен ордер на арест, можете получить его через Франклина. Когда вы ее задержите, скажите об этом Франклину. Он подъедет. Пусть задаст ей парочку простых вопросов. Как только получит от-

веты, девушку можно освободить. Хорошо? Но мы должны ее найти. Вы поймете почему, когда прочтете доклад. И еще одна работенка. Десять девушек, подобных Полли Таскер, в любой момент, начиная с завтрашнего дня, могут возвратиться из Цюриха в Англию или Ирландию. Каждую из них нужно задержать в порту или аэропорту въезда. У 007 имеется список имен и довольно приличное описание каждой. Мои люди в Цюрихе, наверное, смогут предупредить нас об их прибытии. Договорились? Да, 007 сегодня вечером привезет списки в Скотленд-Ярд. Нет, я не могу сказать вам, что все это значит. Слишком длинная история. Вы когда-нибудь слышали о биологической войне? Да, правильно. Сибирская язва и все такое. Да, это. Да. Снова Блофелд. Я знаю. Об этом я как раз собираюсь поговорить с 007. Хорошо, Вэлланс, вы все поняли? Прекрасно.— М. выслушал, что сказал Вэлланс, и ухмыльнулся: — И вам счастливого Рождества.

Он положил трубку на место, и кнопка блокировки автоматически выключилась. Через стол М. посмотрел на Бонда.

— Здесь все в порядке, меры примут,— сказал он уставшим голосом.— Вэлланс говорит, что пришло время брать этого Блофелда. Я с ним согласен. И это наша работа. И я весьма сомневаюсь, что швейцарцы нам в этом деле помощники. Даже если рискнут ввязаться, будут топтаться на месте в своих огромных башмаках, недели уйдут, пока дождемся чего-то путного. За это время наш подопечный окажется где-нибудь в Пекине или еще подальше и опять что-нибудь затеет.— М. посмотрел на Бонда в упор.— Какие соображения?

Соображения кое-какие имелись, в этом можно было не сомневаться. Он сделал большой глоток и осторожно поставил на стол стакан с виски. И начал говорить — настойчиво и убедительно. По мере того как он излагал свой план, выражение лица М. становилось все мрачнее.

— И это единственный выход, который я вижу, сэр,— заключил Бонд.— Мне нужен всего лишь двухнедельный отпуск. Если необходимо, готов подать в отставку.

М. еще больше помрачнел, развернул кресло и задумчиво уставился на умирающие язычки пламени в камине.

Бонд сидел неподвижно, ожидая приговора. Он надеялся, что ответ будет положительным. Негативная реакция его тоже вполне устраивала. Черт бы побрал эту горную вершину! Ему вовсе не улыбалась идея побывать на горюшке опять.

М. повернулся к Бонду. Серые глаза буравили насковзь.

— Хорошо, 007. Действуйте. Я не могу запрашивать премьер-министра по этому вопросу. Он откажет. Но покончить с Блофелдом раз и навсегда просто необходимо. И пусть меня уволят, но нельзя допустить, чтобы правительство опять влипло в историю вроде знаменитого фиаско с самолетом «У-2». Вы согласны со мной?

— Конечно, сэр. Так вы предоставляете мне двухнедельный отпуск?

— Да.

23

СИГАРЕТЫ «ГОЛУАЗ» и ЧЕСНОК

С пистолетом «Вальтер ППК» в кожаной кобуре, чью приятную тяжесть он ощущал на поясе, с паспортом на свое собственное имя Джеймс пересекал Ла-Манш на «Каравелле» и чувствовал себя именно тем, кем он был до того, как стал сэром Хилари Бреем.

Он взглянул на свой новый «Ролекс», который, в связи с тем что магазины были все еще закрыты, он вынужден был обманным путем выудить в секторе «Кью». Смогут ли они быть в Марселе точно по расписанию в 6 часов вечера? Ему здорово пришлось повертеться перед отъездом. Он допоздна засиделся в штаб-квартире. Все сегодняшнее утро работал над фотороботом Блофелда, уточняя детали с Ронни Вэллансом. Он устраивал свою личную жизнь, ведя разговоры с Мюнхеном. Он по телетайпу общался с постом «Зет». Он даже не забыл попросить Мэри Гуднайт связаться после праздников с Сейблом Базилиском и попросить его о любезности: пусть поработает над фамилиями десяти девушек и подготовит генеалогическое древо Руби Виндзор, украсив его позолоченными заглавными буквами.

В полночь он позвонил Трейси в Мюнхен и услышал ее любимый, взволнованный голос.

— Джеймс, я купила зубную щетку,— сказала она,— и кучу книг. Завтра я собираюсь в Зугшпиц, посидеть на солнышке, чтобы тебе приятно было на меня смотреть. Догадайся, что я ела сегодня на обед! Вообрази — шейки креветок с рисом и сметаной и укропным соусом. И кроме этого, спинку косули в сметанном соусе. Спорим, что я здесь питаюсь, лучше, чем ты.

— А я съел два бутерброда с массой горчицы и выпил полпинты бурбона «Харпер» со льдом. Бурбон был лучше ветчины. Послушай, Трейси, что я тебе скажу, и прекрати дуть в трубку.

— Я всего лишь вздыхаю, как все влюбленные.

— Ну да. В таком случае сила каждого такого дыхания равна по меньшей мере пяти баллам. Но выслушай меня, пожалуйста. Я высылаю тебе завтра утром свидетельство о рождении с письмом на имя английского консула, в котором я пишу, что хочу жениться как можно скорее. Ну что такое, это уже сплошной рев — десять баллов, не меньше. Да выслушай же меня, ради бога. Боюсь, что на это уйдет несколько дней. Они должны будут опубликовать имена вступающих в брак или что-то в этом роде. Он все тебе объяснит. Так вот, тебе тоже нужно быстренько достать свое свидетельство о рождении и передать консулу. Да, это обязательно, а ты что, раздумала? — Бонд рассмеялся. — Тем лучше. Тогда все в порядке. Мне понадобится около трех дней, чтобы закончить работу. Завтра я еду к твоему отцу и буду просить у него твоей руки, обе руки, а также ноги и все остальное. Нет, ты должна оставаться там, где ты есть. Это мужской разговор. Как ты думаешь, не поздно еще позвонить ему прямо сейчас? Хорошо. А ты давай укладывайся спать, а то сил не хватит сказать «да», когда придет время.

Им не хотелось прекращать разговор, но в конце концов последние слова были прознесены, последние поцелуи прозвучали, и Бонд позвонил по марсельскому номеру на фирму «Драко. Электрооборудование» и услышал в трубке голос Марка-Анжа, почти такой же взволнованный, как и у Трейси. Бонд несколько умирил его восторги относительно сроков помолвки.

— Сначала я хотел бы, Марк-Анж, получить от вас свадебный подарок.

— Любой, мой дорогой Джеймс. Все, что у меня есть. — Он засмеялся. — А чего нет, достанем. Так что бы вы хотели получить?

— Я скажу об этом завтра вечером. Я заказал билет на Марсель, вылетаю в полдень компанией «Эр Франс». Могут ли меня встретить? Есть небольшое дело. Нельзя ли пригласить на эту встречу и других директоров? Нам понадобятся все. Речь пойдет о нашей торговой фирме в Швейцарии. Надо, наконец, разобраться с этим вопросом раз и навсегда.

— Ага! — В голосе было полное понимание. — Да, это действительно мешает нашим торговым операциям. Конечно, мои коллеги будут присутствовать. И уверяю вас, мой дорогой Джеймс, что все, что можно сделать, будет сделано. И конечно, вас встретят. Может быть, не я лично. В эти зимние вечера очень холодно. Но я распоряжусь, чтобы за вами

приглядели должным образом. Спокойной ночи, мой дорогой! Спокойной ночи!

Телефон замолчал. Старая лиса! Он что же думает, что Бонд не принял меры предосторожности? Или у него установлен «жучок» — чуткий прибор, измеряющий сопротивление в цепи и предупреждающий о подслушивании?

Зимнее солнце последний раз оранжево сверкнуло в разрывах густой облачности на высоте десяти тысяч футов и удалилось на покой; двигатели самолета пели колыбельную.

Бонд дремал, думая о том, что как-нибудь, и очень скоро, он сможет наконец как следует выспаться.

В порту Бонда встретил театрального вида марсельский таксист. Прототип всех марсельцев. С лицом пирата, с озорным юмором дешевых французских мюзик-холлов. Было очевидно, что он был известной личностью и нравился в аэропорту абсолютно всем. Бонд прошел все формальности в вихре шуточек о «милорде англичанине», что сделало Мариуса, потом оказалось, что имя его было действительно Мариус, центром внимания, а Бонда предметом насмешек, тупоумным английским туристом. Но как только они сели в такси, Мариус через плечо коротко извинился дружеским тоном.

— Прошу простить мои плохие манеры. — Его французский неожиданно стал очень правильным, местный диалект совсем исчез. — Мне было приказано поскорее вытащить вас из аэропорта, так чтобы не вливать внимания. Я знаю всех этих «стукачей» и таможенников. Они меня тоже знают. И если бы я не был водителем такси, которого они знают как Мариуса, и вел себя по-другому, на вас уставились бы десятки пар глаз, очень внимательных глаз. Я хотел сделать как лучше, командир. Надеюсь, вы простите?

— Конечно, Мариус. Но вы выглядели чересчур смешным. Я еле сдерживал себя, чтобы не расхохотаться. А это было бы чревато.

— Вы понимаете местный диалект?

— Пожалуй, да.

— Вот как! — Последовала пауза. — Увы, после Ватерлоо, — сказал Мариус, — нельзя недооценивать англичан.

— Равно как и французов, — произнес Бонд вполне серьезно. — Мы чуть не проиграли битву. — Обмен любезностями, однако, уже успел надоесть. — А что буйабес, эта рыбная похлебка с чесноком и пряностями, что подают «У Гвидо», все еще так же хороша?

— Терпима, — сказал Мариус. — Но это блюдо умерло, исчезло. Нет больше настоящего буйабеса, потому что в

Средиземном море не осталось рыбы. Для настоящего буйабеса нужен настоящий морской еж или мякоть рыбы-скорпиона. А они сегодня пускают в ход спинку трески. С добавкой шафрана и чеснока — само собой разумеется. Но с таким соусом можно слопать и некоторые женские филейные части, вымочить как следует — вкуснятина. Зайдите в любой кабачок рядом с гаванью. Возьмите дежурное блюдо и выпейте дешевое вино, которое вам подадут, — и утроба ваша будет так же набита, как желудок простого рыбака. Стул, конечно, будет плохой. А какое это имеет значение? Вы же мужчина. Можно прогуляться по набережной Канебьер и облегчиться в Нуайе, причем совершенно бесplatно.

Ловко лавируя в потоке машин, они проскользнули знаменитую Канебьер, хотя Мариусу понадобились все его легкие для ругани с другими не менее настырными водителями. Бонд чувствовал запах моря. В кафе играли на аккордеонах. С этим самым французским городом, отличающимся жестокими нравами и занимающим ведущее место по количеству совершаемых преступлений, у него были связаны кое-какие воспоминания. Но на этот раз — мелькнуло у него в голове — как это ни смешно, но он вовсе не на стороне закона, он заодно с преступниками.

В конце Канебьер, там, где она пересекала Рю-де-Ром, Мариус повернул направо, а затем налево на Рю-Сент-Феррол, находящуюся на расстоянии броска камня от Ке-де-Белж и Старого порта. Мелькнули сигнальные огни при входе в порт, и такси подъехало к довольно уродливому, но очень новому зданию с широкой витриной на первом этаже, на которой ослепительным неонам горела реклама «Драко. Электрооборудование». Внутри, ярко освещенная, стояла обычная аппаратура — телевизоры, радиоприемники, проигрыватели, а также электроутюги, вентиляторы и тому подобное. Мариус, подхватив чемодан Бонда, мгновенно пересек тротуар и прошел в дом сквозь вращающиеся двери рядом с витриной. Покрытый коврами холл выглядел роскошно, против всех ожиданий Бонда. Из помещения портье рядом с лифтом вышел человек и, не говоря ни слова, взял у Мариуса чемодан. Мариус повернулся к Бонду, улыбнулся, подмигнул, до хруста пожал руку и, бросив «до встречи», поспешно ушел. Портье стоял у открытой двери лифта. Бонд заметил, что пиджак под его правой рукой слегка оттопыривался, из любопытства он задел его плечом, входя в лифт. Да, внушительная пушка, серьезное оружие. Человек посмотрел на Бонда скучающим взглядом, словно говоря:

«Что? Сумничал?» — и нажал на кнопку верхнего этажа. Еще один охранник, двойник или почти двойник портье, темноволосый, с карими глазами, грузноватый, однако в хорошей спортивной форме, ждал на верхнем этаже. Он взял чемодан Бонда и проследовал в конец коридора, покрытого коврами, вдоль стен с подобранными со вкусом бра. Он открыл одну из дверей. За ней оказалась чрезвычайно комфортабельная спальня с ванной и туалетом. Бонд сообразил, что из живописного окна, сейчас затянутого шторами, открывается превосходный вид на гавань. Портье поставил чемодан.

— Мсье Драко,— сказал он,— готов принять вас немедленно.

Бонд подумал, что настало время изобразить некоторую независимость.

— Один момент,— сказал он твердо,— прошу подождать.— И он направился в ванную комнату привести себя в порядок. С удивлением заметил, что мыло было только английское — «Пиэрс трансперент» и другие сорта, что там же стоял шампунь «Юкрис» фирмы «Трампер» и лежали явно предназначенная для мужчины щетка и расческа фирмы «Кент». Что ни говори, а Марк-Анж совершенно очевидно давал возможность своему английскому гостю почувствовать себя совсем как дома!

Бонд не спеша вышел из ванной и последовал за ожидавшим его человеком до двери, находившейся в конце коридора. Тот открыл дверь без стука и притворил ее за Бондом. Навстречу ему поднялся из-за стола (Бонду уже осточертели все эти письменные столы!) Марк-Анж, его изборожденное морщинами смуглое лицо расплылось в широкой золотозубой улыбке. Марк-Анж пересек комнату, обнял Бонда и расцеловал его в обе щеки. Бонд сделал над собой усилие и беззаботно хлопнул Марка-Анжа по широкой спине. Тот слегка отстранился и расхохотался.

— Ну ладно, ладно. Обещаю больше так не делать. В первый и последний раз. Хорошо? Так получилось, не сдержался — южный темперамент. Прощу прощения. Ну, так-то лучше. Проходите, угощайтесь,— он указал на заполненный бутылками сервант,— присаживайтесь, рассказывайте, чем я могу быть полезен. Обещаю не говорить о Терезе, пока не закончим с делами. Но все-таки хотел бы знать,— в карих глазах появилась мольба,— между вами все в порядке? Планы не изменились?

Бонд улыбнулся.

— Конечно нет, Марк-Анж. И все уже готово. Мы поженемся через неделю. В консульстве в Мюнхене. У меня

двухнедельный отпуск. Медовый месяц мы, наверное, могли бы провести в Китцбюхеле. Мне нравится это место. И ей тоже. Вы будете присутствовать на церемонии бракосочетания?

— Буду ли я присутствовать! — взорвался Марк-Анж. — Еще не хватало, чтобы меня не пускали в Китцбюхель. — Вон, выпей-ка пока, — он махнул в сторону серванта. — Выпей, а я пока возьму себя в руки. Сейчас надо быть не только счастливым, но и умным. Два моих лучших партнера, два настоящих моих помощника ждут нас. Я просто хотел сам с тобой встретиться на минутку.

Бонд налил себе в стакан со льдом густого терпкого напитка «Джек Даниель» и добавил чуть-чуть воды. Он подошел к письменному столу и сел на правое из трех кресел, которые полукругом стояли напротив кресла главы клана.

— Я тоже хотел сказать вам кое-что, Марк-Анж. То, о чем я собираюсь говорить, затрагивает интересы моей страны. Мне предоставили отпуск, чтобы я смог приехать сюда и поведать вам о том, что должно остаться «херкос одонтон», как вы выражаетесь, то есть между нами. Здесь придется держать язык за зубами! Вы согласны?

Марк-Анж поднял правую руку и указательным пальцем, нарочито медленно, перекрестил свое сердце. В этот момент выражение его лица стало угрожающим, жестким, почти каменным. Он наклонился вперед и положил кулаки на стол.

— Продолжай.

Бонд рассказал ему всю историю, не пропустив даже сцен с участием Руби. Он испытывал полное доверие, нежность, чувство уважения к этому человеку. И не мог сказать почему. Частично это объяснялось природным обаянием Марка-Анжа и частично тем, что он без стеснения открыл Бонду свое сердце, он был настолько откровенен с ним, что не скрывал ничего.

Во время рассказа лицо Марка Анжа оставалось неприкосновенным. Только его быстрые, звериные глаза словно впились в лицо Бонда. Когда Бонд закончил рассказ, Марк-Анж откинулся в кресле. Он протянул руку за голубой пачкой сигарет «Голуаз», зажал одну губами и заговорил через клубы синеватого дыма, непрерывно вылетавшего изо рта, так, как будто где-то внутри него находился небольшой паровой двигатель:

— Да, действительно грязное дело. С ним нужно кончать, уничтожить все и этого человека тоже. Мой дорогой Джеймс, — его голос стал глуше, — я преступник, я великий

преступник. В моем подчинении все притоны, все проститутки, я занимаюсь контрабандой, рэкетом, чем хочешь. Я ворую у очень богатых. Я нарушаю множество законов, и очень часто в процессе этой деятельности мне приходится убивать людей. Может быть, однажды, может быть, очень скоро я исправлюсь. Но трудно в одночасье перестать быть главой клана. Если я потеряю своих людей, за жизнь свою не дам и ломаного гроша. Ну да мы еще пошумим. Но этот Блофелд, да он просто злыдень, вонючая тварь. Ты приехал просить меня объявить ему войну, уничтожить его. Не надо ничего объяснять. Я знаю, что это так. Ведь официально ничего с ним не сделаешь. Твой шеф прав. Со швейцарцами лучше не связываться. Ты хотел бы, чтобы эту работу выполнили я и мои люди.— Внезапно он улыбнулся.— И это тот самый свадебный подарок, о котором ты говорил, не так ли?

— Правильно, Марк-Анж. Но я тоже приму в этом участие. Я тоже там буду. У меня с этим человеком свои счета.

Марк-Анж задумчиво посмотрел на него.

— Это мне не нравится. И ты знаешь, почему мне это не нравится.— Он мягко улыбнулся.— Ты совсем сошел с ума, Джеймс, скажи спасибо, что остался жив.— Он пожал плечами.— Но что я говорю впустую, ведь тебя не убедить, ты ведешь настоящую охоту за этим человеком. И тебе бы хотелось славно ее закончить. Правильно?

— Да, правильно. Мне не хотелось бы упустить добычу. Затравить лису должен я сам.

— Хорошо, хорошо. Пригласим остальных? Им не нужно знать причины, побуждающие нас действовать. Мои приказы не обсуждаются. Но мы все должны знать, как лучше провести данную операцию. У меня есть кое-какие идеи. Думаю, что шансы есть и это можно сделать красиво. Но работа должна быть чистой. Необходимо все рассчитать, все проверить.

Марк-Анж поднял трубку и что-то сказал. Минуту спустя открылась дверь, вошли двое и, едва взглянув на Бонда, заняли два других кресла.

Марк-Анж кивнул на человека, севшего рядом с Бондом и похожего на огромного быка. У него были оттопыренные уши и переломанный нос, бывший боксер или борец.— Это Че-Че. Че-Че по кличке Принудитель.— Марк-Анж мрачно улыбнулся.— Он убедит кого угодно и в чем угодно.

Бонд поймал быстрый, внимательный взгляд тяжелых желто-коричневых глаз, Че-Че взглянул на босса.

— Мое почтение.

— А это Туссен, по кличке Трах. Он специалист по пла-
стиковой взрывчатке. Нам ее много понадобится.

— Да, очень много,— сказал Бонд,— и с очень быстро-
действующими взрывателями.

Туссен наклонился вперед, как бы представляясь. Он
был тощ, кожа землистого цвета. Почти финикийский
профиль. Лицо испещрено оспинами. Бонд догадался, что
Трах потребляет героин, в меру. На Бонда он посмотрел
приветливо и заговорщически улыбнулся.

— Мое почтение,— и он опять откинулся в кресле.

— А это,— Марк-Анж указал на Бонда,— мой друг.
Мой дорогой друг. Вы можете называть его командир. А те-
перь к делу.— Если вначале Марк-Анж говорил по-фран-
цузски, то теперь перешел на быструю корсиканскую речь,
которую Бонд совсем не понимал, схватывал только отдель-
ные слова с итальянскими и французскими корнями. Марк-
Анж, продолжая говорить, достал из ящика стола крупно-
масштабную карту Швейцарии, расстелил ее, поводил по ней
пальцем и указал на точку в центре Энгадина. Эти двое вытя-
нулись вперед, посмотрели на карту и сели на место. Че-че
произнес что-то, Бонд уловил только название Страсбур-
га, а Марк-Анж удовлетворенно качнул головой. Он повер-
нулся к Бонду и протянул ему большой лист бумаги и ка-
рандаш.

— Будь пай-мальчиком и займись работой, хорошо?
Нужен план «Глории», все постройки, их приблизительные
размеры, расстояние друг от друга. Позже мы изготовим
полный макет из пластилина, так чтобы нам ничего не пере-
путать. Каждому будет поставлена своя задача,— он улыб-
нулся,— как десанникам во время войны. Понимаешь?

Пока они говорили, Бонд принялся за дело. За-
звонил телефон. Марк-Анж поднял трубку. Произнес не-
сколько отрывистых фраз и затем повернулся к Бонду,
взгляд был подозрительным.

— На мое имя пришла телеграмма. Из Лондона. Подпи-
сана «Юниверсал». Текст следующий: «Все птички уже в
городе, улетают завтра». Что это значит, мой друг?

Бонд выругал себя за забывчивость.

— Прошу прощения, Марк-Анж. Я не успел предупре-
дить, что может поступить такой сигнал. Это означает, что
девушки уже в Цюрихе и завтра вылетают в Англию. Очень
хорошие новости. Важно, чтобы их там не было, чтобы не
мешались.

— Так, хорошо! Очень хорошо! Прекрасные новости.
И правильно, что телеграмма послана не на твое имя. Будем

считать, что тебя здесь нет и мы незнакомы. Так будет лучше.— Он выпалил еще что-то на корсиканском, и оба его помощника в знак понимания кивнули головами.

Вскоре после этого встреча быстро подошла к концу. Марк-Анж внимательно изучил произведение Бонда и передал его Туссену. Тот взглянул на набросок и осторожно сложил его, словно имел дело с каким-то важным финансовым документом. Кивнув Бонду, Трах и Принудитель покинули комнату.

Марк-Анж вздохнул с облегчением.

— Все идет хорошо,— сказал он.— Вся команда получит за риск неплохие деньги. Они любят хорошую жесткую драку. И они остались довольны тем, что я сам поведу их.— Он хитро рассмеялся.— В тебе они не так уверены, мой дорогой Джеймс. Говорят, что ты будешь только мешать. Пришлось разъяснить им, что можешь дать кое-кому форму, в драке и перестрелке последним не будешь. Когда я говорю так, мне верят на слово. Я их еще никогда не обманывал. Надеюсь, ты меня не подведешь?

— Постараюсь,— сказал Бонд.— Однако с корсиканцами силами никогда не мерялся, да и желания сейчас такого у меня нет.

Марк-Анж остался доволен его ответом.

— Пистолетом, может быть, ты владеешь лучше, но в ближнем бою с ними не совладаешь. Отчаянный народ и настоящие мясники. Большие свиньи. Величайшие. С собой беру пятерку лучших. Да нас двое, итого семь. Сколько, говоришь, людей на горе?

— Человек восемь. И сам Блофелд.

— Ну да, и сам тоже,— сказал задумчиво Марк-Анж.— Уйти от нас он не должен.— Он поднялся.— А теперь, мой друг, надо пообедать. Я заказал хороший обед, который нам подадут прямо сюда. А потом, провоняв чесноком и как следует набравшись, мы завалимся спать. Идет?

— Лучше ничего и не придумаешь,— с легким сердцем согласился Бонд.

24

КРОВЬ ДОСТАВЛЯЮТ ПО ВОЗДУХУ

На следующий день после обеда Бонд отправился в отель «Мэзон руж» в Страсбурге, сначала самолетом, потом поездом. Несло от него за версту, разило чесноком и прочим более чем основательно.

Он с удовольствием провел несколько часов в обществе Марка-Анжа в Марселе и не мог не радоваться радужным перспективам, которые открывались перед ним, — работа, подходящая к концу, и в финале — встреча с Трейси.

Утром они подробно обсудили все варианты, используя подготовленный за ночь макет пика Глория и всех расположенных на нем строений. Приходили какие-то незнакомые Бонду люди, получали указания на малопонятном ему диалекте и быстро исчезали — лица эти доверия не внушали, это были самые натуральные бандитские морды, но роднило их, несомненно, выражение глубокого почтения к главе клана. Огромное впечатление произвели на Бонда энергичное поведение и особая предусмотрительность, с которой Марк-Анж решал все проблемы, будь то вопросы, связанные с приобретением вертолета или выплатой компенсации семьям его людей, которые могут погибнуть во время операции. Идея с вертолетом Марку-Анжу не понравилась.

— Видите ли, мой друг, — объяснил он Бонду, — достать вертолет мы можем только в одном месте, у оасовцев, у французской подпольной армии правого толка. Так случилось, что они мне кое-чем обязаны, я их здорово выручил в свое время, так что вертолет мне дадут. Но вот в политические дела мне бы залезать не хотелось. Мне хочется, чтобы страна, где я работаю, была мирной и спокойной. Терпеть не могу революций. Они ведут только к хаосу. Сегодня я ни одного дела не могу повернуть спокойно — того и гляди помешает какое-нибудь введение чрезвычайного положения, вызванного деятельностью алжирских террористов, облавой на них или еще какой операцией против этих проклятых оасовцев. А проверка на дорогах, все эти патрули! А поголовные обыски! Все это отравляет мое существование. Мои люди и шагу не могут ступить, чтобы не выйти на «стукачей» или агентов французской секретной службы; вы, я надеюсь, знаете, что недавно сформировано новое подразделение — СДТ. Эти таинственные сокращения будут почище, чем у русских. СДТ — это отдел по борьбе с внутренними врагами, это защита отечества. Подчиняется министерству внутренних дел, одна из самых неприятных организаций, проникнуть в нее совсем не легко. Это вам не доброй памяти Второе управление. Людям мирным СДТ попортило много крови. Но в ОАС у меня, естественно, есть свои люди, и я точно знаю, что они располагают и военным вертолетом, который украли у армейской части. Прячут они его в замке, расположенном на Рейне, недалеко от Страсбурга. Замок

принадлежит одному безумному графу, фашисту. Он один из тех французов, которые жить не могут без заговоров. Как раз теперь он поставил на генерала Салана, рискнул всем состоянием и недвижимостью. Его замок находится в уединенном месте. Сам он играет роль некоего изобретателя. И людей, работающих у него в поместье, не удивляет, что в сарае стоит какой-то летательный аппарат и что его обслуживают механики — механики из ОАС, само собой разумеется. Так вот, сегодня рано утром я поговорил по радио с кем нужно. Машину мне одолжат, отдадут на 24 часа. Будет и пилот, лучший в подпольных военно-воздушных силах. Пилот уже в пути, он должен подготовиться, заправить машину и все такое прочее. Однако это очень неприятно. Раньше они у меня были в долгу. А теперь — я у них! — Он пожал плечами. — Хотя какое это имеет значение? Скоро я их опять прижму как следует. Ведь половина всех полицейских и таможенников во Франции — корсиканцы, а это для Корсиканского союза большое подспорье. Ясно?

В «Мезон руж» для Бонда был зарезервирован прекрасный номер. Встретили его с преувеличенной любезностью и в то же время с некоторой сдержанностью. Как же далеко распространялась власть Корсиканского союза, где он только не имел своих помощников. Бонд, не нарушая традиций города, съел простой обед, состоявший из гусиной печенки, розовой и сочной, и полбутылки шампанского, после чего с удовольствием отправился спать. Все следующее утро он провел в своем номере, потом переоделся в лыжный костюм, попросил принести ему горнолыжные очки и тонкие кожаные перчатки — руки в них будут защищены, и в то же время он всегда может воспользоваться оружием. Он разрядил пистолет, не забыв вынуть пулю из патронника, и несколько раз, пока не остался доволен собой, попробовал перед большим зеркалом в шкафу, не мешают ли перчатки обращаться с оружием. Затем он перезарядил пистолет и приладил кобуру из свиной кожи на пояс брюк. Он попросил принести счет, оплатил его и сказал, чтобы чемодан отправили в гостиницу «Вир Ярезитен», к Трейси. Потом он велел принести свежие газеты и сел перед окном, поглядывая время от времени на улицу и тут же забывая, что читает.

Когда ровно в полдень зазвонил телефон, он сразу спустился и подошел к серого цвета «Пежо-403», ожидавшее его. За рулем сидел Че-Че. Он кивнул в ответ на приветствие Бонда, и около часа в полном молчании они ехали по ничем не примечательной сельской местности, пока наконец не

свернули с шоссе влево на грязную узкую дорогу, петлявшую по густому лесу. Так они добрались до полуразрушенной каменной стены на границе какого-то поместья, а затем оказались перед огромными сломанными железными воротами, за прутьями которых виднелся парк. На заросшей сорняками дорожке, ведущей к замку, были видны следы недавно проехавших машин. По этой колее, мимо обветшалого фасада когда-то величественного замка и далее через лес к опушке, обрывавшейся полем, они подкатили к огромному амбару, по всей видимости недавно отремонтированному. Остановились рядом с ним, и Че-Че три раза просигналил. Маленькая дверка в широких двустворчатых воротах амбара открылась, и из нее вышел Марк-Анж. Он приветливо по поздоровался с Бондом:

— Заходите, мой друг. Вы как раз вовремя — у нас прекрасная страсбургская колбаса и вполне сносное вино, хотя и слабоватое — для любителей легких развлечений; жажду, впрочем, утолить можно.

Внутри амбар был похож на съемочную площадку. Неуклюжий военный вертолет был освещен яркими лампами, откуда-то доносилось покашливание небольшого генератора. Казалось, что в сарае полно народа. Бонд узнал лица людей из Корсиканского союза. Остальные, по-видимому, местные «механики». Двое, стоя на стремянке, были заняты тем, что красной краской рисовали на белых квадратах, выделявшихся на черном фюзеляже, кресты. Четко выделялся на борту и еще не просохший опознавательный номер машины FL-BGS, якобы обозначающий принадлежность вертолета к гражданской авиации. Бонда представили пилоту, молодому светловолосому человеку с блестящими глазами; он был одет в комбинезон, звали его Жорж.

— Ты сядешь сзади него, — сказал Марк-Анж. — Он хороший штурман, но не знает последнего отрезка пути — из долины и вверх, и он никогда не слышал о пике Глория. Сначала закуси, а потом поработай вместе с ним над картой. Основной маршрут: Базель — Цюрих. — Он весело рассмеялся. — Нам придется некоторое время поддерживать довольно занятную беседу со швейцарской ПВО, — произнес он по-французски, — не так ли, Жорж?

Жорж не улыбнулся.

— Думаю, мы их одурачим, — коротко ответил он и пошел заниматься своими делами.

Бонду дали большой кусок чесночной колбасы, ломоть хлеба и бутылку вина. Устроился он на перевернутом ящике. Марк-Анж решил проследить, как идет погрузка «иму-

щества» — автоматов и 6-дюймовых квадратных пакетов в красной клеенке.

Спустя некоторое время Марк-Анж выстроил свою команду, включая Бонда, и произвел инспекцию личного оружия; у всех людей из Корсиканского союза оказались, помимо прочего, острые финки, которые, судя по виду, не раз пускали в дело. Вся группа, включая Марка-Анжа, была одета в новехонькие лыжные костюмы серого цвета. Всем Марк-Анж вручил черные нарукавные повязки, на которых аккуратно было вышито: «Горная полиция».

— Никакой официальной альпийской полиции не существует, — пояснил Марк-Анж, отдавая повязку Бонду, — но сомневаюсь, чтобы наши друзья из СПЕКТРа знали об этом. По крайней мере, в начале операции повязки произведут надлежащее впечатление. — Марк-Анж посмотрел на часы. — 2.45. Все готовы? — спросил он громко по-французски и повернулся. — Тогда поехали!

Сквозь широко открытые ворота амбара вертолет с помощью трактора вывезли наружу, огромное металлическое насекомое стояло теперь на рыхлой земле, освещенное бледным зимним солнцем: Трактор отъехал, и пилот, а за ним и Бонд, взобрались по небольшой алюминиевой лестнице в кабину и пристегнулись ремнями. Все остальные погрузились в десятиместный салон, лестницу убрали, дверь закрыли и заперли. «Механики», оставшиеся на земле, подняли вверх большие пальцы, и пилот склонился к рычагам управления. Он нажал на стартер, и после первого нерешительного покашливания двигатель заработал, огромные лопасти начали вращаться. Пилот оглянулся на вращающийся хвостовой винт. Он подождал, пока стрелка индикатора скорости винта достигла отметки 200, затем снял шасси с тормозов и медленно потянул на себя рычаг. Вертолет задрожал, как бы не желая отрываться от земли, затем слегка дернулся, и они, поднявшись над деревьями, стали быстро набирать высоту. Пилот убрал шасси, развернул машину над поднимающимися снежными смерчами, переключил скорость, и они тронулись в путь.

Очень скоро вертолет оказался над Рейном, Базель лежал впереди, закрытый плотной пеленой тумана. Они достигли двух тысяч футов и, держась на этой высоте, обошли город с севера. В наушниках Бонда послышался треск атмосферных помех — швейцарская служба контроля за воздушным пространством на сочном, густом немецком вежливо попросила их сообщить свои опознавательные данные. Пилот не ответил, и вопрос повторили более настойчиво.

— Я вас не понимаю,— сказал по-французски пилот. Последовала пауза, затем, уже на французском, задали тот же вопрос.

— Повторите, не слышу,— сказал пилот.

Вопрос повторили.

— Вертолет Красного Креста с грузом плазмы на борту, кровь везут в Италию.

Радио замолчало. Бонд мог себе представить, что происходило там, в диспетчерской, где-то далеко внизу,— недоумение, споры, сомнения.

— Куда вы направляетесь? — спросил другой, более властный голос по-французски.

— Одну минуту,— ответил пилот,— сейчас скажу.

Прошло еще несколько минут.

— Диспетчерская служба? Швейцария? — спросил пилот.

— Да-да, вас слышу,— раздался голос с земли.

— Говорит борт FL-BGS. Направляюсь в госпиталь Санта-Моника в Беллинцоне.

Радио опять замолчало, но через пять минут заговорило вновь:

— FL-BGS, вызываю борт FL-BGS.

Пилот вышел на связь.

— Слушаю вас.

Земля сразу отреагировала:

— Мы не можем опознать вас. Сообщите данные о себе.

Пилот вновь нашелся:

— Вы, должно быть, пользуетесь устаревшей документацией. Воздушное судно стало совершать полеты только с прошлого месяца.

Последовала длинная пауза. Внизу уже лежал Цюрих и серебряный бумеранг горного массива. Теперь и цюрихский аэропорт вышел на связь:

— FL-BGS, вызываем FL-BGS,— должно быть, они услышали запрос диспетчерского контроля.

— Да, слышу вас. В чем дело? — спросил пилот.

— Вы создаете угрозу воздушному сообщению. Приземляйтесь и доложите диспетчерской службе. Повторяю. Приземляйтесь и доложите диспетчерской службе.

Пилот взорвался:

— Что вы имеете в виду? Вам что, не понятно, что речь идет о человеческой жизни? Это экстренный полет, у нас на борту плазма крови очень редкой группы. Она предназначена для спасения жизни одного выдающегося итальянского ученого в Беллинцоне, что за бесчеловечность! Вы что там

внизу, рехнулись? Вы приказываете сесть и доложить по инстанции, когда на карту поставлена жизнь человека? Вы что, хотите взять на себя такую ответственность? Хотите стать убийцами?

Этот взрыв благородного французского негодования дал им возможность некоторое время спокойно продолжать полет. Внизу пошли горы. Бонд посмеивался про себя. Взглянув на пилота, он поднял вверх большой палец.

— FL-BGS, вызываю борт FL-BGS,— теперь они вошли в диспетчерскую зону Берна.— Кто дал вам разрешение на полет? Повторяю, кто дал вам разрешение на полет?

Бонд чуть не расхохотался, когда услышал ответ:

— Вы и дали.

Вот враль. Такого ему слышать не приходилось. Теперь впереди них были Альпы — эти проклятые Альпы, которые выглядели такими красивыми и полными опасности в лучах вечернего солнца. Вскоре они будут вне досягаемости радаров, их укроют долины. Но в Берне не хотели успокаиваться, там быстро проверяли полетные листы, и вскоре до них опять донесся унылый голос. Там, должно быть, наконец, уяснили, что их переговоры слышат в каждом аэропорту и на борту каждого самолета, оказавшегося в этот вечер в воздушном пространстве Швейцарии.

— FL-BGS,— голос звучал вежливо, но твердо.— Диспетчерский контроль не располагает о вас никакими данными. Весьма сожалею, но вы нарушили воздушное пространство Швейцарии. Если не можете сообщить никакой дополнительной информации о правомерности вашего полета, пожалуйста, вернитесь в Цюрих и явитесь в диспетчерскую службу.

Вертолет качнулся. В какой-нибудь сотне ярдов от него промелькнула серебряная стрела «Миража» со швейцарскими опознавательными знаками на крыльях; истребитель развернулся и, оставляя на этой низкой для него высоте хвост черного дыма, опять пошел курсом прямо на них, отвернув влево только в самый последний момент. Вертолет опять тряхнуло. Пилот сердито заговорил в микрофон:

— Федеральный контроль за воздушным пространством, говорит FL-BGS. За дальнейшей информацией обратитесь в Международный Красный Крест в Женеве. Я всего лишь пилот, а не какая-нибудь канцелярская крыса, бумажная душа. Если вы потеряли какие-то документы, то я-то здесь при чем? Повторяю, свяжитесь с Женевой и проверьте. А пока, будьте так добры, снимите с моего хвоста военно-воздушные силы Швейцарии, которые так стараются вы-

звать у моих пассажиров приступ воздушной болезни.

Голос снова возник, но звучал уже слабее, мешали горы.

— Кто ваши пассажиры?

И тут пилот выложил свою козырную карту:

— Представители международной прессы. Они слушают всю эту глупость именно там, где находится местопребывание знаменитого Международного Красного Креста. Советую вам, господа, внимательнее читать завтра утренние газеты. И оставьте нас, наконец, в покое. А в сводках отразите, пожалуйста, что советские военно-воздушные силы пока еще не вторглись, повторяю, не вторглись в пространство Швейцарии.

«Мираж» исчез. Наступила тишина. Вертолет летел в долине, и они уже прошли Давос. Золоченые вершины сверкающих гор окружали их, казалось, со всех сторон. Впереди поднимались остроконечные пики. Бонд посмотрел на часы. Оставалось еще десять минут лета.

Он повернулся и посмотрел вниз, в люк. Марк-Анж и остальные уставились вверх, их напряженные лица освещали синевато-серые лучи заходящего солнца, проникавшие через окна, в глазах сверкали красноватые отсветы.

Бонд подбадривающе поднял большой палец вверх. Потом растопырил все десять пальцев в тонких кожаных перчатках.

Марк-Анж кивнул. Люди заерзали на сиденьях, Бонд отвернулся и посмотрел вперед, ища глазами ту вершину, которую он ненавидел и боялся.

25

АД КРОМЕШНЫЙ И ТОМУ ПОДОБНОЕ

Да, вот оно, проклятое место! Теперь золотилась только сама вершина. Плато и здания на нем ушли в тень цвета индиго, вскоре их осветит полная луна.

Бонд указывал направление. Вертолету на этой высоте приходилось трудно, воздух разрежен. При 10 тысячах футов несущие винты могли подвести, и пилот изо всех сил старался держать двигатель на максимальных оборотах. Когда он повернул влево, в сторону горы, в наушниках загремело, и резкий голос произнес по-немецки, а потом и по-французски: «Посадка запрещена. Это частная собственность. Повторяю, посадка запрещена!» Пилот поднял руку и выключил радио. Еще на макете он выбрал место предварительной посадки. Вот они уже над ним, вертолет завис в

воздухе и мягко приземлился. Машина качнулась и замерла. Внизу их уже ждала группа людей. 8 человек. Бонд кое-кого узнал. Все они держали руки в карманах. Двигатель кашлянул и остановился, лопасти винта, провернувшись, замерли. Бонд услышал, как со стуком открылась дверь позади него и люди сгрудились у лестницы. Две группы людей стояли лицом друг к другу.

— Мы — патруль федеральной альпийской полиции, — повелительно произнес Марк-Анж. — Здесь были какие-то беспорядки накануне Рождества. Мы прибыли узнать, в чем дело.

— Здесь уже была местная полиция, — сердито ответил Фриц, так называемый «старший официант», — они уже составили свой отчет. Все в порядке. Пожалуйста, немедленно освободите территорию. И что это за патруль федеральной альпийской полиции? Никогда не слышал о таком.

Пилот слегка толкнул локтем Бонда и указал налево, в сторону зданий, где располагались лаборатории и апартаменты графа. Какой-то мужчина, выглядевший неуклюже в шлеме и костюме бобслеиста, бежал вниз по дорожке к станции подвесной дороги. Люди, находившиеся у вертолета, не могли его видеть.

— Проклятье! — воскликнул Бонд и, выбравшись со своего сиденья, ринулся в салон вертолета. Он высунулся из двери и закричал: — Главары! Вон там — он уходит!

Когда Бонд спрыгнул, один из людей СПЕКТРа закричал: «Англичанин! Шпион!» И как только Бонд бросился вправо, увертываясь, бросаясь то в одну, то в другую сторону, начался ад крошечный. В ход пошло автоматическое оружие, команда СПЕКТРа произвела первые выстрелы, пули засвистели вокруг Бонда, издавая звук, похожий на шум птичьих крыльев. Затем раздался ответный треск автоматов, и Бонда оставили в покое.

Вот он уже за углом клуба, а в ста ярдах от него, вниз по склону, у самой подвесной дороги, мужчина в защитном шлеме уже распахнул двери «гаража». Вот он выскочил наружу, держа в руках сани-одиночки. Прикрываясь ими как щитом, он выпустил по Бонду длинную очередь, опять совсем рядом захлопали крылышки. Бонд опустил на колени и, зажав свой «Вальтер» обеими руками, сделал три выстрела, но мужчина уже бежал к сверкающему отверстию желоба «Глория-экспресс». При свете луны Бонд увидел профиль этого человека. Сомнений не осталось — Блофелд! Еще когда Бонд бежал вниз по склону, Блофелд успел прыгнуть в сани и сразу исчез, будто испарился, взметнув

бриллиантовую пыль. Бонд добежал до «гаража». Проклятье! Там были только шести- и двухместные сани! Хотя нет, вон там, в самом конце, стояли одиночки. Бонд схватил сани. Проверить полозья времени не было, ручка управления, кажется, ходила легко! Он побежал к старту, нырнул под оградительную цепь и сильным рывком бросил свое тело в сани, сумев лишь наполовину забраться в них. Он весь сжался на этой хлипкой алюминиевой платформе и схватился за ручку управления, прижав локти к бокам. Он уже мчался вниз, по синему желобу, с бешеной скоростью. Попытался притормаживать ботинками. Но тщетно. Что там впереди, чего ждать на этой чертовой дорожке? Где-то здесь желоб по прямой пересекал склон, а потом — длинный изгиб поворота, обнесенный насыпью. Вот он уже и на этом повороте! Бонд резко наклонился вправо и повернул ручку управления. Даже после этих маневров на вираже он промчался в опасной близости от верхнего края насыпи, затем вновь нырнул в темноту желоба. Что же там дальше, что было на той металлической карте? Какого черта он не изучил ее как следует? Вот и ответ на вопрос! Хотя спуск казался прямым, на самом деле тени обманывали, желоб резко шел под уклон. Сани оторвались от земли и пролетели некоторое расстояние по воздуху. При приземлении удар был настолько силен, что у Бонда захватило дух. Он изо всех сил — отчаянно — уперся ботинками в лед, скорость немного уменьшилась, вместо 50 миль в час теперь он делал, вероятно, 40. Ну что ж! Так — а вот и «Прыжок мертвеца». А что там дальше, на закуску, перед смертью? Ну да — «Перед вами чудо-юдо!» Так и есть! Целых 200 ярдов сплошной экзотики, а скорость у него порядка 70 миль в час. Он вспомнил, что на финишной прямой спуска «Креста» скорость доходит до 80 миль. Стало быть, и здесь еще все впереди. Вот и замелькали уже серебряные и черные пятна — это, кажется, «Сумасшедший зигзаг», ничего не скажешь — шикарная штучка. Бонд изо всех сил прижал ботинки к черному льду, он все-таки надеялся притормозить. Прямо перед собой он видел параллельные следы от полозьев саней Блофелда, а между ними — канавки от шипов. Старая лиса! Едва услышав о вертолете, он сразу приготовился к единственному для него пути спасения. Но если Бонд будет мчаться с такой скоростью, то наверняка догонит его. Только бы не вмазаться! Вот и зигзаг. Здесь он почти бессилен. Как мог, Бонд пытался маневрировать телом, локтем протаранил стену, его тут же отбросило на противоположную сторону, а потом опять — на середину прямой. Боже милостивый! Как же

больно! Он ощутил холод ветра на обоих локтях. Рукава в клочья! Значит, содрало и кожу! Бонд стиснул зубы. А ведь он проехал лишь половину дистанции, и хорошо, если половину! Но вот впереди, в лунном свете, показался человек — Блофелд! Бонд рискнул, приподнялся на одной руке и полез за пистолетом. Его чуть не сорвало с саней ветром, но оружие он достал. Он открыл рот и зубами расстегнул затвердевшую от холода кожаную кобуру. Захватил рукоятку пистолета правой рукой, оторвал ботинки ото льда и помчался как сумасшедший. Но в это время Блофелд исчез в тени огромного вала, возвышавшегося впереди. Это, должно быть, «Ад крошечный». Ну да ладно, если он одолеет и этот участок, впереди будет еще одна прямая — тогда он и начнет стрелять. Бонд опять уперся ботинками в лед, перед ним промелькнула ледяная стена, левее, и он мгновенно взлетает на нее, лезет прямо вверх! Господи! Через долю секунды он перелетит через край. Бонд уперся в лед правым ботинком, накренился вправо и рванул ручку управления. С трудом этот кусок алюминия подчинился ему; Бонд перестал лезть на вершину, когда до катастрофы оставались буквально считанные дюймы; он снова нырнул вниз — сначала чернота желоба, потом — по прямой в лунном свете. Другая летящая в желобе фигура находилась от него ярдах в 50 — лед фонтанами бил из-под шипов ботинок. Бонд затаил дыхание и сделал два выстрела. Он думал, что они были удачными, но Блофелд опять скрылся в тени. Однако Бонд настигал его неотвратимо. Бонд приоткрыл губы в почти зверином оскале.

— Ах ты гад! Теперь не уйдешь! Ни останавливаться не можешь, ни отстреливаться. А я бью словно молния! Расстояние сокращается, еще немного — и останется 10,5 ярдов. Вот тогда и схлопочешь!

Но тени таили еще одну опасность, длинные поперечные ледяные валы — отрезок трассы под названием «Вытряси всю душу». Бонд бился в этих ледяных волнах, чувствуя, что ботинки, которыми он пытался тормозить, вот-вот слетят с ног, он чуть не выронил пистолет, живот его приклеился к позвонкам, а грудная клетка трещала при каждом ударе. Но вдруг все окончилось, и Бонд втянул в себя воздух через сжатые зубы. Теперь уж только по прямой! Но что это там впереди, прямо на трассе? Что-то черное, размером с большой лимон, весело подпрыгивает, как детский резиновый мячик. Неужели Блофелд, от которого его отделяло всего лишь каких-то 30 ярдов, выронил что-то, потерял что-нибудь из своей экипировки? Так ли все просто? И вдруг

Бонд с ужасом, от которого почти стошнило, понял, что это могло быть. Он заскрежетал ботинками по льду. Бесплезно! Он приближался к весело подпрыгивающему предмету, летел прямо на него. На гранату!

Бонд, взмокнув от страха, поднял ноги и неудержимо рванулся вниз. Когда она должна взорваться? Когда Блофелд выдернул чеку? Ему оставалось только молиться богу и попытаться обогнать ее! В следующее мгновение Бонд почувствовал, как желоб взметнулся вверх гигантским взрывом, сани летели по воздуху. Он приземлился в мягкий снег, сани упали на него, и он сразу потерял сознание.

Позже Бонд понял, что пролежал без памяти только несколько минут. Страшный взрыв на горе привел его в чувство, и он попытался встать на ноги, по пояс в снегу. Двигаясь как в тумане, он посмотрел наверх, откуда раздался взрыв. Должно быть, взлетело на воздух здание клуба, было видно ослепительное пламя и столб дыма, поднимавшийся в небо. Раздалось эхо еще одного взрыва, и здание, где жил Блофелд, развалилось; огромные обломки с шумом и треском покатались с горы, они превращались в большие снежные шары, которые скатывались к границе леса. Господи, кажется, опять лавина, промелькнуло в голове Бонда. Потом он понял, что на этот раз это не имело значения, он находился намного правее, почти под подвесной дорогой. Но вот взлетела на воздух и сама станция; Бонд, замороженный, смотрел на то, как огромные лопнувшие тросы с шипением, извиваясь как змеи, поползли вниз по горе прямо на него. Он был абсолютно бессилен, оставалось только стоять и ждать. Если собьют его с ног, захлестнут — ничего не поделаешь. Но они пролетели мимо, взвихрив снег, обмотались вокруг высокой опоры, возвышавшейся на опушке леса, вырвали ее из земли с металлическим скрежетом и пропали на склоне.

Бонд тихо засмеялся от удовольствия и стал ощупывать себя, проверять, насколько цел. Об ободренных локтях он уже знал, но еще ужасно жгло лоб. Он осторожно дотронулся до него, потом зачерпнул ладонью снег и приложил его к ране. При лунном свете кровь казалась черной. Болело все тело, но, кажется, он ничего не сломал. Он нагнулся, потрясенный, к тому, что осталось от саней. Ручка управления отлетела, возможно, защитив его голову, полозья согнулись. Все заклепки страшно дребезжали, но, возможно, эта штука еще поедет. В конце концов, она должна поехать. По-другому ему с горы не спуститься! Пистолет? Куда там к черту, конечно, пропал. С трудом Бонд перелез через стену

желоба и, крепко держась за развалившиеся сани, стал осторожно сползать вниз. Как только он достиг дна желоба, заскользил вниз, успев плюхнуться на сани, которые стали неуверенно двигаться вперед. Погнутые полозья на поверку оказались сущим благом, они глубоко врезались в лед и медленно несли его вниз, оставляя за собой искореженную трассу. Были еще повороты, опасные места, но при скорости 10 миль в час все это казалось детской игрой. Бонд уже проехал мимо верхней границы леса и вышел на «Райскую аллею», на финишную прямую, где сани, замедляя ход, совсем остановились. Бонд вылез из саней и перебрался через низкий ледяной вал. В этом месте снег был утоптан зрителями, и он медленно поковылял дальше, стараясь не задевать ушибленные места и время от времени прикладывая горсть снега ко лбу. Что он найдет внизу, у станции подвесной дороги? Если там окажется Блофелд, то Бонд пропал! Но на станции не было видно огней, а оборванные тросы печально свисали до самой земли. Честное слово, взрывники поработали на славу! Но что стало с Марком-Анжем и его парнями, что с вертолетом?

Как бы в ответ на свой вопрос он услышал шум двигателя сверху в горах, и через минуту нескладной черной тенью вертолет скользнул по луне и исчез в долине. Бонд усмехнулся. Уж теперь-то им придется несладко, как-то на этот раз удастся вертолету вырваться из швейцарского воздушного пространства! Хотя Марк-Анж продумал и запасной путь — через Германию. Впрочем, это тоже дело нешуточное. Беседовать придется с диспетчерским контролем НАТО. Ну что ж, если уж марсельцы не смогут выкрутиться, не смогут проскочить какие-нибудь 200 миль, тогда что же говорить остальным!

На дороге из Самадена, так хорошо знакомой Бонду, вдруг завывла сирена пожарной машины. Мерцающий красный свет на крыше кабины был виден на расстоянии мили. Бонд, осторожно приближаясь к углу погруженной в темноту станции подвесной дороги, уже придумывал более или менее правдоподобную версию своего рассказа. Он почти ползком добрался до стены здания и огляделся вокруг. Никого! И ничего — кроме свежих следов от шин перед входом. Должно быть, Блофелд позвонил своему человеку сюда вниз до того, как покинул логово наверху, с помощью этого человека и его машины он рассчитывал скрыться. В какую же сторону они поехали? Бонд вышел на дорогу. Следы машины уходили влево. Вполне вероятно, что Блофелд сейчас на перевале Бернина, а может быть, уже проскочил его

и спускается вниз в Италию — ищи ветра в поле. Есть, пожалуй, возможность задержать его у границы, если помогут пожарные с той машины, фары которой сейчас освещали Бонда. Нет! Что за идиотизм! А откуда, простите, все это вам известно, если вы не были этой ночью на пике Глория? Нет, он должен играть роль самого тупого туриста в Энгадине!

Ярко-красная машина остановилась перед станцией подвесной дороги, клаксон прозвучал с металлическим стоном. Из машины выпрыгнули люди. Некоторые из них вошли в здание станции, в то время как другие стояли, уставившись на пик Глория, где все еще виднелось красноватое зарево. Мужчина в остроконечной шапке, скорее всего капитан пожарной команды, подошел к Бонду и приветствовал его. Он стал что-то быстро говорить по-немецки. Бонд покачал головой, показывая, что ничего не понял. Капитан попытался заговорить по-французски. Бонд опять показал, что не понимает. Позвали другого пожарного, немного знавшего английский.

— Что здесь происходит? — спросил он.

Бонд, изображая изумление, покачал головой.

— Понятия не имею. Я шел пешком из Понтресины в Самаден. Приехал на однодневную экскурсию из Цюриха и опоздал на свой автобус. Собирался сесть на поезд в Самадене. Потом, когда услышал взрывы там, в горах, — он неопределенно махнул рукой вверх, — пошел сюда к станции, чтобы посмотреть, затем меня кто-то ударил по голове и потащил по дороге. — Он показал на свою голову, всю в крови, на разбитые локти, которые торчали из разодранных рукавов. — Должно быть, это был оборвавшийся трос. Наверное, это им меня ударило и потащило. У вас есть с собой аптечка?

— Да, да. — Капитан крикнул что-то остальным, и один из его коллег в нарукавной повязке с красным крестом достал из машины свой черный чемоданчик и подошел к ним. Он пощелкал языком, глядя на ушибы и раны Бонда, и пока человек, разговаривавший с Бондом, пересказал его историю капитану, врач пригласил Бонда последовать за ним в туалет в здании станции. Там при свете фонаря он промыл Бонду раны, смазал их йодом, от которого ужасно щипало, и наложил широкие полоски эластичного пластыря. Бонд посмотрел на себя в зеркало и рассмеялся. Ну и жених! Вот так рожать! Человек с красным крестом на нарукавной повязке прокудахтал что-то в знак сочувствия, вытащил из чемоданчика фляжку с бренди и протянул ее Бонду. Бонд взглянул

на него благодарно и сделал большой глоток. Вошел переводчик.

— Мы здесь ничего сделать не можем. Нужен вертолет из отряда горных спасателей. Нам нужно возвращаться в Самаден и доложить о случившемся. Хотите поехать?

— Конечно хочу,— сказал Бонд с готовностью. Очень учтиво и вежливо, не задав ему ни одного вопроса, зачем это, к примеру, ему понадобилось идти пешком по льду в Самаден в такой темноте, вместо того чтобы взять такси, его со всеми удобствами доставили в Самаден и там, выразив самые глубокие симпатии, вполне доброжелательно отпустили с богом — высадили у железнодорожной станции.

В два часа утра Бонд оказался на Банхофштрассе в Цюрихе, у дверей квартиры начальника поста «Зет»; в Цюрих добрался на поезде — Персоненцуг-Куар, а потом экспресом. В поезде он немного вздремнул, но все равно почти валился с ног, тело ныло так, как будто его долго били деревянными дубинками. Он устало нажал кнопку звонка с табличкой «Мюир» и не отпускал ее, пока не вышел взъерошенный человек в пижаме и не приоткрыл дверь, не снимая цепочки.

— Бога ради, что все это значит? — спросил он сердито, по-немецки, но с английским акцентом.

Бонд ответил:

— Это я, вот что случилось. Это опять 007.

— Боже мой, это вы, заходите, заходите.— Мюир открыл дверь и быстро выглянул на пустынную улицу.— За вами что, погоня?

— Да нет,— сказал Бонд заплетающимся языком, он с удовольствием протиснулся в теплую прихожую. Начальник поста «Зет» закрыл дверь и запер ее. Он повернулся и посмотрел на Бонда.

— Господи, старина, что же с вами случилось? Вы выглядите так, как будто вас пропустили через мясорубку. Сюда, пожалуйста. Хотите выпить? — Он провел Бонда в удобную гостиную. Жестом указал на буфет.— Угощайтесь. Я только скажу Филлис, чтобы не волновалась, или, может быть, сказать ей, чтобы посмотрела ваши раны. Она прекрасно справляется с такими вещами.

— Да нет. Все нормально, не беспокойтесь. Глоток спиртного восстановит силы. Здесь тепло и хорошо. В жизни никогда больше не взгляну на этот проклятый снег.

Мюир вышел, и Бонд услышал какое-то ласковое бормотание в коридоре. Мюир вернулся.

— Филлис готовит вам комнату. Она оставит свежее белье и все необходимое в ванной. А теперь, — он налил себе немного виски с содовой, чтобы составить Бонду компанию, и сел напротив него, — расскажите мне все, что можете.

— Мне очень жаль, — сказал Бонд, — но я почти ничего не могу рассказать вам. Это то же самое дело, что и на днях. Просто продолжение. Уверяю вас, об этом лучше ничего не знать. Я бы не пришел сюда, но необходимо срочно связаться с М., с ним лично, шифр «три X», сообщение может быть прочитано только получателем. Будьте добры, запустите это в принтер.

— Конечно. — Мюир посмотрел на часы. — Половина третьего ночи. Чертовски неподходящее время, придется будить старика. Но это ваше дело. Сюда, заходите в кабину, так сказать. — Он пересек комнату и подошел к стене с книжными стеллажами, вытащил одну книгу и повертел ее в руках. Послышался щелчок, открылась настежь маленькая дверца. — Осторожно, пригнитесь. Это старая уборная, которой давно не пользуются. Как раз нужного размера. Немного душновато, когда работаешь с передатчиком и на прием, но тут уж ничего не поделаешь. Дверь можно не закрывать. — Он склонился к сейфу на полу, набрал цифровую комбинацию и вытащил что-то, напоминающее пишущую машинку. Установил ее на полке рядом с громоздким телепринтером, сел и отстукал позывные адресата, прокручивая после каждого слова маленький рычажок сбоку этого агрегата. — О'кэй. Начинайте!

Бонд прислонился к стене. Он перебрал в голове самые разные формулировки, пока добирался до Самадена. Текст должен быть составлен так, чтобы М. все стало ясно и чтобы Мюир вместе с тем остался в полном неведении, чтобы он был чист.

— Хорошо, — произнес Бонд, — передавайте.

**С ЦИТАДЕЛЬЮ РАЗОБРАЛИСЬ ТЧК ДЕТАЛЕЙ НЕ
ЗНАЮ ЗПТ ТАК КАК В ОДИНОЧКУ ОТПРАВИЛСЯ ЗА
ХОЗЯИНОМ ЗПТ КОТОРЫЙ К СОЖАЛЕНИЮ УСПЕЛ
УЕХАТЬ И СЕЙЧАС НАВЕРНОЕ УЖЕ В ИТАЛИИ ТЧК
ПОДРОБНЫЙ ОТЧЕТ ОТПРАВЛЮ С ПОСТА М ТЧК
СПАСИБО ЗА ДЕСЯТИДНЕВНЫЙ ОТПУСК ТЧК 007**

Мюир повторил шифровку и затем стал переводить пятизначные группы цифр, которые выдало шифровальное устройство, на телепринтер.

Бонд наблюдал, как отправлялось это сообщение, конец

еще одной главы его служебных обязанностей «на тайной службе Ее Величества», как выразился недавно Марк-Анж. А что подумает Ее Величество о целой цепи преступлений, совершаемых от ее имени? Боже мой, в этой клетушке можно задохнуться. Бонд почувствовал, что на лбу у него выступил холодный пот. Он закрыл лицо руками, пробормотал что-то несвязное относительно этой «проклятой горы» и почти грациозно рухнул на пол.

26

БЕЗОБЛАЧНОЕ СЧАСТЬЕ?

Трейси смотрела на него широко открытыми глазами, когда они встретились в Мюнхенском аэропорту у стойки паспортного контроля. Но пока не сели в крошку «Ланцию», она ничем не выдала своих чувств и только в машине разрыдалась.

— Что они с тобой сделали? — спросила она сквозь слезы. — Что же произошло на сей раз?

Бонд обнял ее.

— Все в порядке, Трейси. Уверяю тебя. Это всего лишь порезы и ушибы, как при неудачном падении на лыжах. Ну, не будь глупышкой! Такое может случиться с каждым. — Он погладил ее по волосам, вытащил носовой платок и вытер ей глаза.

Она отобрала у него платок и засмеялась сквозь слезы.

— Ну вот, ты испортил мне все ресницы. А я так старалась, именно для тебя. — Она достала из кармана маленькое зеркальце и аккуратно стерла следы туши. — Это глупо, но я так и знала, что опять должно что-то случиться. Как только ты сказал, что собираешься уехать на несколько дней уладить что-то, вместо того чтобы приехать сюда ко мне, я знала, что ты опять попадешь в какую-то передрагу. А потом еще позвонил Марк-Анж и спросил, не видела ли я тебя. Говорить он ничего не хотел, но в голосе его звучало беспокойство. И когда я ответила, что не видела тебя, он тотчас повесил трубку. А тут еще эта история с пиком Глория, о ней пишут во всех газетах. И ты был так сдержан, когда мы разговаривали по телефону сегодня утром. И звонил из Цюриха. Все сходится — один к одному. — Она убрала зеркальце и включила зажигание. — Ладно. Я не буду задавать вопросов. Извини, что я плакала. — И вдруг сказала и очень жестко: — Но ты такой идиот! Совсем не думаешь

о том, что это волнует кого-то еще. Все, как мальчик, играешь в индейцев. Ты такой... такой эгоист!

Бонд взял ее руку, лежащую на руле. Он терпеть не мог «сцен». Но то, что она сказала, было правдой. Он совсем о ней не думал, думал только о своей работе. Ему никогда и в голову не приходило, что кто-то беспокоится о нем. Прощальный кивок приятелей, когда он уходил на задание, несколько тщательно продуманных строчек в некрологе в «Таймс», мимолетная грустинка — сжалось сердце у нескольких женщин. Но теперь, в течение трех дней, он больше не будет один. Он — половинка двух людей. Но речь идет не о Мэй, не о Мэри Гуднайт, которые обычно начинали ахать да охать, когда он возвращался после выполнения задания в таком состоянии, что его в пору было укладывать в госпиталь. Теперь, если его убьют, останется Трейси, которая, по крайней мере частично, тоже умрет вместе с ним.

Маленький автомобиль ловко лавировал в потоке машин.

— Прости меня, Трейси,— сказал Бонд.— Но это надо было сделать. Ты же знаешь, как это бывает. Я просто не мог отказаться. Если бы увильнул от этой работы, я не был бы сейчас так счастлив. Ты же понимаешь, правда?

Она коснулась рукой его щеки.

— Я бы не любила тебя, если бы ты не был пиратом. Наверное, это у меня в крови. Я привыкну ко всему. Оставайся таким же. Я не хочу переделывать тебя, как это делают другие женщины. Я хочу жить вместе с тобой, с таким, как ты есть. Но не обращай внимания, даже если я иногда повою, как пес, или, вернее, как сука. Это только потому, что я люблю тебя.— По ее губам скользнула улыбка.— «Ди Вельт», в которой все написано, лежит на заднем сиденье.

Бонд рассмеялся — она умела читать мысли.

— Ну тебя к черту, Трейси.

Он потянулся за газетой. Давно уже умирал от желания посмотреть, что они там наплели, что стало известно. Вот этот материал, внизу, в промежутке между двумя передовыми, одной, безусловно, о Берлине, и другой, также наверняка о том чуде, какое являют собой последние данные о немецком экспорте. Все, что сообщал «наш собственный корреспондент» из Санкт-Морица, было сказано в заголовке: «Таинственные взрывы на пике Глория. Разрушена подвесная дорога к курорту миллионеров». И затем — несколько строк, повторяющих содержание заголовка, а также сообщение о том, что полиция на вертолетах вылетит туда рано утром. Заголовок рядом также привлек внимание

Бонда: «В Англии возникла опасность полиомиелита». И затем датированное днем раньше сообщение агентства Рейтер из Лондона: «В разных аэропортах Великобритании задержаны девять девушек. Их подозревают в том, что они могли иметь контакт с возможным носителем вируса полиомиелита, другой молодой англичанкой, в аэропорту Цюриха. Все девушки помещены в изолятор. Представитель министерства здравоохранения заявил, что это обычные меры предосторожности. Десятая девушка, носитель вируса, некая мисс Виолетта О'Нил, проходит обследование в госпитале Шеннона. Она родом из Ирландии».

Бонд улыбнулся про себя. Если англичан расшевелить, они еще и не такое смогут. Но сколько согласований потребовалось, чтобы составить это коротенькое сообщение? Начнем с М. Затем — Департамент уголовного розыска, отдел М 15, министерство сельского хозяйства и рыболовства, таможенная служба Ее Величества, паспортный контроль, министерство здравоохранения и правительство Ирландии. Все внесли свою лепту и сработали оперативно и со знанием дела. И окончательный продукт их совместных усилий, о котором сообщили всему миру, сначала дерелопастила «Пресс ассошиэйшн», а потом агентство Рейтер. Бонд бросил газету через плечо и посмотрел на старинные здания некогда одного из красивейших городов Европы, который теперь медленно перестраивался, в этом же старом районе Кайзер-Йслюу возникали однообразные послевоенные чисто городские пейзажи. Итак, дело сделано, задание выполнено!

Но самому Блофелду все-таки удалось уйти!

Они добрались до гостиницы около трех часов. Трейси ждала записка с просьбой позвонить Марку-Анжу в «Мэзон руж» в Страсбурге. Они поднялись в ее номер и сразу же позвонили.

— Он здесь, папа,— сообщила Трейси,— и, как ни странно, почти целый.— Она передала трубку Бонду.

— Он не ушел? — спросил Марк-Анж.

— Ушел, черт побери. Он сейчас в Италии. По крайней мере, я так думаю. Отправился в том направлении. А как там у вас? Снизу все выглядело очень эффектно.

— Нормально. Убрали всех.

— Убрали?

— Ну да, убрали навечно. Не нашли никаких следов вашего человека из Цюриха. Я потерял двоих. Наш приятель оставил сюрприз в своем шкафчике с документацией. Сюрприз достался Че-Че. А другой был недостаточно ловок. Это

все. Обратный полет — сплошное развлечение. Подробности завтра. Отправляюсь сегодня в своем спальном вагоне. Помнишь?

— Да. А как там, кстати, его подруга Ирма?

— Она исчезла. Ну да ладно. Неудобно было бы убраться, как и всех остальных.

— Да. Ну что ж, спасибо, Марк-Анж. И новости из Англии тоже обнадеживающие. До завтра.

Бонд положил трубку. Трейси благоразумно удалилась в ванную и заперла дверь.

— Теперь можно выходить? — крикнула она.

— Еще две минуты, дорогая. — Бонд позвонил на пост «Эм». Его звонка ждали. Он договорился встретиться через час с начальником поста, человеком, которого он немного знал, лейтенантом-коммандером Сэвиджем. Бонд выпустил Трейси из ванной, и они составили план на вечер, потом он пошел в свой номер.

Его чемодан был уже распакован, и около кровати стояла ваза с крокусами. Бонд улыбнулся, взял вазу и решительно поставил ее на подоконник. Потом он принял душ, хотя эта процедура отняла уйму времени, надо было не замочить поясок и сменить пропахший потом лыжный комбинезон на один из своих темно-синих костюмов, что прихватил с собой. Бонд сел за письменный стол и набросал конспект того, что собирался передать М. по телепринтеру. Потом он надел темно-синий плащ, вышел на улицу и пошел на Одеон-плац.

(Если бы он не был занят своими мыслями, то заметил бы на противоположной стороне улицы женщину: коренастая, похожая на жабу фигура в потрепанном темно-зеленом плаще из водонепроницаемой шерстяной ткани; женщина вздрогнула от удивления, когда увидела Бонда, неторопливо идущего по улице, она быстро пересекла проезжую часть и пошла за ним следом. Она знала толк в том, что делала, и, когда он вошел в недавно выстроенный жилой дом на Одеон-плац, не стала подходить ближе, чтобы установить адрес, а подождала на противоположной стороне площади, пока он не вышел обратно. После этого она проследовала за ним до «Вир Ярезитен», взяла такси, вернулась к себе, заказала международный телефонный разговор с гостиницей «Метрополь» в Лейк-Камо.)

Бонд поднялся к себе в номер. На письменном столе были разложены медикаменты и перевязочный материал. Бонд позвонил Трейси.

— Что это такое, на самом деле? Действовала отмычкой или чем еще?

Она рассмеялась:

— Я подружилась с горничной на этом этаже. Она понимает влюбленных. Не то, что ты. Что ты хотел сказать, когда переставил цветы?

— Славные цветочки. Мне показалось, что они будут выглядеть еще краше у окна, там их освещает солнце. А теперь предлагаю заключить соглашение. Если ты сейчас зайдешь ко мне и сделаешь перевязку, я, в свою очередь, сведу тебя вниз и угощу рюмочкой. Тебе закажу только одну. А себе — целых три. Это самая правильная пропорция, когда пьют мужчина и женщина. Идет?

— Идет. — Она повесила трубку.

Было ужасно больно, и у Бонда даже выступили слезы, хотя он крепко зажмурил глаза. Она поцелуями осушила слезы, вся побледнев от того, что увидела.

— Ты уверен, что не надо обращаться к врачу?

— А я уже обратился. Ты все сделала великолепно. Меня волнует теперь только одно, как же тут заниматься любовью. Если следовать правилам, то локти, как и всякому настоящему мужчине, очень быгодились.

— А давай не следовать никаким правилам. Но только не сегодня ночью и не завтра. Только когда поженимся. До тех пор я собираюсь изображать из себя девственницу. — Она говорила совершенно серьезно. — Жаль, что это не так, Джеймс. Вообще-то в определенном смысле я и есть девственница, ты ведь понимаешь. Люди могут предаваться любви, не любя.

— Выпьем, — решительно произнес Бонд. — Ведь впереди у нас целая вечность, еще наговоримся о любви.

— Ну и поросенок, — возмутилась она. — Нам так много надо сказать друг другу, а ты только о выпивке и думаешь.

Бонд рассмеялся. Он нежно притянул ее к себе и поцеловал долгим страстным поцелуем. Потом отодвинулся.

— Ну вот, это и есть начало нашей беседы. О менее интересных вещах поболтаем в баре. Потом закажем великолепный обед в «Вальтершпице» и поговорим о кольцах и о том, будем ли мы спать на отдельных кроватях или в одной и хватит ли у меня простыней и наволочек для двоих; поговорим и о других интересных вещах, которые связаны с женитьбой.

В таком духе они провели весь вечер, и у Бонда голова пошла кругом от всех реальных женских проблем, которые Трейси подняла — и очень серьезно; но он с удивлением обнаружил, что подобное состояние — это строительство соб-

ственного гнездышка, доставляет ему истинное удовольствие, он испытывал такое чувство, как будто наконец сможет по-настоящему отдохнуть, жизнь теперь будет полнее, она обретет смысл, так как все теперь пополам, все вместе. Единство душ! Как удивительно нежно звучала избитая фраза, как была кстати!

Весь следующий день прошел за веселым застольем с Марком-Анжем, чей огромный трейлер прибыл ночью и занял большую часть стоянки для машин позади гостиницы, и в поисках кольца для помолвки и обручального кольца в антикварных магазинах. Обручальное кольцо найти было нетрудно, традиционное простое золотое кольцо, но Трейси никак не могла решить, какое кольцо нужно для помолвки. В конце концов она отправила Бонда найти то, что ему понравится, а сама тем временем занялась последней примеркой своего выходного платья. Бонд взял такси и вместе с водителем, который был летчиком «Люфтваффе» во время войны и очень этим гордился, они объездили весь город, пока Бонд не нашел то, что хотел, в антикварном магазине около Нимфенбургского дворца. Это было кольцо в стиле барокко — две переплетающиеся бриллиантовые веточки в белом золоте. Кольцо выглядело благородно и просто, и таксисту оно тоже понравилось. Словом, дело было сделано, и двое мужчин отправились отпраздновать это дело в ближайшую пивную, где съели горы свиных колбасок и выпили по четыре огромных кружки пива, не забыв поклясться, что никогда не станут воевать друг против друга. После этого, довольный своей последней холостяцкой вечеринкой, Бонд, подвыпивший, вернулся в гостиницу, счастливо избежав объятий таксиста, направился прямо в номер Трейси и надел кольцо ей на палец.

Она расплакалась и все приговаривала, что это самое красивое кольцо в мире, но когда он обнял ее, сразу захихикала.

— О, Джеймс, ну ты и типус. От тебя так и разит пивом и колбасками. Где же ты гулял, поросенок эдакий?

Пока Бонд рассказывал ей о своих приключениях, она хохотала от всей души, такими смешными казались сцены его последнего загула. Потом она принялась дефилировать по комнате взад и вперед, делая преувеличенно грациозные движения рукой, выставляя напоказ кольцо, да так, чтобы бриллианты непременно заиграли. Потом раздался телефонный звонок. Это был Марк-Анж, который сказал, что хочет

поговорить с Бондом в баре: не будет ли Трейси так добра, чтобы отпустить его на полчаса?

Бонд спустился вниз и, хорошенько подумав, решил, что с тем пивом, которое он уже выпил, хорошо пойдет шнапс, и тут же заказал двойную порцию. Лицо у Марка-Анжа было серьезное.

— Теперь слушай меня внимательно, Джеймс. Мы так еще толком и не поговорили. Это неправильно. Я вот-вот стану твоим тестем, и я настаиваю на серьезном разговоре. Много месяцев тому назад я сделал тебе серьезное предложение. Ты его отклонил. А теперь его принял. Услугами какого банка ты пользуешься?

— Да ну вас, Марк-Анж,— сердито сказал Бонд.— Если вы думаете, что я приму от вас или от кого другого миллион фунтов стерлингов, то ошибаетесь. Я не хочу портить себе жизнь. Когда денег слишком много, нет ничего хуже, это настоящее проклятье. У меня достаточно денег. У Трейси их тоже хватает. И вообще, будет интересно копить деньги, чтобы купить что-то, что мы не можем позволить себе купить сразу. Деньги хороши, когда они есть и вместе с тем вроде их нет. Вот какие нужны деньги.

— Да ты совсем напился,— рассердился Марк-Анж.— Ты не понимаешь, что говоришь. Я вам предлагаю лишь пятую часть моего состояния. Понимаешь? Для меня это ничего не значит. Трейси привыкла иметь все, что она хочет. Я хочу, чтоб так было и дальше. Она — мой единственный ребенок. Ты же не можешь содержать ее на зарплату государственного служащего. Ты обязан принять от меня деньги!

— Если вы мне дадите какие-нибудь деньги, клянусь, я пушу их на благотворительные цели. Вам что, хочется, чтобы ваши деньги пошли на приют для собачек? Хорошо. Давайте!

— Но, Джеймс,—теперь уже упрашивал Марк-Анж,— а что ты сможешь принять от меня? Хочешь, я помешу капитал на имя ваших будущих детей. Хочешь?

— Еще не легче. Если у нас будут дети, я не хочу, чтобы этот аркан висел на их шее. У меня не было денег, и они мне были не нужны. Мне нравилось добывать деньги, играя в азартные игры, потому что это найденные деньги, деньги, которые вдруг свалились на тебя с неба. Если бы я получил деньги по наследству, то вел бы себя так же, как и все эти бездельники, друзья Трейси, на которых вы так много мне жаловались. Нет, Марк-Анж,— Бонд решительно допил свой шнапс,— так не пойдет.

Марк-Анж выглядел так, как будто он вот-вот расплачется. Бонд смягчился.

— Это очень мило с вашей стороны, Марк-Анж,— сказал он.— И я высоко ценю ваше предложение. Вот что я вам скажу. Если я поклянусь, что обращусь к вам сразу, как только кому-то из нас двоих когда-либо понадобится помощь, этого будет достаточно? Ведь мы можем заболеть и все такое. Или, скажем, было бы неплохо приобрести небольшой домик где-нибудь в деревне. Нам может понадобиться помощь, если пойдут дети. Ну и так далее. Так как насчет этого? Договорились?

Марк-Анж с сомнением посмотрел на Бонда своими собачьими глазами:

— Ты обещаешь? Ты не обманешь меня, разрешишь помочь? Разрешишь мне внести свою лепту в ваше счастье?

Бонд перегнулся через стол и взял Марка-Анжа за руку. Сильно сжал ее.

— Даю слово. Ну, а теперь возьмите себя в руки. Вон идет Трейси. Еще подумает, что мы тут спорим.

— Мы как раз это и делали,— мрачно сказал Марк-Анж.— И, кажется, впервые я спор не выиграл.

27

ЦЕЛАЯ ВЕЧНОСТЬ

«Согласен».

Джеймс Бонд произнес это слово в 10.30 утра, необыкновенно ясного утра в первый день Нового года, в гостинной генерального консульства Великобритании.

И он не кривил душой.

Генеральный консул оказался человеком знающим и сердобольным — таких среди британских консулов большинство. У него был выходной, и, как он доверительно сообщил, ему надо было прийти в себя после встречи Нового года. Он значительно сократил обычный срок со дня подачи заявления, пошел им навстречу и сделал это, по собственному признанию, потому что не раз уже рисковал карьерой — а этого надо бы поостеречься,— если полагал обстоятельства исключительными, ну, например, в случае надвигающейся смерти одного из вступающих в брак. «Вы оба выглядите достаточно здоровыми,— сказал он при первом их посещении,— несмотря на этот ужасный шрам у вас на голове, командер Бонд, и относительную бледность графини. Мне пришлось принять некоторые меры предо-

сторожности и получить из секретариата министерства иностранных дел специальное разрешение на отступление от принятых норм; к моему удивлению, такое разрешение незамедлительно было получено. Словом, пусть регистрация будет в первый день Нового года. И приходите ко мне домой. Жена безнадежно сентиментальна, особенно при отправлении мною подобных церемоний, а это входит в круг моих обязанностей. И я уверен, что ей будет очень приятно встретиться с вами обоими».

Документы были подписаны, и начальник поста «Эм», который согласился быть шафером и которому в глубине души очень хотелось сообщить эту сенсационную новость главе лондонского отделения, вытащил горсть конфетти и бросил ее так, что в основном оно засыпало с ног до головы Марка-Анжа. Он, кстати, явился в цилиндре и фраке и, что еще более удивительно, с двумя рядами правительственных наград, последней из которых, к неописуемому удивлению Бонда, была Королевская медаль, которой награждались борцы Сопротивления, дравшиеся за рубежом.

— Как-нибудь я расскажу тебе об этом, дорогой Джеймс, — сказал он, когда Бонд восхищенно поинтересовался происхождением этой награды. — Это была очень смешная история. Я сам себе устроил, как говорят американцы, «настоящий бал», поразвлекался, словом, вовсю. И, — он перешел на шепот и провел пальцем по своему коричнево-му носу с раздувавшимися ноздрями, — должен признаться, что не преминул воспользоваться представившейся возможностью и прибрал к рукам кое-какие секретные фонды одного из отделов абвера. Но «херкос одонтон», мой дорогой Джеймс! «Херкос одонтон»! Награды так часто бывают просто значками удачи. Если я и герой, то отличился особо в тех операциях, за которые никаких наград не дают. И, — он провел пальцами по груди, — на лацканах этого фрака, который, между прочим, я приобрел благодаря любезности превосходного парикмахерского салона в Марселе, едва ли есть место для всего, что мне там причитается по заслугам, по неофициальной линии.

Они простились, и Бонд позволил Марку-Анжу — себя он уверил, что в последний раз, — обнять себя; и они спустились с лестницы к ожидавшей их крошке «Ланции». Кто-то, Бонд подозревал, что жена консула, повязал на машине белые ленты, которые шли от угла ветрового стекла к решетке радиатора. Внизу стояла небольшая толпа зевак и прохожих, которые остановились — как это происходит

везде и всюду, чтобы посмотреть, кто же новобрачные и как они выглядят.

Генеральный консул пожал Бонду руку.

— Боюсь, нам не удалось сделать все так скромно, незаметно, как вам хотелось бы. Сегодня утром прибыла женщина-репортер из «Мюнхенер иллюстрирт». Нежелала назвать себя. Думаю, репортер отдела светской хроники. Мне пришлось сообщить ей голые факты. Она особенно интересовалась временем церемонии, если это можно так назвать, дабы они могли прислать фотографа. По крайней мере, хоть этого удалось избежать. Вроде никаких недоразумений, так я полагаю. Ну, прощайте, и всего вам наилучшего.

Трейси, которая решила отправиться в «путешествие» в темно-сером тирольском костюме с традиционной темно-зеленой отделкой и пуговицами из оленьих рогов, небрежно бросила свою шикарную модную альпийскую шляпу с яркой кокардой из бородки серны на заднее сиденье, села в машину и включила зажигание. Двигатель заурчал, затем мягко загудел, когда она переключила скорость, и они поехали по пустынной улице. Оба помахали рукой из окна, и Бонд оглянувшись назад, увидел, как Марк-Анж подбросил свой цилиндр в воздух. Им тоже махали вслед, машина завернула за угол, все исчезло.

Когда подъехали к автостраде Зальцбург — Куфштейн, Бонд сказал:

— Будь добра, дорогая, остановись на обочине, мне нужно сделать две вещи.

Она подъехала к обочине, где виднелась трава. Коричневая зимняя трава, проглядывавшая сквозь тонкий слой снега. Бонд потянулся к ней и обнял. Он нежно поцеловал ее.

— Это, во-первых, а во-вторых, я просто хотел сказать, что буду заботиться о тебе, Трейси. Ты же не станешь возражать, если я буду о тебе заботиться?

Она отстранилась и внимательно посмотрела на него. Улыбнулась. Взгляд ее стал задумчивым.

— Так вот что означает быть мужем и женой, не так ли? Ведь не говорят же просто — муж и жена. Ведь дело в том, чтобы о тебе заботились. Так давай же — просто — заботиться друг о друге.

— Хорошо. Но я бы на твоем месте себе не позавидовал. А теперь, просто, хочу выйти из машины и снять эти ленты. А то слишком похоже на коронацию. Ты не возражаешь?

Она засмеялась:

— У тебя привычка быть скрытным. А я хочу, чтобы все нас приветствовали по пути. Знаю-знаю, ты собираешься перекрасить эту машину в серый или черный цвет, как только представится удобный случай. Пусть будет так. Но с сегодняшнего дня ничто не помешает мне гордиться тобой, нести, словно флаг. Пусть и у тебя будет такое желание, будешь носить меня на руках.

— По всем выходным и праздничным дням.— Бонд вышел из машины и снял ленты. Он посмотрел на безоблачное небо, почувствовал тепло солнечных лучей на своем лице.— Как считаешь, мы не замерзнем, если опустим верх машины?

— Нет, давай. А то, когда верх поднят, видим лишь половину мира. И дорога отсюда до Китцбюхеля просто прекрасна. Мы всегда можем поднять верх, если захотим.

Бонд отвернул два болта и сложил парусиновый верх за сиденьями. Бросил взгляд на автостраду. Движение было интенсивным. У большой заправочной станции «Шелл» на полосе одностороннего движения, которую они только что проехали, ему бросился в глаза заправлявшийся ярко-красный открытый «Мазерати». Хорошая машина. И типичная щегольская пара, мужчина и женщина, на переднем сиденье — белые легкие плащи и полотняные шлямы, застегнутые под подбородком. Большие очки с темно-зелеными стеклами из слюды скрывали лицо. Обычная одежда немецких автолихачей. Слишком далеко, чтобы увидеть, так ли они хороши, как их машина, но силуэт женщины многого не обещал. Бонд сел рядом с Трейси, они поехали по дороге, по обе стороны от которой открывался прекрасный пейзаж.

Они почти не разговаривали. Трейси вела машину со скоростью около 80 миль в час, и вокруг них ревел ветер. Этим и плохи открытые машины. Бонд взглянул на часы. 11.45. Где-то в час они будут в Куфштейне. Там, на улице, поворачивающей к большому замку, была великолепная гостиница. Это было симпатичное уютное местечко, трогательное за душу звуками музыки, исполняемой на цитре, и нежными меланхолическими мелодиями тирольских йоделей. Именно здесь по традиции останавливались немецкие туристы после однодневных поездок в дешевую Австрию, прямо за немецкой границей; они останавливались здесь, чтобы заказать последний обильный обед — чисто австрийская кухня и вино. Бонд склонился к уху Трейси и сказал ей об этом, а также о другой достопримечатель-

ности Куфштейна — наиболее внушительном из всех когда-либо воздвигнутых мемориалов, посвященных войне 1914—1918 годов. Точно в полдень каждый день окна замка распахиваются настежь и исполняется соло на большом органе, находящемся в помещении замка. Орган слышно на километры, звуки несутся вниз по долине, расположенной между огромными горными хребтами. Куфштейн является как бы воротами в эту долину.

— Но мы не услышим орган. Сейчас уже почти двенадцать.

— Ничего,— сказала Трейси.— Обойдусь и цитрами, пока ты будешь поглощать свое пиво и шнапс.

Она свернула на правую развилку дороги, ведущей вниз на Куфштейн, вот они уже проскочили Розенхейм, и возникли огромные снежные горные вершины.

Движение уже не было столь интенсивным, навстречу не попадалось почти ни одной машины. Дорога стрелой уходила между белыми полями и рощами лиственниц к той сверкающей границе, где веками проливалась кровь воюющих армий. Бонд оглянулся назад. На расстоянии нескольких миль сзади них на автострате появилась красная точка. «Мазерати»? Да, у них наверняка нет духа соперничества, если не могут догнать «Ланцию», идущую со скоростью 80! Какой смысл иметь подобную машину, если не гнать на ней с такой скоростью, что весь остальной транспорт можно наблюдать в зеркале заднего обзора. Может, чересчур несправедлив к ним. Может быть, им тоже хочется ехать спокойно и наслаждаться красотой дня.

— Нас быстро нагоняет какая-то красная машина,— сказала Трейси спустя 10 минут.— Хочешь, чтобы мы оторвались от нее?

— Нет,— ответил Бонд.— Пусть обгоняет. Ведь у нас впереди много времени, целая вечность.

Вот он уже слышал звук работы восьми цилиндров. Бонд выкинул руку влево, подняв большой палец, показывая, что «Мазерати» может обгонять их.

Звук восьмицилиндрового двигателя превратился в оглушительный рев. Ветровое стекло «Ланции» рассыпалось, как от удара кулаком какого-то монстра. Бонд увидел напряженно ощерившийся рот под сифилитичным носом, увидел, как полыхнул глушитель какого-то автоматического оружия, и красная машина пролетела мимо, а «Ланция» с бешеной скоростью понеслась с дороги через полосу снега, пробивая себе путь через молодую рощицу. Затем Бонд ударился головой о ветровое стекло и потерял сознание.

Когда он пришел в себя, то увидел какого-то человека в форме автодорожной полиции цвета хаки. Молодое лицо его сказали ужас, он изо всех сил тряс Бонда.

— Что произошло? Что произошло? — повторял он по-немецки.

Бонд повернулся в сторону Трейси. Она лежала, наклонившись вперед, лицом на изуродованном руле. Ее розовый платок сполз, и прядь золотистых волос свисала, скрывая лицо. Бонд взял ее за плечи, на которых стали расцветать темные пятна.

Он прижал ее к себе. Он посмотрел на молодого человека и ободряюще улыбнулся.

— Все в порядке, — сказал он четко, как бы объясняя что-то ребенку. — Все абсолютно в порядке. Она отдыхает. Мы скоро снова поедem. Спешить некуда. Понимаете. — Бонд склонил голову к Трейси и прошептал ей на ухо: — У нас ведь впереди много времени, целая вечность.

Молодой полицейский испуганно взглянул в последний раз на неподвижную пару и поспешил к своему мотоциклу, по рации — срочно, очень срочно — он начал торопливо вызывать «скорую помощь».

**ЖИЗНЬ ДАЕТСЯ
ЛИШЬ
ДВАЖДЫ**

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1

«Приятнее с надеждой путь держать...»

Ножницы режут Бумагу

Гейша по имени «Трепещущий Лепесток», стоя на коленях перед Джеймсом Бондом, склонилась к нему и быстро поцеловала в щеку.

— Что за дела? — сурово спросил Бонд. — Мой выигрыш — поцелуй в губы. По меньшей мере, — добавил он. Переводила «Серая Жемчужина», хозяйка заведения: черные лакированные зубы, сногсшибательные манеры, густой грим, словом, самый настоящий персонаж театра «Но». Девушки вокруг хихикали и шептались. «Трепещущий Лепесток», изобразив оскорбленную невинность, закрыла лицо руками. Но вот пальцы раздвинулись, и дерзкий карий глаз подмигнул Бонду. Тело ее стремительно изогнулось. На этот раз настоящий поцелуй в губы, мучительно долгий. Приглашение? Соблазн? Бонд помнил, рядом с ним сидит «постельная» гейша, гейша низшего разряда. Она не слишком сведуща в традиционных искусствах — не сможет рассказать забавную историю, петь, рисовать или сочинять стихи в честь гостя. Но, в отличие от своих утонченных подруг, готова на менее романтические услуги. Главное условие — не распускать язык. И стоять это будет дорого. Но, в любом случае, грубому иностранцу постель понравится больше, чем «танка», в которой он сравнивается с хризантемой на склонах Фудзиямы, и которую он все равно не поймет.

Аплодисменты, встретившие эту вспышку неприкрытого желания, быстро и почтительно смолкли. Коренастый мужчина в черном кимоно, сидевший за низким красным лакированным столиком напротив Бонда, вынул зажатый в золотых зубах мундштук «Данхил» и положил рядом с пепельницей.

— Бондо-сан,— сказал Тигр Танака, шеф японской Секретной Службы,— предлагаю вам сыграть и заранее уверен в своей победе.

Миндалины глаз превратились в узенькие щелки. Большое загорелое лицо сморщилось в знакомой улыбке. И не улыбка это была, а блестящий золотом оскал тигриной маски.

Бонд рассмеялся:

— Ладно, Тигр. Но для начала еще sake! И не из этих дурацких наперстков. Пять порций, а толку, как от одного двойного martini. Раз уж я решил продемонстрировать превосходство западной мудрости над коварством Востока, надо повторить. Найдется среди всей этой китайской дребедени обыкновенный высокий стакан?

— Бондо-сан, это не китайский фарфор. Боюсь, в выпивке вы разбираетесь получше. Кроме того, не стоит недооценивать sake. У нас есть поговорка: «Человек пьет первый кувшин sake, затем второй кувшин пьет первый, а потом sake пьет человека».

Тигр Танака повернулся к «Серой Жемчужине» и, смеясь, заговорил. «Шуточки по поводу неотесанного европейца и его бездонного желудка»,— решил Бонд. Мадам что-то сказала, и «Трепещущий Лепесток», низко поклонившись, выскользнула из комнаты. Тигр повернулся к Бонду.

— Вы произвели впечатление, Бондо-сан. Только борцы «сумо» могут выпить столько sake и устоять на ногах. Вы, несомненно, способны на восемь кувшинов.— Тигр хитро улыбнулся.— Но она считает, что для девушки к концу вечера толку от вас не будет.

— Скажите, что ни одна из девочек ей в подметки не годится. Я уверен, в ее арсенале есть средства, способные воскресить и мертвого.

Лесть достигла цели. «Серая Жемчужина» быстро заговорила. Тигр переводил:

— Бондо-сан, эта женщина не глупа. Она говорит, что уже состоит в законном браке с одним «Бон-сан», и на ее «футоне» нет места для другого. «Бон-сан» — в переводе священник. А «футон», как вы знаете, постель. Она скаламбурила на вашем имени.

Вечеринка с гейшами тянулась уже два часа, и челюсти Бонда ныли от бесконечных улыбок и вежливых ответов. Дурацкие звуки трехструнного самисена отнюдь не улаживали его слух, девушки надоели, и Бонду ужасно хотелось отвесить прощальный поклон. Тигр Танака с садистским удовольствием наблюдал за его мучениями. Дик-

ко Хендерсон предупреждал Бонда, что иностранцу эти вечеринки напоминают попытку развлечь толпу незнакомых друг с другом ребяташек в детском саду со строгой воспитательницей — мадам. Но еще Дикко сказал, что Тигр Танака оказывает ему высокую честь, а вечеринка обойдется Тигру в маленькое состояние, из секретных ли фондов, или его собственного кармана, и Бонду лучше не выпендриваться, приглашение к гейшам — настоящий прорыв в операции, но может обернуться и катастрофой, здесь уж все зависит от Бонда.

Бонд улыбнулся и хлопнул в ладони, изображая восторг. Он сказал Тигру:

— Скажите старой суке, что она умная старая сука, — принял чертов наперсток подогретого саке из рук «Трепещущего Лепестка» и осушил его двумя глотками. Потребовал, чтобы принесли еще, положил кулак на красный лакированный стол и с насмешливой воинственностью сказал: — Отлично, Тигр! Начнем!

Это была старая, как мир, игра — Ножницы режут Бумагу, Бумага скрывает Камень, Камень тупит Ножницы; детишки в нее играют повсюду. Кулак — это Камень, два вытянутых пальца — Ножницы, а раскрытая ладонь — Бумага. Два игрока одновременно сжимают кулаки, и на счет «три» выбрасывается избранный предмет. Угадай предмет противника и выбрось свой — твоя победа. И блефуй из всех сил.

Тигр Танака поднял кулак. Два человека внимательно смотрели в глаза друг друга. Мертвая тишина повисла в маленькой комнате с бумажными стенами. Впервые за весь вечер было отчетливо слышно мягкое журчание крошечного ручейка в саду. И, может быть, из-за этой тишины, или же из-за серьезного и решительного выражения, внезапно появившегося на жестоком самурайском лице Тигра Танаки, по коже Бонда побежали мурашки.

Это была уже не детская игра. Тигр обещал победить Бонда. Поражение обойдется дорого. На сколько? Оборвет дружбу, связавшую их за последние недели? Тигр — один из самых влиятельных людей в Японии. Проиграть паршивому иностранцу, да еще в компании двух женщин! Девки могут проболтаться. На Западе это ерунда, так, карточный проигрыш в клубе. Но на Востоке! Вообще-то, Дикко Хендерсон внушил Бонду, что условности Востока, как бы старомодно или по-дурачки банально они не выглядели, надо уважать, но в деталях Бонд путался.

Что же делать, выиграть или постараться проиграть?

Но и проигрыш следовало продумать. Проиграть специально было так же трудно, как и выиграть. Даже этот идиотский маленький гамбит значил многое для успеха полученного Бондом необычного задания.

Шестым чувством Тигр Танака угадал решение проблемы. Он хрипло рассмеялся, и в смехе его не было ни юмора, ни радости.

— Бондо-сан, сейчас, когда я хозяин, а вы почетный гость, с моей стороны было бы естественно дать вам выиграть. Было бы... И поэтому я заранее приношу извинения за свой выигрыш.

Бонд весело улыбнулся:

— Дорогой мой Тигр, стоит ли играть, не собираясь выигрывать. Не оскорбляйте меня намеренным проигрышем. Но вы меня провоцируете. Тактика борцов «сумо» перед боем. Пожалуйста, объявите нашей уважаемой аудитории, что я полон решимости утереть вам нос и тем продемонстрировать не только превосходство Великобритании, и, особенно, Шотландии над Японией, но и превосходство нашей королевы над вашим императором.

Подогретый sake, Бонд разошелся. Такие разные обычаи их стран были темой бесконечных шуток, и Тигр, получивший перед войной в «Тринити» бакалавра с отличием, страшно гордился «демокрацу» своих взглядов и либеральной широтой восприятия Запада. Но Бонд, заметивший внезапный блеск в темных глазах, вспомнил предупреждение Дикко: «Слушай, ты, безмозглый островитянин. Ты все делаешь правильно. Но не испытывай судьбу. Т. Т. — малый цивилизованный — по-японски, конечно. Смотри, не залети. Черный пояс в дзюдо у него был задолго до учебы в вашем паршивом Оксфорде. И шпионажем он занимался еще перед войной, помощником военно-морского атташе в Лондоне. А вы, из-за оксфордской степени, идиоты, считали его примерным мальчуганом. И не забывай послужной список Тигра. Не забывай, что войну он закончил адъютантом адмирала Ониси и проходил подготовку камикадзе, когда янки на шумели над Хиросимой и Нагасаки, и «Восходящее Солнце» сделало салют назад в океан. А если ты все это вдруг забудешь, спроси себя, почему из девяноста миллионов японцев именно Т. Т. стал шефом «Коан-Чоса-Куоку» — Секретной Службы. О. К., Джеймс? Усек?»

Здесь, в Японии, Бонд усердно отрабатывал позу лотоса. Тоже по совету Дикко. «Проникнешься ты духом этой нации или нет, — сказал тот, — тебе придется провести массу

времени, уминая землю собственной задницей. Эта индийская поза со скрещенными ногами — единственный способ не растянуть связки. Потребуется тренировка, но жить будешь и сохранишь лицо».

Кое-каких успехов Бонд уже достиг, и все же сейчас, отсидев два часа, чувствовал, что, не изменив позы, останется кривоногим на всю жизнь. Сказал Тигру:

— Играя с таким мастером, как вы, нужно сменить позицию и сконцентрироваться.

С трудом поднялся, потянулся и вновь уселся — на этот раз вытянув одну ногу под низким столиком и уперев левый локоть в согнутое колено другой.

Какое блаженство. Он поднял свою чашу, и «Трепещущий Лепесток» послушно наполнила ее из большой плоской бутылки. Бонд проглотил sake, протянул чашу девушке, и внезапно треснул правым кулаком по лакированному столику так, что задребезжали маленькие вазочки с засахаренными фруктами и зазвенел фарфор. Он воинственно взглянул на Тигра Танаку.

— Начнем!

Тигр поклонился. Бонд ответил поклоном. Девушка замерла в ожидании. Глаза Тигра впились в Бонда, пытаясь угадать ход. Бонд решил не загадывать заранее, играть по наитию, пусть кулак сам выбрасывает нужную фигуру.

Тигр сказал:

— Три игры по три кона?

— Согласен.

Два кулака медленно легли на стол, побарабанили в унисон и стремительно взлетели. Тигр выбрал Камень. Открытая ладонь Бонда была Бумагой, оборачивающей Камень. Один — ноль, в пользу Бонда. Тот же ритуал и — момент истины. Тигр вновь выбросил Камень. Вытянутые пальцы Бонда означали Ножницы, затупленные о Камень. Один — один. Тигр помедлил и прижал кулак ко лбу. Задумался, закрыв глаза, и сказал:

— Так. Я поймал вас, Бондо-сан. Теперь вам не уйти.

— Валяйте, — сказал Бонд, пытаясь избавиться от мысли, что Тигр вновь выбросит Камень, или же наоборот, Тигр решит, что Бонд будет играть Бумагу и выберет Ножницы.

Варианты мелькали, как фрукты на табло однорукого бандита.

Два кулака подняты — раз, два, вперед!

Тигр держался за свой Камень. Бонд завернул его в Бумагу.

Первая игра за Бондом.

Вторая партия была длиннее. Они часто выбрасывали одинаковые фигуры, приходилось переигрывать. Казалось, они пытались понять психологию друг друга. Но только казалось. Бонда психология не интересовала. Он полагался на интуицию. Нужна всего лишь удача.

Тигр выиграл. Один — один.

Последняя игра! Они посмотрели друг на друга. Бонд мягко, чуть насмешливо улыбнулся. Ярость блеснула в глубине темных глаз Тигра. И Бонд заметил это: «Умнее будет проиграть. Или?»

Он выиграл двумя стремительными ходами, затупив Ножницы Тигра своим Камнем, завернув Камень Тигра в свою Бумагу.

Тигр низко поклонился. Бонд поклонился еще ниже. Он искал нужные слова.

— Эта игра должна быть включена в вашу Олимпиаду. Меня, несомненно, пошлют защищать цвет нации.

Тигр Танака вежливо улыбнулся:

— У вас прекрасная интуиция. В чем же секрет вашего метода?

Метода у Бонда не было. Но он тут же изобрел нечто, подходящее для Танаки.

— Вы человек из гранита и стали, Тигр. Я решил, что уж Бумагу-то вы не выберете. И играли соответственно.

Фокус прошел. Тигр поклонился. Бонд поклонился и, подняв тост за Тигра, хватил еще sake. Гейша заплотировала, а мадам поручила «Трепещущему Лепестку» подарить Бонду еще один поцелуй, что та незамедлительно и сделала.

Что за кожа у японок! Как легки их прикосновения! Джеймс размышлял о предстоящей ночи, но тут Тигр сказал:

— Бондо-сан, мне нужно кое-что обсудить с вами. Окажите мне честь и будьте гостем у меня дома.

Игривые мысли тут же исчезли из головы Бонда. Как говорил Дикко, побывать у японца дома — невиданная честь. Похоже, он правильно поступил, победив в этой детской игре. Открывались перспективы. Бонд поклонился.

— С величайшим удовольствием, Тигр.

Часом позже они сидели в нормальных креслах, поднос с выпивкой стоял рядом. Огни Йокогамы светились на горизонте, и слабый запах гавани и моря чувствовался через широко открытую перегородку, смотрящую в сад. Как и

все японские дома, дом Тигра был построен так, чтобы обитатель его был как можно ближе к природе. Три другие перегородки квадратной комнаты тоже были приподняты, открывая спальню, маленький кабинет и коридор.

Тигр поднял перегородки, как только они вошли в комнату.

— На Западе, обсуждая секреты, закрывают все окна и двери. В Японии мы все открываем, чтобы никто не подслушал за тонкой стеной. А я хочу поговорить с вами о вещах совершенно секретных. Саке не остыло? Курите, это ведь ваши любимые? Теперь слушайте, и все услышанное должно остаться между нами.

Тигр Танака улыбнулся своей золотой улыбкой и невесело рассмеялся:

— Если проболтаетесь, мне придется вас ликвидировать.

2

Прикрытие для Бонда?

А ровно месяц назад, как и всегда в это время, закрывался «Блейдз». И со следующего дня, первого сентября, членам его, непростительно застрявшим в Лондоне, придется весь месяц таскаться в «Вайтс» или «Будлз». «Вайтс» был чересчур «прикинутым» и шумным, «Будлз» забит престарелыми сельскими сквайрами, болтающими только об открытии сезона охоты на куропаток.

Это был жуткий месяц. И он наступил. Считалось, что обслуге в «Блейдз» требуется отдых. Кроме того, нужно было что-то покрасить, и крыша прогнила.

М., сидевшему у эркера, выходящего на площадь Сент Джеймс, на все это было наплевать. Ему предстояла двухнедельная ловля форели на реке Тест, а две оставшиеся недели он обойдется кофе и бутербродами на работе. В «Блейдз» он ходил редко, в основном с важными гостями. Он не был «клубменом», а будь на то его воля, выбрал бы «Сениор», лучший армейский клуб в мире. Но там было слишком много знакомых и слишком много «деловых» разговоров. И слишком много бывших сослуживцев, которые обязательно подойдут и спросят, чем же это он занимается после отставки. А врать, что есть такая фирма «Юни-вёрсэл Экспорт», надоело, да и не стоило рисковать.

Портфилд занимался сигарами: придвинул ящичек и предложил его гостю. Сэр Джеймс Молони насмешливо поднял брови:

— Смотрю, «гаваны» у вас не переводятся.

Его рука замерла над ящиком. Он выбрал «Ромео и Джульетту», осторожно вытащил ее и понюхал. Повернулся к М.:

— А что «Юнивёрсэл Экспорт» посылает Кастро взамен? Ракеты «Блу Стрик»?

М. шуточка вовсе не позабавила, заметил Портфилд. Он служил под командой М. еще главстаршиной на флоте. Он ответил быстро, но с достоинством:

— Вы знаете, сэр Джеймс, лучшие сорта с Ямайки сейчас почти не уступают «гаванам». По крайней мере, верхний лист делается именно так, как надо.

Портфилд закрыл стеклянную крышку ящика и отошел.

Сэр Джеймс Молони взял со стола специальный пробойничек, тщательно проколол кончик своей сигары, прогрел его зажигалкой «Свон Веста» и потихоньку запыхтел, раскуривая. Отпил глоток коньяка, потом кофе и поудобнее устроился в кресле. С добродушной иронией взглянул на хозяина кабинета:

— Отлично, друг мой. Рассказывайте. В чем дело?

Мысли М. витали где-то далеко. Казалось, он целиком был занят своей трубкой..

— Какое дело? — спросил он рассеянно.

Сэр Джеймс Молони был крупнейшим неврологом Англии. Годом раньше он получил Нобелевскую премию за свои знаменитые «Некоторые побочные психосоматические явления органической неполноценности». Заодно он консультировал Секретную Службу. И хотя приглашали его нечасто и только в особых случаях, проблемы эти весьма его занимали, были интересны как специалисту и важны для безопасности страны. Теперь, после войны, бывал он здесь совсем редко.

М. отвернулся от гостя и принялся разглядывать автомобили на площади.

— Друг мой, — сказал сэр Джеймс, — как и у всех, у вас есть стереотипы поведения. Один из них: приглашаете меня на ланч в «Блейдз», закармливаете, как страсбургского гуся, посвящаете в очередную гнусную тайну и просите помочь разобраться в ней. В последний раз, припоминаю, хотели, чтобы я извлек информацию из некоего дипломата, загнав его в глубокий гипноз. Вы сказали, что это последний шанс. Помочь я вам не смог, а через пару недель узнал из газет, что этот человек погиб после неудачного опыта с силами земного тяготения на уровне одиннадцатого этажа. Коронер вынес вердикт, где можно было выбрать

между «упал или был выброшен». Чем я буду расплачиваться за ужин на сей раз? — Уже добродушнее сэр Джеймс добавил: — Давайте, М.! Облегчите душу!

М. холодно посмотрел ему в глаза.

— Это 007. Он меня все больше и больше беспокоит.

— Я его дважды обследовал. Что-нибудь новое?

— Нет. Все по-прежнему — медленно разваливается на части. Опаздывает на службу. Плохо работает. Делает ошибки. Слишком много пьет и просаживает кучу денег в игорном клубе. Скоро на него просто невозможно будет положиться. Черт знает что, с его-то послужным списком.

Сэр Джеймс покачал головой:

— Ничего странного. Вы или не читали мои отчеты, или читали невнимательно. У парня нервный шок.

Сэр Джеймс наклонился и нацелился сигарой в грудь М.

— Вы жесткий человек, М. Должно быть, из-за такой работы. Но есть проблемы — человеческие, например, которые невозможно решить линьком. Как раз такой случай. Ваш агент, упрямый и мужественный, каким и вы были в его годы. Холостяк и бабник. Внезапно влюбляется, отчасти потому, что его дама в беде и нуждается в помощи. Удивительно, как мягки иногда эти жесткие парни. Он женится, и через несколько часов ее убивают. Как звали убийцу?

— Блофелд, Эрнст Ставро Блофелд.

— Ну вот, парень отделался трещиной в черепе. Но потом ему стало совсем плохо, и ваши медики решили, что у него мозги не в порядке, и отправили его ко мне. А у него ничего нет. Физически здоров — но в шоке: пропал вкус к жизни. Я слышу это от пациентов каждый день. Психоневроз. На вашего парня это свалилось внезапно. Ситуация трагическая: гибель любимой, к тому же он считает себя виновником ее смерти. А раньше всегда был хозяином положения. Попробуйте-ка поставить себя на его место. Вот этот страшный груз и разрушает его личность. Я писал вам, что только работа, сложная и опасная, может вывести его из шока. Он должен понять — у катастрофы предела нет. Пока ты дышишь, принимай жизнь со всеми ее несчастьями. Они — одно из условий человеческого существования. Вы давали ему задания в последние месяцы?

— Дважды. И оба раза — полный провал. Чуть было не погиб сам, наделал ошибок и подставил под удар других. Вот это-то меня и волнует. Раньше у него ошибок не было. А сейчас, похоже, неудачи сами ищут его.

— Еще один невротический симптом. Что вы намерены делать?

— Вышвырнуть его. Как смертельно больного. Я не собираюсь держать в отделе недоумка, каких бы оправданий вы, психологи, для него не выдумали. И плевал я на все его прошлые заслуги. На пенсию. Почетная отставка, и все такое. Найду ему какое-нибудь занятие. Пусть банки охраняет.

М. неуверенно смотрел в голубые детские глаза знаменитого ученого:

— Вы-то меня понимаете, сэр Джеймс? И в штаб-квартире, и у оперативников все забито, и нет такого места, куда я бы мог засунуть 007 и позволить ему ошибаться.

— Вы теряете одного из лучших своих людей.

— Что поделаешь... Я не могу рисковать.

Сэр Джеймс повернулся к окну, задумчиво попыхивая сигарой. Бонд ему нравился. Ему и раньше приходилось консультировать этого парня. Он чувствовал в нем настоящее мужество, душевные силы, позволяющие выстоять там, где обычный человек ломается. Экстремальная ситуация высвобождает эти резервы, разбудит жажду жизни. Он помнил, как бесчисленные невропаты навсегда исчезли из его кабинета сразу после начала войны. Нарастающий страх и возрастающие неприятности вытеснили меньшие. Он принял решение. Он повернулся к М.:

— Дайте ему еще один шанс. Уверен, что поможет. Ответственность беру на себя.

— Что вы имеете в виду?

— Я мало что знаю о вашей работе, М. Своих секретов хватает. А вот этому парню нужно поручить что-то совершенно невыполнимое. Не обязательно опасное, убийство там, или похищение русских шифров. Но что-то очень важное и столь же безнадежное. Дело, которое заставит забыть о личных неприятностях, заставит его мобилизоваться. Не жалейте его. Он любит свою страну — используйте его патриотические чувства. Грудь в крестах, или голова в кустах. Для человека его склада это важно. Придумайте дело, требующее немедленного решения. Дайте ему задание! И он придет в себя. По крайней мере, дайте ему шанс. Договорились?

Пронзительный звонок красного телефона, молчавшего так много недель, вышвырнул Мери Гуднайт из ее кресла перед пишущей машинкой, как эжектор отстрелянную гильзу. Она метнулась в соседнюю комнату, подождала

секунду, переводя дыхание, и, с опаской, как гремучую змею, взяла трубку.

— Да, сэр... Нет, сэр. Это его секретарь.

Она посмотрела на часы, ожидая худшего.

— Это так неожиданно, сэр. Он будет через несколько минут. Попросить его позвонить вам, сэр? Да, сэр.

Она положила трубку. Пальцы дрожали.

— Черт побери! Где его носит? Джеймс, ну поторопись, пожалуйста,— сказала она. Печально вернулась в приемную и села за машинку. Невидящими глазами посмотрела на нее и сосредоточила все свои телепатические способности: «Джеймс, Джеймс! М. ищет тебя! Ты ему нужен!».

«Синхрофон!» — внезапно мелькнуло в голове. Только бы он не забыл. Она быстро зашла в его кабинет, рывком открыла правый ящик стола. Нет! Маленький пластиковый приемник, по которому его могли бы вызвать с центрального пульта, был тут. Все старшие офицеры штаб-квартиры должны были брать эту штуковину с собой, покидая здание. Но уже столько времени ему было на все наплевать. Она выхватила приборчик из ящика и швырнула на стол. «Черт бы тебя побрал!» — выкрикнула она и понуро пошла к себе.

Состояние здоровья, погода, чудеса природы — все это лет до сорока не слишком занимает нормального человека. Лишь ближе к среднему возрасту они перестают быть фоном для вещей более интересных. До недавнего времени именно так относился к ним и Джеймс Бонд. Хорошее здоровье, не считая кое-каких случайностей, после которых приходилось заштопывать дыры, и которые он воспринимал, как падение в детстве с дерева, было его естественным состоянием.

Погода? Единственная проблема — взять плащ или опустить верх на «бентли».

В птичках, пчелках и цветочках его интересовало лишь, кусаются ли они, или жалят, и хорошо или плохо пахнут. Но сегодня в последний день августа, ровно восемь месяцев спустя после гибели Трейси, он сидел в Риджентс-парке, и мысли его были заняты именно этими тремя вещами.

Первым делом — здоровье. Чувствовал он себя паршиво, и знал, что так же и выглядит. Уже несколько месяцев, тайком, он обходил лучших частных врачей Лондона, обращался к узким специалистам и терапевтам — всезнайкам, каким-то шарлатанам, даже к гипнотизеру. Он объяс-

нял: «Состояние жуткое. Сплю плохо. Практически ничего не ем. Слишком много пью. Работа не ладится. Разваливаюсь на куски. Помогите». И каждый измерял ему кровяное давление, делал анализ мочи, прослушивал сердце и легкие, задавал вопросы, на которые он честно отвечал. После всего ему сообщали, что у него в общем-то все в порядке. Он платил свои пять гиней и со свежей пачкой рецептов отправлялся в ближайшую аптеку — за транквилизаторами, снотворным, тонизирующим.

И вот только что он послал к черту последнюю свою надежду — гипнотизера, посоветовавшего ему для восстановления мужества трахнуть какую-нибудь бабу.

Можно подумать, что он не пытался! И предлагавших ему это на чердаке. И просивших связать их в Париж. И спрашивавших безразлично: «Теперь получше, милоч?»

Гипнотизер был неплохой парень. Наводил тоску рассказами о том, как лихо сводит бородавки, и как за ним охотилась Британская медицинская ассоциация, но, в конце концов, Бонду надоело сидеть в кресле, слушая тихий монотонный голос, и, по приказу, расслабляться, уставившись на голую лампочку под потолком.

Он плюнул на курс стоимостью в пятьдесят гиней и сидел сейчас в тихом садике. Пора было возвращаться в контору — всего десять минут ходу через парк.

Бонд посмотрел на часы. Начало четвертого, опоздал уже на полчаса. Провались все пропадом! Господи, ну и жара. Он вытер лоб ладонью, а ладонь о брюки. Он никогда так не потел. Климат меняется. Атомные бомбы... что бы там умники ни говорили.

Хорошо бы сейчас очутиться где-нибудь на юге Франции. Где можно купаться, когда захочешь. Но в отпуске он уже был. Что за дерьмовый месяц он провел после гибели Трейси. Затем — Ямайка. Тоже не сахар. К черту! Какое там еще море. И здесь хорошо. Прекрасные розы. Запах приятный, и вообще, хорошо сидеть здесь, прислушиваясь к шуму улицы. Шмели гудят. Так и выются над цветами. Книжка о них есть какого-то бельгийца, Меттерниха, или как его там. У него что-то и о муравьях есть. Вот это жизнь. Никаких проблем. Просто живут и умирают. Делают то, для чего они предназначены, и с копыт. Вот только куда трупы исчезают? А муравьи? Тысячи, миллионы их должны умирать каждый день. Может, их другие лопают? Господи! Надо идти на работу, а то Мери привяжется. Все-таки она молодец. И правильно она его пилит. Но его проблемы ей не понять. Хотя, какие проблемы? Ладно. Ни к чему

все это. Бонд поднялся, подошел поближе и взглянул на табличку перед розами, которыми он только что любовался: ярко-красные назывались «Супер Стар», белые «Айсберг». И со всей этой мешаниной из мыслей о собственном здоровье, жаре, и пчелиных трупах Бонд зашагал потихоньку к высокому серому зданию, верхние этажи которого высились над деревьями.

Три тридцать. Всего два часа до следующей выпивки!

Лифтер, положив обрубок правой руки на рычаг управления, сказал:

— Ваша секретарша что-то паникует, сэр. Всюду вас ищет.

— Спасибо, сержант.

То же самое ему сообщили, когда он вышел на шестом этаже и показал свой пропуск дежурному. Не торопясь, он пошел по тихому коридору, в конце которого на двери висела табличка с двумя нолями. За ней была другая дверь. с табличкой 007.

Он вошел и закрыл за собой дверь. Мери Гуднайт взглянула на него и спокойно сказала:

— Вас ищет М. Он звонил полчаса назад.

— Какой еще М.?

Мери вскочила, глаза ее сверкнули:

— Ради Бога, Джеймс, хватит дурака валять! Поправьте галстук.

Она подошла к нему, поправила ему галстук:

— И причешитесь. Вот моя расческа.

Бонд рассеянно причесался.

— Хорошая ты девочка, Гуднайт.

Он приподнял ее подбородок:

— А как насчет бритвы? На эшафоте нужно держать марку.

— Пожалуйста, Джеймс.

Ее глаза посветлели.

— Отправляйтесь к нему. Он так давно не вызывал вас. Должно быть, что-нибудь важное.

Она отчаянно пыталась скрыть дрожь в голосе.

— Начинать новую жизнь всегда интересно. Кто это здесь боится Большого Страшного М.? Будешь помогать мне в курятнике на ферме?

Она отвернулась и закрыла лицо руками. Он легонько похлопал ее по плечу и, зайдя в свой кабинет, поднял трубку красного телефона:

— Это 007, сэр. Извините, сэр. Пришлось зайти к дантисту. Я знаю, сэр. Извините. Я забыл его в столе. Так точно, сэр.

Он медленно положил трубку, бросил прощальный взгляд на кабинет и со смирением человека, получившего приговор, отправился в лифте наверх.

Мисс Манипени посмотрела на него с плохо скрываемой неприязнью: — Можете войти.

Бонд расправил плечи и взглянул на дверь, за которой так часто решалась его судьба. Нерешительно, словно боясь, что его ударит током, взялся за ручку, вошел и закрыл дверь за собой.

3

Невыполнимое задание

М., в своем синем, с квадратными плечами, костюме, стоял, сгорбившись, у большого, выходящего в парк, окна. Не оглядываясь, он бросил:

— Садитесь! — Ни имени, ни номера!

Бонд уселся на свое обычное место у стола напротив кресла М. Он заметил, что на покрытом красной кожей столе не было досье. И корзинки для «входящих» и «исходящих» были пусты.

Внезапно он почувствовал себя действительно паршиво — и из-за того, что позволил М. разочароваться в себе, из-за того, что разочаровался в «Службе», и из-за того, что позволил себе опуститься. Этот пустой стол, пустое кресло — были окончательным приговором. Для тебя ничего нет, казалось, говорили они. Ты нам больше не нужен. Извини. Ты хороший парень, но так уж получилось.

М. подошел, тяжело опустился в кресло и посмотрел на Бонда. Изрезанное морщинами лицо моряка было бесстрастно, неподвижностью своей напоминая блестящую синюю кожу кресла.

— Вы знаете, зачем я вас вызвал?

— Догадываюсь, сэр. Я готов подать в отставку.

М. разозлился:

— Это вы о чем? Думаете, виноваты, что отдел 00 простаивает? Просто нет работы. И раньше такое случалось, целыми месяцами.

— Я же завалил два последних задания. Медики тоже недовольны.

— Ерунда. С вами все в порядке. Просто не везло. И на то были причины. Всякий может наделать ошибок. Но без-

дельников я содержать не могу. Перевожу вас из отдела 00.

Повеселевший было Бонд опять нахмурился. Старик пытается подстелить соломки.

— В этом случае, сэр, позвольте мне подать рапорт об отставке. Я слишком долго работал в 00. Боюсь, штабная работа не для меня. Не интересуюсь и не разбираюсь.

И тут М. выкинул фокус, никогда прежде Бондом невиданный. Он поднял правый кулак и изо всей силы треснул им по столу.

— С кем это ты разговариваешь? Что ты здесь выпендриваешься? Бог мой! Я предлагаю тебе повышение и ответственнейшее задание, а ты болтаешь об отставке! Сопляк безмозглый!

Бонд был ошеломлен. И взволнован. Какого черта? Он пробормотал: — Извините, сэр. Боюсь, я несколько распустился в последнее время.

— Вот именно!

М. стукнул по столу еще раз, но уже потише.

— Теперь слушай, я перевожу тебя в Дипломатический отдел. Четырехзначный номер и тысяча в год прибавки. Ты этот отдел не знаешь. Могу сказать, что там занято еще два человека. Если хочешь, оставь себе прежний кабинет и секретаря. Думаю, так даже лучше будет. Не хочу, чтобы о твоём новом назначении стало известно. Ясно?

— Так точно, сэр.

— В любом случае, уже на этой неделе отправишься в Японию. Начальник штаба лично готовит операцию. Даже мой секретарь не знает об этом. Даже досье (М. махнул рукой), как видишь, нет. Дело чрезвычайно важное.

— Но почему я, сэр?

Сердце Бонда стучало. Вот уж чего он не ожидал! Еще десять минут назад он был у разбитого корыта, его карьера, его жизнь ничего не стоили, и вдруг такой взлет! В чем же дело?

— По той простой причине, что это задание невыполнимо. Ну, может быть, я слегка преувеличиваю. Скажем, шансы на успех весьма невелики. В прошлом ты доказал, что способен действовать в сложных обстоятельствах. В этом случае мускулы не потребуются.

М. холодно улыбнулся.

— Никакой пальбы. Придется пошевелить мозгами. Но если тебе повезет, в чем я очень сомневаюсь, наша информация о Советском Союзе основательно пополнится.

— Можно поподробнее, сэр?

— Придется. Учтите, письменных материалов нет. Ме-

нее конфиденциальные данные, например, о японской Секретной Службе можете получить в отделе «Я». Начальник штаба прикажет полковнику Гамильтону ответить на все вопросы, но ни слова ему о целях вашей поездки. Понятно?

— Так точно, сэр!

— Дальше. В криптографии разбираетесь?

— Не слишком, сэр, просто предпочитал не связываться. Если влипнешь, об этом лучше ничего не знать.

— Тоже верно. Ну а японцы в этом здорово разбираются. Подходящий образ мышления для всяких трюков с буквами и цифрами. После войны, под руководством ЦРУ, они сделали потрясающие шифровальные машины — куда там ИБМ. И в прошлом году расшифровали все советские переговоры из Владивостока и Азиатской России — дипломатические, флотские, ВВС.

— Здорово, сэр.

— Здорово для ЦРУ.

— А разве они не делятся с нами, сэр? Я думал, мы друзья до гроба...

— Только не на Тихом океане. Они считают его собственной лужей. Когда в ЦРУ заправлял Аллен Даллес, мы, по крайней мере, получали информацию, касающуюся непосредственно нас, но этот новый парень Маккоун прикрыл лавочку. Он хороший мужик, мы даже подружились. И он честно сказал, что лишь выполняет приказ Совета Национальной Безопасности и все такое. Они боятся утечки. Не могу винить их. Я тоже боюсь утечки — у них. Несколько лет назад к русским перешли двое старших криптографов — они знали многое из переданного нами американцам. А в нашем так называемом демократическом государстве пресса чересчур много и подробно пишет о таких делах. «Правда» не раздражается рыданиями, когда один из их людей перебегает к нам. «Известия» не требует публичного расследования. Думаю, кто-то в КГБ получает по заслугам. Но, по крайней мере, они продолжают заниматься своим делом, и отставные члены Верховного Совета не копаются в их архивах и не учат, как руководить разведкой.

Бонд знал, что М. собирался подать в отставку после дела Прендегаста. Оно касалось резидента с гомосексуальными наклонностями, недавно, при невероятной шумихе, получившего тридцать лет за измену. Бонд сам выступал свидетелем, и знал, что запросы в парламенте, процесс в Олд Бейли и слушания в трибунале о деятельности Секретной Службы примерно на месяц нарушили нормальную

работу в штаб-квартире и спровоцировали самоубийство не повинного ни в чем резидента, принявшего всю эту заваруху на свой счет. Стараясь отвлечь М., Бонд спросил:

— Так вот, эта японская информация. Чем я могу быть полезен, сэр?

М. положил ладони на стол. Его обычный жест, когда он приступал к сути дела, и сердце Бонда опять дрогнуло.

— В Токио есть такой Тигр Танака. Шеф их спецслужбы. Не помню, как они ее называют, какая-то непроизносимая японская абракадабра. Тот еще тип, с отличием окончил Оксфорд. Перед войной вернулся в Англию, занимался разведкой. Работал в «кемпейтай», их вариант гестапо, проходил подготовку «камикадзе» и, если бы не капитуляция, давно бы уже сгнил. Именно у него информация, которая нужна нам, нужна мне, нужна Генштабу. Тебе придется отправиться туда и все из него вытряхнуть. Каким образом — дело твое. И вот почему я не верю в твой успех.

М. ухмыльнулся.

— Он «ленник» ЦРУ, а о нас не слишком высокого мнения.

Губы М. искривились:

— Многие сейчас так думают. Иногда они правы, иногда нет. Я не политик. Все его сведения о нас — от ЦРУ. Уже поэтому они не в нашу пользу. С 1950 года резидентуры Японии у нас нет. Отсутствует связь. Все перешло к американцам. Тебя прикроют австралийцы. Они уверяют, что их резидент вполне компетентен. Отдел «Я» это подтверждает. Такие вот дела. Не вижу иного кандидата, кроме тебя. Рискнешь, Джеймс?

Внезапно М. дружелюбно улыбнулся. Это случалось нечасто. Бонд почувствовал, что его тянет к этому человеку, которого он знал так мало, и который так часто решал его судьбу. Он понимал, что есть и скрытые причины этого задания, мотивы, о которых он не догадывается. Его пытаются спасти? М. дает ему последний шанс? Внешне незаметно. В чем дело? Безнадежно? Невозможно? Может быть? Почему же М. не взял человека, знающего японский? Бонд никогда не бывал восточнее Гонконга. Но у ориенталистов есть свои недостатки — слишком увлекаются чайными церемониями, икебаной, Дзеном и прочей мишурой. Нет. Все нормально.

— Да, сэр. Я попробую.

— Отлично!

М. коротко кивнул, наклонился и нажал кнопку интеркома:

— Начштаба? Какой номер вы присваиваете 007? Хорошо. Сейчас он будет у вас.

М. выпрямился. И опять улыбнулся:

— Получите ваш старый номер. Четыре семерки. Отправляйтесь на инструктаж.

— Есть, сэр, и спасибо.

Он встал, вышел из кабинета, подошел к мисс Манипени, наклонился и поцеловал ее в щеку. Она порозовела и прикрыла щеку рукой.

— Пенни, будь ангелочком, звякни Мери и скажи, чтобы она придержала сегодняшний вечер для меня. Я приглашаю ее на обед. В «Скоттс». Жареная куропатка и розовое шампанское — первый раз в этом году. Празднуем.

— Что именно?

Глаза мисс Манипени внезапно блеснули.

— Понятия не имею. День рождения королевы, или еще что-нибудь. Договорились?

Бонд закрыл дверь и отправился в кабинет начальника штаба.

Мисс Манипени подняла трубку внутреннего телефона и возбужденно затараторила:

— Мери, я думаю, он опять в форме. Выделяет прежние штучки. Интересно, что это М. ему сказал. У старика был сегодня ланч с сэром Джеймсом Молони. Смотри, не говори Бонду об этом, но тут есть какая-то связь. Он сейчас у начштаба. А Билл сказал, что тот приказал их не беспокоить. Похоже, новое задание. Билл такого тумана напустил.

Билл Таннер, бывший полковник-сапер и лучший друг Бонда, взглянул на него из-за своего заваленного делами стола и заулыбался, довольный увиденным.

— Садись. Словил дельце? Не сомневался. Но штука каверзная. Думаешь, справишься?

— Все возможно, — весело ответил Бонд. — Этот Танака, похоже, твердый орешек, а какой из меня дипломат. Почему М. подсунул это мне, Билл? Я-то думал, что у него в отстойнике из-за двух последних завалов. Собрался было разводить цыплят. Будь пайнкой, проясни ситуацию.

Ответ у Таннера был готов. И он беззаботно сказал.

— Чепуха, Джеймс. Просто у тебя шла черная полоса. С любым может случиться. М. считает тебя лучшей кандидатурой. Сам знаешь, у него свое мнение о твоих способностях. По крайней мере, отдохнешь от палубы. Самое время выбраться из 00. Никогда не задумывался о повышении?

— Никогда! — выпалил Бонд. — Как только вернусь, потребую назад свой старый номер. А теперь скажи, с чего мне начать? Что предлагают австралийцы! И что я смогу предложить в обмен коварному азиату? Если я раздобуду информацию, каким образом я переправлю ее сюда? Объем большой — будут сложности.

— Он может получить все данные отдела «Г». Если захочет, может послать к нам в Гонконг своего человека. Он неплохо осведомлен о Китае, но ничего на уровне наших данных из Макао, источника «Голубая тропа», у него нет. Гамильтон тебя проинформирует. В Токио будешь работать с австралийцем по имени Гендерсон — Ричард Лавелас Гендерсон. Забавное имя, но отдел «Я» и все старые спецы по Японии говорят, что он хороший парень. Получишь австралийский паспорт, будешь значиться его помощником. Это обеспечит дипломатическое прикрытие и определенный престиж, весьма, как говорит Гамильтон, там ценимый. Добудешь сведения, Гендерсон через Мельбурн переправит их к нам. Связью мы его снабдим. Еще вопросы?

— А что скажет ЦРУ? Мы же откровенно браконьерствуем.

— Японию они не покупали. И знать ничего не будут. Это задача Танаки. Ему придется разработать механизм передачи материалов в австралийское посольство. Но все дело висит на тоненькой ниточке. Главное, чтобы он не отправился прямиком к янки и не сдал тебя. Если засветишься, свалим все на австралийцев. Они и раньше помогали, после того, как нас вышибли из района Тихого океана. С ними отношения отличные. Нормальные ребята. Кстати, лапы у янки тоже не стерильные. Масса случаев, когда они перебежали нам дорожку. Часто опасно. Если завалимся, напомним об этом Маккоуну. Но твоя задача — выиграть.

— Ну и влип же я. Высокая политика — явно не мой стиль. Может быть М. поднимает слишком много шума из ничего?

— Ошибаешься. Сработаешь хорошо — благодарное отечество непременно купит тебе твой любимый курятник.

— Да будет так. Звякни Гамильтону, я срочно отправляюсь изучать таинственный Восток.

«Кангай! Приветствуем вас на борту нашего самолета, — сказала симпатичная, в кимоно и оби, стюардесса «Джапан Эр Лайнс», когда, недель позже, Бонд удобно устроившись у иллюминатора четырехмоторного Дугласа ДС-8 в лондонском аэропорту, рассеянно прислушивался к голосу с мягким японским акцентом, рассказывающему

о спасательных жилетах и полетном времени до Орли. Гигиенические пакеты украшали изящные рисунки бамбука, а беспорядочные каракули на багажной полке над головой были, как уверял яркий буклет, «традиционным изображением черепахового панциря, приносящим удачу».

Стюардесса поклонилась и протянула ему элегантный веер, маленькое согретое полотенце в плетеной корзиночке и роскошное меню, предлагавшее, ко всему прочему, наборы сигарет, косметику и жемчуг.

И вот они уже в воздухе, на первом из четырех отрезков пути через Северный Полюс в Токио.

Бонд взглянул на рисунок трех апельсинов в синей вазе (нет! Через час он понял, что это хурма), маячивший перед ним, и, когда на высоте 30 000 футов самолет выровнялся, заказал первую из многочисленных порций бренди и имбирного, призванных поддерживать его дух в небесах над Каналом, куском Северного моря, Каттергатом, Ледовитым Океаном, Морем Бофорта, Беринговым и севером Тихого Океана. Он решил не сопротивляться, если на другой стороне света с него захотят спустить шкуру. А в Анкоридже (Аляска), любуясь огромным чучелом белого медведя, уже ничего не имел против, если новая его шкура будет желтой.

4

Дикко на Гинзе

Здоровенный кулак звучно врезался в ладонь левой руки, — будто саданули из пистолета 45 калибра. Квадратная физиономия австралийца побагровела, на седеющих висках выступили вены. Со сдержанной яростью он чуть слышно прогудел что-то себе под нос, пошарил под низким столиком, потом, похоже, передумал и взялся за чашечку саке, одним духом проглотив содержимое.

Бонд тихо спросил:

— Не пыхти, Дикко. В чем дело? И что означает сей свирепый колониальный напев?

Представитель Королевского Дипломатического Корпуса Австралии Ричард Лавелас Гендерсон воинственно оглядел маленький, битком набитый бар в одном из переулков Гинзы и процедил углом большого, обычно жизнерадостного, а сейчас кривящегося негодованием рта:

— Ты, паршивый безмозглый томми, нас накололи! Этот хрен Танака пишет нас! Посмотри под стол. Видишь проводок под ножкой? А вон того козла у стойки? Безумно respectable скотина в синем костюмчике и черном гал-

стуке. Один из парней Тигра. Я их уже по запаху чую. Висят у меня на хвосте почти десять лет. Тигр одевает их, как уменьшенные копии джентльменов из ЦРУ. Любой жрущий виски япошка в такой робе, считай, из Тигриной стаи.

— Так и хочется подвалить и пообщаться, — ворчливо добавил Дикко.

— В этом случае Танака завтра утром узнает о себе много интересного, — сказал Бонд.

— Черт с ним, — ответил Дикко, остывая. — Сукин сын знает, что я о нем думаю. Теперь получит заверенную копию. Может, отвяжется от меня. И от моих друзей, — добавил он, быстро взглянув на Бонда. — Ведь это он за тобой охотится. Так что, пусть слушает. Падла! Это наше жуткое австралийское ругательство. Слышишь, Танака? Возьми на вооружение.

Он заговорил громче:

— А значит оно, что ты дерьмовый педик, кот, подлюга, брехун, стукач и вор — и ничто тебя не спасет. И когда ты это завтра за жратвой узнаешь, твои тушеные водоросли станут тебе поперек глотки.

Бонд рассмеялся. Этот бесконечный поток ругани начался еще вчера в аэропорту Ханеда — «Крылатое Поле». Почти час Бонда потрошили таможенники. В центральном зале, куда он выбрался, кипя от злости, он едва не погиб под ногами толпы возбужденных молодых людей, потрясавших плакатами, на которых было начертано «Международный конгресс владельцев прачечных».

Бонд устал от полета. И выдал выразительное трехбуквенное слово. Низкий голос за его спиной повторил сказанное и кое-что добавил:

— Наш парень! Нормальная реакция на сраный Восток! Эта лексика тебе еще не раз пригодится.

Бонд повернулся. Огромный мужик в мятом сером костюме протягивал лапу, смахивающую на небольшой окорок.

— Рад познакомиться. Гендерсон. В списке пассажиров ты единственный томми, и, стало быть, Бонд. Сюда. Давай сумку. У меня машина, и чем быстрее мы уберемся из этого дурдома, тем лучше.

Гендерсон смахивал на боксера-чемпиона средних лет, ушедшего на покой и пристрастившегося к бутылке. Тонкий костюм бугрился на мускулистых плечах и руках, но имелся и приличный животик. Твердое, привлекательное лицо, холодные голубые глаза и изуродованный нос. Он

сильно потел и, продираясь сквозь толпу, используя как таран сумку Бонда, то и дело вытаскивал из кармана брюк скомканный обрывок махрового полотенца, вытирал лицо и шею.

Толпа поспешно расступилась. Бонд, следуя в кильватере, подошел к щеголевой «Тойоте», поставленной в запрещенном для парковки месте. Шофер вышел из машины и поклонился. Выпалив что-то на беглом японском, Гендерсон вслед за Бондом устроился на заднем сидении.

— Сначала — в твой отель «Окура», новейший в западном стиле. Недавно в «Ройал Ориентал» шлепнули американского туриста, а что нам за радость лишиться тебя так быстро. Потом выпьем как следует. Обедать?

— Раз шесть, если не ошибаюсь. «Джал» стараются.

— Ну, и как полет? Понравилась эта хромая утка?

— Они уверены, что их птичка — настоящий журавль. Все очень изысканно и работает, как часы. Только как все это совместить? — Бонд кивнул на беспорядочно разбросанные развалюхи токийской окраины, мимо которых они неслись, как ему показалось, с самоубийственной скоростью:

— Не слишком красиво. А почему правостороннее движение?

— Бог их разберет, — задумчиво сказал Гендерсон. — Проклятые япошки делают все наоборот. Плохо переводят старые инструкции. Электровыключатели переключаются вверх, а не вниз. Краны закручиваются влево, дверные замки тоже. Слушай, у них даже лошади на скачках бегут по часовой стрелке, а не против, как во всех цивилизованных странах. А Токио — просто жуткое место: или слишком жарко, или слишком холодно, или льет, как из ведра. И землетрясения почти каждый день. Ну, здесь бояться нечего, ощущение такое, будто слегка поддал. Тайфуны куда хуже. Как только начнется, лучше всего завалиться в ближайший бар и как следует надраться. Но самое тяжелое — первые десять лет. А когда приспособишься, можно вертеться. Чертовски дорого, если жить по-европейски, но я особо не выпендриваюсь и доволен. Здесь весело. Язык подучил, и когда кланяться, и когда ботинки снимать и тому подобное. Если хочешь чего-то добиться от местных деятелей, все это нужно побыстрее усвоить. Твердыми воротничками и полосатыми брюками в министерствах прикрыты вполне традиционные самураи. Я над ними посмеиваюсь, и они, в свою очередь, посмеиваются, пытаются понять меня. Но это вовсе не значит, что я откажусь отве-

сильнейшим поклоном, когда знаю, что его от меня ждут и сам надеюсь чего-то добиться. Ладно, освоишься.

Гендерсон быстро сказал несколько слов водителю, часто поглядывавшему в зеркало заднего обзора. Тот что-то весело ответил.

— Так и знал,— сказал Гендерсон.— За нами хвост. Типично для старика Тигра. Я ему сказал, что ты остановишься в «Окура», но он хочет сам убедиться. Не беспокойся. Такая у него привычка. Если сегодня ночью обнаружишь кого-нибудь из его парней, или, если повезет, девушку у себя в постели, скажи пару ласковых слов, и они раскланяются и испарятся.

Но спать, после основательной выпивки в «Бамбуковом баре» отеля, Бонду пришлось в одиночестве. А на следующий день они носились по городу и заказывали визитные карточки, в которых Бонд значился заместителем атташе по вопросам культуры посольства Австралии.

— Они знают, что это наш разведотдел,— сказал Гендерсон,— что я его шеф, а ты ко мне временно прикомандирован. Дадим им возможность еще и прочитать об этом.

Вечером отправились вмазать еще разок в «Мелоди», любимый бар Гендерсона недалеко от Гинзы, где все звали его «Дикко» или «Дикко-сан», и где их почтительно усадили за столик в укромном уголке, постоянный столик австралийца. Гендерсон пошарил под столом и мощным рывком выдрал провода, оставив болтаться концы.

— Ну, я им сыграю мелодию,— сказал он зловеще.— Отплатили за все хорошее. В этой пивнушке паслась вся английская колония и пресс-клуб. Здесь и ресторан хороший был. Теперь закрыт. Повар наступил на кота, опрокинул котел с супом, схватил зверюгу и запихал его в топку плиты. Само собой, все выплыло, и эти дерьмовые защитники животных и сентиментальные ублюдки завопили и потребовали отобрать у «Мелоди» лицензию. Я дело замаял, но в ресторан никто уже не ходил. Пришлось его закрыть. Из постоянных посетителей остался я один. И устроить мне такое! Ладно, я парень злопамятный. И Танаку не забуду. Пора б уж ему понять, что я и мои друзья не собираемся кончать Императора или развлекаться взрывами.

Дикко посмотрел вокруг с видом, обещающим и то, и другое.

— А сейчас к делу, Джеймс. Встречаешься с Тигром завтра утром в одиннадцать. Я за тобой заеду и отвезу к нему. Контора называется «Институт Паназиатского Фольклора». Сам увидишь, не хочу портить тебе удовольствия.

В посольстве тебя ждет кипа «совершенно секретных, личных» шифрограмм из Мельбурна. Наш посол Джим Сондерсон знать ничего не желает и считает, что ему даже встречаться с тобой не стоит. Ты как? Он парень умный, оскорбить никого не хочет, но и лапы пачкать не собирается. И я предпочитаю держаться от твоих дел подальше. Расхлебывай сам. Могу предположить, что хочешь вытянуть кое-что из Танаки, так, чтобы ЦРУ не пронюхало. Точно? Это как кости кидать — что выпадет. Танака — профессионал, и играет соответственно. Внешне он на сто процентов «демокорацу», а копни поглубже... За союзом янки и самураев — годы американской оккупации, многолетнее сотрудничество, но японец — всегда японец. То же самое и с другими великими народами — китайцами, русскими, немцами, англичанами. И важны не лживые улыбки, а то, что от рождения в костях засело. А жалкие десять лет — мгновение для великих. Усе? Так вот, Тигр и его боссы, то есть, парламент и, на самом верху, Император, будут рассматривать твои предложения с двух точек зрения: выгодны ли они сейчас, немедленно? Или это долгосрочный банковский вклад? То, что нужно стране и через десять, двадцать лет? На твоем месте я бы выбрал второй вариант, с перспективой. Люди вроде Тигра, действующие в высших эшелонах власти, не оперируют понятиями дней, месяцев или лет. Их интересуют века, и кстати, они совершенно правы.

Дикко резко взмахнул рукой. Бонд решил, что тот основательно набрался. Они пропустили уже по восемь чашек саке, но Дикко еще в «Окура», пока Бонд составлял безобидную телеграмму в Мельбурн (шифровка под грифом «для информации» предназначалась для Мери Гуднайт), сообщая о своем прибытии, успел приложиться к местному виски «Сантори». Пьяный Дикко вполне устраивал Бонда. Австралиец всюю молол языком и выдавал занятные идеи. Это могло пригодиться.

Бонд спросил: — Ну, так кто же этот Танака, друг или враг?

— И то, и другое. Скорее, друг. По крайней мере, я на это надеюсь. Я его забавляю, в отличие от его дружков из ЦРУ. Со мной он расслабляется. У нас есть общие делишки. Мы оба любим «самсара» — вино и женщин. Он порядочный бабник. Я тоже не промах. Я уже два раза спасал его от женитьбы. Он почему-то всякий раз хочет жениться. Платит алименты трем девкам. Так что он у меня в должниках. А это накладывает «обязательства» — штука столь-

же важная в японском образе жизни, что и «престиж». Долг висит на тебе, и надо достойно ответить. Если тебе дарят лосося, не отдавай криветками. Отвечай таким же лососем — или найди побольше. Если сможешь — ты наверху, и уже тебе обязаны. Сейчас на Танаке порядочный должок, потихоньку он расплачивается, в основном информацией. А вот его немедленное согласие на твой приезд и на встречу — уже порядочный кусок лосося. В обычных условиях тебе понадобились бы недели. «Шикириноши» — заставлять ждать, делая непроницаемую физиономию. Борцы сумо используют этот прием, чтобы смутить противника. Усек? Ты начинаешь, имея фору. Он поможет тебе, надеясь перевесить должок на меня. Но не так-то все просто. У каждого японца есть постоянный долг перед высшими силами: императором, предками, богами. И исполнить его можно, лишь поступая «праведно», а это нелегко. Как узнать, что наверху тобой довольны? Угоди своему непосредственному начальству. Этим угодишь императору, а уж тот договорится с предками и богами, ведь он — их земное воплощение. И у всех совесть чиста, а император может спокойно потрошить рыбок. Такое у него хобби. Ничего сверхъестественного. Смахивает на деятельность больших корпораций, ИБМ или Шелл, или разведки, но там высшая ступень — совет директоров, или начштаба. Это попроще. Не надо привлекать Господа Бога или собственного прапрадедушку, чтобы решить снизить цену упаковки аспирина на пенни.

— Не слишком-то «демокорациу».

— Ясное дело. Вбей себе в башку, болван, японцы — народ особый. По нашим дурацким западным меркам, они живут как цивилизованные люди лет пятьдесят, ну, сто. Поскреби русского, и найдешь монгола. Поскреби японца и обнаружишь самурая — или то, что он считает самураем. В основном, вся эта самурайщина — миф, вроде парня с Дикого Запада в Штатах или ваших рыцарей «круглого стола» короля Артура. «Цивилизация», по-твоему, это когда играют в бейсбол и носят котелки и все? Кстати, об Объединенных Нациях — зверскую заваруху они собираются учинить, освобождая колониальные народы. Дайте им тысячу лет, и я скажу «да». Но не десять. Сменяют свои духовые трубки на пулеметы, и все дела. Потом потребуют атомную бомбу. Чтобы обрести «паритет» с дерьмовыми колониальными державами. Через десять лет, дружок. А когда это случится, я вырою глу-у-бокую нору, там и засяду.

Бонд рассмеялся:

— Ты что-то тоже не очень «демокорацу».

— Трахал я эту «демокорацу», как сказал бы братец Хемингуэй. Я за элитарное правительство,— Дикко сглотнул девятую чашечку саке.— А избирателей допускать к голосованию по личному интеллектуальному цензу. Я что, не прав?

— Ради Бога, Дикко! Откуда выплыла политика-то? Давай пожужим. У аборигенов свои мозги есть...

— Оставь аборигенов в покое! Хрена ли ты о них что знаешь! У нас вот собираются дать этому дерьму право голоса! Ты, педик несчастный! Будешь еще о свободах гундеть, я тебе яйца на шею бантиком завяжу.

Бонд кротко спросил:

— А почему педик?

— По кочану. Нет,— Гендерсон встал и выпалил что-то по-японски парню за стойкой,— ...перед вынесением приговора мы отправимся есть угрей, и туда, где есть пристойная выпивка. А потом в «Дом Абсолютного Наслаждения». А потом окончательный приговор. Тебе.

— Ты паршивый кенгуру, Дикко,— сказал Бонд.— Но я люблю угрей. Только не в желе. Платить буду я. За угрей и за все остальное. Ты платишь за рисовую и прочую бурду. Держись. Козел за стойкой как-то скептически на тебя смотрит.

— Я знаю цену мистеру Ричарду Лавеласу Гендерсону, и его никому не зарыть.

Дикко вытащил пачку тысячеиеновых бумажек и расплатился с официантом.

— Погоди, еще не все.

Он торжественно, с королевским величием подошел к бару и объявил огромному негру в темно-фиолетовом смокинге:

— Мелоди, что за стыд! — И столь же торжественно вышел из бара.

5

Магия-44

Дикко Гендерсон заехал за Бондом в десять утра. С похмелья голубые глаза налились кровью. Он прямехонько направился в «Бамбуковый бар» и заказал двойной коньяк и имбирное.

Бонд мирно заметил:

— Не стоило тебе мешать sake с «Сантори». Японское виски — вообще что-то маловразумительное.

— Важен результат. У меня настоящая «фатзука-йои», выдающаяся похмелюга. Во рту, как кошки насрали. Вернемся домой из этого вонючего тигрятника, поправимся по-настоящему. А насчет «Сантори» ты не прав. Приличная марка. Вроде наших дешевых, скажем, «Белой Этикетки», по пятнадцать шиллингов. Есть здесь еще два сорта, но самый дешевый оказался самым лучшим. Случилось как-то со спецом встретиться, много интересного рассказал. Говорит, хорошее виски гонят там, где делают хорошие фотографии. Представляешь? Зависит от воздействия света на алкоголь. Слушай, что я вчера нес? Или это ты? Помню, кто-то из нас начудил.

— Ты затрахал меня рассуждениями о международном положении и окрестил педиком. Но дружески. Без рукоприкладства.

— Иисусе! — Дикко с мрачным видом запустил лапу в густые седеющие волосы. — Я никого не пришиб?

— Не считая своей девки, ты ее так погладил по задку, что она легла.

— Ха! — сказал Гендерсон с облегчением. — Любовные ласки. Зачем бабам задница в конце концов? И, насколько я помню, они всегда при этом ржут. И вчерашняя тоже. Точно? А твоя как? Этакая энтузиастка.

— Вот именно.

— Нормально. — Он проглотил остатки выпивки и встал. — Двинули, дружище. Не стоит заставлять Тигра ждать. Я однажды себе позволил, и он игнорировал меня целую неделю.

Это был типичный для конца лета токийский денек. Жарко, душно, серо — воздух полон пыли от нескончаемых строительных работ. Через полчаса они остановились у скучного тусклого здания. Большие буквы извещали: «Институт Паназиатского Фольклора». Толпы японцев сновали у помпезного подъезда, но никто и не взглянул на Дикко и Бонда, никто не заинтересовался ими. В холле, как в каком-нибудь музее, торговали книгами и открытками.

Дикко свернул в длинный коридор с табличкой «Отдел координации». Двери в кабинеты по обеим сторонам были открыты. За столами сидели смахивающие на студентов молодые люди. На стенах висели большие карты, утыканные разноцветными булавками, повсюду бесконечные полки с книгами.

Дверь с табличкой «Международные отношения» вела

в другой коридор. Здесь двери были закрыты, и на каждой значилась фамилия обитателя по-японски и по-английски. Повернув направо, они оказались в «Отделе наглядных пособий», тоже с закрытыми дверями, дальше был «архив», большой библиотечный зал со множеством склонившихся над столами людей. Здесь, в первый раз, их внимательно оглядел человек, сидевший за столом у входа. Он встал и беззвучно поклонился. Когда они прошли, Дикко тихо сказал:

— Здесь прикрытие кончается. Публика за спиной действительно изучает азиатский фольклор. Но тут уже люди Тигра. Более или менее секретная работа, архивы. Без приглашения нас бы отсюда вежливо завернули.

За длинным рядом стеллажей открылась маленькая дверь. На ней висела табличка «Ремонт. Опасно! Ведутся строительные работы». Слышны были звуки дрели и врезающейся в дерево циркулярной пилы, еще что-то.

Они вошли в совершенно пустую, с блестящим, натертым полом, комнату. Ремонт в ней и не пахло. Дикко рассмеялся и показал на большой металлический ящик на двери, через которую они вошли.

— Магнитофон. Ничего прикольный, и запись чистая. А это,— он кивнул на голый пол впереди,— у них называется «поющий пол». Устраивали в старину, чтобы предупредить о незваных гостях. Попробуй-ка, пройти беззвучно.

Они сделали шаг, и немедленно предательские доски закричали и застонали. В маленькой дверце открылся глазок. Их рассматривали. Дверь распахнулась. За нею за маленьким столиком с книгой в руках сидел крепкий парень в штатском. Это была крошечная каморка, похоже, без второго выхода. Парень поклонился. Дикко произнес несколько фраз, в которых повторялись слова «Танакасан». Парень поклонился еще раз.

Дикко повернулся к Бонду:

— Теперь давай сам. Держи хвост пистолетом. Тигр подбросит тебя до отеля. Пока.

Бонд кивнул:

— Передай, что я сгинул веселым,— и зашел в комнатушку.

Дверь за ним закрылась. На столе была панель с кнопками, охранник нажал одну из них. Раздался чуть слышный звук, Бонд почувствовал, что они опускаются. Комнатенка оказалась лифтом. Ничего себе тигрины шуточки! Этаким набор вставляемых друг в друга ящичков. Что в следующем?

Лифт остановился, охранник открыл дверь, Бонд вышел и замер. Он стоял на платформе станции метро! Здесь было все: красные и зеленые огни семафора над двумя туннелями, белый кафель на стенах, сводчатый потолок — даже пустой табачный киоск в стороне! Из него вышел человек и на хорошем английском сказал:

— Прошу за мной, командер,— и пошел под арку с надписью «выход».

Весь холл, ведущий когда-то к эскалаторам, был заставлен аккуратными офисами-модулями с широким коридором между ними. Первая же комната оказалась приемной. Секретарь-мужчина поднялся из-за пишущей машинки, поклонился и вышел в соседнюю дверь. Он немедленно вернулся, вновь поклонился и открыл дверь:

— Прошу сюда, командер.

Бонд вошел, и дверь за ним тихо закрылась. Большой квадратный человек, точно описанный Дикко, шагнул по красивому красному ковру навстречу ему и протянул твердую, сухую руку.

— Дорогой командер. Доброе утро. Счастливы с вами познакомиться.

Широкая золотозубая улыбка лучилась доброжелательством. Блестели глаза, обрамленные длинными, темными, почти женскими ресницами.

— Проходите, присаживайтесь. Как вам понравилось мое заведение? Без сомнения, не похоже на обиталище вашего шефа. Но эту линию метро завершат лет через десять, а в Токио так сложно с конторами. Вот мне и пришла в голову идея. Здесь тихо. Никто не мешает. Прохладно. Мне будет жаль, когда пустят поезда, и придется уходить отсюда.

Бонд сел на предложенный стул напротив стола Танаки.

— Здорово придумано. А эти фольклористы там, над нами, балдеют, наверное.

Тигр Танака пожал плечами:

— Ничего особенного. Литература выдается свободно. Никогда не пытался узнать, кто ею пользуется. Американцы, думаю, и немцы. Может быть, швейцарцы. Всякие умники. Стоит, конечно, дорого. Но в бюджете Министерства внутренних дел, по которому мы проходим, это не значит-ся. Обеспечиваем себя сами. Как и у вас, а?

Бонд решил, что Тигр знаком с парламентскими слушаниями по делам разведки:

— Десять миллионов фунтов не такая уж большая сумма. На глобальном уровне, конечно.

Блеснули зубы:

— Вы здорово экономите последние десять лет. В наших краях о вас и не слышно.

— Верно. На вас работает ЦРУ. Весьма эффективно.

— Неужели Маккоун похож на Даллеса?

— Старая лиса! Почти. Правда, в последнее время они считают регион Тихого океана своей помойкой.

— На которой вы надеетесь пожить. Втихаря.— Тигр ухмыльнулся своей тигриной ухмылкой.

Бонд не мог не улыбнуться. Чертов япошка сек ситуацию. Осторожно улыбнулся и Тигр. Бонд сказал:

— Был у нас спец по этим местам, такой капитан Кук. И Австралия с Новой Зеландией на карте значатся. Так что, кое-какие наши притязания в этой части света вполне обоснованы.

— Дорогой командер. Вам здорово повезло, что мы вмазали по Пирл-Харбору, а не по Сиднею. Думаете, мы не смогли бы оккупировать коала и киви? Эти огромные, нетронутые пространства? Силенок для защиты у вас не было. И у американцев тоже. И вели бы мы сейчас за собой половину Британского Содружества наций. Лично я нашу стратегию после Пирл Харбора понять не в состоянии. Мы что, собирались покорить Штаты? Слишком растянуты коммуникации. Но вот с кенгуру шкуру содрать было вполне возможно.— Он подтолкнул к Бонду большую коробку сигарет:

— Курите? Это «Шинсей». Вполне пристойная марка.

Свои сигареты у Бонда уже кончались. Пора было переходить на местные. И собраться с мыслями тоже. Что это, встреча в верхах Соединенного Королевства с япошками? Странно как-то.

Он взял сигарету. Она загорелась, шипя, как бикфордов шнур. Слабый привкус виргинского табака, а дерет, что чистый спирт. Он выпустил колечко дыма и улыбнулся:

— Мистер Танака, оставим все это для историков. У меня свои проблемы, попроще. Они касаются скорее будущего, чем прошлого.

— Разумеется, командер.— Танаке, похоже, такой резкий переход не понравился.— Но у нас есть пословица: «Наперед не загадывай, черта насмешишь». Будущее непредсказуемо. Скажите лучше, как вам Япония? Не скучаете?

— Мне кажется, с Дикко Гендерсоном нигде не пропадешь.

— Да, он живет на полную катушку, как будто завтра

конец света. Правильно. Он мой приятель. Хороший. У нас вкусы совпадают.

— Фольклор любите? — насмешливо спросил Бонд.
— Вот именно.

— Вы ему тоже нравитесь. Я его мало знаю, но, похоже, он очень одинок. Плохо, когда одинокий человек, да еще и умен. Ему бы жениться на японочке и успокоиться. У вас подходящей кандидатуры нет?

Бонд почувствовал, что он на правильном пути: надо переходить на личности. По крайней мере, это не дурацкая политика. Но рано или поздно придется заняться делом, а так не хочется.

Казалось, Танака это понял:

— Много я ему находил разных. Все без толку. Однако, командер, мы здесь не для того, чтобы обсуждать личную жизнь мистера Гендерсона. Чем я могу быть вам полезен? Что-нибудь связанное с газонокосилками?

Бонд улыбнулся:

— Именно. Марки «Магия-44».

— Ну разумеется. Исключительно удачная модель. Можно понять ваших работодателей. А вот тому и подтверждение. Попало мне в руки сегодня утром.

Тигр Танака открыл ящик стола и достал бледно-зеленую папку с надписью черными латинскими буквами «Го-кухи».

Бонд решил, что это соответствует грифу «совершенно секретно». Танака утвердительно кивнул, раскрыл папку и вытащил два листа желтой бумаги. Один лист исписан иероглифами, на другом было около пятидесяти машинописных строк. Танака протянул машинопись через стол:

— Могу я попросить вас не разглашать прочитанное?

— Если вы настаиваете, мистер Танака.

— Боюсь, я должен, командер.

— Да будет так.

Бонд взял листок. Текст был на английском: «Всем резидентурам. Расшифровка лично адресатами, после ознакомления уничтожить. Уничтожение подтвердить кодом «сатурн». Текст: подтверждаем сообщение Первого в обращении к Верховному Совету от первого сентября о создании у нас ядерной боеголовки мощностью в двести мегатонн и испытании ее двенадцатого сентября в районе Новой Земли. Ожидаются обширные радиоактивные осадки. Возможны протесты общественности в регионах Арктики, севера Тихого океана, Аляски. Москва сошлет на участвовавшие испытания в США и резкий отказ Запада прекра-

тить все испытания ядерного оружия. Для информации: удар одной МБР с подобной боеголовкой по Лондону уничтожит все к югу от линии Ньюкасл — Карлайл. Вторая ракета в районе Абердина вызовет полное уничтожение Британии и Ирландии. В связи с этим, Первым вскоре будет предпринят дипломатический демарш с требованием вывода всех американских баз и наступательных вооружений из Британии, и ядерного разоружения собственно Британии. Это позволит проверить прочность и, возможно, подорвать англо-американский союз, так как очевидно, что США не допустят риска ядерной войны на своей территории ради спасения союзника, являющегося скорее обузой. В Вашингтоне англичанам в настоящее время придают значения не более, чем Бельгии или Голландии. В случае успеха подобные шаги будут последовательно предприняты в Европе и, позднее, в регионе Тихого океана. В результате возможно достижение гарантии стратегической безопасности СССР в обозримом будущем и, одновременно, мирного сосуществования с США. Мирлобивые намерения СССР будут подчеркнуты Первым и правительством. Ваша задача — оказать поддержку данной кампании. К сведению: все советские граждане, находящиеся в Великобритании, без объяснения причин будут отозваны из этой страны за неделю до Заявления, что обеспечит необходимый рост напряженности. Подобные же действия, направленные на ослабление противника, намечено осуществлять и в дальнейшем. В настоящее время никаких мер не предпринимать, приготовиться к исполнению вышеуказанного и возможной эвакуации персонала и уничтожения архивов при получении кодового слова «молния», адресованного вам лично по линии связи 40-4. Конец текста. Центр».

Бонд отшвырнул листок. Казалось, тот излучает радиацию. Тихо присвистнул сквозь зубы, дотянулся до пачки «Шинсай» и закурил, глубоко вдыхая горький дым; поднял глаза на Танаку, смотревшего на него с вежливым интересом:

— Думаю, Первый — это Хрущев?

— Совершенно верно. А адресаты — посольства и генеральные консульства. Занятный материал, не так ли?

— Жаль, что вы не делитесь с нами подобной информацией. Мы ведь подписали договоры о дружбе и даже о торговле. Мне кажется, это просто нечестно.

— Честь — весьма ценимое понятие в Японии, командер. А не будет ли еще большим бесчестьем нарушить сло-

во, данное нашим американским друзьям? Они неоднократно заверяли меня и мое правительство, что любая жизненно важная для наших друзей и союзников информация будет им немедленно передана, не раскрывая источника. По моим данным, они выполняют свои обязательства.

— Вы отлично знаете, мистер Танака, что маскировка источника снижает значимость сведений до уровня бесчисленных «хорошо информированных кругов» в прессе. Само просхождение этого материала, возможность непосредственно читать тексты противника, вдвое повышают их важность. Без сомнения, Вашингтон передаст в Лондон искаженную версию этого текста. Думаю, уже передал. Но ведь ясно, что замалчивание страшной опасности, нависшей над Англией, может отвечать их интересам. В то же время, в интересах Англии использовать каждый час для принятия контрмер. Например, при первых признаках эвакуации интернировать всех советских в Британии.

— Я согласен с вами, командер. В данном случае мы можем найти и другой способ передачи информации вашему правительству.— Танака широко улыбнулся.

Бонд наклонился к нему:

— Даю слово чести!

Черты лица Танаки странно менялись. Щеки ввалились, глаза потеряли блеск, смотрели задумчиво и грустно. Он сказал:

— Я был счастлив в Англии, командер. У вас ко мне хорошо относились. Я отплатил неблагодарностью.

— А! — подумал Бонд.— Должок!

— Я надеялся, что война принесет победу моей стране. Я ошибался. Мы проиграли. Искушение этого бесчестия ляжет на плечи нынешней молодежи. Я не политик и не знаю, какие формы это примет. Сейчас у нас переходный период, обычный для побежденных. Но у меня есть свои, личные обязательства. Я в большом долгу перед вашей страной. Сегодня утром я выдал вам государственную тайну. Здесь сыграла свою роль и дружба с Дикко. И ваше поведение мне тоже понравилось. Я прекрасно понимаю всю важность этой бумажки для Великобритании. Вы запомнили его содержание?

— Да.

— Даете слово не передавать его третьей стороне?

— Да.

Тигр Танака встал и протянул руку:

— До свидания, командер. Надеюсь, мы еще увидимся.— Искренняя улыбка появилась на твердом лице.—

Честь — это образ жизни, командер. Бамбук может согнуться под ветерком, но и кедр склонится под ураганом. То есть, и долг бывает превыше обстоятельств. Вас ждет машина. Передайте Дикко мое глубочайшее почтение и скажите, что он должен тысячу иен за ремонт электронного оборудования, являющегося собственностью государства...

Бонд пожал крепкую сухую ладонь. Сказал от души.

— Спасибо, мистер Танака.

Интересовало его сейчас лишь одно: как у Дикко со связью с Мельбурном? И как у Мельбурна с Лондоном?

6

Тигр, Тигр!

Прошел месяц, мистер Танака стал «Тигром», а командер Бонд — «Бондо-сан».

— Джеймс, — объяснял ему Тигр. — Это трудно произнести японцу. И звучит слишком почтительно. Бонд-сан созвучно нашему «бон-сан», что значит «старикашка». Твердая согласная в конце тоже трудна для японца. В иностранных словах в таком случае мы добавляем букву «о». Получается Бондо-сан. Пойдет?

— «Бондо», конечно, по-японски, «свинья», или что-то в этом роде?

— Нет. Просто звукосочетание.

— Не обижайтесь. Я заметил, японцы не прочь подшутить над «гайджином». Помните, я рассказывал о своем приятеле по прозвищу «Манки» Мак Колл. Мы обычно зовем его «Монко». Вы сказали, у вас это нечто нецензурное, вот я и решил, что «Бондо» из того же ряда.

— Не стоит волноваться. Вполне уважительное слово.

Шли недели, дела у Бонда не двигались, зато он все ближе сходил к Тигром и Дикко. После работы троичка была почти всегда неразлучна, но Бонд чувствовал, что и во время вылазок на природу, и во время вечерних выпивок его постоянно и тщательно изучают. Дикко это подтвердил:

— Думаю, ты на верном пути, приятель. Тигр сочтет бесчестным вышибить у тебя почву из-под ног после первого успеха. Что-то там в глубине происходит, но вот что, понять не могу. Думаю, предстоит игра с шефами Тигра, но с Тигром на твоей стороне. Как аборигены говорят, у Тигра «широкая морда», то есть, он большой спец по

всяческим махинациям. И его «долг» перед Англией тоже в твою пользу. Результат вашей первой встречи — неслыханный, как мы это здесь называем, «презенто». Но смотри! Ты накапливаешь целую кучу обязательств перед Тигром. И когда придет время заключать сделку, у тебя должен быть наготове соответствующий «презенто». Никаких лососей и креветок. Усек? Сможешь?

— Не знаю, — сказал Бонд нерешительно.

Материалы «Голубой тропы» из Макао казались ему мелкой рыбешкой по сравнению с лососем Тигра, единственный ломоть которого, предложенный Бонду, весил так много.

Испытания 200-мегатонной бомбы были произведены и вызвали взрыв общественного возмущения, проигнорированного Москвой. Но реакция западных правительств была мгновенной. Под предлогом защиты советских граждан от возможных провокаций, им запретили покидать двадцатимильную зону вокруг мест обитания и выставили плотные полицейские кордоны у посольств, консульств и всевозможных торговых представительств. Последовали ответные меры против британских дипломатов и журналистов в России, но это уже не было неожиданностью. Затем президент Кеннеди выступил с самой лихой за время своей карьеры речью, пообещав Советам все Божьи кары в случае взрыва ими ядерного устройства за пределами советской территории. Эти громовые проклятия, вызвавшие вопли ужаса у американского обывателя, в Москве невероятно находчиво парировали подобными же обещаниями, на случай, если Запад вздумает развлекаться атомными взрывами в пределах СССР и его союзников.

Несколько дней спустя Бонда вновь пригласили в подземное убежище Тигра.

— Надеюсь, впредь вы ничего подобного себе не позволите, — Тигр хитро ухмыльнулся, — но Центр отменил проведение операции, о которой вы были поставлены в известность, обязавшись не разглашать полученные сведения.

— Спасибо за информацию, — сказал Бонд. — Ваше расположение действительно позволило смягчить напряженность вокруг Англии. Там будут весьма рады узнать о вашем личном вкладе в это дело. Могу ли я и в дальнейшем рассчитывать на ваше снисхождение?

Бонд уже привык к многословной восточной велеречивости, хотя и не достиг еще непревзойденной изысканности Дикко, украшавшего, к вящему удовольствию Тиг-

ра, каждое цветистое предложение хотя бы одним трехбуквенным словом.

— Бондо-сан, предмет ваших вожделений, хотя и я не рассчитываю получить согласие на его передачу, обойдется вам недешево. Что же может предложить ваша страна, в качестве честного торговца, в обмен на всестороннее использование «Магии-44»?

— У нас есть очень эффективная разведывательная сеть в Китае: Макао, «Голубая тропа». Данные, получаемые ею, мы полностью предоставим в ваше распоряжение.

Тяжелое лицо Тигра погрузнело, но в узких щелочках глаз появился блеск:

— Боюсь, мне придется огорчить вас, Бондо-сан. Мои люди внедрились в эту сеть почти с момента ее организации. Мы активно ею пользуемся. Если хотите, могу показать вам документы. Заодно, мы переименовали всю систему в «Оранжевую тропу». Это интересно, но для нас не ново. Чем еще можете порадовать?

Бонд не мог не рассмеяться. Вот так гордость отдела «Я», да и самого М.! Труды, расходы, опасности «Голубой тропы». И по крайней мере пятьдесят процентов усилий — безвозмездная помощь японцам.

Да, от многих иллюзий его здесь избавляют. Эти новости поднимут настоящую бурю в штаб-квартире. Ответил он неопределенно:

— О, у нас масса возможностей. Может быть, вы сами назовете цену?

— Надеетесь на козырной туз в рукаве? Неужели у вас есть данные, столь же важные для обороны Японии?

— Несомненно,— твердо ответил Бонд.— Но, дорогой Танака, раз уж вы приняли решение, не лучше ли будет вам самому отправиться в Лондон и порыться на полках? Уверен, мой шеф за честь сочтет принять вас.

— Вы не обладаете необходимыми полномочиями для переговоров?

— Это просто невозможно, дорогой Тигр. Меры безопасности таковы, что я не имею в полном объеме интересующей вас информации. Что касается меня лично, я уполномочен лишь передать руководству ваше мнение, или же оказать вам личную помощь.

Тигр на секунду задумался. Похоже, последние слова Бонда его заинтересовали. Затем он встал, пригласив командера на чайную церемонию с гейшами.

В сомнениях Бонд отправился сочинять шифрограмму в Лондон.

В комнате, где они сидели, вернувшись из ресторанчика, и где Тигр только что весело пообещал отправить его на тот свет, со стен рычали тигриные головы, а одна шкура, распластавшись, скалилась с пола. Искусно выделанная тигриная лапа служила пепельницей. Даже кресло, в котором устроился Бонд, было обито тигриной шкурой.

Мистер Танака родился в год Тигра, а Бонду, о чем с удовольствием сообщил ему Танака, определен был год Крысы.

Бонд сделал хороший глоток саке и сказал:

— Дорогой Тигр, мне не хотелось бы затруднять вас возней с моей ликвидацией. Вы намекаете, что на сей раз кедр может и не согнуться под ураганом. Да будет так. Даю слово чести.

Тигр пододвинул кресло и посмотрел Бонду в глаза. Плеснул себе «Сантори», добавил содовой. Из-за окрестных домов, где почти везде погасли уже желтые огоньки, слышался шум ночного шоссе. Был конец сентября, тепло. До полуночи оставалось десять минут. Тигр тихо заговорил:

— В таком случае, дорогой Бондо-сан, зная вас человеком чести, за исключением, конечно, случаев, касающихся безопасности вашей страны, что обсуждению не подлежит, я расскажу вам весьма занятную историю. Слушайте же.

Он поднялся из кресла и устроился на татами в позе лотоса. Так ему явно было удобнее. Он заговорил:

— Еще с самого начала эры Мэйдзи, это, как вы знаете, император, начавший модернизацию Японии по западному образцу почти сто лет назад, время от времени в этой стране появлялись иностранцы, затем здесь оседавшие. В основном это были чудаки и ученые, некоторые становились даже гражданами Японии. Относились к ним, в основном, терпимо, иногда слегка насмешливо. Ну, представьте себе японца, купившего замок в горах Шотландии, выучившего язык и общающегося с соседями по-гэльски, демонстрируя при этом необычайный интерес к шотландскому фольклору. Если он будет заниматься этим тихомирно, его сочтут милым оригиналом. Так же относились к европейцам в Японии, хотя случалось, особенно в военное время (что, несомненно, произошло бы и с нашим гипотетическим японцем в Шотландии), их объявляли шпионами, с соответствующими последствиями. Сейчас, после оккупации, здесь появилось множество таких людей, большинство из которых, как вы понимаете, амери-

канцы. Ориентализм особенно притягателен именно для них, бегущих от образа жизни, ставшего (уверен, вы со мной согласитесь), мягко говоря, совершенно неприемлемым для интеллектуала. Я не имею в виду особых низших классов, для которых обилие паршивой жратвы, блестящие игрушки, вроде автомобилей и телевизоров, шальные деньги, часто нечестно заработанные, или полученные за минимум трудов и знаний, являются суммум бонум (высшим благом), если позволено мне будет припомнить мои оксфордские штудии.

— Соглашусь,— сказал Бонд.— Но, по-моему, этот же образ пропагандируется и в вашей стране.

Лицо Тигра потемнело:

— Сейчас над нами довлеет то, что я называю «цивилизацией Кока-Колы». Бейсбол, кабаки, сосиски, груди восьмого размера, неоновая реклама — все это расплата за проигранную войну. Образ жизни — спитый чай, называемый у нас «демокорацу». Антиподы понятий, ставшие якобы причиной нашего поражения: духа самурая и порожденно-го им камикадзе; забвение культа предков, забвение наших богов. Презренная жизнь.— Тигр почти выплюнул эти слова.— Но, к счастью, долго она не продлится. В истории Японии это миг, равный жизни мотылька.— Он помолчал.— Вернемся к нашей истории. Американцы, живущие здесь, люди симпатичные, по-своему, конечно. Им нравится покорность наших женщин, хочу заметить, лишь поверхностная. Им нравятся четкие установки нашей жизни, ее симметрия, по сравнению с хаосом, царящим в Америке. Им нравится наша простота с ее глубоким подтекстом, так ярко выраженная, например, в чайной церемонии или в искусстве икебаны. Никакого театра — он им, конечно, недоступен. Они восхищены (потому что не знают своих предков и лишены достойной семейной жизни) нашим почитанием старших и преклонением перед прошлым. В их зыбком мире это кажется им вечными ценностями, точно так же, как в невежестве своем, по-ребячески они восхищаются сказочками Дикого Запада и прочими американскими мифами, почерпнутыми не от учителей (образованием они не блещут), а с экранов телевизоров.

— Сложный вопрос, Тигр. Я много знаю совсем других американцев. Мне кажется, вы имеете в виду в основном простых «джи-ай» — американцев второго поколения, выходцев из Ирландии, Германии, Чехословакии или Польши. Им действительно было бы лучше спокойно работать у себя в Америке, а не болтаться с важным видом и набитыми

деньгами карманами по оккупированной стране под благословенным прикрытием звездно-полосатого стяга. Полагаю, иногда они женятся на японках и остаются здесь. То же самое было и с нашими «томми» в Германии. Но какое отношение они имеют к ученым и исследователям?

Тигр Танака низко поклонился:

— Извините меня, Бондо-сан. Конечно, вы правы, я все время ухажу от темы нашего разговора. Я пригласил вас совсем не для того, чтобы вы узнали мое мнение об оккупации Японии. Извините. Разумеется, у нас обосновалось множество образованных американцев, весьма ценимых нами. У меня есть друзья среди них. Я просто выпускал пар, понимаете?

— Конечно, Тигр. Мы веками не знаем оккупации. Нам не приходилось бороться с нашествием нового образа жизни. Я просто не могу представить своей реакции на это. Думаю, ничем бы не отличалась от вашей. Пожалуйста, продолжайте.

Бонд потянулся к кувшинчику с саке. Тот стоял в чаше с теплой водой над чуть теплящимся древесным углем в жаровне. Бонд наполнил чашку и выпил.

Тигр Танака качнулся несколько раз, не меняя позы. Он продолжал:

— Как я сказал, в Японии живет немало иностранцев, и большинство из них — безобидные чудаки. Но в январе этого года появился человек, оказавшийся настоящим дьяволом, чудовищем в человеческом образе.

— Мне попадалось немало негодяев, Тигр, и в основном это были психопаты. А что, ваш — дьявол?

— Совсем наоборот. Расчетливая изобретательность этого человека, его понимание нашей психологии говорят о выдающемся интеллекте. По мнению крупнейших японских ученых, он исследователь и коллекционер уникального в мировой истории.

— Что же он собирает?

— Он собирает смерти.

7

Коллекционер Смертей

В ответ на это драматическое заявление Джеймс Бонд улыбнулся:

— Коллекционер смертей? Вы имеете в виду, что он убивает людей?

— Нет, Бондо-сан. Все не так просто. Он убеждает, вернее соблазняет людей совершать самоубийства. — Тигр замолчал, нахмурив брови. — Нет, опять неточно. Скажем, он дает людям возможность легко и безболезненно уйти из жизни. На его счету, менее чем за полгода, свыше пятиста японцев.

— Почему же вы не арестовали его?

— Бондо-сан, повторяю, все не просто. Начну с самого начала. В январе этого года в страну въехал совершенно легально некий джентльмен, доктор Гантрам Шаттерхэнд. Его сопровождала фрау Эмма Шаттерхэнд, урожденная де Бедо. Приехали они со швейцарскими паспортами. Доктор заявил, что является ботаником, специалистом по субтропическим культурам. У него были прекрасные рекомендации из Кью-Гарднз, из парижского Ботанического сада, но как-то расплывчато сформулированные. Он быстро познакомился со здешними коллегами и экспертами в Министерстве сельского хозяйства. Эти джентльмены были поражены и обрадованы, узнав, что доктор Шаттерхэнд готов истратить не менее миллиона фунтов на создание экзотического парка с обширными коллекциями редких деревьев и кустарников со всего света. Растения он собирался ввозить в уже достаточно зрелом возрасте за свой счет, чтобы максимально ускорить открытие парка — предприятие невероятно дорогое по оценке специалистов.

— Я в этом не разбираюсь. Что-то вроде техасских миллионеров, вывозящих взрослые пальмы и тропические кустарники из Флориды?

— Совершенно верно. Парк не собирались открывать для публики, но обещали предоставить в полное распоряжение японских экспертов для исследовательских работ. Отлично. Великолепный проект, с удовольствием принятый правительством, в свою очередь предоставившим доктору десятилетний вид на жительство — весьма редкая привилегия. Тем временем иммиграционные власти в обычном порядке стали через мою службу наводить справки о докторе. Своего представителя в Швейцарии у меня нет, и я обратился за помощью к друзьям из ЦРУ. Оказалось, что доктор по происхождению швед и в Швейцарии не слишком хорошо известен. Имеет двухкомнатную квартиру в Лозанне — минимум, необходимый для получения статуса проживания. Но его финансовое положение в Союзе Швейцарских банков подтвердили как первоклассное, для чего требуется быть по крайней мере миллионером. Деньги в Швейцарии как символ процветания — это все, так

что доктор выглядел безупречно, однако ничего не удалось выяснить о его занятиях ботаникой. Из ботанических садов Лондона и Парижа сообщили, что знают его как энтузиаста-любителя, подарившего им значительные коллекции тропических и субтропических растений, собранных в экспедициях, им финансируемых. Отлично! Богатый чудака, чьи безобидные увлечения могут послужить и для блага Японии, так?

— Похоже на то.

— Объехав всю страну, доктор выбрал полуразрушенный замок на Кюсю, нашем южном острове. Замок находится на пустынном участке побережья, недалеко от Фукуока, центра префектуры острова. В старину он входил в систему крепостей, стоявших вдоль Цусимского пролива, где был разгромлен русский флот, и служивших для отражения нападений корейцев с материка. Большинство из них превратились в развалины, но в огромном здании, выбранном доктором, еще до начала последней войны жила семья богатых и эксцентричных текстильных миллионеров. Особенно понравилась ему монументальная стена, окружавшая замок. Появилась целая армия строителей. Тем временем со всего света стали поступать и высаживаться растения, заказанные доктором и освобожденные Министерством сельского хозяйства от таможенных пошлин. Доктор выбрал этот участок еще и потому, что пятьсот его акров находились в районе с высокой вулканической активностью, со множеством гейзеров и фумаролов: пейзаж обычный для Японии. Круглый год обеспечивается температура, необходимая для выживания экваториальных растений. Доктор и его жена, страшно уродливая особа, между прочим быстренько перебрались в замок и принялись набирать служащих. И вот тут-то у меня появились любопытные рапорты начальника полиции Фукуока. Доктор набирал себе людей исключительно из числа бывших членов «Общества Черного Дракона».

— А что это означает?

— Означало,— поправил его Тигр.— Общество было официально распущено перед войной. Но в лучшие времена это было самое опасное и могущественное тайное общество Японии. Лет сто тому назад оно состояло из отбросов «соши» — самураев, оставшихся не у дел после Реставрации Мэйдзи. Но позднее они принялись рекрутировать террористов, гангстеров, фашиствующих политиканов, офицеров, изгнанных со службы за недостойное поведение, тайных агентов, наемников и прочих сброд. Но попадались

и крупные фигуры из промышленности и банков, а иногда даже министры, которым поддержка «Черного Дракона» была необходима для обдѣлывания грязных делишек. Казалось странным (хотя теперь я не вижу здесь ничего удивительного), что доктор выбрал себе именно тот уголок страны, где всегда располагалась штаб-квартира «Черного Дракона», колыбель японского экстремизма. Тойама Мицуру, бывший глава «Черного Дракона» родом из Фукуока; отсюда же анархист Хирота и Накано, лидер бывшей «Тогокай», из фашистской фракции парламента. Здесь всегда было гнездо всякой сволочи. Эти группки никогда не исчезают бесследно, дорогой Бондо-сан, вроде оживившихся чернорубанечников у вас в Англии. И доктору Шаттерхэнду не составило труда собрать под видом слуг и садовников пару десятков головорезов, усердно, без сомнения, выполняющих и новые свои обязанности. Префект полиции почел своим долгом предупредить уважаемого ученого, но в ответ ему сообщили, что доктор нуждается в надежной охране для защиты ценных коллекций. Выглядело это убедительно, к тому же у доктора были влиятельные друзья в Токио. И префект тихо отступил на исходные позиции.

Тигр Танака замолчал и налил sake Бонду и «Сантори» себе. Бонд воспользовался паузой и спросил, насколько опасно «Общество Черного Дракона», хотя бы по сравнению с китайскими гангстерскими союзами?

— Вы имеете в виду банды Чин-Панг и Хун-Панг, наводившие ужас в Китае во времена Гоминдана? Они детишки рядом с «Драконом». Если тот за кого-то брался — это была верная смерть. Безжалостны и совершенно беспринципны. Работают лишь за деньги.

— Ну, и как они ведут себя под началом нашего доктора?

— Пока тихо. Как он и сказал — прислуга, самое лучшее, телохранители. Опасность тут в другом; понимаете, Шаттерхэнд создал самый настоящий сад смерти.

Бонд поднял брови. В устах Тигра, главы государственной секретной службы, подобные метафоры звучали уж слишком мелодраматично.

Тигр расплылся в улыбке.

— Бондо-сан, на вашем лице отчетливо написано, что я либо пьян, либо свихнулся. Так вот, слушайте. Доктор засадил свой парк поистине смертоносной растительностью, озера и ручьи полны опасной рыбой, повсюду ползают змеи, скорпионы и ядовитые пауки. Ему и его бабе ничего не грозит; из замка он выходит в полном комплекте доспехов сем-

надцатого века, псих чертов. Она тоже как-то защищена. На рабочих резиновые сапоги и антисептические марлевые маски, их многие здесь носят, чтобы избежать инфекции.

— Что за идиотская затея.

Тигр полез в складки кимоно, которое он надел, войдя в дом, и вытащил несколько скототых вместе листов бумаги. Он протянул их Бонду и сказал:

— Не торопитесь. Не судите легко о вещах, в которых не разбираетесь. Я ничего не знаю об этой отраве. Вы, думаю, тоже. Вот список уже высаженных доктором растений, с комментариями нашего Министерства сельского хозяйства. Читайте. Вам будет любопытно узнать, что за очаровательная флора произрастает на нашем шарике.

Бонд взял бумаги. На первом листе были общие сведения о ядовитых растениях. Затем следовали примечания. На всех листках стояли печати Министерства. Вот что он прочитал:

«Перечисленные яды делятся на шесть основных групп:

1. Нервнопаралитические. Симптомы: галлюцинации, бред, расширенные зрачки, сухость во рту, потеря координации, затем спазмы и паралич.

2. Опьяняющие. Симптомы: расстройство функций центральной нервной системы, потеря координации, мышечные боли, расстройство зрения, сонливость и глубокая кома.

3. Конвульсанты. Симптомы: клонические судороги, распространяющиеся вниз по телу. Летальный исход в течение трех часов или быстрое выздоровление.

4. Депрессанты. Симптомы: головокружение, рвота, абдоминальные боли, расстройство зрения, конвульсии, паралич, потеря сознания, иногда асфиксия.

5. Астенические. Симптомы: онемение, абдоминальные боли, головокружение, рвота, понос, бред, паралич, потеря сознания.

6. Раздражающие. Симптомы: резкая боль в горле и желудке, жажда, тошнота, рвота. Летальный исход, вызванный шоком, конвульсиями или голоданием из-за поражения пищевода и желудка.

Таможенное Управление. Список растений, ввезенных доктором Шаттерхэндом.

Пискидия эритрина. Вест Индия. Дерево, до 30 футов. Белые и алые цветы. Опьяняющее. Применяется для рыбной ловли путем отравления водоемов.

Стрихнос нукс-вомика. Южная Индия, Ява. Дерево, до

40 футов. Горьковатые плоды. Белые цветы. Наиболее ядовиты семена. Конвульсант. Содержит стрихнин.

Стрихнос токсифера. Гвиана. Из коры добывается яд кураре. Ползучее растение. Смерть в течение часа от паралича дыхательных путей. Содержит кураре, стрихнин.

Стрихнос Игнаци. Филиппины. Небольшое дерево, семена содержат бруцин. Конвульсант.

Стрихнос тиуте. Ява. Высокий горный кустарник. Стрихнин или бруцин в листьях, семенах, корнях.

Стрихнос колубрина. Ява, Тимор. Горное дерево. Содержит стрихнин, бруцин. Конвульсант.

Стропантус гиспидус. Западная Африка. Вьющееся растение, до 6 футов. Содержит строфанцин. Астеническое.

Цербера танжин. Мадагаскар. Вечнозеленое дерево, до 20 футов. Красновато-зеленые плоды. Содержит: танжинин, церберин. Астеническое.

Антиарис токсикариа. Ява, Борнео, Суматра, Филиппины. Растет в джунглях, ветви начинают расти с высоты 100 футов. Легкая, белая твердая древесина, выделяет млечный сок, содержащий антиарин. Астеническое.

Рус токсикодендрон. США. Горный кустарник. Желтоватые цветы. Ствол содержит млечный сок — токсикодендрол. Раздражающее.

Теветия перувиана. Гавайи. Небольшое дерево. Смертельно ядовито все, особенно же плоды. Потеря пульса, рвота, шок.

Рицинус коммунис. Гавайи, Южная Америка. Из семян выжимают касторовое масло, содержат также токсичный ингредиент — рицин. Плоды при еде безопасны. При попадании в кровь через раны и царапины — летальный исход через 7—10 дней. Одна сотая миллиграмма способна убить 200-фунтового мужчину. Потеря аппетита, рвота, бред, коллапс, смерть.

Нериум Индикум. Индия, Гавайи. Вечнозеленый кустарник. Корни, кора, сок, цветы смертельно ядовиты. Воздействует на сердце. В Индии используется для лечения проказы; при абортах; как средство самоубийства. Известна смерть после употребления жертвой мяса, приготовленного на открытом огне, куда попал ствол данного кустарника.

Абрус прецаториус. Индия, Гавайи. Горный кустарник. Маленькие ярко-красные семена используются индийскими ювелирами, как гирьки. Семена, перемолотые с добавлением небольшого количества холодной воды, формируются в крошечные остроконечные цилиндры. При попадании под кожу человека или животного смерть наступает через четыре часа.

Датура страмониум. Вид дурмана, растущего в Северной Африке, Индии. Другие виды встречаются в Мексике, Центральной и Южной Америке. Галлюциногены. Высушенные плоды курят арабы и негры-суахили, в Восточной Африке жуют листья, семена и листья добавляют в гашиш бенгалцы. Использовался индийцами в судах, как препарат правды. Привычка к «толоачи», настойке американского дурмана, приводит к хроническому слабоумию.

Глориоза суперба. Гавайи. Необычайно красивая вьющаяся лилия. Корни, стебли, листья содержат сильный наркотик, три грана которого смертельны.

Гура крепитанс. Центральная и Южная Америка. В дереве содержатся сильные рвотные вещества, применяющиеся для ловли рыбы (путем отравления) в Бразилии. При попадании в пищу безопасен, смертелен при попадании в кровеносную систему. Смерть через 7—10 дней.

Мелия азедарах. Гавайи, Центральная и Южная Америка. Небольшое дерево. Красивые темно-зеленые листья, сиреневые соцветья. Плоды очень ядовиты, действуют на центральную нервную систему.

Йатрофа курцас. Карибский регион. Древовидный кустарник. Ядовитые семена. Возможен летальный исход.

Мексиканский камотилло. Центральная и Южная Америка. Дикий картофель, широко распространен. По индейской традиции его собирают, когда луна идет на убыль. Считается, что яд начинает действовать через то же количество дней после употребления клубня в пищу, сколько картофеля хранился после уборки. Содержит соланин.

Аманита мексикана. Центральная и Южная Америка. Близкий родственник европейского мухомора. Применяют в свежем виде, или смешивают с теплым молоком и текилей. Вызывает сверхчувствительность кожи, резко обостряет слух и зрение, затем галлюцинации в течение нескольких часов, сменяемые глубокой депрессией. Механизмы воздействия неизвестны.

Бонд протянул листы Тигру: — Видит Бог, садик доктора Шаттерхэнда действительно любопытное место.

— А о южно-американской пиранье вы, конечно, слышали? Они могут обглодать за час целую лошадь. Научное название Серрасалмус. Подвид Наттерери самый прожорливый. В своих озерах милейший доктор вместо наших золотых рыбок предпочел разводить именно этих тварей. Понимаете, к чему я клоню?

— Нет, — сказал Бонд, — честно говоря, не понимаю. Смысла не вижу.

Срази цветком

Было три часа утра. Давно умолк шум машин. Бонд не чувствовал усталости. История доктора из Швейцарии, «коллекционера смертей», как сказал Танака, захватила его. Тигр описал эту причудливую ситуацию явно не для развлечения. Так в чем же суть дела?

Танака потер лоб рукой:

— Вы читали вчера заметку в «Джапан Таймз»? О самоубийстве.

— Нет.

— Восемнадцатилетний мальчишка второй раз провалился на экзаменах в университет. Жил в пригороде Токио. Рядом с его домом строили новый «департамент», универсальный магазин. Парень зашел на стройплощадку. Там работал копер, забивал сваи под фундамент. Парнишка улучил момент и сунул голову под копер.

— С ума сойти! Зачем?

— Он обесчестил своих родителей, своих предков. Так он искупил вину. Самоубийства — несчастье японского образа жизни. — Тигр помолчал. — А, может быть, воплощение благородства. Выбирайте, что вам больше нравится. Этого парня и его семью соседи долго будут помнить.

— Помнить разбитую всмятку голову?

— Вы не правы, Бондо-сан. Есть же у вас посмертные награждения крестом Виктории.

— За самоубийства после провала на экзаменах им не награждают.

— У нас не столь глубоко развита «демокорацу». — В голосе Тигра звучала ирония. — Бесчестие должно быть смыто — так здесь думают многие, хотя вам это может показаться старомодным. И нет жертвы более чистосердечной, чем собственная жизнь. Она ведь действительно одна.

— Но если парню не по зубам университет, он мог бы попробовать поступить в колледж. Англичанин, завалив экзамен, самое большее выругается и попробует еще раз. Но покончить с собой никому и в голову не придет. Это — трусость, страх перед трудностями. Именно это огорчит родителей, да и предки не обрадуются.

— У нас все по-другому. И, несмотря на «демокорацу», родители мальчишки отметят сегодняшний вечер, и соседи будут праздновать вместе с ними. Честь для нас важнее жизни.

Бонд пожал плечами:

— Я вот думаю, если у парня хватило мужества на эту жуть, вы напрасно потеряли прекрасного японца. Все эти самоубийства — просто какая-то истерия, типичная для всей истории Японии. Если вы не дорожите собственной жизнью, то что уж говорить о жизни других. Я как-то видел аварию на перекрестке. Множество столкновений, кругом валялись тела. Явилась полиция и, вместо того, чтобы немедленно отправить раненых в госпиталь, заставила их лежать на асфальте, пока тела обводили мелом и фотографировали.

— Обычная процедура, — вяло заметил Тигр. — Япония перенаселена. Аборты разрешены. Жертвы автокатастроф помогают решить одну из проблем. Так вот, по-японски самоубийство — «йисацу». Хотя это и жестокое средство для решения личных проблем, клейма позора, как у вас, на нем нет. Все дети знают у нас легенду о сорока семи самураях. По их вине погиб Асано, их господин. Они поклялись отомстить, и отомстили. А затем все отправились в место под названием Аки и совершили обряд «сеппуку» во искупление своего преступления. На Западе это известно как «харакири», простонародное выражение, в переводе — «вспарывание живота». Сейчас целые поезда паломников отправляются в Аки поклониться перед усыпальницей героев.

— Великолепный способ воспитания юных самоубийц.

— Разумеется, — гордо сказал Тигр — Двадцать пять тысяч японцев кончают счеты с жизнью каждый год. Лишь бесчувственный чиновник может посчитать это позорной статистикой. И чем необычнее способ, тем теплее его принимают. Недавно какой-то студент отпилил себе голову циркулярной пилой. Любовники связывают себе руки и бросаются в водопад Кегон в Никко, очень высокий. Часто выбирают вулкан Михара на острове Ошима. Люди сбегают по раскаленным склонам кратера и бросаются в кипящее озеро лавы. Власти даже установили пост по предотвращению самоубийства на вершине вулкана. Что ж, колеса старого доброго паровоза — совсем неплохая гильотина. Единственный шаг, и все проблемы решены.

— Вы кровожадная старая скотина, Тигр. Но какое отношение имеет к этому старина Шаттерхэнд и его садик?

— Бондо-сан, его уши торчат здесь отовсюду. Самоубийцы со всей Японии слетаются в этот чертов парк, как мухи на мед. Полный набор удовольствий: путешествие на знаменитом экспрессе «Роумэнс» в Киото, морской переход по живописному Внутреннему морю, местный паровозик

от бухты Беппу к Фукуока и, наконец, пешком или на такси к загадочному «Замку Смерти». Перебираетесь через стену, и вот последняя восхитительная прогулка среди чудесных рощ, быть может, рука об руку с любимой. И главное — игра. Который номер — ваш? Легкая достанется смерть, или мучительная? Наступите на гадюку на безлюдной, хорошо расчищенной дорожке? Или это будет смертоносная роса, когда вы приляжете ночью отдохнуть под зеленеющим деревом? Или голод ли, любопытство заставят вас сорвать горсть ярко-красных ягод, или один из этих оранжевых плодов? Вы торопитесь — под рукой всегда найдется кипящий фурумол. Тысяча градусов по Цельсию, и времени у вас останется лишь на один вскрик. Это настоящий «департамент» смерти, с полками, забитыми орудиями самоубийства, совершенно бесплатными. Сами понимаете, народ стекается туда, как на паломничество. Полиция установила на дороге шлагбаум. Ученым выдаются пропуска. А самоубийцы пробираются полями и болотами, лезут, обламывая ногти, через стены. Добрый доктор, конечно, расстроен. Развесил повсюду предупреждения с черепами и скрещенными костями. Прекрасная реклама! Доктор разорился даже на целый воздушный шар, подвесил под крышей замка, огромные буквы предупреждают об ответственности за вторжение. Увы, еще один манок. «Смерть ожидает вас здесь!» — вот что это означает!

— Вы безумец, Тигр. Какого черта вы его не арестуете? Не сожжете все дотла?

— Арестовать? А за что? За подаренную Японии уникальную коллекцию редчайших растений? Сжечь дорогостоящую собственность уважаемого иностранца? Он же не нарушил закон. Винить можно лишь японцев. Верно, он мог бы усилить охрану. Да, странно, что, когда приезжает скорая помощь, все жертвы уже мертвы и представляют собою чаще всего мешок кальцинированных костей, выловленных из ближайшего фумарола. Вы ведь читали список: некоторые могли отделаться хотя бы слепотой. Герр доктор выражает искреннее недоумение. Полагает, что в ослеплении, или потере памяти, погибшие случайно попадают в фумаролы. Вполне возможно. Но в его списке уже более пятиста человек, об этом пишут, и все больше людей узнает о «Замке Смерти». Мы должны положить этому конец.

— Вы пытались что-нибудь сделать?

— В замке побывало несколько следственных комиссий. Их прекрасно принимали. Доктор просил оградить его от непрошенных визитеров. Жаловался, что они мешают работать, ломают растения, рвут цветы. Он согласен на любые

меры, лишь бы не страдали научные эксперименты, столь милые его сердцу, и столь высоко ценимые японскими специалистами. Предложил создать исследовательский отдел — заметьте, только со своим персоналом — для получения растительных ядов, обещая бесплатно передавать их нашим медицинским центрам. Многие из этих ядов, в соответствующих дозах, являются ценными лекарствами.

— Откуда у вас эта информация? — сонно спросил Бонд.

Было уже четыре часа, и иззубренный жемчужно-серыми остроконечными крышами горизонт светлел. Морщась, он выпил остатки саке. Перебор. Пора спать.

Но Тигра явно захватил этот нелепый ночной кошмар в духе Эдгара По и Амброза Бирса. Усталости он не чувствовал. На лице жестко обозначились черты самурая. Лишь случайные движения выдавали возбуждение. Он сказал:

— Месяц назад, Бондо-сан, я послал туда на разведку своего человека. Мой министр приказал, министр внутренних дел. А ему — премьер-министр. Дело приобрело общественный резонанс. Я выбрал хорошего парня. Приказал ему прибыть на место, осмотреться и доложить. Через неделю его выловили из моря недалеко от замка. Он был слеп и в бреду. Нижняя часть тела страшно обожжена. Смог пробормотать «хайку» о стрекозах. Детишки у нас так развлекаются: привязывают самку-стрекозу к нитке и выпускают, на нее, как на мед, слетаются самцы. Это «хайку» — стихотворение из семнадцати слогов — он повторял, пока не умер:

О, горе!
Розовые стрекозы скользят
Над покрытой цветами могилой.

Бонд чувствовал себя, как во сне: маленькая комната, перегородки из рисовой бумаги, открывающаяся перспектива крошечного сада, алая полоска восхода вдалеке, тяжесть выпитого саке и сигарет, тихий голос, рассказывающий волшебную сказку: детство, палатка под высокими звездами. А ведь все это реально, поэтому Тигр и привел его сюда. Зачем? Боится одиночества? Довериться больше некому? Бонд усилием воли стряхнул дремоту:

— Извините, Тигр. Что же случилось потом?

Тигр Танака выпрямился на своем золотистом татами. Он посмотрел Бонду в глаза и сказал:

— Потом? Извинился перед начальством. И стал ждать подходящего случая. Ждал вашего появления.

— Моего?

— Прислали вас. Мог быть и другой.

Бонд зевнул. Не смог удержаться. Вечеру конца не было. Японец оказался с причудами. Как бы завить веревочку? Он сказал:

— Тигр. Пора спать. Договорим завтра. Чем смогу — помогу. Вопрос сложный. Утро вечера мудреней. — Он привстал.

Тигр сказал, и это был приказ:

— Сядьте, Бондо-сан. Если вы любите свою страну, вы отправитесь завтра. — Он посмотрел на часы. — В двенадцать двадцать с Токийского центрального. Место назначения — Фукуока, остров Кюсю. В отель вы не вернетесь. Никаких встреч с Дикко. С этого момента вы в моем личном распоряжении. — Голос звучал тихо и мягко. — Вам ясно?

Бонд дернулся, как будто его ужалили:

— Ради Бога, что вы несете, Тигр?

— Вчера в моей конторе вы заявили, что в обмен на Магию-44 вы уполномочены выполнить любое задание по моему выбору.

— Никто меня не уполномачивал. Я сказал, что сделаю это для вас под собственную ответственность.

— Вполне достаточно. Я поймал вас на слове и попросил аудиенции у премьер-министра. Он дал добро на операцию, при условии ее абсолютной секретности. О ней знают лишь он, я — и вы, разумеется.

— Бросьте рассусоливать, Тигр, — сказал Бонд нетерпеливо. — Что вам от меня нужно?

Тигр, однако, не торопился:

— Бондо-сан, я буду с вами откровенен, только не обижайтесь, мы ведь друзья, хорошо? Должен признать, у многих власть имущих в Японии, и у меня в том числе, после войны сложилось отрицательное мнение об англичанах. Вы не только потеряли великую империю, вы, казалось, были рады от нее избавиться. Хорошо, — он поднял руку, — не будем залезать в дебри имперской политики, но когда в Суэце вы попытались подлечиться от импотенции, более жалкой попытки свет не видывал. Далее, ваше правительство успешно и последовательно демонстрирует свою некомпетентность и фактически передает контроль над страной трейд-юнионам, основной принцип которых: работать все меньше, получать все больше. Исчезает дух старой доброй Англии, моральное превосходство, перед которыми преклонялся весь мир. Появились толпы бездельников, азартные игры, жалобы на судьбу страны, сплетни о королевской семье и так

называемой аристократии на страницах самых беспринципных в мире газет.

Бонд расхохотался:

— Ну вы и наглец, Тигр! Накатайте статейку, подпишитесь «Восьмидесятилетний» и пошлите в «Таймс». А лучше поезжайте и осмотритесь на месте. Не так уж все и плохо.

— Бондо-сан, вы сами подтверждаете мои слова. «Не так уж и плохо!». Детские оправдания нерадивого ученика. Многие оставшиеся у вас друзья считают, что дела ваши идут отвратительно. И вот вы появляетесь у меня и требуете стратегически важную разведывательную информацию, чтобы поддержать руины исчезнувшей империи. Почему же мы должны пойти вам навстречу? Что нам это даст, Бондо-сан? Зачем совать нашатырь под нос сокрушенному тяжеловесу перед неизбежным нокаутом?

Бонд разозлился:

— Чушь собачья, Тигр! Вы просто кучка осатаневших застоявшихся убийц, надеющихся избавиться от хозяев-янки и опять поиграть в самураев; скалитесь, прикрываясь улыбочками, и людей судите по законам джунглей. А скажу я вам вот что, дорогой вы мой: Англия, может быть, и обескровлена за последние две войны, наша социальная политика, может быть, чересчур расточительна, мы дали свободу колониям, может быть, слишком поспешно, но мы покорили Эверест, и наши спортсмены не самые худшие в мире, и у нас полно Нобелевских премий. Может быть, наши политики смехотворны, но и ваши таковы. Все они такие. С англичанами все в порядке — хотя их всего пятьдесят миллионов.

Тигр Танака широко улыбнулся:

— Хорошо сказано, Бондо-сан. Я боялся, ваш знаменитый стоицизм даст трещину. Хотел убедиться в обратном. Примерно то же самое я сказал Премьеру. И знаете, что он ответил? «Отлично, мистер Танака, испытайте командера Бонда. Если он выдержит, я поверю, что в Англии по-прежнему есть достойные люди и им можно доверить наши тайны. Если нет, вежливо ему откажите».

Бонд пожал плечами. Он все еще кипел:

— Ладно. Что еще за испытание? Какая-нибудь бредовая самурайская чепуха?

— В какой-то мере, — невозмутимо согласился Тигр. — Вам придется проникнуть в «Замок Смерти» и сразить дракона.

Свежевыкрашенный японец

Черная «Тойота» неслась по пустынным улицам. День обещал быть прекрасным.

Тигр оделся, как на загородную прогулку. На сидении рядом с ним лежала небольшая сумка. Ехали они в некое купальное заведение, неумеренно расхваливаемое Тигром. Что-то совершенно особенное и, к тому же, уединенное, где Бонду без помех смогут придать вполне самурайский вид. Тигр отверг все возражения Бонда. Без сомнения, этот доктор — поставщик смерти. Сумасшедший? Просто развлекается на свой лад? Тигра это мало волнует. По вполне понятным политическим причинам, ликвидация, официально одобренная, не могла быть поручена японцу. Бонд появился как раз вовремя. У него большой опыт тайных операций, и если его случайно накроет японская полиция, нетрудно будет обеспечить соответствующее прикрытие. Его осудят, посадят, а затем тихо вывезут из страны. Если не повезет, доктор или его охрана в живых его несомненно не оставят.

Перспектива не слишком приятная. Бонд заявил, что лично не имеет ничего против швейцарского ботаника. Тигр заявил, что любой нормальный человек возненавидит чудовище, на счету которого пять сотен загубленных душ. Разве не так? В конце концов Бонда нанимают в обмен на Магию-44. Это успокаивает его совесть. Поколебавшись, Бонд согласился. В качестве последнего аргумента Бонд заявил, что операция в принципе невозможна. Иностранца в Японии за пять миль засекут. Тигр заявил, что это предусмотрено, и первым шагом на пути превращений будет поездка в баню. Там же Бонд выпится перед путешествием, в котором Тигр будет его сопровождать. И Тигр с дьявольской ухмылкой заверил его, что по крайней мере часть предстоящих превращений доставит ему массу удовольствия.

Внешне баня смахивала на обычную гостиницу — несколько тщательно уложенных среди карликовых сосен каменных плит-ступеней, широкий, ярко освещенный дверной проем, лакированные деревянные полы, три кланяющиеся с улыбками женщины в кимоно, яркие, как птицы, хотя было около пяти утра, и неизбежная шеренга безупречно чистых тапочек-недомерков. После серии поклонов и контр-поклонов и нескольких фраз, сказанных Тигром, Бонд снял ботинки и в носках (объяснения Тигра, вежливое хихиканье из-за прикрывавших лица ладоней) отправился за одной из женщин вдоль сверкающего коридора к раздвинутой пере-

городке, за которой оказалась миниатюрная комбинация спальни и турецкой бани. Молоденькая девушка в белых шортиках в обтяжку и узеньким намеком на лифчик, низко поклонилась, сказала:

— Извините, пожалуйста,— и принялась расстегивать Бонду брюки. Бонд придержал изящную ладошку, повернулся к старшей женщине, задвигавшей перегородку, и голосом, в котором смешались мольба и угроза, сказал:

— Танака-сан.

Привели Тигра. Кроме подштанников, на том ничего не было.

— Ну, что еще?

— Слушайте, Тигр, уверен, я с этой красоткой прекрасно полажу. Но скажите, что у нас в меню. Я ее должен сожрать, или она меня?

Тигр терпеливо объяснил:

— Учитесь выполнять приказы, не задавая вопросов, Бондо-сан. В ближайшее время это основа наших отношений. Лежанку видите? Девушка вас разденет и поможет улечься. Под лежанкой очаг с древесным углем. Пропотеете. Минут через десять девушка поможет вам сойти и вымоет с головы до ног, даже вычистит уши специальной лопаточкой из слоновой кости. Она выльет вот эту стойкую краску в изразцовую ванну в полу, и вы туда залезете. Хорошенько расслабитесь, вымоете лицо и волосы. Она вас вытрет и пострижет на японский манер. Потом сделает массаж в любой устраивающей вас форме. Затем — сон. Проснетесь, позавтракаете, яичница с ветчиной и кофе, поцелуете барышню, побреетесь, или наоборот, дело ваше — вот и все.

Тигр что-то коротко сказал девице. Та ответила, кокетливо тряхнув головой.

— Ей восемнадцать, зовут Марико Ичибан. Марико означает «Правдивая», а Ичибан — «номер один». Девицы в этих заведениях пронумерованы. И больше меня, пожалуйста, не вызывайте. Программа у меня та же, только без краски. Просьба на будущее: не волнуйтесь. У вас впереди масса новых впечатлений. Часто странных, необычных. Никаких неприятностей — пока вы под моим прикрытием. Пользуйтесь случаем, второго может и не представиться. Договорились? Тогда спокойной ночи, дорогой Бондо-сан. А ночь коротка, не теряйтесь. И вы,— сказал Тигр, сдвигая перегородку,— проснетесь новым человеком.

Бонд тут же принялся расслабляться: как только Марико вновь принялась за его брюки, он приподнял ей подбородок и с удовольствием поцеловал в теплые припухшие губы.

Позднее, устроившись на уютной деревянной лежанке, уставший, слегка пьяный, он припомнил свои мрачные размышления в розарии королевы Мери. Припомнил он и разговор с М., его уверения, что это чисто дипломатическое задание. Бонд иронически ухмыльнулся.

Марико перед зеркалом занималась прической. Бонд сказал:

— Марико, кончай!

Марико улыбнулась и поклонилась. Неторопливо сняла лифчик и подошла к лежанке.

«Что там таял Тигр о новом человеке?», — вспомнил Бонд. Он протянул Марико руку и заметил, как напряглись ее груди.

По переполненным залам Центрального вокзала Токио вслед за Тигром шел действительно новый человек. Лицо и руки были смуглы, черные напомаженные волосы аккуратно подстрижены, короткая челка прикрывала лоб, искусно подбритые брови делали косоватыми глаза. Одет он был, как и многие вокруг, в белую хлопчатую рубашку с длинными рукавами и дешевенький черный галстук, припиленный золоченой булавкой. Черные брюки из магазина готового платья, подпоясанные дешевым черным пластиковым ремнем слегка провисали сзади (а зады у японцев низкие). Зато черные пластиковые сандалии и синие нейлоновые носки были в самый раз. Потрепанная сумка с надписью «Джапан Эр Лайнс» висела на плече. В ней лежали запасная рубашка, майка, трусы и носки, сигареты и всякая мелочь японского производства. В карманах расческа, старенький бумажник с пятью сотнями иен мелкими бумажками и карманный нож, причем длина лезвия не превышала положенных по японским законам двух дюймов. Платка не было, лишь пакет бумажных салфеток. (Потом уже Тигр объяснил: — Эта ваша западная привычка высморкаться, результаты тщательно завернуть в тряпочку и бережно, как бесценное сокровище, упрятать в карман! А остальное дерьмо вы храните столь же трогательно? В общем, сморкаясь в Японии, сделайте это попристойнее и не храните сокровищ при себе).

Несмотря на рост, Бонд не выделялся в шумной толпе пассажиров. Новое его лицо было вылеплено в комнатке банного заведения, и Марико приложила для этого немало усилий.

— Настоящий японский джентльмен, — одобрила она после прощального поцелуя, когда Тигр уже тихонько постукивал в перегородку. Вещи Бонда унесли.

— Все передадут Дикко,— сказал Тигр.— Сегодня он сообщит вашему шефу, что мы с вами на несколько дней уехали из Токио по делам Магии. Дикко действительно так думает. У меня в конторе знают лишь о поездке в Фукуока. Считается, что я еду один, о вас никто не подозревает. Сейчас едем экспрессом до Хамагори на южном побережье, вечером катером на подводных крыльях через пролив Осуми до порта Тоба. Там переночуем. Торопиться не будем, по дороге познакомьтесь с японскими обычаями, стилем жизни — пригодится, когда придет время.

Подошел сверкающий серебристо-оранжевый экспресс. Тигр забрался в вагон, Бонд вежливо пропустил вперед парочку девушек. Когда он уселся рядом с Тигром, тот сердито прошипел:

— Первый урок, Бондо-сан! Женщин вперед не пропускают. Можете оттолкнуть, наступить на ногу. Уважение оказывается глубоким старикам, и все. Ясно?

— Да, хозяин,— сказал Бонд с сарказмом.

— И бросьте эти западные шуточки, пока вы у меня на выучке. Мы занимаемся серьезным делом.

— Ну хорошо, хорошо,— сказал Бонд со вздохом.— Черт бы вас побрал...

Тигр поднял руку:

— Номер два. Не ругаться. В японском языке нет ругательств, ругани просто не существует.

— Бог ты мой, Тигр! А как же уважающий себя мужик должен спускать пары? Если ты опаздываешь на встречу с начальством и забываешь дома важные бумаги, естественно рывкнуть: «Бабушка Любит Яростно Дедушку Мягкий Знак!».

— Нет,— сказал Тигр.— Я скажу «Шимата», что значит «Извините, я ошибся».

— И все?

— Все.

— А если виноват твой водитель, грех ведь его не отmaterить?

— Если бы я нанял нового шофера, и назвал бы его «бакиаро», что означает «идиот несчастный», или даже «кончикишо», то есть «ты, животное», но это страшные оскорбления, и он имеет полное право ударить меня. Он, несомненно, бросит машину и уйдет.

— И это самые зверские японские ругательства? А как насчет ваших табу? Император, предки, боги бесчисленные? Их вы когда-нибудь к черту посылаете?

— Нет. Такого просто не существует.

— А похабщина всякая, сексуальные оскорбления?

— Есть пара — «чимбо», мужского рода, и «монко», женского. Всего лишь грубые анатомические названия. Как ругательства не используются.

— Свихнуться можно! Психи без ругательств! Я диссертацию напишу. Только и остается покончить с собой, завалив экзамен, или оторвать голову своей девушке, когда она надоест.

Тигр рассмеялся:

— Обычно мы спихиваем их под трамвай или поезд.

— По мне проще сказать — «ты, ...», — Бонд с удовольствием выпалил продолжение. — И все дела.

— Достаточно, Бондо-сан, — терпеливо сказал Тигр. — Вопрос закрыт. Будьте любезны впредь воздерживаться от употребления этих слов. Спокойствие, стоицизм, невозмутимость. Не демонстрируйте ваших чувств. Улыбайтесь, если не везет. Если потянете связки, смейтесь.

— Тигр, вы чертов надсмотрщик...

Тигр плотоядно ухмыльнулся:

— Это только начало. А сейчас в вагон-ресторан. Влитое вчера в меня «Сантори» требует опохмеловки.

— Опохмелки, — поправил Бонд.

— И основательной.

Пытаясь управиться при помощи палочек с ломтиками сырого осьминога и горкой риса («Привыкайте к нашей еде, Бондо-сан»), Бонд посматривал на проносящуюся мимо изрезанную береговую линию, перемежающуюся поблескивающими под солнцем рисовыми чеками, и вдруг почувствовал увесистый толчок в спину. Толкали его в ресторане уже несколько раз — японцы по этой части большие мастера — но здесь он оглянулся и успел заметить спину плотного человека, выходящего из вагона. За ушами у него белели завязки от «маско», а голову прикрывала уродливая черная кожаная шляпа. Когда они возвращались на свои места, Бонд обнаружил, что у него обчистили карман. Исчез бумажник. Тигр был обескуражен:

— Такое просто невероятно в Японии. Да, ладно. Я вам куплю новый в Тоба. Не стоит звать кондуктора. Только привлечем к себе внимание. Появится полиция, вопросы, протоколы... А вора не найдут. Снимет «маско» и шляпу и ищи его. Мне очень жаль, Бондо-сан. Надеюсь, вы не слишком расстроились?

— Да ерунда, Тигр.

Они вышли в Хамагори, живописной приморской деревушке; недалеко, в проливе, горбился скалистый островок,

где, как объяснил Тигр, стоял знаменитый храм-святилище. Затем часовой поход через пролив с пятидесятиузловой скоростью на катере на подводных крыльях.

На причале Бонд заметил силуэт плотного человека, мелькнувшего в толпе. Ворюга с поезда? Но этот носил тяжелые очки в роговой оправе, а плотных мужчин было предостаточно. Бонд вздохнул и пошел за Тигром по узким улочкам, весело расцвеченным бумажными знаменами и фонариками, к неизменному раздвижному фасаду и карликовым соснам.

Их ждали и встретили почтительно. Бонд был уже на пределе, запас поклонов и улыбок в нем иссякал, и он свирепо ухмыльнулся, когда его оставили, наконец, в покое в его безумно изящной комнатухе с неизменным изящным чайником, изящной чашкой и несравненными леденцами в рисовой бумажке. Он сидел у раздвинутой перегородки с видом на садик размером с носовой платок, за которым стеной стояло море, и мрачно смотрел на гигантскую статую мужика в котелке и визитке, о котором Тигр сказал, что это мистер Микимото, основатель производства искусственного жемчуга, родившийся в Тоба, и именно здесь, еще бедным рыбаком, придумавший запихивать песчинку под мантию живой раковины, вокруг которой и образовывалась жемчужина.

— А, пошел этот Тигр к черту, вместе со своим планом,— думал Бонд.— Куда я лезу?

Так он и сидел, когда пришел Тигр и бесцеремонно потребовал, чтобы Бонд одел «юката», висевшее, вместе с постельными принадлежностями, в единственном шкафчике у бумажной стены.

— Соберитесь, Бондо-сан,— мягко сказал Тигр.— У вас неплохо получается. Я заказал sake и лангуста на обед, здесь он особенно хорош.

Бонд слегка повеселел. Он разделся до трусов, завернулся в темно-коричневое «юката».

— Стоп! — скомандовал Тигр.— Запахнитесь слева направо. Наоборот заворачивают только трупы.

Бонд уселся в позе лотоса за низеньким столом напротив Тигра. В кимоно было действительно легко и удобно. Он поклонился:

— Отличная программа. А теперь, Тигр, расскажите, как вы были камикадзе. Подробно. Что это такое?

Принесли sake. Хорошенькая официантка, опустившись на колени на татами, ухаживала за обоими. Тигр все продумал, даже приказал принести высокие стаканы. Бонд осушил свой залпом.

— Ваша манера пить вполне отвечает вашей легенде,— сказал Тигр.

— А кем я буду?

— Шахтером из Фукуока. Среди них много высоких ребят. Толкали вагонетки. Махать кайлом мозгов не хватило. Будете глухонемым. Вот,— Тигр швырнул захватанную справку, мятую, с завернувшимися углами.— «Тсумбо де оши» — глухонемой. Относятся к ним с жалостью и слегка брезгливо. Если к вам кто-нибудь обратится, покажите это, и от вас отстанут. Могут предложить немного мелочи. Возьмите и поклонитесь пониже.

— Премного благодарен. Отчет для ваших секретных фондов предоставить?

— Этого от вас не потребуется,— Тигр сделал каменную физиономию.— Операция оплачивается из фондов премьер-министра.

Бонд поклонился:

— Какая честь. А теперь, сукин вы сын, налейте-ка sake, и давайте ваши сказочки о камикадзе. А я пока воплощусь в трахнутого шахтера из Фукуока. На людях я готов шипеть, кланяться и все, что угодно. Но когда мы наедине, пароль «Бабушка Любит Яростно Дедушку Мягкий Знак», или я суну голову под копер прежде, чем вы загоните меня на первое дерево. Договорились?

Тигр низко поклонился:

— Шимата! Я, конечно, неправ. Слишком уж давя на вас. Друзей надо развлекать. Поднимите стакан, Бондо-сан, иначе девушка вам не нальет. Отлично. Итак, о камикадзе.

Тигр покачивался взад-вперед, его темные глаза убийцы были непроницаемы. Он заговорил, не глядя на Бонда:

— Почти двадцать лет прошло. Обстановка для нас складывалась отвратительно. Я занимался разведывательной работой в Берлине и Риме, был далеко от линии фронта, не видел воздушных налетов, но каждую ночь я слушал наше радио и понимал, как медленно, но неотвратимо продвигались американские войска, занимая остров за островом, видел, что страна моя в опасности, и я должен быть там.— Тигр замолчал.— Только об этом и думал. Я знал о действиях корпуса камикадзе. Означает это слово «Божественный Ветер». Так называли ураган, спасший в тринадцатом веке Японию от вторжения войск Кубла-хана, потопивший его флот. И я сказал себе, вот так следует умереть — никаких наград, чистая смерть, самоубийство, если хотите, но враг за это заплатит сполна. Воплощение героизма. Мне было почти сорок. Сам уже пожил от души и мог дать пожить какому-

нибудь юнцу. Технически все очень просто. Любой способен научиться управлять самолетом. Несколько машин идут в атаку. Выбери себе цель, лучше всего авианосец, с него янки поднимаются бомбить твою страну. Постарайся попасть в лифт на полетной палубе, самое уязвимое место. Мостик или ватерлиния надежно укрыты броней. Только в лифт, ясно?

Тигр был опять на войне. Бонд видел это, с ним самим такое частенько случалось. Он поднял стакан. Девушка, стоя на коленях, поклонилась и налила саке. Бонд сказал:

— Ясно. Продолжайте, Тигр.

— Я заставил «Кемпейтай» принять мою отставку и всеми правдами и неправдами поступил в учебную эскадрилью камикадзе. Это было довольно сложно. Похоже, туда стремились попасть вся молодежь страны. К этому времени самолетов у нас уже не хватало и пришлось осваивать «баку» — небольшой деревянный планер, несший на носу тысячу фунтов взрывчатки. Что-то вроде летающей бомбы. Двигателя не было. «Баку» подвешивали под фюзеляж истребителя-бомбардировщика. У пилота была единственная ручка управления. Страшное и прекрасное это было зрелище, Бондо-сан, вылет на задание. Молодые люди в белых рубашках, с белой самурайской повязкой на голове, весело бегущие к своим машинам, как на свидание к любимой. Рев двигателей самолетов-носителей и взлет прямо в заходящее солнце, полет к обнаруженной цели. Казалось, они летят к своим предкам, на небеса, да так оно и было, никто не вернулся назад, никто не попал в плен.

— Ну и чего они добились? Напугали, конечно, американцев, да и англичан. Но вы потеряли тысячи лучших своих юношей. Стоило ли?

— Стоило ли? И это вы говорите об одной из самых славных страниц нашей истории. А вы знаете, что камикадзе единственное соединение ВВС, не приписавшее себе несуществующих побед. Они заявили о потоплении или повреждении двухсот семидесяти шести кораблей, на самом же деле на их счету триста двадцать две единицы.

— Вам повезло, капитуляция опередила ваш вылет.

— Может быть. И все же, Бондо-сан, я представляю себе, как сваливаюсь в пике из-за солнца, прямо в ад зенитного огня, вижу крошечные фигурки, мечущиеся по палубе в поисках убежища, пытающийся маневрировать авианосец, вижу, как уничтожу сейчас сотню врагов, подорву огромный корабль, я, один-одинешенек.

— Ваш шеф, адмирал Ониси после капитуляции, конечно, покончил с собой?

— Естественно. В лучших традициях. Если вы решили совершить «сеппуку», обязательно пригласите двоих ближайших друзей, они помогут завершить церемонию, случись вам ошибиться. Адмирал сделал крестообразный разрез, вспоров живот слева направо, а потом вверх, до грудной кости, просто изумительно. Но не смертельно. И все же он отверг помощь. Целый день сидел, созерцая собственные внутренности, пока не умер. Чистосердечная просьба о прощении перед Императором.— Тигр махнул рукой.— Ладно, не буду портить вам обед. Вижу, некоторые наши обычаи чести действуют европейцам на нервы. А вот и лангуст. Красавец!

Лакированные коробочки с рисом, сырые перепелиные яйца, мелко нарезанные водоросли стояли перед ними. Потом перед каждым появилось овальное блюдо с огромным лангустом, голова и хвост которого обрамляло нарезанное ломтями розовое мясо. Бонд взял в руки палочки. К его удивлению, лангуст был сырым. Еще больше он изумился, когда голова лангуста, шевеля усами и клешнями, сползла с блюда и заковыляла по столу.

— Бог мой, Тигр! — воскликнул он.— Чертова скотина жива!

— В самом деле, Бондо-сан,— прошипел Тигр,— вы меня разочаровываете. Провал за провалом, к концу поездки я надеялся на лучшие результаты. Давайте ешьте, бросьте привередничать. Прекрасная японская кухня. Деликатес.

Бонд с иронией поклонился.

— Шимата! — сказал он.— Извините. Мне просто пришло в голову, что достопочтенный японский лангуст не пожелает быть сожраннным живьем. Спасибо за дополнительную информацию. Я ошибался.

— Скоро вы привыкните к японскому образу жизни,— великодушно заметил Тигр.

— Меня скорее удивляет ваш образ смерти,— дружелюбно ответил Бонд и протянул свой стакан стоящей на коленях девушке — перед тем, как приниматься за водоросли, следовало собраться с силами.

10

Курсы усовершенствования

Тигр и Бонд стояли в тени аллеи гигантских криптомерий, разглядывая увешанных фотокамерами паломников, идущих к знаменитому святилищу Исэ, главному храму синтоистов. Тигр сказал:

— Ну, хорошо. Посмотрели вы на этих людей. Они молятся богине солнца. Сделайте то же самое, не привлекая к себе внимания.

По чисто выметенной дорожке Бонд прошел под огромной деревянной аркой и смешался с толпой перед храмом. Двое священников в причудливых красных кимоно и черных шапочках наблюдали за паломниками. Бонд поклонился в сторону храма, бросил монетку в кружку для подаяний, громко хлопнул в ладоши и, склонив голову в молитве, вновь хлопнул в ладоши и отошел.

— Хорошо,— сказал Тигр.— Один из священников обратил на вас внимание, публика просто не заметила. Можно было хлопнуть и погромче. Это привлекает внимание богини и предков к вашей молитве. О чем же вы молились?

— Боюсь, ни о чем. Просто старался правильно выполнять все действия.

— Богиня отблагодарит вас за усердие. В будущем. А теперь в машину, надо еще кое на что посмотреть.

Бонд застонал. На стоянке орды школьников выплескивались из автобусов; кричали и свистели в свистки диспетчеры, помогая водителям припарковываться. Хихикающие девочки были упакованы в синие платья и черные хлопчатобумажные чулки, на ребятах наглухо застегнутые форменные кители со стоячими воротниками.

Тигр продирался через толпу. Выбравшись, он улыбнулся:

— Вы что-нибудь заметили, Бондо-сан?

— Стадо симпатичных девчонок. Слишком молоды для меня.

— Нет. Вчера многие из них пялились бы на вас, хихикали и верещали «гейджин»! Сегодня вы иностранцем не выглядите. Изменились не только внешность и манеры, появилась уверенность. Чувствуете себя в своей тарелке.— Тигр просиял золотозубой улыбкой.— Система Танаки. Не смейтесь, не так уж это и глупо.

Вадакин, стоящая на дороге к древней столице страны Киото, была обычной маленькой горной деревушкой. Тигр сказал что-то водителю такси и вскоре они остановились у длинного, похожего на коровник здания на задней улице. Пахло скотом и навозом. С ними поздоровался человек, назвавшийся старшим скотником. У него были румяные щеки и умные добрые глаза, как и у его коллег где-нибудь в Шотландии или Тироле. Они долго разговаривали с Тигром. Человек взглянул на Бонда, в глазах у него мелькнул

озорной огонек, поклонился и пригласил в дом. Внутри было прохладно. В стойлах, пережевывая жвачку, лежали жирные коричневые коровы. Маленький веселый песик лизал морду коровы, и время от времени его тоже смачно облизывали. Скотник поднял жердь и что-то сказал корове, та зашевелилась и неуклюже поднялась на ноги, пошатываясь, вышла на солнце и уставилась на Тигра и Бонда.

Скотник приволок упаковку пива, открыл бутылку и протянул Бонду. Тигр безапелляционно заявил:

— Напоите корову.

Бонд взял бутылку и браво направился к корове, которая подняла морду и открыла пасть, куда Бонд и запихал горлышко бутылки. Корова в восторге чуть не проглотила бутылку и облизала шершавым языком руку Бонду. Бонд не дрогнул ни мускулом. Он уже привык к штучкам Тигра и решил реагировать на все в духе камикадзе, что бы там Тигр ни придумывал.

А скотник протягивал Бонду бутылку с жидкостью, смахивающей на обыкновенную воду. Тигр сказал:

— Это «шоку». Отличный джин. Наберите в рот, спрысните корове спину и вотрите в кожу.

«Надеется, гад, что я глотну чертово снадобье и задохнусь», — решил Бонд. Он благополучно проделал упражнение и поскреб корове спину, та была в экстазе...

— Что еще? — воинственно спросил Бонд. — Чем эта скотина будет со мной расплачиваться?

Тигр рассмеялся и перевел слова Бонда скотнику, тот тоже засмеялся и взглянул на Бонда чуть ли не с уважением. Тигр протянул деньги. Поклонившись, они вернулись в машину и отправились в деревню, где оказались в ресторанчике, сверкающем, безупречно чистом и совершенно пустом. Тигр сделал заказ и они уселись на чудесные европейские стулья, за нормальный стол, и улыбающаяся девушка принесла саке. Бонд, надеясь смыть привкус джина, залпом проглотил первую порцию.

— А теперь объясните, что это была за комедия, — потребовал он.

Тигр чувствовал себя великолепно:

— Сейчас попробуете самую сочную говядину в мире. Такой не найдете в лучшем ресторане Токио. Это стадо принадлежит моему приятелю. Скотник нормальный парень, а? Спаивает каждой корове четыре пинты пива в день и устраивает им массаж с «шоку». Еще они жрут овсянку. Любите говядину?

— Нет, — сказал Бонд флегматично, — не люблю.

— Жаль, — сказал Тигр, вовсе не выглядя разочарованным. — Это лучший за пределами Аргентины бифштекс. Вы его заслужили. Скотника покорило ваше профессиональное обращение с коровой.

— Ну и что это доказывает? — спросил Бонд с кислой миной. — Куда вы меня потащите после обеда?

Принесли бифштекс со множеством приправ, включая чашечку крови, от которой Бонд отказался. Но мясо можно было резать, ничего подобного Бонду действительно пробовать еще не приходилось. Тигр, вовсю работая челюстями, рассказывал:

— Поедем в наш тренировочный лагерь. Это недалеко, в горах, в старой крепости. Известен как «Центральная школа альпинизма». Интересы у местных жителей не вызывает, а мои люди обучаются здесь искусству «ниниоцу» — это, буквально, «искусство быть невидимым». Парни, которых вы увидите, уже овладели, по крайней мере, десятью из восемнадцати основных принципов «бусидо», или «пути воина», и сейчас тренируются, как «ниндзя»-«невидимки»: веками так готовили шпионов, убийц и диверсантов. Вы увидите, как ходят по воде, по стенам и потолку, вам покажут, с помощью каких приспособлений можно просидеть под водой целый день. Много чего покажут. Не считая отличной физической подготовки, ниндзя, разумеется, никакие не супермены, как это приписывают им легенды. Конечно, секреты «ниниоцу» и сейчас тщательно оберегаются, владеют ими две основные школы, Ига и Тогакуре, из них же мои инструкторы. Думаю, вам это может пригодиться. Я не люблю агентов с пистолетами и прочими тяжестями. В Китае, Корее и России, где я в основном работаю, обладание оружием при аресте — очевидное доказательство вины. Мои люди должны уметь убивать без оружия. Палки и тонкой цепочки, от которых легко избавиться, вполне достаточно. Ясно?

— Разумно. У нас есть такой же центр для подразделений коммандо. Ну, конечно, ваши дзюдо и каратэ — особое искусство. А как ваши успехи в дзюдо, Тигр?

Тигр оскалился:

— Всего лишь черный пояс седьмого дана. Красный пояс, это от восьмого до одиннадцатого дана, так и не получил. Надо забросить все остальные дела. А зачем? Чтобы к похоронам получить двенадцатый, последний дан? Прокуваться всю жизнь в академии Кодокан в Токио? Нет уж. Это для психов, — он улыбнулся. — Отказаться от саке! От девок! И ведь может так никогда и не удастся сцепиться с каким-нибудь сукиным сыном с пистолетом. В обычной

жизни мастер дзюдо — это помесь монаха с балетным танцовщиком. Не мой стиль!

Вновь они пылили по пустынной дороге. Какое-то чувство заставило Бонда взглянуть назад через прикрывавшую стекло изящную кружевную занавеску, отличительный признак местных такси и опасную помеху для водителя. Далеко позади виднелся одинокий мотоциклист. Позднее, когда они свернули с горы, тот продолжал двигаться за ними.

Бонд сказал Тигру, тот пожал плечами:

— Патрульный полицейский, наверное. А если нет, он выбрал неподходящее время и место.

У крепости была типичная рогатая, как на японских гравюрах, крыша. Стояла она в ущелье, где, вероятно, некогда был важный горный проход; старинная пушка торчала на вершине гигантской, слегка скошенной, сложенной из черных гранитных блоков стены.

Их остановили у ворот перед деревянным мостом через наполненный водой ров, и затем перед входом в крепость. Тигр показывал пропуск, охрана в штатском вежливо шипела и низко кланялась, и звякал колокол на верхнем ярусе высокого сооружения, весьма, как заметил Бонд из внутреннего двора, облезлого.

Когда машина остановилась, из дверей замка высыпались молодые люди в шортах и кедах, выстраиваясь в шеренгу за тремя мужчинами постарше. Тигру, царственно вышедшему из машины, они отвесили земные поклоны. Тигр и Бонд тоже поклонились.

Тигр коротко поздоровался со старшими и быстро заговорил, прерываемый почтительными «Хай» мужчины среднего возраста, явно руководителя всей команды. С последним «Хай, Танака-сан», тот повернулся к курсантам. Их было двадцать с лишним человек, от двадцати пяти до тридцати пяти лет. Старший выкрикивал номера, и из строя вышло шесть человек. Получив приказания, они побежали в замок. Тигр объяснил Бонду:

— Они оденут маскировочные костюмы и уйдут в горы. Если кто-нибудь бродит вокруг, они его сюда доставят. А сейчас нам покажут учебную атаку на крепость.— Тигр выкрикнул еще несколько команд, курсанты мгновенно исчезли. В сопровождении старшего инструктора, с которым Тигр оживленно переговаривался, они с Бондом отправились на мост. Через четверть часа с крепостного вала над ними раздался свисток, и мгновенно в лесу, слева от них, показалось десять человек. С головы до ног те были заты-

нуты в черные комбинезоны, лишь глаза сверкали в прорезях капюшонов. Сбежав к краю рва, они мгновенно надели овальные плоские поплавки из какого-то легкого дерева, вероятно бальзы, и, как на лыжах, заскользили по воде к подножию высокой черной стены. Здесь они сбросили поплавки, вытащили из карманов комбинезонов мотки тонких веревок и небольшие металлические костыли и, как стремительные черные пауки, побежали вверх по стене.

Тигр повернулся к Бонду:

— Имитируются ночные действия. Через несколько дней вам предстоит нечто подобное. Заметьте, на концах веревок крюки, которыми цепляются за трещины в камнях.

Инструктор что-то сказал Тигру и показал рукой. Тигр кивнул:

— Замыкающий — самый слабый в команде. Инструктор думает, он скоро сорвется.

Цепочка штурмующих почти достигла вершины двухсотфутовой стены, и, когда оставалось пройти всего несколько ярдов, замыкающий потерял опору и с криком ужаса полетел вниз по отвесной черной стене. Тело его ударилось о камни и врезалось в стоячую воду рва. Инструктор что-то пробормотал, сорвал с себя рубашку, взобрался на ограждение моста и прыгнул вниз с высоты сотни футов. Это был отличный прыжок и, вынырнув, он стремительным кролем поплыл к плавающему лицом вниз телу. Тигр повернулся к Бонду:

— Один черт, все равно он бы провалился на экзаменах. Пойдемте во двор. Бойцы взяли стену и сейчас продемонстрируют приемы «боджуцу» против обороняющихся — это бой с палками.

Бонд бросил взгляд на инструктора, буксировавшего труп к берегу, а это, несомненно, был уже труп. Интересно, кто-нибудь провалится на экзаменах в «боджуцу»? Неудачи в тренировочном центре Тигра несли смерть!

А во внутреннем дворике, разбившись на пары, бойцы изгибались в стремительных схватках. В руках у них были толстые, в два ярда длиной, палки. Они нападали и отбивали удары, делали выпады, целясь в живот, использовали палку как пику, или проводили приемы, сцепившись лицом к лицу.

Бонда удивило, что сокрушительные удары в пах не производили никакого впечатления на курсантов; сам бы он уже корчился в агонии. Он спросил об этом у Тигра, тот, увлеченный боем, сказал, что объяснит позднее. Тем временем защитники крепости постепенно теснили нападавших. Люди в черном падали без сознания, или лежали, со

стопами прижимая руки к голове, животу и яйцам. Инструктор резко свистнул, и бой окончился. Оборонявшиеся победили.

Появился доктор и обошел павших, а оставшиеся на ногах низко поклонились друг другу, а потом Тигру. Тигр произнес короткую речь, в которой, перевел он Бонду, поздравил участников с впечатляющими учениями.

Бонда повели в замок на чаепитие, а потом на выставку вооружения «ниндзя». Были там стальные метательные звезды с заточенными лучами, размером с серебряный доллар, цепи с острыми грузиками на концах, их использовали как лассо в Южной Америке, колючки из гвоздей против босоногих преследователей (Бонд припомнил, что такие же применяли бойцы Сопротивления против немецких автомобилей), полые бамбуковые трубки для дыхания под водой (Бонду приходилось пользоваться ими на Карибских островах), всевозможные медные кастеты, перчатки, усеянные на внутренней стороне множеством очень острых, слегка загнутых крючков для «хождения» по стенам и потолку, и целая куча столь же примитивных устройств. Бонд демонстрировал одобрение и изумление и вспоминал русскую «штучку», имевшую большой успех в Западной Германии — газовый пистолет, не оставлявший следов, а у жертвы были все симптомы сердечной недостаточности. Все эти Тигрины «ниндзя» просто детский сад!

Во дворе командир поисковой группы доложил, что обнаружены следы мотоцикла, развернувшегося назад в миле от замка. Ничего более не замечено. Прощальные поклоны, и вновь они в пути по дороге в Киото.

— Ну, Бондо-сан, как вам мой центр?

— Впечатляет. Отличная подготовка, но, боюсь, маскировочная одежда и ваше оружие — вещественные доказательства ничуть не хуже пистолета. Ну, они действительно очень быстро вскарабкались по стене, и приемы «боджуцу» могут здорово пригодиться против ночного хулигана с велосипедной цепью или выкидным ножом. Закажу себе, пожалуй, двухъярдовую трость.

Тигр облизал губы:

— Такое ощущение, что драки вы видели только в дешевых вестернах. Попробовали бы пробраться в Северную Корею, одевшись простым крестьянином.

Бонд страшно устал. Жаль было парня, погибшего на потеху ему и Тигра. Он резко сказал:

— Никто из ваших «ниндзя» не протянул бы и дня в Восточном Берлине, — и угрюмо замолчал.

Лекция по анатомии

К вящему облегчению Бонда ночь они провели в лучшем отеле Киото «Мияко». Нормальная кровать, кондиционер, сортир в европейском стиле, никаких восточных излишеств. Более того, Тигр сообщил, что, к сожалению, у него обед с шефом полиции префектуры, и обрадованный Бонд заказал в номер пинту «Джека Даниеля» и двойную порцию яиц побенедиктински. Потом, единственно из чувства долга, посмотрел «Семь детективов», знаменитый местный телесериал (убийцу вычислить не смог), завалился в постель и проспал двенадцать часов.

На следующее утро, мучимый укорами совести, он согласился с предложением Тигра отправиться в старейший бордель Японии. Затем предстояло ехать в Осаку и оттуда, через Внутреннее море, на южный остров Кюсю.

— Малость рановато для борделя, — только и сказал он.

Тигр рассмеялся:

— Вечно в вас бушуют низменные инстинкты, Бондо-сан. Проституция у нас запрещена. А едем мы с вами осматривать национальную достопримечательность.

— Лихо!

В борделе опять вежливо шипели и кланялись, а экскурсовод подарил им красивые буклеты. Это был квартал «красных фонарей» древней столицы. По сверкающим полам шли они из комнаты в комнату, разглядывая следы ударов мечей на деревянных колоннах. Тигр заявил, что так, пылая страстью и нетерпением, развлекались самураи. Бонд спросил, сколько же здесь было спален. Казалось, весь дом состоял из одной огромной кухни и множества столовых.

— Четыре комнаты, — ответил экскурсовод.

— Таких борделей не бывает, — заявил Бонд. — Нужен мгновенный оборот, как в казино.

— Бондо-сан, — жалобно сказал Тигр, — не забывайте, у нас разный образ жизни. В давние времена здесь отдыхали и восстанавливали силы. Подавали еду, здесь музицировали, рассказывали истории. Писали «танка». Вот посмотрите на эту надпись на стене: «Завтра все будет внове». Не дурак ведь это написал.

— А потом он бросил перо, схватился за меч и заорал: «Когда освободится четвертая комната?». Действительно, памятник старины! Это как в новых африканских странах. Там утверждают, что в людоедском котле из хижины вождя

варили ямс для голодных детишек. Все пытаются отречься от ужасного прошлого, а нет, чтобы гордиться им. Как мы от Кровавого Моргана, или от Нэлл Гвинн. Великий убийца и великая шлюха — тоже наша история. Зачем же выдавать ваш старейший бордель за шекспировский Стратфорд-на-Эвоне.

Тигр расхохотался:

— Бондо-сан, ваша трактовка нашей истории просто возмутительна. Поехали, подышим чистым морским воздухом.

«Марасаки Мару» была новейшим трехтысячетонным судном со всеми удобствами океанского лайнера. Толпы провожающих махали с причала, как будто предстояло путешествие через Атлантику, а не прогулка по длинному озеру. Бросали на борт серпантин, над группами на причале торчали плакаты, объявлявшие их принадлежность к офисам, школам, клубам. Казалось, путешествует вся Япония, отправляется на каникулы, навещает родственников или святыни, просто осматривает достопримечательности страны.

Судно величественно проходило среди бесчисленных скалистых островков. Тигр сказал, что недалеко есть замечательные водовороты, «что-то вроде сортирных смывов, специально для самоубийц». В ресторане первого класса они заказали омлеты с ветчиной и sake. Тигр был в менторском настроении — и решил поправить невежественные суждения Бонда о японской культуре:

— Бондо-сан, вы пытались когда-нибудь оценить изящество японской «танка» или «хайку»; это классические формы нашей поэзии. Вы слышали о Басё?

— Нет,— вежливо ответил Бонд,— а кто это?

— Ну конечно,— с горечью сказал Тигр.— Вы ведь сочтете меня олухом; не знай я Шекспира, Данте или Гете. А Басё, живший в семнадцатом веке, столь же велик.

— И что он написал?

— Это был странствующий поэт. Любимый жанр — «хайку», стихотворение из семнадцати слогов.— Тигр принял задумчивый вид и произнес:

Горечь едкой редьки
Впивается в губы.
Чувствую осени ветер.

— Ничего это вам не говорит? Или вот:

Мотылек
Омывает крылья
Ароматами сада.

- Ощущаете красоту образа?
- Трудноуловимо, по сравнению с Шекспиром.

В хижине рыбака
Шуршанье сушенных креветок
Смешалось с пеньем сверчка,—

Тигр с надеждой взглянул на Бонда.

- Не улавливаю,— ответил тот виновато.

— Вам непонятна образность этих стихов? Моментальное проникновение в человеческую сущность, в природу? Окажите мне любезность, Бондо-сан. Напишите «хайку» для меня. Уверен, вам это удастся. В конце концов, хоть какое-то образование у вас есть?

Бонд рассмеялся:

— Учил латынь и греческий. Все о Цезаре и ему подобных. Никакого толку, когда пытаешься заказать чашечку кофе в Риме или Афинах. Тригонометрию учил и благополучно забыл. Но дайте мне перо и лист бумаги, я попробую.— И, обхватив руками голову, Бонд склонился над столом. Писал, перечеркивал, переписывал, и, наконец, сказал:

— Вот, Тигр, слушайте. Что-то вроде старика Басё и куда содержательней:

Жизнь дается лишь дважды:
Когда мать рождает тебя,
И когда смотришь смерти в глаза.

Тигр тихо хлопнул в ладони и с удовольствием сказал:

— Но это великолепно, Бондо-сан. Так искренне.— Он взял ручку и нацарапал на листе несколько иероглифов. Покачал головой: — Нет, по-японски не звучит. Не совпадает количество слогов. Но попытка вполне удачная.— Он посмотрел на Бонда:

- Думали о предстоящем деле?

— Может быть,— невозмутимо ответил Бонд.

- Не можете не думать.

— Будет трудно чисто технически. О морали я уж и не говорю. В нашем случае, к сожалению, цель оправдывает средства.

— То есть, ваша безопасность не является камнем преткновения?

- Да нет, бывала работенка и похуже.

— А вы стоик. Не цепляетесь за жизнь, как большинство европейцев.— Тигр сочувственно посмотрел на Бонда: — Наверное, есть причины?

Бонд номешкал:

— Ничего особенного. И, ради Бога, Тигр, перестаньте! Бросьте эту вашу японскую занудливость. Налейте саке, и ответьте-ка на вчерашний вопрос: почему ваши парни не реагировали на удары по яйцам? Вот это мне может пригодиться, а вы лезете с какой-то дурацкой поэзией.

Тигр, посмеиваясь, заказал саке:

— К сожалению, вы уже не в том возрасте. Вот попадись вы мне лет в четырнадцать... Знаете борцов «сумо»? Это их древний прием, чтобы избежать повреждений этих частей тела. Гениталии у мужчин до наступления половой зрелости находятся внутри тела, и лишь потом определенная мышца выпускает их наружу.

— И что же?

— Борцов «сумо» отбирали как раз при наступлении половой зрелости, из-за силы и веса, или по семейной традиции. Так вот, после специальных упражнений и массажа можно вновь втянуть яйца вверх по паховому каналу.

— Ну, вы, японцы, даете! — восхищенно воскликнул Бонд. — Фокусники!

— Перед схваткой пах бинтуется, потом, в ванне, мускулы расслабляются. Жаль, но вы опоздали для этих трюков, могло бы и пригодиться. Известно, что агент в схватке или в плену именно здесь чувствует себя наиболее уязвимым. При пытках за половые органы берутся в первую очередь.

— Будто я не знаю! — в сердцах сказал Бонд. — Некоторые наши парни цепляют себе коробку. По мне, очень неудобно.

— А что это такое?

— Крикетисты придумали: такая легкая алюминиевая пластина с подкладкой.

— Жаль, мы в Японии в крикет не играем. Только в бейсбол.

— Ваше счастье, вас не англичане оккупировали, — комментировал Бонд.

— Крикет — игра трудная, требует умения.

— То же говорят американцы о бейсболе.

— Естественно. Надо же им продавать здесь снаряжение для бейсбола.

Солнце уже садилось, когда они подошли к порту Беппу на острове Кюсю. Тигр объявил, что сейчас самое время осмотреть знаменитые гейзеры и фумаролы маленького

курорта, а завтра, рано утром, они отправляются в Фукуока. Бонда даже передернуло. Осмотры достопримечательностей и посиделки с саке, слава Богу, подходили к концу.

По очереди они заглянули в десяток «преисподен», как их здесь называли. Жутко воняло серой, булькающий, кипящий фумарол выглядел один противнее другого. Дымящаяся грязь и горячие гейзеры были разноцветными — красными, голубыми, оранжевыми — и повсюду висели таблички с черепами и скрещенными костями, требующие держаться на безопасном расстоянии. В десятой «преисподней» по-английски и по-японски предупреждали, что извержение происходит каждые двадцать минут. Они присоединились к маленькой группе зрителей, столпившихся под прожекторами, направленными на небольшой кратер среди скал, заляпанных грязью. Через пять минут под землей что-то заурчало, струя дымящейся серой грязи выстрелила футов на двадцать в высоту и тяжело шлепнулась на камни. В стороне в нише Бонд заметил большой красный ventиль, запертый на здоровенный висячий замок и окруженный проволочной сеткой. Рядом висела табличка и был намалеван особенно злобующий череп. Бонд потребовал у Тигра объяснений.

— Там написано, что ventиль регулирует частоту выбросов гейзера. Если его закрутить, может произойти взрыв, мощностью в полтонны ТНТ. Реклама для привлечения туристов. Поехали в город, Бондо-сан. Это наш последний день вместе. В этот раз, — быстро поправился он, — и я заказал кое-что особенное. Еще с корабля, по радио. Ужин с «фугу»!

Бонд молча выругался. Воспоминания о яйцах по-бenedиктински были еще свежи в нем. Что за кошмар ожидает его впереди?

— «Фугу» — это рыба-шар. В воде плоская, а когда поймают, надувается и напоминает шар, покрытый острыми шипами. Из высушенных шкур, вставив свечи, делают фонарики. Очень вкусное мясо. Борцы «сумо» считают, что оно придает силы. Еще «фугу» очень любят самоубийцы и просто убийцы: печень и половые железы рыбки смертельно ядовиты.

— О, это мое любимое блюдо! Вы очень внимательны, Тигр.

— Не бойтесь, Бондо-сан. Каждый ресторан с «фугу» получает государственный сертификат, а повар имеет специальный диплом.

Они оставили вещи в заказанной Тигром гостинице, помылись в «о-фуро», бане с крошечным голубым бассейном

и очень горячей, пахнувшей серой водой и, отдохнув, отправились вниз по улице, ведущей к морю. Бонду страшно понравились японские бани. Было в них нечто римское, и пахло от японцев какой-то особенной чистотой. Тигр говорил, что от европейца, в лучшем случае, несет парной свининой.

Перед рестораном висела огромная рыба-шар, а внутри, к радости Бонда, стояли нормальные стулья и столы, за которыми, со свойственной им вдумчивостью, жевали японцы. Их ждали, стол был уже накрыт. Бонд сказал:

— Слушайте, Тигр, я не собираюсь совершать самоубийства, не выпив, по крайней мере, бутылку пять саке.

Перешептывающиеся официантки принесли требуемое. Бонд налил, выпил и вызывающе заявил:

— Теперь можете тащить вашу чертову рыбу, а если я протяну ноги, пусть наш дружок-доктор ликует.

Церемонно внесли очень красивое, размером с велосипедное колесо, белое фарфоровое блюдо. На нем, в виде огромного цветка, лепесток к лепестку, лежали тончайшие, прозрачные пластинки «фугу». Бонд посмотрел на Тигра и взялся за палочки. Он гордился тем, что в искусстве владения палочками он достиг уже степени «черного пояса» — и, заодно, научился есть недожаренные яйца.

Вкуса, у рыбы не было никакого, даже рыбного. Но она буквально таяла во рту, и Бонд рассыпался в комплиментах, видя, что Тигр, смаковавший каждый кусочек, ждет этого. Принесли сырые плавники «фугу», еще что-то, еще саке.

Бонд отвалился от тарелки и закурил:

— Итак, Тигр, образование мое завершено. Завтра вы выпустите меня из гнезда. Сколько же очков из сотни я набрал?

Тигр насмешливо посмотрел на него:

— Вы старались, Бондо-сан. Если не считать ваших европейских шуточек о наших восточных обычаях. Но я человек терпимый, и общество ваше доставило мне массу удовольствия. Даю вам семьдесят пять из ста.

Когда они встали из-за стола, мимо Бонда к выходу проскочил человек. Коренастый мужчина с белой «маской» на лице и в уродливой кожаной шляпе. Человек с поезда!

— Ладно, ладно, — подумал Бонд. — Если он хоть раз еще появится, я им займусь. Если нет, сочтем это случайным совпадением. Но что-то с внешним наблюдением у Тигра слабовато.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

«...ЧЕМ ЗАВЕРШИТЬ СВОИ СКИТАНИЯ»

12

Свидание в Самарре

Машина префекта полиции Фокуока пришла за ними в шесть утра. Двое полицейских сидели впереди. По прибрежному шоссе помчались на север. Вскоре Бонд сказал:

— Тигр, за нами хвост. Тип, который спер мой бумажник, был вчера в ресторане «фугу», а сейчас он гонит за нами на мотоцикле в миле позади — готов сожрать собственную шляпу. Прикажите водителю развернуться, надо его взять. У меня нюх на эти дела.

Тигр заворчал, оглянулся и что-то быстро приказал водителю. Тот ответил «Хай!», а полицейский, сидевший рядом, расстегнул кобуру своего М-14. Тигр сжал кулаки.

За поворотом водитель свернул с дороги влево и заглушил двигатель. Они прислушались. Мотоцикл пролетел мимо и понесся дальше. Водитель быстро вывернул из укрытия на дорогу и они бросились в погоню. Тигр отрывисто рявкнул по-японски. Бонду он сказал:

— Я приказал включить сирену, а если тот не остановится, загнать его в кювет.

— Что ж, вы оставляете ему шанс, — сказал Бонд, слегка остыв. — Может я ошибаюсь, и это всего лишь посыльный от «Фуллерз» с тортом.

По извилистой дороге они выжимали под восемьдесят миль и вскоре заметили облако пыли. Вот уже и сам мотоцикл. Водитель, пригнувшись к рулю, летел, как сумасшедший.

Полицейский что-то сказал. Тигр перевел:

— Он говорит, это пятисоткубовая «Хонда». Запросто может оторваться от нас. Но здесь даже урки народ дисциплинированный. Сирена его остановит.

Сирена взвыла и заревела. Мотоциклист оглянулся, мелькнула белая маска, он медленно тормозил. Правая рука нырнула за борт куртки. Бонд сжал ручку двери:

— Смотрите, Тигр, у него пушка! — и когда они поравнялись, рывком распахнув дверь, прыгнул на мотоциклиста, сшибая его и машину на землю.

Полицейский, сидевший рядом с водителем, прыгнул следом, упал и почти мгновенно вскочил на ноги. В руке у

него был окровавленный нож. Он отшвырнул его и рванул мотоциклиста за куртку. Нашел взглядом Тигра и покачал головой. Тигр что-то проорал, и полицейский начал изо всех сил хлестать мотоциклиста по лицу. «Маско» слетела, и Бонд увидел жуткий оскал смерти. Он прошептал:

— Остановите его, Тигр. Парень мертв.

Тигр вышел на дорогу. Подняв нож, наклонился и завернул правый рукав трупа до плеча. Показал на черную татуировку на сгибе руки:

— Вы не ошиблись, Бондо-сан. Это Черный Дракон.— Он выпрямился, виновато поморщился: — Шимата!

Оба полицейских стояли рядом с выражением вежливого недоумения на лицах. Тигр отдавал приказы. Обыскав труп, они обнаружили всевозможную мелочь, в том числе и бумажник Бонда с нетронутыми пятью тысячами иен и дешевую записную книжку. Передали все Тигру и, подняв труп, грубо закинули его в багажник автомобиля. Замаскировали мотоцикл в кустах, почистились и сели в машину.

Тигр задумчиво произнес:

— Невероятно! Эти гады, должно быть, постоянно следили за мной в Токио.— Он просмотрел записную книжку.— Да, все мои передвижения за последнюю неделю и наши с вами остановки в пути. Вы упоминаетесь как «гайджин». Он вполне мог передать ваши приметы по телефону. Какая досада. Приношу мои глубокие извинения, Бондо-сан. Естественно, я отменяю операцию. Каюсь, не принял их всерьез. Как только доберемся до Фукуока, переговорю с Токио. А вы, по крайней мере, познакомились с методами доктора Шаттерхэнда. Не так-то он прост. Несомненно, когда-то был профессиональным разведчиком. Сумел установить мою личность, а ведь это государственная тайна. Считает меня основным противником. Создал себе солидное прикрытие. Он или сумасшедший, или настоящий преступник. Согласны, Бондо-сан?

— Похоже на то. Что-то мне захотелось на него взглянуть. Продолжим операцию, Тигр. Вот сейчас я вошел во вкус.

Управление контрразведки «Сосака» расположилось недалеко от главной улицы Фукуока. Это было мрачного вида сооружение в имперском германском стиле, сложенное из желтого кирпича, каким обычно выкладывают уличные сортиры. Тигр сказал, что во время войны здесь трудился «Кемпейтай», местное гестапо.

Принимали Тигра помпезно. Кабинет начальника управления был тесен и завален бумагами. Суперинтендант

Андо напоминал обыкновенного торговца, но Бонд заметил военную выправку, а из-за очков без оправы тяжело смотрели пронизательные глаза. Пока шли переговоры, Бонд терпеливо курил. Принесли аэрофотоснимки «Замка Смерти» и его окрестностей. Суперинтендант придавил уголки пепельницей и еще какой-то ерундой, и Тигр с уважением, не оставшимся незамеченным Андо, попросил Бонда подойти. Бонду пришлось в голову, что Тигр считает себя его должником и виновником неудачи с Черными Драконами.

Тигр сказал:

— Пожалуйста, посмотрите на эти фотографии, Бондосан. Суперинтендант говорит, что скрытно подобраться к замку с суши очень трудно. Самоубийцы платят местным крестьянам, знающим тропы через болота, — он показал на карте. — В стенах есть заметные бреши, их специально не заделывают. Как только суперинтендант выставляет патруль у одной из них, охрана замка сообщает крестьянам о новом проломе. Он просто не знает, что делать. За последнюю неделю в морг доставили двадцать трупов. Суперинтендант намерен подать в отставку.

— Ясное дело, — сказал Бонд, — а потом, конечно, почетная смерть от ядовитого члена «фугу». Дайте-ка взглянуть.

На первый взгляд диспозиция противника Бонду очень не понравилась. Все равно, что идти на штурм Виндзорского замка с голыми руками. Поместье располагалось на небольшом мысе, выдававшемся в море с гористого берега; двухсотфутовая скала, окаймлявшая мыс, была доверху выложена огромными каменными блоками, и стена эта, слегка наклонясь, высилась до оружейных амбразур и крытых черепицей сторожевых башен. С вершины стены вел десятифутовый спуск в парк, густо заросший деревьями и кустарником; множество извилистых ручейков, обширное озеро с маленьким островком в центре. Озеро, похоже, парилось, легкие струйки пара виднелись и среди кустарника. В глубине поместья стоял замок, окруженный сравнительно невысокой стеной. Именно через эту стену перебирались самоубийцы. Сам замок был огромным пятиэтажным сооружением в традиционном японском стиле, с изогнутыми крышами обливной черепицы. Верхний этаж украшали стилизованные дельфины, множество всевозможных декоративных излишеств, крошечные балкончики, башенки, бельведеры, так что все черное сооружение, там и сям, как сказал Тигр, тронутое золотой краской, напоминало декорацию для фильма о Дракуле.

Бонд взял увеличительное стекло и, дюйм за дюймом, просмотрел карту поместья, но не обнаружил ничего нового, кроме нескольких миниатюрных фигурок, работающих в парке, или разбрасывающих гравий вокруг замка. Бонд отложил лупу. Мрачно сказал:

— Это не замок! Это настоящая крепость! И как я туда проникну?

— Суперинтендант интересуется, хорошо ли вы плаваете? Стена, выходящая на море, проблем не представляет, у меня с собой полный комплект снаряжения «ниндзя».

— Плаваю хорошо, но каким образом я доберусь до стены? Где стартовать буду?

— Суперинтендант говорит, в полумиле от берега есть остров Куро. Там живут «ама».

— Это еще кто такие?

— «Ама» — это народность, племя, они живут на нескольких островах, всего около пятидесяти деревень. Их девушки ныряют за раковинами «аваби» — такой съедобный морской моллюск, деликатес. Иногда за жемчужницами. Ныряют голышом. Некоторые из них просто красавицы. Они очень замкнуты, у них своя культура и обычаи, довольно примитивные. Что-то вроде морских цыган. Они редко выходят замуж за чужаков, в общем, настоящие отшельники.

— Занятно, но где я там устроюсь? Подходящей погоды можно ждать черт знает сколько.

Тигр быстро заговорил с суперинтендантом.

— А, со деду ка! — проговорил он возбужденно и повернулся к Бонду: — У суперинтенданта есть дальние родственники на Куро. Очень интересное семейство: отец, мать и дочь. Ее зовут Кисси Сузуки. Я о ней слышал. В семнадцать лет ее пригласили на киносъемки в Голливуд. Прославилась на всю страну. Им нужна была красивая ныряльщица-японка. В фильме она снялась, но Голливуд возненавидела и вернулась к себе на остров, а могла заработать целое состояние. Тогда об этом много писали и решили, что вела она себя самым достойным образом. Называли ее «японской Гарбо». Сейчас ей двадцать три, и все о ней забыли. Суперинтендант говорит, что эти люди вас приютят. Они ему чем-то обязаны. Дом простой, но комфортабельный. Девушка неплохо заработала в Штатах. Все остальные дома на острове — обычные рыбацкие хижины.

— А что все эти рыбаки скажут?

— Не волнуйтесь. Они синтоисты, суперинтендант поговорит со священником, и все будет О.К.

— Хорошо. Я остаюсь на острове и ночью подплываю к стене. Что дальше?

— Снаряжение «ниндзя». Как им пользуются, вы видели, все очень просто.

— Да, судя по парню, сыгравшему в ров. Дальше?

— Прячетесь в парке и ждете случая прикончить его. Каким способом — ваше дело. Я уже говорил, появляется он в доспехах. Это-то и делает гада уязвимым. Вам достаточно сбить его с ног, а потом придушить цепью. Выдадим вам настоящую цепь «ниндзя». Если появится баба, шлепните и ее. Она, несомненно, его сообщница и, к тому же, слишком уродлива. Перебираетесь через стену и возвращаетесь вплавь на Куро. Здесь вас подберет полицейский катер. Ну, а слухи о смерти распространяются быстро.

Бонд с сомнением сказал:

— Что-то уж очень просто получается. А как насчет охранников? Их там целая толпа.

— А не попадитесь им на глаза. Укромных уголков в парке хватает.

— Ну, утешили. Засяду где-нибудь в ядовитом кустике. Совсем не хочется ослепнуть или свихнуться.

— Получите маскировочные костюмы: черный ночной и камуфлированный для светлого времени, защитные очки для глаз. Дадим вам специальный пластиковый мешок для буксировки всего добра.

— Обо всем-то вы подумали, дорогой Тигр. А я просто взял бы с собой пушку.

— Вы с ума сошли, Бондо-сан. Шума не должно быть, а глушитель снижает начальную скорость пули, вдруг не удастся пробить броню. Нет, друг мой, действуйте методами «ниннюцу».

— Ну, хорошо, — вздохнул Бонд. — Фотографии доктора у суперинтенданта есть? Давайте посмотрим.

Снимки были сделаны телеобъективами с большого расстояния. Огромная фигура в средневековых доспехах, крылатом шлеме древнего японского воина. Бонд, внимательно изучив фотографии, отметил уязвимые места на шее и в сочленениях брони. **Металлическая пластина прикрывала пах.** Широкий самурайский меч висел на поясе, другого оружия Бонд не заметил. Задумчиво Бонд сказал:

— На идиота он не похож. Хотя костюмчик, как у Дракулы. Лицо его у вас есть?

Суперинтендант порывлся в досье, вытащил фотографию, похожую на увеличенный снимок для паспорта, и протянул

Бонду. Бонд бросил небрежный взгляд и вдруг мускулы его напряглись.

— О, Господи, Боже всемогущий! — прошептал он. Да, никаких сомнений! Отрастил висячие черные усы. Сделал пластическую операцию сифилитического носа. В верхней челюсти появился золотой зуб. Но сомнений не было.

Бонд спросил:

— А женщина у вас есть?

Изумленный выражением сдержанной ярости на побледневшем под темным гримом лице Бонда, суперинтендант лихорадочно зарылся в досье.

Вот она, сука, — плоская уродливая морда лагерной надсмотрщицы, пустые глаза, пучок волос на затылке.

Держа в руках фотографии, Бонд задумался. Эрнст Ставро Блофелд. Ирма Бунт. Вот где они вынырнули! Вот где свела их судьба! Они! И он! На такси приехал. Неужели почуяли? Неужели погибший «дракон» установил и успел передать его имя? Сомнительно. Тигр плотно прикрывал его. Интуиция преступника? Ощущение неотвратимости назначенной судьбой встречи в Самарре?

Бонд отвел взгляд. Он чувствовал холодную решимость. Это его личное дело. К черту Тигра и Японию. К черту «Магию». У древних это называлось кровной мстостью. Он спросил небрежно:

— Тигр, узнайте у суперинтенданта, что его парни сделали с «драконом»? Где его вещи? Главное, сумел он передать приметы и сообщить о целях моего появления?

Долгая наэлектризованная тишина повисла в комнате. Тигр буквально впился глазами в лицо Бонда, потом быстро заговорил с суперинтендантом. Тот поднял трубку старомодного телефона, сказал несколько слов, дунул, по японской привычке, в микрофон и разразился длинной тирадой, без конца повторяя: «А, со десу ка!» Как только он положил трубку, Тигр, не сводя с Бонда изучающих глаз, сказал:

— Парень из местных. Состоял на учете в полиции. К счастью, малообразован, обыкновенный бандит. В блокноте записано его задание: проследить весь мой маршрут и сообщить шефу. Сомнительно, что у него была связь до этого. А в чем дело, Бондо-сан? Вам знакомы эти люди?

Бонд скрипуче рассмеялся каким-то фальшивым смехом. Он решил помалкивать. Идентификация личности доктора Шаттерхэнда означала начало официального расследования. Японцы и ЦРУ рванут в Фукуока. Блофелда и Ирму Бунт арестуют. У Бонда отнимут его добычу. Не дадут отомстить. Он сказал:

— Да нет. Я немного физиогномист: когда я увидел эту рожу, у меня мурашки по спине забегали. Операция, независимо от результатов, многое решит в наших судьбах, но ничьей не будет. Еще несколько вопросов; я хочу выяснить все детали.

Тигр, похоже, успокоился. Какое странное животное выражение на лице его обычно ироничного, спокойного друга Бондо-сан. Тигр сверкнул золотыми зубами;

— Ну, разумеется, дорогой мой. Обговорим все досконально. Позвольте мне еще одну японскую поговорку: «Собаке нужна пара блох. Иначе она забывает, что она собака».

— А-а, старина Басё! — узнал Бонд.

13

Кисси Сузуки

Утро пролетело мгновенно, Бонд действовал, как автомат: проверял снаряжение «ниндзя», проследил за упаковкой его в плавучий контейнер. Мысли были заняты совсем другим — Блофелд, чертова скотина, организатор «Спектра», гнусной банды убийц и террористов, человек, которого ищет полиция всех стран НАТО, убийца Трейси. Девять месяцев назад она всего один день была женой Бонда. И за девять месяцев этот гениальный мерзавец придумал нечто совершенно новенькое. Швейцарец — доктор Шаттерхэнд, богатый ботаник, одно из многих его прикрытий. Все так просто: несколько редких растений ведущим ботаническим садам, финансирование пары экспедиций и невинный план — уйти на покой и заняться садиком. И каким! Смертельная ловушка для людей, настоящий подарок для самоубийц. И, конечно, Япония, где самый высокий в мире уровень добровольных смертей, страна с неиссякаемой жаждой причудливого, жестокого, ужасающего — о лучшем убежище не приходилось и мечтать. Блофелд свихнулся — но это было целенаправленное сумасшествие убийцы-гения. И масштабы у него были соответствующие, как у Калигулы, Нерона или Гитлера. Горы трупов росли с захватывающей быстротой, расходы были невероятны, планирование, вплоть до использования «Общества Черного Дракона», и прикрытия — безупречны. И вот два врага встретились вновь, но на сей раз Давид шел на Голиафа, ведомый не чувством долга, но кровной мстью! А оружие? Голые руки, двухдюймовый нож и тонкая стальная цепочка. Что ж, такое случилось и раньше. Главное, захватить врасплох.

Бонд отобрал пару черных ластов, немного прессованного

мяса, таблетки бензедрина, пластиковую флягу с водой. Все готово.

Они подъехали к пирсу, где ждал полицейский катер. На двадцатиузловой скорости прошли вдоль берега, обогнули мыс и вышли в залив Генкай. Тигр вытащил бутерброды и бутылку саке и они ели, посматривая на зеленый берег и песчаные пляжи по левому борту. Тигр показал на крошечную точку на горизонте.

— Остров Куро,— сказал он.— Веселее, Бондо-сан! Что-то вы загрустили. Скоро будете купаться с голыми красотками! Переспите с японской Гретой Гарбо!

— А акулы уже собираются отметить мой заплыв.

— Если уж они не жрут Ама, на кой черт им тощий англичанин? Видите, вон кружат два орла-рыболова? Отличная примета. Когда в небе один — судьба не так благоприятна. Четыре означают катастрофу, у нас четверка, как ваши тринадцать — приносит несчастье. А забавно, Бондо-сан, болван-дракон дрыхнет себе в пещере, ничего не подозревая, а в это время Святой Георгий по волнам подбирается к его логову. Каков сюжет для прессы?

— Потрясающее у вас чувство юмора, Тигр.

— Просто не похоже на ваше. Весь японский юмор замешан на смерти и несчастьях. Я не артист, но попробую рассказать мою любимую историю. Девушка подходит к мосту, дает стражнику монетку в один сен и идет дальше. Стражник кричит: «Эй, проход по мосту стоит два сена». Девушка отвечает: «Но я не собираюсь переходить на другой берег. Дойду до середины и брошусь в реку». — Тигр оглушительно захохотал.

— Расскажу в Лондоне,— вежливо сказал Бонд.— Они там со смеху лопнут.

Маленькая точка на горизонте росла и превратилась вскоре в изогнутый остров миль пять в окружности, со скалистыми берегами и небольшой, смотрящей на север, бухтой. Вдали виднелся выдающийся в море мыс, обиталище доктора Шаттерхэнда, и высокая, похожая на крепостную, черная стена вздымалась из моря. Вершины деревьев поднимались над нею, а за ними, в отдалении, выделялась на фоне неба крыша замка.

Бонд слегка поежился, подумав о предстоящем заплыве в ночном море и упражнениях в скалолазании. А, ладно! Он переключился на приближающийся остров.

Это была черная вулканическая скала, тем не менее густо покрытая зеленью. На вершине невысокой горы стоял сложенный из камня маяк. Они обошли мыс и увидели малень-

кую деревушку и причал. В море неподалеку было разбросано штук тридцать гребных лодок, иногда в сверкающих под солнцем волнах мелькали розовые тела. Голые ребятишки играли среди огромных гладких черных валунов, похожих на купающихся гиппопотамов. Сушились зеленые сети. Что-то пасторальное, присущее рыбацким деревушкам всего мира, было в этой картине. Бонд немедленно влюбился в островок, казалось, его здесь давно и с нетерпением ждут друзья.

Несколько деревенских старейшин, серьезных, угловатых людей, во главе с синтоистским священником ждали их на причале. Священник был в церемониальных одеждах; темно-красным с широкими отлетными рукавами кимоно до колен, бирюзовой юбке в широкую складку и в традиционной блестящей черной шляпе в виде усеченного конуса. Он был средних лет, с круглым лицом, в круглых очках, с твердым, решительным ртом. Чувствовались в нем сдержанное достоинство и сила. Когда высаживались на берег, пронизательный взгляд его скользнул по лицам гостей, но задержался на Бонде.

Суперинтенданта Андо встретили с дружелюбным уважением. Это его округ, и лицензии на рыбную ловлю зависят от него, насмешливо подумал Бонд, но поклоны вовсе не казались угодливыми, и Бонд решил, что ему попался подходящий посол.

По булыжной мостовой главной улицы они поднялись к дому священника, скромному сооружению из камня и дерева. Они вошли и уселись на безупречно чистом лакированном полу. Суперинтенданта произнес длинную речь, прерываемую серьезными «Хай» и «А, со дэсу ка» священника, время от времени задумчиво посматривавшего на Бонда умными глазами. Затем недолго говорил священник, а Тигр и суперинтенданта внимательно слушали. Тигр ответил, и деловая часть беседы на этом завершилась, принесли неизменный чай.

Бонд спросил у Тигра, что рассказали священнику о его миссии. Врать смысла не было, ответил Тигр, священник человек пронизательный, и сказали ему правду. Священник сожалеет, что приходится применять столь жесткие меры, но считает замок средоточием зла, его владельца — воплощением дьявола. Он благословляет их предприятие, и Бонд может остаться на острове для подготовки к операции.

Священник попросит семью Сузуки оказать Бонду гостеприимство. Бонда представят антропологом, изучающим образ жизни «ама», и надеются на его благоразумие и умение вести себя достойно.

— Означает сие, — с ухмылкой сказал Тигр, — что вам не позволено тащить девок в постель.

Вечером они спустились на причал. Синевато-серое море было зеркально-тихо. Маленькие лодки, увешанные означавшими удачный улов пестрыми флагами, возвращались домой. Все обитатели Куро, человек двести, толпились на берегу, встречая своих девушек, старики держали в руках шали и одеяла, чтобы ныряльщицы не замерзли по пути домой, где их ждала горячая ванна.

Было пять часов.

— В восемь они уже спят, — сказал Тигр, — а на рассвете вновь выйдут в море. — Тигр посочувствовал: — Придется вам, Бондо-сан, менять и распорядок дня и образ жизни. «Ама» живут очень скромно, заработки малы — не больше воробьиной слезинки, как у нас говорят. И, Бога ради, повежливее с родителями, особенно с папашей. Ну, а Кисси... — Тигр замолчал.

Десятки рук подхватывали лодки и, с криками, затаскивали их на черную гальку. Поднимали и выносили на берег большие деревянные ящики с «аваби», там их сортировали и оценивали.

Тем временем смеющиеся, щебечущие девушки поднимались по мелководью, скромненько поглядывая на троих незнакомцев. В мягком вечернем воздухе все они казались Бонду веселыми красавицами — высокие груди, с грубоватыми сосками; блестящие мускулистые ягодицы, подчеркнутые шнуром, придерживающим треугольный шерстяной лоскуток на лобке; на талии широкий ремень с овальными свинцовыми грузами и изогнутым острым ножом, белая повязка на голове, смеющиеся глаза, припухшие губы. Вот такой и должна быть настоящая жизнь, казалось сейчас Бонду, и почувствовал он себя, несмотря на грим, паршивым городским хлыщом.

Высокая, значительно выше других, девушка не обратила никакого внимания на мужчин на причале и стоящий рядом полицейский катер. В толпе смеющихся подруг она широко, может быть, чересчур напряженно шагала по черной гальке вверх по берегу. Она что-то бросила попутчицам, и те захихикали, прикрывая рот руками. Худенькая старушка протянула грубое коричневое одеяло и она завернулась в него. Девушки разошлись.

Старушка и высокая девушка поднялись вверх по берегу к рынку. Девушка что-то возбужденно рассказывала. Старуха слушала и кивала. К ним подошел священник. Женщины низко поклонились. Он заговорил, они смиренно слушали,

посматривая на мужчин на причале. Девушка плотнее завернулась в одеяло.

Кисси Сузуки, понял Бонд.

Трое мужчин, священник в великолепном наряде, смуглая старая рыбацка и высокая обнаженная девушка, завернувшаяся в старое одеяло, шли вдоль причала. Девушка держалась позади. Женщины остановились, священник подошел к Бонду, поклонился и заговорил. Тигр переводил:

— Родители Кисси почтут за честь принять вас в своей бедной хижине. Они сожалеют, что не знакомы с западными обычаями, но их дочь знает английский и сможет передать им ваши пожелания. Священник спрашивает, управитесь ли вы с гребной лодкой? У отца Кисси приступ ревматизма. Вы оказали бы семье большую услугу, заняв его место.

Бонд поклонился:

— Пожалуйста, передайте его преподобию, что я весьма признателен ему за помощь. Приглашение в дом Сузуки-сан для меня большая честь. Потребности мои скромны, и мне очень нравится японский образ жизни. Я с удовольствием поработаю на лодке или помогу по дому.— Вполголоса он добавил:— Тигр, мне понадобится их помощь, особенно от девушки. Можно ей доверять?

Тигр мягко ответил:

— Смотрите сами. Священник знает все, отчего же не доверять и девушке? За границу она ничего не передаст. Поидемте, священник представит вас. Не забывайте, зовут вас здесь Таро, «первый сын», Тодороки, в переводе «гром». Настоящим именем священник не интересовался. Я сказал, что это примерный эквивалент английского. Это имя стоит на вашем удостоверении личности и на профсоюзном билете. Здесь вы среди друзей, там, если попадетесь, покажете медицинскую справку.

Бонда повели к женщинам. Он поклонился матери, не слишком низко, помня, что она всего лишь женщина, и повернулся к девушке.

Она весело рассмеялась. Она не хихикала, рассмеялась громко и сказала:

— Можете мне не кланяться, я, во всяком случае, не собираюсь.— Она протянула руку.— Как дела? Меня зовут Кисси Сузуки.— Рука была ледяной.

Бонд сказал:

— Таро Тодороки. Извините, что задержал вас здесь. Вы замерзли, идите домой, ныряйте в ванну. Спасибо за приют, но я не хочу причинять вам неудобства. Я действительно не помешаю?

— Просьба «каннуши-сан», священника — закон. Ничего страшного. Когда ваши достопочтимые друзья отпустят вас, мы с мамой будем счастливы принять вас у себя. Надеюсь, вы умеете чистить картошку.

Бонд повеселел, наконец-то появилась нормальная девушка! Не кланяется и не шипит! Он сказал:

— Ха, у меня ученая степень. Я сильный, упорный и не храплю. Когда мы выходим в море?

— В пять тридцать. На восходе. Принесите мне удачу. Найти «аваби» непросто. Сегодня нам повезло, я заработала долларов тридцать, но такое не каждый день случается.

— Доллары? Ага, скажем, десять фунтов.

— А разве англичане не те же американцы? Разве у них разные деньги?

— Очень похожи, но совершенно разные.

— Как это?

— Вы хотите сказать: «А, со дсу ка»?

Девушка рассмеялась:

— Эта шишка из Токио вас здорово натаскала. Может быть, попрощаетесь с ним и пойдем домой? Нам надо на другой конец деревни.

Священник, суперинтендант и Тигр разговаривали, явно не обращая внимания на Бонда и девушку. Мать скромно стояла в стороне, внимательно, тем не менее, наблюдая за ними. Бонд вновь поклонился ей и подошел к мужчинам. Коротко попрощались. Над морем темнело, солнце топуло в вечерней дымке. На полицейском катере запустили двигатель. Бонд поблагодарил суперинтенданта, тот пожелал ему успеха в благородном предприятии. У Тигра был серьезный вид. Он пожал руку Бонда обеими руками, жест, необычный для японца. Он сказал:

— Бондо-сан, я уверен в вашем успехе, поэтому не желаю удачи. Не скажу и «сейонара», прощайте. Я просто тихо скажу «банзай!», а на случай, если боги отвернутся от вас, и дела пойдут совсем плохо — вот вам маленький подарок. — Он протянул Бонду небольшую коробочку, внутри что-то гремело. Бонд открыл ее: там была длинная коричневая капсула.

Бонд рассмеялся и протянул коробку Тигру:

— Спасибо, Тигр, не надо. Как сказал, или чуть не сказал Басё: «Жизнь дается лишь дважды». Если подвернется второй случай, взгляну смерти в глаза, но не покажу спину. Спасибо вам за все. Живые лангусты были бесподобны. А здесь, наверное, я на всю жизнь наемся водорослей. Пока! Через недельку увидимся.

Тигр спустился к катеру, мотор взревел. На повороте у выхода из бухты он резко, как мечом, взмахнул рукой, и катер исчез за волноломом.

Бонд оглянулся. Священник ушел. Кисси Сузуки нетерпеливо сказала:

— Пойдемте, Тодороки-сан. «Каннуши-сан» сказал, я могу быть с вами на равных. Но все-таки дайте мне вашу сумку. В деревне надо держаться японских обычаев.

Высокий, коротко стриженный мужчина, высокая девушка и старуха пошли вдоль берега, и их угловатые японские тени бежали перед ними по гладкой черной гальке.

14

Солнечный День

Солнце вставало в великолепной золотисто-голубой дымке. Бонд вышел и, сидя на чисто вымытом крыльце сложенного из тесаного камня и обшитого деревом дома, съел свой соевый творог и рис и выпил чай. Женщины внутри, щебеча, как стая воробьев, занимались хозяйством.

Почетного гостя поселили в маленькой гостиной, устланной «татами», со скромной мебелью, домашним алтарем, и цикадой в маленькой клетке, «для компании», как объяснила Кисси. На полу расстелили «футон», и впервые, но без особого успеха, он попытался пристроиться на традиционной деревянной подставке для головы.

Накануне вечером, отец, худой седобородый мужчина с узловатыми суставами и яркими глазами, смеялся вместе с Кисси над приключениями Бонда и Тигра, и с самого начала исчезли напряжение и неловкость.

Священник сказал, что Бонда примут, как члена семьи, и хотя внешность и манеры его были необычны, Кисси он явно понравился, и родители были с ней согласны.

В девять часов, когда над головой висела шербатая луна, старик поманил Бонда и, прихрамывая, отвел его на задний двор. Он показал ему маленькую будочку с дырой в земляном полу и аккуратными четвертушками «Асахи Симбун» на гвозде, и исчезла последняя загадка жизни на острове. В прыгающем пламени свечи сортир выглядел столь же чистым, как и весь дом.

Затихли еле слышные движения в соседних комнатах и Бонд заснул мертвым сном...

Из дома вышла Кисси. На ней было что-то вроде белой ночной рубашки, белый платок прикрывал густые черные во-

лосы. Поверх рубашки висели грузы и тяжелый угловатый нож; только руки и ноги оставались обнаженными.

Бонд, наверное, выглядел разочарованным, и она насмешливо улынулась:

— Церемониальное платье для нырянья в присутствии высокопоставленных незнакомцев: «Каннуши-сан» сказал, что это знак уважения. Специально для вас.

— Кисси, ну что вы хитрите. Бойтесь разбудить своей наготой плотоядные мысли в моей беспутной западной душе. Подозрение совершенно необоснованное. Но я ценю ваши усилия спасти мою невинность. Ладно, кончаем трепаться, пошли. Побьем сегодня рекорд по «аваби». Сколько нужно собрать?

— Полсотни хватит. Сто — просто чудесно. А главное, гребите получше и не утопите меня. И подружитесь с Дейвидом.

— Кто такой Дейвид? — спросил Бонд, внезапно приревновав. С кем это он должен делить свою девушку?

— Увидите.

Она зашла в дом и вынесла бадью из бальзы и большую бухту хорошей четвертьдюймовой веревки. Протянула веревку Бонду, пристроила бадью на бедре и пошла ведущей из деревни тропой, полого спускавшейся к маленькой бухточке, где на черной гладкой гальке лежала одновесельная лодка, прикрытая от солнца высыхающим камышом.

Бонд сбросил камыш и стащил устойчивую, тяжелую, низко осевшую лодку в совершенно прозрачную воду, уложив в нее веревку и бадью. На другой стороне бухты Кисси отвязала от скалы тонкую бечеву и начала медленно ее сматывать, одновременно монотонно насвистывая. К удивлению Бонда, послышался всплеск воды, и большой черный баклан пулей пронесся над отмелью и опустился у ног Кисси, изгибая шею и рассерженно шипя. Кисси наклонилась и погладила птицу по хохлатой голове и вытянутой шее, что-то весело приговаривая. Она пошла к лодке и баклан неуклюже заковылял за ней. Не обращая внимания на Бонда, он перепрыгнул через борт и взгромоздился на носовую банку, приняв царственную позу, но тут же принялся своим длинным клювом чистить перья на груди, время от времени грациозно взмахивая пятифутовыми крыльями. Наконец успокоившись, он, изогнув шею, как для удара, уставился в море бирюзовыми глазами.

Кисси залезла в лодку, устроилась, соблазнительно сверкая коленями, между вытянутых ног Бонда, а тот вставил тяжелые, с узкими лопастями весла в деревянные уключины

и начал мощно и ровно грести на север, куда показывала Кисси.

На шее баклана Бонд заметил тонкое медное, дюйма два в диаметре, кольцо, с привязанной к нему бечевой. Это был знаменитый японский баклан-рыболов.

Кисси сказала:

— Я его нашла три года назад, еще птенцом. Он вымался в нефти, я его отмыла, накормила, а потом надела кольцо. На вырост. Теперь он может глотать мелкую рыбешку, а крупную рыбу приносит ко мне в клюве. Сам ее отдает и иногда получает кусок в награду. Он плавает со мной и, вообще, мы — одна компания. Здесь бывает довольно одиноко, особенно в плохую погоду. Сегодня он голодный, из-за болезни отца три дня не был в море. Я работала с друзьями. Так что с вами ему повезло.

— Стало быть, это и есть Дейвид?

— Да. Унаследовал имя единственного парня, который мне понравился в Голливуде, англичанина, между прочим. Дейвид Нивен. Знаменитый актер и продюсер. Вы о нем слышали?

— Конечно. Выдам-ка я ему, пожалуй, пару кусочков рыбы. За удовольствие от его нового воплощения.

Бонд вспотел, даже плавки промокли. Кисси сняла с головы платок, наклонилась и осторожно вытерла ему лицо и грудь. Бонд улыбнулся ей в глаза и впервые близко увидел ее вздернутый нос и яркий рот.

Грима на ней не было, да он и не требовался, румянец проступал сквозь золотистую кожу — как у персика, такое часто встречается у японок. В черных волосах крупно вились каштановые пряди; мягкая челка нависала над прямыми тонкими бровями. Ровные красивые зубы европейской девушки совершенно не выдавались вперед, что часто портит японские лица. Руки и ноги были длиннее и не такие мускулистые, как у большинства местных девушек, и еще вчера Бонд заметил высокую грудь, красивые ягодицы и плоский живот — прекрасная фигурка, не хуже звездочек кордебалета из токийских кабаре. Но ладони и ступни ног грубы и покрыты шрамами, а ногти, хотя и очень коротко остриженные, были обломаны. Бонд нашел это весьма соблазнительным.

«Ама» означает «женщина моря» или «мужчина моря», и Кисси не обращала внимания на следы, оставленные на ней океаном, а кожа ее, несмотря на постоянное ныряние в соленой воде, светилась золотистым блеском, как у здорового, жизнерадостного человека. Но больше всего очаровали Бонда

ее взгляд и улыбка, ее естественность, ну хотя бы когда она вытирала ему лицо и грудь. Вдруг показалось ему, что нет ничего лучше, чем выпребать с ней на рассвете к горизонту, а в сумерках возвращаться в маленький чистый домик.

Он отбросил эту ерунду. До полнолуния оставалось два дня, надо возвращаться к реальности, к выбранной им темной, грязной жизни.

Да провались все пропадом! Нет уж, эти два дня он украдет для себя; только Кисси, лодка, птица и море. Постарается, чтобы удача их не оставила, чтобы Кисси повезло с раковинами.

Кисси сказала:

— Хватит. Вы хорошо гребете. — Она показала направо, где рассыпалась в океане флотилия «ама». — Первые выбирают лучший участок. Сегодня на этой отмели мы будем работать одни. Здесь много водорослей, которых любят «аваби». Глубоко, правда, почти сорок футов, но я могу задерживать дыхание почти на минуту, хватает, чтобы поднять две-три «аваби», если найду, конечно. Это уж как повезет, роешься вслепую в водорослях, раковин ведь и не видно. Нащупаешь и поддеваешь вот этим, — она показала нож. — Потом придется передохнуть. А вы не сможете нырнуть? Согласны? Говорят, вы хороший пловец, я прихватила очки отца. Вот эти клапаны по бокам выравнивают давление между стеклами и глазами. Нырнете сначала ненадолго, наука нехитрая. Сколько вы будете на Куро?

— Дня два, три.

— Жаль. Где же нам с Дейвидом искать помощника?

— Может быть, ваш отец выздоровеет?

— Дай Бог. Надо бы отвезти его на горячие источники на Кюсю. Иначе придется выходить здесь замуж, а это довольно сложно. Выбор невелик, к тому же у меня есть немного денег, еще от киносъемок — а немного на Куро означает много — и вполне могут понадобиться не я, а деньги. Попробуй, угадай.

— А вернуться в кино не хотите?

Она зло взглянула на него:

— Никогда. Ненавижу. Они меня там за человека не считали. Раз я японка, значит, животное, и должна со всеми трахаться. Один Нивен оказался хорошим парнем. — Она тряхнула головой, отгоняя воспоминания:

— Нет. Буду жить на Куро, и да помогут мне боги, — она улыбнулась, — как и сегодня.

Она встала, спокойно, несмотря на зыбь, обвязала вокруг

тали и конец длинной веревки, поправила поднятые на лоб очки:

— Вережку держите натянутой, почувствуете один ры-
вот, немедленно выбирайте на себя. Работа тяжелая, но
когда вернемся, сделаю вам массаж. У меня это хорошо
получается. Ну, начали!

Бонд взялся за весла. За его спиной затоптался Дейвид,
нетерпеливо шипя и вытягивая шею. Кисси привязала ко-
роткий конец к деревянной бадейке и спустила ее за борт.
Прижимая к коленям белую рубашку, чтобы она не всплыла
пузырем, Кисси скользнула в воду. В то же мгновение без
всплеска нырнул и исчез Дейвид. Бечева, привязанная к
банке, на которой сидел Бонд, начала стремительно раскру-
чиваться. Он поднял бухту веревки, закрепленной на поясе
Кисси, и привстал на ноющих ногах.

Кисси опустила очки на глаза и на секунду скрылась под
водой. Подняв голову, улыбнулась:

— А там хорошо.

Она лежала на воде, посвистывая сквозь сжатые губы —
наполняет легкие воздухом, понял Бонд. Затем, коротко
взмахнув рукой, она опустила голову под воду, выгнула бед-
ра, и на мгновение Бонд увидел под тонкой материей, про-
пущенный между ягодиц черный шнур. И внезапно ушла от-
весно вниз, стремительными движениями ног помогая гру-
зам увлечь себя на дно.

Бонд, посматривая на часы, быстро стравливал веревку.
Появился Дейвид с серебристой полуфунтовой рыбой в
клюве. Чертова птичка. Некогда с ним возиться. Презри-
тельно взглянув на Бонда, баклан швырнул рыбу в плаваю-
щую бадью, и исчез, как черная пуля.

Пятьдесят секунд! Бонд уже занервничал, когда почув-
ствовал рывок и начал быстро выбирать веревку. В проз-
рачной воде далеко внизу появилось белое облачко. Бонд
заметил, что руки девушки плотно прижаты к бокам, чтобы
было легче всплывать. Она вынырнула рядом с лодкой, вы-
тянула руки, показывая пару внушительных «аваби», и бро-
сила их в бадью. Восстанавливая дыхание, она ухватилась за
борт лодки, и Бонд залюбовался великолепной грудью, кото-
рую не скрывала тонкая материя. Коротко улыбнувшись
ему, она наполнила легкие воздухом, вновь соблазнитель-
ный изгиб бедер, и она исчезла.

Прошел час. Бонд освоился и даже успел рассмотреть
ближайшие к ним лодки. Их было много, и время от времени
над безмолвным океаном слышался какой-то жутковатый,
похожий на тихий крик морской птицы, свист девушек-ны-

ряльщиц. Одна лодка покачивалась на мягкой зыби в сотне ярдов, и Бонд видел юношу с веревкой в руках, появляющееся изредка чудесное золотистое, блестящее, как мех нерпы, тело, и слышал их возбужденные голоса. Хоть бы не опозориться, когда придет его черед. Саке и сигареты! Ничего себе тренаж!

В бадье медленно росла кучка «аваби» и трепыхалось с дюжину рыбин. Вынимая из клюва Дейвида рыбешку, Бонд уронил ее, и птице пришлось вновь нырнуть. На этот раз на Бонда посмотрели уж совсем презрительно.

Вынырнула Кисси и устало забралась в лодку. Все, хватит, она сорвала очки и, тяжело дыша, устроилась на корме. Отдышалась и рассмеялась:

— Двадцать одна штука. Отлично. Берите грузы и нож и взгляните сами, как там внизу. Через тридцать секунд я вас вытащу. Дайте мне часы. И не потеряйте «тегане», нож, а то придется возвращаться.

Первое погружение было неудачным. Он шел вниз слишком медленно и едва успел взглянуть на ровное, усеянное черными камнями и покрытое дно «посидонией», встречающимися во всех морях водорослями, как почувствовал рывок вверх. Легкие его работали неважно, но все же он успел заметить густо заросший большой валун и в следующий раз подплыл прямо к нему и принялся шарить среди корней правой рукой. Он успел нащупать гладкую овальную раковину, но тут вновь почувствовал рывок веревки. На третий раз он вынырнул с «аваби», и Кисси улыбнулась, когда он бросил раковину в бадью. Он нырял еще с полчаса, но потом легкие его заныли и он почувствовал холод октябрьского моря и вынырнул последний раз одновременно с Дейвидом, пронесшимся мимо, как великолепная сверкающая черная рыба.

Когда Бонд бросил в бадью свою пятую раковину, баклан одобрительно дернул его за волосы.

Кисси была довольна. В лодке у нее было грубое коричневое кимоно, и она досуха вытерла им Бонда, пока он сидел, опустив голову и тяжело дыша. Потом она выловила бадью и вывалила ее содержимое на дно лодки. Она вытащила нож, разрешила пополам рыбешку и скормила ее Дейvidу, терпеливо ждавшему у борта. Тот проглотил рыбу в два приема и занялся своими перьями.

Чуть позже они позавтракали рисом с маленькими кусочками рыбы и сушеными водорослями, похожими на солончатый шпинат. И, передохнув, работали до четырех, пока не налетел откуда-то легкий прохладный бриз, и сразу похолодало. Подошло время грести домой.

Кисси забралась в лодку и несколько раз дернула за бечеву, к которой был привязан Дейвид. Тот вынырнул недалеко от лодки, привычно поднялся в воздух, сделал над ними несколько кругов, спикировал и на своих перепончатых лапах, как на водных лыжах, скользнул к лодке, перевалился через борт, и, проковыляв на нос, устроился там с царственным видом, ожидая, когда личный гребец доставит его домой.

Кисси вытиралась, чрезвычайно благопристойно переодевшись предварительно в коричневое кимоно. Она объявила, что они собрали шестьдесят пять «аваби», это просто замечательно. Бонд добыл десять штук, и для начала это тоже здорово. Нелепо обрадовавшись, Бонд наметил курс на остров, казавшийся сейчас песчинкой на горизонте, и мерными движениями шотландского рыбака начал грести.

Ладони горели, спина болела, как будто его избили дубинкой, плечи обгорели под солнцем — утешало лишь, что это хороший тренаж перед заплывом и взятием крепостной стены и прочими грядущими удовольствиями, и время от времени он награждал себя, улыбаясь Кисси прямо в лицо. Она не отводила взгляда, и низкое солнце золотило ее карие глаза. А песчинка превращалась в облачко, облачко в остров, и, наконец, они были дома.

15

Шестеро Хранителей

На следующий день было так же солнечно и они собрали шестьдесят восемь «аваби», в основном, благодаря успехам Бонда.

А накануне вечером Кисси вернулась с базара, продав раковины, обнаружила Бонда, катающимся по полу со спазмами брюшных мышц, и свою матушку, беспомощно кудахтающую над ним. Она прогнала старушку, расстелила на полу мягкий «футон», содрала с Бонда плавки и перекатила лицом вниз на «футон». Она встала ему на спину и мягко затопала по позвоночнику вверх и вниз, от ягодиц до шеи, и боль постепенно стихла. Она велела ему не двигаться и принесла теплого молока. Потом она отвела его в крошечную баню и обливала горячей и прохладной водой из бадейки для «аваби» до тех пор, пока окончательно не смыла соль с кожи и волос. Вытерла его, смазала теплым молоком солнечные ожоги и сбитые ладони и отвела в комнату, с деланной суровостью приказала заснуть, а, в случае чего, немедленно

звать ее. Она задула свечу и ушла и, под стрекотанье сверчка в клетке, он мгновенно вырубился.

Утром он чувствовал себя великолепно, лишь ладони слегка саднили. Кисси разбила ему яйцо в рис и накормила соевым творогом, и он извинился за причиненное вечером беспокойство. Она ответила:

— Тодороки-сан, в вас живет дух десяти самураев, но тело у вас одно. Не следовало мне это забывать. Такой чудесный день, я просто увлеклась, простите меня. Сегодня мы пойдем недалеко, поработаем у прибрежных скал. Я сяду на весла, а вы сможете понырять, глубина у берега всего футов двадцать, и я не была там несколько недель.

Так оно и случилось. Бонд натянул рубашку от солнца и сумел собрать двадцать одну раковину. Настроение портил лишь отличный вид на черную крепость за проливом и здоровенный желто-черный воздушный шар со столбцами черных иероглифов на рекламном щите.

Они отдыхали, и Бонд небрежно спросил Кисси, что она знает о замке, и был удивлен, заметив, как потемнело ее лицо.

— Тодороки-сан, мы стараемся не говорить об этом месте. На Куро это почти табу. Будто ад раскрыл свою пасть в полумиле от нашего дома. А мы, «ама», похожи на ваших цыган. У нас есть дар предвидения. И мы верим, что здесь поселился сам дьявол, — не глядя на крепость, она мотнула головой. — Даже «каннуши-сан» согласен с нами, а старики говорят, что «гайджин» всегда приносили несчастье Японии, а этот воплощает все зло Запада. И на острове уже появилась легенда: шестеро Хранителей Джизо призовут человека из-за моря, и тот убьет «Короля Смерти». Так его здесь зовут.

— А что это за Хранители?

— «Джизо» — бог-хранитель детей. Наверное, буддистский. На другой стороне острова, на берегу, стоят пять статуй, шестую, я думаю, просто смыло. Такие страшноватенькие на вид. Стоят в одну линию. У них грубые каменные тела и круглые валуны вместо голов, и каждый месяц рыбаки меняют на них белые рубахи. Их поставили наши предки много веков назад. Во время прилива они полностью скрываются под водой и стоят там на страже, охраняя нас, «ама», «детей моря». Каждый год в начале июня, когда море прогревается после зимы и начинается рабочий сезон, мы все отправляемся к Хранителям и поем, чтобы развеселить их, и тогда они принесут нам удачу.

— А эта история о человеке из-за моря, откуда она появилась?

— Кто знает? Из моря или воздуха... Откуда берутся такие истории? В них просто верят.

— А, со деду ка! — сказал Бонд, и они рассмеялись и принялись за работу.

На третий день, когда Бонд, как обычно завтракал на крыльце, в дверях появилась Кисси и тихо сказала:

— Идите сюда, Тодороки-сан.

Заинтригованный, он вошел в дом и она закрыла за ним дверь.

Так же тихо она заговорила:

— Только что у нас был посыльный от «каннуши-сан» и рассказал, что вчера сюда приходили на лодке люди с большого острова. Привезли «презентос» — сигареты и сладости. Расспрашивали о полицейском катере. Сказали, что на нем прибыли три человека, а ушло только двое. Пытались узнать, куда делся третий. Они охраняют замок, и их долг не пускать туда нарушителей. Старики «презентос» приняли, но сделали «ширан-као» — «непроницаемые лица», и отослали этих людей к «каннуши-сан», который объяснил, что третий человек занимался рыболовными лицензиями, его укачало и он, наверное, лежал на обратном пути. Потом он отпустил этих людей и послал к маяку мальчишку проследить, куда пойдет лодка, и мальчишка видел, как лодка подошла к побережью у замка и там ее затащили в ангар. «Каннуши-сан» считает, что вам нужно это знать. — Она посмотрела на него с жалостью: — Тодороки-сан, мы ведь с вами друзья. Я чувствую, у вас с «каннуши-сан» есть секреты, и они касаются замка. Расскажите мне об этом, я боюсь за вас.

Бонд улыбнулся. Он подошел к ней, взял ее лицо в ладони и поцеловал в губы.

— Ты такая красивая и добрая, Кисси. Сегодня мы не пойдем в море, мне надо отдохнуть. Отведи меня к маяку, мне хочется взглянуть на замок, и все, что можно, я тебе расскажу. Я и так рассказал бы, мне потребуется твоя помощь. А потом хорошо бы взглянуть на ваших Хранителей. Мне интересно — как антропологу.

Кисси взяла маленькую корзинку с едой, надела свое коричневое кимоно и туфли на веревочной подошве, и по узкой извилистой тропинке они пошли в гору, поднимающуюся за серыми домишками деревни.

Камелии уже почти отцвели, но изредка еще попадались кусты, покрытые белыми и красными цветами, а особенно много их было вокруг небольшой рощицы карликовых кленов, пламеневших алыми осенними листьями. Роща стояла прямо над домом Кисси.

Она показала ему маленький синтоистский алтарь, среди деревьев:

— За алтарем есть уютная пещерка, но рыбаки боятся заходить, там полно призраков. А я как-то забралась в нее, и если там есть привидения, то я им поправила.

Кисси хлопнула в ладони перед алтарем, на секунду склонила голову и опять хлопнула в ладони. И они отправились на вершину тысячефутовой горы. Пара великолепных фазанов с золотистыми хвостами, пронзительно крича, пролетела над выступом скалы и скрылась в кустах на южном склоне. Бонд попросил Кисси не высовываться, а сам пристроился за каменной пирамидой на вершине и осторожно осмотрелся.

За высокой крепостной стеной и парком поднимался черно-золотой донжон замка. Было десять часов. Суетились фигурки в синей крестьянской одежде, высоких сапогах, с длинными палками в руках; изредка шевелили палками в кустах. На лицах у всех были черные «маскос». Бонду пришлось в голову, что это утренний выход за свеженькими трупами. Что же они делают, обнаружив полуслепое существо или кучку одежды у одного из фумаролов, паривших там и сям в парке? Волокут к доктору? И что происходит, если человек еще жив? А где прятаться, когда он сегодня ночью переберется через стену? Ладно, разберемся на месте! Хорошо хоть море спокойно и нет облаков. Доплывет он нормально.

Бонд вернулся к Кисси и они сели в траву. Он посмотрел в океан, где рассыпался флот «ама».

— Кисси, сегодня ночью я поплыву к замку. Надо туда пробраться.

Она кивнула:

— Я знаю. Вы хотите убить этого дьявола и его жену. Вы тот самый человек из-за моря, которого ждут в Куро.— Она не отрывала глаз от океана. Сказала тускло: — Но почему именно вы? Почему не другой, не японец?

— Эти люди — «гайджин». И я — «гайджин». Государству удобнее представить все это склокой между иностранцами.

— Понятно. А «каннуши-сан» согласился?

— Да.

— А если... А потом? Вы вернетесь ко мне на лодку?

— Ненадолго. Меня ждут в Англии.

— Нет. Я верю, вы надолго останетесь на Куро.

— Почему?

— Я молилась перед алтарем. И я никогда не просила

о таком раньше. Я уверена, все исполнится.— Она помолчала.— А ночью я поплыву с вами.— Она подняла руку.— Я знаю течения. Один вы туда не доплывете.

Бонд взял ее маленькую сухую ладонь. Посмотрел на детские обломанные ногти. Сказал хрипло:

— Нет. Это мужская работа.

Она посмотрела на него. Карие глаза были спокойны и серьезны. Она сказала, впервые называя его по имени:

— Таро-сан, фамилия ваша означает «гром», но я не боюсь грома. Я знаю, что делаю. И каждый день, ровно в полночь, буду ждать в скалах у подножья стены. Буду ждать час, вдруг вам потребуется помощь. Вас могут ранить. Женщины в воде куда сильнее мужчин. Поэтому-то у «ама» ныряют девушки, а не парни. А океан вокруг Куро я знаю, как крестьянин свое поле. Не упрямитесь. Все равно я не буду спать, пока вы не вернетесь. Скажите «да», Таро-сан.

— Хорошо, Кисси,— сказал Бонд хрипло.— Я просто думал, что мы подойдем на лодке поближе к замку, но если тебе хочется подразнить акул...

— Акулы «ама» не трогают. Хранители не дремлют, и с нами вообще ничего не случается. Много лет назад у одной «ама» веревка запуталась в скалах, и люди до сих пор вспоминают об этом. А акулы принимают нас за себе подобных.— Она рассмеялась.— Ну вот, договорились, давайте поедим и я покажу вам Хранителей. Прилив еще не начался, и они с удовольствием взглянут на вас.

По тропинке они спустились с вершины, обогнули выступ скалы и вышли к берегу к востоку от деревни. Вброд по мелководью они обошли мыс. Там на плоском каменистом пляже на квадратных основаниях из огромных камней стояли пять фигур и смотрели куда-то за горизонт. Они мало напоминали людей. На каменных телах-подставках в напаянных на них грубых белых рубашках громоздились большие валуны. От шестой оставалось лишь туловище, голову, должно быть, снесло штормом. В неподвижности своей несли они стражу над водой и под нею.

Люди подошли к идолам и взглянули на гладкие бесстрастные лица. Бонд первый раз в жизни почувствовал благоговейный трепет. Сколько веры, сколько значения вложили древние ваятели в эти примитивные скульптуры, хранителей веселых голых девушек — «ама», и Бонд ощутил нелепое желание преклонить колени и попросить благословения, как когда-то крестоносцы просили своего Бога. Он отогнал

дурацкую мысль, но, склонив голову, попросил удачи в своем деле. А потом отошел и смотрел со стесненным сердцем, как Кисси, на прекрасном лице которой были и напряжение и мольба, хлопнула в ладони, привлекая внимание идолов, и долго и взволнованно говорила, то и дело упоминая его имя. И ему показалось, что круглые головы-валуны коротко кивнули.

Что за чушь! Но когда Бонд взял Кисси за руку и они пошли назад, девушка весело сказала:

— Все в порядке, Тодороки-сан. Вы заметили, они кивнули?

— Нет,— сказал Бонд внушительно,— не заметил.

Они тихо прошли вдоль восточного побережья Куро и затащили лодку в глубокую расселину в черных скалах. Было начало двенадцатого, и огромная луна высоко и быстро неслась среди кудрявых облаков. Они говорили шепотом, хотя замок стоял в полумиле от них и его не было видно. Кисси сняла свое коричневое кимоно, аккуратно сложила и положила в лодку. Тело ее блестело в лунном свете. Соблазнял черный треугольник между ног, и хотелось дернуть за шнурок на талии, придерживающий легкий ключок материи. Кисси возбужденно хихикнула:

— Не пяльтесь на мою черную кошку!

— А почему это так называется?

— Сами догадайтесь!

Бонд осторожно натянул черный костюм «ниндзя». Удобно, и в воде согреет. Капюшон он отбросил на спину, сдвинул на лоб очки для плавания. Кисси взяла их у своего отца. Маленькая водонепроницаемая упаковка весело прыгала в бухточке, и он накрепко привязал ее к правому запястью.

Он улыбнулся Кисси и кивнул головой.

Она прижалась к нему, обняла и поцеловала в губы.

Прежде, чем он смог ответить, она опустила очки на глаза и нырнула в спокойную теплую воду.

16

Прелестное Местечко

Кисси спокойно плыла кролем, а Бонд без усилий шел за ней, поглядывая на две белые округлости ее зада, соблазнительно пересеченные черным шнуром. Но он был рад, что надел ласты, плавающий контейнер тормозил движения, а первую половину пути они шли по диагонали против восточ-

ного течения. Но потом Кисси слегка изменила направление, и они медленно подгребали к уходящей вверх стене, постепенно закрывающей весь горизонт.

У основания ее в беспорядке торчали скалы, но Кисси осталась в воде, спрятавшись среди водорослей, чтобы часовой или случайный патруль не заметили ее светящееся под лунной тело, хотя Бонд решил, что ночью охрану не выставляют, боясь отпугнуть самоубийц.

Бонд выбрался на скалы, расстегнул контейнер и вытащил связку стальных костылей. Ласты он спрятал в трещине выше линии прилива. Вот и все, он готов. Он послал девушке воздушный поцелуй, она взмахнула рукой в ответ. Живая белая торпеда вновь ушла в море и слилась с лунной дорожкой.

Больше Бонд о ней не думал. В мокром комбинезоне становилось холодно, пора было приниматься за дело. Он осмотрел кладку стены и обнаружил между блоками широкие трещины, очень удобные при подъеме. Он натянул капюшон и, подтягивая за собой черный контейнер, начал восхождение.

За двадцать минут он прошел двести футов слегка наклоненной стены, но костыли пришлось забивать лишь дважды, когда щели оказывались слишком узкими для ноющих пальцев. И вот он уже у орудийной амбразуры. Он протиснулся сквозь пять футов каменной кладки и осторожно выглянул в парк. Как он и думал, от орудийной площадки вниз вели каменные ступени, он прокрался по ним и, переводя дыхание, прижался к стене в густой тени. Успокоившись, сбросил капюшон и прислушался: ни ветерка, даже листья не шелестят, но где-то тихо журчала вода и периодически что-то булькало и бурлило. Фумаролы!

Бонд, еще одна черная тень среди многих, крадучись двинулся вдоль стены направо. Прежде всего следовало найти убежище, базу, где можно было бы отсидеться в чрезвычайных обстоятельствах, и где он сможет спрятать контейнер. Он осмотрел несколько рощиц и заросли кустарника, но все они были слишком хорошо ухожены, а подлесок методически уничтожался. От многих растений шел приторный, ядовитый запах. Потом у стены он заметил пристройку с односкатной крышей, раздрызганная дверь была открыта. Он прислушался и заглянул в сарайчик. Как он и думал, там стояли груды садовых инструментов, тачки и прочая ерунда, пахло плесенью. Сквозь щели в стенах светила луна, и он осторожно пробрался к сваленной в глубине груде грязных мешков. Подумал и решил, что, хотя сюда, должно быть,

часто заглядывают, местечко вполне подходящее. Он отвя- зал контейнер и, перебросив вперед несколько мешков, устроил себе за кучей подобие убежища. Замаскировал контейнер и выскользнул в парк, решив поближе познакомиться с помещьем.

Держась недалеко от стены, Бонд, как летучая мышь, скользил в прогалинах между кустами и деревьями. Хотя на руках у него были перчатки, он старался не трогать растения, источавшие самые разнообразные тяжелые запахи, среди которых он различил известный по старым приключениям на карибских островах приторный аромат кизила. Он подошел к озеру, широкому, тихому, мерцающему серебром. От озера поднималось облачко пара, знакомое Бонду по аэрофотоснимкам. Лист дерева медленно опустился на воду рядом с ним. Немедленно вода рядом с листком зарыбила, в озере явно водилась рыбка, и явно хищная. Только хищники мгновенно реагируют на малейшее движение.

За озером Бонд наткнулся на первый фумарол, воняющую серой, булькающую лужицу грязи, постоянно выбрасывающую маленькие фонтанчики. Жаром от него несло за несколько футов. Струйки отвратительно пахнущего пара возникали и исчезали, как призраки.

Над деревьями показался зубчатый силуэт замка, и Бонд с удвоенной осторожностью скользнул вперед, стараясь не упустить момент, когда появится окружающая замок предательская полоса гравия. Внезапно он увидел ее за деревьями и остановился в тени; сердце по-сумасшедшему стучало. Совсем рядом над ним высилась черно-золотая громада, ее изогнутые крыши смотрелись на фоне звезд гигантскими крыльями летучих мышей. Замок был даже больше, чем Бонд себе представлял, и куда выше оказалась стена из черных гранитных глыб. Что же делать? С другой стороны, у главного входа, стена должна быть ниже, но там местность совершенно открытая. Однако, у любого замка должен быть запасной выход на случай бегства.

Бонд пошел вперед, ступая осторожно на подошву, чтобы не скрипел гравий. Бесчисленные окна замка бесстрастно, в сознании своего могущества, наблюдали за его приближением. Каждую секунду ожидал он слепящий луч прожектора, или желто-голубые вспышки автоматного огня. Но к подножию стены подобрался без приключений и свернул налево, припомнив из школьной науки, что потайные выходы из замков устраивали во рвах под подъемными мостами.

Там он ее и нашел, маленькую, усеянную гвоздями дверь,

вернулся к булькающему фумаролу, перешагнул через каменную оградку и пошел дальше. Он медленно утонул в липкой серой грязи; ни звука не сорвалось с губ, и лишь когда **страшный жар достиг гениталий**, он глухо ахнул, и сверкнули золотом зубы, когда голова исчезла в пасти смерти. И вот лишь цилиндр подпрыгивает на маленьком фонтанчике грязи. Потом и он медленно развалился от жара, а из глубины фумарола поднялся огромный пузырь, и жуткий запах вареного мяса заглушил серную вонь.

Надо держать себя в руках! Уважаемый господин отправился к многоуважаемым предкам — и безвестный грех его искупится, пока его кальцинированные кости медленно опускаются в брюхо мира. А в амбарной книге Блофелда появится еще одна смертная запись.

Почему японские ВВС не разнесут проклятый замок к чертовой матери, не спалят его напалмом? Какие еще там ученые и садоводы прикрывают эту сволочь? И вот теперь он, Бонд, должен в одиночку отдуваться за всех, почти **без оружия, с голыми руками. Безнадежно. Один шанс на миллион.** Вымогатели хреновы, Тигр и его премьер-министр! Фунт живого мяса за свою замечательную Магию-44, точнее, сто восемьдесят два фунта!

Проклиная судьбу, Тигра и всю Японию, Бонд шел дальше, а в это время что-то нашептывало ему в ухо: «А разве ты не хочешь прикончить Блофелда? Отомстить за Трейси? Сам Господь дает шанс. Все идет нормально. Ты прорвал оборону, сориентировался на месте. Даже нашел дорогу в замок, почти в его спальню. Завтра шлепнешь его во сне! И ее тоже, раз уж ты здесь! А потом назад, к Кисси, а через пару недель полет над полюсом, и ты в Лондоне, и шеф бурно аплодирует. Вперед! Самоубийства в Японии совершаются каждые тридцать минут. Блевать тебя потянуло. Пара новых цифр в статистике Министерства здравоохранения, пара точек на графике. Забуди! За работу!

Бонд послушался и отправился назад к своему сараю.

Он тщательно осмотрелся перед тем, как зайти. В двадцати ярдах виднелся изгиб озера. Близился рассвет и озеро было серо-металлического цвета. Какие-то крупные насекомые метались в наплывающем тумане. Розовые стрекозы. Розовые. Танцуют и скользят над самой водой. Ну конечно! «Хайку», которую повторял, умирая, агент Тигра. Завершающий штрих ночного кошмара. Бонд скользнул в сарай, осторожно пробрался между тачками и мотыгами, набросил на себя несколько мешков и провалился в беспокойный, полный призраков, демонов и стонов сон.

Здесь обитает Зло

Спустя четыре часа Бонд проснулся от пронзительного, перекочевавшего из сна, визга. В сарае никого не было. Бонд осторожно встал на колени и прильнул к щели в стене. Визжащий человек-крестьянин, судя по потрепанной синей одежде, бежал к берегу озера. Будто играя в прятки, посмеиваясь и переговариваясь, за ним бежали четверо охранников с длинными шестами в руках. Один из них остановился и очень точно метнул шест под ноги человеку, сбив его с ног. Поднявшись на колени, тот умоляюще протянул руки к преследователям. Улыбаясь, они окружили его, крепкие парни со страшноватыми лицами из-за черных масок на них, в уродливых черных кожаных шляпах, вроде той, что носил «дракон» с поезда, в высоких резиновых сапогах. Они тыкали в него концами шестов и насмешливо орали что-то хриплыми голосами. Потом, как по команде, нагнулись, схватили человека за руки и за ноги, раскачали и с размаху швырнули в озеро. Вновь зарыбила вода, человек, хватаясь руками за лицо, закричал и забарахтался, пытаясь выбраться на берег, но крики становились все тише, и наконец, смолкли; голова упала в воду, по которой все шире расплывалось темное пятно.

Совсем уже развеселившись, охранники на берегу наблюдали за представлением. Повернулись, довольные, и пошли к сараю, вытирая выступившие от смеха слезы.

Бонд спрятался, и вот уже их громкие голоса и смех звучат совсем рядом, они разобрали грабли и тачки и разошлись, и еще какое-то время Бонд слышал, как они перекликаются в парке. Затем со стороны замка послышались звуки колокола, и они замолчали.

Бонд посмотрел на дешевые японские часы, которыми снабдил его Тигр. Девять часов. Начало рабочего дня? Похоже. Японцы обычно приходят на работу на полчаса раньше и уходят на полчаса позже, чтобы продемонстрировать боссу свою преданность и усердие. Потом будет часовой перерыв на ланч. Конец работы примерно в шесть. То есть за дело он может взяться только в шесть тридцать. А пока будет слушать, наблюдать. Выяснит, чем занимается охрана, первые результаты деятельности которой он уже видел. Добивали недобитых и приканчивали трусивших самоубийц.

Бонд тихо расстегнул контейнер, вытащил кусок пеммикана, откусил и отпил глоток воды. Господи, сигарету бы!

Час спустя Бонд услышал тихие шаги по усыпанной гравием дорожке на другой стороне озера. Он посмотрел в щель. Четверо охранников выстроились в шеренгу по стойке «смирно». Бонд насторожился. Какая-то проверка? Блофелд обходит посты, принимая рапорты о ночной добыче? Он попытался рассмотреть, что происходит у замка, но обзор закрывал куст белого олеандра. Этим невинным с виду, покрытым гроздьями цветов растением, в тропиках часто травят рыбу. Не вломиться бы в него сегодня ночью, подумал Бонд. А потом в поле зрения появились две неторопливо идущие фигуры, и Бонд сжал кулаки: исполнились его молитвы.

Блофелд, в сверкающих доспехах и дурацком крылатом стальном шлеме с опущенным забралом, напоминал персонаж оперы Вагнера, или вернее, из-за того, что броня на нем была японская — самурая из театра «Кабуки». Правая рука лежала на рукоятке длинного обнаженного самурайского меча, левой он поддерживал свою спутницу, приземистую женщину в дождевике с фигурой и с широким шагом лагерной надсмотрщицы. Лицо ее полностью скрывала идиотская из темно-зеленой соломы шляпа, какие носят пасечники, с тяжело свисающей на плечи черной сеткой, а на ногах высокие резиновые сапоги.

Точно! Так часто она являлась ему во сне. Она! Ирма Бунт!

Бонд затаил дыхание. Если они дойдут до сарайчика, достаточно одного рывка и бронированный болван окажется в озере! Но вот как пираньи доберутся до него сквозь доспехи? А куда денется он, Бонд? Нет, так не годится.

Двое подошли к замершей шеренге, и тут охранники дружно брякнулись на колени и склонили головы к земле. Мгновенно вскочили и вновь стали «смирно».

Блофелд поднял забрало и обратился к одному из охранников, тот почтительно отвечал. Бонд заметил, что на поясе у этого человека висела кобура с пистолетом. Бонд не слышал, на каком языке они разговаривали. Выучить японский Блофелд не мог. Английский или немецкий? Скорее, последний — результат старых со времен войны связей. Человек рассмеялся и указал в сторону озера, где плавал шевелящийся от непрекращающихся атак множества пираний ворох синей одежды. Блофелд одобрительно кивнул, охранники вновь стали на колени. Блофелд приветственно махнул рукой, опустил забрало, и парочка торжественно отправилась дальше.

Охранники поднялись на ноги. Бонд внимательно на-

блюдал, пытаясь обнаружить хоть малейший знак неуважения теперь, когда Хозяин повернулся спиной. Где там! Серьезно и целеустремленно люди разошлись по своим делам, и Бонд припомнил рассказы Дикко Гендерсена об автоматической, как у муравьев, приверженности японцев дисциплине и власти, ярко выразившейся в одном из величайших преступлений века. Жаль, нет здесь Дикко, его кулаки и энергия здорово быгодились!

Случилось это, рассказывал Дикко, в скромном пригородном отделении Имперского Банка. В обычный рабочий день к управляющему явился очень приличный молодой человек из Министерства здравоохранения, как он представился. Ожидается вспышка эпидемии тифа, и он будет очень обязан, если управляющий соберет сотрудников в заднем дворе, где им будут сделаны соответствующие прививки. Управляющий поклонился, все в банке закрыли, четырнадцать служащих собрались и внимательно выслушали лекцию, прочитанную молодым врачом. Все поклонились в знак признания мудрости Министерства здравоохранения, молодой человек достал из саквояжа пятнадцать мензурок и накапал в каждую какое-то снадобье из бутылочки. Он раздал мензурки и посоветовал проглотить содержимое залпом, дабы не повредить зубную эмаль. «А теперь, — сказал он, по версии Дикко. — Все вместе! Раз. Два. Три!» И почтенный управляющий со своими сотрудниками разом повалились замертво. Лекарство оказалось цианистым калием.

«Представитель Министерства здравоохранения» вытащил ключи из брючного кармана павшего управляющего, загрузил в машину двести пятьдесят миллионов иен и, довольный, оставил место преступления, ставшего известным, как «Дело в Теиджин», по названию района, где это произошло.

И здесь, думал Бонд, все то же беспрекословное повиновение власти, неписанному кодексу чести «Общества Черного Дракона». Блофелд приказал им делать то, чему Бонд был свидетелем пару часов назад. Он облечен властью. Имеет соответствующий облик. Его приказам повинуются. Они делают почетную работу, о которой много пишут в газетах. Хозяин, могущественный «гайджин» с мощной «лапой наверху», «с широкой мордой». А если кто-то хочет угодить себя, какое им до этого дело? Не будь Замка Смерти, нашли бы поезд, или трамвай. А у них — просто работа. Почти как в Министерстве здравоохранения! Пока «маскос» и носовые зажимы защищают от ядов парка, главное — добросовестно делать свое дело, а там, глядишь, парламент учредит пост

Министра Самоуничтожения! И вернутся славные деньки «Коан Черного Дракона», чтобы спасти страну Восходящего Солнца от ползучего паралича «демокорацу»!

В поле зрения Бонда вновь появились две неторопливодвигающиеся фигуры, на этот раз слева. Они обошли озеро и возвращались, чтобы, быть может, проверить другие патрули и получить от них рапорты. Тигр говорил, что здесь не менее двадцати охранников, а площадь поместья — пятьсот акров. Пять групп по четыре человека? Блофельд поднял забрало и разговаривал с женщиной. До них было ярдов двадцать. Они остановились на берегу и рассматривали со спокойным любопытством все еще мечущуюся вокруг плавающей тряпичной куклы орду пираний. Говорили они по-немецки. Бонд наострил уши.

Блофельд сказал:

— Пираны и гейзеры отличные слуги. После них все чисто.

— Море и акулы ничуть не хуже.

— Акулы часто оставляют следы. Помнишь шпика, которого мы пропустили через камеру для допросов. На берег труп выбросило почти нетронутым. Надо было спустить его в озеро. Чтобы «мусор» из Фукуока не частил к нам. Крестьяне наверняка доносят полиции, сколько человек перелезает через стену. Скорая помощь приезжает раза в два реже. Могут быть неприятности. Коно сообщил, что газеты уже начали бубнить об общественном расследовании.

— Что же делать, дорогой Эрнст?

— Получим компенсацию и двинемся дальше. Места на земле много. Самоубийц везде хватает. Найдем новые способы. Не всем нравятся японские страхи и ужасы. Какой-нибудь живописный водопад. Подходящий мост. Головокружительная пропасть. Все, что угодно. В Бразилии, вообще, в Южной Америке множество таких мест.

— Цифры упадут.

— Важна идея, милая Ирма. Трудно изобрести что-нибудь новенькое в этом мире. Мне удалось. И если с моста или в водопад прыгнут за год не больше десяти человек, это всего лишь статистика. Идея-то сохраняется.

— Верно. Ты гений, Эрнст. Твой алтарь смерти останется навсегда. Люди читали о таких вещах у По, Лотреамона, де Сада, но никому не пришло в голову воплотить эти фантазии в жизнь. Волшебная сказка стала реальностью. Диснейленд Смерти; но, конечно, — торопливо добавила она, — на совсем другом уровне. Столько поэзии.

— Со временем я напишу обо всем. И тогда люди узнают, кто жил среди них, непризнанный и безвестный, — Блофельд почти визжал, — кого гнали и хотели пристрелить, как бешеного пса. Кто старался выжить изо всех сил! И не заметай я следы, нас давно бы уже прикончили, или отдали их паршивым судьям. Ах, милая Ирма, — он успокоился, — мы живем в мире, где настоящее величие подобно смертному греху. Пошли! У нас еще много дел.

Они двинулись было вдоль озера, как вдруг Блофельд остановился и уставился прямо на Бонда:

— Посмотри на этот сарай — дверь открыта! Тысячу раз я предупреждал. Отличное укрытие для шпика или беглеца. Надо проверить.

Бонд содрогнулся. Набросил на себя сверху еще несколько мешков и прижался к полу. Шаги приближались, вот они уже в сарае. Бонд чувствовал Блофельда в нескольких ярдах от себя, видел его ищущие глаза. Звякнул металл, и гора мешков содрогнулась от удара меча. Еще и еще раз. Бонд закусил губу, по спине словно молотом прошлись. Но вот Блофельд уgomонился, и металлические шаги прогремели к выходу. Бонд перевел дыхание. Блофельд говорил:

— Пусто, но напомни мне сделать завтра Коно внушение. Надо выкинуть весь хлам и поставить нормальный замок.

Звуки шагов затихли где-то у олеандрового куста, Бонд тихо выругался и ощупал спину. Груда мешков спасла его — крови не было.

Бонд приподнялся на колени и, потирая спину, привел свое укрытие в порядок. Выплюнул набившуюся в рот пыль, отпил глоток воды, убедился, заглянув в щель, что никого вокруг нет, улегся и принялся прокручивать все, услышанное от Блофельда. Парень, конечно, свихнулся. Спокойный голос, так хорошо запомнившийся Бонду, никогда не поднимался раньше до визжащих гитлеровских интонаций. А холодная, сверхчеловеческая самоуверенность, всегда лежавшая в основе его проектов? Куда-то улетучилась, не без его, надеялся Бонд, скромной помощи. Ему удалось завалить два самых грандиозных замысла Блофельда. Но одно было ясно — укрытие «сгорело», операцию надо проводить сегодня ночью.

А, ладно! Еще раз Бонд обдумал свой план. Если удастся проникнуть в замок, Блофельду от него не уйти. Но и ему самому живьем не выбраться. «Сладостно и почетно умереть за родину» — как говаривал старина Гораций. И все

дела! Но потом он подумал о Кисси, и умирать слегка расхотелось. Удалось девушке вернуть ему вкус к жизни.

Бонд заснул беспокойным чутким сном, и мерещились ему всякие пакостные кошмары.

18

Подземная Тюрьма

В шесть часов вечера в замке ударил колокол, и фиолетовым занавесом стали спускаться сумерки. Громким хором застрекотали цикады, в кустах зашуршали гекконы. Исчезли розовые стрекозы и на берегу озера появилось множество больших рогатых жаб, хватающих мошкору, привлеченную их огромными светящимися глазами. Пришла четверка охранников, и донесся слабый запах костра, на котором, наверное, сжигали собранный за день мусор. На берегу озера они порылись в ошметках синей одежды и, смеясь, зашвырнули далеко в воду длинные кости. Один из них побежал с тряпками к костру, а другие поволокли тачки вверх по склону к сарайчику. Бонд притаился. Они свалили тачки в сарай и стояли там, болтая, в ожидании четвертого, а потом, не заметив в темноте разбросанные в беспорядке мешки, ушли к замку.

Подождав немного, Бонд встал, потянулся, стряхнул с себя пыль. Спина болела, но больше всего хотелось курить. А, ладно. Может быть, это его последняя сигарета. Он сел, выпил немного воды, съел порядочный кусок показавшегося необыкновенно вкусным пеммикана, еще разок приложился к бутылке. Вытащил пачку «Шансей» и закурил, спрятав сигарету в ладонях и мгновенно задув спичку. Глубоко затянулся. Блаженство! Еще затяжка, и предстоящая ночь уже не кажется такой безнадежной. Все будет нормально! Он подумал о Кисси: ест свой соевый творог и рыбу и готовится к ночному плаванию. Через несколько часов она будет совсем рядом. Но вот что случится с ним к этому времени? Сигарета обожгла пальцы. Бонд раздавил окурочек и задохнулся в щель в полу. Семь тридцать; стали умолкать насекомые. Бонд начал тщательно готовиться к походу.

В девять он вышел из сарая. Сияла луна, было тихо, лишь вдалеке булькали фумаролы да изредка зловеще шуршал в кустах геккон. Он шел знакомой дорогой вдоль деревьев. Остановился, глядя на высокий донжон, чернеющий на фоне неба. Впервые заметил, что воздушный шар с предупреждающими надписями привязан к угловому столбу балюстра-

ды, окружающей третий, средний, из пяти ярусов башни. Несколько окон слабо светились, и Бонд решил, что именно там обитает Блофелд. Он глубоко вздохнул, осторожно пересек полосу гравия и благополучно добрался до маленькой двери под деревянным мостом.

Карманов в черном костюме «ниндзя» было, как во фраке фокусника. Бонд вытащил карманный фонарик толщиной с палец и маленький стальной напильник и занялся цепью, изредка поплеывая на разрез, чтобы смягчить скрежет металла. Наконец он распилил звено, разогнул его напильником и осторожно снял замок и цепь. Он слегка нажал, и дверь приоткрылась. Он толкнул смелее и посветил фонариком. И хорошо сделал. На первой же каменной ступени стоял настороженный капкан, здоровенные ржавые челюсти его были слегка прикрыты соломой. Бонд вздрогнул, представив, как две пилы впиваются ему в ногу пониже колена. Будь начеку — это не последняя ловушка!

Бонд тихо закрыл за собой дверь, обошел капкан и повел фонариком перед собой. Ничего. Он был в огромном подземелье, где когда-то, наверное, хранились припасы для небольшой армии. Тень мелькнула в тонком луче света, потом еще одна и еще, вокруг раздался пронзительный визг. Бонд не имел ничего против летучих мышей. Говорят, они путаются в волосах, ерунда, с таким радаром не запутаешься. Он осторожно пробирался вперед, поглядывая на грубые каменные плиты перед собой. Он прошел несколько массивных арок, и огромное подземелье начало сужаться, он уже видел стены справа и слева и затянутый паутиной сводчатый потолок. А вот и лестница наверх! Он насчитал двадцать ступеней, прежде, чем подошел к широкой двойной двери. Замка на ней не было. Он толкнул ее и почувствовал сопротивление слабенького запора. Бонд вытащил ломик и нащупал какой-то засов. Бонд крепко нажал, старый металл заскрежетал, на пол посыпались гвозди. Бонд нажал еще раз, с пронзительным визгом засов лопнул, и половинка двери, поскрипывая на ржавых петлях, распахнулась. Впереди по-прежнему было темно. Бонд, потушив фонарик, прислушался. Здесь, глубоко в подвалах замка, было тихо. Он включил фонарик: каменные ступени вели наверх к современной двери из лакированного дерева. Он подошел и осторожно повернул металлическую ручку. Не заперто! Тихо открыл дверь и вышел в каменный коридор, уходящий наверх. В конце коридора была еще одна дверь, и под нею пробивалась полоска света!

Бонд бесшумно подошел и, затаив дыхание, прижал ухо к замочной скважине. Мертвая тишина. Он нажал на ручку, приоткрыл дверь на дюйм, затем шире, вошел и прикрыл за собой дверь. Он был в вестибюле замка. Слева — огромная входная дверь, потертая красная дорожка шла от нее через весь холл и исчезала в тени, куда не доставал свет единственной масляной лампы, висящей над входом. Холл, за исключением дорожки, ничего не украшало, грубую штукатурку потолка крест-накрест пересекали тяжелые балки, прикрытые бамбуковыми решетками. В воздухе висел сырой запах холодного каменного жилья.

Бонд решил оставить дорожку в покое и держаться поближе к стенам. Похоже, он выбрался на нужный этаж и цель его была где-то рядом. В цитадель он проник. Пока все идет нормально.

На следующей двери, ведущей явно в приемную, была простая защелка. Бонд заглянул в замочную скважину. Тусклый свет. Ни звука. Он приоткрыл дверь, потом распахнул ее и вошел. Еще один просторный зал, обставленный с княжеским великолепием — парадная приемная, решил Бонд. Между длинными золотисто-красными портьерами на белой оштукатуренной стене красовались пять комплектов доспехов и оружия, тяжелая старинная мебель была удобно расставлена на лежащем в центре комнаты огромном, королевском голубого цвета ковре. Ярко натертый пол отражал свет двух больших масляных ламп, свисающих с потолочных балок, расписанных темно-красным зигзагообразным орнаментом. Выбрав в качестве убежища широкие портьеры, Бонд, скользя от одной к другой, подобрался к маленькой двери в конце зала, ведущей, как он решил, в жилые комнаты.

Наклонился, чтобы прислушаться, и тут же метнулся за ближайшую портьеру. Шаги! На левый кулак Бонд намотал тонкую цепь, сжал в правом локте и замер в ожидании, прижав к щели в пахнущей пылью портьеру.

Маленькая дверь приоткрылась, появилась спина охранника. На нем был черный пояс с кобурой. Коно, переводчик Блофелда? Наверное, работал с немцами во время войны, может быть, в «Кемпейтай». Чем это он занимается? Возится с чем-то за дверью — выключатель? Но электричества здесь нет. Закончив, человек поклонился и закрыл за собой дверь. «Маскос» на нем не было, и Бонд успел рассмотреть уверенное узкоглазое смуглое лицо. Человек пересек приемную, Бонд услышал скрип дальней двери и все замерло. Он подождал добрых пять минут, осторожно выглянул за портьеру и осмотрел зал. Он был один.

А теперь последний рывок!

Держа оружие в руках, Бонд подобрался к двери. Ни звука не было слышно за нею. Но охранник ведь кому-то поклонился. А, черт с ним! Наверное, из уважения к духу Хозяина. Бонд тихо, но решительно распахнул дверь и ворвался в комнату, готовый к атаке.

Встретил его совершенно пустой безликий проход, длинной футов в двадцать, тускло освещенный висящей в центре масляной лампой. Пол, как и повсюду, был хорошо натерт. «Поющий пол»? Нет, под шагами охранника он не скрипел. Но из-за двери впереди слышались звуки музыки. Это был Вагнер, «Полет Валькирий». Спасибо, Блофелд, отличное прикрытие. И Бонд бесшумно двинулся вперед.

Все произошло мгновенно. Бонд ступил на середину прохода и, как на детских качелях, все двадцать футов пола неслышно повернулись на оси, и Бонд, отчаянно пытаясь ухватиться за что-нибудь, полетел, размахивая руками, в черную пропасть! Охранник! Вот зачем ковырялся он за дверью! Устанавливал рычаг ловушки классического каменного мешка древних замков. А он, Бонд, прошляпил! Как только он слетел с края наклонившейся платформы, истерически заверещала охранная сигнализация. Мельком Бонд успел заметить, что платформа, освободившись от его веса, стала на место, почувствовал страшный удар и потерял сознание...

По черному туннелю Бонд с трудом всплывал к спящему пятнышку света. Кто это его лупит, за что? Он нашел два «аваби», чувствовал острые кромки грубого панциря в своих руках. Чего еще хочет Кисси?

— Кисси,— пробормотал он,— прекрати. Перестань, Кисси.

Пятно света увеличилось, превратилось в покрытый соломой пол, где он лежал, скорчившись, и кто-то ладонью хлестал его по лицу. Раз! Раз! Каждый удар отзывался в голове пронзительной болью. Бонд увидел перед собой борт лодки и попытался, приподнявшись, ухватиться за него. Он показал «аваби», все в порядке, и попробовал забросить их в бадейку. Сознание вернулось, и он увидел две горсти соломы, рассыпавшиеся по полу. Удары прекратились. И зрение возвращалось, нечеткое, сквозь дымку боли. Смуглое лицо. Узкие глаза. Коно, охранник. И еще один держит фонарь. Он все вспомнил. Какие там «аваби»! Какая Кисси! Все провалилось! «Шимата!» Допрыгался! Тигр! Щелкнул замок, и Бонд окончательно пришел в себя. Спокойно, ты — глухонемой. Шахтер-японец из Фукуока. Вот справка. Черт с ней, с головой. Кости целы. Не дергать-

ся. Бонд ощупал себя. Да он же совершенно голый, если не считать коротеньких трусов от костюма «ниндзя». Он низко поклонился и выпрямился. Коно, рука на расстегнутой кобуре, что-то грозно пролаял. Бонд, слизывая кровь с разбитой губы, тупо смотрел на него пустыми глазами. Коно вытащил небольшой пистолет, махнул рукой. Бонд опять поклонился, бросил беглый взгляд на камеру, в которую он свалился и, вслед за невидимым охранником с фонарем, вышел наружу.

Ступени, коридор, дверь. Коно шагнул вперед и постучал.

И вот Бонд стоит в середине маленькой, уставленной книгами, комнаты, а второй охранник выкладывает на пол его комбинезон и содержимое карманов. Совершенно недвусмысленное.

Блофелд в великолепном черном кимоно с золотым драконом стоял у камина с раскаленной жаровней. Это был он собственной персоной: высокий открытый лоб, тонкие яркие губы, прикрытые густыми седеющими усами, приспущенными на концах, как у мандарина, грива седых, а ля мосье граф де Блювиль, волос, черные провалы глаз. А рядом, завершая картинку отдыхающей после обеда семейной пары, сидела Ирма Бунт, в полном облачении высокопоставленной японской леди, с вышивкой на коленях, ждущей, когда ею займутся руки хозяйки — после того, как разберутся с неожиданно возникшей помехой. Пухлое квадратное лицо, тугой пучок серых волос, светло-карие, почти желтые глаза.

— Господи, — вяло подумал Бонд, — вот же они. Только руку протяни. Не ошибись я, были б уже трупами. Может не все еще потеряно? Как же трещит голова!

Длинный меч Блофелда стоял у стены. Он взял его и вышел на середину комнаты. Кончиком меча ковырнул вещи Бонда, подцепил черный комбинезон. Спросил по-немецки:

— Что это такое, Коно?

Начальник охраны отвечал тоже по-немецки. В голосе его звучала тревога, и он с каким-то уважением переводил взгляд с Бонда на хозяина:

— Это костюм «ниндзя», герр доктор. Эти люди знают тайное искусство «нинюцу». Они скрытно передвигаются, становятся невидимыми, убивают без оружия. В Японии их боятся. Это очень древнее искусство, и я не знал, что они еще существуют. Этого человека, без сомнения, послали убить вас, милорд. И если бы не ловушка...

— А кто он такой? — Блофелд внимательно посмотрел на Бонда. — Для японца он слишком высок.

— Среди шахтеров много высоких людей, милорд. Мы

нашли у него справку глухонемого. Документы в порядке, по ним он шахтер из Фукуока. Думаю, липа. Ногти на руках обломаны, но, все равно, у шахтеров таких рук не бывает.

— Согласен. Но скоро мы все узнаем.— Блофелд повернулся к женщине.— Что ты думаешь, дорогая? Женский инстинкт не обманешь.

Ирма Бунт поднялась и подошла к нему. Она пронзительно посмотрела на Бонда, а потом, не подходя близко, обошла вокруг. Взглянула слева в профиль и с дрожью в голосе прошептала:

— Бог ты мой! — Вернулась к Блофелду. Хрипло, не отрывая испуганного взгляда от Бонда, сказала:

— Не может быть! Это он! Шрам на щеке! Профили! А брови ему подбрили!

Повернулась к Блофелду, сказала уверенно:

— Это английский шпион. Бонд, Джеймс Бонд. Ты убил его жену. Его тогда звали сэр Хилари Брэй.— С яростью она добавила: — Клянусь! Я не ошибаюсь, Эрнст!

Блофелд прищурил глаза:

— Да, похож. Но как он здесь очутился? Как нашел меня? Кто его послал?

— Японская Секретная Служба. Наверняка у них есть связи с англичанами.

— Не может быть! Они бы просто пришли с ордером на арест. Что-то много здесь загадок. Надо вытянуть из него всю правду. Главное, не торопиться. Во-первых, разберемся с этой подозрительной немотой. В комнате для допросов. Для начала его стоит слегка обработать.

Он повернулся к Коно:

Позови сюда Казаму.

19

Допрос

В комнате было уже десять охранников, выстроившихся вдоль стены за спиной Коно. В руках все держали длинные палки. Коно пролаял команду. Здоровенный, похожий на боксера, парень с наголо выбритой головой прислонил палку к стене и вышел вперед. Лапы у него были, как окорока. Ухмыляясь черными сломанными зубами, он подошел к Бонду и принял стойку, расставив ноги для упора. Размахнулся и треснул правым свингом по голове, прямо по месту, которым Бонд приложился, попав в ловушку. В голове что-то взорвалось. Удар левой — Бонда повело в сторону. Сквозь кровавый туман он с трудом различал Блофелда и его бабу.

На морде Блофелда был чисто научный интерес, но чертова сучка облизывала губы и часто дышала.

После десятого удара Бонд решил, что пора действовать, пока он не рассыпался окончательно. Широко расставленные ноги — отличная мишень. Если, конечно, парень не знает приемов «сумо»! Бонд прицелился, и, когда парень в очередной раз размахнулся, ударил изо всех оставшихся у него сил. Нога угодила куда надо. Парень завизжал по-пороссячи и покатился по полу, хватаясь за яйца. Охранники, подняв палки, рванулись вперед, а Коно вытащил пистолет. Бонд нырнул за высокую спинку стула, поднял его и швырнул в толпу охранников. Ножка попала кому-то в зубы, треснула разбитая челюсть. Схватившись за лицо, человек упал.

— Хальт! — знакомый уже отрывистый немецкий лай. Нападавшие замерли, опустив палки. — Коно! Этих убрать. — Блофелд показал на валявшихся на полу. — Наказать Казаму за плохую подготовку. Этому вставить зубы. И хватит. Обычными способами его заговорить не заставишь. Если не глухой, камеры для допросов ему не выдержат. Туда его. Охрана пусть ждет в приемной. Вперед!

Коно отдал команды, которые мгновенно выполнили, махнул Бонду пистолетом и открыл маленькую дверь рядом с книжной полкой, показав на узкий каменный проход. Что теперь? Бонд облизнул кровь в уголке рта. Он уже дошел до точки. Больше не выдержит. Что еще за камера? Его передернуло. Оставался шанс вцепиться Блофелду в глотку. Прихватить бы его с собой! Он спустился вниз, не отреагировал на приказ Коно открыть грубо сколоченную дверь в конце коридора, подождал, пока ее откроет охранник, в спину ему в это время упирался пистолет, и вошел в странную, дикого тесаного камня, комнату. Было очень жарко, противно воняло серой.

Вошли Блофелд и женщина, дверь закрыли, и они уселись в деревянные кресла под масляной лампой. На стене висели большие кухонные часы, через каждые пятнадцать минут цифра была подчеркнута красной линией. На часах было одиннадцать и тут с громким металлическим щелчком минутная стрелка перешла на другое деление. Коно показал Бонду на каменное сидение с подлокотниками в дальнем конце комнаты, покрытое подсыхающей серой грязью; эта же гадость была на полу вокруг. Над камнем, на потолке, зияло большое отверстие, сквозь которое Бонд увидел клочок темного неба и звезды. Резиновые сапоги Коно прошлепали за ним. Бонду жестами приказали сесть на камень. В центре сидения была большая круглая дыра. Бонд сел,

вздрыгнув от прикосновения горячей липкой грязи, положил локти на каменные ручки сидения. Он знал, что его ожидает, от ужаса заныло в животе.

На другом конце комнаты заговорил Блофелд. Заговорил по-английски, громко, голос эхом метался в каменных стенах:

— Коммандер Бонд, или, если вы предпочитаете, номер 007 Британской Секретной Службы, это камера для допросов, мое изобретение. Здесь говорят почти все молчуны. В моем поместье активная вулканическая зона. Сейчас вы сидите прямо над грязевым гейзером, температура его около тысячи градусов по Цельсию, высота выброса почти сто футов. От вас до источника в земле футов пятьдесят. Я позаботился провести его прямо к дыре, на которой вы восседаете. Это так называемый пульсирующий гейзер. Действует каждые пятнадцать минут.

Блофелд оглянулся на часы.

— У вас остается одиннадцать минут перед очередным выбросом. Если вы не слышите меня или переводчика, если вы глухонемой японец, как вы утверждаете, вы останетесь на месте и в четверть двенадцатого вам сожжет задницу. Если же вы не станете этого дожидаться и уберетесь с камня, станет ясно, что вы врете, вами вновь займутся и, неизбежно, придется отвечать на мои вопросы. Я хочу знать, кто вы, как попали сюда, кто вас послал и с какой целью, и кто еще вовлечен в этот заговор. Вам ясно? Спектакль еще не надоел? Очень хорошо. На всякий случай, начальник охраны переведет все это на японский.

Он повернулся к охраннику:

— Коно, объясните ему назначение этой комнаты.

Коно, стоя на посту у двери, затараторил по-японски. Бонд не обращал на него внимания. Он сконцентрировался и собирал все оставшиеся силы. Уселся поудобнее и небрежно оглядел комнату. Он хорошо запомнил последнюю «преисподнюю» в Беппу, и теперь пытался кое-что обнаружить.

Ага! Вот оно! Маленький деревянный ящик в углу, справа от его камня. Замочной скважины нет. Внутри, без сомнения, вентиль, регулирующий работу гейзера. Как это использовать? Шевели мозгами, нужен план. Хоть бы голова болеть перестала. Он уперся локтями в колени, спрятал в ладонях разбитое лицо. Радовало, что охраннику сейчас еще хуже!

Коно замолчал. Минутная стрелка с громким металлическим стуком перескочила на следующее деление.

И еще девять раз. Бонд посмотрел на черно-белый ци-

ферблат. 11.14. Мощное сердитое ворчание послышалось где-то глубоко под ним, за ним — тяжелый удар очень горячего воздуха.

Бонд встал и медленно пошел прочь, дошел до чистого участка пола и остановился. Повернулся к гейзеру. Ворчание превратилось в далекий визг. Визг — в глубокий устрашающий рев; казалось, из туннеля вырвался экспресс. Раздался резкий хлопок, и из дыры, на которой только что сидел Бонд, с огромной скоростью вылетела внушительная струя блестящей серой грязи. Прямо в отверстие в потолке. Извержение продолжалось с полсекунды, сухой жар заполнил комнату. Бонд вытер пот со лба. Затем серая арка обрушилась вниз, грязь зашлепала по крыше над головой, расплескалась дымящимися лужами по полу. В дыре забулькало, и комнату заволокло паром. Тошнотворно воняло серой. В наступившей тишине щелчок минутной стрелки прозвучал, как удар гонга.

Бонд повернулся и посмотрел на парочку под часами. Весело сказал:

— Ну, Блофелд, ублюдок шизанутый, твой кочегар там, внизу, знает свое дело. Теперь зови дюжину ведьм, и если они такие же красотки, как фройляйн Бунт, попросим Ллойд Вебера сбавить музон и поставим к Рождеству на Бродвее. Заметано?

Блофелд повернулся к Ирме:

— Дорогая, ты была права! Тот самый англичанин. За мной нитка серого жемчуга от мистера Микимото, не забудь напомнить. А теперь надо покончить с ним раз и навсегда. Давно пора спать.

— Действительно, милый Эрнст. Но сначала допроси его.

— Конечно, Ирмхен. Главное, не останавливаться, он уже надломлен. Долго не продержится. За дело!

Назад, вверх по каменному коридору! Назад, в библиотеку! Назад, Ирма — к вышивке, Блофелд — к камину; героическая поза, рука чуть касается рукоятки тяжелого меча. Казалось, они слегка размялись после обеда: партия в бильярд, полистали альбомы с марками, четверть часа скунейшего домашнего кино.

— К черту шахтера из Фукуока, — решил Бонд. Рядом со стеллажами стоял письменный стол. Он вытащил из-за него стул и уселся. На столе лежали сигареты и спички. Он закурил, с наслаждением вдыхая дым. Не отказывать же себе в последнем удовольствии. Он стряхнул пепел на ковер и положил ногу на ногу.

Блофелд кивнул на лежащие на полу вещи Бонда:

— Коно, это убрать. Я осмотрю все позже. Подожди с остальными в приемной. Приготовь паяльную лампу и электрогенератор, могут потребоваться. — Он повернулся к Бонду. — А теперь — говори, и умрешь без мучений, от меча. Не бойся. Я им прекрасно владею, и он остр, как бритва. Будешь молчать — подыхать придется долго и мучительно, и все равно заговоришь, не тебя мне учить. Любому упрямству есть предел. Ну?

Бонд спокойно ответил:

— Блофелд, не будь идиотом. В Лондоне и Токио известно, что я здесь. Есть шанс избавиться от вышки. У тебя куча денег, можешь нанять хороших адвокатов. Убьешь меня, песенка твоя спета.

— Мистер Бонд, не преувеличивайте. Как и вы, я знаю бюрократов. И потому с полной уверенностью заявляю, что вы врете. Если бы мою личность официально установили, сюда нагрянула бы целая армия полицейских. А с ними и шишка из ЦРУ, я у них в списке разыскиваемых. Здесь американская сфера влияния. Вам могут разрешить допросить меня после ареста, но не участвовать в нем.

— С чего ты взял, что это полицейская акция? Когда в Англии стало известно об этом местечке, я сразу понял, чья это затея. Получил разрешение на проверку. Мое местопребывание известно, и возмездие не заставит себя ждать.

— Не обольщайтесь, мистер Бонд. От вас и следа не останется. Кстати у меня есть кое-какая информация о причинах вашего появления. Агент сообщил, что глава японской Секретной Службы, некий Танака, появился здесь в сопровождении одетого по-японски иностранца. Ваша внешность соответствует описаниям агента.

— Где он? Я бы хотел с ним поговорить.

— Он занят.

— Ну, конечно.

Черные глаза Блофелда вспыхнули:

— Вы забываетесь, мистер Бонд. Это я вас допрашиваю. Танаку я знаю. Совершенно безжалостная скотина, и я осмелюсь высказать предположение, которое подтверждают и факты, и ваши неуклюжие увертки. Танака уже потерял здесь одного агента. Подвернулись вы, приехали, должно быть, по делам; и за деньги, или в обмен за услугу, согласились убить меня, решив смущающую японское правительство проблему. Меня не интересует, откуда вы узнали, что доктор Шаттерхэнд на самом деле Эрнст Ставро Блофелд. У вас есть личные причины убить меня, и я абсолютно уверен,

что вы никому о них не рассказали, надеясь избежать официального расследования.— Блофел помолчал.— Я очень умный человек, мистер Бонд. Ну, что скажете? И, так говорят американцы, не выпендривайтесь.

Бонд закурил еще одну сигарету. Сдержанно сказал:

— Я не вру, Блофелд. Если со мной что-нибудь случится к Рождеству, ты и твоя баба превратитесь в трупы.

— Хорошо, мистер Бонд. Но я абсолютно уверен в своей правоте и намерен без дальнейших церемоний собственноручно вас убить. Обойдемся без охранников. Слишком долго вы путались у меня под ногами. У нас с вами личные счеты. Вы когда-нибудь слышали такое японское выражение «киришите гомен»?

Бонд застонал:

— Не надо лингвистических упражнений, Блофелд!

— Оно из лексикона самураев, буквальный перевод: «убить и удалиться». Если простолудин загоразживал дорогу или выказывал недостаточно уважения, самурай имел право снести ему голову. А я считаю себя хранителем самурайских традиций, и кровь еще не окропляла мой меч. Ваша голова меня вполне устраивает.

Он повернулся к Ирме:

— Ты согласна, дорогая?

Та оторвалась от вышивания:

— Конечно, дорогой Эрнст. Ты прав, как обычно. Но будь осторожен. Это опасное животное.

— Ты забываешь, дорогая, в январе прошлого года он вышел из животного состояния. Один выстрел, и я вернул ему человеческий облик.

Блофелд отошел от камина и взялся за меч.

— Смотри дорогая.

20

Кровавая Мелодрама

Бонд бросил горящую сигарету на ковер, подобрался.

— Вы оба — свихнувшиеся психи, — сказал он.

— Как и Фридрих Великий, и Ницше, и Ван Гог. У нас хорошая компания, мистер Бонд. А что вы из себя представляете? Обыкновенный громила, слепое орудие высокопоставленных болванов. Из так называемого «чувства долга» или «патриотизма» делаете, что приказано, потом жрете, пьете и трахаетесь и ждете очередного случая помародерствовать. Дважды вас посылали против меня, мистер Бонд;

везение и грубая сила помогли вам провалить мои величайшие начинания. Вы и ваше правительство объявили их преступлениями против человечества, и до сих пор пытаетесь затащить меня на эшафот. Но пошевелите мозгами, если они у вас есть, мистер Бонд, попробуйте взглянуть на дело с моей точки зрения, реалистично.

Блофелд был высокий мужчина, не меньше шести футов, трех дюймов, мощного сложения. Острие своего самурайского меча он упер в пол между широко расставленными ногами, мускулистые руки положил на рукоять. Бонд не мог не увидеть нечто величественное в этой грозной фигуре, завораживающем прямом взгляде, высоком белом лбе, жестоким вырезе тонких губ. Традиционное, тяжело спадающее кимоно, покроем которого пытались создать иллюзию мощи изначально малорослой расы, увеличивало высокую фигуру до невероятных размеров, а золотой дракон, казалось бы, ребячливая выдумка, угрожающе извивался на черном шелке, извергая пламя. Блофелд прервал разглагольствования. Ожидая продолжения, Бонд присматривался к своему противнику. Следующий номер — оправдывающие обстоятельства. Всегда так. Когда они считают, что повязали тебя; когда чувствуют, что выиграли; перед последним ударом, как приятно, утешительно для палача, даже перед аудиторией, обреченной на уничтожение, выложить свои доводы, смыть грех, который он сейчас совершит. Блофелд заговорил рассудительно, уверенно, спокойно.

— Возьмем, мистер Бонд, операцию «Шаровая Молния». По плану, став обладателем ядовитого оружия, я должен был заставить Запад основательно раскошелиться. Что же здесь выходит за рамки международной политики? Богатые мальчики играют в дорогие игрушки. Бедный мальчик проходит мимо, отбирает их и обещает возратить за деньги. И если бы дело удалось, какие выгоды сулило оно миру! Бедняку достались опасные игрушки, и в руках, скажем, отбросив аллегория, у Кастро они могли бы привести к бессмысленному уничтожению человечества. Мой план — прекрасное этому доказательство. Получи я деньги, угроза повторного шантажа привела бы к серьезным переговорам по разоружению, к отказу от опасных игрушек, могущих легко попасть в чужие руки. Разве не так? Теперь о бактериологической атаке на Англию. Дорогой мистер Бонд, англичане — нация больная, со всех точек зрения. Только создав экстремальную ситуацию, можно вывести Британию из летаргии, сплотить ее, как во время войны. Жестокость во спасение, мистер Бонд, какое же это преступление? А сейчас

мой так называемый «Замок Смерти». — Блофелд помолчал, задумавшись. — Могу признаться вам, мистер Бонд, мною овладела апатия, с которой я намерен бороться. Одиноким непризнанным гением — хуже того, меня и не пытаются понять. Без сомнения, корни болезни чисто физические: печень, почки, сердце, обычные недомогания среднего возраста. Но появилась и умственная усталость, потеря интереса к человечеству, полное безразличие к его будущему. И, подобно пресытившемуся гурману, я ищу острые, изысканные блюда. Так и родился, мистер Бонд, этот полезный и глубоко человеческий проект — легкая смерть для уставших от тягот жизни. Я не только дал простому человеку возможность решить проблему «быть или не быть», но и снабдил японское правительство, хотя оно до сих пор не оценило мое великодушие, уютеньким склепом, избавляющим от неприятностей с поездами, трамваями, вулканами и прочими малопривлекательными способами самоубийства. Вы не можете не признать, что это уникальный, отнюдь не преступный, общественный институт, неведомый до сих пор в мировой истории.

— Вчера я был свидетелем отвратительного убийства.

— Это неизбежно, мистер Бонд. Сюда приходят с мечтой о смерти. Вчера вы видели, как слабодушному помогли сесть в лодку Харона. Но, я вижу, мы не понимаем друг друга. Интересно, что у вас там вместо мозгов? Предел ваших мечтаний — выкурить последнюю сигаретку. Хватит болтать. Вы утомительно долго не даете нам спать. Предпочитаете быть зарубленным в вульгарной свалке, или достойно подставите шею сами?

Блофелд шагнул вперед и обеими руками поднял тяжелый меч над головой. Пламя масляной лампы сверкнуло на лезвии, осветило золото искусной резьбы.

Бонд знал, что делать. Палка раненого охранника так и стояла у стены. Но рядом с женщиной была кнопка звонка. Ирмой надо заняться в первую очередь. Какие там приемчики демонстрировали «ниндзя» в тренировочном лагере? Бонд рванулся влево, схватил палку и прыгнул на женщину, уже поднявшую было руку. Палка глухо ударила ее по голове и она нелепо сползла со стула на пол и лежала неподвижно. Меч Блофелда просвистел в дюйме от его плеча. Бонд изогнулся и сделал глубокий выпад вперед через стиб левой руки, почти как на бильярде. Палка попала Блофелду в грудь, швырнув его к стене, но он с силой оттолкнулся и свирепо ринулся вперед, размахивая мечом, как косой. Бонд попытался ударить его по правой руке, промахнулся и от-

ступил. Палка была единственной надеждой на спасение, и ее приходилось беречь от ударов меча, переломившего бы ее, как спичку. Блофелд, согнув правое колено, сделал внезапный выпад вперед. Бонд метнулся влево, но опоздал на мгновение и острие меча зацепило левый бок, показалась кровь. Не давая Блофелду выпрямиться, Бонд схватил палку обеими руками, изо всех сил хлестнул противника по ногам. Блофелд выругался и попытался выбить палку из рук Бонда. Безуспешно. Но вот он снова перешел в наступление, а Бонд прыгал в середине комнаты, уворачиваясь от ударов и делая короткие выпады. Но как бороться со сверкающей сталью, и Блофелд, почуяв победу, стремительно рванулся вперед. Бонд отскочил, уловил момент и размахнулся. Прямо по правому плечу! Блофелд застонал. Бонд перешел в наступление, нанося удары по туловищу, но одним из ответных ударов Блофелд отрубил от его палки целый фут и, увидев, что получил преимущество, яростно атаковал. Бонд чудом парировал удар, попав палкой по плоской стороне лезвия. Палка скользила в потных руках, и впервые Бонду стало не по себе. Блофелд, казалось, почувствовал это и ринулся вперед, надеясь прорвать оборону противника. Бонд отскочил к стене. Острие меча смотрело ему прямо в живот. Оттолкнувшись от стены, он сделал контрвыпад, палкой отбил меч в сторону и, швырнув свое оружие на пол, обеими руками вцепился Блофелду в глотку. На мгновение два потных лица прижались друг к другу. Рукоять меча врезалась Бонду в бок, но он не чувствовал страшной боли. Он сжимал руки, сжимал изо всех сил, услышал, как звякнул упавший на пол меч; ногти Блофелда впились ему в лицо, тот пытался добраться до глаз Бонда. Сквозь зубы Бонд хрипел:

— Сдохни, сволочь, сдохни! — И вдруг вывалился язык, глаза выкатились, и тело скользнуло на пол. Не разжимая рук, Бонд опустился на колени рядом с трупом, ничего не видя и не слыша, весь во власти кровавого побоища.

Он медленно приходил в себя. С черного шелка кимоно изрыгала на него пламя голова золотого дракона. С трудом разжав сомкнувшиеся на горле пальцы, встал, не глядя на бурое лицо мертвеца. С трудом удержался на ногах. Боже, как болит голова! Что еще он должен сделать? Попытайся вспомнить. Была ведь идея. Вот черт! Ну, конечно! Он поднял меч и, как сомнамбула, пошел вниз по коридору в камеру пыток. Посмотрел на часы. Без пяти двенадцать. Деревянный, забрызганный грязью ящик рядом с каменным сиденьем. Как давно это было. Он подошел и одним ударом меча снес крышку. Вот он, вентиль! Он опустился на колени и за-

крутил его до упора. Что же теперь будет? Конец света? Бонд ринулся наверх. Надо убираться отсюда! Как обойти охрану? Он раздернул портьеру и мечом разбил стекло. За окном была идущая вокруг всего этажа терраса. Что бы нацепить на себя? Вот роскошное кимоно Блофелда. Бонд hladнокровно содрал одежду с трупа, оделся, затянул пояс. Кимоно было ледяным, как змеиная кожа. Он взглянул на Ирму Бунт. Она тяжело хрипела. Стараясь не поранить босые ноги об осколки стекла, Бонд выбрался из окна.

Он ошибся! Это была короткая, закрытая с обеих сторон, терраса. Выхода не было. Он посмотрел вниз. Футов сто до земли! Что-то тихо свистнуло над ним. Он поднял голову. Всего лишь порыв ветерка в снастях воздушного шара. Сумасшедшая мысль пришла в голову: в старом фильме Дуглас Фэрбенкс роскошно летал на люстре. Неужели этот шарик не выдержит вес одного человека?

Бонд бросился в угол террасы, где была привязана веревка, тронул ее. Натянута, как струна! В комнатах за его спиной громко закричали. Баба очнулась? Держась за веревку, он взобрался на балюстраду, проткнул в полотнище плаката опору для ног, ухватился за веревку правой рукой и, рубанув под собой мечом Блофелда, бросился в пустоту.

Сработало! Дул легкий ночной бриз, и он медленно скользил к морю над залитым лунным светом парком, над поблескивающим, парящим озером. Желто-голубые вспышки замелькали на верхнем этаже замка, прожужжала рядом рассерженная оса. Руки Бонда начали неметь. Что-то ударило его по голове, по тому самому ноющему месту. Это dokonало его: черный силуэт замка заколебался и поплыл в лунном свете, дернулся в сторону, и медленно растаял, как шарик мороженого на солнце. Сначала обвалился верхний этаж, потом следующий и еще, и еще, и, спустя мгновение, оранжевая струя адского пламени взметнулась прямо к луне. Послышался громовой удар, и воздушный шар закрутился под порывом горячего воздуха. Что это было? Бонд не знал и знать не хотел. Все заслонила страшная боль. Голова раскалывалась. Пробитый пулей шар быстро терял высоту. Внизу тихо вздыхало море. Бонд разжал руки и камнем полетел в небытие.

Некролог:

«Таймс»

*Коммандер Джеймс Бонд,
Кавалер медали «За отвагу»,
Добровольческий резерв Военно-Морских Сил.*

М. писал:

«Как уже известно вашим читателям, во время официального визита в Японию пропал без вести старший офицер Министерства обороны, коммандер Джеймс Бонд. Есть предположения, что он погиб. С прискорбием вынужден сообщить, что надежд на его спасение не сохранилось. Как глава учреждения, в котором он столь плодотворно работал, считаю своим долгом рассказать об этом незаурядном человеке.

Отец его, Эндрю Бонд, шотландец из Гленса. Мать, Моника Делакруа, подданная Швейцарии. В связи с тем, что отец был зарубежным представителем оружейной фирмы «Виккерс», образование, которому он обязан превосходным знанием немецкого и французского языков, коммандер Бонд начал за границей. В возрасте одиннадцати лет он потерял родителей, погибших при восхождении в горах Шамуа. Юноша был передан под опеку тетки, мисс Чамйон Бонд, жившей в живописной деревушке Петт Боттом неподалеку от Кентербери, графство Кент. Здесь, в собственном доме, тетка, особа необычайно эрудированная, подготовила его к поступлению в частную школу, и в возрасте тринадцати лет он приступил к учебе в Итоне, куда был записан отцом еще при рождении. Необходимо отметить, что учеба в Итоне была и непродолжительна, и малоудовлетворительна, и спустя два семестра, в результате приписанного ему участия в скандальном происшествии с гувернанткой одного из учащихся, тетка была вынуждена забрать его из школы. Ей удалось перевести племянника в Феттес, школу, которую окончил его отец. Здесь царила суровая протестантская атмосфера, академические и спортивные требования были весьма высоки. Несмотря на склонность к одиночеству, мальчик быстро освоился в традиционно сильном спортивном обществе школы, дважды защищал ее цвета в легком весе на ринге и, впервые в истории частных школ Англии, организовал секцию борьбы дзюдо. В 1941 году, оставив школу в возрасте семнадцати лет, он, приписав се-

бе два года и воспользовавшись помощью старых друзей отца по фирме «Виккерс», поступил на военную службу. Ему было присвоено звание лейтенанта. Находясь на службе в Специальном Отделе добровольческого резерва ВМС, благодаря своим выдающимся успехам, он окончил войну в звании командера. Именно в то время пишущий эти строки и получил удовольствие познакомиться с командером Бондом, получившим назначение в Министерство обороны, где, к моменту своего печального исчезновения, он вырос до поста старшего офицера по связям с общественностью.

Заслуги командера Бонда, отмеченные в 1954 году медалью «За отвагу», к сожалению, не подлежат огласке, хотя следует отметить исключительную храбрость и решительность, проявленную им при выполнении своего долга. Присущая ему импульсивность и склонность к риску неоднократно приводили к конфликтам с вышестоящим начальством, но чисто нельсоновское везение никогда не покидало командера в самые напряженные моменты его деятельности. Освещение этих событий, особенно в зарубежной прессе, сделало Бонда во многом, помимо его воли, человеком, вызывающим интерес общественности. В результате, личным другом и бывшим коллегой Джеймса Бонда была написана о нем серия, ставших популярными, книг. Превысь автор хоть ненамного степень документальности своих работ, он, несомненно, подвергся бы преследованию по Закону об охране государственной тайны. Министерство считает ниже своего достоинства принятие мер против автора и издателя этой высокопарной псевдоромантической стряпни, в искаженном свете представляющей карьеру заслуженного офицера.

В заключение хочется сообщить о чрезвычайной государственной важности последней миссии командера Бонда. Хотя она, увы, и оказалась для него последней, вышшим руководством страны я уполномочен заявить, что миссия эта увенчалась полным успехом. В результате доблестных усилий, не будет преувеличением сказать, одного человека, безопасность Королевства была значительно укреплена.

Джеймс Бонд состоял в недолгом браке с Терезой Драко, единственной дочерью Марка Драко из Марселя. Брак этот завершился трагедией, в свое время освещавшейся прессой. Детей и родственников, насколько мне известно, у Бонда нет».

Заметка М. Г.:

«Я счастлива и горда тремя годами совместной с командером Бондом службы в Министерстве обороны. Если опасения наши в отношении его судьбы оправданы, мне хотелось бы предложить несколько слов в качестве эпитафии. Молодые сослуживцы считают их выражением его жизненной позиции: «Я не хочу жить, чтобы выжить. Я живу на полную катушку».

22

Воробьиные Слезы

Когда Кисси увидела падающего в море человека в черном развевающемся кимоно, она мгновенно поняла, кто это, и двести ярдов от основания стены прошла со своим личным рекордом.

Приводнение было жестким, но жажда жизни победила, и, когда Кисси добралась до него, Бонд ожесточенно сдирал с себя кимоно.

Поначалу он принял ее за Блофелда и попытался ударить.

— Я Кисси,— настойчиво повторяла она,— Кисси Сузуки! Ну, вспомни!

Он не помнил. Он видел лишь лицо своего врага и отчаянно хотел уничтожить его. Но силы убывали и, тихо матерясь, он прислушался к умоляющему голосу и позволил выпутать себя из кимоно.

— Плывите за мной, Таро-сан. Если устанете, держитесь за меня. Я выдержу.

Но он за ней не поплыл. Он шел кругами, как раненое, потерявшее ориентацию животное. Она еле сдерживала слезы. Что с ним случилось? Что они сделали с ним в «Замке Смерти»? Она остановила его и тихо заговорила, и он послушно позволил обхватить себя под мышками и спрятал голову у нее на груди и, работая ногами, она поплыла.

Ей пришлось нелегко — полмили против течения, лишь луна да изредка брошенный через плечо взгляд помогали держать направление, но она сделала все, вытащила Бонда на берег в своей маленькой бухточке и рухнула на плоские камни рядом с ним.

Она очнулась от стога. Он сидел, зажав голову руками, и тускло смотрел в море остекленевшими глазами лунатика. Когда она попыталась обнять его, он рассеянно повернулся к ней.

— Ты кто? Как я здесь оказался? Где я? — Он посмотрел на нее внимательнее:

— А ты красивая.

Кисси остро взглянула на него, внезапная мысль мелькнула у нее в голове:

— Вы что, ничего не помните? Не помните, кто вы и откуда пришли?

Бонд провел рукой по лбу, по глазам.

— Ничего,— устало сказал он.— Лицо только помню. Думаю, это был труп. Думаю, одной сволочи. Как тебя зовут? Ты должна мне все рассказать.

— Я Кисси Сузуки, и мы любим друг друга. Тебя зовут Таро Тодороки. Мы живем здесь, на острове, вместе выходим в море. Здесь здорово. Ты можешь идти? Я отведу тебя домой и вызову доктора. И поесть надо. У тебя страшная рана на голове, бок рассечен. Ты, должно быть, упал, когда лазил на скалы за птичьими яйцами.— Она встала и протянула ему руки.

Бонд ухватился за них и с трудом поднялся. Поддерживая его, она повела его по дорожке, ведущей к дому Сузуки. Но они прошли мимо и поднялись к зарослям карликовых кленов и кустов камелий. Они вошли в пещеру за синтоистским алтарем. Пещера была большая, с сухим земляным полом. Она сказала:

— Здесь ты живешь. И я живу с тобой. Я убрала постель. Я ее принесу и еды немного принесу. Ложись, милый, отдыхай, а я займусь делами. Ты болен, но доктор тебя вылечит.

Бонд лег и, положив голову на руки, мгновенно заснул.

Кисси помчалась вниз с горы, счастье переполняло ее. Многое предстояло сделать и организовать, но теперь, заполучив своего мужчину, она не собиралась упустить его.

Светало, родители ее уже встали. Подогревая молоко, скатывая «футон», складывая лучшее кимоно своего отца, возбужденным шепотом она рассказывала им обо всем. Собрала вещи Бонда, нельзя чтобы что-то напомнило ему о прошлом. Родители привыкли к ее сумасбродству и независимости. Отец лишь заметил кротко, что будет замечательно, если «каннуши-сан» даст свое благословение. Потом, смыв с себя морскую соль и одев простое коричневое кимоно, она стремглав помчалась вверх по холму в пещеру.

Позднее ее принял синтоистский священник. Казалось, он ждал ее. Он был печален. Он поднял руку и обратился к коленопреклоненной фигуре:

— Кисси-чан, мне многое известно. Порождение дьяво-

ла и его жена мертвы. «Замок Смерти» полностью разрушен. Сделал это, как и предсказывали наши Хранители, человек, пришедший из-за моря. Где он сейчас?

— В пещере за алтарем, «каннуши-сан». Он тяжело ранен. Я люблю его. Я буду ухаживать за ним. Он потерял память. Я хочу выйти за него замуж и пусть он навсегда останется на Куро.

— Это невозможно, дочь моя. Со временем он выздоровеет и вернется в свою страну. Его будут искать люди из Фукуока, может быть, даже из Токио, он ведь не простой человек.

— Но, «каннуши-сан», если вы прикажете старикам, они сделают вид, что ничего не знают, что этот Тодороки уплыл на Кюсю, и с тех пор о нем и слуху не было. И тем людям придется уйти. Я хочу, чтобы он оставался со мной как можно дольше. Если придет день, и он захочет уехать, я не буду мешать ему, наоборот, помогу. Ему так нравилось здесь со мной и Дейвидом, он сам говорил. Я все сделаю, чтобы он был счастлив. Неужели Куро не может позаботиться о герое, которого сами боги перенесли на наш остров? Неужели Хранители не хотят, чтобы он немного пожил здесь? И неужели я не заслуживаю маленькой награды за помощь и спасение Тодороки-сан?

Священник молчал, закрыв глаза. Посмотрел на умоляющее лицо у своих ног. Улыбнулся:

— Все, что можно, я сделаю, Кисси-чан. Позови ко мне доктора, а потом проводи его в пещеру. Я поговорю со стариками. Но будь осторожна, а «гайджин» не должен показываться на людях несколько недель. Когда все утихнет, он может перебраться в дом твоих родителей.

На полу рядом с Бондом доктор разложил огромную схему человеческой головы, разграфленной на испещренные цифрами и иероглифами сегменты. Осторожно ощупал рану Бонда. Кисси стояла на коленях рядом, держа Бонда за руку. Доктор нагнулся, приподнял по очереди веки, и через большое увеличительное стекло глубоко заглянул в тусклые глаза. Потом послал Кисси за кипятком и принялся чистить касательное пулевое ранение на голове. Пуля чиркнула прямо по огромной опухоли, вскочившей после падения Бонда в ловушку. Доктор засыпал рану сульфамидом, ловко забинтовал голову, заклеил пластырем порез на боку, встал и поманил Кисси из пещеры.

— Опасности для жизни нет, — сказал он, — но пройдут месяцы, может быть годы, прежде чем вернется память. Повреждена височная доля мозга, там расположен центр па-

мяти. Нужны будут тренировки. Старайтесь все время напоминать ему о прошлом. И, со временем, отдельные эпизоды превратятся в целую цепь ассоциаций. Его наверняка отравили бы на рентген в Фукуока, но я думаю, что переломов нет, и, в любом случае, «каннуши-сан» сказал, что вы о нем позаботитесь и что не следует распространяться о его пребывании на острове. Я буду приходить сюда по ночам. Но вам придется поработать; неделю ему совершенно нельзя двигаться. Слушайте меня внимательно, — сказал доктор и принялся за объяснения. После этого он ушел.

Так дни превращались в недели, и приезжала полиция из Фукуока, и чиновник из Токио по имени Танака, а еще позже появился огромный человек, который сказал, что он из Австралии, и с ним Кисси пришлось труднее всего. Но остров Куро хранил свою тайну, и у стариков были каменные лица «ширан-као». Бонд потихоньку поправлялся, и по ночам Кисси выводила его подышать свежим воздухом. Иногда они купались в бухточке, играли там с Дейвидом, и Кисси рассказывала Бонду об «ама» и о Куру и хитроумно уводила его от вопросов о большом мире.

Пришла зима, и «ама» уже не выходили в море, чинили сети на берегу, ремонтировали лодки, возились на маленьких участках на горных склонах. Бонд перебрался в дом, плотничал, а Кисси учила его японскому языку. Глаза его прояснились, но взгляд еще оставался отсутствующим и каждую ночь снились странные сны о мире, где в больших городах жили белые люди, и мелькали перед ним полузабытые лица. Но Кисси уверяла, что это всего лишь ночные кошмары, совершенно бессмысленные, и постепенно мир Бонда замкнулся стенами маленького каменного домика и бесконечной линией горизонта. На южный берег острова Кисси его не пускала, но в мае начнется летний сезон, и она с ужасом думала, как увидит он громадную черную стену и воспоминания нахлынут на него.

Доктора удивляло, почему не возвращается память и он решил, что амнезия его пациента неизлечима, но физически Бонд был уже здоров и вполне доволен своей участью, и визиты доктора прекратились.

Лишь одно глубоко печалило Кисси. Еще с первой ночи в пещере она спала вместе с Бондом и каждую ночь ждала, когда же он займется с нею любовью. Иногда он целовал ее, но тело его оставалось безразличным, как бы она ни прижималась к нему и не помогала себе руками. Неужели он стал еще и импотентом? Она поговорила с доктором и тот объяснил, что с ранами Бонда это никак не связано, но он мог

просто забыть, как совершается любовный акт. И в один прекрасный день Кисси объявила, что отправляется на Фукуока за покупками, нашла в городе секс-шоп, называвшийся «Лавкой Счастья» (неизменная деталь всех уважающих себя японских городишек), и объяснила свои проблемы стоящему за прилавком седобородому грешнику. На прилавке не было ничего порочнее презервативов и соблазнительнее настойки женишеня. Он спросил, есть ли у нее пять тысяч иен, порядочная сумма, и когда она сказала, что есть, закрыл входную дверь и повел ее в глубь магазина.

Торговец сексом нагнулся и вытащил из-под скамьи нечто, напоминающее маленькую клетку для кроликов. В ней на подстилке из мха сидели пять больших жаб. Потом он извлек какую-то хитроумную металлическую конструкцию, похожую на электроплитку, опять же с клеткой посередине. Одну жабу он осторожно засунул в клетку, подтащил большой автомобильный аккумулятор к «плитке» и подключил провода, что-то ласково сказал жабе и отошел. Жаба задергалась, и темно-красные глаза ее сердито уставились на Кисси. Бородавчатая кожа покрылась крупными каплями какой-то жидкости, и секс-торговец радостно потер ладони. Взял в руки ложку и маленький пузырек, приподнял клетку и осторожно собрал ложкой жидкость в пузырек, всего что-то около половины чайной ложки. Закупорил склянку и отдал ее Кисси, схватившейся за нее, как за драгоценную находку. Секс-чудодей отсоединил провода, запихал невозмутимую жабу назад в клетку и закрыл дверцу.

Он повернулся к Кисси и поклонился:

— Достопочтенная покупательница должна увидеть процесс производства. Иначе она вправе предположить, что это всего лишь вода из крана. Вы убедились, жаба с помощью слабого электрошока добросовестно выполняет свой долг, труды ее будут вознаграждены дополнительной порцией мух и кузнечиков. А вот, — он подошел к стенному шкафу и достал маленькую коробочку, — порошок из высушенной ящерицы, оба ингридиента, добавленные в ужин вашего возлюбленного, совершат чудо. А для возбуждения его чувств я могу предложить за лишнюю тысячу иен великолепный секс-проспект.

— А что это такое?

Энтузиаст сексуального образования залез в шкаф и вытащил простенькую книжку в бумажной обложке. Кисси открыла ее, потом рот, и отчаянно покраснела. Но, будучи девушкой основательной и не желая отдавать деньги неизвестно за что, принялась перелистывать страницы: круп-

большой порт к югу от Сахалина. Но будь осторожен, у нас сложные отношения с русскими.

— Разве им опасен простой рыбак с Куро?

Кисси задохнулась. Она встала и медленно пошла вниз к лодке. Она столкнула лодку на воду, села на свое обычное место на корме, поджидая, когда он заберется в лодку, и его колени коснулись ее колен.

Бонд взялся за весла, на носу величественно застыл баклан. Бонд взглянул на рассыпавшиеся по горизонту лодки и начал грести.

Кисси улыбалась ему в глаза, и над головой сияло солнце, и для Бонда это был замечательный день, как и все прочие — совершенно безоблачный день. Но, конечно, он и не подозревал, что зовут его Джеймс Бонд. И по сравнению с удивительным смыслом одного единственного русского слова, прочитанного на клочке бумажки, и жизнь на Куро, и любовь его к Кисси Сузуки не стоили, по словам Тигра, и воробьиной слезинки.

УНИКУМ ХАЛЬДЕБРАНДА

Скат-хвостокол был больше шести футов от кончика одного крыла до кончика другого и, по крайней мере, десять футов в длину — от тупого носа до конца смертоносного хвоста. Он был темно-серого цвета с тем фиолетовым оттенком, который часто предвещает опасность в подводном мире. Когда он поднялся со светло-золотистого песчаного дна и медленно поплыл вперед, казалось, это черное колышущееся покрывало.

Джеймс Бонд плыл, прижав руки к бедрам и едва шевеля лапами. Он преследовал темную тень поперек широкой лагуны, поросшей пальмами по берегам, ожидая, когда представится возможность выстрелить. Он не любил убивать рыб, если к этому не понуждал голод; исключение составляли большие мурены и все представители семейства скорпионовых рыб. Ската он собирался убить потому, что тот выглядел слишком зловещим.

Было около десяти часов ясного апрельского утра, и лагуна Белл Ансе на южной оконечности острова Маэ, самого большого в группе Сейшельских островов, была гладкой, как зеркало. Северо-западные муссоны стихли еще несколько месяцев назад, юго-восточные принесут долгожданную прохладу не раньше мая. Сейчас температура воздуха приближалась к тридцати градусам в тени, влажность была не меньше девяноста процентов, и вода в изолированной от океана лагуне нагрелась чуть ли не до температуры человеческого тела. Даже рыбы казались ленивыми. Десятифунтовая рыба-попугай, пощипывающая водоросли на коралловой скале, повернула глаза, равнодушно посмотрела на Бонда, когда он проплыл прямо над ней, и вновь обратилась к завтраку. Стайка жирных серых бычков, деловито

плывущих куда-то, расступилась перед тенью Бонда, тут же сомкнулась и продолжила свое движение. Полдюжины маленьких каракатиц, выстроившихся в линию подобно танцовщицам кордебалета, обычно робких, как птицы, даже поленились изменить мизансцену под проплывшим Бондом.

Бонд не спускал глаз с хвосткола. Скоро скат устанет или начнет принимать Бонда за большую вялую рыбу на поверхности воды, не представляющую никакой опасности. Тогда скат опустится на гладкое песчаное дно, изменит свою окраску на почти прозрачную светло-серую и, плавно изгибая свои крылья, зароется в песок.

Риф приближался. На дне появлялись коралловые ветви и аккуратные островки водорослей — такое впечатление, будто приближаешься к городу из сельской местности. Повсюду виднелись яркие, напоминающие драгоценности коралловые рыбки, а в тени горели цветным пламенем гигантские анемоны Индийского океана. Группы защищенных колючками морских желудей-белянусов казались коричневыми пятнами — как будто кто-то вылил чернила на поверхность скал, а сверкающие синие и желтые усики лангустов, колеблющиеся в воде, высывались из расщелин подобно щупальцам крохотных драконов. Здесь и там среди водорослей на ярко освещенном морском дне виднелись блестящие пятнистые ципреи — раковины «каури», служащие разменной монетой в странах Африканского континента — леопардовые каури размером с мячик для игры в гольф. Однажды Бонд заметил сверкающие растопыренные пальцы венериного гребешка. Впрочем, он уже привык к фантастическому разнообразию красок на коралловых рифах и продолжал плыть вперед, стараясь зайти со стороны моря, отрезать от него ската и заставить его повернуть обратно к берегу. Тактика оправдала себя, и скоро черная тень с преследующей ее коричневой торпедой — человеком устремилась через огромное синее зеркало лагуны к берегу. На глубине двенадцати футов скат остановился в очередной раз. Бонд тоже замер, едва перебирая ластами. Он осторожно поднял голову из воды и вылил воду из маски. Когда же снова опустил голову в воду, скат исчез.

В руках у Бонда было ружье для подводной охоты марки «Чэмпизн», заряженное гарпуном с острым, как иголки, трехзубцем — оружие, рассчитанное для стрельбы на близкое расстояние, но для охоты на коралловых рифах оно было идеальным. Бонд поднял задвижку предохранителя и осмотрелся, стараясь проникнуть взглядом сквозь туманные горизонты окружающей его массы воды лагуны. Он пытался раз-

глядеть крупную тень акулы или барракуды — не хотелось, чтобы хищник оказался рядом в момент выстрела. Раненые рыбы издают иногда крик боли, а даже если не будет крика, возникшие волны и кровь могут привлечь внимание акул. Но вокруг было пусто, серо-зеленая мгла не таила теней. Бонд снова перевел взгляд на дно лагуны и, заметив смутные очертания на ребристом песчаном дне, проплыл несколько футов и замер прямо над спрятавшимся в песке скатом. Два крошечных фонтанчика песка танцевали над дыхательными отверстиями, похожими на ноздри. Да, стрелять нужно именно сюда, за дыхательные отверстия примерно на дюйм. Бонд прикинул насколько далеко хлестнет пораженный скат своим бичевидным хвостом, и нажал на спусковой крючок.

Песчаный взрыв окутал все вокруг мутью, и в течение нескольких секунд Бонд ничего не мог различить. Затем тросик натянулся, и скат рванул вперед, хлеща себя по бокам грозным хвостом с зазубренной иглой. Бонд отчетливо видел ядовитые колючки-шпы, агрессивно выпрямившиеся у основания хвоста. Это были те самые шпы, которые, как гласят легенды, умертвили Одиссея, которые, по свидетельству естествоиспытателя древности Плиния, могут поразить под корень дерево и вызвать его гибель. В Индийском океане, где яды обитателей моря наиболее опасны, царапина, нанесенная иглой ската, неизбежно приводит к смерти. Стараясь держаться как можно дальше от опасного хвоста, до предела натянув тросик гарпуна, Бонд следовал за отчаянно сопротивляющейся рыбой. Он даже заплыл немного в сторону, чтобы взмахи бьющего хвоста не перерубили тросик. Такой хвост применялся для изготовления бичей, которыми надсмотрщики избивали рабов на плантациях. В настоящее время закон Сейшельских островов запрещает иметь у себя бич, сделанный из высушенного хвоста хвостокола, но они переходят из поколения в поколение для наказания неверных жен, и если проходит слух, что муж высек жену таким бичом, можно быть уверенным, что она не появится на людях, по крайней мере, неделю.

Бонд видел, как ослабевали удары хвоста; он проплыл вперед и потащил за собой слабеющего ската. У самого берега, на мелководье, скат перестал сопротивляться. Бонд вытащил его на песчаный пляж, но старался держаться подальше от него. Внезапно огромный скат взвился в воздух, яростно хлеща вокруг себя грозным хвостом, будто надеясь достать врага,— Бонд успел отпрыгнуть в сторону, скат шлепнулся на спину, подставив солнцу свое белое брюхо и

открыв широкий серповидный рот. Бонд смотрел на умирающего ската и не знал, как ему поступить.

Невысокий коренастый мужчина в брюках и рубашке цвета хаки появился из-под роскошных пальм и направился к нему, переступая кучи высохших водорослей и океанского мусора, оставленного приливом на песчаном берегу.

— Старик и море! — воскликнул он смеющимся голосом, когда подошел достаточно близко. — Кто кого поймал?

— Я так и знал, — повернулся к нему Бонд. — Как раз когда в этом нужда, появится единственный человек на острове, который не носит мачете. Фидель, будь другом, позови кого-нибудь из своих людей. Этот стервец отказывается умирать, а в нем сидит мой гарпун.

Фидель Барби, самый молодой из бесчисленного семейства Барби, которому на Сейшельских островах принадлежит практически все, подошел и взглянул на ската оценивающим взглядом.

— Неплохой морской кот. Тебе повезло, что гарпун попал в единственное убойное место, иначе он затянул бы тебя за риф и тебе пришлось бы расстаться с ружьем. Эти звери невероятно живучи. Но мне необходимо срочно отвезти тебя в Викторию. Подвернулся удачный случай. Я пришлю кого-нибудь за ружьем. Тебе нужен его хвост?

— Зачем? — улыбнулся Бонд. — У меня нет жены. Но как насчет хорошей похлебки сегодня вечером?

— Только не сегодня, дружище. Пошли быстрее. Ты где раздевался?

— Дело вот в чем, — сказал Фидель, усадив Бонда в свой джип и направляясь к столице по прибрежному шоссе. — Ты никогда не слышал про американца по имени Милтон Крэст? Не слышал? Так вот, ему принадлежит группа отелей и нечто под названием «Фонд Крэста». Но одно я знаю совершенно точно. У него самая роскошная яхта в Индийском океане. Бросила якорь только вчера. Яхта называется «Уэйвкрэст». Двести тонн водоизмещением. Сотня футов длиной. На ней есть все, начиная от красавицы жены до проигрывателя на кардановом подвесе, чтобы от качки не соскальзывала игла. Все коридоры и каюты устланы коврами толщиной в дюйм. Кондиционирование воздуха. Только у него к востоку от Африки сухие сигареты и настоящее шампанское после обеда — такое шампанское я попробовал впервые после отъезда из Парижа, — Фидель Барби заразительно расхохотался. — Короче говоря, «Уэйвкрэст» — великолепная яхта, хотя ее хозяин — сукин сын каких мало. Но нам ведь наплевать на это, дружище, верно?

— Действительно, наплевать. А какое отношение имеет этот Крэст к тебе или ко мне?

— Дело обстоит так. Мы — ты и я — собираемся провести несколько дней в плавании на этой яхте в компании мистера Крэста и миссис Крэст, красавицы миссис Крэст. Я согласился провести судно к острову Чагрин — помнишь, я говорил тебе о нем? Он расположен в нескольких сотнях миль отсюда — на африканских отмелях. Мои родственники даже и забыли о его существовании. От него никакой пользы — разве что собирать на нем яйца черепах. Его высшая точка — всего три фута над уровнем океана. Я не был на нем больше пяти лет. А вот этому Крэсту захотелось побывать на этом острове. Он собирает образцы морской фауны — что-то связанное с его фондом, — и ему нужна какая-то маленькая рыбка, которая водится только рядом с этим островом. По крайней мере, Крэст утверждает, что единственный в мире экземпляр был пойман у острова Чагрин.

— Интересно. Ну а как оказался я замешанным в это дело?

— Я знал, что ты томишься от скуки и тебе нужно ждать рейсового парохода еще неделю, поэтому я заявил, что ты — лучший ныряльщик на островах и обязательно найдешь проклятую рыбу, если только она существует. К тому же я отказался плыть без тебя. Мистер Крэст ничего не имел против. Вот так. Я вспомнил, что ты собирался отправиться к южной оконечности острова Маз, так что сел в джип и ехал по прибрежной дороге, пока один из рыбаков не сказал, что видел какого-то сумасшедшего белого, пытающегося покончить самоубийством, в лагуне Белл Ансе, и сразу понял, что это ты и есть.

Бонд рассмеялся.

— Поразительно, как население островов боится воды! Прошло столько лет, а они все еще не подружились с морем. Готов поспорить, мало кто из них даже умеет плавать!

— Римская католическая церковь. Она против того, чтобы католики раздевались догола. Ужасная чепуха, но ничего не поделаешь. А когда ты говоришь о том, что они боятся моря, не забудь, что ты провел здесь всего месяц. Масса акул и барракуд — тебе просто не попадался голодный хищник. А морской скорпион? Тебе не приходилось видеть человека, наступившего на его шипы? Боль настолько нестерпимо остра, что человек прогибается назад и кричит от боли. Иногда глаза буквально выпадают из орбит. Многие умирают.

— Не надо ходить по отмелям босиком,— заметил Бонд безо всякой симпатии.— В Тихом океане водятся эти же самые рыбы, да еще тридакна впридачу. Все это — мура. Ходят и стонут — ах, какие мы бедные! А море буквально наполнено всякими сокровищами. Да на этих рифах не меньше пятидесяти разновидностей раковины ципреи! Представляешь, сколько можно заработать, продавая их по всему миру!

— Джеймса Бонда — в губернаторы! — рассмеялся Фидель Барби.— На следующем заседании Законодательного Совета выдвину твою кандидатуру. Этот пост будто создан для тебя — дальновидный, масса идей, полон энергии. Раковины ципреи! Блестящая мысль! Они поставят на ноги наш платежный баланс — впервые после окончания бума с маслом пачуоли. Я позабочусь о том, что вся слава достанется тебе одному. Да ты тут же станешь сэром Джеймсом!

— По крайней мере, это куда лучше, чем выращивать ваниль себе в убыток,— буркнул в ответ Бонд. Они продолжали добродушную перебранку, пока пальмы не остались позади, и машина въехала в тень гигантских панданусов на окраине обветшалой столицы острова Маэ.

Прошел почти месяц с того момента, как М. вызвал Бонда к себе и послал его на Сейшельские острова.

— У Адмиралтейства крупные неприятности с новой морской базой на Мальдивских островах. Усилились националистические чувства, с Цейлона пробираются террористы. Начались забастовки, саботаж — обычная картина. Не исключено, что от морской базы придется отказаться и вернуться на Сейшелы. Тысяча миль к югу, но, по крайней мере, там куда безопаснее. В Адмиралтействе боятся снова попасть в оборот. Министерство по делам колоний утверждает, что на Сейшельских островах совершенно безопасно. Тем не менее я решил послать вас, чтобы вы лично убедились в этом. Все-таки есть некоторые опасения. То и дело причаливают японские суда, всякие мошенники из Европы, прочные узы связывают Сейшельские острова с Францией. Отправляйтесь и сообщите свое мнение,— М. задумчиво посмотрел в окно на падающий мокрый мартовский снег.— Опасайтесь солнечного удара.

Доклад Бонда, отправленный неделю назад, гласил, что единственной опасностью для военно-морского персонала базы будет красота и доступность женской половины туземного населения островов. Теперь ему оставалось лишь дожидаться, когда рейсовый пароход «Кампала» заберет его и доставит в Момбасу. Ему смертельно надоела влажная

жара, вяло свисающие пальмовые кроны, жалобные крики крачек и нескончаемые разговоры о ценах на копру. Перспектива плавания на борту яхты обрадовала его.

Бонд жил в огромном доме Барби. Они заехали туда, взяли чемоданы с необходимыми принадлежностями, отправились к причалу, где и оставили машину рядом со зданием таможенной службы. Сверкающая белизной яхта стояла на рейде в полумиле от берега. Они наняли пирогу с подвесным мотором и направились через гладкий, как зеркало, залив через проход в рифе к яхте, замершей на якоре. Нельзя сказать, чтобы «Уэйвкрэст» была очень элегантна — широкий бимс и тяжелая надстройка делали ее приземистой, но Бонду с первого взгляда стало ясно, что это настоящий корабль, который может плавать в любом море земного шара, а не только среди островов вблизи берегов Флориды. Казалось, на палубе никого нет, но когда пирога с Бондом и Барби подошла к яхте, появились двое щегольски одетых матросов в белых шортах и майках, которые встали у трапа с отпорными крюками, готовые не допустить, чтобы грязная шероховатая пирога поцарапала сверкающую краску яхты. Когда Бонд и Барби поднялись на палубу, матросы взяли их чемоданы и пригласили спуститься внутрь корабля. Открылся люк — и Бонда в кают-компанию обдал поток почти арктического воздуха; кондишн работал отменно.

Кают-компания была пуста. Ее размеры и обстановка были вовсе не морскими. По бортам — окна, не иллюминаторы, а настоящие окна, закрытые жалюзи. Вокруг низкого стола, расположенного в центре кают-компании, стояли глубокие массивные кресла. На полу лежал огромный ковер бледно-синего цвета с глубоким ворсом. Стены были покрыты панелями из серебристой древесины, а потолок окрашен в серо-белый цвет. В углу стоял письменный стол с телефоном и канцелярскими принадлежностями. Рядом с большим проигрывателем находился сервант, уставленный бутылками и стаканами. Над сервантом висел поразительный Ренуар — голова и плечи прелестной темноволосой девушки в черно-белой полосатой блузке. Впечатление гостиной в роскошном городском особняке еще более усиливалось тем, что на столе в центре кают-компании стояла ваза с белыми и синими гиацинтами и рядом были аккуратно разложены последние журналы.

— Что я говорил тебе, Джеймс?

Бонд с восхищением покачал головой.

— Именно так и нужно обходиться с морем — делать вид, что оно не существует совсем, — он вздохнул полной

грудью.— Как приятно дышать наконец свежим воздухом! Я уже почти забыл, какой он.

— Это снаружи свежий воздух, приятель. Здесь он консервированный,— мистер Милтон Крэст неслышно вошел в кают-компанию и теперь стоял, глядя на них. Он был крепким обветренным мужчиной лет пятидесяти. На нем были выцветшие синие джинсы с широким кожаным поясом, на голове — короткая прическа ежиком. Уголки рта были опущены в саркастической усмешке или презрительной гримасе — скорее второе. Светло-карие глаза на коричневом обветренном лице были полуприкрыты веками, взгляд был сонным, равнодушным. Слова, которые он бросал присутствующим, были невинными сами по себе, если не считать снисходительного «приятель», но говорил он с таким видом, будто кидал мелкие монеты стоящим перед ним нищим. А самым странным в Милтоне Крэсте был голос — мягкий, привлекательный, с легкой картавинкой — точь-в-точь голос покойного Эмфри Богарта. Бонд окинул глазами стоящего перед ним владельца яхты — от коротких черных волос с заметной сединой на круглой голове, синего орла с якорем, вытатуированных на правом предплечье, до босых ног, по-морскому твердо стоящих на ковре. Бонд подумал: это человек считает себя одним из героев Хемингуэя. Мы с ним общего языка не найдем.

Мистер Крэст подошел, мягко ступая по ковра, и протянул руку.

— Это вы — Бонд? Добро пожаловать на борт, сэр.

Бонд понял, что последует сокрушительное рукопожатие, напряг мускулы кисти и легко парировал его.

— Вы ныряете свободно или с аквалангом?

— Свободно, и не стараюсь нырять глубоко. Это у меня всего лишь хобби.

— А чем вы вообще занимаетесь?

— Я государственный служащий.

Милтон Крэст громко захохотал.

— Вежливость и покладистость. Из вас, англичан, получают лучшие в мире дворецкие и камердинеры. Значит, служащий? По-видимому, мне будет легко с вами. Я люблю, когда меня окружают слуги и служащие.

Стук открывшегося люка помог Бонду сохранить самообладание. Мистер Крэст отступил в полумрак, когда в кают-компанию по ступенькам спустилась нагая женщина. Впрочем, не совсем нагая. Но две светло-коричневые полоски бикини, почти ничего не прикрывающие, создавали впечатление наготы.

— Привет, сокровище мое. Ты где пряталась? Решила спуститься к нам наконец? Познакомься, это мистер Барби, а это — мистер Бонд. Те самые, которые отправятся с нами, — мистер Крэст показал на женщину. — А это, приятели, миссис Крэст. Пятая миссис Крэст. И если у вас возникнут сомнения, не забывайте, что она любит мистера Крэста. Верно, милая?

— Разумеется, Милт, ты ведь знаешь это, — лицо миссис Крэст озарилось мягкой женственной улыбкой. — Как поживаете, мистер Барби? А вы, мистер Бонд? Я рада, что вы согласились отправиться с нами. Хотите выпить что-нибудь?

— Одну минуту, милочка. Если ты не возражаешь, я сам буду распоряжаться на борту своего корабля, — голос мистера Крэста был бархатным.

— Ну конечно, Милт, — женщина покраснела.

— Ну и отлично. Это я сказал, чтобы не забывали, кто капитан на этом судне, — он ослепительно улыбнулся. — Итак, мистер Барби. Между прочим, как вас зовут? Фидель? Отличное имя. Старый преданный друг, — мистер Крэст снова засмеялся. — Хорошо, Фидо, давай-ка поднимайся на мостик и двигай это старое корыто в море. Как только выйдем с рейда, ты проложи курс и передай управление Фрицу. Я — капитан судна, он — мой помощник, и еще двое обслуживают машину и нас. Все трое немцы. Единственная морская нация в мире. Больше никого не осталось. А вы, мистер Бонд? Как зовут вас? Джеймс, верно? Так вот, Джим, почему, бы тебе не воспользоваться своей любезностью и воспитанием и не помочь ей приготовить закуску? Кстати, зови ее просто Лиз. Она тоже была когда-то англичанкой. Можете обмениваться воспоминаниями про Пикадилли-Серкэс и Букингемский дворец. Понято? Вперед, Фидо! — он побежал вверх по ступенькам.

Когда лок захлопнулся, Бонд перевел дыхание.

— Не обращайтесь внимание на его шутки, прошу вас, — произнесла миссис Крэст извиняющимся тоном. — У него такой юмор. И он очень упрямый. Он любит подначивать всех. Я знаю, это нехорошо, порой и обидно, но не придавайте значения этому, прошу. Он делает это по доброте души.

«Сколько раз ей уже приходилось говорить эти слова тем, кто подвергался воздействию «чувства юмора» мистера Крэста?» — подумал Бонд.

— Да, с вашим мужем нужно лучше познакомиться. Он так же ведет себя дома, в Америке?

— Да, но только со мной,— ответила она безо всякой горечи.— Он любит американцев. Лишь когда попадает за границу, дает волю своим чувствам. Видите ли, его отец был немцем. Вернее, он родился в Пруссии. Поэтому в нем с детства укрепилось мнение, что европейцы — нация декадентов, что они мало на что способны теперь. На эту тему с ним бесполезно спорить. У него это твердое убеждение.

Так вот в чем дело! Опять точка зрения гунна. Он или хватает тебя за глотку, или падает к твоим ногам. Вот уж действительно чувство юмора! О, сколько же пришлось перенести этой молодой женщине, ставшей его рабыней — его английской рабыней!

— Вы давно вышли за него замуж? — спросил Бонд.

— Два года назад. Я работала в одном из его отелей. Вы знаете, наверно, что ему принадлежит группа отелей «Крэст». Вся моя жизнь изменилась. Это настоящая сказка! Иногда мне хочется ущипнуть себя, чтобы убедиться, что это не сон. Вот это, например, — она обвела рукой вокруг себя, — эта роскошная кают-компания. И он хорошо относится ко мне. Покупает дорогие подарки. В Америке он очень известный человек. Так приятно — куда ты ни приходишь, с тобой обращаются, как с королевой.

— Да, пожалуй. Ему тоже нравится такое обращение?

— Конечно, — в ее голосе чувствовалось смирение, покорная усталость. — Все-таки в нем есть что-то от султана. Если его обслуживают не по высшему, не по самому высшему разряду, он выходит из себя. По его мнению, если ты из кожи вон лез, чтобы забраться на вершину дерева, то получаешь право на самые спелые плоды, — миссис Крэст вдруг заметила, что слишком разговорилась. — Боже мой, что это я так болтаю с вами! Можно подумать, что мы знаем друг друга много лет, — на ее лице появилась смущенная улыбка. — Наверное, это потому, что мы оба из Англии. Пойду оденусь. Когда вы поднялись на «Уэйвкрэст», я загорала на верхней палубе, — откуда-то снизу донесся глухой рев дизелей. — Ну вот, мы и отправились в путь. Может быть, вы подниметесь на палубу, а я быстро переоденусь и тоже выйду. Мне так хочется поговорить про Лондон, — она подошла к двери и отодвинула ее в сторону. — Между прочим, лучше всего спать здесь, на колодезной палубе. Тут много подушек и свежо по ночам, а в каютах бывает душно, несмотря на кондиционирование воздуха.

Бонд поблагодарил ее, вышел на палубу и закрыл за собой дверь. Это была широкая колодезная палуба, покрытая пеньковым ковром с кремовой полукруглой кушеткой и

подушками из пенопласта, плетеными креслами и сервантом в углу. Бонду пришло в голову, что мистер Крэст, возможно, много пьет. Было это игрой воображения, или действительно миссис Крэст до смерти боится его? В ее отношении к мужу проскальзывало что-то болезненно раболепное. Судя по всему, цена за «волшебную сказку» оказалась очень высокой. Бонд смотрел, как исчезают вдаль зеленые берега острова Маэ. «Мы идем, наверное, со скоростью узлов десять, — подумал он. — Скоро яхта обогнет северный мыс и выйдет в открытое море». Бонд слушал глухое бульканье выхлопной трубы и думал о прекрасной миссис Крэст.

Она вполне могла быть моделью (наверное, и была перед тем как начала работать в отеле) — эта весьма престижная женская профессия связана с соблазнами полусвета, — и прекрасное тело миссис Крэст все еще двигалось с бессознательной свободой, как у человека, привыкшего обходиться без одежды или почти без одежды. Но у нее не было ледяного холода модели — теплое женское тело и дружеская доверчивая улыбка. Ей, конечно, не больше тридцати, может быть, гораздо меньше — ее красота все еще, казалось, не достигла полного расцвета. А самым привлекательным у нее были роскошные пепельные волосы, падающие на плечи, но она, похоже, даже не замечала, не помнила о них. Она не отбрасывала их назад, не поправляла, как это делали бы большинство женщин, и Бонд обратил внимание на ее естественное поведение и полное отсутствие кокетства. Она стояла спокойно, почти покорно, и ее большие синие глаза все время смотрели на мужа. На губах женщины не было даже следов помады, а на ногтях отсутствовал лак. Брови изгибались прелестной дугой над глазами, и было видно, что она совсем не ухаживала за ними. Может быть, этого потребовал мистер Крэст, чтобы она выглядела как германское дитя природы? Не исключено. Они действительно представляли собой странную пару — пожилой Хемингуэй с голосом Хэмфри Богарта и красивая бесхитростная молодая женщина. Но в атмосфере чувствовалась напряженность — и в том, как она сжалась от страха, спросив, не хотят ли они выпить, когда мистер Крэст оборвал ее, и в подчеркнуто грубом поведении ее мужа. Бонд раздраженно пожал плечами. Эти четыре или пять дней на борту яхты будут, несомненно, не такими простыми и приятными, как это казалось сначала. Бонд перевел взгляд на исчезающий по правому борту остров Силуэт и дал себе обещание не терять самообладания. Как говорят американцы, он проглотит любую обиду. К тому

же это даст ему возможность еще раз проверить, насколько он владеет собой. Да, конечно, он снесет оскорбления и не допустит, чтобы хамское поведение мистера Крэста нарушило прелесть этой морской прогулки.

— Ну что, приятель, решил отдохнуть? — мистер Крэст стоял на верхней палубе, глядя вниз. — А куда делась моя женщина? Ты решил, наверное, чтобы она сама занималась бутербродами. Действительно, почему бы и нет? Они для того и созданы, чтобы удовлетворять наши прихоти, верно? Давай-ка осмотрим корабль. Фидо стоит сейчас у штурвала, и мне пока нечего делать. — Не ожидая ответа, мистер Крэст соскользнул по перилам на нижнюю палубу, приземлившись рядом с Бондом мягко, как кошка.

— Миссис Крэст пошла переодеться. Да, я бы с удовольствием осмотрел корабль.

Мистер Крэст уставился на него равнодушным, слегка презрительным взглядом.

— Ну что ж, тогда начнем. Корабль построен судостроительной корпорацией Бронсона. В ней мне принадлежит девяносто процентов акций, так что все мои требования при строительстве корабля были выполнены. Он спроектирован фирмой Розенблатта — лучшего морского инженера и дизайнера. Сто футов длиной, двадцать один в бимсе, осадка шесть футов. Два дизеля по пятьсот лошадиных сил. Максимальная скорость — четырнадцать узлов. Все помещения оборудованы кондиционерами. Для меня было спроектировано и построено два специальных кондиционера, каждый по пять тонн весом. На борту находятся запасы продовольствия и напитков на месяц плавания. Нас ограничивает только пресная вода для душа и ванны. Есть вопросы? Тогда осмотрим сначала каюты команды и затем все остальное. И вот что еще, Джим, — мистер Крэст топнул ногой по палубе. — Это — пол, понятно? Галюн на моем судне называется туалетом, а камбуз — кухней. И когда мне хочется остановить кого-то, я не кричу: «Отставить!», а кричу: «Прекратить!». Тебе все понятно, Джим?

— Разумеется, — Бонд с улыбкой пожал плечами. — Это ваш корабль.

— Совершенно верно. Это мой корабль. Ну, пошли. И можешь не бояться удариться головой. По всему судну высота потолка и дверных проемов составляет шесть футов и два дюйма.

Бонд следовал за мистером Крэстом по узкому коридору, протянувшемуся по всей длине судна, и в течение получаса с восхищением отзывался о достоинствах великолепно спро-

ектированной, самой роскошной яхты из всех, на которых ему доводилось бывать. Проектировщики и строители не пожалели усилий, чтобы на борту были все возможные удобства. Даже в помещениях команды ванна и душ были полного размера, а сверкающий чистотой и нержавеющей сталью камбуз — впрочем, не камбуз, а кухня, мысленно поправил себя Бонд — не уступал по размерам капитанской каюты.

Мистер Крэст без стука распахнул дверь своей каюты.

— Вот ты где, мое сокровище, — произнес он своим мягким голосом. — Наводишь красоту для Джима, а? Мне казалось, что тебе давно уже пора быть в гостинной и заниматься закусками.

— Извини, Милт. Я сейчас. Едва застегнула молнию на платье. Я иду, — женщина поспешно схватила сумочку и направилась к выходу. У двери она обернулась, посмотрела на них с нервной улыбкой и исчезла.

— Все панели из вермонтской березы, мексиканские ковры на полу. Между прочим, эта картина с парусником — подлинный Монтегю Доусон... — мистер Крэст продолжал свое повествование, но Бонд уже не слышал его — он смотрел на предмет, висящий в углу, над столиком, на той стороне огромной кровати, которая принадлежала мистеру Крэсту. Это был тонкий хлыст примерно три фута длиной с кожаной рукояткой. Хлыст был изготовлен из хвоста ската.

Бонд подошел к стене и провел пальцем по его шипам. Даже легкое прикосновение к ним было болезненным.

— Откуда это у вас? — спросил Бонд. — Только сегодня утром я подстрелил одну из этих тварей.

— Купил в Бахрейне. Арабы наказывают такими хлыстами своих жен, — мистер Крэст засмеялся. — Одного удара хлыстом достаточно, чтобы Лиз образумилась. Мы называем его «воспитателем».

Бонд повесил хлыст на место.

— Вот как? — его жесткий взгляд остановился на лице мистера Крэста. — На Сейшельских островах, где живут креолы — весьма жестокий народ — запрещено даже владеть таким хлыстом, не говоря уже о его применении.

Мистер Крэст повернулся и направился к двери.

— Приятель, этот корабль представляет собой кусочек территории Соединенных Штатов Америки, — заметил он равнодушно. — Мне наплевать, что здесь запрещено, а что — разрешено. Пошли-ка лучше выпьем чего-нибудь.

Мистер Крэст выпил перед обедом три рюмки водки, охлажденной до такой степени, что она казалась густой, и

запивал еду пивом. Его светлые глаза слегка потемнели и стали водянистыми, но немного картавая речь осталась такой же мягкой и маловыразительной. Кроме мистера Крэста, за столом никто не говорил.

— Видите ли, ребята, дело обстоит таким образом, — он отхлебнул из запотевшего стакана темного пива. — У нас в Штатах существует система фондов, которые может основать любой счастливчик, заработавший массу денег и не желающий платить их в казну дяди Сэма. Итак, вы создаете какой-нибудь фонд — вроде фонда Крэста — с благотворительными целями. Эти цели могут быть какими угодно — для детей, больных, для развития науки. Вы просто тратите деньги на какие угодно цели, за исключением себя и членов своей семьи. И тут же начинаете платить куда более низкий налог, потому что деньги, потраченные на благотворительность, вычитаются из общей суммы, облагаемой налогом. Так вот, я вложил десять миллионов долларов в благотворительный фонд Крэста, а поскольку я люблю море и мне нравится плавать по всему свету, я построил еще за два миллиона эту яхту и заявил директору Смитсониевского института — это большая научная организация, занимающаяся изучением естественной истории, — что я буду плавать в самые отдаленные места земного шара и добывать для Института редкие экспонаты. С этого момента все мои плаванья превратились в научные экспедиции. Ясно? Три месяца в году я провожу в отпуске и не плачу ни единого цента! — мистер Крэст самодовольно обвел глазами присутствующих, ожидая восхищенных аплодисментов.

— Вроде бы звучит неплохо, мистер Крэст, — с сомнением покачал головой Фидель Барби. — Но вам ведь нужно добывать редкие образцы. Скажем, Смитсониевскому институту нужна гигантская панда или редкая раковина. Неужели вы сумеете найти эти экспонаты? Ведь даже экспедиции института потерпели неудачу.

— Приятель, ты плохо соображаешь, — с грустью покачал головой мистер Крэст. — Если у тебя много денег, все преграды легко преодолимы. Тебе нужна панда? Ты покупаешь ее у какого-нибудь зоопарка, которому нужны деньги для того, чтобы перестроить серпентарий или помещения для тигров или чего-нибудь еще. Вот ты упомянул раковину. Нужно просто отыскать человека, у которого есть такая раковина, и предложить ему столько денег, что он поломается, поплачет с неделю и согласится ее продать. Иногда возникают трудности с правительственными учреждениями в некоторых странах — экспонаты запрещены к вы-

возу или что-нибудь еще. Вот вам пример. Мне был нужен черный попугай с острова Праслин, гигантская слоновая черепаха с Альдабры и полный набор ваших местных раковин — каури. Вывоз первых двух запрещен законом. Вчера вечером я нанес визит губернатору. Ваше превосходительство, говорю я ему, мне сообщили, что вы хотели бы построить плавательный бассейн, чтобы учить детишек плавать. Отличная идея! Фонд Крэста готов оплатить его строительство. Вот мой чек. Но у меня есть маленькая просьба, ваше превосходительство, говорю я, не выпуская из рук подписанный мною чек. Мне нужен черный попугай с Праслина и слоновая черепаха с острова Альдабра. Мне известно, что они охраняются законом. Не могли бы вы сделать исключение и дать согласие на вывоз их в Америку для Смитсониевского института? Губернатор сначала возражает, но узнав, что образцы требуются для науки, и видя, что я не выпускаю из рук чек, дает в конце концов разрешение. Каждая сторона довольна, мыжимаем друг другу руки и расходимся. На обратном пути я навещаю мистера Абендану, богатого купца, и прошу купить для меня попугая и черепаху. У нас заходит разговор о раковинах. И тут выясняется, что мистер Абендана — страстный коллекционер и собирает каури с самого детства. Он показывает мне свою коллекцию. Прекрасные раковины и в отличном состоянии — каждая в отдельной ячейке на подносе, закутанная в вату. Я замечаю, что среди раковин есть фантастические образцы — раковины Изабелла и Маппа, которые считаются особенно редкими и к которым институт проявил такой интерес. «Сколько? — спрашиваю я. Нет, мистер Абендана не собирается продавать свою коллекцию. Они слишком дороги ему. Чепуха! Я выписываю чек на такую сумму, что мистер Абендана не может устоять. Он берет чек, складывает его и кладет в карман. И затем начинает рыдать! Представляете себе? Рыдает как ребенок из-за нескольких раковин! Я советую ему успокоиться, хватаю подносы с раковинами и побыстрее ухожу, пока этот кретин не застрелился в приступе раскаяния.

Мистер Крэст обвел глазами слушателей, очень довольный собой.

— Теперь вы видите, как нужно действовать, приятель? Всего двадцать четыре часа на острове — и я уже отыскал три четверти образцов из своего списка. Здорово, правда, Джим?

— После возвращения вас наградят медалью, — заметил Бонд. — А что это за рыба, которую мы собираемся ловить?

Мистер Крэст встал из-за стола, достал лист бумаги с напечатанным на машинке текстом и начал читать.

— «Уникум Хильдебранда». Поймана профессором Хильдебрандом из Витватерсрэндского университета сачком в апреле 1925 года у острова Чагрин Сейшельского архипелага». Дальше идет научная чепуха, но я попросил изложить все это нормальным языком. Вот что из этого следует, — мистер Крэст снова принялся читать. — «Относится к семейству беличьих рыб. Единственный образец, названный «Уникум Хильдебранда» в честь первооткрывателя, представляет собой маленькую рыбку шесть дюймов длиной. Рыбка окрашена в ярко-розовый цвет с черными поперечными полосами. Анальный, спинной и брюшные плавники розового цвета. Хвост черный. Большие темно-синие глаза. В случае обнаружения необходимо соблюдать крайнюю осторожность, потому что лучи плавников очень остры и содержат яд. По сообщению профессора Хильдебранда, он поймал рыбку на юго-западном рифе острова Чагрин, на глубине три фута», — мистер Крэст положил лист бумаги на стол. — Вот что мне нужно, приятели. Мы проплывем тысячу миль, затратим несколько тысяч долларов — и все для того, чтобы поймать проклятую шестидюймовую рыбку! Представляете себе, два года тому назад чиновники Налогового департамента имели наглость заявить, что мой фонд является фиктивным!

— И именно поэтому нам так важно поймать эту рыбку, Милт, — вмешалась в разговор миссис Крэст. — На этот раз нам нужно привезти в Штаты как можно больше экспонатов. Помнишь, эти отвратительные налоговые инспекторы говорили о конфискации яхты и огромном штрафе из-за неуплаты налогов за последние пять лет, если нам не удастся убедительно доказать важность наших научных экспедиций.

— Милочка, — голос мистера Крэста был по-прежнему бархатным. — Ради чего, позволь полюбопытствовать, ты открыла свой большой рот и принялась болтать о моих личных делах? — его голос был дружеским и равнодушным. — Знаешь, чего ты добилась этим, милочка? Сегодня вечером тебя ждет встреча с «воспитателем» вот так. Пусть это будет тебе уроком.

Миссис Крэст закрыла ладонью рот. Ее глаза расширились от ужаса.

— Нет, Милт, — прошептала одна едва слышно. — Только не это. Пожалуйста, я прошу, я умоляю тебя, не надо...

На второй день, на рассвете, корабль приблизился к острову Чагрин. Сначала он показался на экране радиолокатора — крошечный выступ на прямой линии горизонта, — затем маленькая черта на темно-синем море начала медленно расти и превратилась в половину мили зеленой растительности на белоснежном берегу. Приятно снова увидеть сушу после плавания, когда не встречается ни души, когда корабль кажется единственным предметом на бескрайней поверхности гладкого, как зеркало, океана. Бонд никогда не бывал в пределах штилевой экваториальной полосы и не мог даже представить себе, что это такое. Лишь теперь он понял, какую опасность представляет эта часть Индийского океана для мореплавателей, особенно для парусных судов. Гладкая морская поверхность, палящее солнце, тяжелый неподвижный воздух, духота, маленькие облака на горизонте, не двигающиеся с места, не пересекающие небосвод и не несущие с собой долгожданную прохладу дождя. Сколько столетий моряки благословляли эту крохотную точку на горизонте, наклоняясь к веслам и продвигая тяжелые корабли по зеркальной глади Индийского океана еще на одну милю в сутки! Бонд стоял на носу и следил за тем, как летающие рыбы выпрыгивали из-под форштевня корабля, рассекающего сине-черную толщу океанских вод, медленно светлеющих и переходящих в темно-синий и затем в зеленый цвет океанской отмели. Как приятно почувствовать наконец, твердь под ногами и пройти по песку вместо того, чтобы сидеть или лежать на палубе корабля. И еще более приятно будет несколько часов отдохнуть в одиночестве, покинув компанию мистера Милтона Креста!

Они бросили якорь на глубине десяти саженей недалеко от начинающегося кораллового рифа, и Фидель Барби доставил их на моторной шлюпке через узкий проход в кольце атолла — остров Чагрин оказался типичным коралловым атоллом. Это было примерно двадцать акров песка, обломков кораллов и низеньких кустарников, окруженных ожерельем барьерного рифа, о который с шипением разбивались ленивые длинные волны прибоя. Их высадка встревожила тучи птиц, испуганно шумно взлетевших при приближении шлюпки, — крачек, тупиков, фрегатов, — но почти тотчас птицы и опустились. Чувствовался сильный аммиачный запах гуано, кусты были сплошь покрыты белым птичьим пометом. Кроме птиц, островное население представляли сухопутные крабы, живущие на песке, копошащиеся в кучах сухих водорослей.

Ослепительный блеск солнца, отражающегося от белого

песка, резал глаза. На острове не было совершенно никакой тени. Мистер Крэст приказал разбить палатку и сидел там, куря сигару, пока на берег перевозили различное снаряжение. Миссис Крэст немного поплавала и принялась собирать ракушки, а Бонд и Фидель Барби надели маски и поплыли в противоположные стороны, огибая остров и прочесывая прибрежные воды.

Когда ищешь какую-то отдельную разновидность живого мира — раковину, или рыбу, или водоросль — необходимо полностью сконцентрироваться на одном единственном образе, исключив все остальные. Поразительное разнообразие цвета и движения, бесконечно меняющиеся цвета и тени всячески стараются нарушить, рассеять вашу концентрацию, отвлечь внимание. Медленно двигая ногами в ластах, Бонд пробирался через сказочный мир кораллового рифа, ища одну лишь рыбу — шестидюймовую розовую с черными поперечными полосками и большими синими глазами — вторую такую рыбу, когда-либо виденную человеком.

Если повезет, — распорядился мистер Крэст, — дайте знак и оставайтесь рядом с ней. Я сам ее поймаю. У меня в палатке есть одна штука, с помощью которой можно изловить любую рыбу.

Бонд остановился и закрыл на мгновение уставшие глаза. Соленая вода так легко держала его на поверхности, что он лежал, не двигая руками и ногами. Кончиком своего гарпуна он отковырнул от рифа раковину и тут же множество разноцветных коралловых рыбок накинудись на щедрое угощение. Чертовски неприятно то, что если ему удастся найти «Уникум Хильдебранда», это принесет пользу одному лишь Крэсту. А что если скрыть, что увидел рыбу? Совсем будет по-ребячески, да к тому же он обещал помочь в поисках рыбки, так что в некотором роде связан контрактом. Бонд медленно поплыл вперед, внимательно осматривая дно и ведя мысленный разговор с миссис Крэст. Предыдущий день она провела в постели. Мистер Крэст объяснил, что у нее головная боль. «Неужели в один прекрасный день ты в приступе отчаяния не восстанешь против него? Неужели не возьмешь нож или револьвер и однажды вечером, когда он схватит этот ужасный хлыст, не убьешь его? Вряд ли. Ты слишком мягка и податлива. Мистер Крэст сделал хороший выбор. Ты сделана из материала рабов. Да и эта «волшебная сказка» слишком тебе дорога. Неужели ты не понимаешь, что суд присяжных неминуемо оправдает тебя, если хлыст из хвоста ската будет предъявлен в суде? Ты вполне сможешь продол-

жать вести свою волшебную сказочную жизнь без этого отвратительного чудовища, этого садиста. Может быть, намянуть тебе? Боже, какая чепуха! Да и как сделать это? Ты знаешь, Лиз, если тебе захочется умертвить своего мужа, то не теряй времени, суд оправдает тебя». Бонд грустно улыбнулся. «Нечего соваться в жизнь посторонних! К тому же, может быть, такая жизнь ей нравится — мазохистские наклонности, врожденные или приобретенные. Впрочем, такой ответ был бы уж слишком прост». Эта молодая женщина долго жила в атмосфере страха. Не исключено, что и в атмосфере отвращения и ненависти. Трудно прочесть что-нибудь в этих кротких синих глазах, но несколько раз Бонд замечал, что будто отдергивалась занавеска, и на лице миссис Крэст мелькало выражение ненависти и злобы, бесильной, какой-то детской. Но была ли это действительно ненависть? Скорее всего, просто запуганность. Бонд обогнул коралл, выбросив из головы личную жизнь семьи Крэстов, и оглянулся по сторонам. Шноркель Фиделя Барби был всего в сотне ярдов. Они уже почти завершили путешествие вокруг острова.

Приблизившись друг к другу, они поплыли к берегу и вытянулись на раскаленном песке.

— На моей стороне острова нет ничего, — сообщил Фидель. — То есть, я хочу сказать, что встретил всех рыб в мире, — за исключением одной. Но мне изрядно повезло в другом. Я натолкнулся на огромную колонию зеленых моллюсков. Это раковины — жемчужницы размером чуть ли не с футбольный мяч. Колония стоит массу денег. Когда вернемся домой, я пошлю сюда одну из наших шхун. Натолкнулся на морского попугая весом в добрых тридцать фунтов. Ручной, как собака. Да и все остальные рыбы здесь такие же. У меня не поднялась рука выстрелить в него. К тому же, рядом было несколько тигровых акул — кровь в воде привлекла бы их внимание. Ты знаешь, я был бы не прочь съесть чего-нибудь и выпить. После этого поменяемся и снова поплывем в противоположные стороны.

Они встали и направились к палатке. Мистер Крэст услышал их голоса и выглянул наружу.

— Вижу, пока нам не повезло, — сказал он, сердито почесывая подмышкой. — Меня укусила какая-то песчаная муха. Это не остров, а какая-то свалка. Лиз не выдержала запаха и отправилась обратно на «Уэйвкрэст». Давайте сделаем еще одну попытку и отправимся с этого проклятого острова. Вон там бутерброды и холодное пиво. Как вы поль-

зуетесь такой маской? Пока вы едите, я немного поплаваю и посмотрю, как выглядит морское дно.

Бонд и Фидель Барби сидели в палатке, ели бутерброды, пили пиво и равнодушно наблюдали за тем, как мистер Крэст плавает по мелководью, опустив голову в воду.

— Ты знаешь, он действительно прав,— заметил Фидель.— Эти коралловые атоллы — поистине ужасное место. Ничего, кроме крабов и птичьего дерьма, а вокруг слишком много воды. Одни лишь несчастные, страдающие от холода и голода европейцы мечтают о коралловых островах. К востоку от Суэца ты не найдешь ни одного человека, которого бы они интересовали. Моей семье принадлежит десяток, причем некоторые большие, с поселениями, приносящие неплохой доход от копры и ловли черепах. Так вот, мы готовы обменять их на квартиру в Париже или Лондоне.

— А ты помести объявление в «Таймс»,— засмеялся Бонд,— тут же получишь массу...— Он замолчал, увидев, как в пятидесяти ярдах от палатки мистер Крэст замахал руками, подавая какие-то отчаянные сигналы.

— Одно из двух,— произнес Бонд,— или этот сукин сын нашел ее, или наступил на морского ежа,— он надел маску, пробегал несколько шагов и нырнул в воду.

Мистер Крэст стоял по пояс в воде там, где начиналась рифовая отмель. Он взволнованно тыкал пальцем в морскую поверхность рядом с ним. Бонд поплыл вперед. Ковер морской травы заканчивался разбитыми обломками коралла: Среди скал мелькали десятки разноцветных коралловых рыбок, и в трещине показались усики небольшого лангуста. Из расщелины выглянула крупная пятнистая мурена. Ее глаза настороженно наблюдали за приближающимся Бондом, который с удовольствием заметил, что волосатые ноги мистера Крэста находятся всего в паре футов от зубастых челюстей мурены. Бонд даже подбадривающе пихнул гарпуном в морду мурены, но та лишь щелкнула пастью и скрылась в расщелине. Бонд замер на поверхности, наблюдая за жизнью разноцветных сверкающих джунглей. Внезапно в далеком сером тумане показалась красная точка, плывущая навстречу. Рыбка проплыла прямо под Бондом, будто демонстрируя свой яркий наряд. Темно-синие глаза посмотрели на Бонда безо всякого страха. Рыбка начала застенчиво пощипывать водоросли на выступающем обломке коралла, затем повернулась и снова исчезла в тумане.

Бонд отплыл от расщелины, где спряталась мурена, и встал на ноги. Он выпрямился и снял маску.

— Да, это именно та рыбка, которую мы ищем,— произ-

нес он, обращаясь к нетерпеливо ждущему мистеру Крэсту. — Давайте осторожно уйдем отсюда. Если ее не испугать, она никуда не уплывет. Эти коралловые рыбы — весьма оседлые существа.

— Черт меня побери, — воскликнул мистер Крэст торжествующе, — я нашел ее! Подумать только, нашел!

Он направился к берегу вслед за Бондом.

— Эй, Фидо, ты слышал? — громко крикнул мистер Крэст. — Я нашел ее — я, Милтон Крэст! Ты только подумай, вы два эксперта искали ее все утро, а я впервые в жизни надел маску, вошел в воду и тут же наткнулся на эту рыбку! Ну как, Фидо?

— Отлично, мистер Крэст, вам здорово повезло. И как будем ее ловить?

— Ага! — мистер Крэст торжествующе подмигнул. — Для этого у меня есть специальная штука. Ее изготовили для меня химики. Состав под названием «Ротенон», из корней бразильского дерева. Жители Бразилии ловят с его помощью рыбу. Просто выливают в воду, он плывет по течению, вот все. Какой-то яд. Сужает кровеносные сосуды в жабрах, закупоривает их, и рыбы задыхаются. А на людей не действует, ведь они не имеют жабр, понятно? — мистер Крэст повернулся к Бонду. — Вот что, Джим. Ты отправляйся на место и следи, чтобы эта проклятая рыба никуда не уплыла. А тем временем мы с Фидо перейдем вон туда, — он показал пальцем вверх по течению от того места, где была найдена рыбка, — и по твоей команде я вылью «Ротенон» в воду. Его постепенно снесет в твою сторону. Понятно? Только, ради бога, рассчитай все точно. У меня канистра с пятью галлонами «Ротенона». Все ясно?

— Ясно, — кивнул головой Бонд и вернулся в море. Там он надел маску и медленно подплыл к тому месту, где была замечена рыбка. Да, там все было по-прежнему. Все морские жители занимались своими делами. Острая голова мурены снова высывалась из расщелины, усики лангусты опять с любопытством протянулись к нему. Через несколько секунд, пунктуально, будто являясь на свидание, появилась «Уникум Хильдебранда». На этот раз она подплыла вплотную к маске Бонда, заглянула ему в глаза и, будто обеспокоенная увиденным, снова исчезла в сером тумане.

Постепенно подводный мир начал воспринимать Бонда как своего, как одного из обитателей. Крохотный осьминог, маскировавшийся до этого под кусок коралла, начал опускаться к песчаному дну. Сине-желтый лангуст вылез из укрытия и с любопытством приблизился к Бонду. Стайка ма-

леньких рыбок принялась пощипывать его за ноги. Бонд отковырнул морского желудя от обломка коралла, и рыбки устремились к лакомству. Бонд поднял голову и оглянулся. Мистер Крэст, держа наготове канистру, стоял в двадцати ярдах справа. Как только Бонд даст сигнал, мистер Крэст выльет ядовитый состав в море, чтобы охватить поверхность побольше.

— Ну что? — спросил мистер Крэст.

— Еще не приплыла, — покачал головой Бонд. — Когда она появится, я подниму руку. И тогда выливайте как можно быстрее.

— Отлично, Джим. Ты у прицела. Полагаюсь на тебя.

Бонд снова опустил голову в воду. В небольшом прибрежном сообществе все занимались своими делами. Скоро, лишь для того, чтобы музей в стране, расположенной за много тысяч миль отсюда, мог приобрести одну единственную рыбку, погибнут сотни живых существ, может быть, тысячи. Как только Бонд поднимет руку, тень смерти опустится на маленький подводный мир. Сколько времени действует яд? Как далеко он распространится? Может быть, погибнут не тысячи, а десятки тысяч, миллионы жителей моря.

Проплыл морской конек, безостановочно вращая своими плавниками-пропеллерами. Роскошная женственная рыба с пышными плавниками, окрашенная в золотой, красный и черный цвета, что-то откапывала в песке. Появились два вездесущих морских петуха, привлеченные запахом балянуса.

За барьерным рифом кто из хищников утверждает свое господство? Кого боятся маленькие рыбы? Барракуду? Меч-рыбу? А теперь настоящий грозный хищник, человек по имени Крэст, стоял рядом с ними, ожидая сигнала. И он делал это не из чувства голода. Его поступок был продиктован капризом — если хотите, тщеславием.

В поле зрения Бонда появились две загорелые ноги. Он поднял голову. Рядом стоял Фидель Барби, держащий в руках большой сачок.

— Я чувствую себя, подобно бомбардиру над Хиросимой, — признался Бонд.

— У рыб холодная кровь. Они ничего не чувствуют.

— Откуда ты это знаешь? Мне говорили, что раненные рыбы кричат.

— Из-за этого состава не закричат, — возразил Барби. — Он действует на них удушающе. Тебя что, совесть мучает? Это всего лишь рыбы!

— Да знаю я, знаю.

Фидель Барби всю жизнь убивал животных и рыб, тогда как он, Джеймс Бонд, подчас не колеблясь, убивал людей. Так почему он так разволновался? Ведь он недавно умертвил ската-хвостокола, и его не терзали угрызения совести. Да, но скат был враждебной хищной рыбой, тогда как эти рыбы здесь, под ним, были друзьями. Друзьями? Какое сентиментальное заблуждение!

— Эй! — донесся голос мистера Крэста. — Кончай там трепаться! Ты скоро там, Джим?

Бонд надел маску и погрузил лицо в воду. И сразу увидел плывущую навстречу ему прекрасную розовую тень. Рыбка подплыла прямо к Бонду и остановилась под ним, глядя вверх.

— А ну, убирайся отсюда! — пробормотал Бонд и ткнул в рыбку гарпуном. Она развернулась и снова исчезла в серо-зеленом тумане.

Бонд выпрямился и решительно поднял вверх руку. Это был глупый мелкий саботаж, в котором он тут же раскаялся. Но темно-коричневая маслянистая жидкость уже текла на поверхность лагуны. У Бонда было еще время остановить мистера Крэста, предоставить ему еще шанс поймать редкостную рыбку. Но Бонд стоял и смотрел, пока последняя капля смертоносного раствора не вылилась в воду. Черт бы побрал этого мистера Крэста!

И вот яд начал медленно распространяться в воде. В маленьком подводном сообществе все оставалось по-прежнему, хотя по поверхности растекалось огромное масляное пятно с металлическим многоцветным отблеском. Мистер Крэст, убийца тысяч морских существ, двигался к Бонду.

— Давайте следите за рыбой, парни, — крикнул он. — Вот-вот состав захватит и вас.

Бонд опустил лицо под воду. Внезапно, с поразительной быстротой все преобразилось в подводном царстве.казалось, рыб охватило массовое безумие. Несколько маленьких рыб закружились в пляске и упали на дно, подобно тяжелым листьям. Мурена медленно выплыла из расщелины и широко открыла свою пасть, опустилась на хвост, будто встав вертикально, и плавно завалилась на бок. Маленький лангуст пару раз ударил хвостом и перевернулся на спину. Крошечный осьминог отцепился от куска коралла, за который держался, и безжизненно поплыл вниз. Показались жертвы, плывущие сверху вниз по течению — рыбы белыми животами вверх, креветки, морские черви, крабы, пятнистые и зеленые мурены, лангустики самых разных размеров. Большая пятифунтовая меч-рыба проплыла мимо, судорожно открывая и закрывая

пасть, сопротивляясь неминуемой гибели. Один за другим под взглядом Бонда морские ежи отцеплялись от коралловых скал и опускались на песчаное дно, превращаясь в чернильные пятна на светлом песке.

Бонд, почувствовав прикосновение, встал и снял маску. Рядом стоял мистер Крэст с покрасневшими от солнца глазами. Его губы были покрыты белой предохранительной мазью.

— Где эта проклятая рыба? — нетерпеливо крикнул он в ухо Бонду.

— Судя по всему, ей удалось ускользнуть в то мгновение, когда вы начали лить ядовитый состав. Но я все еще наблюдаю — вдруг она появится.

Не дождавшись ответа мистера Крэста, Бонд снова нагнул на глаза маску и опустил голову в воду. Прежняя картина бойни, все больше мертвых тел. Но ведь яд уже, наверное, пронесло мимо. Наверное, уже не опасно, если рыбка, его рыбка, потому что он спас ее, появится теперь. Бонд замер — в далеком серо-зеленом тумане вдруг мелькнула розовая тень. Исчезла. Снова вернулась. Медленно, очень медленно «Уникум Хильдебранда» плыла к Бонду.

Не обращая внимания на мистера Крэста, Бонд поднял руку и сильно хлопнул по поверхности воды. Рыба продолжала плыть навстречу своей смерти. Бонд поднял предохранитель на ружье и выстрелил гарпуном в направлении рыбки. Не обращая никакого внимания, рыбка плыла вперед. Бонд встал, опустил ноги на песчаное дно и пошел ей навстречу между многочисленными трупами морских обитателей. Прелестная розово-черная рыбка на мгновение остановилась, задрожала и тут же нырнула к ногам Бонда и замерла на дне. Она умерла, даже не ударив хвостом. Бонду оставалось только наклониться и поднять рыбку. Она как раз поместилась у Бонда на ладони, легонько царапнув ее острым дорсальным плавником. Бонд нес ее под водой, чтобы сохранить прекрасную окраску. Подойдя к мистеру Крэсту, он сказал: «Вот» — и протянул ему крохотную рыбку. Затем Бонд нырнул и поплыл к берегу.

Вечером, когда «Уэйвкрэст» направлялся домой по дорожке огромной желтой луны, мистер Крэст распорядился организовать, как он назвал это, «пирушку».

— Нужно отпраздновать такое событие, Лиз, как следует отпраздновать. У нас был очень удачный день. Выполнили последнее задание и теперь отправимся с этих проклятых Сейшельских островов обратно к цивилизации. Как ты смотришь на то, чтобы взять на борт черепаху и этого черного

попугая и идти в Момбасу? Оттуда вылетим в Найроби и дальше в Рим, Венецию, Париж — куда захочешь. Как ты считаешь, милая? — он схватил ее за подбородок своей большой рукой и поцеловал в сухие полураскрытые губы. Бонд не сводил взгляда с глаз миссис Крэст — они были закрыты. Мистер Крэст убрал руку. Женщина принялась массировать щеки — на них остались белые отпечатки.

— Господи, Милт,— сказала она с улыбкой,— ты чуть не раздавил меня. Ты не чувствуешь своей силы. Но это великолепная идея — отпраздновать такое событие. И мне очень хочется побывать в Париже. Что заказать на ужин?

— Разумеется, икру. Одну из тех двухфунтовых банок от Хаммахера Шлеммера — чудесную закуску. И розовое шампанское,— он повернулся к Бонду.— А ты как считаешь, приятель?

— Неплохой ужин,— согласился Бонд и тут же переменял тему разговора.— А что вы сделали со своим призом?

— Положил ее в формалин, согласно инструкции. У нас на шлюпочной палубе стоит масса разных банок, закрытых крышками,— настоящий домашний морг. Как только вернемся к цивилизации, тут же отправим проклятую рыбу самолетом в Вашингтон. Но сначала проведем пресс-конференцию. Это будет настоящая сенсация для газет. Я уже передал радиограмму в Смитсоновский институт и агентства новостей. Мои бухгалтеры будут счастливы, что смогут показать этим чертовым налоговым инспекторам вырезки из газет.

Вечером мистер Крэст набрался основательно, хотя это не было слишком уж заметно. Голос Богарта стал еще мягче и медленнее. Круглая массивная голова поворачивалась уже не на шее, а вместе со всем туловищем, как у волка. Пламя зажигалки, которой мистер Крэст раскуривал сигару, горело все дольше и дольше, и один раз нечаянным взмахом руки он опрокинул на палубу стакан. Но опьянение наиболее заметно было в том, что говорил мистер Крэст — в его словах звучала какая-то неистовая жестокость, патологическое желание причинить боль, ранить, сделать неприятно. Вечером, сразу после ужина, первой мишенью мистера Крэста оказался Джеймс Бонд. Ему было дано спокойное и четкое объяснение того, почему Европа, с Англией и Францией во главе, все более и более теряет свое влияние в мире. В настоящее время, заявил мистер Крэст, осталось только три державы — США, Россия и Китай. Это игра в покер по-крупному, и ни у одной из остальных стран нет ни денег, ни козырей, чтобы принять в ней участие. Время от времени какой-ни-

будь приятной стране — и мистер Крэст признал, что у некоторых из них были в прошлом немалые заслуги, подобно Англии, например, — дают займы немного денег, чтобы она смогла поиграть на равных с крупными державами. Но это просто вежливый жест, что-то вроде подачи неудачнику из твоего же клуба, который проигрался вчистую. Возьмем Англию — приятный народ, обратите внимание, отличные парни, — но что есть там? Ничего, кроме старых замков и королевы. Франция? Вкусная пища и доступные женщины. Италия? Яркое солнце и спагетти. Нечто вроде санатория, куда приезжают отдохнуть. Германия? У них еще осталась искра, но две проигранные войны изрядно подкосили немцев. Несколькими краткими фразами мистер Крэст охарактеризовал оставшиеся страны и затем поинтересовался мнением Бонда.

Бонду мистер Крэст уже досмерти надоел — он ответил, что считает его точку зрения слишком упрощенной, даже наивной.

— Ваши доводы напомнили мне об одном резком афоризме, в котором дается характеристика Америке, — заметил Бонд. — Рассказать?

— Конечно, конечно.

— Там говорится о том, что Америка вышла из детского возраста и достигла старческого, так и не повзрослев.

Мистер Крэст задумчиво взглянул на Бонда, потом заметил: «Это очень остроумное замечание, Джим». Он медленно повернулся к своей жене. «Ты слышала, Лиз? Это очень походит на твои слова о том, что американцы часто ведут себя по-ребячески. Помнишь?»

— О, Милт! — на лице Лиз Крэст появилось обеспокоенное выражение. Она уже поняла, чем угрожает ей такой разговор. — Почему ты заговорил об этом? Ты ведь знаешь, я сказала об этом так просто, мимоходом, когда мы говорили о разделе комиксов в американских газетах. Разумеется, я не согласна с мнением Джеймса. Да к тому же, это всего лишь шутка. Правда, Джеймс?

— Ну конечно, это шутка, — ответил Бонд, — Вроде той шутки, когда, мистер Крэст сказал, что Англия интересна лишь своими развалинами и королевой.

— Ну что ты так нервничаешь, милочка, — произнес мистер Крэст своим мягким голосом. — Конечно, это всего лишь шутка, — он помолчал. — Причем такая, шутка, которую я не забуду. Никогда не забуду.

К этому моменту, — подумал Бонд, — мистер Крэст уже выпил почти литр разных алкогольных напитков, в основном

виски. Если в ближайшее время он не отправится спать,— решил Бонд,— придется как следует ударить его в челюсть. Теперь мистер Крэст взялся за Фиделя Барби.

— Эти твои острова, Фидо... Когда я первый раз посмотрел на карту, я решил, что ее просто засидели мухи,— мистер Крэст пьяно хихикнул.— Даже попытался смахнуть эти точки рукой. Затем я прочитал кое-что о них и пришел к выводу, что моя первоначальная реакция была правильной. Да и на что эти острова годятся? Ты сам-то как считаешь, Фидо? Неужели тебе, образованному парню, интересно жить здесь, подобно бродяге? Правда, я слышал, что один из твоих родственников нажил здесь более сотни незаконнорожденных детей. Может быть, именно это и привлекает тебя, а, приятель? — мистер Крэст, мотнув головой, многозначительно подмигнул.

— Это мой дядя, Гастон,— спокойно ответил Фидель Барби.— В общем, наша семья не одобряет его поведения, не говоря уже о том, что оно нанесло изрядный урон нашему состоянию.

— Состоянию? — мистер Крэст повернулся к Бонду и снова подмигнул.— И из чего состоит оно? Из раковин?

— Ну почему же,— Фидель Барби не привык выслушивать такие грубые замечания в адрес своей семьи и выглядел смущенным.— Хотя мы действительно неплохо заработали, продавая панцири черепах и перламутр лет сто назад, когда весь мир сходил с ума из-за них. Но мы торгуем в основном копрой.

— Используя незаконнорожденных детей в качестве рабочей силы, по-видимому. Удачное решение проблемы. Хотелось бы и мне воспользоваться этим на моих предприятиях,— перед тем как мистер Крэст успел выдать очередную, как ему казалось, хохму, Бонд встал, вышел на палубу и прикрыл за собой дверь.

Через десять минут он услышал легкие шаги на палубе. Он повернулся. Это была Лиз Крэст. Она подошла к Бонду и встала рядом, держась руками за поручни.

— Я сказала, что пойду спать. Но потом решила, что найду вас и спрошу, нужно ли вам что-нибудь. Боюсь, я не очень хорошая хозяйка. Вы уверены, что предпочитаете спать на палубе?

— Да. Мне здесь нравится. Да и воздух здесь куда лучше, чем в каютах, несмотря на кондиционирование. А вы посмотрите на звезды! Я еще никогда не видел так много звезд.

— Мне нравится Пояс Ориона и Южный Крест,— подхватила миссис Крэст.— Знаете, когда я была маленькой,

мне казалось, что звезды — это дырки в небесном своде. Я думала, что мир окружен огромной черной оболочкой, за которой вселенная наполнена ярким светом. А звезды... Подумать только, какие глупые мысли приходят в голову-детям!

— Не исключено, что вы правы, — заметил Бонд. — Почему мы должны верить всему, что говорят ученые? Им хочется, чтобы все было таким скучным, чтобы в мире не осталось романтики. А где вы жили тогда?

— В Рингвуде, недалеко от Нью-Форест. Мне там очень нравилось. Надеюсь, когда-нибудь, удастся навестить место, где прошло мое детство.

— С тех пор много воды утекло. Сейчас вам покажется там очень скучно.

— Не говорите так, — миссис Крэст взяла Бонда за руку. — Вы не представляете, как мне приятно было вот так поговорить с вами. А теперь я иду спать. Спокойной ночи.

— Так, так, — раздался сзади мягкий голос. Слова звучали невнятно, но каждое из них было отделено от другого. — Подумать только! Обнимаешься с подводными слугами!

Фигура мистера Крэста отчетливо вырисовывалась в дверном проеме кают-компания. Он стоял, широко расставив ноги, держась обеими руками за притолоку над головой. В свете, падающем из кают-компания, он походил на орангутанга. Поток холодного воздуха из кают-компания хлынул на палубу. У Бонда по спине пробежали мурашки. Мистер Крэст сделал шаг вперед и закрыл за собой дверь.

Бонд повернулся к нему, измеряя взглядом расстояние до его солнечного сплетения.

— Не делайте поспешных выводов, мистер Крэст. И следите за своим языком, — произнес Бонд спокойным голосом. — Пока вам повезло. Несмотря на все, что вы болтали сегодня вечером, вас никто и пальцем не тронул. Не испытывайте своего счастья. Вы пьяны. Идите спать.

— Ого! Вы только послушайте этого наглого паренька! — лицо мистера Крэста, освещенное ярким лунным светом, медленно повернулось к жене. На нем появилась презрительная гримаса. Он достал из кармана серебряный свисток на цепочке и повертел его на пальце. — Наш мистер Бонд так ничего и не понял, верно, милочка? Ты считаешь, что эти гансы в рулевой рубке у меня так, для украшения? — его лицо снова медленно повернулось к Бонду. — Еще один шаг вперед, малыш, и я свистну — всего лишь один короткий свисток. И знаешь, что будет дальше? Наглый мистер Бонд оказывается за бортом, — он ткнул пальцем в сторону

моря, — вон там. Человек за бортом! Мы тут же принимаем все необходимые меры для спасения, даем задний ход, и случайно Бонд попадает под винты корабля! Какое несчастье! Мы все потрясены смертью этого мужественного красивого парня, который так понравился всем нам. — Мистер Крэст покачнулся, но сумел сохранить равновесие. — Понятно, Джим? Так что не будем ссориться и останемся друзьями, — он протянул руку в сторону своей жены и помаанил ее пальцем. — Пошли, милочка. Пора спать.

— Да, Милт. Иду, — широко открытые испуганные глаза женщины взглянули на Бонда. — Спокойной ночи, Джеймс, — не ожидая ответа, она нырнула под руку мистера Крэста и пробежала через кают-компанию.

— Так что не надо волноваться, малыш, — произнес мистер Крэст. — Не будем ссориться и останемся друзьями, о'кэй?

Бонд молчал, не сводя с мистера Крэста пристального взгляда.

— Вот и хорошо! — неуверенно улыбнулся мистер Крэст. Он сделал шаг назад, в кают-компанию, и закрыл за собой дверь. Через окно Бонд видел, как он прошел через кают-компанию и выключил за собой свет. Через мгновение загорелся свет в капитанской каюте и снова погас.

Бонд пожал плечами. Боже, что за человек! Он облокотился на поручень и стал смотреть на сполохи света в кильватерной струе, выбрасывая из головы все неприятности и стараясь успокоиться.

Через полчаса, приняв душ в помещении команды, Бонд раскладывал на палубе мягкие подушки, снятые им с дивана. В это мгновение ночную тишину пронзил душераздирающий женский крик. Бонд пробежал через кают-компанию, по коридору и остановился у двери капитанской каюты. За дверью слышались приглушенные рыдания и бархатный голос мистера Крэста. Бонд задумался. Какое дело ему до их отношений? Ведь это муж и жена! Если она согласна сносить все эти издевательства, эти истязания, кто такой он, Бонд, чтобы играть роль доблестного рыцаря Галахада? Бонд медленно пошел обратно. Когда он уже закрывал за собой дверь кают-компания, донесся еще один крик, но уже не такой громкий. Бонд выругался и лег на мягкие подушки. Почему у нее такой рабский характер? Или действительно женщины могут вынести все, кроме равнодушия? Сон не приходил.

Через час, когда Бонд начал засыпать, со шлюпочной палубы донесся громкий храп мистера Крэста. На пути к ост-

рову Чагрин мистер Крэст тоже улегся спать в гамаке на шлюпочной палубе, но тогда он не храпел.

Это уж слишком, подумал Бонд и посмотрел на светящийся циферблат часов. Половина второго. Бонд решил идти спать в каюту Фиделя Барби, если через десять минут храп не прекратится. Он знал, что проснется замерзший, с головной болью, но это все-таки лучше, чем пытаться уснуть под такой храп.

Минутная стрелка медленно ползла по циферблату. Прошло десять минут. Все! Он встал, взял свою рубашку и шорты. В это мгновение сверху донесся шум тяжелого падения и тут же раздался стон, за которым последовали хрипы и всхлипы задыхающегося человека. Неужели мистер Крэст упал из своего гамака? Бонд неохотно положил на палубу одежду и поднялся по лестнице на шлюпочную палубу. В тот момент, когда голова Бонда достигла уровня палубы, стоны прекратились, и тут же Бонд услышал страшный звук — торопливый стук пяток по палубе. Этот звук был хорошо знаком Бонду. Он взлетел по последним ступенькам и подбежал к фигуре, распростертой под ярким лунным светом на палубе. Медленно опустился на колени. Ужас, написанный на потемневшем от удушья лице, был достаточно красноречив, но изо рта мистера Крэста торчал не язык — это был рыбий хвост. Бонд отчетливо видел розовые и черные цвета. Это была «Уникум Хильдебранда»!

Человек умер ужасной смертью. Когда ему в рот сунули рыбу, он, должно быть, попытался вытащить ее изо рта, но шипы анального и спинного плавников вонзились в щеки, проткнули их и теперь торчали наружу вокруг покрытого пеной страшного рта. Дрожь пробежала по телу Бонда. Смерть наступила в течение минуты. Но какой ужасной была эта минута!

Бонд медленно встал, подошел к рядам стеклянных банок, где в формалине лежали приобретенные мистером Крэстом образцы, и заглянул под закрывающий их брезент. Крышка одной из банок валялась рядом на палубе. Бонд тщательно вытер ее о брезент и, осторожно держа ее кончиками пальцев, положил на горлышко банки. Затем он вернулся к труп и остановился рядом. Кто из них двоих решил на это? Была какая-то дьявольская злоба в том, что рыбку использовали как орудие убийства. Это указывало на женскую месть — у Лиз действительно были для этого все основания. Но и Фидель Барби с его горячей креольской кровью вполне мог решиться на такой шаг. Если мистер Крэст продолжал издеваться над Фиделем Барби, оскорбляя

его семью и любимые им Сейшельские острова, тот не ответил бы сразу — нет, Фидель затаил бы ненависть и дождался бы удобного момента...

Бонд оглянулся. Храп мог стать сигналом для убийцы. С нижней палубы, где располагались каюты, на шлюпочную палубу вело несколько трапов. Вахтенный, стоящий у штурвала в рубке, ничего не слышал из-за шума двигателей. Потребовалось всего несколько секунд, чтобы достать драгоценную рыбку из банки с формалином и с силой засунуть ее в приоткрытый рот спящего мистера Крэста. Бонд пожал плечами. Убийца не думал о последствиях, о судебном процессе на котором он, Джеймс Бонд, окажется в роли свидетеля. Если он не примет сейчас же срочные меры, их всех ждет масса неприятностей.

Бонд посмотрел вниз. Там протянулась узкая полоска нижней палубы шириной в три фута и поручни двухфудовой высоты. Предположим, трос гамака лопнул, мистер Крэст упал и скатился к борту. Разве он не мог потом упасть на поручни нижней палубы и рухнуть в море? Вряд ли — при такой тихой погоде. Но другого выхода не было.

Столовым ножом, принесенным из кают-компания, Бонд старательно растрепал трос гамака и затем порвал его. Теперь гамак лежал на палубе и все выглядело совершенно достоверно. Затем Бонд взял мокрую тряпку и вытер с палубы следы крови. Теперь самое неприятное — нужно избавиться от трупа. Бонд осторожно подтащил его к самому краю палубы, спустился на середину трапа, подтащил к себе труп и вскинул его на плечо. Мертвое тело обхватило его тяжелыми пьяными объятиями. Пошатываясь под безжизненной тяжестью, Бонд подошел к низким поручням и наклонился. Последний взгляд на искаженное в мучительной гримасе лицо, тошнотворный запах алкогольного перегара, всплеск — и труп исчез в кильватерной струе корабля. Бонд мгновенно прижался к двери кают-компания, готовый скрыться внутри, если рулевой услышит всплеск и захочет выяснить, что случилось. Но никто не вышел на палубу, и дизели стучали размеренно, как прежде.

Бонд вздохнул с облегчением. Лишь самый въедливый следователь сможет заподозрить что-то неладное. Скорее всего, все будет списано на несчастный случай. Бонд снова поднялся на шлюпочную палубу, еще раз осмотрелся вокруг, выбросил за борт столовый нож и тряпку, и снова спустился к своим подушкам. На часах было два пятнадцать. Через десять минут Бонд уже крепко спал.

Скорость была увеличена до двенадцати узлов, и к шести

вечера «Уэйвкрэст» уже огибал северный волнолом. Позади сверкающее небо было покрыто красными и золотыми пушистыми перьями с пятнами аквамарина. Двое мужчин и женщина стояли у поручней палубы и смотрели, как берег, отделенный от корабля гладью перламутрового моря, приближается. На Лиз Крэст было белое полотняное платье с черным поясом и черно-белым платком вокруг шеи. Цвета траура лишь подчеркивали ее красоту. Все трое молчали.

Утром, словно сговорившись, они старались не просыпаться как можно дольше. Даже Бонд спал до десяти часов, несмотря на яркое солнце. Поднявшись, он принял душ в помещении команды, поговорил с рулевым и затем снутился вниз, чтобы навестить Фиделя Барби. Тот все еще спал. Когда Бонд разбудил его, Фидель заявил, что у него с похмелья раскалывается голова и он не помнит, что было накануне. Вроде бы он нагрубил мистеру Крэсту в ответ на грубость с его стороны.

— Помнишь, что я сказал тебе с самого начала, Джеймс? Насчет того, что он сукин сын каких мало. Теперь ты согласен со мной? Придет время, и кто-нибудь решит заткнуть ему глотку.

Недостаточно убедительно. Бонд приготовил себе завтрак на камбузе и сел с ним за стол, когда в кают-компанию вошла Лиз Крэст. Она была одета в светло-синее шелковое кимоно. Под глазами у нее были темные пятна и она завтракала стоя. Однако ее поведение было совершенно спокойным и естественным.

— Я хочу попросить у вас прощения за то, что случилось вчера вечером, — сказала она голосом заговорщика. — Боюсь, что я тоже выпила лишку. Но вы, Джеймс, извините, пожалуйста, мистера Крэста. Он в общем-то очень неплохой человек. На него находит только когда он выпьет. На другое утро он жалеет о происшедшем. Вот увидите, он будет очень расстроен случившимся.

Наступило одиннадцать часов, но ни один из двоих ничем не выдал себя. Бонд пришел к выводу, что пора принимать меры. Он пристально взглянул на Лиз Крэст, лежащую на матрасе и читающую журнал.

— А где ваш муж? — спросил он. — Все еще отсыпается?

— Наверное, — она нахмурилась. — Вчера вечером он лег спать в гамаке на шлюпочной палубе. Я не помню, когда это произошло. Как только он ушел, я приняла снотворное и заснула.

Фидель Барби сидел на краю палубы, закинув в море удочку.

— Он, наверное, в рулевой рубке,— заметил Барби не оборачиваясь.

— Если мистер Крэст все еще спит на шлюпочной палубе, он может сгореть от такого жаркого солнца.

— Бедный Милт! Я даже не подумала об этом! Пойду и разбужу его.

Она поднялась по трапу и через несколько секунд сверху донесся ее тревожный возглас.

— Джим! Идите сюда. Милта нет на палубе, и его гамак порван.

— Наверно, Фидель прав,— ответил Бонд.— Поищу его в рулевой рубке.

В рубке были Фриц, помощник капитана и механик.

— Вы не видели мистера Крэста? — спросил Бонд.

— Нет, он еще не приходил в рубку. Что-нибудь случилось? — нахмурился Фриц.

Бонд постарался, чтобы его беспокойство выглядело как можно естественнее.

— Его нет на верхней палубе. Нужно найти его. И гамак порван. Вчера вечером он изрядно выпил. Да быстрее же! Ищите его повсюду!

Когда поиски закончились безрезультатно и напрасливался лишь один вывод, у Лиз Крэст произошел короткий, но убедительный приступ истерики. Бонд отвел ее в каюту и посоветовал лечь.

— Чего же теперь расстраиваться,— сказал он.— Его не вернешь. Прошло, по крайней мере, шесть часов с наступления рассвета, а он мог упасть в море лишь в темноте. После шести часов в море уже нет смысла искать человека.

Женщина посмотрела на него широко открытыми глазами.

— Вы хотите сказать — акулы и все остальное?

— Да.

— О, бедный Милт! Бедный, бедный Милт!

Бонд вышел из каюты и тихонько прикрыл за собой дверь.

Яхта обогнула Кэннон Пойнт и снизила скорость. Держась подальше от коралловых рифов, она скользила через отливающую стальным цветом поверхность залива по направлению к якорной стоянке. Бонд увидел, как от причала отошел катер с таможенниками на борту и направился навстречу. Город уже наверняка полон слухами о случившемся на яхте — содержание радиogramмы стало известно многим.

— Я нервничаю,— повернулась к Бонду Лиз Крэст.— Вы не бросите меня — поможете со всеми формальностями?

— Разумеется.

— Не стоит беспокоиться,— произнес Фидель Барби.— Все эти люди — мои друзья, а прокурор — мой дядя. От нас потребуют показания. Завтра — не позже — произойдет разбирательство. Послезавтра вы сможете отправиться в путь.

— Вы так думаете? — На ее виске появилась и скатилась вниз капелька пота.— Дело в том, что я не знаю, как поступить. Джеймс... вы не согласились бы отправиться на яхте в Момбасу? Ведь вы все равно поплывете туда, а я доставлю вас на сутки раньше, чем это рейсовое судно.

— «Кампала»,— Бонд закурил, пытаясь скрыть свою нерешительность. Четверо суток на роскошной яхте с этой прелестной женщиной! Но его воображение рисовало картину искаженного мукой лица мистера Крэста и хвост рыбы, торчащий изо рта. Так кто же убил его? Если бы только один из них как-нибудь выдал себя!

— Конечно, Лиз, я очень благодарен за приглашение. С радостью им воспользуюсь.

— Великолепно, дружище,— улыбнулся Фидель Барби.— Я тоже с удовольствием поплавал бы на этой яхте, если бы не рыба. На вас, миссис Крэст, лежит огромная ответственность. Когда станет известно о случившемся, Смитсониевский институт засыплет вас телеграммами о судьбе «Уникум Хильдебранда». Не забудьте, в ваших руках научное сокровище. Эти американцы не оставят вас, пока рыба не окажется у них в руках.

Бонд затаил дыхание, не сводя глаз с женского лица. Теперь понятно, что лишь она могла совершить это ужасное убийство. Ему придется что-нибудь придумать, чтобы отказаться от плавания на яхте. Такая страшная смерть...

Но прекрасные кроткие глаза женщины даже не моргнули. Она посмотрела в лицо Фиделя Барби и спокойно ответила: «С этим не будет никаких трудностей. Я решила подарить «Уникум Хильдебранда» Британскому музею».

Джеймс Бонд заметил, что по ее вискам текли капельки пота. Но, в конце концов, вечер был таким жарким...

Шум дизелей смолк, и якорь с грохотом упал в спокойную воду бухты.

**ТОЛЬКО
ДЛЯ ВАШЕГО
СВЕДЕНИЯ**

Колибри — самая красивая птица на Ямайке, а по мнению многих, и во всем мире. Самец колибри крупнее самки, его длина чуть больше девяти дюймов, но семь приходится на хвост — два длинных черных пера, изгибающихся и пересекающихся. У него черная голова и хохолок, крылышки темно-зеленые, длинный клюв алый, а глаза, яркие и доверчивые, — черные. Тело колибри изумрудно-зеленого цвета, настолько ослепительного, что когда на его грудь падает луч света, перед вашими глазами самое ярко-зеленое существо в природе. На Ямайке принято давать имена птицам, которых любят. Колибри прозвали здесь «птица-доктор» из-за того, что два длинных пера на хвосте напоминают длинные фалды фрака, который носили в старину врачи.

Миссис Хэвелок особенно нежно относилась к двум семьям колибри, потому что с того самого момента, как вышла замуж и приехала в Контент более двадцати пяти лет назад, наблюдала за тем, как они пьют нектар, сражаются друг с другом, строят гнезда и ласкаются. Перед ее глазами прошло уже множество поколений этих птиц. Но, как и в далеком прошлом, колибри носили имена Пирам и Тисби, Дафнис и Хлоя — так называла их и ее свекровь.

Миссис Хэвелок сидела за элегантным чайным столиком на широкой прохладной веранде и с интересом наблюдала, как Пирам, издавая сердитое «ти-ти-ти», пикировал на Дафниса, который закончил собирать нектар со своего огромного жасминового куста и норовил перебраться на соседний, принадлежащий Пираму. Две черно-зеленые крошечные кометы стремительно носились над тщательно подстриженной лужайкой, усеянной тут и там яркими кустами китайской розы и бугенвиллии, пока не исчезли среди деревьев

цитрусовых плантаций. Но скоро они вернутся назад. Эти постоянные сражения между двумя семьями были всего лишь игрой. В огромном саду было достаточно нектара для всех.

Миссис Хэвелок поставила чашку на блюдце и взяла печенье.

— Они такие ужасные хвастунишки,— сказала она вполголоса.

— Кто? — спросил полковник Хэвелок, отрывая взгляд от страницы утреннего «Дэйли Глинер».

— Пирам и Дафнис.

— А, эти,— давать птицам имена казалось полковнику несерьезным делом.— Послушай-ка. Мне кажется, что этот Кастро скоро выбросит Батисту с Кубы. Знакомый в банке «Барклиз» сказал недавно, что к ним переводят огромные суммы денег, приготовленных, по-видимому, на случай бегства. Сообщил мне, что «Белэйр» уже продан кому-то через подставных лиц. Сто пятьдесят тысяч фунтов за тысячу акров, где нет ничего, кроме истощенных коров, зараженных клещами, и дома, настолько разъеденного рыжими муравьями, что он развалится еще до Рождества! А кто-то неожиданно взял и купил этот ужасный отель в Блю Харбор. И ходят слухи, что Джимми Фаркьюхарсон нашел, наконец, покупателя для своего имения — со своими апельсиновыми рощами, зараженными бурой пятнистостью.

— Ну что ж, зато Урсула будет рада этому. Бедняжка так и не привыкла к нашему климату. Но мне не нравится, что скоро наш остров попадет в руки этих кубинцев. Послушай, Тим, откуда у них столько денег?

— Профсоюзные фонды, коррупция чиновников, рэкет — бог знает что еще. При Батисте весь остров так и кишит жуликами и гангстерами. А теперь им нужно вывезти эти деньги с Кубы и пристроить где-нибудь. Сейчас, когда наши деньги можно обменивать на доллары, Ямайка их тоже устраивает. Мне рассказали, что мужчина, купивший «Белэйр» просто вывалил деньги из чемодана на пол конторы Ашенхейма. Судя по всему, он поживет в этом имении один или два года, а потом, когда все успокоится, или когда Кастро укрепит свои позиции и проведет чистку на Кубе, он снова продаст имение — пусть с небольшим убытком — и переберется куда-нибудь еще. Жаль, что и говорить. «Белэйр» было в свое время отличным имением. И его вполне можно было восстановить, если бы кто-нибудь в их семье проявил интерес к этому.

— Да, во времена предков Билла оно занимало десять

тысяч акров. Требовалось трое суток, чтобы объехать его вокруг.

— Да Биллу на все наплевать. Бьюсь об заклад, он уже купил билеты в Лондон. Вот и еще одна старая семья покинула Ямайку. Скоро мы одни останемся. Слава богу, что Джуди здесь нравится.

— Да, милый,— успокаивающим голосом сказала миссис Хэвелок и нажала на кнопку звонка. На веранду вошла огромная черная, как смоль, негритянка Агата со старомодной повязкой на голове, уже давно вышедшей из моды на Ямайке. Вслед за ней на веранде появилась красивая молодая Фэйпринс из Порт-Мэри, которую Агата готовила себе на замену. Служанки принялись убирать посуду.

— Скоро нужно приниматься за приготовление сока, Агата,— заметила миссис Хэвелок.— Плоды гуаявы созрели в этом году необычайно рано.

По лицу Агаты не промелькнуло ни тени какого-либо выражения.

— Да, мадам,— произнесла она равнодушно.— Нам понадобится еще несколько бутылей.

— Зачем? Только в прошлом году я привезла тебе две дюжины — самых лучших, которые я отыскала в магазине у Генрикса.

— Да, мадам. Пять или шесть разбилось.

— Агата, опять! Как это произошло?

— Не знаю, мадам,— негритянка взяла со стола большой серебряной поднос с посудой и остановилась, ожидая ответа миссис Хэвелок.

Миссис Хэвелок недаром прожила столько лет на Ямайке. Она знала, что если что-нибудь разбилось или пропало, нужно примириться и не искать виновников. Поэтому она заметила:

— Ничего не поделаешь, Агата. Вот поеду. в Кингстон и привезу еще дюжину.

— Хорошо, мадам,— Агата вышла с веранды. За ней последовала молодая служанка.

Миссис Хэвелок взяла свое вышивание и принялась за работу. Ее взгляд упал на кусты. Да, оба колибри уже вернулись и расхаживали по веткам среди цветов, задорно подняв хвосты. Солнце опустилось к горизонту, и его лучи то и дело освещали крохотных птиц, перья которых всякий раз вспыхивали пронзительно зеленым пламенем. Птица-пересмешник, забравшаяся на вершину красного жасмина, принялась за свой вечерний репертуар. Квakanье древесных ля-

гушек возвестило о наступлении коротких фиолетовых сумерек.

Имение Контент — двадцать тысяч акров, раскинувшихся у подножия горы Кэндлфлай Пик, одной из самых юных вершин хребта Блу Маунтинз — Голубых Гор,— было подарено несколько веков назад семье Хэвелоков Оливером Кромвелем в награду за то, что Хэвелок поставил свою подпись под смертным приговором королю. В отличие от многих поселенцев как тех, так и более поздних времен, семья Хэвелоков вела хозяйство на своей плантации на протяжении трех веков, пережила землетрясения и ураганы, расцвет и затухание торговли сахаром, какао, цитрусовыми и копррой. В настоящее время выращивали бананы и разводили скот, и Контент было одним из самых богатых и хорошо налаженных имений на острове. Дом, который ремонтировали или перестраивали после каждого крупного урагана или землетрясения, представлял собой странное смешение стилей — двухэтажное строение на массивном каменном фундаменте с колоннами из красного дерева, к которому с обеих сторон примыкали одноэтажные пристройки с плоскими ямайскими крышами, крытыми дранкой из серебристого кедра. Полковник и миссис Хэвелок сидели на широкой веранде центрального строения. Отсюда местность плавно опускалась вниз, и за пределами сада открывался ни с чем не сравнимый вид на двадцать миль джунглей, за которыми простиралось море.

Полковник Хэвелок опустил газету.

— Мне кажется, подъехал автомобиль.

— Если опять эти отвратительные Феддены из Порт-Антонио, прошу тебя избавиться от них как можно быстрее. Я не в силах выдерживать их постоянные стенания относительно старой милой Англии. А в прошлый раз они изрядно напились, и нам пришлось есть остывший ужин,— заявила миссис Хэвелок, поднимаясь на ноги. — Пойду и скажу Агате, что у меня мигрень.

В это мгновение открылась дверь гостиной и на веранде появилась Агата. За ней по пятам следовали трое мужчин.

— Господа из Кингстона,— поспешно произнесла Агата. — Хотят видеть полковника.

Мужчина, шедший впереди остальных, прошел мимо служанки и сделал шаг на веранду. На голове у него была панама с короткими, завернутыми вверх краями. Он снял ее левой рукой и прижал к животу. Лучи заходящего солнца осветили его-волосы, обильно смазанные помадой, и улыбку, полную ослепительно белых зубов.

— Майор Гонзалес из Гаваны. Рад знакомству с вами, полковник.

Майор говорил по-английски с псевдоамериканским акцентом шофера из Кингстона. Он сделал пару шагов вперед и протянул руку.

Полковник Хэвелок встал с кресла, коснулся протянутой руки, посмотрел на спутников майора, стоящих по обеим сторонам двери. В руках у каждого из них был этот новый вещевой мешок тропиков — портплед компании «Пан-Америкэн». Они казались очень тяжелыми на вид. Остановившись, спутники майора Гонзалеса наклонились и положили тяжелые сумки на пол. На голове каждого были белые шапочки для бейсбола с длинными прозрачными козырьками, бросающими зеленые тени на их лица. Их внимательные глаза следили за каждым движением майора.

— Это мои секретари.

Полковник Хэвелок достал из кармана трубку и принялся набивать ее. Его пронизательные голубые глаза уже обратили внимание на модную одежду, щеголеватые туфли, сверкающие от маникюра ногти майора, голубые джинсы и цветастые безрукавки его спутников. Он начал думать о том, как бы пригласить их в кабинет, где в ящике его письменного стола лежал заряженный револьвер.

— Чем могу служить? — спросил полковник. Он чиркнул спичкой, раскурил трубку и через поднимающийся голубоватый дым посмотрел на лицо майора.

Майор Гонзалес развел руками. Улыбка, широкая и приветливая, не сходила с его лица. Прозрачные, почти золотистые глаза глядели дружески, с легкой насмешкой.

— У меня к вам дело, полковник. Я прибыл от одного господина в Гаване, — он небрежно махнул рукой, — очень влиятельного господина. Хорошего парня, — на лице Гонзалеса появилось выражение простоты и откровенности. — Он вам понравится, полковник, я уверен в этом. Он просил меня передать вам самые лучшие пожелания и поинтересоваться, сколько вы хотите за свое имение.

Миссис Хэвелок, наблюдавшая за происходящим с полуулыбкой на губах, встала рядом с мужем. Повернувшись к майору, она произнесла мягким голосом, стараясь не обидеть его:

— Какая жалость, майор! Подумать только, вы приехали к нам в жару, по пыльным дорогам! Почему ваш друг не написал нам сначала или не поинтересовался в Кингстоне. Видите ли, это имение принадлежит семье моего мужа вот уже триста лет, — она посмотрела на майора с извиняющей-

ся улыбкой.— Боюсь, что о продаже имения не может быть и речи. Не могу представить, откуда у вашего друга могла возникнуть такая мысль.

Майор Гонзалес сделал короткий поклон. Его приветливое, улыбающееся лицо повернулось к полковнику. Он произнес, будто не услышав слов, сказанных миссис Хэвелок:

— Мой господин узнал, что у вас одно из самых лучших имений на Ямайке. Он щедрый человек. Вы можете назвать любую цену — в разумных пределах.

— Вы слышали, что сказала миссис Хэвелок. Имение не продается, — раздался твердый голос полковника.

Майор Гонзалес рассмеялся. Это был настоящий заразительный смех. Он покачал головой, будто ему приходится объясняться с тупым недоразвитым ребенком.

— Вы не поняли меня, полковник. Мой господин хочет купить именно это имение. Никакое другое имение на Ямайке его не интересует. У него есть определенные денежные суммы, которые он хочет вложить. И вложить их он хочет на Ямайке и нигде больше.

— Я отлично понимаю вас, майор, — терпеливо произнес полковник Хэвелок. — Мне очень жаль, что вы напрасно потратили столько времени. Пока я жив, Контент не будет продан. А теперь прошу меня извинить. Мы с женой ужинаем рано, а вам предстоит дальняя дорога, — он показал левой рукой на лестницу, ведущую в сад. — Вот это самый короткий путь к вашему автомобилю. Позвольте, я провожу вас.

Полковник сделал шаг к лестнице, но увидев, что майор Гонзалес не двинулся с места, остановился. Голубые глаза полковника стали колючими, ледяными.

На этот раз улыбка майора Гонзалеса была чуть-чуть менее широкой и глаза не такими приветливыми. Но его поведение не изменилось и осталось таким же дружелюбным.

— Одну минуту, полковник, — произнес он и что-то коротко скомандовал по-испански. Полковник Хэвелок и его жена заметили, что в то мгновение, когда он отдавал приказ, улыбка исчезла с лица майора. Впервые миссис Хэвелок почувствовала что-то недоброе и прижалась к плечу мужа. Спутники майора подняли голубые сумки с пола и сделали шаг вперед. Майор Гонзалес наклонился и раскрыл застешки-молнии на обеих. Сумки были плотно набиты пачками долларов. Он выпрямился и развел руками.

— Все это — пачки банкнот по сто долларов. Все — настоящие. Здесь полмиллиона долларов. То есть в вашей в аюте примерно сто восемьдесят тысяч фунтов стерлингов.

Целое состояние. Вполне возможно, что мой господин добавит еще двадцать тысяч, чтобы сумма была круглой. В мире немало мест, где вы можете поселиться и жить на эти деньги. Мне требуется от вас всего лишь лист бумаги с вашей подписью. Остальным займутся юристы. Итак, полковник, — произнес майор с торжествующей улыбкой, — будем считать сделку завершенной и пожмем руки? Мы оставим вам деньги и вы сможете сесть за ужин.

Оба — муж и жена — смотрели теперь на майора Гонзалеса с одинаковым выражением на лицах — смесью гнева и презрения. Можно было представить, что будет говорить завтра жена полковника своим знакомым: «Такой неприятный скользкий человек. Эти пластмассовые сумки, полные грязных денег! Тимми был великолепен. Он приказал им убраться и забрать с собой эту грязь».

На лице полковника Хэвелока появилась гримаса отвращения.

— Мне показалось, майор, что я дал вам четкий и недвусмысленный ответ. Имение не продается ни за какие деньги. И я не принадлежу к числу людей, испытывающих пристрастие к американским долларам. А теперь попрошу вас покинуть мой дом, — полковник положил на стол свою погасшую трубку, будто собирался засучить рукава.

Впервые теплота и приветливость исчезли с лица майора Гонзалеса. Губы были по-прежнему широко раздвинуты, но уже не в улыбке, а в злобной гримасе. Прозрачные золотистые глаза внезапно стали холодными, цвета меди.

— Полковник, — произнес он тихо, — боюсь, что я не задал вам простой и недвусмысленный вопрос, поэтому и возникло какое-то непонимание. Мой господин дал мне определенные инструкции, сказав, что если вы отклоните его щедрое предложение, он будет вынужден принять другие меры.

Миссис Хэвелок охватил страх. Она просунула руку под руку мужа и еще теснее прижалась к его плечу. Полковник успокаивающим жестом погладил ее руку.

— Прошу вас уйти, майор. Мне больше не о чем разговаривать с вами, — произнес он сквозь стиснутые зубы. — Иначе я вызову полицию.

Майор Гонзалес медленно облизнул губы кончиком своего розового языка. Его лицо стало холодным и непроницаемым.

— Значит, имение не будет продано, пока вы живы, верно, полковник? Это ваше последнее слово? — он положил правую руку за спину и щелкнул пальцами. Правые руки

обоих мужчин скользнули через прорези в рубашках к поясам. Их взгляд был прикован к пальцам руки майора за его спиной.

Миссис Хэвелок подняла руку к губам. Полковник попытался сказать «да», но во рту у него пересохло. Он попытался сглотнуть. Нет, не может быть. Этот задрипанный кубинский мошенник блефует. Он не осмелится.

— Да, это мое последнее слово,— выговорил он наконец.

Майор Гонзалес коротко кивнул.

— В таком случае, мой господин вступит в переговоры со следующим хозяином имения — вашей дочерью.

Раздался резкий щелчок пальцев за спиной майора Гонзалеса. Он сделал шаг в сторону, открывая поле огня для своих спутников. Коричневые руки, похожие на лапки обезьян, появились из-под цветастых рубашек. Пистолеты с длинными безобразными глушителями на стволах дергались, выплевывая смерть, снова и снова — даже после того, как оба тела упали на пол.

Майор Гонзалес подошел к трупам и проверил, куда попали пули. Затем трое маленьких мужчин быстро направились через гостиную, окрашенную в светлые и розовые тона, через зал с панелями из красного дерева к элегантной двери, ведущей во двор. Там они неспеша разместились в «форде» черного цвета с ямайскими номерными знаками. Майор Гонзалес сел за руль, убийцы расположились на заднем сидении, автомобиль выехал со двора и неторопливо поехал по длинному шоссе с рядами королевских пальм по сторонам. В том месте, где шоссе соединялось с дорогой, ведущей к Порт-Антонио, со столба свисали перерезанные телефонные провода, похожие на лианы. Майор Гонзалес осторожно и умело вел машину по узкому асфальтированному шоссе, пока не выехал на широкое прибрежное шоссе. Там он резко прибавил скорость. Уже через двадцать минут после того, как стихли выстрелы, автомобиль подъехал к небольшому порту. Там Гонзалес загнал украденный автомобиль в кусты на обочине, трое мужчин вышли из машины и прошли четверть мили пешком по плохо освещенной главной улице порта к причалам. У одного из пирсов их ждал катер с работающим мотором. Они спустились в него, катер отошел от пирса, развернулся и стремительно пересек голубую спокойную воду гавани, которую одна американская поэтесса назвала самой красивой гаванью в мире. Яхта, к которой причалил катер, уже начала поднимать якорь. За кормой судна развевался звездно-полосатый флаг. Две длинные удочки,

высовывающиеся далеко за борт, служили убедительным доказательством, что на борту были туристы — из Кингстона или, возможно, из Монтего-Бэй. Трое поднялись на борт, лебедка подхватила катер и поставила его на палубу. Вокруг яхты курсировали две лодчонки с мальчишками, выпрашивающими деньги. Майор Гонзалес бросил за борт по полудолларовой монете, и в глубь нырнули обнаженные бронзовые тела. Два мощных дизеля пробудились, выплюнули синеватый дым из выхлопных труб, заревели, яхта немного осела на корму, задрала нос и направилась по недавно очищенному глубоководному каналу в открытое море. К утру она будет в Гаване. Рыбаки и портовые рабочие, собравшиеся у доков, следили за тем, как красавица яхта скрылась вдаль, и затем возобновили свой спор относительно того, кто из кинозвезд, отдыхающих на Ямайке, находился на ее борту.

На широкой террасе Контента последние лучи заходящего солнца выхватили из тени красные пятна. Одна из колибри перелетела через балюстраду и повисла в воздухе над телом миссис Хэвелок, быстро-быстро трепеща крыльями. Нет, эти яркие пятна были не для нее. Она стремительно перемахнула к огромному розовому кусту и села на ветку среди закрывающихся на ночь цветов.

Издалека донесся звук быстро приближающегося спортивного автомобиля, со скрежетом шин сделавшего резкий поворот перед въездом во двор. Если бы миссис Хэвелок была жива, она уже наморщила бы лоб, готовясь сказать: «Джуди, сколько раз я просила не делать резких поворотов. Из-под колес летит гравий на траву, и ты ведь хорошо знаешь, как камешки портят газонокосилку Джошуа».

Прошел месяц. В Лондоне октябрь начался неделей теплой и ясной погоды, настоящего бабьего лета, и через открытые окна в кабинете М. из Риджент-парка доносилось жужжание газонокосилок. На них стояли маленькие бензиновые моторчики, и Джеймс Бонд подумал о том, что самые пленительные звуки лета — усыпляющая песня старых механических газонокосилок — уже в прошлом. Может быть, современным детям треск маленьких двухтактных двигателей тоже кажется одним из самых прекрасных звуков уходящего лета. По крайней мере, запах срезанной травы остался таким же, как прежде.

У Джеймса Бонда было время для таких размышлений, потому что на этот раз М. никак не мог приступить к делу. Сначала он спросил Бонда, нет ли у него каких-нибудь неотложных дел, и тот ответил с радостной улыбкой, что таких дел у него нет. И вот теперь Джеймс Бонд с нетерпением

ждал, когда, наконец, откроется ящик Пандоры. Его заинтриговало уже то, что М. назвал его, здороваясь, по имени, а не по его номеру — 007. Это было так необычно в служебные часы. Похоже, что в этом задании будет какая-то личная просьба М. — скорее, это будет именно просьба, а не задание. К тому же Бонду казалось, что между ледяными серыми глазами М. появилась еще одна глубокая морщина, которую он раньше не замечал. И уж, конечно, для того чтобы раскурить трубку, трех минут было вполне достаточно.

М. повернулся в кресле к столу и бросил коробку спичек на его полированную поверхность. Коробка скользнула по столу к Бонду, он поймал ее и вежливо положил на середину стола. М. коротко улыбнулся. Казалось, он принял решение.

— Джеймс, вам никогда не приходило в голову, что на флоте все знают, как им поступать, кроме адмирала, командующего флотом?

Бонд нахмурился.

— Откровенно говоря, нет, — произнес он. — Но мне понятно, что вы имеете в виду. Остальным нужно всего лишь выполнять приказы. А вот адмирал несет ответственность за эти приказы. Пожалуй, это то же самое, что сказать, что самый одинокий пост в мире — это пост Верховного Главнокомандующего.

М. вынул трубку из рта и утвердительно кивнул.

— Пожалуй. Кому-то нужно принимать решения. Если посылаешь недоуменную радиограмму в Адмиралтейство, запрашивая конкретные указания, тебе место не в море, а на берегу. Верующие ловчат — пытаются возложить ответственность на Него, — в глазах М. проскользнула нерешительность. — Иногда я пробовал поступить точно так же на нашей Службе, но Он всегда давал обратный пас — предлагал мне принимать решения самому. В конце концов, если говорить честно, так и должно быть, однако иногда бывает нелегко. Дело в том, что мало кому удается сохранить твердость после сорока. Слишком много ударов наносила им жизнь — неприятности, трагедии, болезни. И вот твоя прежняя решительность исчезает, — М. посмотрел Бонду прямо в глаза. — А каков коэффициент решительности у вас, Джеймс? Ведь вам еще далеко до опасного возраста.

Бонд не любил вопросы личного плана. Он не знал, как отвечать на них, не имел представления, где лежит правда. У него не было семьи — ему не пришлось пережить трагедии личной утраты. Ему ни разу не приходилось переживать угрозы слепоты или смертельной болезни. Бонд не имел ни малейшего представления, как он будет реагировать на

вещи, которые требуют такой твердости, какой от него еще не требовалось.

— Думаю, что смогу выдержать многое, если это выпадет на мою долю и если буду считать, что этого требует справедливость,— нерешительно начал он, затем продолжил, чувствуя неловкость из-за того, что ему снова приходится перекладывать ответственность на М.— Разумеется, трудно сказать, что справедливо, а что — нет. Я исхожу из того, что когда наша Служба поручает мне грязное дело, это делается для общего блага.

— Черт побери,— нетерпеливо прервал его М.— Именно этого я и пытаюсь избежать. Ведь вы полагаетесь на меня. Не хотите принять на себя никакой ответственности,— он ткнул себе в грудь черенком трубки.— Мне приходится решать за всех вас — хорошо это или плохо,— постепенно гнев угасал в его глазах. Суровый рот исказился в грустной усмешке.

— Ничего не поделаешь,— сказал он мрачно,— ведь мне платят за это. Кто-то должен быть машинистом на этом проклятом поезде,— М. сунул мундштук в рот и глубоко затянулся, пытаясь восстановить спокойствие.

Теперь Бонду было жалко его. Он еще ни разу не слышал, чтобы М. употреблял такое резкое слово, как «проклятый». Да и никогда раньше М. не выказывал признаков того, что ощущает тяжесть бремени, лежащего у него на плечах, с того самого дня, когда отказался от перспективы стать Пятым Лордом Адмиралтейства и принял на себя руководство Секретной Службой. Ясно, что перед М. встала нелегкая проблема. «Интересно, в чем она состоит»,— подумал Бонд. Она не связана с опасностью. Если М. уверен, что дело осуществимо, он может пойти на какой угодно риск, в какой угодно части мира. Эта проблема не может быть и политической. М. никогда не интересовало мнение министров, и он, не задумываясь, обходил их и обращался непосредственно к премьер-министру, если ему требовалось решить особенно сложный вопрос. Скорее всего, это проблема личного характера.

— Может быть, сэр, вам требуется моя помощь? — спросил Бонд.

М. бросил на Бонда быстрый задумчивый взгляд и повернул кресло так, что смотрел теперь через окно на высокие кучевые облака. Затем он внезапно спросил:

— Вы помните обстоятельства убийства Хэвелоков?

— Лишь то, что было в газетах, сэр. Пожилая пара на Ямайке. Однажды вечером дочь вернулась домой и нашла

их, лежащих на полу, изрешеченных пулями. Говорили о гангстерах с Кубы. Служанка рассказала, что приезжали трое мужчин в автомобиле. По ее мнению, это были кубинцы. Потом выяснилось, что автомобиль был украден за несколько часов до этого. Вечером того же дня из местной гавани отплыла яхта. Насколько я припоминаю, полиция зашла в тупик. Никаких следов. Вот и все, сэр. Шифровок не поступало.

— Вы не могли видеть их, Джеймс,— угрюмо проворчал М.— Они направлялись лично мне. К тому же к нам не обращались за помощью при расследовании. Дело, однако, в том...— М. откашлялся, использование ресурсов Секретной Службы для личных целей всегда претило ему.— Я был знаком с Хэвелоками. Даже был шафером у них на свадьбе на Мальте.

— Понятно, сэр. Наверное, это было для вас большим ударом.

— Прекрасные люди. Ну так вот, я попросил начальника нашей службы в Карибском районе выяснить обстоятельства. Его люди сунулись к Батисте и ничего не добились от него. Тогда они обратились к разведке Кастро. Между прочим, его разведчики имеют немало агентов среди людей Батисты. И пару недель тому назад я получил полную информацию. Если говорить вкратце, то убили полковника Хэвелока и миссис Хэвелок по приказу некоего Хаммерштейна, или фон Хаммерштейна, как он себя называет. В этих банановых республиках окопалось немало нацистов, улизнувших из Германии после поражения Гитлера. Этот фон Хаммерштейн — бывший гестаповец. У Батисты он служил начальником контрразведки. Награбил кучу денег, занимаясь рэкетом. У него было уже более чем достаточно, когда партизаны Кастро начали теснить Батисту. Хаммерштейн был одним из тех, кто первым прочел надпись на стене. Он взял в долю своего помощника, майора Гонзалеса, и тот принялся разъезжать по островам Карибского архипелага в сопровождении пары гангстеров. Хаммерштейн поручил Гонзалесу пристроить деньги за пределами Кубы. Гонзалес действовал очень просто: выбирал самые лучшие места вложения капитала, но зато и платил за них очень щедро. Если владельцы не соблазнялись деньгами, он прибегал к насилию — похищал ребенка, сжигал дом или посеы — в общем, делал все, чтобы заставить владельцев образумиться. Хаммерштейн узнал про имение Хэвелоков — одно из лучших на Ямайке — и поручил Гонзалесу купить его. Мне кажется, что он приказал Гонзалесу постараться убедить полковника Хэвелока

продать имение, но если тот откажется, то убить его и взяться за обработку дочери. Я не говорил раньше, что у них есть дочь. Сейчас ей должно быть, лет двадцать пять. Я сам никогда не встречался с ней. Как бы то ни было, произошло следующее. Майор Гонзалес со своими гангстерами убил Хэвелоков. А две недели назад Батиста узнал, по-видимому, о том, что Хаммерштейн готовится улизнуть и вкладывает свои капиталы, и выгнал его. Хаммерштейн уехал с Кубы и взял с собой Гонзалеса с двумя охранниками. Должен сказать, что Хаммерштейн сумел убраться с Кубы очень своевременно. Мне кажется, что режим Батисты рухнет уже этой зимой, и власть перейдет к людям Кастро.

— И куда же уехал Хаммерштейн со своими телохранителями? — поинтересовался Бонд.

— В Америку. На север штата Вермонт, недалеко от канадской границы. Люди вроде Хаммерштейна любят жить рядом с границами. Там он снял у какого-то миллионера имение на озере Эхо — Эко-Лейк. На аэрофотоснимках выглядит очень живописно: в долине между горами, а рядом это маленькое озеро. Хаммерштейн сделал отличный выбор — там никто не будет его беспокоить. Уединенное место.

— Как вам удалось разузнать все это, сэр?

— Я послал копию этого дела Эдгару Гуверу. Он слышал о Хаммерштейне. Гувер интересовался Гаваной с того момента, когда американские гангстерские синдикаты начали размещать на Кубе свои капиталы — казино, отели и тому подобное. Гувер сообщил мне, что Хаммерштейн со своей командой приехал в Соединенные Штаты по туристским визам, выданным на шесть месяцев. Обещал оказать мне всяческую помощь. Поинтересовался, достаточно ли у меня доказательств, чтобы привлечь Хаммерштейна к суду за убийство. Сказал, что готов выдать их Ямайке, если я смогу предъявить обвинения. Я обсудил это с Генеральным прокурором, и он сказал, что если нам не удастся отыскать свидетелей среди людей Батисты, то это безнадежное дело. Свидетелей нам не найти, это уж как пить дать. Ведь даже то, что нам известно, попало к нам из лагеря Кастро. Тогда Гувер предложил аннулировать их визы и выслать из страны. Я поблагодарил его и попросил не делать этого. Вот и все.

Воцарилось молчание. Трубка у М. погасла, и он зажег ее снова.

— Тогда я решил поговорить со своими знакомыми в Канадской Конной полиции, — снова заговорил он. — Я по-

звонил верховному комиссару полиции по ВЧ. У нас с ним отличные отношения. Он никогда мне не отказывает. Комиссар поручил одному из самолетов, ведущих наблюдение за границей немного свернуть с курса и провести аэрофотосъемку района озера Эхо. Материалы здесь. Комиссар передал, что готов оказать любую помощь, которая может потребоваться. И вот теперь,— М. повернул свое кресло обратно к столу,— я должен принять решение, что делать дальше.

Так вот в чем дело! Теперь понятно, почему М. раздражают сомнения! Ведь речь шла о друзьях. Здесь был замешан личный интерес, поэтому М. взял на себя всю предварительную подготовку. А теперь наступил момент, когда должно свершиться правосудие. Но М. не мог, по-видимому, решить: правосудие это или возмездие? Ведь ни один судья не согласится вести дело, если он был лично знаком с убитым. М. хочет, чтобы кто-нибудь другой, например, он, Джеймс Бонд, принял окончательное решение. У Бонда не было никаких сомнений. Он не был знаком с семьей Хэвелоков. По приказу Хаммерштейна с двумя пожилыми людьми поступили в соответствии с законом джунглей, с двумя беззащитными стариками. Поскольку Хаммерштейна нельзя привлечь к суду, с ним тоже нужно поступить в соответствии с законом джунглей. Другого выхода не было. Если это было возмездие, то возмездие человеческого общества.

— Я не колебался бы ни минуты, сэр,— сказал Джеймс Бонд.— Если гангстеры, подобно Хаммерштейну, решат, что могут грабить и убивать, оставаясь безнаказанными, они придут к выводу, что англичане слабый народ. Здесь должна восторжествовать месть — око за око.

М. не сводил глаз с Бонда, но молчал.

— Их нельзя повесить, сэр,— продолжал Бонд.— Значит, их нужно убить.

Глаза М. стали внезапно какими-то пустыми, словно он смотрел не на Джеймса Бонда, а внутрь, себе в душу. Затем он медленно протянул руку к левому верхнему ящику своего стола и достал оттуда тонкую папку, на обложке которой не было никаких пометок, не было даже обычной красной звездочки, означающей, что материал внутри имеет гриф «Секретно». Он положил рядом штамп и подушечку для печати, тиснул штампом по подушечке, поднес его к верхнему правому углу папки, и на серой поверхности появился штамп.

Затем М. тщательно уложил штамп и подушечку в ящик письменного стола и запер его, развернул папку и медленно пододвинул ее к Бонду.

На папке стоял штамп красными готическими еще влажными буквами, который Бонду еще не приходилось видеть: «ЛИЧНО. СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО».

Бонд молча встал, взял папку и вышел из кабинета.

Два дня спустя Джеймс Бонд вылетел на «Комете» в Монреаль. Ему не слишком нравились новые самолеты. Они летали слишком высоко и слишком быстро. То ли дело полет в «Стратокрузере» несколько лет назад — старый комфортабельный самолет, перелетавший Атлантику за десять часов. Там можно было удобно расположиться, мирно поужинать, поспать семь часов на мягкой койке, да еще оставалось время, чтобы встать, умыться и съесть старомодный «деревенский» завтрак, по традиции предоставляемый компанией «Бритиш Эйруэйз». Затем ослепительный свет наступающего дня заливал салон, давая понять, что вы уже в Западном полушарии. Теперь все переменялось. Стюардессам приходилось чуть ли не бегать, чтобы успеть обслужить всех пассажиров. После ужина едва хватало времени, чтобы вздремнуть пару часов перед утомительным спуском с высоты в сорок тысяч футов. Всего через восемь часов после вылета из Лондона Джеймс Бонд уже сидел в автомобиле, взятом в компании «Херц», и ехал по широкому шоссе № 17 от Монреаля к Оттаве, все время напоминая себе, что здесь нужно ехать по правой стороне.

Штаб-квартира Королевской Канадской Конной полиции размещалась в здании Министерства юстиции недалеко от Парламента в Оттаве. Подобно большинству правительственных зданий в Канаде, здание Министерства юстиции представляло собой массивное кирпичное строение, преследующее две цели: оно выглядело весьма впечатляюще и было способно противостоять длинной и суровой зиме.

Перед вылетом из Лондона Бонду было сказано сообщить дежурному офицеру, что ему нужно встретиться с комиссаром полиции, и назваться «мистером Джеймсом». Бонд так и поступил. Молодой румяный капрал, выглядевший так, будто львиную долю времени проводит на свежем воздухе, поднялся с ним на третий этаж и перепоручил сержанту, сидящему в огромной светлой приемной, где работали еще две машинистки. Затем сержант нажал кнопку интеркома и что-то сказал, повернулся к Бонду и попросил подождать десять минут. Бонд расположился в удобном тяжелом кресле и провел время, читая вербовочную брошюру, из которой вытекало, что служба в Канадской Конной полиции — нечто среднее между ковбоем, Диком Трейси и «Роз-Мари».

Наконец, его пригласили в огромный кабинет. Стоявший

у окна высокий мужчина в темно-синем костюме повернулся и подошел к нему.

— Мистер Джеймс? — спросил он, улыбаясь. — Я полковник, ну, скажем, полковник Джоунз.

Они обменялись рукопожатиями.

— Проходите и садитесь. Комиссар просил извинить: у него неожиданно обнаружилась простуда — знаете, одна из дипломатических простуд, — полковник Джоунз иронически засмеялся. — Поэтому он решил, что лучше денек отдохнуть. Мне поручено оказать вам всяческую помощь. Мне самому приходилось бывать в тех местах на охоте, так что окажу вам содействие в организации вашего отдыха. Надеюсь, вы понимаете меня? — полковник многозначительно посмотрел на Джеймса Бонда. — Заниматься вами буду я, и только я.

Бонд не мог удержаться от улыбки. Комиссар готов помочь, но дело-то достаточно опасное, поэтому он решил остаться в стороне. В этом случае никто не может обвинить Канадскую Конную полицию в чем-то незаконном. Бонд подумал, что комиссар, судя по всему, весьма разумный и осторожный человек.

— Да, мне все ясно, — ответил он. — Мои друзья в Лондоне передали мне, чтобы я не беспокоил самого комиссара. И вообще, должен сказать, я не видел ни комиссара, ни его подчиненных. Более того, я даже не был около штаб-квартиры Канадской Конной полиции. А теперь нельзя ли поговорить на простом человеческом языке — просто между нами?

— Ну разумеется, — рассмеялся полковник Джоунз. — Мне поручили сделать это маленькое вступление и перейти к делу. Вы понимаете, капитан третьего ранга, что мы с вами собираемся совершить целый ряд незаконных актов, начиная с получения обманным порядком канадской охотничьей лицензии, нарушения границы и кончая по-настоящему серьезными преступлениями? Мне бы не хотелось, чтобы об этом стало известно кому-нибудь еще, кроме нас двоих. Согласны?

— Мои друзья дали мне это понять. После того, как я выйду из этой двери, мы забудем о нашей встрече, и если я окажусь в американской тюрьме, это мое личное дело. Итак?

Полковник Джоунз выдвинул ящик стола, извлек оттуда толстую папку и раскрыл ее. Наверху лежал список. Он поднес карандаш к первому пункту и взглянул на Бонда. Его внимательный взгляд пробежал по строгому костюму английского разведчика.

— Прежде всего,— сказал полковник,— одежда,— он вынул из папки лист бумаги и передал его Бонду.

— Здесь перечисляется все, что может вам понадобиться. Вот вам вдрызг аптеки. Там вы купите экстракт ореховой настойки. Возьмите сразу галлон и примите ванну в его растворе. А вот адрес большого магазина, продающего подержанную одежду. Ничего примечательного, ничего бросающегося в глаза — рубашка цвета хаки, темно-коричневые джинсы, удобные охотничьи сапоги или ботинки. Проверьте, чтобы они были посвободнее, но не слишком. В это время года в лесу масса коричневых и желтых красок, так что одежда такого цвета подойдет вам лучше всего. Ведь не собираетесь вы, в самом деле, вырядиться в маскировочную одежду десантника? Если вас задержат, объясните, что вы — англичанин, отправились поохотиться в канадских лесах, заблудились и случайно пересекли границу. Дальше. Винтовка. Пока вы ждали в приемной, я уже спустился к вашей машине и положил ее в багажник. Это отличный «Сэвидж» калибра 6,5 мм, пять патронов в обойме и еще двадцать патронов большой мощности. Самое легкое и одновременно обладающее огромной убойной силой оружие. Весит всего шесть с половиной фунтов. Я взял ее у одного из друзей. Если вам удастся вернуть ее, он будет доволен, но не расстраивайтесь, если придется бросить винтовку. Она пристреляна до 500 ярдов с оптическим прицелом шестикратного увеличения. Вот разрешение на нее, выданное полицией на ваше настоящее имя — если у вас вдруг проверят паспорт. Лицензия на охоту, но только на мелких хищников, потому что сезон охоты на оленей еще не наступил. Далее водительское удостоверение — оно заменит временное, которое вы получили в компании «Херц». Рюкзак, компас — все подержанное, уже в багажнике. Да, между прочим,— полковник Джоунз оторвал глаза от списка,— у вас есть с собой личное оружие?

— Да. «Вальтер РРК», калибр 7,62.

— Отлично, продиктуйте мне номер. Я приготовил уже подписанное, но незаполненное разрешение на ношение пистолета. Легенда у меня тоже готова.

Бонд достал из-под пиджака пистолет и продиктовал номер. Полковник Джоунз заполнил разрешение и передал его Бонду.

— Переходим к картам. Вот местная карта, выпущенная компанией «Эссо». Она достаточно надежная,— полковник Джоунз взял карту, обошел стол и развернул ее перед Бондом.

— Смотрите. Вы едете по шоссе № 17 в направлении Монреаля, переезжаете через мост в Сент-Анне, сворачиваете на шоссе № 37, затем вдоль реки, вот здесь через реку и по шоссе № 7. По нему вы едете до реки Пайк. В Стэнбридже выезжаете на шоссе № 52, далее следуете к Фрелигсбургу. Там оставите машину в гараже. Всюду отличные дороги. На все у вас уйдет не больше пяти часов, включая остановки. Ясно? А вот теперь вам нужно рассчитать время выезда так, чтобы приехать во Фрелигсбург примерно в три утра. Механик в гараже будет уже сонный, как муха, к этому времени, и вы сможете достать из багажника снаряжение и отправиться в путь, причем он не заметит, если перед ним будет даже китаец с двумя головами.

Полковник Джоунз вернулся к своему креслу и достал из папки еще два листа. На первом был карандашный набросок местности, второй — аэрофотоснимок.

— Наконец, самое важное, — произнес он, глядя на Бонда серьезным взглядом. — Это те две штуки, которые ни в коем случае не должны попасть в руки кому-нибудь еще. Прошу вас уничтожить их, как только нужда в них исчезнет, или в случае, если возникнет какая-нибудь опасность. Вот это, — он передал Бонду карандашный набросок, — карта старой тропинки, которой пользовались контрабандисты в период запрещения торговли спиртными напитками. С тех пор ею не пользовались, иначе я не рекомендовал бы вам ее, — полковник Джоунз нахмурился. — Не исключено, что вам могут встретиться на ней весьма опасные типы, идущие в противоположном направлении; такие сначала стреляют, даже не задают вопросов, — бандиты, наркоманы, беглые преступники, — но теперь они обычно пересекают границу на самолете. По этой тропинке носили спиртное из Фрелигсбурга во Франклин, через линию Дерби. Итак, вы идете по этой тропинке, пересекаете предгорья, обходите Франклин, и вот здесь начинаются Зеленые горы. Там, в Вермонте, растут ели, сосны, встречаются клены — в этих лесах можно бродить месяцами и никого не встретить. Итак, следуете по этой тропинке, пересекаете пару шоссе-ных дорог — справа от вас останется Эносбург Фоллис. Спускаетесь по крутому склону и оказываетесь в верхней части долины, куда вы и направляетесь. Озеро Эхо помечено крестом, и лучше, судя по фотографиям, спуститься в долину с востока. Все понятно?

— Сколько мне нужно будет пройти? Миль десять?

— Десять с половиной. Если вы не заблудитесь, то на дорогу от Фрелигсбурга потребуется около трех часов, так что часов в шесть утра вы подойдете к озеру Эхо, и у вас

будет полчаса, может быть, час на то, чтобы сориентироваться и выбрать наилучший путь подхода к имению, — полковник передал Джеймсу Бонду квадратный аэрофотоснимок. Это была увеличенная центральная часть снимка, который он видел в Лондоне. Отчетливо виднелся длинный ряд хорошо сохранившихся зданий, построенных из местного камня. Крыши были черепичными, виднелись элегантные эркеры главного здания и патио под крышей. К главному входу вела проселочная дорога, на другой ее стороне были расположены гаражи и что-то вроде псарни. На той стороне дома, которая выходила в сад, виднелась выложенная плитками терраса с цветочными клумбами по краям и дальше, до самого края маленького озера, простиралось два или три акра аккуратно подстриженной лужайки. Само озеро было, судя по всему, искусственным — с одной его стороны была видна высокая каменная плотина. В том месте, где плотина соединялась с берегом, стояла садовая мебель из изящно изогнутого кованого железа, трамплин для прыжков в воду и лестница, ведущая из озера на берег. Сразу за озером сплошной стеной поднимались деревья. Полковник советовал приблизиться именно с этой стороны. На фотографии не было видно людей, но перед патио стояли алюминиевые столы, стулья и шезлонги, а в центре находился большой стол со стеклянным верхом, на котором стояли бутылки и стаканы. С большой фотографии, показанной ему в Лондоне, Бонд помнил, что в саду расположен теннисный корт, а на другой стороне дороги — аккуратные белые изгороди и пасущиеся лошади племенной фермы. Эко-Лейк выглядело именно так, как и должно было бы выглядеть, роскошное уединенное имение миллионера среди гор и лесов вдали от крупных городов. Здесь можно было отдохнуть вдали от центров цивилизации, перезарядить свои батареи, расслабиться. Имение представляло собой идеальное убежище для человека, который провел десять бурных лет в центре Карибской политики и нуждался в перемене обстановки. Кроме того, в озере было очень удобно смывать окровавленные руки.

Полковник Джоунз закрыл пустую теперь папку, порвал на мелкие клочки список и бросил их в мусорную корзину, затем встал из-за стола. Джеймс Бонд последовал его примеру. Полковник проводил англичанина до двери и крепко пожал ему руку.

— Пожалуй, это все, — сказал он. — Я дорого бы отдал, чтобы отправиться с вами на эту прогулку. Это напоминает мне время, когда приходилось снимать немецких часовых из

снайперской винтовки. В конце войны. Я был тогда в Восьмом корпусе под командой Монтгомери, в Арденнах. Между прочим, там очень похожая местность, только деревья другие. Но вы понимаете, что значит быть клерком в полиции. Масса бумаг, стараешься не наделать глупостей и ждешь, когда придет время уходить на пенсию. Ну что же, желаю вам успеха. О результатах — какими бы они ни были — узнаю из газет.

Бонд ответил на рукопожатие. И тут ему пришла в голову мысль.

— Последний вопрос, — сказал он. — У «Сэвиджа» легкий спуск или тугой? У меня не будет возможности проверить заранее, а когда появится цель, будет уже слишком поздно.

— Спуск очень легкий. Не касайтесь спускового крючка, пока не прицелитесь. И не приближайтесь ближе чем на триста ярдов. Мне кажется, что эти парни тоже отличные стрелки, — он протянул руку к двери, другой обнял Бонда за плечи. — У нашего комиссара есть поговорка: «Не посылай людей туда, куда можно послать пулю». Помните это, капитан. Ну, прощайте.

Бонд провел ночь и почти весь следующий день в мотеле «Коузи» на окраине Монреаля. Он заплатил за трое суток вперед. Бонд тщательно проверил купленное им снаряжение и весь день проходил в сапогах с резиновой подошвой, которые он нашел в Оттаве. Он купил также таблетки глюкозы, копченую ветчину и хлеб и приготовил несколько сэндвичей. Кроме того, он купил большую алюминиевую фляжку и наполнил ее на три четверти американским виски и на одну четверть крепким кофе. Когда стемнело, он поужинал, немного поспал, затем развел в ванне ореховый экстракт и окунулся в него; после ванны он походил на краснокожего индейца с серо-голубыми глазами. Перед наступлением полуночи он осторожно вышел из своего бунгало, сел в машину и поехал на юг, к американской границе и Фрелигсбургу.

Механик в ночном гараже оказался совсем не таким сонней, как представлял себе полковник Джоунз.

— Собираетесь на охоту, мистер?

В Северной Америке можно вполне обойтись при разговоре односложными замечаниями вроде «да», «нет», «угу», произносимыми разным тоном голоса, покачиванием головы и кивками.

Бонд, перекидывая через плечо ремень винтовки, буркнул: «Угу».

— Приятель видел отличного бобра у Хайгейт Спрингс прошлой субботой.

— Вот как? — равнодушно заметил Бонд, заплатил за двое суток и вышел из гаража. Он пересек город, вышел на противоположную его окраину, прошел вдоль шоссе около ста ярдов и тут же увидел проселочную дорогу, уходящую направо в лес. Примерно через час дорога начала сужаться и уперлась в полуразвалившийся дом фермера. Собака на цепи подняла отчаянный лай, но в доме не загорелся свет. Бонд обошел его и сразу нашел тропинку, начинающуюся у ручья. По тропинке ему нужно было пройти три мили. Он ускорил шаги, чтобы побыстрее уйти от собаки.

Когда лай замер вдали, вокруг наступила тишина, глубокая бархатная тишина. Ночь была теплой; в безоблачном небе висела полная желтая луна, и через густой хвойный лес пробивалось достаточно лунного света, чтобы Бонд мог без труда идти по тропинке. Упругие подошвы сапог оказались очень удобными для ходьбы, скоро у него открылось второе дыхание, и он понял, что двигается к цели достаточно быстро. Часа в четыре утра лесные заросли начали редеть, скоро исчезли совсем, и он уже шел открытым полем. Справа от него виднелись рассыпанные огни Франклина. Он пересек асфальтированное шоссе, тропинка стала пошире, он снова вошел в лес. Один раз Бонд заметил в стороне стальной отблеск воды большого озера. Скоро он пересек черные «реки» американских шоссе-ных дорог № 108 и № 120. На этом шоссе он увидел столбик с надписью: «ЭНОСБУРГ ФОЛЛС—1 миль». Перед ним был последний этап — узенькая охотничья тропка, все время поднимающаяся вверх. Отойдя подальше от шоссе, Бонд остановился поменять местами рюкзак и винтовку, перекурил и сжег сделанную от руки карту. Небо на востоке уже начало светлеть, и в лесу раздавались утренние шумы — резкий траурный крик какой-то птицы и шорох маленьких животных. Бонд мысленно представил себе дом глубоко в долине на противоположной стороне горы, на которую он начнет сейчас подниматься. Мысленным взором он увидел закрытые занавесками окна, измятые сном лица четырех мужчин, росу на лужайке и неподвижную серо-стальную поверхность маленького озера. А здесь, на другом склоне горы, сквозь лесную чащу пробивается их палач. Бонд выбросил из головы мрачную картину, вмял окурочек своей сигареты во влажную землю каблуком сапога и отправился в путь.

«Это гора или холм? Начиная с какой высоты холм превращается в гору?.. Почему ничего не изготавливают из серебряной коры берез? Она кажется такой ценной и нужной... Устричный соус и бурундуки — самые знаменитые вещи в

Америке... Когда наступает вечер, темнота не опускается, наоборот, она поднимается. Если забраться на горную вершину и следить, как солнце исчезает за соседним пиком, видно, как из долины начинает подниматься темнота... Исчезнет ли когда-нибудь у птиц страх перед человеком? Наверное, прошли уже века с тех пор, как человек убивает птиц в этих лесах, и все-таки они боятся людей... Кем был Этан Аллен, командовавший «Парнями Зеленых гор из Вермонта»? Сейчас в американских мотелях рекламируют мебель Этана Аллена. Он что, делал мебель?.. У солдатских сапог должна быть резиновая подошва, как у тех, которые сейчас у него на ногах...»

Эти и другие обрывки мыслей роились у Бонда в голове, когда он поднимался вверх по крутому склону, упрямо стараясь забыть о четырех лицах, спящих на белых подушках.

Плоская вершина горы поросла деревьями, и Бонду не была видна раскинувшаяся далеко внизу долина. Он немного отдохнул, выбрал развесистый дуб, взобрался на него и устроился поудобнее на толстой ветке. Теперь все было перед ним как на ладони: бескрайняя панорама Зеленых гор, уходящая вдаль, на востоке золотой шар солнца начинал подниматься из-за горизонта во всей своей мощи, а двумя тысячами футов ниже, за длинным пологим склоном верхушек деревьев, разорванным здесь и там широкими лесными полянами, через легкую дымку утреннего тумана было видно озеро, лужайки и дом.

Бонд улегся на ветку и начал следить за тем, как бледный ранний свет солнца пробивается в долину. Прошло не меньше четверти часа, прежде чем он достиг озера, а затем вдруг внезапно залил сверкающую росой лужайку и черепичные крыши строений. Туман над озером быстро растаял, и долина, будто вымытая, яркая и свежая, раскинулась перед ним подобно пустой сцене.

Бонд достал из кармана оптический прицел и тщательно, дюйм за дюймом, осмотрел местность внизу. Потом он прикинул крутизну склона и оценил расстояния. От края поляны, где должно находиться его укрытие (если только он не решит пробраться к полосе деревьев на самом берегу озера), примерно пятьсот ярдов до террасы и патио и меньше трехсот до трамплина и края озера. Чем занимаются живущие в доме? Как они проводят время? Может быть, купаются? Сейчас еще тепло. Ладно, еще целый день впереди. Если к вечеру они не спустятся к озеру, придется рискнуть и стрелять с расстояния в пятьсот ярдов. Однако, стреляя из незнакомой винтовки, нельзя быть уверенным в успехе. Мо-

жет быть, прямо сейчас попробовать пробраться к дальней полоске деревьев? Впереди широкая поляна, ярдов пятьсот шириной. Да, пожалуй, лучше всего проползти через открытое пространство еще до того, как проснулись обитатели. Интересно, когда они просыпаются?

Как будто отвечая на этот последний вопрос, белая штора взлетела в одном из окон. Бонд отчетливо слышал, как щелкнула пружина. Ну, конечно! Озеро Эхо! А что, проносится ли так же свободно звук и в противоположную сторону? Нужно ли ему остерегаться наступать на хрупкие сучки? Нет, наверно. Звуки в долине отражаются вверх от поверхности озера. И все-таки следует быть настороже.

Тонкая струйка дыма начала подниматься из трубы на левой стороне дома. В голове мелькнула мысль о ветчине, яичнице и горячем кофе, которые будут сейчас готовиться в кухне. Бонд осторожно соскользнул с дуба на землю. Ему надо немного поесть, выкурить последнюю сигарету и отправиться на огневой рубеж.

Хлеб застревал в горле. Бонд чувствовал, как растет напряжение. Он уже видел себя лежащим с винтовкой в руках, слышал глухой кашель «Сэвиджа». Вот из ствола вылетает черная пуля, медленно, подобно пчеле, летит через долину к пятну розовой кожи. Когда она ударяет в кожу, раздается легкий шлепок. Кожа прогибается, расступается и затем снова закрывается, оставляя маленькое отверстие с разорванными краями. Пуля не спеша пробивает себе дорогу к бьющемуся сердцу — ткани тела, мышцы, кровяные сосуды послушно расступаются, открывая ей путь. Кто этот человек, которого он должен убить? Что сделал этот человек ему, Джеймсу Бонду? Он задумчиво посмотрел на свой указательный палец, который скоро нажмет на спусковой крючок. Он несколько раз согнул его, почти чувствуя холодную поверхность металла. Почти автоматически левая рука потянулась к фляжке. Он отвернул крышку и поднес фляжку к губам. Смесь крепкого кофе и виски загла у него в горле маленький огонь. Бонд убрал фляжку и подождал, когда огонь достигнет желудка. Затем встал, потянулся, зевнул, поднял винтовку, прислоненную к стволу дуба, и перекинул ружейный ремень через плечо. Внимательно огляделся, замечая место, чтобы вернуться к нему на обратном пути из долины, и начал медленно спускаться по склону.

Теперь уже перед ним не было тропинки, и Бонду приходилось осторожно пробираться среди деревьев, стараясь не наступать на сухие ветки. Деревья здесь были разных пород. Среди елей, сосен и серебристых берез попадались дубы,

буки, платаны, здесь и там виднелся пылающий бенгальский огонь кленов в их осеннем наряде. Бонд спускался по склону, его шаги беззвучно тонули в опавших листьях и камнях, покрытых толстым слоем мха; и все-таки лес почувствовал его присутствие, и эта новость начала быстро распространяться среди лесных обитателей. Крупная лань в сопровождении двух оленят — прямо из «Бэмби!» — заметила его и убежала, с шумом пробираясь сквозь заросли молодых деревьев. Дятел в своем ослепительном оперении с ярко-красной головой летел впереди Бонда и резко кричал всякий раз, когда Бонд подходил близко. То и дело попадались бурндуки, стоявшие на задних лапках, вытянув любопытные мордочки и оскалив зубы, будто старались поймать его запах. Почувствовав приближение человека, они кидались к своим норкам, наполняя лес испуганными криками. Бонду хотелось, чтобы лесные жители не боялись его, чтобы они поняли — винтовка, перекинутая через его плечо, предназначена не для них. Он боялся, что когда подойдет к опушке, то увидит на лужайке перед домом человека с биноклем, разбуженного криками испуганных птиц, летающих над вершинами деревьев.

Но когда Бонд остановился за последним огромным дубом и осторожно посмотрел через широкий луг на полоску деревьев, озеро и дом, все оставалось как прежде. Все остальные шторы были еще опущены, и лишь из трубы поднималась тонкая струйка дыма.

Было уже восемь утра. Бонд окинул отдаленные деревья внимательным взглядом, стараясь найти наиболее удобное, и сразу увидел огромный клен, выделяющийся бурными, желтыми и красноватыми листьями. Эти цвета будут сливаться с окраской его одежды, ствол достаточно широк, чтобы можно было укрыться за ним, и клен стоял немного впереди ряда хвойных деревьев. Встав за кленом, Бонд будет видеть все, что происходит на берегу озера и перед домом. Он посмотрел на луг, прикидывая путь, который ему придется проползти через густую траву и желтые цветы, покрывающие его. Придется ползти по-пластунски, не торопясь. Легкий ветерок пронесся по лугу, пригибая высокую траву. Если бы он продолжал дуть и прикрыв его!

Где-то рядом хрустнула ветка. Бонд упал на колено, его слух напрягся до предела. Он замер не двигаясь на целых десять минут — неподвижная коричневая тень рядом с массивным стволом дуба.

Звери и птицы не ломают веток. Сломанные сучья, лежащие на земле, являются для них сигналом опасности. Птицы

никогда не опускаются на ветки, которые могут подломиться под ними, и даже крупные животные, вроде оленей, с огромными рогами и четырьмя копытами передвигаются в лесу совершенно беззвучно — если только что-то не обращает их в бегство. Неужели в лесу все-таки выставлены часовые? Бонд осторожно снял с плеча ружейный ремень и опустил большой палец на предохранитель винтовки. Может быть, если обитатели дома еще спят, один выстрел где-то далеко в лесу сочтут за выстрел охотника или браконьера. Но в это мгновение с той стороны, откуда донесся звук сломанной ветки, показались два оленя и побежали, медленно и грациозно, через широкий луг. Правда, они остановились пару раз и посмотрели назад, но всякий раз, перед тем как двинуться дальше, они наклоняли головы и щипали траву. В их поведении не чувствовалось ни страха, ни спешки.

Было ясно, что именно они явились источником шума. Бонд с облегчением вздохнул. Итак, теперь нужно пересечь луг — широкое открытое пространство.

Ползти на животе пятьсот метров через высокую густую траву — весьма утомительное занятие. Особенно большая нагрузка падает на кисти, локти и колени, перед глазами виднеется одна трава и цветочные стебли, пыль и мелкие насекомые лезут в глаза, в нос и за шиворот. Бонд сконцентрировал свое внимание на том, чтобы осторожно передвигать руки и ноги, поддерживая постоянную скорость движения. Легкий ветерок не утихал, волнами проносясь по траве, и заметить Бонда из дома было невозможно.

Если посмотреть сверху, могло показаться, что какое-то большое животное — скажем, бобр или сурок — пробирается через луг. Нет, это не мог быть бобр, ведь бобры всегда ходят парами. Впрочем, все-таки это был, наверное, бобр, потому что сейчас с другой стороны луга что-то — кто-то тоже начал двигаться в траве. Через луг пролежала вторая полоска смятой травы. Походило на то, что эта вторая полоса, проложенная в густой траве, постепенно приближалась к Бонду и две полосы должны были пересечься у следующей группы деревьев.

Бонд полз вперед, останавливаясь лишь затем, чтобы вытереть пыль и пот с лица, и иногда поднимал голову, проверяя, не отклонился ли он от выбранного им пути. Когда до клена оставалось футов двадцать и деревья закрыли его от возможных наблюдателей из верхних окон дома, он остановился, повернулся на бок и начал растирать колени и кисти рук, готовясь к последнему броску.

Он ничего не услышал, поэтому когда из травы всего в

нескольких футах от него раздался тихий угрожающий шепот, он вздрогнул и так резко повернул шею, что у него треснули позвонки.

— Не двигайтесь, а то я убью вас,— это был голос девушки, но голос, полный такой свирепой решимости, что Бонд ни на секунду не усомнился в ее намерениях.

С бешено бьющимся сердцем он смотрел на голубоватосиний закаленный наконечник стальной стрелы, направленной прямо в его сердце.

Лук лежал плашмя на траве. Костяшки коричневых пальцев, сжимающих середину лука рядом с острым, как игла наконечником, побелели от напряжения. За наконечником виднелась тонкая стальная трубка стрелы и дальше, позади алюминиевого оперения, угрюмо сжатые губы и два свирепых серых глаза на загорелом лице, мокрым от пота. Это было все, что видел Бонд через густую траву. Откуда она взялась? Бонд несколько раз глотнул пересохшим ртом и начал медленно опускать правую руку, скрытую от глаз девушки, к пистолету за поясом.

— Кто вы такая, черт побери? — прошептал он.

Наконечник стрелы шевельнулся.

— Сейчас же положите свою правую руку перед собой или я всажу вам стрелу в плечо. Вы кто, один из часовых?

— Нет. А вы?

— Не валяйте дурака. Что вы делаете здесь? — напряжение, слышное в ее голосе, ослабло, но взгляд оставался суровым и подозрительным. Девушка говорила с едва уловимым акцентом, но каким? Шотландским? Валлийским?

Нужно было что-то делать. В этом голубоватом закаленном наконечнике стрелы было нечто особенно угрожающее.

— Уберите свой лук и стрелу, Робина,— произнес Бонд.— Тогда я расскажу вам.

— Вы обещаете не хвататься за пистолет?

— Ладно, обещаю. Только, ради бога, давайте уйдем с середины луга.

Не ожидая ответа, Бонд повернулся и пополз вперед. Теперь, когда он захватил инициативу, нужно не упускать ее. Кем бы ни была эта девушка, от нее нужно отделаться быстро и незаметно до того, как начнется стрельба. Боже, приходится думать еще и об этом!

Бонд подполз к стволу клена, осторожно встал на ноги и посмотрел вперед. Большинство штор на окнах дома было поднято. Две цветных служанки накрывали большой стол в патио для завтрака. Прекрасно был виден берег озера. Бонд снял с плеч винтовку и рюкзак, положил их на траву и

сел, прислонившись спиной к стволу клена. Девушка стояла под прикрытием многоцветной листвы клена, но держалась на расстоянии, недоверчиво глядя на Джеймса Бонда.

Одетая в потрепанную рубашку и мятые джинсы, девушка напоминала неопрятную лесную нимфу. Как рубашка, так и джинсы были коричневато-зеленого цвета, местами порванные, в грязи и пятнах. Девушка покрыла свои светло-желтые волосы платком, чтобы их не было видно издалека. Ее лицо выделялось какой-то дикой, почти животной красотой с чувственным широким ртом, высокими скулами и серебристо-серыми презрительными глазами. На руках и на одной щеке виднелись царапины, из которых сочилась кровь, а на правой скуле был синяк, распухший и уже начавший чернеть. Над левым плечом девушки было видно алюминиевое оперение стрел, торчащих из колчана. Не считая лука и колчана со стрелами, у девушки был только охотничий нож на поясе и на другом бедре холщевый мешочек, в котором она хранила, по-видимому, пищу. Она выглядела красивой, но одновременно очень опасной; судя по всему, девушка привыкла жить на лоне природы, чувствовала себя в лесу как дома и не боялась его. Да, такая пройдет через жизнь одна, не нуждаясь в помощи и защите, оставаясь в стороне от приманок цивилизации.

Бонду она показалась восхитительной. Он улыбнулся.

— По-видимому, вы — Робина Гуд, — сказал он тихим, успокаивающим голосом. — А меня зовут Бонд, Джеймс Бонд, — он достал фляжку, отвернул крышку и протянул фляжку девушке. — Садитесь и выпейте — это смесь огненной воды с кофе. Кроме того, у меня есть сушеная колбаса — бильтонг. Или вы питаетесь одними ягодами и запиваете их росой?

Девушка придвинулась поближе и опустилась на траву в ярде от Бонда. Она сидела по-индейски: с широко раздвинутыми коленями и лодыжками под бедрами. Положив рядом свое снаряжение, она протянула руку, взяла фляжку и сделала несколько глотков, запрокинув назад голову. Затем она вытерла губы, сказала неохотно: «Спасибо» и вернула фляжку Бонду. На ее лице так и не появилась улыбка.

— Вы, наверно, браконьер, — сказала она, глядя на Бонда. — Сезон охоты на оленей откроется лишь через три недели. Но здесь вы не найдете оленей. К озеру они спускаются только ночью. Днем нужно подняться в горы, чуть ли не к самой вершине. Если хотите, я покажу вам, где скрывается целое стадо. Правда, уже довольно поздно для охоты, но вы,

судя по всему, знаете, как отслеживать зверей. К тому же ветер дует от них в нашу сторону.

— Значит, вы тоже охотитесь? А у вас есть охотничья лицензия?

Без возражения девушка подняла руку к грудному карману, расстегнула его, достала оттуда сложенный документ и протянула его Бонду.

Лицензия была выдана в Беннингтоне, штат Вермонт, на имя Джуди Хэвелок. «Охотник-любитель», говорилось в лицензии, «разрешается охота с луком». Внизу стояла печать и подпись руководителя местного департамента охоты и рыбной ловли. «Уплачено 18,50 долларов» гласил штамп. Был указан возраст Джуди Хэвелок и место постоянного проживания — Ямайка.

«Так вот оно что!» — подумал Бонд. Он аккуратно сложил лицензию и вернул ее девушке.

— Да, Джуди, — произнес он тихим голосом, полным восхищения и сочувствия. — Вы прошли неблизкий путь от Ямайки. Значит, вы собирались победить его луком и стрелами. Знаете, в Китае есть поговорка: «Перед тем, как братья за мщение, вырой две могилы». Вы уже сделали это или все-таки надеетесь убить его и остаться в живых?

Девушка смотрела на него широко раскрытыми глазами, полными изумления.

— Кто вы? Что вы делаете здесь? Откуда вам это известно?

Бонд задумался. Был всего лишь один выход из такой запутанной ситуации — объединить усилия с девушкой. Господи, дело становится все более сложным!

— Я уже назвал вам свое имя, — сказал он примирительным голосом. — Меня послали из Лондона, где я служу в э...э, Скотленд-Ярде. Я знаком со всем, что случилось, и моя задача — расквитаться с преступниками и сделать так, чтобы в будущем у вас не было неприятностей. В Лондоне считают, что человек, ответственный за все это, который находится сейчас вон в том доме, может оказывать на вас давление, чтобы заставить вас продать ему ваше имение. Иного пути положить этому конец мы не видим.

— У меня был любимый пони, — заметила девушка с горечью, — они отравили его. Потом застрелили мою овчарку. Я выкормила ее с крохотного щенка. Затем пришло письмо. Там было написано: «У смерти много рук. Одна из них сейчас поднята над вами». Мне было приказано поместить в газете объявление, всего несколько слов: «Повинуюсь, Джуди». Я обратилась в полицию. Они всего лишь пообещали

защитить меня. По их мнению, это были кубинцы, люди Батисты. В остальном полиция бессильна, сказали они. Тогда я отправилась на Кубу. Там я жила в лучших отелях и играла в казино,— по лицу девушки промелькнула едва заметная улыбка.— Тогда я была одета по-другому, в лучшие вечерние платья и семейные драгоценности. И со мной охотно разговаривали. Я болтала с окружающими и все время расспрашивала их. Притворялась, что приехала поразвлечься — увидеть настоящий преступный мир и настоящих гангстеров. И, наконец, мне удалось напасть на след этого человека — она сделала жест в сторону дома.— Он уехал с Кубы. Не пришелся по вкусу даже Батисте. К тому же у него оказалось слишком много врагов. Мне много рассказывали о нем, и в конце-концов я встретила с одним человеком, высокопоставленным полицейским начальником, рассказавшим мне остальное,— она заколебалась и отвела красивые глаза в сторону,— после того, как я провела с ним ночь,— она замолчала.— Потом я отправилась в Америку, обратилась в фирму «Пинкертона» — это детективное агентство,— заплатила им, и они узнали адрес этого человека,— она развела руки.— Вот и все.

— А как вы добрались сюда?

— Самолетом до Беннингтона. Затем пешком. Четверо суток. До Зеленых гор. Я избегала людей и за все это время не встретила ни единого человека! Я привыкла к такой жизни. Наш дом находится в горах на Ямайке. Джунгли там куда более непроходимые, чем эти леса. И у нас там куда больше людей, крестьян, которые живут в этих джунглях. А здесь никто не ходит пешком. Все ездят на автомобилях.

— Ну и что вы собираетесь делать??

— Убью фон Хаммерштейна и вернусь в Беннингтон,— ее голос был таким равнодушным, будто девушка сообщила ему, что хочет сорвать дикий цветок.

Из долины донесся шум голосов. Бонд встал и осторожно выглянул из-за дерева. На террасу вышли трое мужчин и две женщины. Смеясь и переговариваясь, они отодвинули стулья и разместились вокруг стола. Одно место во главе стола, между двумя женщинами, оставалось пустым. Бонд достал оптический прицел и приложил его к глазу. Мужчины были маленького роста, темноволосыми и смуглыми. Один из них, который все время улыбался, в щегольской одежде, был, по-видимому, Гонзалес. Двое остальных — рядовые бандиты с непроницаемыми лицами. Они сидели рядом, с одной стороны стола, и не принимали участия в разговоре. Женщины были темными пышными брюнетками и походили

на дешевых кубинских проституток. Они были одеты в яркие купальные костюмы и болтали, подобно прелестным обезьянкам. Он отчетливо слышал доносящиеся издалека голоса, но не понимал, о чем идет речь — Бонд не говорил по-испански.

Он повернулся к девушке, стоящей рядом, и передал ей оптический прицел.

— Щеголеватый маленький мужчина — майор Гонзалес. Двое остальных — охранники. Я не знаю, что это за женщины. Фон Хаммерштейн еще не вышел.

Девушка поднесла к глазам оптический прицел, посмотрела и вернула Бонду, не сказав ни единого слова. Интересно, знает ли она, подумал Бонд, что там сидят убийцы ее отца и матери?

Женщины повернулись и смотрели теперь в направлении дома. Одна из них сказала что-то — судя по всему, приветствие. Невысокий широкоплечий почти голый мужчина вышел из дома. Не сказав ни единого слова, он прошел мимо стола, вышел на лужайку и принялся выполнять гимнастические упражнения.

Бонд тщательно осмотрел мужчину. Он был примерно пять футов четыре дюйма ростом, с плечами и бедрами боксера и поясницей, уже начавшей округляться. Грудь и спину покрывал ковер густых черных волос; руки и ноги тоже густо обросли шерстью. С таким обилием растительности резко контрастировала его голова: ни на лице, ни на черепе не было ни единого волоска. На сверкающем бело-желтом затылке виднелся глубокий шрам — рана или последствия трепанации. У него было лицо типичного прусского офицера: квадратное, жесткое и вызывающее, но глаза под едва заметными бровями, маленькие и свиноподобные, сидели близко друг к другу, и выделялись отвратительные губы у большого рта — толстые, мокрые, малинового цвета. На нем были одеты крошечные плавки — не больше спортивного бандажа — и на левой руке массивные золотые часы. Бонд передал оптический прицел девушке и с облегчением вздохнул. Вид у Хаммерштейна был отвратительный, как и говорилось в его досье, переданном М.

Бонд взглянул на лицо девушки. Губы были тесно сжаты в жестокой гримасе — она смотрела на человека, которого собиралась убить. Как же с ней поступить? Бонд чувствовал, сколько неприятностей предвещает ее появление. Не исключено, что она даже захочет вмешаться в развивающиеся события и принять активное участие в устранении Хаммерштейна со своим глупым луком и стрелами. Наконец, Бонд

принял решение. У него не было выбора. Рисковать нельзя. Короткий удар по затылку, затем Бонд свяжет ее, заткнет рот и приступит к операции. Рука Бонда скользнула к рукоятке пистолета.

В то же мгновение девушка сделала пару небрежных шагов в сторону, так же небрежно наклонилась, положила прицел на траву и выпрямилась с луком в руках. Затем она протянула руку через левое плечо и наложила стрелу на тетиву.

— Не подходите ко мне, — взгляд девушки упал на лицо Бонда. — И без глупых штук. У меня так называемое широкоугольное зрение. Вы ошибаетесь, если полагаете, что я потратила столько усилий и приехала сюда лишь затем, чтобы плоскоступый лондонский бобби шарахнул меня по голове рукояткой пистолета. Я стреляю без промаха с пятидесяти ярдов и сбиваю птицу в полете на расстоянии в сотню ярдов. Мне не хочется делать этого, но если вы будете мне мешать, я всажу вам стрелу в бедро.

Бонд мысленно проклял свою прошлую нерешительность.

— Не будь дурой, — произнес он свирепым голосом. — Убери эту идиотскую штуку. Это занятие не для тебя. Каким образом ты собираешься устранить четырех вооруженных мужчин луком и стрелами?

Глаза девушки упрямо сверкнули. Она отставила назад правую ногу и заняла классическую позу стрелка из лука.

— Убирайся к черту, — пробормотали ее тесно сжатые сердитые губы. — Никто не просил тебя вмешиваться. Это мои мать и отец, которых убили эти мерзавцы. Мои. Я провела уже здесь весь день и всю ночь. Я знаю, чем они будут заниматься, и мне нужен Хаммерштейн. Остальные меня не интересуют. Они бессильны без него. Так вот, — она медленно натянула тетиву лука. Наконечник стрелы был направлен на бедро Бонда. — Либо ты будешь делать, что я потребую, либо тебе придется раскаиваться. Только не думай, что я шучу. Это — моя личная месть, и я не позволю никому помешать мне, — девушка властно вскинула голову. — Ну?

Бонд мрачно оценил ситуацию. Он посмотрел на эту невероятно прелестную девушку. Да, английский характер с примесью горячности детства, проведенного в тропиках. Опасная смесь. А сейчас она завела себя так, что находится на грани истерии. У него не было ни малейшего сомнения, что она, не задумываясь, обезвредит его. И у него нет против нее никакой защиты. Ее оружие беззвучно, тогда как выстрел — винтовочный или пистолетный — взбудоражит всю округу. Оставалось одно — уговорить девушку объ-

единить усилия. Поручить ей часть дела и выполнить остальное самому.

— Послушай, Джуди, — тихо произнес Бонд. — Если ты настаиваешь на своем участии, что ж, давай работать вместе. Может быть, тогда нам удастся добиться своего и остаться в живых. Видишь ли, это моя профессия. Мне приказано устранить этих убийц другом твоих родителей. Кроме того, у меня самое подходящее для этого дела оружие. Его убойная дальность по крайней мере в пять раз больше, чем у твоего лука. Уже сейчас я мог бы попытаться убить его — пока он там, у дома. Но я не могу гарантировать этого. Женщины одеты в купальники. По-видимому, и мужчины спустятся к озеру. И тогда я перещелкаю их. А ты обеспечишь мне прикрытие.

— Нет, — решительно покачала головой девушка. — Извини, если хочешь, давай ты обеспечишь мне прикрытие. Впрочем, это мало меня интересует. Ты прав относительно купания. Вчера около одиннадцати часов все спустились к озеру. Сегодня так же тепло, и они снова спустятся на берег. Я укроюсь вон в той полоске деревьев у самого озера. Вчера вечером я выбрала там идеальное место. Его телохранители не купаются и сидят с автоматами в руках. Я знаю, когда стрелять в Хаммерштейна. Затем, когда начнется паника, я успею отползти от озера. Как видишь, мои планы готовы и отработаны. Так что решай. Больше нельзя ждать. Мне вообще следовало бы сидеть в засаде. Еще раз извини, но ты не оставил мне выбора, — она натянула тетиву еще на несколько дюймов.

«Черт бы побрал эту девку», — подумал Бонд и сердито ответил: — Хорошо, ничего не поделаешь. Только учти, если нам удастся спастись, я отшлепаю тебя так, что ты не сможешь сидеть целую неделю, — он пожал плечами, сдаваясь. — Принимайся за дело. А я буду держать на мушке остальных. Если все пройдет благополучно, встречаемся вот здесь, у клена. Если же тебе не удастся спастись, я потом приду за тем, что от тебя останется.

— Хорошо, что ты, наконец, проявил благоразумие, — равнодушно заметила девушка, опуская лук. — Эти стрелы чертовски трудно выдернуть из тела. Обо мне не беспокойся. И будь поосторожнее — смотри, чтобы они не увидели бликов от твоего оптического прицела. Ты можешь все мне испортить, — она взглянула на Бонда с полупрезрительной усмешкой победительницы, повернулась и исчезла в деревьях.

Бонд следил за ней, пока гибкая ее фигурка не скрылась из виду, затем нетерпеливо поднял оптический прицел и

занял огневой рубеж. Пропали она пропадом, эта дура! Надо забыть о ней и сконцентрировать внимание на том, что предстоит. Теперь ему придется ждать, пока она не сделает первый шаг. Это плохо. Но если он нарушит данное ей слово и откроет огонь первым, кто знает, что выкинет эта вспыльчивая сучка. Бонд с удовольствием подумал о том, как выдерет ее после того, как все кончится. Затем он заметил движение рядом с домом — и выбросил из головы посторонние мысли.

Служанки убрали со стола остатки завтрака. Не было видно ни женщин, ни телохранителей. Фон Хаммерштейн лежал, вытянувшись на подушках шезлонга, читал газету и время от времени говорил что-то майору Гонзалесу, сидевшему у его ног на металлическом стуле. Бонд не мог разобрать слов Хаммерштейна, но тот говорил по-английски, и Гонзалес отвечал ему на том же языке, Бонд взглянул на часы. Половина одиннадцатого. Поскольку пока все замерло, Бонд сел, опершись спиной о ствол клена, и внимательно осмотрел винтовку. Одновременно его мысли вернулись к тому, что ему было приказано выполнить.

Бонду не нравилось хладнокровно убивать людей, и ему все время приходилось напоминать себе, что это за люди. Убийство Хэвелоков — беззащитных пожилых людей — было особенно жестоким. Фон Хаммерштейн и его телохранители — это жестокие убийцы, и в мире наверняка немало людей, которые с радостью убили бы их из соображений личной мести, как собирается сделать эта девушка. Но Бонд находился в ином положении. У него не было никаких личных мотивов. Он просто выполняет свою работу, как исполняет свою работу человек, уничтожающий сельскохозяйственных вредителей. Он — палач, назначенный М., выполнит желание общества. В общем-то, можно сказать, что эти люди такие же враги его страны, как и агенты враждебных секретных служб. Они объявили войну английским подданным на территории Ямайки и сейчас собираются нанести очередной удар. Бонд мысленно искал дополнительные аргументы, чтобы укрепить свою решимость. Они убили пони и овчарку так же небрежно, как будто смахнули надоевшую муху, Они...

Очередь из автомата заставила Бонда вскочить на ноги. Винтовка была направлена в цель, а затвор передернут, когда донесся грохот второй очереди. Затем послышался смех и аплодисменты. Зимородок, комок растерзанных голубых и серых перьев, упал на лужайку, все еще подрагивая крыльями. Фон Хаммерштейн, держа в руках автомат, из дула которого

поднималась струйка синеватого дыма, подошел к умирающей птице, наступил на нее пяткой своей босой ноги и резко повернул ее, потом вытер ступню о траву. Остальные стояли вокруг и подобострастно хлопали в ладоши. Толстые малиновые губы фон Хаммерштейна раздвинулись от удовольствия. Он произнес нечто, прозвучавшее наподобие «снайпер», передал автомат одному из телохранителей и вытер ладони о свои жирные бедра. Повернувшись, он что-то приказал женщинам, тотчас убежавшим внутрь дома, потом пошел к берегу озера в сопровождении остальных мужчин. Через мгновение женщины выбежали из дома, каждая держала в руке по пустой бутылке из-под шампанского. Весело болтая, они побежали вслед за мужчинами.

Бонд приготовился. Он установил оптический прицел на ствол винтовки и занял позицию за толстым кленом. Ему удалось найти выступ на дереве и положить на него левую руку. Затем он установил метку прицела на 300 ярдов и направил «Сэвидж» на группу рядом с озером. Теперь он был наготове. Оставалось лишь ждать.

По-видимому, готовилось соревнование в меткости стрельбы между двумя телохранителями. Они вставили новые рожки в автоматы, по команде Гонзалеса поднялись на каменную вершину плотины в двадцати футах друг от друга, по обеим сторонам трамплина. Они стояли спиной к озеру, держа автоматы наготове.

Фон Хаммерштейн занял место на поросшем травой берегу. В каждой руке у него было по бутылке. Женщины стояли позади, зажав ладонями уши, слышался смех, но лица телохранителей были непроницаемыми. Через великолепную оптику прицела он видел, как они были напряжены.

Фон Хаммерштейн отдал приказ и наступила тишина. Он размахнулся, произнес: «Уно... Дос... Трес!». Сказав «три», он бросил бутылки далеко над поверхностью озера.

Стрелки повернулись, подняли автоматы и открыли огонь. Грохот автоматных очередей нарушил мирную тишину и понесся вдаль, отражаясь от поверхности озера. Тучи птиц поднялись над вершинами деревьев. Левая бутылка разлетелась на мелкие осколки, правая, в которую попала всего одна пуля, раскололась пополам секундой позже. Осколки стекла с бульканьем попадали где-то в середину озера. Победил левый стрелок. Облачко дыма соединилось и начало смещаться к лужайке. Эхо выстрелов замерло вдали. Стрелки подошли к фон Хаммерштейну. На лице первого была торжествующая улыбка, второй угрюмо нахмурился. Фон Хаммерштейн подозвал к себе женщин. Они подошли с

неохотой, надув губы. Фон Хаммерштейн задал какой-то вопрос победителю. Тот указал на одну из женщин, которая ответила ему недовольным взглядом. Гонзалес и Хаммерштейн засмеялись. Хаммерштейн протянул руку и похлопал ее по задку, как хлопают корову. Он что-то сказал, и Бонд уловил только: «Уна noche». Женщина взглянула на него и покорно кивнула головой. Группа разошлась. Женщина, выбранная в качестве приза, сняла купальник, подбежала к краю воды и нырнула, будто стараясь скрыться от того, кто завоевал ее услуги на ближайшую ночь. Вторая женщина последовала за ней. Они поплыли через озеро, перекликаясь друг с другом. Майор Гонзалес снял пиджак, положил его на траву и сел рядом. Подмышкой у него виднелась кобура, из которой высовывалась рукоятка крупнокалиберного пистолета. Он следил за тем, как фон Хаммерштейн снял часы, положил их на стол и направился к трамплину для прыжков в воду. Телохранители отошли назад и тоже смотрели на фон Хаммерштейна и двух женщин, которые уже достигли середины озера и плыли теперь к дальнему берегу. Телохранители стояли, держа в руках автоматы, то и дело окидывая взглядом местность вокруг и оглядываясь на сад сзади. Бонд подумал, что фон Хаммерштейну удалось выжить благодаря тому, что он очень заботился о своей безопасности.

Фон Хаммерштейн прошел по трамплину и встал на краю, глядя в воду. Бонд поднял предохранитель и приложил глаз к окуляру прицела. Его глаза сузились в полной концентрации, палец расположился рядом со спусковым крючком. Ну чего она медлит?

Фон Хаммерштейн принял решение. Он чуть присел, отвел назад руки. Через оптику прицела Бонд видел, как ветер, наморщивший поверхность озера, наклонил густые волосы на лопатках немца. Вот руки двинулись вперед и на мгновение его ноги отделились от трамплина, он выпрямился и повис в воздухе. В этот крошечный миг что-то серебряное мелькнуло у его спины, фон Хаммерштейн прочертил в воздухе аккуратную кривую и нырнул.

Гонзалес вскочил на ноги, неуверенно глядя на расходящиеся по озеру волны. Он приоткрыл рот в ожидании. Он не был уверен, видел ли что-то или просто показалось. Телохранители не сомневались ни секунды. Они подняли автоматы и приготовились, ожидая приказа.

Волны начали успокаиваться и круги уже достигли берега. Фон Хаммерштейн нырнул очень глубоко.

У Бонда пересохло во рту. Он облизнул губы, обшаривая

поверхность озера с помощью шестикратно увеличивающего прицела. Вот мелькнуло что-то розовое, и на поверхность всплыло тело фон Хаммерштейна с лицом, опущенным в воду. Из-под левой лопатки торчала стрела, поблескивая в лучах солнца алюминиевым оперением.

Гонзалес отдал команду и два автомата загрохотали. Бонд видел, как с деревьев у берега озера слетают срезанные пулями ветки. Он тщательно прицелился. «Сэвидж» приглушенно кашлянул, толкнув его в плечо и один из стрелков медленно упал лицом в озеро. Второй побежал к озеру, стреляя с бедра короткими очередями. Бонд выстрелил, промахнулся и выстрелил еще раз. Ноги у второго телохранителя подкосились, и он по инерции рухнул в воду. Палец, сжавший спусковой крючок, продолжал давить на него, и автомат бессмысленно строчил, пока не погрузился в воду.

На этот второй выстрел были потрачены драгоценные секунды, и в результате судьба дала еще один шанс майору Гонзалесу. Он поднял лежащий рядом автомат и открыл огонь по Джеймсу Бонду. Трудно сказать, заметил ли он место его укрытия или просто стрелял в направлении вспышек из дула «Сэвиджа», но стрелял он удивительно метко. Пули врезались в ствол клена, сбивали ветки, щепки летели в лицо Бонду — Бонд выстрелил дважды. Тело убитого телохранителя дернулось. Слишком низко! Бонд загнал новую обойму в магазин и прицелился. В это мгновение на винтовку упала сбитая пулями ветка с клена. Бонд отбросил ее в сторону, но Гонзалес успел вскочить и подбежать к металлическому столу. Он повалил его набок и из-за надежного укрытия его стрельба стала еще более меткой. Гонзалес высовывал ствол автомата то с левой стороны стола, то с правой, и короткие автоматные очереди били по клену, тогда как одиночные выстрелы Бонда не достигали цели, рикошетируя от металлической поверхности стола. Он встал и убежал на открытое место. Бонд решил, что его неожиданная перебежка захватит Гонзалеса врасплох. Но и Гонзалесу пришла в голову мысль выйти из тупика. Он бежал по плотине, направляясь к деревьям, чтобы обойти Бонда сзади и покончить с ним. Бонд остановился и тщательно прицелился. Гонзалес заметил его, упал на колено и выпустил очередь. Бонд стоял неподвижно, слыша, как рядом свистят пули. Перекрещенные волоски оптического прицела замерли на груди Гонзалеса. Бонд мягко нажал на спусковой крючок. Гонзалес дернулся, поднял руки вверх и со все еще стреляющим автоматом неуклюже свалился в озеро.

Бонд замер, наблюдая, появится ли лицо майора из воды. Нет, не появилось. Бонд опустил винтовку и вытер пот с лица.

Эхо выстрелов и смерти прокатывалось взад и вперед по маленькой долине. Недалеко от дома мелькнули цветные купальники женщин. Скоро они сообщат о происшедшем в полицию — если это уже не сделали служанки. Пора уходить.

Бонд пересек лужайку по направлению к одиноко стоящему клену. Девушка стояла, закрыв ладонями лицо, опираясь на ствол клена. По правой руке сбегала струйка крови и капала на траву. Темно-зеленая рубашка была разорвана на плече, и там темнело большое кровавое пятно. Лук и колчан со стрелами валялись рядом. Плечи девушки дрожали.

Бонд подбежал к ней и прижал ее к себе.

— Успокойся, Джуди, — произнес он. — Все кончилось. Ты ранена?

— Пустяки, — пробормотала девушка голосом, содрогающимся от рыданий. — Что-то ударило меня в плечо. Но то, что случилось, — ужасно. Я даже не подозревала, что это будет настолько страшно.

Бонд ободряющим жестом похлопал ее по руке.

— Это было необходимо. Иначе они убили бы нас. Ведь против нас были профессиональные убийцы. Хуже их не бывает. Я же говорил, что это дело не для тебя. Ладно, дай-ка мне посмотреть на твою руку. Нам нужно уходить через границу — и побыстрее. Скоро здесь будет полиция.

Девушка повернулась. Ее прелестное лицо было покрыто потом и слезами. Прежде свирепые глаза были теперь мягкими и послушными.

— Хорошо, что ты не обиделся на меня, особенно после всего, что я натворила. Извини меня — я так нервничала.

Она вытянула руку. Бонд вынул из ножен ее нож и разрезал рукав до плеча. Через мышцы плеча пролегла длинная кровоточащая полоса. Бонд взял свой носовой платок, разрезал его на три полоски и связал их. Затем промыл рану смесью из виски и кофе, достал кусок хлеба из рюкзака, отрезал ломоть и примотал его к ране. Наконец, он разрезал по шву порванный рукав, сделал из него повязку, перекинул ее через шею девушки и продел в петлю раненую руку. Когда он наклонился, затягивая узел у шеи девушки, ее губы оказались всего в нескольких дюймах. От нее исходил теплый запах женщины. Бонд поцеловал губы, отодвинулся и посмотрел в глаза девушки. Они были удивленными и счастли-

выми. Он наклонился и снова поцеловал ее в угол рта. Губы девушки улыбнулись.

— И что ты собираешься делать со мной?— спросила она покорно.

— Мы поедем в Лондон,— сказал Бонд.— Там живет один пожилой мужчина, который очень ждет этой встречи. Но сначала нам нужно перебраться через границу в Канаду. Там я познакомлю тебя с приятелем, который оформит тебе паспорт. Тебе придется купить кое-какую одежду. На это потребуется несколько дней. Мы будем жить в мотеле, который называется «Коузи».

На него смотрела теперь совсем другая девушка.

— Я еще никогда не жила в мотеле,— сказала она тихо.

Бонд наклонился, поднял винтовку и рюкзак, перекинул их через одно плечо, повесил ее лук и колчан на другое и пошел через широкий луг.

Девушка последовала за ним. Сделав несколько шагов, она сняла с головы желтый платок, развязала ленту, стягивающую волосы, и светлые локоны рассыпались по ее плечам.

ОСЬМИНОЖКА

— Знаешь что,— спросил майор Декстер Смайт, обращаясь к осьминогу,— если мне повезет, ты получишь сегодня редкостное угощение.

Он произнес это вслух, и стекло маски запотело от его дыхания. Смайт опустил ноги, встал на песчаное дно и выпрямился. Вода была ему по грудь. Он снял маску, поплевал в нее, растер слюну по стеклу и сполоснул в воде. Затем снова одел маску и опустил лицо в воду.

Глаз, погруженный в пятнистый коричневый мешок, внимательно следил за его движениями через трещину в коралловом рифе. И вдруг из темноты выдвинулся, покачиваясь, кончик маленького щупальца. Затем, словно испугавшись своей смелости, щупальце остановилось, повернувшись вверх розовыми присосками. Декстер Смайт улыбнулся. Еще месяц-другой, и ему бы удалось приручить эту красавицу. Но этого месяца у него не осталось. Может, попробовать сегодня? Протянуть руку Осьминожке вместо куска сырого мяса на кончике гарпуна и, так сказать, обменяться рукопожатием? Нет, милая, подумал он. Я еще не доверяю тебе. Скорее всего, из трещины мгновенно метнутся остальные щупальцы и схватят за руку. Стоит Осьминожке затянуть его на пару футов под воду, и клапан на дыхательной трубке автоматически закроется. Тогда Смайт либо задохнется, либо успеет сорвать маску, захлебнется и утонет на мелководье. Может быть, ему удастся метко ударить гарпуном, но одного удара недостаточно, чтобы убить Осьминожку. Нет. Может быть, ближе к вечеру. Это похоже на игру в русскую рулетку, причем с теми же шансами выжить — пять к одному. И тогда конец всем его неприятностям. Но не сейчас. Иначе ему так и не уда-

стся получить ответ на интересный вопрос. А ведь он обещал профессору Бенгри из Института моря, что попробует. Декстер Смайт повернулся и медленно поплыл к рифу. Его глаза, не отрываясь, скользили по дну в поисках единственной цели — зловещих очертаний скорпены, лежащей на дне, или как называл рыбу профессор Бенгри — *Scorpaena Plunieri*.

Майор Декстер Смайт, кавалер Ордена Британской Империи, служил раньше в Королевском Корпусе морской пехоты. Сейчас он представлял собой бледную тень когда-то бесстрашного, находчивого офицера, привлекательного мужчины, пользовавшегося неизменным успехом у женщин — особенно среди тех из них, которые служили в женском вспомогательном корпусе ВМС и занимались связью и шифровками в специальной оперативной группе британской разведки, куда он попал в конце войны. Теперь ему было пятьдесят четыре года, он начал лысеть и располнел. И успел перенести два инфаркта. Его врач, Джимми Гривс (неизменный партнер во время игры в покер по крупному с первых дней приезда Декстера Смайта на Ямайку), наполовину в шутку, наполовину всерьез, назвал второй приступ — всего месяц тому назад — «последним предупреждением». Однако майор Смайт, одетый в отлично сшитый костюм, скрывающий варикозные вены на ногах и туго затянутый в корсет, все еще выглядел привлекательным мужчиной на коктейлях и ужинах в особняках Северного побережья. Правда, друзья и соседи никак не могли понять, почему, несмотря на предупреждение врача, запретившего ему пить более двух унций виски и курить более десяти сигарет в день, майор Смайт не вынимал сигареты из рта и каждый вечер ложился спать пьяным.

Дело в том, что Декстер Смайт уже давно ощущал признаки того, что психиатры называют «жаждой смерти». Причин было много, и они не были такими уж сложными. Он был навсегда привязан к Ямайке, и тропическая праздность пропитала его до такой степени, что, хотя внешне он казался крепким, как мореный дуб, под лакированной поверхностью термиты лени, потворства своим прихотям и чувства вины за преступление совершенное много лет назад, превратили его существо в труху. После того, как два года назад умерла Мэри, он никого не любил. Собственно, его чувство к Мэри тоже вряд ли можно было назвать любовью, но он ежедневно, ежечасно тосковал по ее любви к нему и по веселому, слегка неряшливому, часто раздражающему его присутствию Мэри где-то рядом. И хотя он

ел канаве и пил мартини в обществе жителей Северного побережья, он презирал этих скоробогачей, этих подонков международного общества, с которыми ему приходилось общаться. Возможно, ему удалось бы подружиться с отставными военными, живущими на фермах в глубине острова, или с владельцами прибрежных плантаций, но для этого требовалось приложить какие-то усилия, обрести цель в жизни. Этому мешала лень, нежелание стремиться к чему-нибудь, а также то, что в этом случае придется меньше пить — а вот этого ему совсем не хотелось. Так что майор Смайт тосковал, жизнь наскучила ему, и он давно бы уже проглотил содержимое флакона с барбитуратом — если бы не одно обстоятельство. Майор Смайт существовал в фантастическом мире своего имени в пять акров, населенного птицами, насекомыми и рыбами. Особенно он любил рыб. Он называл их «мой народ», а поскольку обитатели коралловых рифов редко покидают свою территорию — так же как и птицы — уже через два года Смайт близко познакомился со всеми их обитателями, «любил» их и был убежден, что и они тоже любят его.

Несомненно, обитатели коралловых рифов узнали его — как узнают обитатели зоопарков свою обслугу — он был их ежедневным кормильцем, соскребавшим со скал водоросли, ковыряющим песчаное дно для тех из них, кто питается существами, живущими в песке, разбивающим ракушки и морских ежей для маленьких хищников и приносившим потроха для хищников побольше. И сейчас, когда он плыл над коралловым рифом, вокруг плавали «его люди», то бесстрашно проскакивающие перед самой маской, то перед зубцами гарпуна, знакомого им только как источник лакомств. А некоторые ярко раскрашенные красотки даже слегка пощипывали его за ноги.

Уголком глаза майор Смайт видел все эти маневры маленьких друзей, но сегодня его внимание было сосредоточено на поисках единственной рыбы, единственного обитателя коралловых рифов, которого он безжалостно убивал при каждой встрече — скорпены, морского скорпиона.

Скорпена обитает почти повсюду в тропических водах, и рыба-скорпион Средиземного моря служит основой любимого блюда жителей Марселя — рыбного супа. Разнообразие скорпены, населяющей воды Вест-Индии, не превышает двенадцати дюймов в длину и фунта весом. Среди всех обитателей моря скорпена выделяется своим безобразием — как будто природа решила предупредить окружающий мир об опасности. Скорпена имеет всклокочен-

ный, взъерошенный вид из-за неуклюжей формы тела, а также кожистых выростов на клинообразной, щетинистой голове. У нее мясистые, нависающие «брови» над сердитыми красными глазками, пятнистая окраска, чаще всего красноватых или коричневатых тонов, которая, вместе с неправильными очертаниями тела, отлично маскирует скорпёну среди коралловых рифов. Несмотря на свои небольшие размеры, зубастый рот ее настолько широк, что позволяет скорпёне проглатывать большинство маленьких рыбок, живущих среди рифов. Однако ее главное оружие — колючие лучи дорсального плавника. Острые, как иглы, они питаются ядом из подкожных железок, содержащих достаточно тетродотоксина, чтобы вызвать смерть человека даже после легких царапин в наиболее уязвимых местах — районе артерий, сердца или нижней части живота. Морской скорпион представляет собой единственную серьезную опасность для пловца в коралловых рифах, несравненно большую, чем барракуды или акулы. Скорпёна, сознающая свою неуязвимость и отлично маскирующаяся среди коралловых рифов, не спасается бегством и отплывает в сторону только тогда, когда человек приближается вплотную или задевает ее. В этом случае она отплывает на пару ярдов в сторону, неуклюже шевеля нагрудными плавниками, и снова опускается на дно, тут же превращаясь в обломок коралла или исчезая среди скал и водорослей.

Майор Смайт искал сейчас скорпёну, чтобы насадить ее на гарпун и предложить своему осьминогу. Он хотел убедиться, узнает ли один из самых больших морских хищников смертельную опасность маленькой рыбки, проглотит приношение или откажется от него. А может быть, осьминог съест тело скорпёны и не тронет плавников? Или все-таки проглотит ее целиком? И если проглотит, окажет ли яд скорпёны влияние на осьминога? Профессор Бенгри хотел получить ответ на эти вопросы, и сегодня, поскольку жизнь майора Смайта на Ямайке подходила к концу, он надеялся провести этот эксперимент, даже если он приведет к гибели его любимой Осьминожки. Майор Смайт надеялся, что это станет маленьким памятником его бесполезной жизни, который будет упрятан в какой-нибудь пыльный уголок Института моря среди бесчисленных отчетов об изучении морских обитателей.

А все потому, что пару часов назад уже и без того унылое существование майора Смайта резко ухудшилось. Оно ухудшилось настолько, что майор Смайт будет считать себя везунчиком, если через несколько дней — необходи-

мых для посылки и получения телеграмм из Кингстона в Лондон и из Лондона в Кингстон, и прибытия вооруженного эскорта для доставки майора Декстера Смайта в Англию — приговором будет пожизненное заключение.

И виновником всего был человек по имени Бонд, капитан третьего ранга Джеймс Бонд, приехавший сегодня утром в половине одиннадцатого на такси из Кингстона.

День начался как обычно. Майор Смайт проснулся с тяжелой головой после сна, наступившего в результате нескольких таблеток секонала, проглотил пару таблеток панадола, потому что слабое сердце не позволяло ему принимать аспирин, постоял под душем, неохотно поковырял завтрак и провел час в тени пальм, бросая кусочки хлеба прилетевшим птицам. Затем он принял таблетки от давления и убил полчаса, читая «Дейли Глинер», ожидая, когда наступит одиннадцать часов и можно будет открыть бар со спиртным. Впрочем, вот уже несколько месяцев майор Смайт сдвинул одиннадцать часов к десяти тридцати. Он успел налить почти полный бокал брэнди, слегка разбавив его имбирным элем — «напиток пьяниц» — как услышал шум подъехавшего автомобиля.

Лана, цветная прислуга, вошла в сад и объявила: — К вам джентльмен, майор.

— Кто?

— Он не сказал, майор. Просил передать, что от губернатора.

Майор Смайт был одет в потрепанные шорты и сандалии. Подумав, он ответил: — Проводи его в гостиную, Лана, и скажи, что я сейчас подойду. Затем он прошел в спальню через задний ход, одел белую рубашку, брюки и причесался. От губернатора? Какого черта?

Войдя в гостиную и увидев высокого мужчину в легком темно-синем костюме, стоявшего у окна и смотревшего на море, майор Смайт сразу все понял. Мужчина посмотрел на майора серьезными серыми глазами. Да, подумал Смайт, это не визит вежливости. А когда в ответ на его приветливую улыбку мужчина не улыбнулся, майору Смайту стало ясно, что «они» каким-то образом до всего докопались. По его спине пробежал холодок.

— Добро пожаловать. Меня зовут Смайт. Мне сказали, что вы от губернатора. Как поживает сэр Кеннет?

Майор Смайт понял, что не следует протягивать руку. Незнакомец сказал: — Меня не правильно поняли. Я не видел губернатора. На Ямайку я приехал всего два дня то-

му назад. Мне пришлось поколесить по острову. Меня зовут Бонд, Джеймс Бонд. Я из министерства обороны.

Майор Смайт вспомнил этот эвфемизм. Секретная служба. Он сказал, стараясь казаться веселым: — А-а, старая фирма?

Мужчина не обратил внимания на вопрос. — Где мы можем поговорить? — спросил он.

— Где вам удобно. Здесь или в саду. Хотите что-нибудь выпить? — Майор Смайт поднял бокал. — Мы пьем ром с имбирным элем. Сам я предпочитаю эль. — Ложь вырвалась из его уст с привычной легкостью алкоголика.

— Спасибо, ничего не надо. И здесь меня вполне устраивает. — Мужчина небрежно оперся о широкий подоконник.

Майор Смайт опустил в кресло, отпил из бокала и поставил его в гнездо на ручке. — Итак, — сказал он приветливо, глядя в глаза мужчине, — чем могу помочь? Что-нибудь затевается на Северном побережье и нужна моя помощь? Буду только рад. Правда, прошло уже немало времени, но все еще помню кое-что.

— Позвольте закурить? — Мужчина держал в руке плоский стальной портсигар. Чувство того, что и у него есть маленькая слабость, как-то взбодрило майора Смайта.

— Ну конечно, дружище, курите. — Он встал и протянул зажигалку.

— Спасибо, не надо. — Джеймс Бонд уже закурил. — Нет, я не имею отношения к тому, что происходит на острове. Меня послали спросить вас, что вы помните о своей службе в конце войны. — Джеймс Бонд помолчал и внимательно посмотрел на майора Смайта. — Особенно о том периоде, связанном с вашей деятельностью в Бюро многоцелевых задач.

Майор Смайт хрипло рассмеялся. Все ясно. Он ведь сразу это понял. Понял сразу и с абсолютной уверенностью. Но смех, вырвавшийся у майора Смайта, напомнил стон.

— Боже, ну разумеется. Бюро. Да, это была веселая работка. — Он снова засмеялся. Ему было трудно дышать. Казалось, что грудь сжимают железные обручи. Он сунул руку в карман брюк и достал маленький флакончик. Открыл крышку, наклонил флакон, и в ладонь соскользнула белая таблетка. Майор Смайт положил ее под язык. Он с интересом заметил, как напрягся Джеймс Бонд, каким внимательным стал его взгляд. — Не беспокойтесь, приятель, это не цианистый калий. Он сказал: — Вас не беспокоят приступы ацидоза? Нет? А вот для меня это настоящий бич, особенно когда много выпьешь. Вчера мы изрядно

набрались в «Джамайка Инн». Часто забываешь, что тебе больше не двадцать пять. Ну ладно, вернемся к делу. Итак, Бюро многоцелевых задач. Наверно, нас уже немного осталось в живых.— Майор Смайт почувствовал, как боль оставляет его, отступая в свое логово.— Что-нибудь связанное с историей?

Джеймс Бонд посмотрел на горящий кончик сигареты.— Не совсем.

— Вы, наверно, знаете, что я написал основную часть главы о деятельности Бюро для сборника по военной истории. Боюсь, что мне нечего добавить.

— Неужели вы забыли все об операции в Тироле — в районе Обер Аурах, в миле к востоку от Китцбюля?

Упоминание одного из названий, все эти годы жившего в памяти майора Смайта, вызвало новый приступ хриплого смеха.— Да, вот это была работенка в моем вкусе. Господи, я никогда не видел такой паники. Все эти гестаповские чиновники со своими девками. И все вдребезги пьяные. Как только мы арестовали их, они тут же передали нам свои архивы. Надеюсь, что им это зачтется, наверно. Мы просмотрели материалы и отослали арестованных в лагерь в Мюнхен. Больше я ничего о них не слышал. Знаю только, что многих повесили за преступления, совершенные во время войны. Затем мы передали собранные материалы в нашу штаб-квартиру, в Зальцбург. И отправились вверх по долине Миттерсилля в поисках нового убежища, где скрывались нацисты. Майор Смайт сделал пару глотков из бокала и закурил сигарету.— Вот и все.— Он посмотрел на Джеймса Бонда.

— Насколько я помню, вы были заместителем командира группы «А». Командиром был полковник Кинг из армии Паттона.

— Совершенно верно. Хороший парень. Отрастил усы, что совсем не похоже на американца. И он здорово разбирался в местных винах. С ним было приятно иметь дело.

— В своем отчете он писал, что передавал вам все захваченные документы для предварительного изучения, потому что вы были специалистом по Германии.— Джеймс Бонд помолчал.— А затем вы возвращали ему эти материалы со своими замечаниями. Вы вернули ему все документы, до единого?

Майор Смайт намеренно не обратил внимание на последнюю фразу.

— А как же! В основном это были списки имен. Ими очень интересовалась контрразведка. Парни в Зальцбург-

ге остались довольны нашей работой. Сразу открылись новые перспективы. Полагаю, оригиналы и сейчас где-то хранятся. Помню, их использовали во время процессов в Нюрнберге. Да, вот это было время! — На лице майора Смайта появилась улыбка. — Это были самые счастливые месяцы в моей жизни. Днем мы носились по горам, вылавливая нацистов. А по вечерам — вино, веселье и женщины!

Сейчас майор Смайт говорил правду. До 1945 года война была для него трудным и опасным делом. Когда в 1941 году были сформированы части «коммандос», он подал рапорт и был переведен из корпуса морской пехоты в Штаб Объединенных Операций, действовавший под командованием Маунтбэттена. Там сразу обратили внимание на его блестящий немецкий — мать Смайта была родом из Гейдельберга — и ему была поручена малоприятная и опасная работа в группах, забрасываемых за вражеские линии. Правда, ему здорово везло. Он даже не был ни разу ранен, и его храбрость отметили — он стал кавалером Ордена Британской империи, что было весьма редким случаем. А затем, когда поражение Германии стало очевидным, было сформировано Бюро многоцелевых задач, действовавшее под началом Секретной службы и Штаба Объединенных Операций. Майору Смайту присвоили временное звание подполковника и поручили сформировать оперативную группу, которой было поручено вылавливать спрятавшихся гестаповцев и сотрудников Абвера, как только закончится война. Американцы прослышали об этом проекте и потребовали, чтобы им тоже дали возможность участвовать в нем. В результате было сформировано шесть групп, взявшихся за дело сразу после капитуляции Германии. Каждая из них состояла из двадцати человек, ей были приданы передвижная радиостанция, бронетранспортер, шесть джипов и три грузовика. Эти группы подчинялись объединенному англо-американскому командованию на европейском театре и действовали на территории Германии и Австрии. Майор Смайт был заместителем командира группы «А», работавшей в Тироле. В этом районе было полно заранее подготовленных убежищ. Тироль был путем, по которому большинство высокопоставленных нацистских чиновников, как это стало известно группе, попытаются пробраться в Италию и затем скрыться из Европы. Для сотрудников группы «А» это было веселое времечко — как и сказал майор Смайт Джеймсу Бонду. Им даже ни разу не пришлось прибегать к оружию — если не считать двух выстрелов из револьвера майора Смайта.

— Имя Ханнес Оберхаузер вам ничего не говорит?— спросил Бонд.

Майор Смайт нахмурился, пытаюсь вспомнить. Было жарко, под тридцать градусов в тени, но по спине майора Смайта бежали струйки холодного пота.

— Тогда я освежу вашу память. В тот самый день, когда вам были переданы для изучения захваченные документы, вы навели справки в отеле «Тифенбрюннер», где размещалась ваша группа, где можно найти хорошего горного проводника. Вам дали адрес Оберхаузера. Затем вы обратились с просьбой об отпуске на один день. Командир группы дал согласие, и на другой день, рано утром, вы приехали к дому Оберхаузера, арестовали его и увезли в своем джипе. Теперь припоминаете?

Эта фраза насчет «освежения памяти». Сколько раз прибегал к ней майор Смайт, пытаюсь выжать правду у пойманного гестаповца? Так что не надо торопиться с ответом. Ведь ты готовился к этому много лет. Майор Смайт покачал головой.

— К сожалению, нет.

— Мужчина с седыми волосами. Он немного хромал. Неплохо говорил по-английски, потому что перед войной был лыжным инструктором.

Майор Смайт посмотрел в холодные, серые глаза Джеймса Бонда.

— Ничем не могу помочь. Очень жаль.

Джеймс Бонд достал из кармана записную книжку и перелистнул несколько страниц. Затем поднял взгляд на майора Смайта.

— В конце войны у вас был револьвер «Уэбли-Скотт» 45-го калибра, номер 8967/362.

— Да, у меня действительно был «Уэбли». Тяжелое и ненадежное оружие. Надеюсь, что сейчас пользуются чем-нибудь вроде «Люгера» или «Беретты». Вот только номера не помню.

— Это номер вашего револьвера,— сказал Бонд.— У меня записана дата, когда вы его получили, и когда сдали. Оба раза там ваша подпись.

Майор Смайт пожал плечами.— Значит, это действительно мой револьвер. Но,— он постарался, чтобы голос звучал раздраженным и нетерпеливым,— но к чему все это?

Джеймс Бонд посмотрел на него с нескрываемым любопытством. Затем сказал:— Вы отлично понимаете, почему я спрашиваю вас об этом, Смайт.— Он задумался.— Вот что. Я выйду в сад, минут на десять. А вы подумай-

те, и позовите меня. Будет гораздо лучше, если вы сами расскажете о том, что произошло.— Он подошел к двери, ведущей в сад, остановился и повернулся к майору Смайту.— Боюсь, что нам все и так ясно. Осталось только поставить точку над і. Видите ли, вчера я беседовал с братьями Фوو в Кингстоне.— Он открыл дверь и вышел в сад.

Странно, но майор Смайт почувствовал какое-то облегчение. Больше не надо лгать, придумывать алиби и увиливать. Если этот Бонд говорил с братьями Фوو, они, конечно, все ему рассказали. Ведь братья отчаянно боялись вызвать неудовольствие колониальных властей, да и от последнего слитка осталось меньше шести дюймов.

Майор Смайт встал, подошел к буфету и налил еще бокал брэнди. Теперь нечего притворяться. В будущем ему вряд ли предоставят это удовольствие. Он сел в кресло и закурил сигарету — двадцатую за день. Была уже половина двенадцатого. Если ему удастся спровадить этого Бонда в течение ближайшего часа, он сможет провести время со своими «людьми». Майор Смайт выпил пару глотков и собрался с мыслями. Можно рассказать о том, что произошло в Тироле коротко, или растянуть рассказ, описывая погоду, пьянящий аромат цветов и сосен в горах. Майор Смайт решил говорить только о деле.

Там, в большой спальне «Тифенбрюннера», майор Смайт, разложив на свободной постели захваченные документы, не искал что-то конкретное. Он всего лишь просматривал материалы, обращая особое внимание на документы с красной надписью в правом верхнем углу «Совершенно секретно». Их было немного, в основном секретные доклады о высших чиновниках Рейха, перехваченные шифровки союзников и местонахождение тайных складов. Поскольку это и было главной целью группы «А», майор Смайт читал их особенно внимательно — тайники с запасами продовольствия, архивами, взрывчаткой, оружием. На этот раз их группе здорово повезло! Вдруг, в самом низу пачки документов майор Смайт натолкнулся на конверт, опечатанный красным воском с надписью **«ВСКРЫТЬ ТОЛЬКО ПРИ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНЫХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ»**. В конверте был всего один лист бумаги с текстом, написанным красными чернилами, без подписи. Наверху было слово **«ВАЛЮТА»**. Далее следовало: **«Вильде Кайзер, Франциска-нер Хальт, сто метров к востоку, под грудой камней. Два слитка чистого золота в ящике из-под патронов»** и размеры каждого слитка в сантиметрах. Майор Смайт раздвинул руки, будто показывая, какую рыбу ему удалось поймать. Каж-

дый слиток был размером с два кирпича. А ведь сейчас английский соверен 583 пробы стоил от двух до трех фунтов стерлингов! Да это настоящее состояние! Не меньше пятидесяти тысяч фунтов! Может быть, даже ста тысяч! Сохраняя полное хладнокровие, майор Смайт чиркнул спичкой. Пепел, оставшийся от листа и конверта, в котором хранился документ, он растер в пепельнице и спустил в унитаз. Затем майор Смайт достал крупномасштабную карту района и через мгновение отыскал на ней Францисканер Хальт. Это была заброшенная хижина — приют для альпинистов, расположенная на склоне у подножья одной из вершин хребта Кайзер — внушающей трепет цепи гигантских остроконечных пиков, образующих восточный горизонт Китцбюля. А груда камней находится вот здесь, всего в десяти милях от «Тифенбрюннера», примерно в пяти часах от него.

Началось все именно так, как описал Джеймс Бонд. В четыре утра он подъехал к шале Оберхаузера, арестовал его и сообщил плачущим родственникам, что доставит Оберхаузера в Мюнхен для допроса. Если проводник ни в чем не виноват, через неделю он вернется домой. И не надо поднимать шум, сказал семье Оберхаузера майор Смайт, это только ухудшит его положение. Смайт отказался назвать свое имя, а номерные знаки на его джипе были предусмотрительно обмотаны тряпками. Через двадцать четыре часа группа «А» отправится дальше, и к тому времени, когда в Китцбюль придут военные власти, это происшествие будет похоронено в трясине оккупационной неразберихи.

После того, как прошел первый испуг, Оберхаузер оказался приятным собеседником, а когда Смайт со знанием дела заговорил о лыжах и альпинизме, они — каким и было намерение Смайта с самого начала — почувствовали себя друзьями. Смайт ехал не торопясь, с восхищением разглядывая вершины гор, залитые розовым светом восходящего солнца. Наконец, он остановил джип у Золотого пика — так он назвал про себя эту гору — и съехал на обочину. Майор Смайт повернулся к Оберхаузеру и доверительно сказал:— Оберхаузер, вы мне нравитесь. У нас общие интересы, и я не верю, что вы сотрудничали с нацистами. Давайте проведем здесь день, поднимемся на одну из вершин, а затем я отвезу вас обратно в Китцбюль и скажу своему командиру, что в Мюнхене вас проверили и отпустили.— Он посмотрел на Оберхаузера и дружески улыбнулся.— Идет?

Оберхаузер едва не заплакал от радости. А нельзя ли ему получить какой-нибудь документ, подтверждающий, что он прошел проверку в том, что не был связан с нацистами? Ну, разумеется! Подписи майора Смайта будет достаточно. Затем Смайт загнал джип в одну из расщелин, они замаскировали его травой и ветками, и начали подниматься по склону, среди живописных сосен, пахнувших смолой.

Смайт заранее подготовился к подъему на вершину. На нем были шорты, куртка и отличные сапоги с резиновой подошвой, выдававшиеся американским парашютистам. На боку висела кобура с Уэбли-Скоттом, и Оберхаузер не решился предложить, чтобы майор оставил револьвер в джипе. В конце-концов, Оберхаузер принадлежал к лагерю врагов. На нем был одет его лучший костюм и ботинки, но Оберхаузера это мало беспокоило. Он заверил майора Смайта, что для подъема им не понадобятся ни страховочная веревка, ни альпинистские крючья, и что недалеко от вершины находится заброшенная хижина, где они смогут передохнуть. Францисканер Хальт, сказал он.

— Очень хорошо, — отозвался майор Смайт.

— Совершенно верно, а рядом — небольшой ледник. Очень живописный. В нем масса трещин, но мы его обойдем.

— Вот как? — задумчиво спросил майор Смайт. Он внимательно посмотрел на затылок Оберхаузера, покрытый капельками пота. В конце-концов, он всего лишь проклятый краут. Одним больше, одним меньше. Это будет просто. Единственно, что беспокоило майора Смайта, так это как он сумеет спустить тяжелый ящик вниз. Он решил, что большую часть пути он просто скатит его по склону, а вот затем придется тащить слитки на спине.

Прошло немало времени, пока им удалось подняться выше того уровня, где кончился лес. Солнце стояло уже высоко над горизонтом, и стало жарко. Теперь они карабкались по крутым скалам, и из-под ног то и дело скатывались вниз камни, образуя миниатюрные обвалы. Наконец, они достигли последнего участка, почти отвесно поднимающегося в голубое небо. Оба они — Смайт и Оберхаузер — разделись до пояса, и пот стекал по их обнаженным спинам. Несмотря на свою хромоту, Оберхаузер ловко поднимался с одного уступа на другой, и когда они остановились, чтобы выпить воды, он похвалил майора Смайта за его отличную физическую подготовку. Смайт коротко ответил, что этим отличаются все английские военнослужащие, и они продолжали подъем.

Сам маршрут не был сложным. В наиболее опасных местах были вбиты крючья и высечены ступени. Майор Смайт ожидал этого, иначе на вершине, у подножья пика не построили бы хижину для альпинистов. Тем не менее, ему одному было бы нелегко отыскать траверсы, и он поздравил себя с тем, что предусмотрительно обзавелся проводником.

Один раз Оберхаузер уцепился рукой за выступ, и огромный валун, едва державшийся на склоне, неожиданно рухнул вниз. Майор Смайт внезапно подумал о том, что шум может привлечь внимание.— А здесь много жителей? — спросил он, глядя на камень, с грохотом катящийся вниз.

— Ни единой души до самого Куфштейна,— ответил Оберхаузер. Он протянул руку и показал на окружающие их скалы.— Почти нет травы для скота. Да и воду трудно найти. Сюда приезжают одни альпинисты. А с начала войны...— Он не закончил фразу.

Они обогнули голубой ледник, весь покрытый трещинами, и начали подниматься к хижине. «Да, именно это и нужно,» — подумал майор Смайт, взглянув на ледник. Прямо над их головами, примерно в сотне футов, виднелись бревенчатые стены хижины, потрескавшиеся от ветра, снега и солнца. Майор Смайт прикинул крутизну склона. Почти отвесная стена отсюда и до самого ледника. Сейчас или подождать? Он решил подождать. Оставался последний довольно опасный участок.

Наконец, они подошли к хижине. С момента начала подъема прошло около пяти часов. Майор Смайт сказал, что хочет отлечь, и пошел к востоку, делая вид, что восхищается неповторимой панорамой Австрии и Баварии, расстилавшейся перед ним в летней дымке на пятьдесят миль вокруг. Он тщательно считал шаги. Сто двадцать и перед ним была груда камней. По-видимому, памятник давно погибшему альпинисту. Майор Смайт знал, что для него это не памятник, а нечто совсем иное. Ему хотелось нагнуться и начать разбрасывать камни. Вместо этого он расстегнул кобуру, достал «Уэбли-Скотт» и осмотрел барабан. Затем вернулся к хижине.

На высоте десяти тысяч футов было довольно холодно, и Оберхаузер начал растапливать в хижине. Майор Смайт похолодел от ужаса.

— Оберхаузер,— сказал он, овладев собой,— пойдем, вы покажете мне наиболее примечательные места. Отсюда поистине фантастический вид.

— Конечно, господин майор,— Оберхаузер поднялся

и вышел из хижины. Он сунул руку в карман и вытащил сверток. Развернув бумагу, Оберхаузер достал кусок вяленого мяса и протянул майору. — Это все, что у меня есть, — сказал он застенчиво. — Мы называем его «солдат». Копченое мясо, жесткое, но вкусное. — Он улыбнулся. Как в фильмах о Диком Западе. Вот только я забыл название.

— Бильтонг, — рассеянно ответил майор. Затем он сказал: — Оставьте его в хижине. Есть будем позже. Идите сюда. Где здесь Иннсбрук?

Оберхаузер скрылся в хижине и тут же вернулся. Майор Смайт шел позади него, слушая объяснения.

Они подошли к обрыву над ледником. Майор Смайт достал револьвер и дважды выстрелил в затылок Оберхаузера.

Удары тяжелых пуль отбросили проводника вперед, и он рухнул вниз. Майор Смайт осторожно наклонился над обрывом. Тело пару раз ударилось о скалы и упало на ледник, но не туда, где были трещины, а рядом, на старый снег. — Проклятье! — выругался Смайт.

Грохот выстрелов разнесся среди гор и замер вдали. Майор Смайт еще раз посмотрел на темное пятно, лежащее далеко внизу. А сейчас за дело!

Он подошел к груде камней и начал разбрасывать их, начав с верхушки. Через несколько минут он сбил себе в кровь руки, но Смайт продолжал отбрасывать камни как одержимый, не обращая внимания на боль. Осталось всего несколько футов до основания пирамиды. И вдруг — наконец! Показался угол металлического ящика. Еще несколько камней, и перед ним лежал серый патронный ящик вермахта со стершимися буквами на нем. Майор Смайт застонал от радости. Роллс-Ройсы, Монте-Карло, роскошные квартиры, драгоценности от Картье, шампанское, икра — и, неожиданно, потому что он любил гольф — комплект клюшек, изготовленных Генри Коттоном.

Майор Смайт сел на камень и добрых пятнадцать минут смотрел на ящик, пьяный от счастья. Затем он взглянул на часы и вскочил. Прежде всего нужно скрыть следы. С обеих сторон ящика торчали ручки. Майор Смайт знал, что ящик будет тяжелым. Он мысленно прикинул его вес, сравнивая вес ящика с самым тяжелым грузом, который ему приходилось носить — сорокафунтовая семга, пойманная им в Шотландии перед самой войной — но ящик был в два или три раза тяжелее. Смайт с трудом вытащил его из камней на скудную альпийскую траву. Он обернул носовой платок вокруг одной из металлических ручек и

потащил ящик к хижине. Там он сел на крыльцо и, не отрывая глаз от сокровища, начал жадно рвать зубами жесткое вяленое мясо, оставленное Оберхаузером. Как спустить свои пятьдесят тысяч фунтов — именно в эту цифру оценивал майор Смайт добычу — вниз, к подножью горы? И потом надежно спрятать ящик?

Мясо Оберхаузера оказалось настоящей пищей альпиниста — жестким, с солью и чесноком. Кусочек застрял между зубами Смайта, и он выковырял его оттуда спичкой. Затем, с осторожностью тренированного разведчика, собрал все, что они с Оберхаузером бросили в хижину и снаружи, и тщательно спрятал. Отныне он стал преступником — как будто ограбил банк и застрелил охранника. Он был полицейским, превратившимся в вора и убийцу. Это нельзя забывать! Иначе смерть — смерть вместо драгоценностей от Картье. Теперь ему придется обдумывать все свои поступки. И — клянусь всеми святыми, — подумал майор Смайт, — он будет обдумывать каждый шаг с небывалой тщательностью. Ведь перед ним открывается счастливая жизнь богатого человека! Он подтащил ящик к обрыву и толкнул его вниз.

Серый ящик, медленно поворачиваясь в воздухе, полетел в пустоту, задел выступ скалы, отскочил от него, пролетел еще сотню футов и с грохотом рухнул на каменистую осыпь у подножья горы. Майор Смайт не видел, раскололся ящик или нет. Впрочем, ему было все равно. Открывать его нужно так или иначе. Пусть уж это сделает сама гора.

Еще раз оглянувшись вокруг, майор Смайт начал спуск. Теперь он проверял каждый крюк, ощупывал каждый выступ, каждую ступеньку. Поднявшись на вершину бедняком, он спускался богатым человеком, и жизнь его была теперь намного ценнее. Майор Смайт спустился на ледник и пошел по тающему снегу к темной фигуре, распростершейся у его истока. Отпечатки сапог скрыть не удастся, подумал он. Впрочем, через несколько дней снег растает под жаркими лучами альпийского солнца, и следы исчезнут. Майор Смайт подошел к телу Оберхаузера. За время войны он повидал немало трупов, и вид искалеченного, окровавленного тела оставил его равнодушным. Он подтащил труп Оберхаузера к ближайшей глубокой трещине и сбросил его вниз, затем тщательно присыпал снегом лежащее на дне тело. Удовлетворенный, он вернулся обратно, ступая точно в отпечатки своих следов, и продолжил спуск.

Да, гора оказала ему эту услугу. Ящик раскололся, и крышка валялась неподалеку. Почти равнодушно майор

Смайт развернул плотную промасленную бумагу. Перед ним лежали два огромных слитка золота. На каждом были выбиты одинаковые знаки — орел и свастика в круге, а так же год — 1943 — фирменные знаки монетного двора Рейхсбанка. Майор Смайт кивнул. Он снова закрыл слитки бумагой и кое-как прибил камнем оторванную крышку. Затем привязал ремень к ручке ящика и с трудом поволок его вниз по пологому склону.

Был уже час дня, и жаркие солнечные лучи свирепо жгли его голую, покрытую потом спину. Плечи покраснели и начали гореть. Лицо пылало. Майор Смайт остановился у ручья, вытекающего из ледника, намочил носовой платок и обвязал им голову. Затем выпил ледяной воды и отправился дальше, время от времени проклиная ящик, когда тот на крутом участке склона догонял его и бил по пяткам. Однако все эти трудности, солнечные ожоги и синяки, подумал Смайт, будут несравнимы с муками, которые придется испытать, когда он спустится на дно долины и груз придется нести на спине. Сейчас, по крайней мере, на его стороне была сила тяжести. А вот по дну долины придется нести слитки не меньше мили. Майор Смайт поморщился при мысли о том, что станет с его спиной и плечами, уже покрывающимися пузырями от ожогов солнца. — Ничего не поделаешь, — заставил он себя улыбнуться, — это — страдания миллионера!

Спустившись на дно долины, майор Смайт сел на лужайку в тени огромных елей. Отдохнув, он разостлал форменную рубашку из плотной ткани на траве, вывалил оба слитка на нее и привязал полы рубашки к рукам. После этого майор Смайт кое-как закопал ящик, как можно туже затянул узлы на рубашке, просунул голову в образовавшуюся петлю и с трудом выпрямился. Ему придется нести груз, превышающий половину его собственного веса. Обгоревшая на солнце спина мучительно болела. Дыхание со свистом вырывалось из горла. Смайт наклонился вперед и медленно пошел по тропинке среди елей.

До сего дня он не мог понять, как это ему удалось. Снова и снова узлы расходились под непомерной тяжестью, и слитки обрушивались ему на ноги. Всякий раз он садился, в отчаянии опускал голову на колени, затем вставал и начинал все сначала. Наконец, считая шаги и останавливаясь после каждой сотни, майор Смайт добрался до машины и рухнул на землю. Отлежавшись, он выкопал яму поглубже, закопал там свое сокровище и навалил на него груды камней. Кое-как приведя себя в порядок, майор

Смайт вернулся в гостиницу, сделав изрядный крюк, чтобы не проезжать мимо дома Оберхаузера. У себя в комнате он выпил бутылку дешевого шнапса, поел, упал в кровать и заснул как убитый. На следующее утро группа «А» двинулась вверх по долине Миттерсилля, разыскивая новые тайники, а через шесть месяцев майор Смайт вернулся в Лондон. Война для него закончилась.

Война закончилась, но проблемы только начинались. Провезти золото контрабандой, особенно такое количество, которое было у майора Смайта, дело нелегкое, а ему было необходимо доставить слитки в Англию и надежно их спрятать. Поэтому майор Смайт отложил свою демобилизацию и продолжал пользоваться документами военной разведки, что давало ему определенное преимущество. Скоро ему удалось вернуться в Германию, в Мюнхен, английским представителем комиссии по денацификации. Там он образцово работал в течение еще полугода. За это время он сумел выкопать золото и спрятать его у себя в комнате. Затем два раза во время уикэндов летал в Англию, перевозя по одному слитку в большом чемодане с бумагами. Для того, чтобы пройти по аэродрому в Мюнхене и Нортхольте, делая вид, что в чемодане лежат всего лишь документы, майору Смайту потребовались две таблетки бензедрина и максимальное напряжение воли. Наконец, золото было надежно укрыто в подвале дома его тетки, в Кенсингтоне. Наступило время приступать к планированию следующего этапа операции.

Он подал прошение об отставке, демобилизовался и женился на одной из своих подруг, очаровательной блондинке по имени Мэри Парнелл. Затем он приобрел два билета на грузопассажирский пароход, курсирующий между Эвенмутом и Кингстоном. Они с Мэри решили, что именно Ямайка является земным раем — вечно сияющее солнце, вкусная и дешевая пища, вина — особенно по сравнению с мрачной жизнью в послевоенной Англии, карточной системой и лейбористским правительством. Перед отплытием майор Смайт показал Мэри золотые слитки, с которых он давно соскоблел свастику и орлов Рейхсбанка. — Дело в том, дорогая, — сказал он, — что я не боюсь полагаться на устойчивость фунта стерлингов, поэтому продал все свои ценные бумаги и приобрел золото. Если удастся найти хорошего покупателя, эти слитки будут стоить свыше двадцати тысяч фунтов. Так что мы сможем время от времени продавать кусок и жить припеваючи.

Мэри Парнелл, доверчивая натура, не могла понять

всей сложности валютных операций. Она опустилась на колени и провела пальцами по сверкающей поверхности золотых слитков. Затем встала и кинулась на шею майору Смайту. — Ты — необыкновенный человек, — воскликнула Мэри, целуя его и чуть не плача от счастья. — Умный, красивый, смелый, а теперь, оказывается, и богатый в придачу. А я — самая счастливая женщина на свете.

— Мы оба с тобой богаты, — сказал майор Смайт. — Только обещай мне, что не обмолвишься ни словечком, иначе за нами будут охотиться все бандиты Ямайки. Обещаешь?

— Клянусь! — был ответ.

Клуб Принцев, расположенный у подножья холма над Кингстоном, был настоящим раем. Приятные собеседники, вышколенные слуги, отличная пища и превосходные вина, и все это в тропиках, где им еще не приходилось бывать. Молодая красивая пара сразу завоевала видное место в обществе, а военные заслуги майора Смайта проложили им путь в круг лиц, близких к губернатору. Их жизнь превратилась в сплошную вереницу праздников. Мэри играла в теннис, а майор Смайт проводил немало времени на поле для гольфа (с клюшками, изготовленными Генри Коттоном!). По вечерам Мэри садилась за бридж, а майор Смайт играл по-крупному в покер. Да, здесь был настоящий рай! А в это время на родине ели колбасный фарш, спекулировали на черном рынке, проклинали правительство и страдали от самой отвратительной зимы за последние тридцать лет.

Смайты оплачивали все свои первоначальные расходы из сбережений, накопленных за годы войны и еще более выросших благодаря пособию, которое получил при демобилизации майор Смайт. Потребовалось больше года осторожных расспросов, пока майор Смайт не принял решение обратиться к братьям Фоо, занимающимся импортом и экспортом. Братья Фоо, очень богатые и пользующиеся огромным уважением, были признанными старейшинами процветающего китайского сообщества на Ямайке. Некоторые их сделки не всегда соответствовали строгим требованиям закона, как и полагается сделкам китайских торговцев, однако самые тщательные расспросы майора Смайта подтвердили, что на братьев Фоо можно положиться. Только что была подписана Бреттон-Вудская конвенция, установившая твердую цену на золото во всем мире, но скоро стало известно, что в Танжере и Макао — двух свободных портах, на которые, по разным причинам, не рас-

пространялось действие конвенции — за тройскую унцию чистого золота платили не меньше ста долларов по сравнению с установленной ценой в тридцать пять долларов. Весьма удачным оказалось и то обстоятельство, что братья Фоо недавно начали торговать с Гонконгом, где уже в то время расцветала контрабанда золотом и его продажа в близлежащий Макао. Майор Смайт встретился с братьями Фоо и остался доволен результатами. До того момента, когда пришло время осматривать слитки, они вообще ни о чем не спрашивали майора Смайта. Отсутствие пробы на слитках привело к вежливому вопросу относительно происхождения золота.

Видите ли, майор, — сказал старший из братьев, сидевший за огромным письменным столом из красного дерева, — на валютных биржах знаки монетных дворов всех крупных банков принимаются безо всяких сомнений. Такие знаки гарантируют чистоту золота. Но в мире есть и другие банки, чьи методы очистки золота и пробирного анализа оставляют желать, — тут его улыбка стала еще шире, — лучшего.

— Вы хотите сказать, — с беспокойством в голосе спросил майор Смайт, — что это могут оказаться свинцовые слитки, покрытые тонким слоем золота?

Братья Фоо отрицательно покачали головами. — Нет, нет, майор, об этом не может быть и речи. Но, — улыбки на лицах братьев казались приклеенными, — если вы не можете вспомнить, как попали к вам эти слитки, то вы не будете возражать, если мы подвергнем анализу чистоту содержащегося в них золота? Существуют методы, с помощью которых можно точно определить пробу золота. У нас с братом огромный опыт такой работы. Может быть, вы оставите у нас эти слитки и вернетесь после обеда?

Майору Смайту не оставалось ничего другого, как полностью положиться на братьев Фоо. Они могут состряпать любую цифру, и ему придется согласиться с ними. Он зашел в один из баров, выпил пару крепких коктейлей, съел сэндвич и вернулся в прохладную контору братьев Фоо.

Обстановка не изменилась. В комнате сидели братья с широкими улыбками на лицах, на столе лежали два слитка золота и портфель. Однако теперь перед старшим братом был лист бумаги и паркеровская ручка с золотым пером.

— Мы решили загадку ваших золотых слитков, майор, («Золотых! Слава богу!» подумал майор Смайт), и я уверен, что вам будет интересно их происхождение.

— Ну, разумеется! — воскликнул майор Смайт с фальшивым энтузиазмом.

— Это — немецкие слитки, майор. Скорее всего они изготовлены на монетном дворе Рейхсбанка Германии во время войны. К такому выводу мы пришли потому, что слитки содержат десять процентов свинца. При Гитлере Рейхсбанк совершил глупость и там начали добавлять свинец в золотые слитки. Это сразу стало известно на валютной бирже, и цена на слитки, поступающие из Германии для продажи в Швейцарию, упала на соответствующую величину. Немцы добились только одного — национальный банк Германии утратил репутацию честного банка, что было предметом гордости немцев на протяжении многих веков. — Улыбка стала еще шире — если это было возможно. — Очень плохо, майор, просто глупо.

Майор Смайт подивился всезнанию братьев Фоо, живущих на Ямаике, вдали от крупнейших финансовых центров мира, и проклял его. А что дальше? Он сказал: — Все это очень интересно, мистер Фоо. Боюсь, однако, что для меня это плохие новости. Вы считаете, что такое золото не может быть продано на валютной бирже?

Старший брат Фоо небрежно махнул рукой. — Это не имеет никакого значения. Или, вернее, имеет очень малое значение. Мы беремся продать ваше золото по цене, принимающей во внимание его фактическую чистоту, скажем, 89-й пробы. Покупатель может затем подвергнуть его очистке, а может оставить его таким, каким оно есть. Это не наше дело. Мы продаем ему добротный товар.

— Но за более дешевую цену.

— Совершенно верно, майор. Однако у меня есть для вас хорошие новости. Как вы думаете, какова стоимость этих двух слитков?

— Мне кажется, примерно двадцать тысяч фунтов стерлингов.

Старший брат Фоо позволил себе хихикнуть. — Если мы будем сбывать золото умно и без спешки, вы получите более ста тысяч долларов, майор — за вычетом, конечно, наших комиссионных, включающих транспорт и другие расходы.

— И какова доля комиссионных?

— Мы считаем, что комиссионные должны составлять десять процентов. Разумеется, если вы согласны.

Майору Смайту казалось, что торговцы драгоценными металлами получают комиссионные в размере одного процента. Но какое это имеет значение? За сегодняшний день

он уже заработал более десяти тысяч фунтов дополнительно к первоначальной сумме. Он сказал:— Согласен!— встал и протянул руку братьям Фوو.

С тех пор каждые три месяца он приходил в контору братьев Фوو с пустым портфелем. В кабинете на огромном столе лежало пятьсот фунтов мелкими купюрами, золотые слитки, уменьшающиеся в размерах дюйм за дюймом, и отпечатанный на машинке счет, подтверждающий, сколько золота и по какой цене продано в Макао. Все было просто, безопасно и по-деловому. Майор Смайт считал, что с ним обошлись честно. Признаться, ему было все равно. Две тысячи фунтов в год чистыми его вполне устраивали, и единственное, что беспокоило майора Смайта, это визит налогового инспектора. Инспектор мог поинтересоваться, на какие средства живет майор Смайт. Он поделился с братьями Фوو своими опасениями. Братья заверили его, что ему не о чем беспокоиться, и когда, в течение полугода он получал не пятьсот фунтов в квартал, а четырехста, обе стороны делали вид, что ничего не произошло. Кого-то «подмазали», и спокойствие было восстановлено.

Текли ленивые, полные безделья дни, незаметно переходя в годы под солнцем тропиков. Мэри и майор Смайт располнели, у майора случился первый инфаркт и врач предупредил его, что нужно меньше пить и курить, а также избегать жирной пищи. Сначала миссис Смайт проявила твердость, но когда ее муж начал выпивать по-тихому, лгать и обманывать, она решила уступить. Однако было поздно. Мэри превратилась в пугало для майора Смайта, и он стал избегать ее. Тогда она начала преследовать его, говоря, что он ее не любит. А когда частые ссоры измотали простушку Мэри, она обратилась к снотворному. Наконец, после отвратительной, пьяной ссоры Мэри приняла слишком много таблеток, чтобы «показать ему». Доза оказалась смертельной. Самоубийство миссис Смайт удалось замять, но майору Смайту пришлось уехать из Кингстона. От его нового имения на Северном побережье до столицы Ямайки было всего три мили, но это было совсем иное общество. Майор Смайт начал потихоньку спиваться, и неизбежно умер бы через несколько лет — особенно после второго инфаркта — но на сцене появился этот Бонд со смертельным приговором в кармане.

Майор Смайт взглянул на часы. Было без нескольких минут двенадцать. Он встал, снова наполнил опустевший бокал и вышел в сад. Джеймс Бонд сидел в тени и смотрел на море. Майор Смайт придвинул раскладной стул, сел

рядом и поставил бокал на траву. Когда он закончил свой рассказ, Бонд равнодушно сказал: — Да, я ожидал что-то вроде этого.

— Хотите, я изложу все в письменном виде и подпишусь?

— Как вам угодно. Но мне это не нужно. Ваше признание понадобится для военного трибунала. Вас будет судить трибунал корпуса морской пехоты. Я доложу обо всем руководству своей службы, а они перешлют ваше досье дальше. Вашим делом будет заниматься военная прокуратура и Скотлэнд Ярл.

— Можно задать вопрос?

— Разумеется.

— Как вы узнали об этом?

— Ледник был маленький. Нынешней весной труп Оберхаузера обнаружили в нижней части ледника, как только растаял снег. Все личные документы Оберхаузера сохранились. Родственники опознали его. Дальше все было просто. Пули, извлеченные из черепа Оберхаузера, были последним неопровержимым доказательством.

— Но вы сами — как оказались замешаны в эту историю вы?

— Бюро многоцелевых задач подчинялось нашей службе. Расследование поручили нам. Досье попало мне на глаза. Как раз в этот момент у меня было время, и я попросил, чтобы дело поручили мне.

— Но почему?

Джеймс Бонд посмотрел в глаза майору Смайту. — Потому, что Оберхаузер был моим другом. Перед самой войной он учил меня кататься на лыжах. Был мне чем-то вроде отца. Такие люди, как он, встречаются очень редко.

— Понятно. — Майор Смайт отвернулся. — Мне очень жаль.

Джеймс Бонд встал. — Ну, мне пора ехать. Нет, не провозжайте меня. Я знаю, где стоит такси. — Он посмотрел на майора и сказал, пытаясь скрыть неловкость за резкостью тона: — Через неделю за вами приедут. — Затем он повернулся и пошел к воротам. Хлопнула дверца, раздался шум двигателя, автомобильных шин на гравии дорожки. Потом все стихло.

Разыскивая добычу на дне моря, майор Смайт старался понять смысл последних слов Джеймса Бонда. Впрочем, в них не было ничего загадочного. Его губы раздвинулись в молчаливой улыбке. Вроде как в старину, когда офицера, виновного в растрате казенных денег, оставляли

в комнате наедине с револьвером. Ведь если бы этому Бонду захотелось, он мог легко позвонить в Кингстон, оттуда приехал бы офицер колониального полка и взял его, Смайта, под стражу. Да, Бонд поступил как порядочный человек. Или им руководили другие соображения? Самоубийство куда аккуратнее, не требует никакой бюрократии и экономит средства налогоплательщиков. А что, может быть, воспользоваться предоставленным ему шансом и присоединиться к Мэри — где бы она не находилась? Или вынести все — унижение, мрачные формальности, заголовки в газетах, безрадостное существование приговоренного к пожизненному заключению и смерть от неизбежного третьего инфаркта? А может быть, защищаться — сослаться на войну, схватку с Оберхаузером на вершине горы, на то, что арестованный, знавший о тайнике с нацистским золотом, пытался оказать сопротивление, естественный соблазн утаить вражеское сокровище? Ведь перед ним, нищим офицером «коммандос», было целое состояние. Драматически молить суд о снисхождении к храброму офицеру? Внезапно майор Смайт увидел себя на скамье подсудимых — высокого офицера в парадной форме с орденами и медалями на груди (надо проверить, сохранилась ли его парадная форма? Не испортила ли ее моль? Пусть Лана вынесет мундир на улицу, очистит от нафталина, и как следует проветрит его. Затянув себя в корсет, он сможет втиснуть свою сорокадюймовую талию в брюки, сшитые двадцать — тридцать лет назад). А рядом увидел седого офицера, званием не ниже полковника, из уважения к званию самого Смайта, назначенного его адвокатом. Кроме того, приговор можно обжаловать в суд высшей инстанции. Подумать только, процесс может сделать его знаменитым! Он продаст право на издание газетам, напишет книгу... Майор Смайт почувствовал, как у него пробуждается интерес к жизни. Не увлекайся, старина, мысленно предостерег он себя. Не увлекайся! Он спустил ноги и встал на песчаное дно, с трудом сохраняя равновесие среди волн. Именно восточные ветры, разогнавшие сегодня такую волну, и делали Северное побережье таким приятным местом во время жарких августа, сентября и октября, перед наступлением периода ураганов. После пары коктейлей, умеренного обеда и короткой сиесты нужно все еще раз обдумать. А затем — к Арунделям на коктейли, ужин в клубе с Марчесисами, несколько партий в бридж и возвращение домой, где его ждал сон, облегченный таблетками секонала. Все эти мысли отодвинули черную тень

прошлого, о котором напомнил визит Джеймса Бонда, на задний план. Итак, где ты, рыба? Осьминожка ждет своего обеда! Майор Смайт опустил лицо в воду и медленно поплыл дальше, внимательно осматривая дно.

Через несколько секунд он увидел усы омара, или вернее, его кузена из Вест-Индии — лангуста. По толщине усов было видно, что это крупный экземпляр, не менее трех-четыре фунтов. В другое время майор Смайт встал бы на дно, поковырял гарпуном в песке, чтобы выманить из укрытия любопытного лангуста. А затем насадил его на гарпун и отнес домой. Ведь это превосходное лакомство! Но сегодня он думал только об одной добыче, его внимание было сконцентрировано на поисках щетинистых, неправильных очертаний скорпены. И скоро его старания были вознаграждены. Еще через десять минут майор Смайт заметил кусок коралла, поросший водорослями. Только это не был обломок коралла. Он встал на ноги и увидел, как выпрямились ядовитые иглы дорсального плавника вдоль спины. Крупная рыба, около фунта. Майор Смайт сделал шаг вперед. Теперь сердитые красные глазки скорпены открылись и следили за каждым его движением. Майор Смайт знал, что нужно нанести удар быстро и резко, направив гарпун прямо вниз, иначе его острые зубы скользнут по твердым чешуйкам, покрывающим голову скорпены, не причинив ей вреда. Он еще раз прицелился и сделал выпад. Но скорпена успела почувствовать колебания воды, вызванные движением гарпуна, поднялась вертикально вверх, подобно птице, и проскользнула под самым животом майора Смайта.

Он выругался и повернулся. Так и есть. Скорпена опустилась рядом со скалой, заросшей густыми водорослями, и спокойно лежала на дне, почти незаметная благодаря своей великолепной маскировочной окраске. Майор Смайт проплыл несколько ярдов, встал, прицелился и нанес удар. На этот раз он не промахнулся.

Волнение охоты и напряжение привели к тому, что где-то в груди появились первые признаки старой боли. Майор Смайт выпрямился и поднял рыбу, трепыхавшуюся на острие гарпуна, над поверхностью, затем медленно пошел к берегу. Там он сел на деревянную скамейку у среза воды, опустив гарпун с добычей на песок.

Прошло несколько минут. Вдруг майор Смайт почувствовал, что кожа в области солнечного сплетения как-то странно онемела. Он взглянул вниз и замер от ужаса. Участок живота, размером с теннисный мяч, побелел и резко

выделялся на фоне загорелого тела. В середине виднелись три маленькие царапины, из которых выступали капельки крови. Машинально майор Смайт стер кровь. Царапинки были крошечными, похожими на булавоочные уколы, но майор Смайт вспомнил, как угрожающе выпрямились ядовитые лучи дорсального плавника и прошептал с ужасом, но как-то беззлобно: — Да, на этот раз ты мне отомстил, сукин сын!

Глядя на царапинки, он вспомнил, что говорилось о ранах, нанесенных скорпеной, в книге «Опасные жители моря», которую он взял в библиотеке института и забыл вернуть. Майор Смайт осторожно потрогал побелевшую кожу. Да, она совершенно онемела, и уже начала пульсировать болью. Скоро боль усилится и станет невыносимой. Он упадет на песок и начнет биться, пытаясь избавиться от мучений. Затем рвота, помутнение сознания и конвульсии. А дальше, особенно при его слабом сердце, неизбежный сердечный приступ и смерть. В книге говорилось, что смерть наступит через пятнадцать-двадцать минут. И это будут минуты невыносимой агонии! Конечно, есть лекарства, которые могли бы спасти его — прокаин, антибиотики и антигистамины — если только выдержит сердце. Но их нужно вводить немедленно, ведь если даже ему удастся подняться по ступенькам, позвонить по телефону и у Джимми Гривса окажутся под рукой эти новые препараты, он не успеет приехать сюда раньше чем через час.

Приступ острой боли заставил его согнуться. За первым приступом последовал второй, затем еще и еще. В пересохшем рту появился металлический привкус. Майор Смайт застонал, с трудом встал на ноги и тут же упал на песок. Движения рыбы, трепыхающейся на острие гарпуна, заставили его очнуться. В это мгновение боль утихла. Тело горело, как в огне, но сознание прояснилось. Ну конечно! Эксперимент! Надо доплыть до Осьминожки и передать ей пищу!

— Осьминожка, Осьминожка, это мое последнее приношение!

Майор Смайт повторял фразу снова и снова. Он встал на четвереньки, нащупал маску, лежавшую рядом, и сумел натянуть ее. Затем взял гарпун со все еще трепещущей скорпеной и, прижимая ладонь левой руки к животу, пополз к берегу.

Он прополз пятьдесят ярдов по направлению к логову осьминога, затем соскользнул в воду. Боль разрывала его тело, и оно дергалось, как под электрическим током. Из

пересохшего горла вырывались нечленораздельные стоны. Кровь капала из прокушенной нижней губы. Майор Смайт последним усилием воли заставил себя выпрямиться, сполоснул запотевшую маску, надвинул ее на лицо и проплыл оставшиеся ярды. Да, коричневая масса осьминога была отчетливо видна. И Осьминожка чем-то взволнована! Чем? Майор Смайт посмотрел вниз и увидел, как в воде растекаются бледно-розовые струйки. Конечно! Осьминожка чувствовала запах его крови! Приступ невыносимой боли заставил покачнуться майора Смайта. Соберись с силами, Декстер, старина! Ты должен покормить свою Осьминожку! Он с трудом протянул руку, сжимающую гарпун, к трещине.

Возьмет ли Осьминожка приманку, ядовитую приманку, от которой умирал майор Смайт, но к чьему яду у осьминога может быть природный иммунитет? Из трещины осторожно выдвинулись три щупальца и затанцевали вокруг скорпены. Если бы рядом был профессор Бенгри! Перед глазами майора Смайта расплывался туман. Он понял, что теряет сознание. И вдруг щупальцы метнулись вперед, но не к рыбе! Они обвили его руки! Искусанные губы майора Смайта раздвинулись в гримасе улыбки. Наконец! Он и Осьминожка обменялись рукопожатием! Какое волнующее чувство!

Но щупальцы осьминога медленно и неумолимо тянули его под воду. Майор Смайт понял, что пришел конец. Он попытался вонзить гарпун в коричневую массу осьминога. Его рука протянулась к расщелине, и новые щупальцы, вынырнув оттуда, тоже охватили его тело. Майор Смайт выпрямился и сорвал маску. Над заливом разнесся сдавленный крик. Затем голова Смайта скрылась под водой и на поверхности появились воздушные пузыри. Затем всплыли дергающиеся ноги майора Смайта. Осьминог подтянул поближе обмякшее тело и его клюв легонько куснул человеческий палец.

Тело было найдено двумя молодыми рыбаками, занятыми ловлей рыбы-иглы. Они проткнули тело осьминога гарпуном майора Смайта и умертвили хищника обычным туземным способом — перевернув осьминога на спину, один из них откусил ему голову. После этого они доставили на берег три мертвых тела. Там рыбаки вызвали полицию, передали ей труп майора Смайта, а скорпену и «морского кота» приготовили себе на ужин. Местный корреспондент газеты «Дейли Глинер» сообщил, что майор Смайт

убит осьминогом, но редактор изменил формулировку на «утонул», не желая пугать туристов.

Позднее, в Лондоне, Джеймс Бонд, расценив смерть майора Смайта как самоубийство, написал все-таки на последней странице досье «утонул при купании» и закрыл дело.

Причина смерти выяснилась лишь после вскрытия, осуществленного доктором Гривсом. Оно поставило точку в бесцельной жизни и трагической смерти бывшего офицера английской секретной службы.

КВАНТ УТЕШЕНИЯ

— Я всегда думал, — сказал Джеймс Бонд, — что если я когда-нибудь женюсь, то непременно на стюардессе.

...Званный обед у губернатора прошел довольно уныло; теперь, когда двое других гостей распрощались и в сопровождении губернаторского адъютанта поспешили на самолет, Бонд и хозяин сидели на диване в просторной мебелированной гостиной Управления общественных работ, пытаясь завязать беседу. Глубоко провалившись в мягкие диванные подушки, Бонд злился. Его всегда раздражала мягкая мебель, он предпочитал жесткие стулья — сидя на них, ощущаешь твердую опору под ногами. И Бонд чувствовал себя глупо, развалившись бок о бок с пожилым холостяком на этом обитом розовым ситцем супружеском ложе и праздно созерцая кофе и ликеры на низком столике между их вытянутыми ногами. Со стороны могло показаться, что два близких приятеля беседуют на интимные темы, но это было бы ошибочным впечатлением.

Бонд не любил Нассау. Здесь все были слишком богатыми. И те, кто приезжал на зимний сезон, и те, кто жил здесь постоянно, говорили между собой только о деньгах, о своих немощах, жаловались на прислугу. Они не умели даже толком посплетничать. Им не о чем было позлословить — для любовных интриг они состарились и как подавляющее большинство богатых людей были слишком осмотрительными, чтобы говорить дурно о соседях.

Супруги Харви Мидлер только что ушли: он — симпатичный, в меру скучный канадский миллионер, когда-то занявшийся природным газом и преуспевший в этом, его жена — миловидная болтушка, скорее всего, как подумал Бонд, англичанка. За столом она сидела рядом с ним и без

умолку жизнерадостно трещала о постановках, которые недавно видела, о своих знакомствах с уймой замечательных людей — актерами и подобной публикой, о том, что лучшее место для ужина «Савой-Гриль» («А вы как считаете, мистер Бонд?»). Джеймс Бонд из всех сил старался не ударить лицом в грязь, но так как уже два года не был в театре, да и последний раз попал туда вместе с человеком, за которым следил в Вене, ему не оставалось ничего иного, как положиться на довольно смутные воспоминания о лондонской ночной жизни, которые, впрочем, сильно отличались от впечатлений миссис Харви Миллер.

Бонд знал, что губернатор пригласил его только по обязанности и, возможно, для того, чтобы развлечь его персональную чету Миллеров. Неделю Джеймс Бонд провел на Багамах и завтра улетал в Майами. Его задание не выходило за рамки обычного. Повстанцы Кастро получали оружие из всех соседних стран, но в основном оно шло через Майами и Мексиканский залив. Когда береговая охрана США перехватила два крупных транспорта с оружием, сторонники Кастро обратили взор на Ямайку и Багамские острова как возможные перевалочные базы, и Бонда послали из Лондона помешать этому. Приказ не вызывал у него восторга. Если уж на то пошло, его симпатии были на стороне повстанцев, однако они поставили под угрозу срыва планы британского правительства относительно импорта кубинского сахара. Обязательство Великобритании не поддерживать мятежников и не оказывать им помощи было вторым, гораздо менее важным обстоятельством.

Бонду удалось выяснить, что в порту готовятся к отплытию две большие крейсерские яхты, специально оборудованные для перевозки оружия. Арест судов вызвал бы нежелательную огласку, поэтому, выбрав ночь потемнее, Бонд подкрался к ним на полицейском катере с потушенными огнями. С его палубы он бросил по термитной бомбе в открытые иллюминаторы каждой из яхт и на большой скорости скрылся. С безопасного расстояния он полюбовался фейерверком. Страховым компаниям, увы, не повезло. Но все обошлось без жертв. Задание М Бонд выполнил в срок и не оставил следов.

До сих пор, насколько ему было известно, никто в колонии, кроме начальника полиции и двух его офицеров, не догадывался о виновнике ночного пожара. Впрочем, и для них Джеймс Бонд заблаговременно отправился на катере в длительный рейс. Всю правду знал только М в Лондоне. Бонд чувствовал угрызения совести, обманывая губерна-

тора, как ему показалось, недалекого человека, но сознаться в тяжком уголовном преступлении, которое могло легко стать предметом разбирательства в Законодательном совете, было по меньшей мере глупо. Впрочем, губернатор не был простаком. Он сразу понял цель визита Бонда в колонию, и с момента, когда они обменялись рукопожатием, на протяжении всего вечера Бонд ощущал явную неприязнь хозяина по отношению к себе — тревогу мирного человека в присутствии насилия.

Губернатор хранил ледяное молчание за обедом, и лишь титанические усилия его адъютанта, без устали разглагольствовавшего за столом, сумели придать общей беседе оттенок оживления.

Сейчас было только половина десятого. Бонду и губернатору предстояло мужественно выдержать по меньшей мере час благовоспитанной беседы, прежде чем они с чувством глубокого облегчения могли разойтись спать, каждый искренне веря, что никогда больше не увидит другого. Бонд вовсе не был настроен против губернатора. Просто тот принадлежал к скучному типу людей, с которыми Джеймса Бонда сталкивала жизнь по всему свету: положительный, солидный, знающий, надежный, добросовестный, очень порядочный — словом, образец гражданского колониального чиновника. Должно быть, так же честно, со знанием дела и преданно работал он в течение тридцати лет, поднимаясь по лестнице служебной карьеры, в то время как вокруг трещала по швам и рушилась Британская империя. И сейчас, точно по расписанию, счастливо избежав явных и тайных неприятностей, он поднялся на верхнюю ступеньку. Через год-другой он получит Большой крест ордена Бани, и — скорее, скорее в отставку, домой — в Годалминг, или Челтем, или Танбридж-Уэллс — с пенсией и скромным багажом воспоминаний о таких дырах, как Договорный Оман, Подветренные острова, Британская Гвина, о которых никто слыхом не слыхивал в местном гольф-клубе и которые там никого не интересуют. И тем не менее, Бонд отметил это про себя сегодня вечером, сколько мелких драм, подобных мятежу Кастро, прошло перед глазами губернатора, к скольким из них он был причастен! Как хорошо он должен знать шахматную доску малой политики, скандальную изнанку жизни небольших колоний за границей, секреты людей, лгавших правительству в своих донесениях из всех уголков света.

Как разговорить этого сухого осторожного человека? Как он, Джеймс Бонд, которого губернатор, не стараясь

даже скрывать, считает опасным типом, способным осложнить его карьеру,— как Джеймс Бонд сможет выжать из него хотя бы один интересный факт, хоть одно замечание, чтобы вечер не пропал окончательно?

Легкомысленная и неискренняя реплика Бонда о женитьбе на стюардессе подвела итог их отрывочной беседе о воздушных путешествиях, которая с угнетающей неминуемостью последовала за прощанием с Миллерами, спешившими на монреальский рейс. Сначала губернатор поведал, что БОАК¹ сильно потеснила американцев в Нассау, потому что ее самолеты хоть и летят до Айдлуайлда² на полчаса дольше, но сервис на них великолепен. В свою очередь Бонд, удивляясь про себя, какие пустяки он мелет, согласился с губернатором и тоже заметил, что лично он предпочитает летать медленнее, но комфортабельно, чем быстрее, но в плохих условиях. Как раз после этого он и произнес фразу о стюардессе...

— В самом деле? — с точно выверенной дозой удивления сказал губернатор таким деревянным голосом, что Бонд пришел в отчаяние.— Почему? — спросил губернатор.

— О, как вам сказать? Наверное, прекрасно иметь супругой хорошенькую девушку, которая сдувает с вас пылинки, подносит выпивку с горячей закуской, все время беспокоится, не нужно ли вам чего еще. Всегда весела, всегда заботлива. Если я не найду подходящую стюардессу, не останется ничего иного, как жениться на японке. Кажется, они тоже правильно воспитаны.— Джеймс Бонд вообще не собирался ни на ком жениться, а если бы и надумал, то, конечно, не на безответной рабыне. Он лишь пытался озадачить либо разозлить губернатора, чтобы вовлечь его в разговор на кукуую-нибудь общежитейскую тему.

— О японках судить не могу, но что касается стюардесс, то надеюсь, и вам это приходило в голову, их специально обучают угождать. Они могут быть совершенно иными в жизни, точнее сказать, в нерабочее время.— Голос губернатора оставался спокойным и рассудительным.

— У меня не было случая убедиться в этом, поскольку на самом деле я не очень стремлюсь жениться,— ответил Бонд.

Наступило молчание. Сигара губернатора погасла, и прошло несколько секунд, пока он ее раскуривал. Бонду

¹ «Бритиш-оверсиз-эруэйз-корпорейшн» — британская авиакомпания.

² Ныне аэропорт им. Джона Ф. Кеннеди в Нью-Йорке.

показалось, что его голос все же начал терять безразличие.

Губернатор сказал:

— Я знал одного человека, который рассуждал, как вы. Он влюбился в стюардессу и женился на ней. Между прочим, довольно любопытная история, на мой взгляд.— Он покосился на Бонда и смущенно усмехнулся.— Вы достаточно много сталкивались с оборотной стороной жизни, и, вероятно, мой рассказ покажется вам скучным. Но, может, вы хотите послушать его?

— С превеликим удовольствием.

Бонд постарался вложить энтузиазм в свои слова. Он сомневался, что его понятие о скуке совпадает с губернаторским, но, на худой конец, это спасало его от необходимости участвовать в любой другой идиотской беседе. Теперь надо было вырваться из цепких объятий дивана.

Бонд пробормотал:

— Пожалуй, я выпью еще бренди.

Встав, он плеснул бренди на дно своего стакана и, вместо того чтобы вернуться на место, подвинул стул и сел напротив собеседника с другой стороны столика.

Губернатор внимательно исследовал кончик сигары, сделал короткую затяжку и поднял ее вертикально, чтобы столбик пепла не рассыпался. На протяжении всего рассказа он с опаской поглядывал на кончик сигары и говорил так, будто обращался к тонкой голубой струйке дыма, быстро таявшей в жарком влажном воздухе.

Медленно подбирая слова, он начал:

— С этим человеком — я назову его Мастерсом, Филипом Мастерсом — мы начали службу в колониях почти одновременно. Я пришел на год раньше его. Он окончил «Феттес»¹ и получил стипендию в Оксфорде, в каком именно колледже он учился — не важно, а по окончании поступил на работу в Министерство колоний. Он не отличался талантом, но был очень работоспособным и целеустремленным, знаете, из породы тех, кто производит благоприятное впечатление на министерские комиссии. Они и зачислили его на службу. Первое назначение Мастерс получил в Нигерию. Он прекрасно зарекомендовал себя здесь. Симпатизируя местному населению, он хорошо ладил с ним. Мастерс был человеком либеральных идей, и, хотя он не брался с неграми, что могло бы, — губернатор кисло улыбнулся, — плохо кончиться при тогдашнем его началь-

¹ Привилегированная частная средняя школа для мальчиков в Эдинбурге.

стве, обращался он с нигерийцами мягко и гуманно, что, впрочем, повергало их в совершенное изумление.

Губернатор замолчал и затянулся сигарой. Пепел на ней едва держался. Осторожно наклонившись к столу, он стряхнул его в свою чашку из-под кофе. Пепел зашипел. Откинувшись в кресле, губернатор впервые за вечер посмотрел Бонду в глаза.

— Осмелюсь предположить, что привязанность этого молодого человека к туземцам заменила ему чувства мужчины его возраста к противоположному полу. К несчастью, Филип Мастерс был стеснительным и довольно неотесанным юношей, который не имел ни малейшего успеха у женщин. Раньше, когда он не зубрил, готовясь к экзаменам, то играл в хоккей¹ или греб в университетской восьмерке. Каникулы он проводил у тетки в Уэльсе, где лазал по горам с местным горным клубом. Его родители, к слову сказать, разошлись, когда он еще учился в школе, и, хотя Филип Мастерс был единственным ребенком, не заботились о нем, считая, что он вполне обеспечен в Оксфорде стипендией и тем небольшим содержанием, которое было единственным знаком их внимания к сыну. Итак, с одной стороны, у него было мало времени на девушек, с другой — слишком мало того, что говорило бы в его пользу тем немногим из них, которые ему иногда встречались. Его внутренняя жизнь развивалась по ложным и порочным канонам, унаследованным от наших викторианских дедов. Зная Мастерса, я полагаю, что его сердечное отношение к цветным в Нигерии было лишь выражением души доброй и полнокровной, истосковавшейся по настоящей любви и нашедшей утешение в их простых и бесхитростных натурах.

Бонд прервал монолог собеседника:

— Единственная беда с этими прекрасными негритянками — они совсем не умеют предохраняться. Я полагаю, ваш друг сумел избежать неприятностей.

Губернатор протестующе поднял руку. В его голосе чувствовалась брезгливость:

— Нет, нет, вы не так меня поняли. Я не имел в виду секс. Этому молодому человеку даже не приходило в голову вступить в связь с цветной девушкой. Он ведь на самом деле был ужасно невежественным в сексуальном плане. Увы, это не редкость среди молодежи в Англии даже сегодня, а в те дни это было сплошь и рядом и послужило, надеюсь, вы не будете спорить, причиной многих, очень

¹ Хоккей на траве.

многих несчастливых браков и других житейских трагедий. (Бонд кивнул.) Я лишь хотел показать Филипа Мастерса на некотором отрезке его жизни, чтобы вы лучше поняли, что могло ждать этого целомудренного простофилю с добрым, но неразбуженным сердцем и телом, что только неспособность к общению в своем мире заставила его искать привязанностей среди цветных. Короче говоря, в личной жизни он был сентиментальным неудачником, внешне некрасивым, но во всех других отношениях абсолютно нормальным гражданином.

Бонд сделал глоток бренди и вытянул ноги. Он наслаждался. Старомодная повествовательная манера губернатора придавала его рассказу достоверность.

— Служба Мастерса в Нигерии совпала с приходом к власти первого лейбористского правительства. Если помните, одна из первых их реформ касалась колониальной службы. В Нигерию назначили нового губернатора с передовыми взглядами на местные проблемы. Он был приятно удивлен, обнаружив в своем подчинении клерка, который в рамках своих небольших полномочий уже претворял его взгляды в жизнь. Губернатор поощрил Мастерса, поручив ему обязанности, превышавшие его служебный статус. А вскоре, когда пришел черед Мастерса на повышение, он написал ему такую бестящую характеристику, что тот круто пошел в гору и был назначен помощником секретаря правительства на Бермудских островах.

Губернатор взглянул на Бонда сквозь сигарный дым и вежливо поинтересовался:

— Надеюсь, я вам не очень наскучил. Я постараюсь быть кратким.

— Что вы, мне очень интересно. Кажется, я представляю этого молодого человека. Вы, наверное, очень хорошо его знали.

Губернатор секунду поколебался, а затем сказал:

— Я довольно неплохо узнал его на Бермудах. Я был его начальником, он подчинялся непосредственно мне. Но пока, прошу прощения, мы не добрались до Бермудских островов. В те дни пассажирская авиация делала первые шаги в Африке, но так или иначе Филип Мастерс решил сэкономить отпускные дни и лететь в Лондон, а не плыть из Фритауна. Поездом он добрался до Найроби и пересел на еженедельный самолет «Империал эруэйз» — предшественницы БОАК. Раньше Мастерс никогда не летал, поэтому ему было интересно, хотя и слегка боязно, когда самолет оторвался от земли. Перед этим стюардесса, кото-

рую он нашел очень хорошенькой, дала ему леденец и показала, как застегнуть привязные ремни. Самолет набрал высоту, и Мастерс обнаружил, что летать не так уж страшно. В проходе опять появилась стюардесса и с улыбкой сказала, что ремни можно расстегнуть. Видя, как Мастерс неумело вертел застежку в руках, она наклонилась и помогла ему. С ее стороны это была просто небольшая любезность, но Мастерс никогда в жизни не находился так близко от молодой женщины. Он вспыхнул, сильно смутился и поблагодарил ее. В ответ на его замешательство она ободряюще улыбнулась и, присев напротив в проходе на поручень кресла, поинтересовалась, откуда и куда он направляется. Мастерс ответил и в свою очередь стал расспрашивать ее: о самолете, с какой скоростью они летят, где будут посадки и так далее. Очень скоро он обнаружил в ней массу достоинств. Девушка оказалась ему ослепительно прекрасной. Его поразило, как легко и ненавязчиво она умеет поддерживать беседу, как быстро они нашли общий язык. Удивил его и явный интерес девушки к тому, что он рассказывал об Африке.

По-видимому, его жизнь показалась стюардессе гораздо более романтической и шикарной, чем была на самом деле. В ее присутствии он почувствовал себя важной персоной. Когда она ушла помочь двум буфетчикам приготовить завтрак, Мастерс, откинувшись в кресле, подумал о ней, тут же испугавшись своих мыслей. Он попробовал читать, но не смог — буквы на странице сливались. Он блуждал взглядом по салону самолета, мечтая хоть мельком увидеть ее снова. Один раз она встретилась с его горящими глазами, и Мастерсу показалось, что она тайком улыбнулась ему. Она как бы говорила: мы единственные молодые люди в самолете, мы понимаем друг друга, у нас много общего.

Филип Мастерс смотрел в иллюминатор и видел ее на фоне белого моря облаков. Своим мысленным взором он скрупулезно изучал девушку, восхищаясь ее совершенством. Это была маленькая стройная блондинка, что называется кровь с молоком, с ярко-красными губами и голубыми глазами, искрящимися озорным смехом. Ее волосы были собраны сзади в аккуратный пучок, который особенно умилял Мастерса (он счел этот пучочек признаком порядочной девушки). Зная Уэльс, Мастерс подумал, что в ней течет валлийская кровь. Об этом говорило и ее имя — Рода Ллуэллин, которое он прочитал в конце списка экипажа над журнальной полкой рядом с дверью туалета, ког-

да пошел мыть руки перед завтраком. Мастерс лихорадочно размышлял. Почти два дня они будут рядом, но как встретиться с ней потом? У такой девушки, должно быть, сотни поклонников. А может, она и вовсе замужем? Постоянно ли она в полетах, сколько времени она свободна между ними? Не посмеется ли она над ним, если он пригласит ее в театр или пообедать вместе? А вдруг она пожалуется командиру корабля, что один из пассажиров пристает к ней? Внезапно Мастерс с ужасом представил, как его высаживают в Адене, — жалоба в колониальную администрацию — конец карьеры.

Пришло время завтрака, а для него — новых надежд. Когда она укрепляла маленький столик на его коленях, ее волосы коснулись щеки Мастерса, и он почувствовал, будто дотронулся щекой до оголенного провода. Она помогла ему разобраться в обилии маленьких целлофановых пакетов, показала, как снять пластмассовую крышку ванночки с салатом, похвалила сладкое — большой кусок пирога. Короче, она так суежилась вокруг него, что Мастерс не мог припомнить ничего подобного, включая и те времена, когда он был ребенком и мать ухаживала за ним.

В конце рейса, обливаясь потом, он собрал всю свою храбрость и пригласил ее пообедать вместе. Он чуть не потерял сознание, когда она с готовностью согласилась. Через месяц она уволилась из «Империал эруэйз», и они поженились. Еще месяц спустя Мастерс получил вызов на Бермудские острова, и они отплыли из Англии.

Бонд сказал:

— Я опасаюсь худшего. Она вышла замуж, потому что его жизнь казалась ей изысканно-великосветской. Вероятно, у нее была идея фикс стать королевой званых чаепитий в правительственной резиденции. Я подозреваю, что Мастерс в конце концов был вынужден убить ее.

— Нет, — мягко возразил губернатор. — Но осмелюсь сказать, что вы абсолютно правы насчет причин ее замужества. Добавлю сюда еще усталость от однообразия и опасность полетов. Возможно, она действительно думала преуспеть в своих грезах, но должен признаться, что когда молодожены прибыли и поселились в предместье Гамильтона, на всех нас произвела приятное впечатление ее жизнерадостность, хорошенькое личико и то, как она старалась понравиться каждому. Конечно, и Мастерс изменился. Жизнь стала для него сказкой. Теперь, когда прошло столько лет, довольно жалким кажутся его потуги облагородить свою внешность, выглядеть достойным ее. Он

стал заботиться об одежде, смазывал волосы каким-то ужасным бриолином и даже отрастил усы, как у военного. Наверное, ей казалось это аристократичным. После окончания работы он летел напрямик домой. А на службе не давал никому прохода со своей Родой — Рода здесь, Рода там, и когда, вы думаете, леди Берфорд (это была жена губернатора) пригласит Роду на завтрак?

Но он работал не разгибая спины, и все любили молодую пару. Все шло у них прекрасно в течение полугода или около того. А потом — сейчас я могу только гадать о причине — случайная размолвка подобно капле кислоты начала разъедать счастье и согласие в их маленьком бунгало. Вы понимаете, о чем я говорю, — нечто вроде этого: почему жена секретаря никогда не приглашает меня с собой по магазинам? Когда мы опять сможем пригласить гостей на коктейль? Я ужасно скучаю дома целыми днями. Когда наконец ты получишь повышение? Ты же знаешь, что мы не можем позволить себе ребенка. Сегодня ты должен вернуться к обеду. Мне совершенно нельзя нервничать. Ты-то на славу проводишь время, у тебя все в порядке... И так далее в том же духе. И конечно, всю ее нежность и заботливость как рукой сняло. Теперь Мастерс перед уходом на службу сам подавал завтрак в постель бывшей стюардессе, правда, я не сомневаюсь, что делал он это с наслаждением. Теперь Мастерс, возвращаясь вечером с работы, сам наводил порядок в доме, прибирая разбросанные повсюду конфетные обертки и пепел. Сам он бросил курить и отказывался даже изредка выпивать в компании, дабы иметь возможность покупать Роде новые наряды, чтобы она чувствовала себя не хуже других жен.

Кое-что об их отношениях стало известно в секретариате, по крайней мере мне, хорошо знавшему Мастерса. Озабоченный хмурый вид, частые странные телефонные звонки в служебное время, самовольные уходы за десять минут до конца работы, чтобы успеть проводить Роду в кино, и, естественно, часто повторяющиеся полущутливые вопросы, заданные как бы невзначай: «Чем занимаются другие жены в течение дня? Не считают ли они, что здесь немножко жарко? Не кажется ли вам, что женщин (он всегда добавлял при этом: «Благослови их Господь») легче расстроить, чем мужчин...»

Беда, или по крайней мере большая ее часть, состояла в том, что Мастерс совсем потерял голову. Рода была для него всем. Если она несчастна или волнуется, значит, виноват только он один. В отчаянии он повсюду

искал ей занятия, способные заинтересовать ее и развлечь, пока наконец он, а вернее, она не остановилась на гольфе. Надо заметить, что гольф на Бермудских островах — очень серьезная вещь. Там есть несколько великолепных гольф-клубов, включая знаменитый «Центральноокеанский», где играет весь высший свет, а после игр все собирается в клубе поболтать и выпить. Наконец она получила то, к чему стремилась, — приятное времяпрепровождение и избранное общество. Один бог знает, как Мастерсу удалось наскрести достаточно денег, чтобы заплатить вступительный взнос, за уроки и за все остальное, но он заплатил, и это был день его торжества.

Рода стала целыми днями пропадать в «Центральноокеанском». Она прилежно тренировалась, осилила все премудрости гольфа, участвовала в небольших соревнованиях и ежемесячных турнирах и через полгода не только освоила респектабельную игру, но и стала общей любимицей мужской половины клуба. Меня это не удивило. Я помню, как видел ее там несколько раз. Очаровательная загорелая фигурка в коротеньких шортах с белым козырьком на лбу на фоне зеленого газона; элегантные движения, подчеркивающие ее стройность, и должен признаться вам, — глаза губернатора оживились, — более прекрасного создания я никогда больше не видел на поле гольф-клуба. Само собой разумеется, что вскоре случилось то, что должно было случиться. Шло соревнование смешанных пар. Ее партнером был старший сын Таттерсолла — их семья главенствовала среди коммерсантов Гамильтона и в определенном смысле принадлежала к правящему слою бермудского общества. Юный шалопай был чертовски хорош собой. Прекрасный пловец и неважный игрок в гольф, с быстходным катером и открытой «МГ»¹ — вы знаете этот тип молодых бездельников. Гоняют на автомобилях, или катаются на яхтах, или веселятся в ночном клубе с девицами, а если те недостаточно быстро ложатся в постель, то лишаются всех этих удовольствий.

После упорной борьбы в финале Рода и Таттерсолл выиграли. Филип Мастерс был среди ликующей толпы именитых гольфсменов, провожавшей победителей до дома. В тот день он веселился в последний раз, потом способность радоваться пропала у него надолго, быть может, на всю жизнь. Почти сразу же она стала любовницей Таттерсолла, а перешагнув черту, она уже не останавливалась

¹ Марка спортивного автомобиля.

и неслась вперед сломя голову. Поверьте мне, мистер Бонд,— губернатор сжал кулак и осторожно опустил его на край столика,— это было отвратительное зрелище. Она не сделала ни малейшей попытки смягчить удар, как-то попытаться скрыть происходящее. Она просто взяла молодого Татарсолла и отхлестала им Мастерса по лицу. Она могла вернуться домой в любой час ночи; под предлогом, что якобы спать вместе слишком жарко, она выселила мужа в отдельную комнату. Если она когда-то и прибиралась по дому или готовила еду, то лишь затем, чтобы сохранить видимость приличия. Понятно, что через месяц все стало известно, а бедный Мастерс был украшен парой таких огромных рогов, каких еще не видывали в колонии. Наконец вмешалась леди Берфорд и побеседовала с Родой Мастерс — предупредила ее, что она разрушает карьеру мужа и так далее. Но беда заключалась в том, что при этом леди Берфорд, находя Мастерса занудой и пережив в собственной молодости пару приключений (а она по-прежнему оставалась красивой женщиной), отнеслась к Роде чересчур снисходительно.

Конечно, и сам Мастерс (он рассказал мне об этом позже) применил весь обычный в таких случаях арсенал: просьбы и увещевания, яростные приступы гнева и ожесточенные ссоры, рукоприкладство (он признался мне, что чуть не задушил ее однажды ночью), а под конец — ледяное презрение и угрюмое, замкнутое страдание.

Губернатор промолчал, потом сказал:

— Я не знаю, доводилось ли вам наблюдать когда-нибудь, мистер Бонд, как человеку разбивают сердце, разбивают медленно и жестоко. Так вот, именно это происходило с Филипом Мастерсом, и это было печальное зрелище. Когда он приехал на Бермуды, на его лице был написан рай, через год оно выражало ад. Конечно, я делал все, что было в моих силах. Все мы старались помочь ему, каждый по-своему, хотя, честно говоря, после того, что случилось в «Центральноокеанском», для него оставался один реальный выход — попробовать помириться с женой. Но Мастерс напоминал раненую собаку. Он забился в свой уголок и огрызался на каждого, кто подходил слишком близко.

Я из кожи лез, пытаюсь смягчить его горе, даже написал ему пару писем. Позже он признался мне, что разорвал их, не читая. Однажды мы собрались на мальчишник в моем бунгало и пригласили его. Мы хотели напоить его, чтобы он забылся. И он напился. Затем мы слышали грохот в ванной — Мастерс попытался вскрыть вены моей

бритвой. Это переполнило чашу нашего терпения. Меня выбрали делегатом — пойти и рассказать все губернатору. Он, конечно, был уже в курсе, но надеялся, что обойдется без его вмешательства. Теперь вопрос стоял об отставке Мастерса — свою работу он послал к чертям, жена замешана в публичном скандале. Он стал конченой личностью. Что мы могли поделать? Но губернатор был прекрасным человеком. Поскольку дело перешло в его руки, он решил использовать последний шанс, чтобы предотвратить почти неминуемый рапорт в Уайт-холл, который бы окончательно раздавил то, что оставалось от Мастерса. Сама судьба помогла ему. На следующий день после моего разговора с губернатором пришло официальное сообщение Министерства колоний о том, что в Вашингтоне состоится совещание по подготовке соглашения о прибрежном рыболовстве и что правительства Багамских и Бермудских островов должны послать туда своих представителей. Губернатор вызвал Мастерса, принял его как добрый дядька, сообщил о командировке в Вашингтон, посоветовал решить свои семейные дела в ближайшие полгода и распрощался с ним. Через неделю Мастерс улетел в Вашингтон и просидел там, обсуждая рыболовные дела, пять месяцев. Мы все вздохнули с облегчением. Что касается Роды Мастерс, то каждый из нас старался избегать ее и выказывать ей презрение, пользуясь любой возможностью.

Губернатор достал платок и вытер лицо. В просторной, ярко освещенной комнате воцарилась тишина. Воспоминания взволновали губернатора, его глаза ярко блестели на покрасневшем лице. Он встал и налил виски с содовой Бонду и себе.

Бонд воскликнул:

— Ну и дела! Я ожидал, что рано или поздно случится нечто подобное, но все же не так быстро. Бедняга Мастерс! Должно быть, она было из породы безжалостных маленьких сучек. Но может, хоть на людях она выказывала признаки раскаяния за то, что натворила?

Губернатор закончил раскуривать новую сигару. Он посмотрел на ее красный кончик и подул на него.

— О нет,— сказал он.— Она прекрасно проводила время. Вероятно, она понимала, что так не может продолжаться бесконечно, но это было то, о чем она всегда мечтала, то, о чем грезят читательницы женских журналов. По складу ума Рода Мастерс как раз относилась к таким.

Она получила все — пальмы, веселые пирушки в городе и «Центральноокеанском», сумасшедшие гонки на автомобиле и катере, прочие атрибуты дешевой романтики. А кроме того — полная свобода: муж-раб где-то далеко и не мешает, дом существует только для того, чтобы принять ванну и поспать несколько часов. Она ведь знала, что может вернуть к себе Филипа Мастерса, когда ей заблагорассудится. Он был настолько безвольным, что это не составило бы большого труда. А затем она могла обойти всех по очереди и, пустив в ход свое очарование, вымолить прощение. Все бы простили ее, и все бы утряслось. Впрочем, даже если бы этого не случилось, в мире столько мужчин помимо Филипа Мастерса, вдобавок гораздо более привлекательных. Взять один только клуб — какой богатый выбор кавалеров, в любой момент, она подцепит любого из них. Нет, жизнь была прекрасна, и если кому-то могло показаться, что она ведет себя предосудительно, в конце концов, не она одна поступала так — вспомните путь кинозвезд, который приводил их в Голливуд.

Но вскоре ей пришлось пережить тяжкие испытания. Таттерсоллу она надоела, а тут еще благодаря жене губернатора родители устроили ему жуткий скандал. Он помог молодому негодяю покончить с ней без излишних сцен. Было лето, и острова наводнили хорошенькие американские девушки. Словом, было самое время для новых впечатлений. Итак, он бросил Роду Мастерс, сказав, что они должны расстаться, что иначе родители грозят лишить его денег. Это случилось за две недели до возвращения Мастерса из Вашингтона. Должен сказать, что она мужественно пережила разрыв. Она и по характеру была упорная, а кроме того, знала, что никто не застрахован от неудач. Она не жаловалась на судьбу. В данном случае ей некому было жаловаться. Она просто пошла и сказала леди Берфорд, что была виновата и что с этого момента она постарается быть хорошей женой Филипу Мастерсу. Затем привела дом в порядок, все вымыла и вычистила, приготовив подмостки для большой сцены примирения. Неизбежность примирения она поняла по отношению своих бывших друзей по «Центральноокеанскому». Неожиданно Рода Мастерс стала нежелательной в гольф-клубе. Вы знаете, как это бывает даже в нашем добродушном английском захолустье. Не только чиновники, но и гамилтонские лавочники отвернулись от нее, в один день она стала человеком второго сорта, забытой, никому на нужной. Рода по-преж-

нему старалась казаться той же веселой маленькой девушкой, но теперь это не срабатывало. Пару раз ее осадили, и она перестала притворяться. Теперь для нее было жизненно важно вернуть прежнее положение и не спеша заново начать путь вверх. Она засела дома и энергично принялась репетировать снова и снова сцену, которая ей предстояла: слезы — длинные и искренние оправдания — раскаяние — двухспальная кровать. И Филип Мастерс приехал.

Губернатор замолчал, задумчиво посмотрел на Бонда и сказал:

— Вы не женаты, впрочем, это не важно. Мне кажется, любые отношения между мужчиной и женщиной могут продолжаться до тех пор, пока в них жива хотя бы частица милосердия. Когда любовь прошла, когда одного из них совершенно очевидно и искренне не заботит, жив или умер другой, тогда все кончено. Откровенное презрение или, что гораздо хуже, угроза личности, покушение на инстинкт самосохранения — такое не прощается никогда. Мне доводилось быть свидетелем сотен чудовищных измен, преступлений и даже убийства, которые были прощены. Не говоря уже о банкротствах и подобных неприятностях. Неизлечимая болезнь, любое безрассудство, несчастье — все это можно пережить. Но никогда — смерть милосердия в одном из двоих. Я много думал об этом и изобрел довольно высокопарное название определяющему фактору в человеческих отношениях. Я назвал его квантом утешения.

Бонд отозвался:

— Прекрасное определение. Оно великолепно отражает суть дела. Я понял, что вы имели в виду, и должен сказать, что вы абсолютно правы. Квант утешения — это тот минимум надежды, который дается человеку. В конечном счете вся любовь и дружба держатся на этом. Вы справедливо подметили, что человеческие существа очень ранимы. И если кто-то не только дает вам почувствовать вашу незащищенность, но явно стремится погубить вас, то это конец. Квант утешения становится равным нулю. Вы должны убираться подобру-поздорову, пока целы. Понимали это Мастерс?

Губернатор не ответил на вопрос Бонда. Он продолжил рассказ:

— По-видимому, Рода Мастерс услышала, как муж открывает дверь. Мельком взглянув на него, она успела заметить лишь его глаза, губы, линию подбородка. Усов не

было, а волосы опять свисали неопрятными космами, как при первой их встрече. Рода заранее надела самое скромное из своих платьев и воспользовалась минимумом косметики. Она устроилась в кресле так, чтобы свет из окна падал на страницы книги у нее на коленях, но лицо оставалось в тени. Рода решила, что, когда Мастерс откроет дверь, она переведет взгляд с книги на мужа, покорный, смиренный, и будет ждать, пока он не заговорит. Затем она встанет, тихо подойдет и остановится перед ним, склонив голову. Она расскажет ему все и разрыдается, а он обнимет ее, и она будет обещать, обещать... Она репетировала эту сцену много раз, пока не осталась довольной.

В должное время и должным образом она подняла глаза от книги. Мастерс тихо опустил чемодан, медленно пересек комнату и подошел к камину. Облокотившись на каминную полку, он смотрел на нее отсутствующим взглядом. Глаза его были холодны и бесстрастны. Он засунул руку в карман и вынул листок бумаги. Сухим голосом жилищного агента он сказал: «Это план нашего дома. Я разделил его на две половины. Твои комнаты — кухня и твоя спальня. Мои — эта комната и свободная спальня. Ты можешь пользоваться ванной, когда она не нужна мне. — Он наклонился вперед и уронил листок на открытую книгу. — Ты никогда не должна входить в мои комнаты, за исключением тех случаев, когда к нам придут гости».

Рода открыла рот, собираясь что-то сказать, но Мастерс остановил ее жестом.

«Сейчас я последний раз говорю с тобой наедине. Если ты обратишься ко мне, я не буду отвечать. Когда у тебя возникнет нужда сообщить мне что-то, можешь оставить записку в ванной. Я надеюсь, что ты будешь готовить мне пищу и накрывать на стол без опозданий. Когда я поем, ты можешь располагать столовой. Я буду давать тебе двадцать фунтов в месяц на хозяйство. Эту сумму ты будешь получать через моих адвокатов по первым числам каждого месяца. Они уже готовят документы на развод. Я развожусь с тобой, и ты не будешь препятствовать этому, потому что не сможешь. Частный детектив собрал все улики против тебя. Суд состоится через год, считая с этого дня. К этому времени закончится срок моей службы на Бермудских островах, а до тех пор на людях ты будем вести себя как нормальные супруги».

Мастерс засунул руки в карманы и вежливо-вопросительно посмотрел на нее. К тому времени слезы уже текли по ее лицу. Она выглядела испуганной, как будто ее ударили.

Мастерс сказал безразличным голосом: «Может, ты хочешь что-нибудь спросить? Если нет, то забери свои вещи отсюда и иди на кухню.— Он посмотрел на часы.— Я хотел бы обедать каждый день в восемь часов. Сейчас пол-восьмого».

Губернатор отпил виски. Он пояснил:

— Эту сцену я восстановил по тем крохам, что мне рассказал Мастерс, и более полным деталям, которые Рода Мастерс поведала леди Берфорд. Несомненно Рода старалась любым путем поколебать его решимость— доводами, мольбами, истериками, но он оставался непреклонным. Она никак не могла пронять его. Ей иногда казалось, что он уехал куда-то далеко и прислал в дом кого-то другого замещать себя во время их мучительных свиданий. В конце концов она была вынуждена смириться. У нее не было денег. Она не могла даже купить себе билет в Англию. За кров и еду ей приходилось делать все, что он говорил. Да, именно так все и было. Целый год они прожили; приветливые на людях, но замкнутые и одинокие, когда оставались наедине. Что и говорить, мы все были поражены переменой. Ведь никто из них не раскрыл их договор. Ей было стыдно признаться, у Мастерса не было причин для откровенности. Он показался нам чуть более замкнутым, чем раньше, но работал он первоклассно, и все вздохнули свободно, сойдясь во мнении, что какое-то чудо спасло их брак. Как ни странно, они приобрели отличную репутацию, даже стали популярной парой. Все было прощено и забыто.

Год минул, подошло время Мастерсу уезжать. Он объявил, что Рода останется уладить дела с домом, и они нанесли прощальные визиты. Мы слегка удивились, когда она не пришла проводить Мастерса на пароход, но он сказал, что жена приболела. Только спустя полмесяца слухи о разводе стали просачиваться из Англии. Затем Рода Мастерс неожиданно появилась у губернатора и долго говорила с леди Берфорд. Вскоре вся история, включая ее поистине ужасную следующую главу, стала известной.

Губернатор допил виски. Лед глухо задребезжал, когда он поставил стакан. Он продолжал:

— По-видимому, за день до отъезда Мастерс обнаружил записку жены в ванной комнате. В ней говорилось, что прежде, чем он покинет ее навсегда, они должны увидеться для последнего разговора. Мастерс и раньше находил записки подобного содержания и всегда их рвал, оставляя клочки на полке над раковиной. На этот раз он ответил, назначив ей встречу в шесть часов вечера в их маленькой

гостиной. Когда пришло время, Рода Мастерс смиренно вошла сюда из кухни. Душераздирающие сцены, которые она закатывала, пытаясь вымолить прощение, давно остались в прошлом. Теперь она тихо сказала, что у нее осталось только десять фунтов от денег, что он дал на хозяйство, и больше ничего, совсем ничего. Когда он уедет, она останется без средств к существованию.

— У тебя есть драгоценности, которые я подарил, и меховая накидка.

— Мне очень повезет, если я выручу за все пятьдесят фунтов.

— Ты должна устроиться на работу.

— Это займет время. Мне надо где-то жить. Отсюда я должна выехать через две недели. Ты мне больше ничего не дашь? Я буду голодать.

Мастерс хладнокровно взглянул на нее и сказал:

— Ты красива. Ты никогда не будешь голодать.

— Ты должен помочь мне, Филип. Ты просто обязан. Твоей карьере повредит, если я приду просить милостыню у правительства.

Он ответил, что в доме им ничего не принадлежит, за исключением нескольких мелочей. Когда они въехали, он уже был меблирован. Его хозяин заходил неделю назад, и опись имущества с ним уже согласована. Остается только их автомобиль, «моррис», который достался Мастерсу уже подержанным, и радиола — он подарил ее жене как раз перед тем, как она увлеклась гольфом.

Филип Мастерс посмотрел на нее в последний раз. Никогда больше он не собирался встречаться с ней. Он сказал:

— Хорошо. Можешь взять себе машину и радиолу. Теперь все. Я должен укладываться. Всего хорошего.

И он ушел к себе в комнату.

Губернатор посмотрел на Бонда.

— Маленькая любезность напоследок, не так ли? — Он мрачно ухмыльнулся. — Когда Мастерс уехал, Рода собрала свои немногочисленные побрякушки, обручальное кольцо, лисий палантин, села в машину и отправилась в Гамильтон. Объехав ломбарды, она выручила сорок фунтов за украшения и семь — за свой лоскут меха. Затем она направилась к агенту по продаже машин, имя которого было выгравировано на приборном щитке автомобиля, и вызвала управляющего. Когда Рода спросила, сколько он ей заплатит за «моррис», тот решил, что его хотят одурачить.

— Но, мадам, мистер Мастерс взял эту машину в рас-срочку. Он сильно запаздывал с платежами. Конечно, он предупредил вас, что мы послали ему письмо нашего по-веренного о погашении долга еще неделю назад. Мы уз-нали, что он уезжает. Он написал в ответ, что приедете вы и все уладите. Дайте-ка я взгляну, — он достал регистра-ционную книгу. — Да, точно, за автомобиль вы должны еще ровно двести фунтов.

Губернатор продолжил:

— Ну, естественно, Рода Мастерс разрыдалась. В кон-це концов управляющий согласился взять машину назад, хотя она и не стоила к тому времени двухсот фунтов, но потребовал, чтобы она оставила ее тотчас же, с бензином в баке и всем прочим. Роде не оставалось ничего иного, как согласиться и еще благодарить, что ей не предъявили иск. Выйдя из гаража на раскаленную улицу, она уже знала, что ее ждет в радиوماгazine. И она не ошиблась. Все повторилось, только здесь Рода было вынуждена доплатить десять фунтов, чтобы приказчик взял радиолу назад. На попутной машине она доехала до дома и едва зашла в него, как бросилась на кровать и проревела остаток дня. Она была сломлена. Теперь Филип Мастерс бил ее лежащую.

Довольно необычно, не правда ли? Такой человек, как Мастерс, — добрый, отзывчивый, сентиментальный, мухи не обидит — и вдруг оказался способным на такую жесто-кость. Ничего подобного я не могу припомнить за всю свою жизнь. Случилось то, о чем я вам говорил.

Губернатор едва заметно улыбнулся.

— Получив от нее квант утешения, Мастерс не должен был поступить с ней так, каковы бы ни были ее грехи. Но как бы то ни было, она разбудила в нем звериную жесто-кость — жестокость, которая, по-видимому, дремлет глу-боко внутри каждого из нас и которая просыпается толь-ко при непосредственной угрозе нашему существованию. Разумеется, Мастерс не мог заставить ее страдать так же, как мучился он. Это было невозможно. Но он напряг всю свою фантазию, чтобы сделать ей как можно больнее. Ве-роломный трюк с автомобилем и радиолой, дьявольски тонко разыгранный, должен был напомнить Роде уже после его отъезда, как сильно он ее ненавидит.

Бонд сказал:

— Прямо скажем, садистский эксперимент. Просто поразительно, как люди могут ненавидеть друг друга. Я начинаю жалеть эту девушку. Что с ней стало? По прав-де говоря, интересно знать и его дальнейшую судьбу.

Губернатор встал и посмотрел на часы.

— Боже мой, уже почти полночь, а я до сих пор держу прислугу.— Он улыбнулся.— И вас тоже.

Подойдя к камину, он позвонил в колокольчик. Появился негр-дворецкий. Извинившись за позднее беспокойство, губернатор попросил его запереть на ночь двери и погасить свет в доме. Бонд тоже встал. Губернатор повернулся к нему.

— Пойдемте. Я провожу вас до ворот и прослежу, чтобы часовой выпустил вас. По пути я расскажу конец.

Они медленно прошли через анфиладу комнат и спустились по широким ступеням в сад. Тропическая ночь была великолепна. Полная луна стремительно неслась сквозь высокие прозрачные облака.

Губернатор сказал:

— Мастерс продолжал работать в колониях, но, так или иначе, дальнейшей своей карьерой он не оправдал блестящего старта. Наверное, после бермудской истории что-то сломалось, умерло в нем. Он стал душевным калекой. В основном по ее вине, хотя подозреваю, то, что он сделал с ней, постоянно преследовало его и не давало покоя. Он по-прежнему отлично работал, но потерял способность к нормальному человеческому общению и замкнулся в своей скорлупе. Естественно, снова он не женился, а в конце концов ввязался в какие-то махинации с арахисом и, когда афера лопнула, вышел в отставку и уехал жить в Нигерию — назад к единственным людям в мире, которые отнеслись к нему с добротой, назад — туда, где все началось. Честно говоря, печальный конец, особенно если вспомнить, какие надежды он подавал в молодости.

— А она?

— О, для нее наступили черные времена. Мы пустили шапку по кругу, кроме того, она перебивалась случайными заработками, которые, по сути, были милостыней для нее. Она попыталась вернуться на прежнюю работу, но этому препятствовали обстоятельства, при которых она разорвала контракт с «Империял эруэйз». В те времена авиалиний было мало, а претендентов на вакансии стюардесс много. Чуть позже в том же году Берфордов перевели на Ямайку, и она лишилась главной опоры. Как я уже говорил, леди Берфорд всегда питала к ней слабость. Рода Мастерс скатилась на грань нищеты. Она по-прежнему оставалась красивой, и разные мужчины время от времени помогали ей. Впрочем, это не могло продолжаться долго в таком многолюдном месте, как Бермудские острова. Она чуть не

пошла по рукам и едва не нажила неприятностей с полицией, когда опять вступило провидение, решившее, что она достаточно наказана. Леди Берфорд прислала письмо, где сообщала, что нашла Роде место регистратора в «Голубых горах» — одном из лучших отелей Кингстона. К письму были приложены деньги на проезд до Ямайки. Итак, она уехала, и я полагаю — к тому времени меня уже перевели в Родезию, — что на Бермудах с искренним облегчением вздохнули, проводив ее.

Губернатор и Бонд подошли к широким воротам правительственной резиденции. За ними среди черной путаницы узких улочек белым и розовым светились под луной пряничные дощатые домики с остроконечными крышами и вычурными балконами — это был дух Нассау. С ужасным грохотом часовой взял винтовку на караул и застыл по стойке «смирно». Губернатор помахал рукой.

— Все в порядке. Вольно.

Как заводная кукла, часовой, коротко гроыхнул еще раз, ожил. Снова воцарилась тишина.

Губернатор произнес:

— Вот и подошел конец моей истории. Остался заключительный штрих. В один прекрасный день в «Голубых горах» остановился на зиму канадский миллионер. Весной он увез Роду Мастерс в Канаду и женился на ней. С тех пор она живет припеваючи.

— Боже, ну и повезло! Едва ли она заслужила такое счастье.

— Думаю, что заслужила. Жизнь — сложная штука. Может, судьба решила, что за унижение Мастерса она расквиталась сполна. Ведь, по сути, настоящими виновниками были родители Мастерса, превратившие его в неудачника. Он неминуемо должен был потерпеть крах. Провидение лишь выбрало Роду своим орудием, а после расплатилось с ней за услуги. Трудно судить о таких вещах. Как бы то ни было, она сделала своего канадца счастливым. Сегодня вечером они выглядели довольными жизнью, не правда ли?

Бонд рассмеялся. Бурные и драматические перипетии его собственной жизни вдруг представились ему суетными и малозначительными. Эпизод с мятежом Кастро и сожжением двух посудин годился лишь в раздел приключений дешевой газетенки. Заурядная женщина сидела рядом с ним за обедом, и только случайно брошенная фраза раскрыла ему книгу подлинных неистовых страстей — книгу «человеческой комедии», в которой чувства яростны и грубы, где судьба разыгрывает такие сюжеты, перед которыми

блекнут тайны секретных служб всех правительств.

Бонд повернулся к губернатору и, протянув ему руку, сказал:

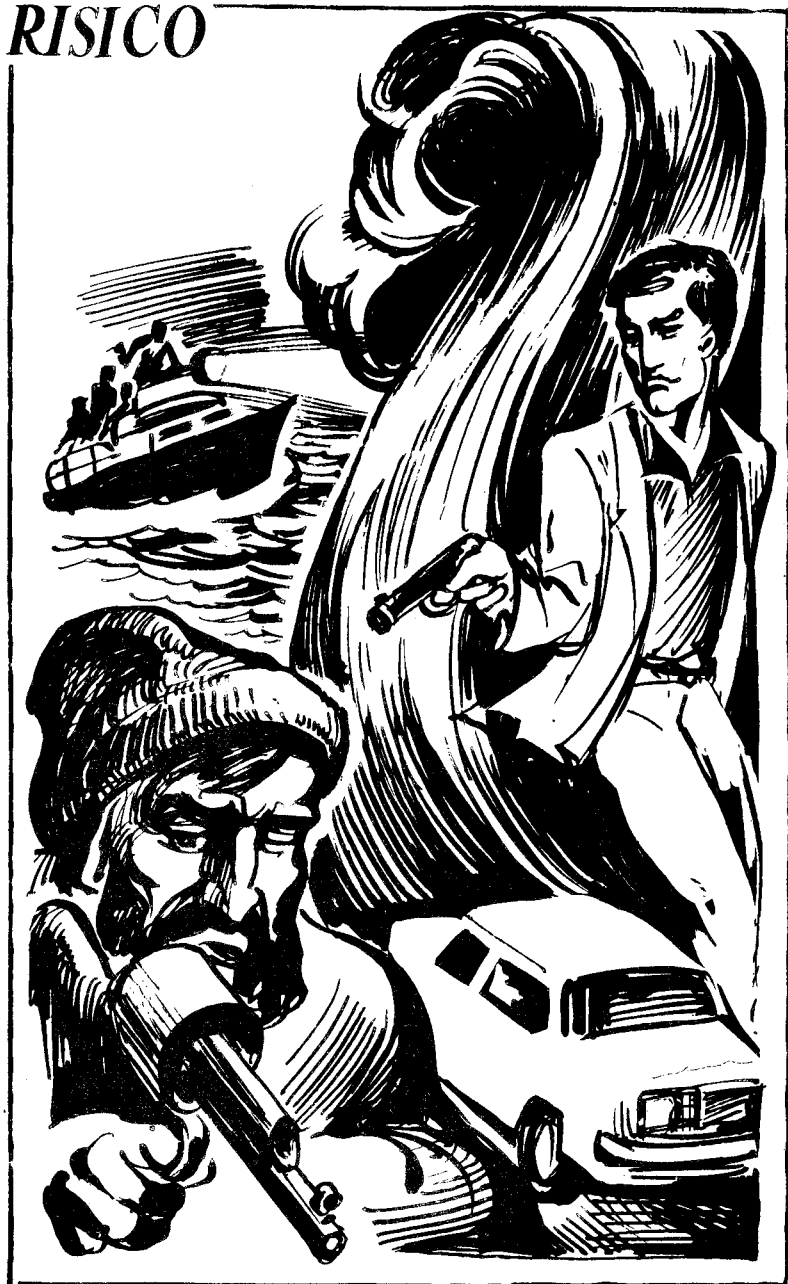
— Спасибо вам за рассказ. Каюсь, я посчитал миссис Харви Миллер банальной особой. Но благодаря вам я запомню ее навсегда. Вы преподали мне урок. Я должен повнимательнее относиться к людям.

Они обменялись рукопожатиями. Губернатор улыбнулся.

— Я рад, что вы не остались равнодушным. Все время я боялся, что вы скучаете. Ведь вы пережили столько настоящих приключений. Теперь могу признаться, что вначале я ума не мог приложить, чем вас развлечь. Жизнь в колониях такая скучная.

Они пожелали друг другу спокойной ночи, и Бонд пошел вниз по тихой улице, ведущей к гавани и Британской колониальной гостинице. Он размышлял о завтрашнем совещании с сотрудниками ФБР и береговой охраны США в Майами. Планы на будущее, еще недавно казавшиеся интересными и даже волновавшие его, теперь раздражали тщетностью и пустотой.

RISICO

— В этом деле слишком много риска. — Тихий вкрадчивый голос сочился сквозь густые каштановые усы. Тяжелый пристальный взгляд черных глаз скользнул по лицу Джеймса Бонда и уперся в его пальцы, аккуратно рвущие на части бумажную салфетку, с надписью «Альберго Коломба Д'Оро».

Впервые это неприятное чувство, когда тебя внимательно исподтишка изучают, кольнуло Бонда пару часов назад, как только он появился в баре «Эксцельсиор». Он должен был подойти к мужчине с большими усами, пьющему «александер» за отдельным столиком. Бонду понравился пароль. Во всяком случае, слабый дамский коктейль выглядел гораздо умнее, чем сложенная газета, или цветок в петлице, или желтые перчатки, — пропахшие нафталином немудреные шпионские фокусы. В отличие от них, «александер» мог обойтись без своего владельца, и Крестатос воспользовался этим, начав с небольшой проверки.

В баре было человек двадцать, но ни одного усатого. Осмотревшись кругом, Бонд направился напрямик к столику в дальнем углу длинной полутемной комнаты. На нем, между тарелкой маслин с одной стороны и орехов кешью — с другой, на высокой ножке красовался белый бокал — водка со сливками. Бонд подошел к столу, выдвинул стул и сел.

Тут же появился официант.

— Добрый вечер, сэр. Синьор Крестатос отошел к телефону.

Бонд кивнул.

— Негрони с гордоном, пожалуйста.

Официант вернулся к стойке.

— Негрони. Упо¹. С гордоном.

— Прошу прощения.— Огромная волосатая лапа придвинула массивный стул, словно это был спичечный коробок.

— Я должен был перекинуться парой слов с Альфредо.

Они обошлись без рукопожатия. Со стороны могло показаться, что встретились старые знакомые, быть может, деловые партнеры. В области экспорта-импорта, например. Тот, что помоложе, выглядел американцем. Хотя нет, американец так не оденется. Скорее, это был англичанин.

Бонд быстро вернул подачу:

— Как его сынишка?

Темные глаза синьора Кристатоса сузились. Да, подтвердил его взгляд, в лице Бонда встретил профессионала.

Итальянец развел руками.

— Все так же. А вы чего ожидали?

— Полю отчаянный сорванец.

Принесли негрони. Мужчины уселись поудобнее, откинувшись на спинки стульев. Каждый испытывал удовлетворение, что его собеседник оказался серьезным партнером. Редкий случай в их бизнесе. Слишком часто еще в самом начале контакта новый человек терял доверие. Не раз на таких встречах Джеймс Бонд почти наяву ощущал слабый запах паленого — первый признак того, что его личина начала тлеть. И тогда оставалось лишь поскорее уносить ноги, не дожидаясь пока она вспыхнет и сгорит дотла, а его самого пристрелят. На этот раз контакт, похоже, прошел гладко.

Однако тем же вечером, когда они сидели в небольшом ресторанчике «Коломбо Д'Оро» на Пьяцца ди Спанья, Джеймс Бонд с удивлением обнаружил, что его продолжают проверять. И хотя замечание Кристатоса относительно риска предприятия уже подразумевало возможность проверки, итальянец, почти не скрывая, присматривался к Бонду, явно сомневаясь, можно ли ему окончательно доверять. Впрочем, осторожность синьора Кристатоса лишь подтверждала интуицию М¹, считавшего, что тот знает многое.

Бросив последний обрывок салфетки в пепельницу, Бонд сказал:

— Между прочим, меня учили, что ни одно дело, сулящее больше десяти процентов прибыли либо назначенное

¹ Мистер.

после девяти вечера, не обходится без риска. Мы же собираемся получить по тысяче процентов чистого дохода, а действовать будем исключительно по ночам. Так что риск возрастает вдвое.— Бонд понизил голос.— Я плачу наличными. Доллары, швейцарские франки, венесуэльские боливары — любая валюта.

— Это меня радует. Я уже не знаю, куда девать лиры.— Синьор Кристатос взял меню.— Однако давайте что-нибудь съедем. Важные дела не решают на пустой желудок.

Неделей раньше Джеймса Бонда вызвали к М. Шеф был в плохом настроении.

— Чем занимаетесь, 007?

— Ничем, сэр, только перекладываю бумаги.

— Что значит «перекладываю бумаги»?— М ткнул чубуком трубки в ящик «входящих» на своем столе.— У кого из нас нет текущих дел?

— Я имел в виду оперативную работу, сэр.

— Ладно, пусть будет по-вашему.— М взял перевязанную стопку темно-красных скоросшивателей и резким движением пустил ее по крышке стола Бонду. Тот едва успел поймать папки.— Вот вам еще бумажная работенка. Клиентура Скотланд-Ярда — в основном наркоманы. Плюс макулатура из министерства внутренних дел и министерства здравоохранения. И несколько толстых отчетов славных парней из Женевы, из Международной организации по контролю наркомании. Забирайте все с собой и внимательно изучите. Времени предостаточно: весь остаток сегодняшнего дня и ночь — на ваше усмотрение. А завтра вы летите в Рим и там сядете на хвост одной крупной фигуре. Ясно?

Бонд ответил, что ясно. Он видел, что шеф был вне себя от ярости, и сочувствовал ему. Ничто в мире не могло разозлить М больше, чем отвлечение его людей от их прямых обязанностей — агентурной работы и, в необходимых случаях, организации диверсий и подрывной деятельности. Все остальное он считал злоупотреблением секретной службой и ее фондами, которые, бог свидетель, и без того были скудными.

— Есть вопросы? — Челюсть М выпятилась как форштевень дредноута. Она словно советовала Бонду забрать бумаги и проваливать из кабинета ко всем чертям, предоставив начальнику заняться более важными делами.

Но Джеймс Бонд знал, что свирепость шефа была напус-

кной. На службе о причудах М ходили легенды, и хотя для самого М это не было секретом, он отнюдь не собирался изменять себе. Прежде всего, М терпеть не мог, когда его и сотрудников его отдела использовали не по их прямому назначению, а также не выносил идеалистов, старающихся докопаться до абсолютной истины в ущерб государственным интересам. Были у него и мелкие слабости. Так, он не брал на работу бородатых мужчин и людей с двумя родными языками, испытывая к тем и другим необъяснимую идиосинкразию. Незамедлительно увольнял любого, кто хоть раз пытался оказать на него давление через своих родственников в правительстве. Не доверял женщинам и мужчинам, слишком внимательно следившим за своей внешностью, и всякому, кто обращался к нему «сэр» вне службы. При всем этом он почему-то питал особую слабость к шотландцам. Впрочем, относился М к своим предрассудкам иронически, и Бонду всегда казалось, что именно так воспринимали собственные слабости Черчилль и Монтомери. М никогда не сердился, если сотрудники не принимали всерьез его притворство. И сейчас Бонд, разумеется, понимал, что у шефа даже в мыслях не было отпустить его, не проинструктировав самым тщательным образом.

Он сказал:

— Всего два вопроса, сэр. Почему мы влезает в это дело, и какие подступы, если они вообще есть, имеет наша римская резидентура к тузам в этой игре?

М одарил Бонда мрачным взглядом. Он повернулся в кресле так, чтобы видеть в окно высокие, стремительно несущиеся октябрьские облака. Взяв трубку, М резко дунул в нее и, после того как появилось маленькое облачко дыма, аккуратно положил ее обратно на стол. От его раздражения не осталось и следа, говорил он неторопливо, спокойным голосом:

— Как вы понимаете, 007, я не хотел, чтобы вас втравили в это дело с наркотиками. В начале года я на пару недель освободил вас от других дел и послал в Мексику, где вы едва не лишились головы. В награду я перевел вас в специальную группу. И когда меня попросили, чтобы вы занялись этой итальянской бандой, я отказал. Тогда Ронни Валланс¹ у меня за спиной обратился в министерство внутренних дел и здравоохранения. Министры надавили на меня, но я сказал, что вы нужны здесь и что свободных людей у меня нет. Министры отправились к премьеру, — М сделал паузу, — а

¹ Министр транспорта Великобритании.

ему не откажешь. Правда, должен признаться, что его доводы звучали убедительно. Премьер-министр считает, что количество поступающего в страну героина — уже не просто наркотик, а оружие психологической войны, и ставит под угрозу здоровье нации. Премьер заметил: он не удивится, если окажется, что за всем этим кроется не обычная шайка итальянских уголовников, извлекающих сверхприбыль, а диверсия, направленная на подрыв устоев нашего общества и не имеющая ничего общего с подпольным бизнесом.— М невесело усмехнулся.— Думаю, что эту мысль ему вложил сам Ронни Валланс. Его люди потеряли чертову прорву времени, пытаясь пресечь ввоз наркотиков в страну. По американскому образцу они сосредоточили внимание на подростках в дансингах и других увеселительных заведениях — там вовсю идет мелкая торговля зельем. Сотрудникам Валланса из отдела по борьбе с контрабандой удалось выйти на одного из посредников и установить, что товар поступает из Италии в автомобилях туристов. Валланс связался с итальянской полицией и Интерполом, но мало чего достиг. Они продвинулись чуть дальше по цепочке посредников, арестовали еще несколько курьеров, а когда было решили, что подобрались к сердцевине, вдруг уперлись в глухую стену. Все люди, близкие к центру паутины, либо слишком запуганы, либо слишком хорошо оплачиваются.

Бонд прервал шефа:

— Не исключено, что полиция куплена. Помните дело Монтези, оно выглядело очень подозрительно.

М нетерпеливо пожал плечами.

— Может быть, может быть. Естественно, вы должны остерегаться этого, хотя, по-моему, дело Монтези закончилось основательной чисткой. Но как бы то ни было, получив приказ премьер-министра, я решил проконсультироваться с Вашингтоном и получил с ЦРУ очень полезную информацию. Вы знаете, что еще с войны американцы держат в Италии бригаду из отдела по борьбе с наркотиками. Эти люди не имеют ничего общего с ЦРУ, а подчиняются американскому министерству финансов. В этом министерстве есть так называемая секретная служба, которая борется с контрабандой наркотиков и подделкой денег. Довольно идиотское сочетание. Меня всегда мучило любопытство, что думает по этому поводу ФБР. Впрочем, это их дело.— М медленно повернулся в кресле к столу и, сцепив руки на затылке, откинулся на спинку. Теперь он смотрел на Бонда.— Вся штука в том, что резидентура ЦРУ в Риме тесно сотрудничает с этой маленькой командой ловцов фальшивомонетчиков. Они

вынуждены контактировать, чтобы не перебегать дорогу друг другу. Так вот, ЦРУ, между прочим, сам Аллен Даллес лично, сообщил мне имя главного информатора этих ребят из отдела по борьбе с наркотиками. Скорее всего, он двойник — сам приторговывает травкой для прикрытия. Зовут этого типа Кристатос. Даллес сказал, чтобы мы не рассчитывали на помощь его людей в Риме, и предупредил, что министерству финансов тоже наверняка не понравится, если сотрудники их римской команды будут помогать нам слишком активно. Но при этом он обещал, если я пожелаю, лично замолвить Кристатосу словечко за одного из наших... э-э... лучших парней, который якобы намерен повернуть с ним одно дельце. Разумеется, я поблагодарил Даллеса, а вчера получил известие, что встреча с Кристатосом назначена на послезавтра. — М кивнул на папки, лежащие перед Бондом. — Там вы найдете детали.

Ненадолго в кабинете воцарилось молчание. Бонд подумал, что все это дело выглядит неприглядным, по всей видимости, опасным и уж во всяком случае грязным. С этим последним ощущением в душе он встал и взял папки.

— Хорошо, сэр. Но это обойдется нам недешево. Сколько я могу тратить?

М придвинулся в кресле к столу и положил на него руки ладонями вниз, кисть к кисти. Раздраженным голосом он произнес:

— Сто тысяч фунтов стерлингов. В любой валюте. Эту сумму назвал премьер-министр. Но я не хочу подвергать вас риску. Вы и так таскаете каштаны из огня для других. Можете истратить и вторую сотню тысяч, если возникнут трудности. Наркомафия — крупнейший и опаснейший в мире синдикат преступников. — М потянулся к корзине «входящих» и вынул оттуда папку с донесениями. Не поднимая головы, он буркнул:

— Берегите себя.

Синьор Кристатос раскрыл меню.

— Я не собираюсь ходить вокруг да около, мистер Бонд, — сказал он. — Сколько?

— Пятьдесят тысяч фунтов и такой же приварок в случае удачи.

Кристатос равнодушно заметил:

— Это хорошие деньги. Я закажу дыню с окороком и шоколадное мороженое. На ночь я не ем много. В этом ресторане есть свое кьянти. Рекомендую попробовать его.

Подошел официант, и они с Кристатосом обменялись короткими очередями по-итальянски. Бонд заказал домашнюю лапшу с зеленью под гемузским соусом, состоявшим, по словам Кристатоса, из фантастической смеси базилика, чеснока и еловых шишек.

Когда официант удалился, Кристатос откинулся на спинку и стал молча жевать деревянную зубочистку. Постепенно его лицо темнело, становилось мрачным, как зеркало отражая бушевавшие его сомнения. Тусклые черные глаза заблестели, их тяжелый взгляд беспокойно шарил вокруг, избегая лишь сидящего напротив Бонда.

«Он сомневается, стоит ли раскрывать все карты», — подумал Бонд, а вслух произнес ободряюще:

— При известных обстоятельствах сумма может увеличиться.

Казалось, Кристатос на что-то решился. Бросив: «Вот как?», — он отодвинул стул и встал.

— Извините, мне нужно в туалет. — Повернувшись, он быстро пошел в дальний конец зала.

Неожиданно Бонд почувствовал, что проголодался и хочет пить. Он налил кьянти в большой бокал и залпом выпил половину. Затем отломил кусок булки и стал есть, намазывая хлеб толстым слоем желтого масла. Интересно, почему булка с маслом кажется такой вкусной только во Франции и Италии? Других мыслей у Бонда не было. Он сделал все, что мог, и теперь оставалось ждать. Кристатос ему поверил, ведь он был крупной фигурой, солидным клиентом, которого рекомендовали сами американцы. По-видимому, Кристатос пошел звонить, и этот звонок решит все. Через зеркальное стекло ресторана Бонд глазел на прохожих за окном. Вот проехал на велосипеде разносчик одной из партийных газет. Поверх корзины на переднем крыле развивался красный флажок. Белыми буквами на нем было написано: «Progresso? — Sì! Avventuri? — No!»¹ Бонд улыбнулся. Он был в прекрасном настроении. Все шло как надо. Сейчас главное продолжать в том же духе.

В противоположном конце полупустого зала ресторана за угловым столиком около кассы пышная блондинка с ярко накрашенным ртом наклонилась к преуспевающего вида мужчине, словно привязанному за подбородок к тарелке толстой веревкой спагетти, и сказала:

— У него хищная улыбка, а так он милый. Легавые не

¹ «Прогресс? — Да! Авантюры? — Нет!» (итал.).

бывают такими симпатичными. Ты уверен, что не ошибся, mein Taubchen? ¹

Зубы мужчины клацнули, перекусив макаронную веревку. Он вытер губы салфеткой, испачканной томатным соусом, и, зычно рыгнув, сказал:

— Сантос никогда не ошибается в таких вещах. У него нюх на ищеек. Поэтому я и поручил ему пасти этого ублюдка Кристатоса. Скажи, кому, кроме легавого, придет в голову провести целый вечер с этой свиньей? Но мы проверим еще раз.— Он вынул из кармана маленький металлический скреппер, из тех, что выдают вместе с выкройкой бумажного колпака и свистулькой на карнавалах, и негромко щелкнул. Метродотель в противоположном конце зала отстоялся, как вкопанный, и, развернувшись, бросился к их столику.

— Si padrone ².

Мужчина поманил его пальцем. Метр нагнулся, почтительно прислушиваясь к шепоту. Затем коротко кивнул, пересек зал ресторана к двери с табличкой «Ufficio» ³, зашел внутрь, плотно прикрыв дверь за собой.

Шаг за шагом, мелкими незаметными движениями начало претворяться в жизнь идеально отрепетированное действие. Мужчина за столиком у кассы продолжал, громко чавкая, поглощать спагетти, исподтишка наблюдая за каждым ходом разыгрывающейся партии.

Вновь появился метрдотель и засеменял через зал ресторана, на ходу громко распорядившись:

— Еще один стол на четверых. Живо.

Его помощник поймал взгляд метра и кивнул. Он шелкнул пальцами, подзывая официантов. Затем взял стул от одного стола, от другого и, с поклоном извинившись забрал свободный стул из-за стола Бонда. Четвертый стул принес сам метрдотель из служебного помещения. Он расставил стулья квадратом, в середину был опущен стол, беззвучно расставлена посуда и разложены приборы.

Метрдотель нахмурился.

— Я же сказал: стол на троих слышите, на троих! А вы накрыли на четверых.

Он мимоходом подхватил стул, который только что принес из кабинета управляющего, и переставил его к столу Бонда. Движением руки он отпустил помощников, и они будто растаяли в воздухе, вернувшись к своим обязанностям.

¹ Мой голубчик (нем.).

² Да, хозяин? (итал.).

³ Управляющий (итал.).

Все заняло меньше минуты — словно порыв ветерка прошелся по залу и стих. В ресторане появилось трио беззаботных итальянцев. Метрдотель встретил их у входа, поздоровался с каждым отдельно и с поклонами проводил к новому столику. Дебют был разыгран.

Джеймс Бонд едва ли обратил внимание на суету вокруг. А вскоре вернулся Кристатос, и им принесли ужин. За едой они болтали о разных пустяках: о выборах в Италии, о последней модели «альфа-ромео», сравнивали итальянскую с английской... Кристатос умел поддержать разговор. Казалось, он знал обо всем на свете. Его непринужденная манера рассуждать о профессиональных тонкостях любого дела невольно вызвала уважение. В разговоре он пользовался собственным вариантом английского, щедро приправленным словами и целыми фразами из других языков. Получалась довольно забавная смесь. Честно говоря, Бонд не ожидал обнаружить в информаторе столь эрудированного и умного человека. Теперь ему стало понятно, почему американцы так носятся с этим Кристатосом.

Принесли кофе. Синьор Кристатос закурил тонкую черную сигару и продолжал говорить сквозь зубы, не выпуская чируты изо рта. При этом она прыгала вверх и вниз между его тонкими прямыми губами. Кристатос положил ладони на стол перед собой и, глядя на скатерть между ними, тихо проговорил:

— Теперь о деле. Я согласен. До сих пор я работал с американцами; они не знают того, что узнаете вы. Просто они не спрашивали меня об этом. Те, кто вас интересует, не имеют выхода на американский рынок. Существует строгое разделение. Эти люди работают только на Англию. *Capito?*¹

— Я понял. У каждого своя территория. Обычное дело в таком бизнесе.

— Правильно. А сейчас, как добрые коммерсанты, давайте обговорим условия прежде, чем вы получите товар, идет?

— Конечно.

Синьор Кристатос еще внимательнее стал изучать скатерть.

— Я хочу получить десять тысяч американских долларов в мелких купюрах. Завтра к обеду. Когда вы упечете их за решетку, заплатите мне еще двадцать тысяч.— Синьор Кристатос внезапно поднял голову, бросив на Бонда быст-

¹ Понятно? (итал.).

рый пристальный взгляд.— Я не жадный, правда? Я не требую всех ваших денег.

— Цена меня устраивает.

— *Вуно.*¹ Второе: никогда ни при каких обстоятельствах вы не признаетесь, откуда получили информацию. Даже если вас будут бить.

— Ясно.

— Третье: во главе организации стоит плохой человек.— Кристатос замолчал, снова взглянул на Бонда. В черных глазах итальянца мелькнул красный отблеск. Его тонкие губы отклеились от сигары, процедив:

— Он должен быть *destrutto* — убит.

Бонд откинулся на спинку стула, насмешливо наблюдая за собеседником, который налег грудью на стол в ожидании ответа. Вот, оказывается, в чем дело: вендетта, так сказать. Кристатос хочет разделаться с соперником рукой наемного убийцы, причем не заплатив тому ни пени. Наоборот, убийца сам заплатит Кристатосу за честь расправиться с его врагом. Великолепная идея! На этот раз двойник решил не только сорвать хороший куш, но и воспользоваться услугами секретной службы для сведения личных счетов. Бонд вкрадчиво поинтересовался:

— Почему?

— Если вы хотите услышать ложь, не задавайте таких вопросов,— равнодушным голосом ответил синьор Кристатос.

Джеймс Бонд допил кофе. Обычная вещь в мире организованной преступности — на виду лишь верхушка айсберга, а до сути никому никогда не докопаться. Но ему-то что за дело? У него есть задание: сокрушить клан контрабандистов наркотиков. В случае успеха никого, и в первую очередь М, не будут интересовать подробности. И более того: если во главе клана стоит этот неизвестный Бонду человек, то его убийство не выходит за рамки приказа М.

Бонд произнес:

— Не обещаю вам этого. Все, что могу сказать: если он будет угрожать моей безопасности, я убью его.

Синьор Кристатос взял со стола новую зубочистку, развернул бумажную обертку и стал выковыривать грязь из-под ногтей. Закончив чистить ногти на одной руке, он взглянул на Бонда и сказал:

— Я редко играю наобум. Но на этот раз рискну, потому что вы платите мне, а не я вам. Правильно? Итак, сейчас

¹ Хорошо (итал.).

вы получите информацию и будете действовать самостоятельно, solo. Завтра вечером я улетаю в Карачи. Там у меня важное дело. Я буду полезен вам только информацией, дальше вы играете в одиночку и... — Он бросил грязную зубочистку на стол. — ...che sera, sera...¹

Придвинувшись поближе к Бонду, синьор Кристатос начал тихо и быстро говорить. По ходу рассказа он упоминал даты, адреса, имена, ни разу не запнувшись и не тратя времени на второстепенные детали. В итоге Джеймс Бонд услышал сжатую, но исчерпывающую историю итальянской наркомафии. Сейчас в Италии, по словам Кристатоса, действует около двух тысяч бывших американских гангстеров — итало-американцев, высланных по суду из США. Живется им нелегко. Все они состоят в самом черном из полицейских списков. Найти работу практически невозможно, ибо этих людей на их родине опасаются нанимать из-за дурной репутации. Сотня наиболее состоятельных из них — своего рода элита — объединила капиталы и направила представителей из своего круга в Бейрут, Стамбул, Танжер и Макао — крупнейшие центры подпольной торговли наркотиками. Остальные, а их большинство, работают курьерами. Центр предприятия — в Милане, где боссы приобрели под чужим именем небольшую, но респектабельную фармацевтическую фирму. Сюда курьеры привозят опиум-сырец и его производные. Контрабанду в страну доставляют каботажные суда через Средиземное море. Кроме этого, задействована группа стюардов на итальянской чартерной авиалинии, а регулярным еженедельным источником снабжения служат вагоны «Восточного экспресса», где целые купе оборудованы двойной обшивкой; куда и загружают товар подкупленные мойщики вагонов в Стамбуле. В лабораториях миланской фирмы «Фармация Коломба С. А.» опиум-сырец очищают и производят из него героин. Отсюда курьеры доставляют наркотик в автомобилях посредникам в Англии.

Джеймс Бонд прервал Кристатоса:

— Наши таможенники достаточно опытные, чтобы пресечь канал такого рода. В автомобиле не так много тайников, о которых они не знают. Куда курьеры прячут товар?

— Всегда в запасное колесо. В нем можно провезти за один раз героина на двадцать тысяч фунтов.

— Неужели они никогда не попадались?

— Конечно, попадались, и не раз, хотя это хорошо обученные люди. Но они всегда молчат, еще не было случая,

¹ Здесь: ...и так далее (итал.).

чтобы кто-то из них раскололся. Если они попадают в тюрьму, то получают по десять тысяч долларов за год отсидки. Если у них есть семья, то о ней позаботятся. Но главное: в случае удачи они загребают огромные деньги. Это своего рода кооператив. Brutto¹ делится поровну между его членами, один лишь шеф имеет дополнительную transhe.²

— Понятно. Ну, а кто у них шеф?

Подняв руку к манильской сигаре во рту, синьор Кристатос продолжал тихо говорить из-под ладони:

— Они зовут его Голубь. Настоящее имя — Энрико Коломбо. Padrone этого ресторана. Вот почему этот тип сидит с блондинкой за столиком рядом с кассой. Она из Вены. Зовут Лизл Баум. Роскошная шлюха.

Бонд задумчиво протянул:

— Так вот кто она. — Ему не нужно было оборачиваться. Он обратил внимание на девушку, еще не успев сесть за свой стол, как, впрочем, любой мужчина в ресторане. Ее крупное тело, широкий смеющийся рот, заодно вздернутый нос, вызывающая прическа взбитых волос пепельного цвета, черная бархотка на полной белой шее, очаровательно-беспутный вид и бьющая через край жизненная энергия словно магнитом притягивали мужские взгляды. Джеймс Бонд подумал, что именно такими принято представлять веселых венков, которые в действительности, увы, слишком редко обладают столь счастливой внешностью. На протяжении вечера он не раз ловил на себе ее взгляды. Спутник девушки показался Бонду типичным преуспевающим жизнелюбом, которого она выбрала в поклонники на этот раз. Его кошелек сулит ей приятные развлечения, и с обеих сторон не будет сожалений при расставании. Поначалу Бонд одобрил ее выбор. Ему нравились щедрые неунывающие люди, которые стремятся брать от жизни все. И хотя девушка досталась не ему, Бонд утешался тем, что она попала в хорошие руки. Но теперь? Повернувшись, он взглянул на нее через зал. Пара над чем-то смеялась. Мужчина потрепал ее по щеке, встал из-за стола и направился к двери с табличкой «Ufficio». Зайдя внутрь, он плотно закрыл за собой дверь. Вот, значит, как выглядит организатор величайшей контрабандной линии в Англии. Преступник, чью голову М оценил в двести тысяч фунтов стерлингов. Человек, смерти которого жаждал Кристатос. Ну ладно, теперь все стало на свои места.

Джеймс Бонд вызывающе уставился на девушку. Она

¹ Общий доход (итал.).

² Доля (итал.).

подняла голову, и Бонд, поймав ее взгляд, широко улыбнулся. Глаза австрийки скользнули мимо, но на губах появилась едва заметная усмешка. И когда она достала из сумочки сигарету и, прикурив, выпустила дым к потолку, Бонд уже знал, что ему демонстрируют шею и профиль.

Приближалось время окончания вечерних сеансов в кинотеатрах и наплыва посетителей в рестораны. Метрдотель надзирал за уборкой освободившихся столов и расстановкой дополнительных. Обычная ресторанный суета — позвякивание стекла, глухой стук расставленных приборов. Краем глаза Бонд заметил, как из-за их столика передвинули свободный стул к соседнему столу на шестерых. Он стал уточнять детали у Кристатоса: привычки и деловые интересы Энрико Коломбо, где он живет, адрес фармацевтической фирмы в Милане... Бонд не замечал неспешного дрейфа их свободного стула от одного стола к другому, затем к третьему и, наконец, в дверь с табличкой «Ufficio». Сейчас Джеймсу Бонду было не до перестановок ресторанной мебели.

Когда стул занесли в кабинет, Энрико Коломбо жестом приказал метру удалиться и запер за ним дверь. Он подошел к стулу, снял толстую подушку сиденья и отнес ее на стол. Расстегнув молнию сбоку, он вытащил наружу магнитофон. Остановив его, Коломбо перемотал пленку назад и отрегулировал скорость и звук. Затем он сел за стол, закурил и стал слушать, время от времени подстраивая звук и заново прокручивая отдельные места. Наконец, когда металлический голос Бонда произнес: «Так вот она кто» и последовало долгое молчание на фоне ресторанного гула, Энрико Коломбо выключил «Грюндиг» и, не шевелясь, просидел целую минуту, глядя на магнитофон. Его лицо отражало сосредоточенную работу мысли. Затем он поднял глаза и, уставившись невидящим взором перед собой, произнес тихо и отчетливо: «Сукин сын.» Он медленно поднялся из-за стола, подошел к двери и отпер ее. Потом, обернувшись на магнитофон, сказал еще раз, теперь уже громче и с чувством: «Сукин сын», — и, выйдя в зал, вернулся за свой столик.

Быстро и горячо он начал что-то говорить девушке. Та кивнула и бросила взгляд через зал на Бонда, уже встававшего с Кристатосом из-за своего стола. Неожиданно она низким и злым голосом сказала Коломбо:

— Ты омерзительный тип. Меня все предупреждали об этом и советовали не связываться с тобой. Теперь я вижу, что они были правы. Накормив меня в своем вонючем ресторане, ты уже решил, что можешь оскорблять меня грязными предложениями.— Голос девушки становился все

громче. Она схватила сумочку и выскочила из-за стола, загородив Бонду и Кристатосу дорогу к выходу.

Лицо Энрико Коломбо потемнело.

— Ах, дешевая австрийская сучка...

— Не смей оскорблять мою страну, ты, итальянская жаба! — Девушка проворно дотянулась до своего бокала с вином и выплеснула его точно в лицо мужчине. Разъяренный Коломбо шагнул к ней, и она попятилась, налетела на Бонда, который вместе с Кристатосом стоял рядом, терпеливо ожидая возможности пройти.

Энрико Коломбо остановился, утираясь салфеткой. Задыхаясь от бешенства, он прошипел:

— Чтоб духу твоего здесь больше не было. — И, плюнув ей под ноги, он развернулся и большими шагами ринулся в свой кабинет.

Метрдотель поспешил вслед за хозяином. Все в ресторане оторвались от еды, с любопытством разглядывая девушку. Бонд взял ее за локоть.

— Разрешите посадить вас в такси.

Она резким движением вырвала руку, озлобленно бросив: «Все мужчины — скоты», — но тут же опомнилась и сдавленным голосом поблагодарила: «Вы очень любезны».

Заносчиво вздернув подбородок, она поплыла к выходу с Джеймсом Бондом и синьором Кристатосом в кильватере.

По ресторану прокатился приглушенный гул и стих, возобновился стук ножей и вилок. Сцена явно доставила удовольствие всем присутствовавшим. Метрдотель стоял у входа со скорбным видом, придерживая открытую дверь.

— Прошу прощения, месье, — обратился он к Бонду. — Мы очень признательны вам за помощь.

На улице показалось свободное такси. Метр призывно помахал и, бросившись к затормозившей машине, распахнул дверцу.

Девушка села в такси. Бонд решительно последовал за ней, захлопнул за собой дверь.

— Я позвоню вам утром, договорились? — бросил он Кристатосу через окно и, не дожидаясь ответа, откинулся на сиденье. Девушка отодвинулась от него, забившись в самый угол.

— Куда вам?

— Отель «Амбассадор».

В течение нескольких минут они ехали молча. Затем Бонд сказал:

— Может, заедем куда-нибудь выпить сначала?

— Нет, спасибо.— Было видно, что она колебалась.— Вы очень любезны, но сегодня я устала.

— Тогда завтра вечером?

— Спасибо, но завтра я уезжаю в Венецию.

— Я тоже туда собираюсь. Не согласились бы вы пообедать со мной завтра вечером в Венеции?

Девушка улыбнулась.

— А я считала англичан робкими. Вы ведь англичанин, не так ли? Как вас зовут? Кто вы?

— Да, я англичанин. Мое имя Джеймс Бонд. Я писатель. Сочиняю детективные истории. Сейчас пишу роман о контрабандистах наркотиков. Действие происходит в Риме и Венеции. Но беда в том, что я знаю предмет недостаточно хорошо. Вот и решил немного попутешествовать, чтобы собрать материал. Вы мне не поможете?

— Теперь мне понятно, почему вы обеды с этим Кристатосом. Я его немного знаю. Опасный тип. А помочь вам я не смогу. Я знаю только то, что известно всем.

Бонд с энтузиазмом воскликнул:

— Да ведь это как раз то, что мне нужно! Я же не выисываю сюжеты из пальца, а опираюсь на реальные факты, и мне просто не обойтись без слухов. Я имею в виду сплетни высокого пошиба. Как показывает опыт, они довольно точно отражают действительное положение вещей. Услышать добротную сплетню для писателя все равно, что найти на улице бриллиант.

Девушка рассмеялась.

— Так вы говорите... бриллиант?

— Ну, как автор я не зарабатываю столько. Правда, я уже продал право на экранизацию своей будущей книги, и если она окажется достаточно интересной, осмелюсь предположить, что у меня и в самом деле купят сценарий.— Он придвинулся к девушке и накрыл ладонью ее руку, лежащую на коленях. На этот раз она не отняла руки.— Вот именно, бриллиант. Скажем, бриллиантовая брошь от Ван Клифа. Идет?

Девушка убрала свою руку. Такси остановилось возле гостиницы. Взяв сумочку, лежавшую между ними на сиденье, она повернулась лицом к Бонду. Швейцар открыл дверцу машины, и ее глаза блеснули в свете уличных фонарей. Внимательно, без улыбки она изучала лицо Бонда, а затем сказала:

— Все мужчины — скоты, хотя в некоторых скотства чуть меньше, чем в остальных. Хорошо, мы встретимся, но не в ресторане. То, что я хочу рассказать вам, не для чужих

ушей. В Венеции я буду каждый день загорать в Лидо. Но не на городском пляже. Я предпочитаю Альберони, где ваш поэт Байрон любил кататься верхом. Это на самой оконечности полуострова. Там в дюнах вы найдете меня после завтра в три часа дня. Ориентир — желтый зонт. Под ним буду я. — Она улыбнулась. — Не забудьте постучать в зонтик и спросить фрейлейн Лизл Баум.

Они вышли из такси.

— Спасибо, что заступились за меня в этом мерзком кабаке. — Лизл протянула ему руку. — Спокойной ночи.

Бонд ответил:

— Значит, послезавтра, в три. До свидания.

Девушка повернулась и пошла вверх по стертым ступеням гостиницы. Проводив ее задумчивым взглядом, Бонд сел в такси и попросил отвезти его в «Националь». Откинувшись на сиденье, он рассеянно наблюдал, как неоновые огни за стеклом автомобиля сливаются в сплошную линию. Как и такси, все события сегодняшнего вечера неслись со скоростью, не позволявшей чувствовать себя в безопасности. И лишь такси находилось в его власти. Наклонившись вперед, Джеймс Бонд велел шоферу ехать помедленнее.

Из Рима в Венецию удобнее всего добираться поездом «Лагуна-экспресс», который отправляется ежедневно в полдень. Потратив большую часть утра на утомительный обмен радиошифровками с лондонским центром, Бонд едва не опоздал к поезду. Нарядные, современной обтекаемой формы вагоны экспресса снаружи выглядели гораздо комфортабельнее, чем оказались внутри. Кресла явно были рассчитаны на низкорослых итальянцев, а прислуга вагона-ресторана страдала тем же недугом, что порастил их собратьев в каждом из знаменитых поездов по всему миру — эпидемией нескрываемой ненависти с пассажирами и особенно к иностранцам. Бонд устроился в кресле рядом с проходом. За окном проносился рай земной, но его это мало трогало. От тряски вагона буквы так и норовили выпрыгнуть со страниц книги, которую он читал, а бокал кьянти на откидном столике стоял в непросыхающей луже постоянно расплескивающегося вина. Время от времени перекладывая свои длинные затекшие ноги, Бонд не уставал проклинать *Ferrovie Italiane della Stato*.¹ Лишь в Местре он отложил книгу и выглянул в окно. Тонкая, абсолютно прямая стрела рельсов над водами лагуны словно рассекала офорт XVIII века, упираясь в Венецию. А затем — непроходящее потрясение

¹ Итальянские государственные железные дороги (итал.).

вечной красотой, медленное, убаюкивающее течение Гранд-канала навстречу кроваво-красному закату, и апогей — «Дворец Гritti» с роскошным номером-люкс на втором этаже.

Позже вечером Джеймс Бонд самозабвенно сорил тысячелировыми банкнотами в «Валламброзе», у «Флориана» и, наконец, наверху в фешенебельном «Квадри», поддерживая репутацию преуспевающего литератора, умеющего погулять на широкую ногу. Все еще пребывая в состоянии эйфории, которую испытывает каждый приезжий в свой первый вечер в Венеции, какой бы важной и серьезной ни была цель ее посещения, Бонд вернулся в гостиницу и проспал восемь часов без сновидений.

Май и октябрь — лучшее время в Венеции. Солнце не такое жаркое, а ночи прохладные. Мягкие тона роскошных каменных декораций нежат глаз, раскаленные летом бесконечные булыжные мостовые и мраморные «терраццо» продуваются свежим ветерком. К тому же повсюду меньше людей. И хотя Венеция, пожалуй, единственный в мире город, способный переварить сотню тысяч приезжих так же легко, как тысячу, всасывая их лабиринтом улиц, концентрируя на площадях и плотно пакуя на палубах *vaporetti*¹, — все же гораздо приятнее делить Венецию с минимальным количеством организованных туристов и «Lederhosen».²

Утро следующего дня Джеймс Бонд провел в городе, проверяя, нет ли за ним слежки. Он петлял переулками, пару раз зашел в церкви, где интересовался не великолепным внутренним убранством, а теми, кто заходил следом за ним через главный ход, в то время как он исчезал через боковой. «Хвоста» не было. Бонд зашел к «Флориану», где позавтракал по-американски, вполуха слушая парочку французских снобов, озабоченных отсутствием равновесия в архитектуре фасада площади Святого Марка. Затем, повинувшись импульсу, он послал открытку своей секретарше, которая при короле Георге съездила по турпутевке в Венецию и с тех пор не давала Бонду забыть об этом знаменательном событии. В открытке он написал: «Венеция восхитительна! Успел осмотреть железнодорожный вокзал и фондовую биржу — весьма эстетичное зрелище. Сегодня планирую познакомиться с устройством городской канализации, а вечером пойду в кинотеатр «Скала» на старушку Бриджит Бардо.

¹ Морские трамвайчики, курсирующие по венецианской лагуне (итал.).

² «Кожаные штаны» — презрительная кличка баварцев (нем.).

Известна ли вам мелодия «О Соле Мио»? Оч. романтична, как и все остальное здесь. Дж. Б.»

Довольный своим вдохновением, Бонд раньше обычного съел второй завтрак и вернулся в гостиницу. Заперев дверь номера, он снял пиджак и надел на плечо кобуру с «вальтером ППК». Опустив предохранитель, он пару раз потренировался, быстро выхватывая пистолет. Затем сунул «вальтер» обратно в кобуру и застегнул ее. Пора было идти. Он спустился на пристань рядом с гостиницей и сел в *varopetto*, отходящий в двенадцать сорок на Альберони. Пароходик отчалил и заскользил по зеркалу лагуны. Бонд опустил на скамью в носу судна и задумался о том, что его ждет впереди.

Причал в Альберони на венецианской стороне полуострова Лидо от *Bagni Alberoni*¹ на адриатическом берегу отделяет выжженный солнцем пыльный перешеек шириной в полмили. Это был странный пустынный мир — западная оконечность знаменитого полуострова. Всего лишь милей восточнее перешейка выдохлась экспансия застройки Лидо недвижимостью, оставив следы агонии строительного бума — некогда роскошные виллы с осыпавшейся штукатуркой и котлованы несостоявшихсястроек. А здесь не было ничего, кроме маленькой рыбацкой деревушки Альберони, студенческого летнего лагеря, брошенной опытной станции итальянского флота, нескольких уже оплывших и заросших сорняками оружейных дворигов, оставшихся с войны. В центре узкого языка суши вокруг руин древней крепости вились коричневые ухабистые дорожки гольфклуба «*Golf du Lido*». Редко кто приезжает в Венецию играть в гольф, и только благодаря снобистским претензиям больших отелей в Лидо клуб не захирел окончательно. Высокие проволочные заборы с угрожающими надписями «*Vietatos*» и «*Prohibitos*»² вокруг владений гольфклуба скорее напоминало ограду какого-то сверхсекретного объекта. Проволочный анклав располагался среди поросших чахлым кустарником песчаных холмов, до сих пор не расчищенных от мин. То тут, то там виднелась ржавая колючая проволока с табличками «*Minas. Pericolo di Morti*»³, украшенными аляповатым трафаретным черепом и скрепленными костями. Унылый фантазмагорический пейзаж находился в разительном контрасте в праздничным карнавальным миром Венеции всего лишь в часе езды отсюда.

¹ *Пляж Альберони (итал.).*

² *«Вход запрещен» (итал.).*

³ *«Мины, опасно для жизни» (итал.).*

К концу полумильной прогулки через перешеек Джеймс Бонд слегка вспотел. Он остановился в тени последней акации у дороги, чтобы остыть и определить дальнейший курс. Прямо перед ним возвышалась рахитичная деревянная арка с выгоревшей бледно-голубой надписью «Bagni Alberoni». По обе стороны от нее тянулись ряды обветшалых фанерных кабинок. За ними простиралась песчаная полоса пляжа шириной ярдов сто, а далее — голубое зеркало моря. На пляже не было видно ни души, и Бонд уже решил, что он закрыт, как вдруг услышал тихую неаполитанскую мелодию. Радио играло в замызганном павильоне, предлагавшем кока-колу и местные прохладительные напитки. У стены павильона штабелем лежали шезлонги, стояли два водных велосипеда и валялась наполовину сдутая резиновая лошадка. Пляжный инвентарь производил столь убогое впечатление, что Бонд усомнился в прибыльности предприятия даже в разгар купального сезона. Он сошел с узкой дощатой дорожки и, проваливаясь в сухом рассыпающемся песке, обогнул павильон с тыла, подошел к воде. Налево, растворяясь в мареве осеннего солнца, вплоть до самого Лидо тянулась пустынная песчаная излучина. Направо через полмили пляж упирался в высокую стену волнолома, вытянутым пальцем вдававшегося в лазурную гладь Адриатики. Кое-где на волноломе торчали тонкие стрелы подъемников ловушек для осьминогов. Подальше от берега начинались песчаные дюны и шла проволочная ограда поля гольф-клуба. Ярдах в пятистах у начала дюн виднелось ярко-желтое пятно.

Бонд направился к нему вдоль кромки берега.

— Гм!

Над зонтом взлетели руки с лифчиком бикини и исчезли. Бонд обошел зонт. Тень падала лишь на лицо девушки, а загорелое кремовое тело в черном бикини оставалось под солнцем.

Лизл Баум взглянула на Бонда из-под опущенных ресниц.

— Вы пришли на пять минут раньше, а кроме того, забыли постучаться, как я просила.

Бонд сел в тень зонтика на ее черно-белое пляжное полотенце и, вынув платок, вытер лицо.

— Вам посчастливилось владеть единственной пальмой в здешней Сахаре. Я бежал со всех ног в ее тень. Странное, честно признаться, место вы избрали для свидания.

Она рассмеялась.

— Я, как Грета Гарбо, обожаю одиночество.

— Разве мы одни?

Лизл широко раскрыла глаза.

— А разве нет? Или вы думаете, что я захватила с собой дуэную?

— Ну, если вы всерьез считаете всех мужчин скотами...

— Ах, вот вы о чем. Успокойтесь, вас я считаю джентльменом-скотом.— Она хихикнула.— Милордом-скотом. А кроме того, здесь слишком жарко и слишком много песка для подобного занятия. И разве у нас не деловое свидание? Я рассказываю вам о контрабанде наркотиков, а вы дарите мне брошь с бриллиантом от Ван Клифа. Или вы передумали?

— Нет. Договор остается в силе. С чего же мы начнем?

— Задавайте вопросы, а я буду отвечать.— Она села, обхватив колени. В ее глазах не осталось и тени кокетства. Их взгляд стал внимательным и даже, как показалось Бонду, тревожным.

Удивленно взглянув на нее, Джеймс Бонд равнодушно поинтересовался:

— Ходят слухи, что ваш приятель Коломбо важная шишка в интересующем меня деле. Расскажите о нем. Он мог бы стать неплохим прототипом героя моей книги, под другим именем, разумеется. Мне нужны детали: как он живет, что делает и тому подобное. Такие вещи ни один писатель не может выдумать сам.

Лизл опустила глаза.

— Энрико очень рассердится, если узнает, что я проболталась о его секретах. Я даже боюсь представить, что он со мной сделает.

— Он никогда не узнает об этом.

Она взглянула ему в глаза.

— Lieber ¹ мистер Бонд, на свете существует очень мало вещей, о которых ему не известно. К тому же Энрико достаточно умен, чтобы догадаться. Я не удивлюсь,— Бонд перехватил быстрый взгляд Лизл на его часы,— если ему придет в голову проследить меня здесь. Он очень коварный человек.— Она дотронулась до рукава Бонда, и теперь он ясно видел, как она нервничает.

— Мне кажется, что вам лучше уйти отсюда,— быстро сказала Лизл.— Кажется, мы сделали большую ошибку.

Бонд демонстративно посмотрел на свои часы. Половина четвертого. Он подвинулся и выглянул из-за зонтика. Вдалеке за пляжными кабинками вдоль берега шли трое мужчин в темной одежде. Их силуэты плясали в раскаленном воздухе,

¹ Дорогой (нем.).

и тем не менее в твердой целеустремленной поступи троицы явно проглядывало что-то солдатское.

Бонд поднялся на ноги. Взглянул вниз на склоненную голову девушки, он сухо сказал:

— Я вас понял. Передайте Коломбо, что с этого момента я начал писать документальный роман. А я, между прочим, упрямый писатель. Пока.— И он побежал вверх по песку к волнолому. По дамбе можно было вернуться назад в Альберони, туда, где были люди.

Внизу на берегу трое мужчин перешли на рысь, как по команде сгибая колени и размахивая руками. Издали они казались бегунами на тренировке. Пробегая мимо девушки, один из них приветственно поднял руку. Она помахала в ответ, а потом отвернулась и легла на песок лицом вниз, может, для того, чтобы теперь загорала спина, а может, чтобы не видеть охоту на человека.

Бонд на бегу сорвал галстук и сунул его в карман. Солнце палило немилосердно, и он уже весь взмок. Но и преследователям приходилось не слаще. Вопрос был в том, кто окажется выносливее. Фигуры за спиной Бонда не увеличивались, но теперь преследователи развернулись всеором — двое из них бежали вдоль поля для гольфа, срезая угол. Похоже, они не собирались обращать внимание на предупреждения с черепом и костями. Положение Бонда становилось рискованным.

Достигнув волнолома, он увеличил скорость. Его рубашка промокла насквозь, ноги в туфлях горели. Он уже пробежал не меньше мили. Сколько еще оставалось до спасения? На равных расстояниях в бетон дамбы были вмурованы чугунные стволы старинных орудий, служивших для швартовки рыбацких судов, которые отстаивались под защитой волнолома при штормах в Адриатике. Бонд посчитал шаги между кнехтами. Пятьдесят ярдов. Сколько же этих чугунных пеньков до конца дамбы, до первых домов деревни? Впереди он насчитал их не менее тридцати, остальные пропадали в дымке марева. Вероятно, предстоит пробежать еще не меньше мили. Сумеет ли он опередить тех двоих, что бежали наперерез? Бонд задыхался, в горле стоял ком. Теперь промок насквозь и пиджак, а брюки прилипали к ногам. Сзади, ярдах в трехстах, бежал по дамбе один из преследователей. Справа, то скрываясь, то появляясь среди дюн, быстро приближались двое других. Слева от Бонда был крутой скат каменной кладки и зеленые волны начавшегося отлива из лагуны в Адриатику.

Джеймс Бонд уже был готов перейти на шаг, чтобы от-

дышаться и с новыми силами попытаться вырваться из капкана, как вдруг одно за другим произошли сразу два события. Сначала он увидел людей впереди — сквозь марево проступили фигуры купальщиков с подводными ружьями. Их было не меньше полудюжины, одни плавали у самой стенки волнолома, другие загорали наверху. И тут же справа из дюн до него донесся глухой грохот взрыва. Песок, кусты и то, что секунду назад было человеком, взлетели в воздух, и Бонд ощутил легкий толчок взрывной волны. Он замедлил бег. Второй из преследователей, бежавших по берегу ему наперерез, остановился как вкопанный, раскрыл рот, и Бонд услышал истошный вопль. Затем кричавший рухнул на землю и закрыл голову руками. Бонд уже видел этот жест. Теперь несчастный не сдвинется с места до тех пор, пока кто-нибудь не подойдет к нему и не выведет его оттуда. Джеймс Бонд воспрянул духом. До купальщиков ему оставалось каких-то двести ярдов, они уже заметили бегущего человека и, собравшись группой, с любопытством наблюдали за ним. Бонд лихорадочно вспоминал итальянские слова, выстраивая их в предложение: «Mi Inglese. Prego, dove il carabiniere».¹ Он бросил взгляд через плечо. Странно, но единственный оставшийся из преследователей как будто не обращал внимания на посторонних людей. Он был уже в сотне ярдов позади Бонда, в руке у него блеснул пистолет. Неожиданно рыболовы с гарпунными ружьями наизготовку развернулись цепью поперек волнолома, преградив путь Бонду. В центре стоял толстый мужчина в узеньких красных плавках под нависающим животом. Его сдвинутая на лоб зеленая маска напоминала корону. Он стоял, раздвинув ноги в синих резиновых лапах и уперев руки в бока, — вылитый мистер Тоад² из голливудского фильма. Впрочем, долго удивляться Бонду не пришлось. Задышавшись, он перешел на шаг. Его руки автоматически нырнули под пиджак за пистолетом. Напротив него стоял Энрико Коломбо.

Итальянец молча наблюдал за приближающимся Бондом. Когда между ними оставалось двадцать ярдов, Коломбо негромко сказал:

— Спрячьте вашу игрушку, мистер Бонд из секретной службы. Наши ружья работают на сжатом углекислом газе. И ни шагу больше, стойте, где стоите. Иначе мы превратим вас в Святого Себастьяна с картины Мантеньи. — Он повер-

¹ «Я англичанин. Пожалуйста, где здесь карабинеры?» (искаж. итал.).

² Мистер Жаба — персонаж сказки Кеннета Грэхема «Ветер в ивах», экранизированной голливудской компанией «Техниколор».

нулся к стрелку справа и спросил по-английски:— На каком расстоянии был от тебя тот албанец?

— В двадцати ярдах, *padrone*. Гарпун прошел его насквозь, хотя он был вдвое толще этого типа.

Бонд остановился. Присев на чугунный кнехт, он оперся рукой с пистолетом на колено, направив ствол в центр большого живота Коломбо.

— Даже если утыкаете меня своими стрелами как дикобраза,— сказал Бонд,— ты не переваришь мою пулю в своем животе, Коломбо.

Итальянец улыбнулся и кивнул. Человек, бежавший за Бондом по волнолому, неслышно подкрался к нему сзади и ударил рукояткой «люгера» в основание черепа.

Когда приходишь в себя после сильного удара по голове, первое ощущение — позыв к рвоте. Но и в таком отвратительном состоянии Джеймс Бонд сразу понял, что находится на борту судна в открытом море. Какой-то мужчина промокал ему лоб мокрым холодным полотенцем, приговаривая на ломаном английском:

— Все о'кей, *amigo*.¹ Не волноваться, не надо.

Бонд в изнеможении откинулся на койке. Он находился в маленькой, но комфортабельной каюте. Иллюминаторы были занавешаны изящными шторами, на столе стояли цветы, а в воздухе чувствовался аромат женственности. Матрос в дырявой майке и парусиновых штанах склонился над ним — Бонду показалось, что он узнал в нем одного из рыбацких с гарпунными ружьями. Матрос улыбнулся Бонду, когда тот открыл глаза.

— Тебе лучше, да? *Subito* ² о'кей?— Он сочувственно похлопал себя по затылку.— Немножко болит. Скоро останется только шишка под волосами. Девушки ничего не заметят.

Бонд слабо улыбувшись в ответ, кивнул и тут же зажмурился от боли, вызванной движением головы. Когда он снова открыл глаза, матрос предостерегающе покачал головой. Он поднес к глазам Бонда запястье с часами. Они показывали семь. Моряк указал мизинцем на цифру «9».

— *Mangiare con padrone, si?* ³

Бонд ответил:

— *Si*.

Матрос приложил ладонь к щеке и склонил голову набок.

¹ Друг (итал.).

² Рана, травма (итал.).

³ Победаете с хозяином, да? (итал.).

— Dormire¹.

Бонд сказал: «*si*» еще раз, и матрос вышел из каюты, прикрыв за собой дверь, но не заперев ее.

Бонд осторожно слез с койки, подошел к раковине и умылся. Сверху на рундуке аккуратной стопкой лежали его вещи. Все оказалось на месте, за исключением пистолета. Бонд оделся, разложил все по карманам и, закулив, присел на койку, глубоко задумавшись. Он был растерян. Против воли его взяли в плавание и при этом чуть не уколошили, но, судя, по отношению матроса, его не считают врагом. Зачем же они положили столько сил, чтобы захватить его? Один из людей Коломбо даже погиб во время охоты за ним, правда, по собственной вине. Похоже, он не нужен был им мертвый. Значит, они постараются склонить его на свою сторону. Интересно, что за сделку предложат ему и что с ним будет в случае отказа?

В девять часов тот же матрос зашел за Бондом и отвел его вниз по короткому трапу в небольшую грязноватую кают-компанию и оставил здесь одного. Около стола и двух кресел в центре кубрика стоял сервировочный столик на колесах с выпивкой и закусками. Бонд попробовал люк в противоположном конце салона. Он был заперт. Тогда Бонд поднял один из иллюминаторов и высунул голову наружу. Еще не совсем стемнело, и ему удалось рассмотреть, что судно было около двухсот тонн водоизмещением; скорее всего, раньше это был большой рыболовецкий сейнер. Внизу урчал дизель, и Бонд прикинул, что они делают шесть — семь узлов. На темном горизонте виднелась россыпь крошечных огоньков — они шли вдоль адриатического побережья Италии.

Задвижка люка с лязгом повернулась. Бонд убрал голову из иллюминатора. По трапу спускался Коломбо. Он был в спортивном хлопчатобумажном свитере, рабочих брюках из саржи и старых сандалиях. Глаза его блестели насмешливо и самодовольно. Он опустился в одно из кресел и указал Бонду на другое.

— Присаживайтесь, мой друг. Выпивки, закуски и тем для разговора у нас предостаточно. Может, перестанем дуться друг на друга, как подравшиеся пацаны, а? Что будете пить — джин, виски, шампанское? Рекомендую: это лучшая болонская колбаса. Маслины из моего собственного сада. Хлеб, масло, *provolone* — это копченый сыр, свежий инжир. Крестьянская еда, но отменного качества. Не стес-

¹ Спать (итал.).

няйтесь, налегайте, после пробежки у вас должен быть хороший аппетит.— И Коломбо заразительно расхохотался.

Бонд налил себе виски, разбавил содовой и вернулся в кресло.

— Зачем вам понадобился весь этот цирк?— спросил он.— Мы могли бы встретиться без ваших фокусов. Вы, похоже, не подозреваете, какие печальные последствия вас ждут. После того как меня заарканила эта девица в вашем ресторане,— детский розыгрыш, между прочим,— я ожидал от вас нечто подобное и предупредил своего шефа, что собираюсь добровольно угодить в ловушку и посмотреть, чем это кончится. Если я не объявлюсь завтра к полудню, весь Интерпол и вся итальянская полиция обрушится вам на голову. Едва ли она у вас достаточно крепкая, чтобы выдержать это.

Коломбо выглядел озадаченным.

— Но если вы собирались добровольно попасть в ловушку, то зачем же пытались убежать от моих людей? Я послал их пригласить вас на мой корабль, и все бы кончилось мирно. А теперь я потерял одного из моих лучших людей, и вам чуть не проломили череп. Я не понимаю вас.

— Мне не понравился вид вашей троицы. Я знаю, как выглядят убийцы, и мне показалось, что вы хотите совершить глупость. Вы должны были обойтись помощью девушки. Те трое были лишними.

Коломбо покачал головой.

— Лизл согласилась лишь разузнать кое-что от вас, и не более того. Сейчас она злится на меня не меньше вашего. Жизнь — сложная штука. Я стараюсь со всеми дружить, а сегодня приобрел сразу двух врагов. Это плохо.— На лице Коломбо отразилось искреннее огорчение. Он отрезал ломтик колбасы и, нетерпеливо оборвав зубами кожицу, стал есть. Набив рот колбасой, он налил себе шампанского и проглотил все разом. Укоризненно покачав головой, он сказал Бонду:

— Каждый раз, когда я расстраиваюсь, мне необходимо поесть. Но еда, которую я ем от огорчения, плохо переваривается. Вы расстроили меня. Вы сказали, что мы могли бы спокойно встретиться и мирно решить все вопросы, что я виноват в случившейся беде.— Коломбо беспомощно развел руками.— Как я мог знать это? Говоря так, вы перекладываете смерть Марио на мою совесть. Но ведь я не приказывал ему бежать по минному полю.— Коломбо ударил кулаком по столу и злобно закричал на Бонда:

— Я не согласен, что это моя вина. Ты сам виноват во

всем. Ты согласился убить меня. Кто станет встречать своего убийцу как друга? Отвечай, кто?— Коломбо схватил длинную булку и запихнул ее в рот. Его глаза негодуя сверкали.

— Что вы, черт возьми, имеете в виду?— воскликнул Бонд.

Коломбо бросил на стол остаток булки и вскочил, не сводя горящих глаз с Бонда. Он боком подошел к шкафу, по-прежнему не отрывая взгляда от Джеймса Бонда, нащупал ручку верхнего ящика, выдвинул его, пошарил внутри и извлек оттуда магнитофон. Вернувшись к столу, Коломбо поставил «Грюндиг» напротив Бонда и нажал клавишу.

Услышав металлический голос Кристатоса, Джеймс Бонд машинально взял со стола свой стакан виски и заглянул в него.

«...Правильно. А сейчас, как добрые коммерсанты, давайте обговорим условия, прежде чем вы получите товар, идет? — Голос Кристатоса продолжал: — ...десять тысяч американских долларов... вы не признаетесь, откуда получили информацию. Даже если вас будут бить... во главе организации стоит плохой человек. Он должен быть *destrutto* — убит».

Бонд ждал своего ответа, вслушиваясь в приглушенный ресторанный гул. Он помнил, что обдумывал последнее условие довольно долго, но что же он сказал тогда Кристатосу? Наконец, будто отвечая ему, его собственный голос произнес: «Не обещаю вам этого. Все что могу сказать: если он будет угрожать моей безопасности, я убью его».

Коломбо выключил магнитофон. Бонд проглотил свое виски и только потом собрался с духом поднять глаза на Коломбо.

— Эти слова еще не делают меня убийцей.

Коломбо смотрел на него со скорбным видом.

— А я считаю, что делают. Ведь это сказал англичанин. Я работал на англичан во время войны. В Сопротивлении. Ваш король наградил меня орденом.— Он сунул руку в карман и бросил на стол серебряную медаль Свободы на красно-бело-синей ленте.— Видите?

Бонд, не отводя глаз, выдержал взгляд Коломбо.

— Там, на пленке, было еще кое-что. Как вы это объясните? Вы уже давно работаете против англичан, вы продались за деньги.

Коломбо фыркнул. Ткнув пальцем в магнитофон, он безмятежно сообщил:

— Я прослушал все, и все это ложь.— Он неожиданно

обрушил кулак на стол так, что подпрыгнула посуда, и негодующе проревев: «Ложь, сплошная ложь, каждое слово ложь», — вскочил на ноги, опрокинув кресло. Коломбо медленно нагнулся и поднял его. Затем взял бутылку виски, обошел стол и налил Бонду полный стакан. Вернувшись на место, он поставил перед собой бутылку шампанского. Похоже, он овладел собой. Его лицо стало серьезным и сосредоточенным, а голос звучал спокойно.

— Нет, не все это ложь. В том, что наговорил вам этот подонок, есть крупницы истины. Именно поэтому я сначала не хотел разубеждать вас. Боялся, что вы мне не поверите и выпутаете сюда полицию. А это грозило бы большой бедой мне и моим друзьям. Даже если бы вы или кто-то другой не нашли веских оснований убить меня, все равно был бы скандал и огласка погубила бы меня. Поэтому я решил все же открыть вам правду — ту правду, за которой вас послали в Италию. Через несколько часов, на рассвете, ваша миссия завершится. — Коломбо щелкнул пальцами. — Presto,¹ вот так.

Бонд спросил:

— В чем Кристатос был прав?

Несколько секунд Коломбо смотрел ему в глаза, как бы оценивая. Наконец, он сказал:

— Мой друг, я контрабандист. Здесь Кристатос не врал. Я, быть может, самый удачливый контрабандист на всем Средиземном море. Половина американских сигарет в Италии доставляется мною из Танжера. Золото? У меня монополия на торговлю твердой валютой на черном рынке. Бриллианты? Мой личный поставщик в Бейруте имеет прямой выход в Сьерра-Леоне и Южную Африку. В прошлом, когда эти вещи были редкостью, я занимался пенициллином и другими лекарствами — покупал их в госпиталях американских баз. Были и другие дела, вплоть до прекрасных сирийских девушек, которых я продавал домам в Неаполе. Я укрывал беглых преступников, но, — кулак Энрико Коломбо вновь обрушился на стол, — наркотики — героин, опиум, гашиш — нет! Никогда! Я не имею с ними ничего общего. Это — зло. Все остальное — не такой уж грех. — Коломбо поднял правую ладонь. — Мой друг, клянусь вам в этом здоровьем моей мамы.

Перед Бондом впервые за вечер забрезжил свет. Он был готов поверить Коломбо и даже почувствовал невольную симпатию к этому шумному и прожорливому пирату, кото-

¹ Здесь: оп-ля (итал.).

рого едва не угробил Кристатос его, Джеймса Бонда, руками.

Бонд спросил:

— Почему Кристатос выбрал вас жертвой? Чего он этим добивался?

Коломбо медленно покачал пальцем из стороны в сторону перед своим носом.

— Мой друг, Кристатос есть Кристатос. Он ведет такую крупную двойную игру, что вы даже не представляете ее масштабов. Чтобы удержаться на плаву — сохранять покровительство американской разведки и людей из их службы по борьбе с наркотиками — он вынужден время от времени скармливать им жертву, кого-нибудь из шестерок. Но дело с англичанами — это уже большая игра, и здесь Кристатосу нужна крупная жертва. На эту роль он или его хозяева выбрали меня. Часто скажу, они сделали неплохой выбор. Если бы вы действовали энергично и не жалели денег на информацию, то вскоре напали бы на след моих дел. Но каждый след, ведущий ко мне, уводил бы вас все дальше от цели. В конце концов (я высоко ценю ваше ведомство) меня бы упрятали за решетку, а лисица, за которой вы охотились, только бы посмеивалась, слыша, как удаляется лай гончих.

— Почему Кристатос хотел вас убить?

Энрико Коломбо с лукавым видом ответил:

— Мой друг, я знаю слишком много. В нашем контрабандном деле мы иногда задеваем за угол соседского бизнеса. Не так давно на этом самом корабле я столкнулся с небольшой албанской канонеркой. Удачный выстрел поджег их танки с горючим. В живых остался лишь один из них. Мы заставили его говорить. Я многое узнал, но как дурак, рискнул пробраться через минные поля и высадил его на берег севернее Тираны. Это было моей ошибкой. С тех пор этот сукин сын Кристатос охотится за мной. К счастью, — Коломбо по-волчьи ослабил голос, — я узнал одну вещь, которую он еще не знает. Вы поймете, о чем я говорю, на восходе солнца, когда мы доберемся до небольшой рыбацкой деревушки Санта-Мария, это чуть севернее Анконы. А там, — Коломбо рассмеялся коротким злым смехом, — там мы увидим то, что увидим.

Бонд осторожно спросил:

— Сколько вы хотите за все это? Вы сказали, что моя миссия завершится завтра утром. Какова ваша цена?

Коломбо пожал плечами и равнодушно сказал:

— Нисколько. Просто наши интересы совпали. Я только попрошу вас, чтобы все, что вы услышали от меня сегодня

вечером, осталось между нами, и если это необходимо, вашим шефом в Лондоне. Чтобы это не просочилось в Италию. По рукам?

— Согласен.

Коломбо встал и подошел к шкафу. Он достал из ящика пистолет Бонда и вернул его англичанину.

— В данном случае, мой друг, он пригодится вам. А сейчас не мешает поспать. Завтра в пять мы пьем кофе с ромом. — Он протянул руку. Бонд пожал ее. Сами того не чая, двое мужчин стали друзьями — Бонд чувствовал это. Он смущенно сказал: «Все в порядке, Коломбо», — и направился из салона в свою каюту.

Команда «Коломбины» состояла из двенадцати человек. Это были молодые крепкие парни. Они тихо переговаривались между собой, пока Коломбо расставлял на столе кружки с горячим кофе и ром. В кубрике стояла полутьма — горел лишь штормовой фонарь, судно шло без огней. Бонд тайком улыбнулся, его забавлял вид возбужденных заговорщиков, словно сошедших со страниц «Острова сокровищ». Коломбо переходил от одного матроса к другому, проверяя оружие. Каждый из них имел «люгер» за поясом брюк под фуфайкой и пружинный нож в кармане. Коломбо не обошел никого вниманием, либо похвалив, либо пожурив за состояние оружия. Неожиданно Бонду пришла мысль, что, пожалуй, Коломбо устроил себе неплохую жизнь — полную захватывающих приключений и риска. И хотя это была жизнь преступника — постоянная схватка с полицией, единоборство с таможенными и валютными барьерами, с государственной табачной монополией — в ней, тем не менее, чувствовался привкус юношеской романтики, который если не обелял полностью проделки Коломбо, то делал их по крайней мере серыми, а не черными.

Энрико Коломбо взглянул на часы и отправил людей по местам. Погасив фонарь, он вместе с Бондом поднялся на мостик в перламутровые сумерки рассвета. Коломбо протянул вперед руку.

— За этим мысом — гавань. Оттуда нас пока не видно. Там, за молом, как мне кажется, некое судно разгружает рулоны обычной газетной бумаги в склад на берегу. Обогнув мыс, мы дадим полный вперед и причалим к их борту. Будет драка. Будут и проломленные черепа, но надеюсь, что обойдется без стрельбы. Мы первыми стрелять не станем. Но помните, что берем на abordаж албанское судно, полное опасной шпаны. Если поднимется шухер, вы должны стрелять вместе со всеми. Эти люди — такие же враги вашей

страны, как и моей. А, если вас убьют, так убьют. О'кей?
— Мне все ясно.

Едва Бонд сказал это, как раздался звонок машинного телеграфа, и палуба под ногами задрожала. На скорости десять узлов «Коломбина» обогнула мыс и вошла в гавань.

Все было, как обещал Коломбо. У каменного волнолома лагом стояла шхуна с обвисшим, лениво хлопающим в предутреннем бризе такелажем. Сходни из досок соединяли ее корму с черным зевом ветхого пакгауза из гофрированного железа на берегу. Внутри склада горела тусклая электрическая лампочка. Палуба шхуны была завалена огромными рулонами, похоже, действительно газетной бумаги. На судне и на берегу работали человек двадцать. Они затаскивали очередной рулон на сходни, а дальше он катился сам в ворота пакгауза. Только внезапность нападения могла сравнять силы. «Коломбина» была уже в пятидесяти ярдах от шхуны, когда один или два человека прекратили работу и, выпрямившись, смотрели на подходящее судно. Затем один из них бросился внутрь пакгауза. В этот момент Коломбо выкрикнул резкую команду. Дизель, взревев, захлебнулся, винты за кормой взбили пенный бурун, дав задний ход. На мостике «Коломбины» вспыхнул яркий прожектор, в то время как она по инерции подошла к борту албанского судна. Удар был жестоким, но в тот же момент брошенные стальные кошки намертво вцепились в борт шхуны от кормы до носа, и команда «Коломбины» во главе с хозяином уже карабкалась на палубу албанца.

Бонд решил придерживаться собственного плана. Прыгнув на неприятельскую палубу, он в два прыжка пересек ее, перелез через леер и спрыгнул на берег. Между бортом шхуны и молом оставалось футов двенадцать, и Бонд, прыгнув как можно дальше вперед, приземлился, как кот, сразу на четыре конечности и замер в этой позе на мгновение, оценивая обстановку. На палубе уже началась стрельба. Первым же выстрелом разбило прожектор, и вновь поле боя окутал серый предрассветный туман. Прямо перед Бондом на камни причала с хрустом упало тело одного из албанцев и, дернувшись, распласталось неподвижно. В тот же момент из ворот пакгауза раздалась пулеметная очередь. Ручной пулемет бил короткими очередями, мастерски нащупывая цели. Прячась в тени от борта шхуны, Бонд рванулся навстречу пулеметчику, но тот заметил его, и вокруг Бонда засвистели пули, с чмоканьем впинаясь в борт шхуны и с визгом рикошетируя в темное небо. Бонд нырнул под сходни и на животе пополз вперед. Пули крошили доски у него над

головой. Бонд забился в сужающееся пространство между камнями мола и сходнями как можно дальше. Доски над ними задрожали, послышалась серия глухих ударов, а затем — нарастающий грохот. Кто-то из людей Коломбо перерезал канаты, и целый штабель рулонов устремился вниз по сходням. Это давало Бонду шанс. Он выскользнул из укрытия с левой стороны. Если пулеметчик и ждал его, то ждал справа. Он сидел, прижавшись спиной к стенке пакгауза. Бонд выстрелил дважды подряд на секунду раньше, чем заискрился раструб пулеметного дула. Палец мертвеца свело на курке, и прежде чем отдача выбила пулемет из его рук, пляшущие огоньки на конце дула описали круг, похожий на колесо святой Катерины, и пулемет с лязгом упал на камни мола.

Бонд ринулся было в ворота пакгауза, но поскользнулся и растянулся во весь рост. Секунду он лежал оглушенный, лицом в луже какой-то черной патоки, затем, выругавшись, поднялся на четвереньки и резво уполз за кучу рулонов, сгрудившихся у стены склада. Один из них, вспоротый пулеметной очередью, продолжал сочиться темной густой жидкостью. Бонд тщательно вытер лицо и руки. Этот сладковатый затхлый запах он уже нюхал однажды в Мексике. Так пах сырой опиум.

Пуля звонко щелкнула в железную стену сарая рядом с головой Бонда. Он еще раз вытер ладонь правой руки о брюки и пополз к воротам склада. Слегка удивленный, что никто не выстрелил, когда его силуэт мелькнул в проеме ворот, Бонд заглянул в пакгауз. Внутри свет не горел, но на улице уже развиднелось. Вдоль стен аккуратными штабелями были уложены серые рулоны «бумаги». В конце прохода между ними виднелась закрытая дверь. Вся обстановка внутри сарая дышала коварством, она словно провоцировала Бонда рискнуть. Но в воздухе явственно ощущался запах смерти, и Бонд, не поворачиваясь, боком выскользнул наружу. Стрельба заметно утихла. Навстречу ему, переваливаясь и почти не отрывая ног от земли, как бегают толстяки, во весь дух неся Коломбо. Бонд властно приказал ему:

— Держитесь подальше от ворот. Ни шагу внутрь и не пускайте туда никого из ваших людей. Я зайду с тыла. — Не дожидаясь ответа, он бегом обогнул угол пакгауза.

Склад был длиной около пятидесяти ярдов. Пробежав вдоль его стены, Бонд затормозил и, бесшумно ступая, подкрался к углу. Прижавшись к гофрированному железу, он быстро выглянул из-за угла и моментально отпрянул назад. У задней двери, прикинув к глазку, стоял человек. В руках

он держал подрывной механизм, провода от которого тянулись под дверь. Рядом с ним стоял черный открытый автомобиль — «ланчия грантуризмо» с едва слышно урчащим мотором.

Это был Кристатос.

Бонд опустился на колени и, взяв пистолет двумя руками, качнулся за угол, выстрелив по ногам Кристатоса. Промаях. И в ту же секунду, когда облачко пыли взметнулось в дюйме от мишени, раздался грохот взрыва. Жестяная стена, ударив, отбросила Бонда. Он с трудом поднялся на ноги. Пакгауз чудовищно вспучился, пошел трещинами и с шумом стал обрушиваться, словно колода жестяных карт. Кристатос уже сидел в машине и отъехал ярдов на двадцать. Из-под задних колес фонтанировала пыль. Джеймс Бонд стал в классическую стойку стрелка из пистолета и, задержав дыхание, прицелился. «Вальтер» в его руке трижды дернулся. При последнем выстреле, уже на дистанции пятьдесят ярдов, фигура, прикиная к рулю, откинулась назад. Руки взлетели в стороны, а голова коротко дернулась вверх и упала на грудь. Левая рука упала на дверцу машины и осталась вытянутой, будто мертвец показывал левый поворот. Бонд побежал по дороге, чтобы остановить машину, но ее колеса оставались в глубоких колеях проселка, а правая нога трупа по-прежнему давила на акселератор. Пронзительно визжащая на третьей скорости «ланчия» рванулась вперед. Бонд остановился, глядя ей вслед. Набирая скорость, автомобиль мчался по выжженной равнине, и облачко белой пыли весело клубилось следом за ним. Бонд ждал, что вот-вот машина свернет с проселка, но этого не случилось, и он провожал ее взглядом до тех пор, пока она не пропала из виду в утренней дымке, обещавшей погожий денек.

Бонд поставил «вальтер» на предохранитель и сунул его за ремень брюк. Обернувшись, он увидел подходящего к нему Коломбо. Толстяк с довольным видом ухмылялся. Он подошел в плотную и, к ужасу Бонда раскинул руки, облапил его и расцеловал в обе щеки.

Бонд закричал:

— Ради бога, только не это, Коломбо!

Итальянец громко расхохотался.

— Ага, чопорный англичанин! Всегда скрывает истинные чувства. Но я, — он ударил себя кулаком в грудь, — я, Энрико Коломбо, люблю этого человека и не стесняюсь признаться в этом. Если бы вы не свалили пулеметчика, никого из нас не осталось бы в живых. А так я потерял всего двоих, остальные только ранены. Из албанцев лишь полдю-

жины остались на ногах и разбежались по округе. Полиция всех их переловит. А сейчас вы отправили этого ублюдка прямиком в ад, да на собственном транспорте. Какой блистательный конец для него! Интересно, что будет, когда его гоночный катафалк доедет до шоссе? Он уже заранее показывает левый поворот на автостраду. Надеюсь, он не забудет повернуть. — Коломбо неистово хлопнул Бонда по плечу. — Но пойдёмте, мой друг. Нам пора сматываться отсюда. Кингстоны на албанце открыты, скоро он пойдёт ко дну. В этой глуши нет телефона, поэтому у нас хорошая фора перед полицией. Кроме того, по прибытии им придется клещами вытягивать показания из здешних рыбаков. Я успел перекинуться парой слов с деревенским начальством. Никто здесь не питает теплых чувств к албанцам. Тем не менее, нужно поскорее отчаливать. Обратно мы пойдём против ветра, а с этой стороны от Венеции у меня нет врача, которому можно доверять.

Из-под руин пакгауза вырвались языки пламени и поплыли клубы черного дыма со сладким запахом свежих овощей. Бонд и Коломбо обошли пожарище с наветренной стороны. Албанская шхуна уже стала килем на дно. По колену в воде они перешли по ее палубе на борт «Коломбины», где Бонду пришлось пройти сквозь строй хлопков по спине и рукопожатий. Судно отдало швартовы и взяло курс на мыс, загораживающий гавань. С берега за отплытием наблюдала небольшая кучка рыбаков, сгрудившаяся вокруг лежавших на берегу лодок. Чуть выше виднелись их каменные домишки. Рыбаки производили впечатление угрюмых, но когда Коломбо, подняв руку, крикнул им что-то по-итальянски, большинство помахало на прощание, а один прокричал несколько слов в ответ, и все рассмеялись.

Коломбо пояснил Бонду:

— Они говорят, что такого интересного зрелища не видели даже в кино в Анконе и просят нас вернуться поскорее еще раз.

Неожиданно Бонд ощутил усталость. Его раздражала липкая кожа, щетина на лице и запах собственного пота. Он спустился вниз, одолжил у одного из матросов бритву и чистую рубашку и, раздевшись в своей каюте, вымылся. Когда он вынул пистолет, чтобы бросить его на койку, в ноздри ударил запах сгоревшего пороха из ствола. Этот запах напомнил ему страх и буйство смерти в серой дымке восхода. Он открыл иллюминатор. Море искрилось под солнцем и пестрело барашками, а удаляющийся берег, ночью черный и мрачный, теперь зеленел и был прекрасен. Порыв

ветерка донес с камбуза аппетитный запах жарящейся ветчины. Бонд резко опустил иллюминатор и пошел в кают-компанию.

Поглощая гору яичницы с ветчиной и запивая ее кофе с ромом, Коломбо расставил последние точки на «i».

— Так вот, мой друг, — сказал он, хрустя тостом. — Это был годовой завоз опиума-сырца в химическую лабораторию Кристатоса в Неаполе. Это правда, что у меня есть аналогичное предприятие в Милане. Оно служит удобным хранилищем для некоторых моих товаров. Но там я не производю ничего более смертельного, чем аспирин. В остальной истории Кристатоса вы можете заменить «Коломбо» на его имя, и все будет верно. Это он перерабатывал опий в героин и поставлял его в Лондон. Мы уничтожили товара, может, на миллион фунтов. Но чтобы вы знали, мой дорогой Джеймс, он не стоил Кристатосу ни гроша. Вы спросите — почему? Да потому, что это был подарок из России. Грандиозный снаряд, выпущенный в подбрюшье Англии. Русские могут поставить неограниченное количество смертоносной начинки для этого снаряда. Они собирают ее с полей опийного мака на Кавказе и используют Албанию как удобную перевалочную базу. Но у них не было орудия, чтобы выстрелить этим снарядом. Человек по имени Кристатос избрал такую пушку и по приказу своих русских хозяев обстреливал из нее Англию. Сегодня, между нами говоря, мы взорвали это дьявольское орудие. Теперь вы можете вернуться домой и с чистой совестью сказать, что путь наркотика в Англию перекрыт. Не забудьте упомянуть, что Италия никогда не была источником тайного оружия массового уничтожения. Виноваты наши старые приятели — русские. Думаю, что у них есть специальный секретный отдел, отвечающий за ведение психологической войны. Впрочем, мой дорогой Джеймс, — Коломбо ободряюще улыбнулся, — быть может, вас пошлют в Москву выяснять все на месте. Если это случится, то надеюсь, что вы встретите там не менее очаровательную девушку, чем ваша подружка Лизл Баум, и эта русская девушка тоже выведет вас на верную дорогу.

— Что вы имеете в виду, дружище? Ведь Лизл — ваша подружка.

Коломбо покачал головой.

— Мой дорогой Джеймс, у меня много друзей. Вы проведете еще несколько дней в Италии, составляя отчет и, без сомнения, — он хихикнул, — проверяя то, что слышали от меня сейчас. Может быть, вы даже выкроите полчаса, чтобы

позабавиться — растолковать некоторые вещи вашим коллегам из ЦРУ. А в промежутках между служебными делами советую вам насладиться красотами моей любимой родины, причем в приятной компании. У дикарей есть обычай предлагать дорогому гостю одну из своих жен. Я тоже в душе дикарь, и хотя холост, но имею массу веселых подружек, таких, как Лизл Баум. В подобных случаях она не нуждается в моих инструкциях, и у меня есть веские основания полагать, что она с нетерпением ждет вашего возвращения сегодня вечером.— Коломбо порылся в кармане брюк и со стуком бросил какой-то предмет на стол перед Бондом.— Вот оно — основание.— Прижав руки к груди, Коломбо серьезно посмотрел Бонду в глаза.— Я отдаю его вам от всего моего сердца. И от ее — тоже.

Джеймс Бонд взял вещицу со стола. Это был гостиничный ключ с тяжелой металлической биркой, на которой Бонд прочел: «отель «Альберго Даниелли», комната 68».

СОБСТВЕННОСТЬ ЛЕДИ

Был необыкновенно жаркий день в начале июня. Джеймс Бонд положил темно-серый меловой карандаш, которым маркировались грузы, направляемые в отдел 00, и снял пальто. Он не удосужил себя повесить его на спинку стула, не говоря уже, чтобы встать и надеть на вешалку, которую Мэри Гуднайт пристроила за свой собственный счет (проклятая баба) за зеленой дверью соседнего офиса. Он бросил его на пол.

Бонд ненавидел эти периоды безделья. Его глаза и его мозг практически бездействовали, когда он перелистывал страницы зубодробительной диссертации из Секции Научных Исследований об использовании русскими цианидного газа с помощью дешевого ручного детского водяного пистолета для покушений на убийство. Струя, как утверждалось, направленная в лицо, производила мгновенное действие. Это было рекомендовано для жертв двадцати пяти и старше лет, восходящих по лестнице или спускающихся вниз. Причиной смерти очевидно становится сердечный приступ.

Резкий звонок красного телефона, ворвавшийся в комнату, был так внезапен, что Джеймс Бонд, мысли которого блуждали где-то далеко, автоматически сунул руку к левой подмышке, готовясь к самозащите. Уголки его рта опустились, когда до него дошло, что звонил телефон. После второго звонка он поднял трубку.

— Сэр?

— Сэр.

Он встал со стула и подобрал пальто. Он одел его и привел в порядок свои мысли. Он задремал на своем стуле. Теперь его вызывали на ковер. Он прошел через комнату в

соседний офис, устояв от соблазна потрепать по вызывающе золотистой шейке клюющую носом Мэри Гуднайт.

Он промычал ей, что идет к «М», и вышел в застеленный ковром коридор. Сквозь жужжание и скрежет Отдела коммуникаций, с которым соседствовал его отдел, прошел к лифту и поднялся на восьмой этаж.

Лицо мисс Монипенни ничего не выражало. Обычно оно что-нибудь выражало, если она знала что-нибудь — тогда на нем возникало некоторое возбуждение, любопытство, или, если Бонду грозила неприятность, сочувствие или иногда негодование. Сейчас улыбка приветствия выражала лишь безразличие. Бонд решил, что его ожидает какая-то рутинная работа, скучища, и он соответственно так настроился, проходя сквозь эту судьбоносную дверь.

Там был посетитель — незнакомец. Он сел слева от «М». Тот бросил быстрый взгляд, когда Бонд вошел и занял свое обычное место за крытым красной кожей столом.

«М» произнес коротко:

— Доктор Фэншейв, мне кажется вы не знакомы с командором Джеймсом Бондом из моего Департамента исследований.

Бонд привык к подобного рода эвфемизмам.

Он встал и протянул руку. Доктор Фэншейв поднялся, едва коснулся руки Бонда и быстро сел, как будто он притонулся к лапе ядовитой ящерицы Гиля.

Он смотрел на Бонда оценивающе и принял его не более как за анатомический курьез. Было очевидно, что это был эксперт в своем роде — человек, интересы которого заключались в изучении фактов, вещей, теорий — но никак не человеческого существа. Бонду хотелось, чтобы «М» кратко объяснил ему все и не прибегал бы к своим хитроватым, почти по-детски негодным привычкам к сомнительным сюрпризам — пугать сотрудников «чертиком из коробочки».

Посетитель был среднего возраста, розоватый, упитанный, одет фатовато по неоздвардианской моде — отвернутые манжеты на темно-синем с четырьмя пуговицами пальто, жемчужная булавка в тяжелом шелковом галстуке, белоснежный воротничок, запонки, по форме напоминающие старинные монеты, пенсне на толстой черной ленточке. Бонд определил его как литератора, вероятно, критика, холостяка, возможно, с наклонностями гомосексуалиста.

«М» сказал, что доктор Фэншейв является известным авторитетом по ювелирному антиквариату. Он так же, хоть это и конфиденциально, служит советником Таможни Ее

Королевского Величества и разведывательных органов по такого рода вопросам.

— Его мне рекомендовали мои друзья из МИ-5. Это по поводу нашей мисс Фройденштейн.

Бонд поднял брови. Мария Фройденштейн была секретным агентом, работающим на советское КГБ в самом сердце Секретной службы. Она числилась по отделу связи, но была в особом закрытом секторе, созданном специально для нее и ее обязанность сводилась к работе с «Пурпурным шифром», который так же был создан специально для нее. Она отвечала за шифровку и отсылку шесть раз в день иностранных сообщений о «Текущих событиях» в адрес ЦРУ в Вашингтоне. Послания были продукцией Секции 100, которая отвечала за двойных агентов. «События» были изобретательной смесью действительных фактов, безобидных сведений, а иногда и настоящими перлами существенной дезинформации. Мэри Фройденштейн уже была известна как советский агент, когда ее оформляли в Секретную службу. Ей разрешили похитить ключ к «Пурпурному шифру» с тем, чтобы русские получили полный доступ к «Текущим событиям» — могли бы перехватывать и расшифровывать сообщения — и таким образом, когда понадобится, их можно было бы напичкивать фальшивыми сведениями.

Это была сверхсекретная операция, которую следовало проводить с особой тщательностью, но сейчас она осуществлялась без запинки уже три года. Если Мэри Фройденштейн и подбирала кое-что из разговоров в штабной столовой, это считалось неизбежным риском. Сама она была достаточно непривлекательной особой, и никто не испытывал беспокойства по поводу ее возможных связей.

«М» обратился к доктору Фэншейву.

— Может быть вы возьмете на себя труд сообщить командору Бонду, о чем идет речь.

— Конечно, конечно, — доктор Фэншейв бросил быстрый взгляд на Бонда и опять отвел глаза. Он обращался к своим башмакам.

— Видите ли, дело обстоит так, г-н командор. Вы, несомненно, слышали о личности по имени Фаберже. Знаменитый русский ювелир.

— Тот, который делал пасхальные яйца для царя и царицы до революции.

— Это действительно было одной из его специальностей. Он сделал много других изумительных вещей, которые мы можем широко определить как предметы антиквариата.

В настоящее время на аукционах лучшие экземпляры идут по баснословной цене — 50.000 фунтов и даже больше. А недавно в эту страну доставлен поистине самый изумительный предмет — так называемый «Изумрудный шар», работа высшего класса из всего известного до наших времен. О нем знали лишь по рисункам самого великого ювелира. Это сокровище прибыло заказной почтой из Парижа в адрес той женщины, о которой вы уже знаете, Марии Фройденштейн.

— Прекрасный маленький подарок. Могу я спросить, как вам довелось узнать об этом, доктор?

— Я, как вам уже сообщил ваш шеф, являюсь советником Таможни ее Величества и Акцизного управления по вопросам, касающимся старинных ювелирных и подобных им произведений искусства. Объявленная ценность посылки составляет 100.000 фунтов. Это не совсем обычно. Есть методы, при помощи которых можно незаметно произвести вскрытие. Посылку вскрыли — под ответственность Министерства внутренних дел, конечно, — и меня пригласили осмотреть содержимое и сделать его оценку. Я сразу же узнал «Изумрудный шар» по описанию и рисунку, приведенным в каталоге работ Фаберже, выпущенном г-ном Кеннетом Сноуменом. Я сказал, что объявленная цена может быть всего лишь минимальной. Но что, как я обнаружил, представляло особый интерес, так это сопроводительный документ, который на русском и французском языках говорил о происхождении этого бесценного предмета. — Доктор Фэншейв сделал жест рукой в сторону фотокопии, лежавшей на письменном столе перед самым «М», которая оказалась краткой семейной родословной.

— Это копия, которую я сделал. Коротко она говорит о том, что «шар» был приобретен дедом мисс Фройденштейн прямо на фабрике Фаберже в 1917 году — нет сомнения, это было средством превратить рубли в нечто легко перевозимое и представляющее большую ценность. После его смерти в 1918 году предмет перешел к его брату и затем в 1950 году к матери мисс Фройденштейн. Она, по-видимому, покинула Россию ребенком и жила среди русских эмигрантских кругов в Париже. Она никогда не была замужем, но родила незаконно эту девушку Марию. Кажется, она умерла в прошлом году, и кто-то из друзей или душеприказчиков (сопроводительная бумага не подписана) теперь препроводил «шар» его законному владельцу, мисс Марии Фройденштейн.

У меня не было причин расспрашивать саму девицу, хотя, как вы можете предположить, я имею для этого особый интерес, поскольку в прошлом месяце аукционер Сотсби объявил, что они поставят предмет, поименованный им как «Собственность леди», на продажу через неделю, считая сегодняшний день. От имени Британского музея и, простите, других заинтересованных сторон, я сделал осторожные расспросы и встретился с леди, которая совершенно спокойно подтвердила довольно странную историю, содержащуюся в описании. Это тогда я узнал, что она работает в Министерстве обороны, и мой довольно подозрительный ум был поражен тем обстоятельством, что может, по крайней мере, показаться странным — мелкий клерк, занятый выполнением деликатных обязанностей, внезапно получает из-за границы подарок, ценностью в 100.000 фунтов и даже больше. Я поговорил с одним высшим лицом в МИ-5, с которым у меня был контакт по работе в Таможне Ее Величества, и меня соответствующим образом направили в этот, простите, департамент. — Доктор Фэншейв развел руками и удостоил Бонда быстрым взглядом. — Вот и все, командор, что я могу вам сказать.

«М» вступил в разговор:

— Благодарю вас, доктор. Только два или три последних вопроса, и я вас больше не задержу. Вы обследовали этот «Изумрудный шар» и вы считаете, что это подлинник?

Доктор Фэншейв перестал созерцать свои башмаки. Оторвавшись от них, он заговорил куда-то в пространство, находящееся чуть выше левого плеча г-на «М».

— Конечно, и о том же свидетельствует г-н Сноумен из фирмы «Вартский», являющийся крупнейшим в мире экспертом и торговцем во всем, что касается Фаберже. Это несомненно утерянный шедевр, о котором хранился лишь набросок самого Карла Фаберже.

— А по поводу его происхождения? Что эксперты говорят об этом?

— Все соответствует. Все величайшие произведения Фаберже приобретались почти всегда по частным каналам. Мисс Фройденштейн говорит, что ее бабушка была очень богата до революции — она занималась производством фарфора. Девяносто девять процентов всего, что делал Фаберже, оказывалось за границей. В Кремле осталось лишь немного экземпляров — их зарегистрировали просто как «Дореволюционные образцы русского ювелирного искусства». Официальное отношение советских властей сводилось всегда к тому, что это были просто капиталистические

безделушки. Официально они пренебрегали ими, как пренебрегали и превосходным собранием французских импрессионистов.

— Но все же Советы сохранили некоторые экземпляры работ этого человека Фаберже. Могло ли быть, что эта изумрудная штука лежала в тайне где-нибудь в Кремле в течение всех этих лет?

— Конечно. Кремлевские сокровища непомерны. Никто не знает, сколько там они прячут. Только совсем недавно они выставили на обозрение то, что хотели выставить.

«М» затаился трубкой. Его глаза сквозь завесу дыма казались спокойными и малоинтересованными.

— Так что теоретически нет причин считать, что этот «Изумрудный шар» не мог бы быть извлечен из кремлевских хранилищ, снабжен фальшивым описанием, устанавливающим его владельцев, и переправлен за границу с целью вознаграждения какого-либо друга России за оказанные услуги?

— Ни в коем случае нет. Это был бы остроумный способ щедро вознаградить соответствующее лицо без опасений, связанных с переводом крупных сумм на ее или на его счет в банке.

— Но окончательное денежное вознаграждение будет, конечно, зависеть от суммы, реализованной за продажу предмета — аукционной цены, например.

— Так точно.

— И сколько по вашей экспертной оценке этот предмет потянет у Сотсби?

— Невозможно сказать. Вартский, безусловно, пойдет очень далеко. Но, конечно, они не намерены говорить кому-либо насколько далеко — будут ли они покупать для себя «в запас» или действовать от имени клиента. Многое будет зависеть, какую ставку определит для них тот, от имени которого они будут действовать. Во всяком случае сумма будет не меньше, чем 100.000 фунтов, я считаю.

— Гм.— Рот у «М» скривился в гримасе.— Дорогая ювелирная штучка.

Доктор Фэншейв был ошеломлен этой откровенной демонстрацией невежества. Он пристально смотрел «М» прямо в глаза.

— Мой дорогой сэр,— проговорил он с ноткой сочувствия.— Вы считаете, что Гойя, проданный у Сотсби за 140.000 фунтов и переданный Национальной галерее, является всего лишь, как вы изволили заметить, дорогим куском холста и красок?

«М» примирительно произнес:

— Простите меня, доктор Фэншейв. Я несколько неуклюже выразился. У меня никогда не было свободного времени интересоваться предметами искусства, ни денег приобретать их на мое жалование морского офицера. Я просто засвидетельствовал свое недоумение по поводу бешеных цен на аукционе в теперешнее время.

— Вы имеете право иметь свое суждение, сударь,— произнес холодно доктор Фэншейв.

Бонд подумал, что пора спасать «М». Ему так же хотелось выдворить доктора Фэншейва из комнаты с тем, чтобы они могли заняться профессиональными аспектами этого непростого дела. Он встал и сказал, обращаясь к «М»:

— Ну, и так, сэр, я не думаю, что есть еще что-либо, что я хотел бы знать. Нет сомнения, что все это окажется совершенно честным (черта с два, если это так!) и законным делом для одного из ваших сотрудников стать очень счастливой женщиной. Но доктор Фэншейв был очень любезен, и он перенес столько беспокойства! — Он повернулся к доктору Фэншейву.— Вы не хотели бы воспользоваться нашей служебной машиной, которая доставит вас, куда вам нужно?

— Нет, благодарю вас, большое спасибо. Мне будет приятно пройти через парк.

Последовали рукопожатия, последние слова прощания, и Бонд проводил доктора за дверь. Затем он вернулся. «М» взял из стола пухлую папку, проштемпелеванную знаком высшей секретности — красной звездой, и готов был в нее погрузиться. Бонд сел на то же место и стал ждать. В комнате царила тишина, нарушаемая легким шорохом бумаг. И это шуршание прекратилось, когда «М» достал особый лист голубого картона, использовавшегося для конфиденциальных штабных рапортов, и внимательно начал читать эту тесно исписанную с обеих сторон бумагу.

Наконец, он сунул ее обратно в папку и посмотрел на Бонда.

— Так,— сказал он, и его голубые глаза светились явным интересом.— Все это годится. Девушка родилась в Париже в 1935 году. Мать принимала активное участие в движении Сопротивления во время войны. Помогала в работе по поддержанию «дороги беженцев Тюльпан». После войны дочь училась в Сорбонне и затем получила место в нашем посольстве в ведомстве морского атташе в

качестве переводчицы. Остальное вы знаете. Ее скомпрометировали — было какое-то некрасивое дело на сексуальной почве — замешан кто-то из старых друзей матери по Сопротивлению, который к тому времени работал на НКВД, и с тех пор она была под наблюдением. Она обратилась, безусловно, по заданию с просьбой о предоставлении британского гражданства. Ее рекомендации из посольства и отзывы о работе матери в Сопротивлении помогли ей получить гражданство в 1959 году, и тогда нам ее рекомендовали из Министерства иностранных дел. Но именно там она сделала свою большую ошибку. Она попросила отпуск на год до того, как пришла к нам, а потом нас информировали из группы Хатчинсона в Ленинграде, что она находится в шпионской школе. Там она, предположительно, получила обычную подготовку, и нам пришлось думать, что с ней делать.

Сектор 100 разработал операцию «Пурпурный шифр», а остальное вы знаете. Она работала в течение трех лет в штабе для КГБ, и теперь получает свое вознаграждение — «Изумрудный шар», стоимостью в 100.000 фунтов. А это важно по двум причинам. Прежде всего это значит, что КГБ прочно сидит на крючке благодаря «Пурпурному шифру», иначе они не стали бы одаривать ее таким баснословным подарком. Это хорошая новость. Это значит, что у нас есть возможность подлить масла в огонь, когда мы передаем туда материалы — продвинуть в третью графу нашу дезинформацию, а возможно даже и во вторую. Во-вторых, это объясняет что-то из того, что не поддавалось раньше нашему пониманию — то, что эта девица до сих пор никогда не получала какой-либо платы за свою службу. Нас это беспокоило. У нее были счета у Глина и Миллса, где значились только полученные чеки за ежемесячное жалованье в 50 фунтов. И она жила только на это. Теперь она получает плату большим куском при помощи этой безделушки, о которой мы узнали. Все очень удовлетворительно.

— Мы ни разу не засекали, кто ее контролирует, сэр? Как она получает задания?

— Да это и не требуется,— произнес «М» раздраженно, занимаясь своей трубкой.

— Раз она зацепилась за «Пурпурный шифр» все, что ей нужно, это держаться за свою работу. А, наплевать на это, парень! Она выплескивает эту чепуху им в руки шесть раз в день. Какие инструкции могут они давать? Я сомневаюсь, что сотрудники КГБ в Лондоне даже знают о ее существовании — может быть глава Резидентуры знает, но,

как вам известно, мы даже не имеем представления, кто он. Дайте мне возможность его обнаружить.

Бонда внезапно осенило. Как будто камера заработала в мозгу и засняла кусок отчетливого фильма:

— Может быть этот аукцион у Сотсби поможет нам высветить его, покажет нам, кто это.

— О чем ты мелешь, черт побери, 007? Объясни.

— Хорошо, сэр, — голос Бонда звучал спокойно и уверенно.

— Вы помните, что сказал доктор Фэншейв по поводу той темной лошадки — того, кто использует этого дельца Вартского, чтобы тот шел до их последней цены. Если русские, как кажется, не хотят знать и не особенно беспокоятся о Фаберже, как утверждает доктор Фэншейв, у них, возможно, нет полной ясности, сколько эта вещь стоит на самом деле. Во всяком случае, не похоже, чтобы в КГБ знали что-либо об этих делах. Они могут оценивать сам изумруд по рыночной стоимости — скажем, десять или двадцать тысяч фунтов. Эта сумма имеет больше смысла, чем то состояние, которое ей уготовано, если доктор Фэншейв окажется прав. Так что, если глава Резидентуры является единственным человеком, который знает о существовании этой девицы, он единственный, кто знает, что она получает свою плату. Так что он и есть эта темная лошадь. Его пошлют к Сотсби и ему будет поручено взвинчивать цену до потолка. Я уверен в этом. Таким образом, мы можем его идентифицировать, и у нас будут достаточные доказательства, чтобы отправить его домой. Он сам не будет знать, откуда получил удар. Так же и в КГБ. Если мы отправимся на аукцион и выследим его и если добудем фотографии, мы можем заставить Министерство иностранных дел объявить его персоной нон грата в течение недели. Никто из руководителей Резидентуры не вырастал на деревьях. Пройдут месяцы, прежде чем КГБ подыщет ему замену.

«М» произнес задумчиво:

— Может быть ты кое-что и нащупал, — он крутанулся в своем кресле и уставился сквозь большое окно на неровный горизонт Лондона. Наконец, он сказал через плечо: — Ну, хорошо, 007. Отправляйся к начальнику штаба и раскручивай машину. Я утрясу все с Пятеркой. Это их афера, но наша птичка. Неприятностей не будет. Но сам держись и не вовлекайся в свару за эту безделицу. У меня нет лишних денег на это.

Бонд ответил:

— О, нет, сэр.— Он встал и быстро вышел из комнаты. Он думал, что он поступил очень умно, и ему хотелось посмотреть, так ли это на деле. Он не хотел, чтобы «М» передумал.

У Вартского был офис со скромным, но ультрамодным фасадом на Риджент-стрит 138. Оконная витрина с умеренной экспозицией современных и антикварных ювелирных изделий, даже намеком не свидетельствовала о том, что хозяин был величайшим в мире торговцем изделиями Фаберже. Интерьер — серый ковер, стены, отделанные древесиной сикомора, несколько непрезентабельных витрин — все это было не похоже на восхитительные залы Картье, Бушери или Ван Клифа, но ряд обрамленных рамками высочайших рекомендаций от королевы Мэри, королев-матери, самой королевы, короля Павла Греческого и, как ни странно, от короля Дании Фредерика IX, свидетельствовали о том, что это был не простой ювелир.

Джеймс Бонд справился о г-не Кеннете Сноумене. Приятной наружности и хорошо одетый мужчина лет сорока отделился от группы людей, склонивших свои головы над чем-то в глубине комнаты, и подошел к Бонду.

Бонд спокойно представился:

— Я из Разведывательного управления. Мы можем поговорить? Может быть вы сперва проверите мои полномочия. Меня зовут Джеймс Бонд. Но вам придется обратиться непосредственно к сэру Рональду Валленсу или его заместителю. Я непосредственно не служу в Скотланд-ярде. Что-то вроде сотрудничества с ними.

Умные наблюдательные глаза, казалось, даже не взглянули на него. Человек улыбнулся.

— Пройдем вниз. Поговорим с некоторыми американскими друзьями — в некотором роде наши корреспонденты. Из «Старой России» на Пятой авеню.

— Я знаю это место,— сказал Бонд.— Оно полно богато украшенных икон и всего прочего. Неподалеку от Пьера.

— Совершенно верно,— г-н Сноумен, казалось, проникся еще большим доверием. Он пошел вперед и вниз по узкой, застеленной толстым ковром, лестнице в просторную, сверкающую огнями выставочную комнату, которая вполне, очевидно, и была истинным хранилищем ценностей. Золото и алмазы, шлифованные драгоценные камни сверкали из ярко освещенных витрин, установленных вдоль стен.

— Присаживайтесь. Хотите сигарету?

Бонд закурил собственную.

— Я по поводу этого изделия Фаберже, которое пойдет у Сотсби завтра — я имею в виду этот «Изумрудный шар».

— А, понимаю, — четкая бровь г-на Сноумена напряженно нахмурилась. — Надеюсь, никаких затруднений?

— Нет, если говорить о ваших интересах. Но нас интересует сама распродажа. Мы знаем о владельце, мисс Фройденштейн. Мы думаем, что, может быть, предпринята попытка взвинтить цену искусственно. Нас интересует тот, с чьей подачи все это будет происходить, — полагая, так сказать, что ваша фирма будет играть ведущую роль.

— Так, это верно, — сказал Сноумен с налетом осторожной откровенности. — Мы, конечно, собираемся заполучить его. Но вещь будет продана за огромную сумму. Между нами, мы уверены, что два известных дельца сделают попытку, а возможно и Метрополитен. Но вас интересует какой-то сомнительный субъект? Если так, можете не беспокоиться. Это не их класс.

Бонд ответил:

— Нет, мы не гоняемся за такими лицами.

Он не знал, как далеко он может зайти с этим человеком. Люди очень заботятся о сохранении секретов собственного бизнеса, но это не значит, что они будут проявлять осторожность по части ваших.

Бонд посмотрел г-ну Сноумену многозначительно в глаза.

— Вы сможете оказать мне помощь?

— Конечно. Если вы скажете мне, как я могу это сделать. — Он покачал рукой в воздухе. — Если вас беспокоит, чтобы все оставалось в тайне, можете не тревожиться. Ювелиры привыкли к тайнам. Скотланд-ярд даст, вероятно, моей фирме наилучшую рекомендацию в этом отношении. Небо знает, сколько у нас с ними было дел за многие годы.

— А если я скажу вам, что я из Министерства обороны?

— Все то же самое, — сказал г-н Сноумен. — Вы, естественно, можете вполне положиться на нашу осторожность!

Бонд принял решение:

— Хорошо. Все это подпадает под действие Закона об официальных секретных, чтобы вы знали. Мы подозреваем, что тот, кто будет выполнять роль темной лошади,

это, к вашему сведению, будет советский агент. Моя задача заключается в том, чтобы установить его личность. Боюсь, что больше ничего не могу сообщить. Но вам ничего больше и не нужно знать. Все, что я хочу, это пойти с вами на аукцион завтра вечером, чтобы вы помогли мне выследить этого человека. Медалей, я полагаю, не будет, но мы будем чрезвычайно благодарны.

Глаза г-на Кеннета Сноумена засверкали от возбуждения.

— Конечно, будем очень рады оказать вам любую помощь. Но... — на лице промелькнуло сомнение. — Вы знаете, все дело обстоит не так просто. Питер Вильсон, глава фирмы Сотсби, который будет вести распродажу, будет единственным человеком, который может знать об этом наверняка, если клиент пожелает остаться в тайне. Имеется дюжина способов участвовать в аукционе, не подавая никаких заметных сигналов. Но если этот человек обговорит свой метод, свой секретный код, так сказать, с г-ном Питером Вильсоном до распродажи, Питер и не подумает выдавать этот код кому-либо. Это значило бы раскрыть игру участника — дать знать, до какого предела он идет. А это одна из самых сокровенных тайн, как вы можете судить, в залах аукциона. И тысячу раз вам будет отказ, если вы придете со мной. Я, вероятно, буду определять эту гонку на аукционе.

Я уже знаю, как далеко могу зайти — кстати, я работаю для клиента. Но моя работа стала бы значительно проще, если бы я мог сказать, как далеко собирается пойти мой соперник. Фактически, то, что вы сказали мне, уже для меня большая помощь. Я предупрежу своего человека поднять планку еще выше. Если этот ваш человек обладает крепкими нервами, он может загнать меня поистине в угол. К тому же там будут и другие участники, безусловно. Похоже, все идет к тому, что будет тяжелый денек. Все будет транслироваться по телевизору, а пригласив миллионеров, герцогов и герцогинь на это подобие гала-спектакля; Сотсби сделали правильный ход. Отличное паблисити, конечно. Клянусь Юпитером, если бы они знали, что в распродажу будут замешаны сотрудники ведомства плаща и кинжала, было бы настоящее столпотворение! Ну, теперь скажите, нужно ли вам еще что-нибудь! Всего лишь определить этого человека и все?

— Это все. А за сколько эта штука может пойти, по вашему мнению?

Г-н Сноумен поболтал золотым карандашом в зубах.

— Ну, видите ли, вот здесь я должен держать язык за зубами. Я знаю, как далеко я пойду, но это секрет моего клиента.— Он помолчал в задумчивости.— Скажу так, если предмет пойдет менее, чем за 100.000 фунтов, мы будем удивлены.

— Понимаю,— сказал Бонд.— Теперь, как я попаду на распродажу?

Г-н Сноумен достал элегантную крокодиловой кожи записную книжечку и вынул два пропуска. Один он протянул Бонду.

— Это моей жены пропуска. Я достану ей взамен того, что отдал вам, потом, где-нибудь в помещении. Б-5 — хорошее место впереди в центре. Мое Б-6.

Бонд взял билет. На нем значилось:

Сотсби энд Ко

Продажа

Набора замечательных ювелирных изделий,
а также

Уникального предмета старины Карла Фаберже
Собственность Леди

Пропуск на одного человека в Главный Зал
Вторник, 20 июня ровно в 9.30.

ВХОД СО СТОРОНЫ УЛИЦЫ СЕЙНТ ДЖОРДЖ

— Это не тот старый вход со стороны Бонд-стрит,— заметил г-н Сноумен,— они убрали навес и красный ковер от задних дверей после того, как Бонд-стрит стала с односторонним движением. Ну теперь...— он поднялся со стула.— Вы не хотели бы взглянуть на некоторые вещички Фаберже? У нас есть кое-что. Мой отец купил это у Кремля что-то в 1927 году. Это даст вам некоторое представление из-за чего шум идет, хотя, конечно, «Изумрудный шар» несравненно тоньше, чем все то, что я вам могу показать из работ мастера, кроме императорских пасхальных яиц.

Позднее, ошеломленный сверканием бриллиантов, золота, шелковистого сияния полупрозрачных эмалей, Джеймс Бонд поднимался вверх из пещер Алладина, находящихся под Риджент-стрит, и отправился проводить остаток дня в тусклых офисах поблизости от Уайт-холла. Он отчаянно пытался сообразить, как в столь короткий срок устроить все приготовления для опознания и фотографирования в тесном помещении человека, у которого

еще нет пока определенного лица и имени, но который, безусловно, является главным советским шпионом в Лондоне.

В течение следующего дня Бонд находился как в лихорадке. Он нашел предлог, чтобы зайти в Отдел Коммуникаций, забрел в маленькую комнатку, где мисс Мария Фройденштейн и две помощницы работали у шифровальной машины, через которую отсылались сообщения по линии «Пурпурного шифра». Он взял последнюю папку — у него был свободный доступ к большинству материалов в штабе. Он пробежал глазами тщательно отредактированные параграфы материалов, которые будут наколоты на крючок не читанными каким-нибудь низшим чином ЦРУ в Вашингтоне, а в Москве будут с почтением вручены сотруднику КГБ высокого ранга. Бонд обменялся шутками с двумя девушками, младшими клерками. Но Мария Фройденштейн лишь подняла глаза от машины и подарила ему вежливую улыбку. Бонда пронизала минутная дрожь от такой близости к предательству, к этой темной смертельной тайне, запертой в ее душе, за этой просторной белой блузкой.

Бонд отправился по коридору к себе. Сегодня вечером у этой девицы будет целое состояние — получит свои тридцать сребреников, помноженными на тысячи. Может быть деньги изменят ее характер, принесут ей счастье. Она сможет воспользоваться услугами лучших косметологов, одеваться в лучшие наряды, иметь прекрасную квартиру. Но «М» сказал, что теперь он собирается подпустить побольше жару в операцию «Пурпурный шифр», выйти на более рискованный уровень дезинформации. Это будет сложная работа. Один неверный шаг, одна небрежная ложь, одна установленная фальшивка в донесениях — и КГБ учует липу. Больше того, они узнают, что их водили за нос, водили самым бессовестным образом в течение трех лет. Такое постыдное открытие чревато быстрыми ответными контрударами. Тогда они могут предполагать, что Мария Фройденштейн была двойным агентом — работала и на англичан, и на русских. Она будет неизбежно и быстро ликвидирована — возможно, при помощи цианидного пистолета, о котором Бонд читал лишь день назад.

Джеймс Бонд, глядя из окна на деревья в Риджент-парке, пожал плечами. Слава Богу, это дело его не касается. Судьба девицы была не в его руках. Ее затянула мрачная машина шпионажа, и для нее будет счастьем, если она проживет достаточное время, чтобы израсходовать десятую

часть того состояния, которое она должна получить через несколько часов в зале аукциона.

Целый ряд автомашин и такси позади здания Сотсби блокировал путь по Джордж-стрит. Бонд заплатил шоферу и присоединился к толпе людей, продвигавшихся под навесом к лестнице. Ему вручили каталог и служащий в форме проверил его билет. По широкой лестнице среди блестящей возбужденной публики он прошел через галерею и вступил в зал главного аукциона, который был уже заполнен. Он нашел свое место рядом с местом г-на Сноумена, который писал какие-то цифры на лежащем на его колене блокноте и все время оглядывался по сторонам.

Высокий зал был размером примерно с теннисный корт. Он сохранил вид и даже аромат прежних времен, и две большие люстры, соответствующие той эпохе, изливали теплый свет сверху. Яркие лампы сверкали и по периметру сводчатого потолка, застекленный купол которого был все еще частично задернут занавесями против солнца, которое жарило здесь во время послеобеденной распродажи. Разнообразные картины и гобелены были развешаны по оливково-зеленым стенам, и множество телевизионных и других камер (среди них фотографа из МИ-5 с пропуском для прессы от «Санди таймс») вместе со своими владельцами сгрудились на платформе, установленной посредине на ковре, изображавшем сцену охоты. Около сотни дельцов и зрителей разместились на маленьких приставных стульях. Все внимание было сосредоточено на стройной лощеной фигуре аукционера, спокойно объявляющего с деревянной приподнятой кафедры о торгах. Он был одет в безупречный вечерний костюм с красной гвоздикой в петлице. Он говорил ровным голосом и не жестикулировал руками.

— Пятнадцать тысяч фунтов. Шестнадцать...— Следовала пауза, взгляд на кого-то в переднем ряду.— Против вас, сэр.— Шуршание поднятого каталога.— Семнадцать тысяч фунтов. Восемнадцать. Девятнадцать. Предложено двадцать тысяч.

И так ровный голос продолжал объявлять не спеша, а внизу столь же бесстрастные участники сигнализировали ему о своих ставках.

— Что он продает? — спросил Бонд, открывая каталог.

— Номер 40,— ответил Сноумен.— То бриллиантовое ожерелье, которое служитель держит на черном бархатном

подносе. Оно пойдет, вероятно, за двадцать пять. Итальянец борется с двумя французами. Иначе они получили бы его за двадцать. Я шел только до пятнадцати. Хотелось бы его получить. Чудесные камни. Но уже все кончено.

И верно, остановились на двадцати пяти тысячах, и молоток, который аукционер держал не за ручку, а за переднюю часть, опустил с мягкой решительностью.

— Ваше, сэр,— сказал Питер Вильсон, и служащий поспешил по проходу к покупателю, чтобы подтвердить его личность.

— Я разочарован,— сказал Бонд.

Г-н Сноумен оторвался от каталога:

— Что так?

— Я никогда не был на аукционах до этого, и я всегда думал, что аукционер должен стукнуть три раза молотком и сказать «продается, продается, продано» с тем, чтобы дать другому покупателю последний шанс.

Г-н Сноумен рассмеялся:

— Вы можете встретить это в провинции или в Ирландии, но этого правила уже давно нет на аукционах в Лондоне, я не видел этого с тех пор, как бываю здесь.

— Жалко. Это добавило бы страстей.

— Ну, их у вас будет вполне достаточно ровно через минуту. Это последний спектакль, прежде чем начнется главное.

Один из служителей благоговейно разместил блестящую грудку рубинов и алмазов на черном бархатном подносе. Бонд посмотрел в каталог. Номер 41. Сладкозвучная проза описывала все это так:

Пара изящных и солидных рубиновых и бриллиантовых браслетов. Передняя часть каждого выполнена в форме овальной грозди, состоящей из одного большого и двух поменьше рубинов, обрамленных бриллиантами в форме подушечек. Боковые и задняя часть образуют более простые грозди, перемежающиеся с бриллиантовыми ажурными завитками, возникающими из середины рубинового камня, как бусины, окаймленные золотом и продернутые между цепочками из рубинов и бриллиантов вперемежку, пряжка так же в форме овальной грозди.

По семейной традиции, этот предмет продажи был прежде собственностью миссис Фитцгерберт (1756—1837), чье замужество за принцем Уэльским, впоследствии Георгом IV, было вполне установлено, когда в 1905 пакет, запечатанный и переданный на хранение в Коуттс банк в 1833, был вскрыт, с королевского разрешения, и в нем было

обнаружено свидетельство о венчании и другие окончательные доказательства.

Эти браслеты были, вероятно, подарены миссис Фитцгерберт своей племяннице, которую герцог Орлеанский назвал «самой хорошенькой девушкой Англии».

Аукцион продолжался, а Бонд выскользнул из своего кресла и прошел по боковому проходу в заднюю часть зала, откуда излишек публики перебрался в Новую галерею и в вестибюль, чтобы следить за распродажей по телевизору. Он бегом осмотрел толпу, выискивая кого-нибудь из 200 сотрудников Советского посольства, фотографии которых, полученные тайно, он изучал в течение последних нескольких дней. Но среди посетителей, которых невозможно было даже как-то рассортировать, были и дельцы, и коллекционеры, и те, кого можно широко охарактеризовать как богатых любителей острых ощущений. Но не было ни одного знакомого лица, кроме тех, кто пишет в газетных колонках о сплетнях. Одна или две физиономии могли сойти за русских, но таким же образом они могли принадлежать к полудюжине других европейских национальностей. Попадались субъекты в черных очках, но черные очки больше не могли обязательно считаться принадлежностью шпиона. Бонд вернулся на свое место. Надо полагать, что человек должен будет выдать сам себя, когда начнется торг.

— Четырнадцать тысяч, последняя цена! И пятнадцать. Пятнадцать тысяч.— Молоток опустился.— Ваше, сэр.

Последовал опять возбужденный шум и шуршание каталогов. Г-н Сноумен вытер лоб белым шелковым платком. Он повернулся к Бонду.

— Ну, а теперь, боюсь, вы будете предоставлены, более или менее, самому себе. Мое внимание будет приковано к торгу. Как-то, по непонятной причине, считается неприличным оглядываться через плечо и подсматривать за тем, кто борется против вас, если вы, конечно, сами ведете торг. Так что я могу определить вашего человека лишь в том случае, если он находится где-то впереди, а это, боюсь, не похоже, чтобы было. Но правило касается только тех, кто участвует в торге. Вы не можете вертеться, как вам вздумается. Что вы должны будете делать, так это следить за глазами Питера Вильсона и затем определить, на кого он смотрит или кто смотрит на него.

Если вы выследите человека, что, может быть, очень затруднительно, старайтесь обратить внимание на движения, которые он делает, даже мельчайшие. Что бы человек

ни делал — почесывал голову, тянул себя за мочку уха, или еще что-нибудь, это может быть кодом, о котором он договорился заранее с Питером Вильсоном. Мне кажется, он не станет делать что-то слишком заметное — вроде того, что поднимать каталог. До вас доходит, что я говорю? И не забывайте, что он вообще может не делать никаких знаков до самого конца, когда он заставит выступить меня и повести до тех пределов, до каких, как он думает, я могу пойти. А после этого он отвалится. Заметьте,— г-н Сноумен улыбнулся,— когда мы вступим в последнюю фазу, я постараюсь его расшевелить, чтобы он показал свою лапу. Это при условии, конечно, что в торге нас останется двое.— Он принял опять непроницаемый вид.— А я могу заверить, что так оно и будет.

Судя по его твердой уверенности, Джеймс Бонд решил, что г-н Сноумен имеет инструкции заполучить «Изумрудный шар» за любую цену.

Внезапное молчание наступило, когда высокий пьедестал, задрапированный черным бархатом, был внесен в зал с особой церемонией и установлен перед кафедрой аукционера. Затем овальный красивый футляр, обитый чем-то, что выглядело как белый бархат, был водружен на вершину пьедестала и старший надзиратель в серой униформе с винно-красными рукавами, воротничком и хлястиком с поклоном отпер его и, вынув «Номер 42», положив его на черный бархат, убрал футляр. Крупный шар из полированного изумруда на своем замечательном стенде сиял сверхъестественным зеленым светом, и драгоценные камни на его поверхности и на опаловом меридиане мерцали разноцветными огнями. Пронесся вздох восхищения по залу, и даже служащие и эксперты, сидящие за высоким расчетным столом позади аукционера и привыкшие к виду коронных драгоценностей всех стран Европы, проходивших перед их глазами, склонились вперед, чтобы лучше видеть.

Джеймс Бонд вернулся к каталогу. Он нашел описание. Большими буквами и высокопарным, витиевато-слащавым стилем извещалось:

ЗЕМНОЙ ШАР
СООРУЖЕН В 1917 ГОДУ КАРЛОМ ФАБЕРЖЕ
ДЛЯ РУССКОГО ДЖЕНТЛЬМЕНА,
А НЫНЕ СОБСТВЕННОСТЬ ЕГО ВНУЧКИ ПОД № 42
ЧРЕЗВЫЧАЙНО ОБСТОЯТЕЛЬНАЯ РАБОТА,
ЗЕМНОЙ ШАР ФАБЕРЖЕ

Шар, вырезанный из необычно крупного, добытого в Сибири, куска изумрудной породы, весящий примерно тысячу триста каратов высшего качества по цвету и прозрачности, изображает земную сферу, установленную на тонкой работы изящной ажурной скале, украшенной золотой гравировкой и усеянной обильно розовыми бриллиантами и изумрудами яркого оттенка, и являющейся основанием для настольных часов.

Идея создания этого замечательного произведения пришла Фаберже еще за пятнадцать лет до ее завершения, о чем свидетельствует миниатюрный земной глобус, который входит в королевскую коллекцию в Сандринхэме (См. лист 280 в «Искусство Карла Фаберже», А. Кеннет Сноумен.).

После краткого и выискивающего взгляда в зал г-н Вильсон мягко ударил своим молотком:

— Номер 42, произведение искусства, исполненное Карлом Фаберже.— Последовала пауза.— Двадцать тысяч фунтов цена.

Г-н Сноумен шепнул Бонду:

— Это значит, что у него уже есть, кто дает пятьдесят. Это чтобы просто раскрутить все.

Каталоги шелестели.

— И тридцать, сорок, пятьдесят тысяч, мне предложено. И шестьдесят, и семьдесят, и восемьдесят тысяч. И девяносто.

Следует пауза, а затем:

— Сто тысяч фунтов предложено.

В зале послышался шум аплодисментов.

Камеры повернулись к молодому человеку, одному из трех, кто находился на приподнятой платформе слева от аукционера. Он тихо говорил по телефону. Г-н Сноумен прокомментировал:

— Это один из молодых людей Сотсби. У него прямая линия с Америкой. Мне кажется, это уже Метрополитен вступает в торг, но, впрочем, это может быть кто угодно. Вот теперь мое время приступить к работе.

Г-н Сноумен поднял свой скрученный каталог.

— Плюс десять,— произнес аукционер. Человек продолжал говорить по телефону, но кивнул головой.

— И двадцать.

Снова жест Сноумена.

— И тридцать.

Человек у телефона, казалось, заговорил еще быстрее в трубку — сообщая, по-видимому, насколько может подскочить цена. Он слегка качнул головой в сторону аукционера, и Питер Вильсон, отвернувшись от него, оглядел зал.

— Предложена одна сотня и тридцать тысяч фунтов, — повторил он спокойно.

Г-н Сноумен тихо сказал Бонду:

— Теперь вы смотрите в оба, Америка, кажется, выбыла. Настало время вашему субъекту загонять меня.

Джеймс Бонд оставил свое кресло и встал среди группы репортеров в левом углу от кафедры. Глаза Питера Вильсона были устремлены в дальний правый угол зала. Бонд не заметил никаких движений, но аукционер возвестил:

— Плюс сорок тысяч фунтов. — Он посмотрел на г-на Сноумена. После длительной паузы г-н Сноумен поднял пять пальцев. Бонд догадался, что это было частью его игры на подогревание страстей. Он давал понять, что отступает, что подходит к своему пределу.

— Одна сотня и сорок пять тысяч, — снова испытующий взгляд в глубину зала. Снова никакого движения. Но опять состоялся обмен сигналами.

— Одна сотня и сто пятьдесят тысяч фунтов.

Последовал гул комментариев и некоторые отрывочные хлопки. На этот раз г-н Сноумен реагировал еще замедленнее, и аукционер дважды повторил последнюю цифру. Наконец, он в упор взглянул на г-на Сноумена:

— Ваше слово, сэр.

Наконец г-н Сноумен поднял пять пальцев.

— Одна сотня и пятьдесят пять тысяч фунтов.

У Джеймса Бонда спина покрылась потом. Он абсолютно ничего не имел, а торг уже должен заканчиваться. Аукционер повторил цифру.

И теперь произошло едва заметное шевеление. В задней части зала коренастый человек в темном костюме привстал и тихо снял темные очки. У него было обычное простое лицо, которое могло принадлежать управляющему банком, работнику страховой компании Ллойда или доктору. Это должно быть был заранее условленный сигнал. До тех пор, пока на нем были черные очки, аукционер поднимал ставку десятками тысяч. Когда он их снял, это означало, что он выходит из игры.

Бонд быстро взглянул в сторону группы корреспондентов. Все в порядке, фотограф из МИ-5 был на своем месте.

Он так же засек движение. Он поднял небрежно камеру, последовала быстрая вспышка. Бонд вернулся на свое место и прошептал г-ну Сноумену:

— Засекли его. Увижусь с вами завтра. Большое спасибо.

Г-н Сноумен только кивнул. Его глаза оставались прикованными к аукционисту.

Бонд выбрался со своего кресла и быстро направился вдоль прохода, а аукционист в это время в третий раз объявил:

— Одна сотня и пятьдесят пять тысяч фунтов, последняя цена,— и легонько стукнул молотком.— Ваше, сэр.

Бонд пробрался в конец зала прежде, чем посетители, аплодируя, поднялись с кресел. Его дичь забилась где-то среди приставных стульев. Он снова надел свои темные очки, а Бонд надел свои. Он хотел протиснуться в толпу и двигаться позади этого человека, когда поток устремится вниз по лестнице. Это удалось. Волосы человека сзади были длинными, они прикрывали квадратную шею. Мочки ушей прижаты к голове. Он немного горбился — вероятно деформация позвоночника в верхней части. Бонд внезапно вспомнил. Это же Петр Малиновский, в штате посольства он значился как «сельскохозяйственный атташе». Так-то.

Выйдя наружу, человек быстро зашагал в сторону Кондуит-стрит. Джеймс Бонд не спеша сел в такси, мотор которого работал, а флажок «свободен» опущен. Он сказал шоферу:

— Это он. Можешь расслабиться.

— Да, сэр,— ответил шофер из МИ-5, отчаливая от тротуара.

Человек подобрал такси на Бонд-стрит. Преследовать его в вечернем перемешанном потоке было несложно. Бонд был еще больше доволен, когда такси русского дипломата повернуло к северу от парка и направилось вдоль улицы Бейсуотер. Вопрос заключался в том, повернет ли он в специальный проезд в Кенсингтон Пэлис Гарднес, где первым слева было массивное здание Советского посольства. Если повернет, то последний гвоздь будет забит во все это дело. Два наружных полицейских, обычная охрана посольства, были специально подобраны на этот вечер. Их роль заключалась в том, чтобы подтвердить, что пассажир переднего такси вошел в Советское посольство.

А затем с помощью свидетельства от секретной службы и свидетельства Бонда, и фотографа из МИ-5 (этого будет достаточно для Министерства иностранных дел) можно

будет объявить товарища Петра Малиновского персоной нон грата по обвинению в шпионаже и выдворить его из страны. В этой темной шахматной игре, которой является секретная служба, русские потеряют ферзя. И посещение аукциона можно будет считать чрезвычайно удачным.

Переднее такси все-таки повернуло к большим железным воротам.

Бонд улыбнулся с чувством мрачного удовлетворения. Он склонился вперед:

— Спасибо, водитель. Пожалуйста, в штаб.

СОДЕРЖАНИЕ

НА ТАЙНОЙ СЛУЖБЕ ЕЕ ВЕЛИЧЕСТВА	3
ЖИЗНЬ ДАЕТСЯ ЛИШЬ ДВАЖДЫ	221
УНИКУМ ХАЛЬДЕБРАНДА	353
ТОЛЬКО ДЛЯ ВАШЕГО СВЕДЕНИЯ	389
ОСЬМИНОЖКА	429
КВАНТ УТЕШЕНИЯ	457
RISICO	481
СОБСТВЕННОСТЬ ЛЕДИ	517

ЯН ФЛЕМИНГ

Том 4

Сдано в набор 25.10.92. Подписано к печати 08.06.93. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага тип. № 2. Гарнитура «Тип Таймс». Печать высокая с ФПФ. Усл. печ. л. 28,56. Усл. кр.-отт. 30,03. Зак. 2—1616.

Концерн «Олимп». 370000, Баку, ул. Ази Асланова, 78.

Главное предприятие республиканского производственного объединения «Полиграфкнига». 252057, Киев, ул. Довженко, 3.

Уважаемый читатель!

Часть средств от реализации книг концерн «Олимп» перечисляет в фонд помощи беженцам из Армении и Нагорного Карабаха, которых за четыре года не-объявленной войны на территории Азербайджана уже насчитывается более 400 тыс. человек.

Концерн «Олимп» взял на свое обеспечение все детские дома и интернаты г. Баку.

Заранее Вам благодарны, если в наше тяжелое время, когда сострадание и милосердие забыто, Вы сочтете нужным оказать посильную помощь этим людям.

*Просим Ваши пожертвования перечислять на р/с 161404 в банке «Азжелдорбанк» г. Баку
МФО 501736.*

КБ «Принтбанк» приглашает на выгодных условиях разместить у нас Ваши депозитные вклады и гарантирует высокий и стабильный доход по ним.

КБ «Принтбанк» откликнется на Ваши предложения по открытию филиалов в г. Москве и других городов России и ближнего зарубежья.

Предлагайте! Все Ваши деловые предложения будут нами рассмотрены. Обращайтесь в наш банк и Ваши дела всегда будут в порядке!

Адрес КБ «Принтбанка»:

129085, г. Москва, Звездный бульвар, 1.

Телефон-факс: 282-04-50

COSY PALACE

Концерн «Олимп» предоставляет уникальную серию «БП-333» — (Библиотека приключений, которая состоит из 333 томов), куда входят полные собрания сочинений А. Кристи, Д. Чейза, Э. Гарднера, Р. Стаута, К. Брауна, Э. Макбейна, А. Маклина и многих других мастеров детективного жанра.

КОНЦЕРН «ОЛИМП» ПОЗДРАВЛЯЕТ ВАС С ПРИОБРЕТЕНИЕМ ЭТОЙ ВЕЛИКОЛЕПНОЙ СЕРИИ.

НИМЭДФ НЯ

4